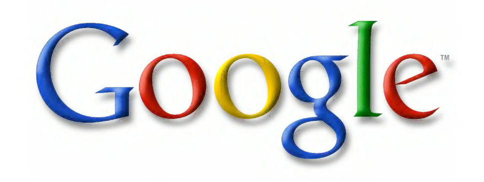
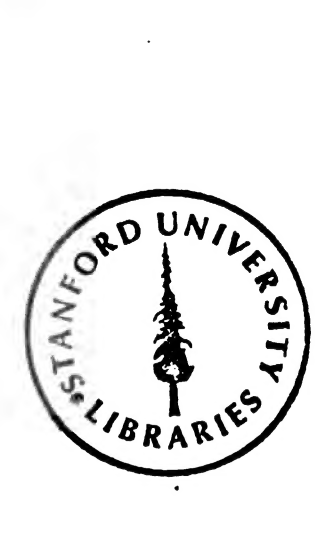

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

В. А. Бильбасовъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1901.

Bil'basov, V.A.

В. А. Бильбасовъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ

МОНОГРАФІИ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская. 43).
1901.

ПОЯВЛЕНІЕ РУССКИХЪ НА ИСТОРИЧЕСКОЙ СЦЕНѢ.

Появленіе русскихъ на исторической сценѣ.

Безстыдство выдумщиковъ заставляло молчать критику; читатели думали, что тутъ надобно быть *чему-нибудь* вѣрному, хотя въ побочныхъ обстоятельствахъ и встрѣчали несообразимыя глупости.

Шлецеръ, Несторъ, I, 54.

Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ, долго и много потрудившійся надъ исторіей Россіи, такъ характеризовалъ своеобразный ходъ нашего образованія: «Развитіе культуры—чисто внѣшнее; вмѣсто самодѣятельности—пассивное воспринятіе чужого. Единственнымъ путемъ культуры было постепенное всасываніе въ себя образовательныхъ элементовъ извнѣ, изъ другихъ странъ, болѣе образованныхъ; наша подражательность, наша воспріимчивость доказываютъ отсутствіе въ насъ всякаго содержанія и сильную потребность пополнить эту пустоту впитываніемъ, вдыханіемъ въ себя образовательныхъ элементовъ извнѣ. Эти внѣшнія вліянія чрезвычайно медленно осѣдали въ народѣ и продолжали жадно восприниматься отовсюду до тѣхъ поръ, пока почва не напиталась ими и не народилась для самостоятельнаго нравственнаго и духовнаго развитія» [1]).

Эта глубокая «мысль» и вѣрная «замѣтка» вполнѣ оправдались на вопросѣ о «началѣ Руси». Долгое время многія

---

[1]) Мысли и замѣтки о русской исторіи, въ «Вѣстникѣ Европы», за 1866 г., II, 359.

поколѣнія людей жили и умирали съ убѣжденіемъ, что до конца IX в. по Р. Х., до призванія варяговъ, не существовало даже и слѣда названія Руси [1]), что самое названіе русскихъ русскими произошло отъ варяго-руссовъ [2]). Такъ, мы впитывали, всасывали, вдыхали въ себя то, что подсказывали намъ извнѣ, иноземные ученые, не будучи въ силахъ сами, самостоятельно, разработать этотъ вопросъ—начальный, исходный пунктъ нашей отечественной исторіи.

Отдадимъ, прежде всего, должное нѣмецкимъ ученымъ, занимавшимся начальными періодами русской исторіи. Байеръ, Шлецеръ, Миллеръ, Эверсъ, Тунманнъ, Лербергъ, Кругъ посвятили много труда, много знанія къ разработкѣ вопроса о началѣ Руси; они первые старались придать этой разработкѣ научный характеръ и обставить свои сужденія и выводы возможно большимъ числомъ доказательствъ. Они дѣлали все, что могли, трудились добросовѣстно, съ любовью, даже съ увлеченіемъ. Ихъ ученые пріемы въ большинствѣ случаевъ вполнѣ отвѣчали научнымъ требованіямъ своего времени, и не ихъ, конечно, вина, что, вслѣдствіе успѣховъ, сдѣланныхъ въ послѣднее время историческою наукою, эти пріемы не могутъ уже удовлетворить насъ. Заслуга ихъ, и заслуга не малая, заключается въ томъ, что они старались осмыслить темные начатки нашего историческаго бытія, представить въ возможно строгой системѣ начальный періодъ русской исторіи, и если въ настоящее время, вслѣдствіе открытія новыхъ подземныхъ памятниковъ и вещественныхъ доказательствъ, добытыхъ трудами археологовъ, это осмысленіе,

---

[1]) Hoc certo certius est ante seculum nonum nulla Russici nominis vestigia inveniri. *G. F. Müller*, Origines gentis et nominis Russorum, въ «Gaterers Historischer Bibliotek», V, S. 295.

[2]) Niemand kann mehr drücken, dass Russland lange vor Rürik schon Russland geheissen habe. Vorhin hatte das Land gar keinen allgemeinen Namen. Diesen bekam es erst von einem einzeln Theile, Waräger-Russen genannt. — Nestor, Th. I, S. XIV.

эта система представляется намъ несоотвѣтствующею историческому ходу, это обстоятельство нимало не умаляетъ ни ихъ трудовъ, ни ихъ заслуги. Заслуга нѣмецкихъ ученыхъ, точнѣе норманнистовъ, до настоящаго времени даже и не оцѣнена еще по достоинству: норманнисты искали варяговъ-руссовъ вездѣ — въ Швеціи и Фрисландіи, въ Финляндіи и Пруссіи, при Черномъ морѣ, на о. Даго, въ Литвѣ,—употребили на эти поиски невѣроятныя усилія, исписали цѣлые томы, изнасиловали всѣ законы словопроизводства [1]), но нигдѣ не нашли варяговъ-руссовъ, чѣмъ въ корнѣ подорвали норманнскую гипотезу. Насъ хотятъ увѣрить, что варяги-руссы сплотили нѣсколько племенъ, объединили ихъ въ одинъ сильный народъ, дали этому народу свое имя, подъ этимъ новымъ именемъ громили Византію, разили хазаръ, отбивались отъ печенѣговъ, и, въ то же время, не могутъ даже указать, откуда явились эти чудодѣйственные варяги-руссы, гдѣ они жили, на какомъ нарѣчіи говорили, почему такъ быстро ославянились, обрусѣли! Никакая гипотеза не устоитъ противъ такого саморазрушенія.

Впрочемъ, для норманнистовъ это не была даже гипотеза. Основываясь на записи «Повѣсти временныхъ лѣтъ» о призваніи варяговъ [2]), норманнисты говорили, что не только на-

---

[1]) Какъ, напр., въ производствѣ *Руси* отъ *гребельныхъ веселъ*: Rôds, Rodhsi, Ruotsi, Rodslagen, Rôslagen, Rodhsin, Röslagsbo, Rospigg, Ros, Roos (*Kunik*, Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen, I, 165 sqq.). Логическая нелѣпость подобнаго производства доказана *Гедеоновымъ*, Изслѣдованія о варяжскомъ вопросѣ, стр. 7.

[2]) Изгнаша варяги за море, и не даша имъ дани, и начаша сами въ себѣ володѣти; и не бѣ въ нихъ правды, и въста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ и воевати почаша сами на ся. Рѣша сами въ себѣ: «поищемъ себѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву». Идоша за море къ варягомъ къ Руси, сице бо ся зваху тьи варязи Русь, яко се друзіи зовутся свое, друзіи же урмане, ангьляне, друзіи гъте; тако и си. Рѣша Руси чюдь, словѣне и кривичи: «вся земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ, да поидѣте княжить и володѣти нами». И изъбрашася 3 братья съ роды своими, пояша по себѣ всю Русь, и пріидоша... Отъ тѣхъ (варягъ) прозвася Русская земля. Полн. собр. рус. лѣтоп., I, 8.

званіе Русь, русскій, заимствовано отъ варяговъ, но все гражданское устройство и даже государственный нарядъ принесены къ намъ варягами; до варяговъ не существовало Руси — ее создали варяги. Этотъ тезисъ норманнисты провозглашали какъ истину; они проповѣдывали эту истину съ увѣренностью, доходившею до «наглости» [1]).

Эта наглость импонировала долго. Фальшь норманской гипотезы давно уже чувствовалась, когда еще и не точно сознавалась; давно уже доводы норманнистовъ для многихъ были неубѣдительны, хотя никто не былъ въ состояніи опровергнуть ихъ. Норманская теорія распространялась и поддерживалась нѣмцами очень дружно, настойчиво; противники же «наносили ей удары вразсыпную», касались подробностей, не трогая основы. Сверхъ того, устойчивости норманнской теоріи много помогала чисто внѣшняя дисциплина норманнистовъ: въ то время какъ труды даже русскихъ академиковъ въ пользу норманской теоріи издавались на нѣмецкомъ языкѣ и, такимъ образомъ, становились достояніемъ всей западно-европейской науки, мнѣнія, противныя норманнистамъ, тщательно замалчивались и никогда на русскій языкъ не переводились [2]). Шлецеръ допускалъ еще, что

---

[1]) Alles dies sagt ja Nestor, welchem ins Antlitz zu widersprechen, man ein Bekenner des Pseudo-Iojakim seyn müsste... Die Scandinavier oder Normänner im weitläuftigen Verstande gründeten den Russischen Staat daran zweifelt Niemand, kein Geschichtsgelehrter... Unter den Russen sind Schweden zu verstehen (*Schlözer*, I, XIV, 153, 179). «Системы Шлецера рушатся сами собою; но его браминско-фанатическіе приговоры, къ сожалѣнію, долгое время останавливали успѣхи нашей юной исторіографіи, не выходившей изъ-подъ ферулы своего нѣмецкаго учителя» (*Савельевъ*, Мухам. Нумизм., CCXXXII). «Наглость» Шлецера конфузила даже нѣмцевъ. см. *Hollmann*, Rustringen, die ursprüngliche Heimath des ersten russischen Grossfürsten Rüriks und seiner Brüder. Bremen, 1816, S. 15.

[2]) Изслѣдованія норвежскихъ ученыхъ, Кейзера и Мунха, двухъ антинорманнистовъ, не переведены даже на нѣмецкій языкъ (*Keyser*, Om Nordmaendenes Herkomst og Folkeslaegtskab, Christiania, 1839; *Munch*, Om Nordboernes Forbindelser med Russland og tildgraendsende Lande, Christiania, 1849);

русскіе, забывъ услуги, оказанныя имъ русской исторической наукѣ, могутъ не согласиться съ нимъ, но считалъ чуть ли не государственною измѣною всякое противорѣчіе ему со стороны нѣмца [1]). Наконецъ, какъ это ни покажется страннымъ, норманская теорія всегда пользовалась извѣстнымъ покровительствомъ нашей академіи наукъ: «Изслѣдованія о варяжскомъ вопросѣ» С. А. Гедеонова появились въ «Запискахъ» академіи съ предисловіемъ и примѣчаніями норманниста [2]); изданныя недавно «Извѣстія Ал-Бекри о Руси и славянахъ» трудно читать — до того испещрены они примѣчаніями сторонника норманской школы [3]).

Съ норманскою школою, столь «фанатически» дисциплинованною, бороться, конечно, трудно, но, также конечно, бороться необходимо. «Почва достаточно напиталась внѣшними вліяніями и уже народилась для самостоятельнаго развитія», какъ говоритъ Кавелинъ. Насколько борьба съ норманнистами трудна, это, къ сожалѣнію, испыталъ на себѣ въ полной мѣрѣ почтенный профессоръ *Д. И. Иловайскій*. Въ его многочис-

---

лекціи же копенгагенскаго профессора норманниста Томсена (*Thomsen*, The relations between ancient Russia and Scandinavia and the origin of the Russian state, London, 1877) широко распространены въ Германіи: Der Ursprung des Russischen Staates, Gotha, 1879. Съ такою дисциплиною бороться трудно, но необходимо. Русскій переводъ соч. Томсена см. въ «Чтеніяхъ общ. ист. и древн. россійскихъ», 1891, кн. 1-я.

[1]) Wenn in Russland jemand wäre, der das, was ich für die Russische Geschichte gethan habe, und unbemerkt noch täglich thue, so gar geflissentlich in Staub und Nichts verwandeln wollte, so würde es mich weniger wündern. Aber dass ein Deutscher dieses gegen einen Deutschen thut (denn Hohenlohe und Göttingen gehören doch so gut zu Deutschland, wie Stadthagen und Berlin), befremdet mir mehr, und hat auch andre befremdet. *Schlözer*, Oskold und Dir. Erste Probe Russischer Annalen. Göttingen, 1773, Vorrede, 8.

[2]) Если это сдѣлано по желанію самого автора (стр. V), то можетъ лишь служить примѣромъ отсутствія у насъ нѣмецкой дисциплины («Зап. Имп. Акад. Наукъ», 1862, I, № 3); впрочемъ, крайняя убогость замѣчаній не могла уже импонировать и лишь ярче выставляла заслуги Гедеонова, какъ «рѣшительнаго противника норманизма».

[3]) «Зап. Имп. Ак. Наукъ», 1878, XXXII, № 2.

ленныхъ разысканіяхъ о началѣ Руси [1]) разоблачены невѣроятные пріемы норманнистовъ: его изслѣдованія умышленно замалчивались, намѣренно извращались [2]); его энергія испытывалась завѣдомо нелѣпыми возраженіями: его ученые труды, даже не касавшіеся варяжскаго вопроса, преслѣдовались нѣмецкими писателями [3]); наконецъ, на его ученое имя набрасывалась тѣнь недостойными заподозрѣваніями даже въ плагіатѣ!

Главнѣйшая заслуга г. Иловайскаго въ ученыхъ преніяхъ о началѣ Руси заключается въ томъ, что онъ первый «схватилъ быка за рога», обративъ вниманіе на основу норманской теоріи—на лѣтописную повѣсть о призваніи варяговъ-руссовъ, и рядомъ доводовъ установилъ, что эта повѣсть передаетъ не историческій фактъ, а легендарный вымыселъ.

---

[1]) О мнимомъ призваніи варяговъ («Русск. Вѣстн.», 1871); Еще о нормантизмѣ (тамъ же, 1872); О происхожденіи русскаго народа («Рус. Стар.», 1873); О происхожденіи дунайскихъ болгаръ («Рус. Арх.», 1873); Къ вопросу о началѣ Руси («Рус. Стар.», 1874); Тмутараканская Русь (тамъ же, 1874); Дунайскіе болгары («Рус. Арх.», 1874); О памятникахъ Тмутараканской Руси и о тмутараканскомъ болванѣ (Москва, 1874); Эллино-скиескій міръ на берегахъ Понта («Др. и Нов. Россія», 1875); Святославъ и Цимисхій (тамъ же, 1876). Эти изслѣдованія вошли въ «Разысканія о началѣ Руси», Москва, 1876. Послѣ того были изданы: Къ вопросу о болгарахъ («Рус. Стар.», 1879); Пересмотръ вопроса о гуннахъ (тамъ же, 1881); Поборники норманизма и туранизма (тамъ же, 1882) и друг.

[2]) Въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1873 г., іюль, г. Ламбинъ приписываетъ г. Иловайскому желаніе «вычеркнуть первые два вѣка изъ нашей лѣтописи»! Ср. «Рус. Стар.», VIII, 420.

[3]) Германъ, авторъ «Geschichte des Russischen Staates», незнакомый съ польскимъ языкомъ, былъ приглашенъ нашею академіею наукъ сдѣлать критическій разборъ труда Н. Костомарова «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой», основаннаго преимущественно на польскихъ источникахъ; въ своей рецензіи Германъ заявилъ, что монографія г. Иловайскаго о гродненскомъ сеймѣ 1793 г. «совершенно безполезна». «Русск. Стар.», IX, 794. Взглядъ норманниста Германа на Россію высказанъ имъ въ слѣдующихъ словахъ: Vor Allen sind es die Deutschen, durch deren Bildung und Kenntnisse Russland sich zu dem Range einer europäischen Grossmacht erhoben und seine Grenzen bis in die cultivirteren Länder des Westens und über einen guten Theil des asiatischen Ostens vorgestreckt hat (Gesch. Russ. St., III, Vorwort).

Норманская теорія никогда не была общепризнанною въ наукѣ русской исторіи, она никѣмъ не признавалась достаточно убѣдительною, всегда оспаривалась; многія соображенія норманнистовъ давно уже поколеблены, доказательства опровергнуты, но до послѣдняго времени никто, ни даже Гедеоновъ, опрокинувшій почти всѣ выводы норманнистовъ, не изслѣдовалъ критически лѣтописнаго сказанія о призваніи варяговъ-руссовъ, о пришествіи варяжскихъ князей; всѣ относились къ этому сказанію съ полнымъ довѣріемъ. Д. И. Иловайскій подорвалъ самую основу норманской теоріи, опредѣливъ значеніе лѣтописнаго сказанія о призваніи варяговъ.

Норманская школа—школа неблагодарная. Она создалась только благодаря русской лѣтописи и, тѣмъ не менѣе, относится къ лѣтописи Нестора, какъ она называетъ «Повѣсть временныхъ лѣтъ», самымъ безцеремоннымъ образомъ. Разсказу о призваніи варяговъ-руссовъ норманнисты сами вѣрятъ вполнѣ и другихъ обязываютъ вѣрить. «Wer nur Russische Annalen glaubt, muss auch dieser Erzählung glauben», говоритъ Шлецеръ. Когда же оказалось, что Несторъ упоминаетъ о русскихъ еще задолго до призванія варяговъ, и упоминаетъ не разъ, Шлецеръ требуетъ, чтобы мы не вѣрили въ этомъ случаѣ Нестору, чтобы мы видѣли въ этихъ «руссахъ» позднѣйшую вставку переписчика, несмотря даже на то, что эти руссы появляются во всѣхъ спискахъ. Даже нѣмцы были возмущены такимъ «критическимъ» пріемомъ Шлецера [1]).

---

[1]) Въ самомъ началѣ русской лѣтописи, при описаніи земель и народовъ, встрѣчаются слѣдующія два упоминанія о Руси: 1) «Въ Афетовѣ же части сѣдять: *Русь*, Чюдь и вси языци, Меря» и т. д. (П. С. Р. Л., I, 2). Hier kommt der Name *Russe* zuerst vor; und obgleich Schlözer solchen hier für ein Einschiebsel hält, so gesteht er doch, dass er in keinem vorhandenen Codex fehlet; und man sieht leicht, dass er aus Vorliebe für seine Hypothese unkritisch das kritische Messer zu gebrauchen sich erlaubt habe (*Hollmann*, 9). 2) «Афетово бо и то колѣно: Варязи, Свеи, Урмане, Готѣ, *Русь*, Агнане» и т. д. (П. С. Р. Л., тамъ же). Auch hier will Schlözer *Russ* streichen, weil es

Не только Шлецеръ, но всѣ норманнисты требуютъ, чтобы мы безусловно вѣрили всему, что говорится въ русской лѣтописи о призваніи варяговъ, такъ какъ единственно на лѣтописной «повѣсти» объ этомъ призваніи основана вся норманская теорія. Эта повѣсть, по «очищенному» Шлецеромъ тексту русской лѣтописи, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

«Въ 860, 861, 862 годахъ возстали славяне, чюдь, кривичи и меря на варяговъ, прогнали ихъ за море и перестали давать имъ дань. Послѣ сего начали они управляться сами собою и ставить укрѣпленія. Но у нихъ не было никакихъ законовъ: родъ возсталъ на родъ, несогласіе и раздоръ водворились между ними и они начали даже воевать другъ противъ друга. Послѣ сего они, собравшись и поговоря между собою, сказали: «Поищемъ сами для себя князя, который бы нами владѣлъ, держалъ порядокъ и судилъ по правдѣ». Они пошли за море къ варяго-руссамъ; ибо сіи варяги назывались руссами, какъ другіе шведами, норманнами, англичанами и готами. Симъ варягамъ сказали чюдь, славене, меря и кривичи: «Земля наша велика, хороша и всѣмъ обильна, но въ ней нѣтъ порядка; подите къ намъ, будьте

---

zwischen Dänen (Jütten), Engländer und Spanier (Franzosen) steht, und solches nicht seyn könne—wieder aber ohne kritischen Grund gegen die übereinstimmende Leseart der vergleichenen Abschriften der Chronik (*Hollmann*, 10). Общее описаніе земель и народовъ въ начальной лѣтописи взято изъ греческихъ хронографовъ; Шлецеръ полагалъ, что въ данномъ случаѣ «Кедринъ списывалъ Синкелла, а Несторъ Кедрина» (Несторъ, I, 14). Въ настоящее время доказано, что наша лѣтописная космографія заимствована изъ хронографа IX вѣка Георгія Амартолы (*Строевъ*, О византійскомъ источникѣ Нестора, въ «Трудахъ общ. ист. и древн.», 1828, IV, 171). Относительно же географіи Руси наша начальная лѣтопись вполнѣ самостоятельна и представляемыя ею географическія данныя изслѣдованы въ прекрасномъ трудѣ *Н. П. Барсова* «Географія начальной лѣтописи», Варшава, 1873. Шлецеръ очень оригинально объясняетъ принятый имъ и такъ возмутившій Гольмана пріемъ уничтоженія слова *Русь*, гдѣ оно встрѣчается ранѣе пришествія варяговъ: подлинникъ Нестора, писавшаго въ XII стол., не сохранился; до насъ дошли позднѣйшіе списки; «переписчиками были монахи, а монахами часто мужики» (*Шлецеръ*, I, 21).

князьями и управляйте нами». И избрались изъ нѣмцевъ три брата съ ихъ семействами. Они взяли съ собою многихъ людей и пришли прежде къ славенамъ и заложили крѣпость Ладогу. Старшій изъ нихъ, Рюрикъ, сѣлъ въ Ладогѣ, второй, Синеусъ, на Бѣлѣозерѣ, а третій, Труворъ, въ Изборскѣ. И отъ сихъ варяговъ и съ сего времени русская земля прозвалась Русью» [1]).

Какъ все это «просто», выразительно, даже драматично изложено! Но откуда начальная лѣтопись заимствовала эти подробности?

Наша начальная лѣтопись въ томъ видѣ, въ какомъ дошла до насъ, лѣтопись, извѣстная Шлецеру подъ именемъ Несторовой, возникла въ началѣ XII вѣка, въ ту переходную эпоху, когда только что окончился «трудъ велій», по словамъ Ярополка, первыхъ князей — собираніе восточно-славянскихъ племенъ въ одно государство, когда эти племена слились уже въ единый сильный народъ подъ вліяніемъ княжеской власти, церковныхъ учрежденій и возникшаго образованія, когда едва лишь начиналъ утверждаться удѣльный порядокъ, расчленившій позже молодое государство на независимыя другъ отъ друга княженія. Это было время преобладанія идеи единства русской земли, идеи, выражавшейся и въ политическихъ отношеніяхъ, и въ начинавшейся письменности. «Несторъ» оканчивалъ свой трудъ въ то время, когда князья, постановленіемъ любецкаго сейма, впервые признали наслѣдственность удѣловъ, когда мѣстные, областные интересы были еще въ зародышѣ. Какъ выраженіе народнаго самосознанія, начальная лѣтопись вся проникнута этою идеею единства, сознаніемъ цѣлости русской земли. Она не ограничивается интересами какой-нибудь одной области, но заноситъ на свои страницы все, что можно было узнать о прошлыхъ судьбахъ всего русскаго народа. Начальная наша лѣтопись чужда

---

[1]) *Шлецеръ*, I, 295, 301, 313, 335, 342.

областной исключительности, и если она останавливается чаще всего на Кіевѣ, то потому, во-первыхъ, что туда тяготѣли событія, тамъ сильнѣе всего бился пульсъ русской исторической жизни, и потому, во-вторыхъ, что въ основу этого лѣтописнаго свода, составленнаго изъ народныхъ преданій, офиціальныхъ документовъ и мѣстныхъ записей, положена «Повѣсть временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла русская земля и кто въ Кіевѣ начата первѣе княжити»[1]).

До настоящаго времени не удалось еще установить «Повѣсть временныхъ лѣтъ» въ ея первоначальномъ видѣ, ни даже опредѣлить ея объемъ: мы знаемъ, чѣмъ «Повѣсть» начинается, но намъ все еще неизвѣстно, гдѣ именно оканчивалось повѣствованіе о томъ, «кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити». Мы можемъ, однако, отличить въ «Повѣсти» позднѣйшія вставки и дополненія, въ видѣ отдѣльныхъ сказаній, мѣстныхъ извѣстій — кіевомонастырскихъ, черниговскихъ, новгородскихъ, ростовскихъ. Не подлежитъ, напр., сомнѣнію, что «Повѣсть» начиналась краткимъ упоминаніемъ о раздѣленіи земли между сыновьями Ноя, при чемъ происхожденіе славянъ [2]) связывалось съ библейскою этнографіею; позже, рядомъ съ этимъ краткимъ указаніемъ, вставленъ былъ подробный перечень изъ Георгія Амартола. Въ первоначальномъ своемъ составѣ «Повѣсть» сообщала о славянахъ и инородцахъ на Руси точныя, но краткія свѣдѣнія: «Се бо токмо словѣнескъ языкъ въ Руси: поляне, деревляне, ноугородъци, полочане, дреговичи, сѣверъ, бужане; а се суть иніи языци, иже дань дають Руси: чюдь, меря, весь, мурома, черемись,

[1]) *Сухомлиновъ*, О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ, 51. sqq.; *Срезневскій*, Чтеніе о древне-рус. лѣтоп., въ «Зап. Ак. Наукъ», II; *Костомаровъ*, Лѣтопись, приписываемая Нестору, въ «Лекціяхъ по русской исторіи», 26 sqq.; *Бестужевъ-Рюминъ*, О составѣ русскихъ лѣтописей, 31 sqq.; *Барсовъ*, Географія начальныхъ лѣтописей, 2.

[2]) Упомянувъ вкратцѣ о «раздѣленіи языкъ», лѣтописецъ прибавляетъ: «Отъ сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словѣнескъ отъ племени Афетова, норцы, еже суть словѣне». П. С. Р. Л., I, 3.

мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, норова, ливь» [1]). Затѣмъ шли подробности о южной Руси, о полянахъ и древлянахъ, и упоминалось, что при византійскомъ императорѣ Михаилѣ III «начася прозывати Руска земля». Этотъ фактъ даетъ лѣтописцу поводъ «числа положить», даже отъ Адама, причемъ перечень русскихъ князей начинается съ Олега, «русскаго князя» Авторъ «Повѣсти» несомнѣнно не зналъ даже имени Рюрика. Сказаніе о призваніи варяговъ, полное драматическихъ подробностей, вставлено позже.

Шлецеръ находилъ, что это сказаніе отличается «простотою и историческою истиною»; въ настоящее время никто уже не сомнѣвается, что это сказаніе неестественно по содержанію и легендарно по формѣ. Въ самомъ дѣлѣ, совершенно неестественно, чтобы враждующія между собою племена вдругъ единогласно согласились бы пригласить къ себѣ князьями своихъ враговъ и угнетателей, ярмо которыхъ они только-что свергли; противно здравому смыслу призывать разбойниковъ и грабителей для учрежденія порядка; вполнѣ немыслимо, чтобы *четыре* племени удовольствовались *тремя* князьями. Число три—число сказочное; три сына у Ноя—Симъ, Хамъ и Яфетъ; три родоначальника славянъ—Лехъ, Чехъ, Русъ; три основателя Кіева—Кій, Щекъ, Хоривъ; три варяга въ Ирландіи—Амелай, Ситаракъ, Иворъ; три варяга въ Россіи—Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ [2]). Только въ сказкахъ люди добровольно идутъ въ кабалу—исторія такихъ примѣровъ не знаетъ; только въ сказкахъ можно управлять наро-

---

[1]) П. С. Р. Л., I, 5.

[2]) Шлецеръ признаетъ за сказку вѣсть о трехъ ирландскихъ варягахъ и за историческую истину трехъ русскихъ варяговъ. Несмотря на то, что ирландскіе варяги появились въ 853 г., т.-е. за 9 лѣтъ до русскихъ, онъ утверждаетъ, что «ирландецъ заимствовалъ свою сказку у россіянина, а не наоборотъ» (*Шлецеръ*, I, 363). «Однако же,—спрашиваетъ Шлецеръ,—какъ можно предположить, чтобы въ XII или XIII стол. было ученое сношеніе между Дублиномъ и Кіевомъ?» Такое нелѣпое предположеніе Шлецеръ оставляетъ безъ отвѣта.

дами, не зная ни языка, ни обычаевъ, ни нравовъ этихъ народовъ; только въ сказкахъ цѣлый народъ такъ внезапно и такъ безслѣдно исчезаетъ, какъ исчезли варяго-руссы съ лица земли.

Когда же возникла сказка о призваніи варяговъ? Византійскіе историки ничего не знаютъ объ этомъ призваніи [1]), а между тѣмъ такое быстрое образованіе тѣснаго союза въ сосѣдствѣ съ Византіею, конечно, не прошло бы незамѣченнымъ ими. Въ IX вѣкѣ, куда сказка относитъ призваніе варяговъ, самое слово «варягъ» еще не существовало: оно возникло въ концѣ X и вошло въ употребленіе только въ XI вѣкѣ. Костомаровъ справедливо полагалъ, что сказаніе о призваніи варяговъ составлялось въ тѣ времена, когда во всѣхъ земляхъ болѣе или менѣе, при умноженіи князей, развилось понятіе, что князь долженъ быть избранъ землею по ряду и володѣть по праву, которое заключалось въ народной волѣ. Въ Новгородѣ это стремленіе выражалось рѣзче, чѣмъ гдѣ-нибудь — въ Новгородѣ, откуда кіевскому князю, желавшему послать туда сына, раздался такой голосъ: «посылай, если у него двѣ головы!» Тамъ, въ Новгородѣ, всего легче и удобнѣе могла сложиться сказка о томъ, что и предокъ тѣхъ князей, изъ которыхъ новгородцы выбрали себѣ властителей, былъ нѣкогда ими призванъ и выбранъ. Фантазія привела сюда трехъ братьевъ по привычкѣ къ сказочнымъ пріемамъ. По необходимости сложилось въ воображеніи такое представленіе, которое собственно противорѣчитъ всему историческому строю русскаго міра—призваніе князя изъ чуждаго племени и языка [2]).

---

[1]) Молчаніе византійцевъ Шлецеръ объясняетъ такъ: «въ то время, когда основалась русская держава, прерывается византійская исторія», отъ Өеофана до Константина Багрянороднаго, отъ 813 по 1150 г. Объясненіе фактически невѣрное: объ этомъ именно времени писали Пселлъ, Синкеллъ, Кедринъ и др. *Wilken*, Die Verhältnisse der Russen zum Byzantinischen Reiche, Berlin, 1829. S. 78.

[2]) «Вѣстникъ Европы», 1873 г., I, 33.

Во всѣхъ спискахъ начальной лѣтописи сказка о призваніи варяговъ повторяется съ нѣкоторыми варіаціями въ содержаніи и небольшими разночтеніями въ текстѣ. Это свидѣтельствуетъ, что сказка была занесена въ лѣтопись уже при составленіи перваго лѣтописнаго свода. Нельзя сдѣлать положительныхъ указаній кѣмъ и когда именно; но можно догадываться, что не ранѣе начала XII в., быть можетъ, въ 1114 году, когда лѣтописецъ былъ въ Ладогѣ, гдѣ слышалъ сказку о падающихъ съ неба бѣлкахъ [1]) —быть можетъ, тогда же слышалъ онъ и сказку о призваніи варяговъ.

Въ настоящее время трудно себѣ даже представить, сколько труда, знаній и ученой изворотливости потратили норманнисты, чтобы спасти если не самую сказку, то выводъ изъ нея, который собственно и составляетъ сущность норманской теоріи. Не подлежитъ сомнѣнію, что сами норманнисты сознавали сказочный характеръ «призванія»: уже Шлецеръ находилъ, что приглашеніе «княжить и володѣти» должно означать «оберегать границы»; позже, самый фактъ призванія отвергался ими и объяснялся въ смыслѣ покоренія. Норманнисты, очевидно, дорожили не столько самою фабулою, сколько дѣлаемымъ ими изъ нея выводомъ, который сводится къ слѣдующему: «Теперь составляетъ доказанную историческую истину то, что варяги были норманны и именно шведскіе, что тогда, какъ и теперь еще, шведы назывались въ нѣкоторыхъ земляхъ руссами, и что отъ тѣхъ призванныхъ варяговъ и только со времени пришествія ихъ въ Новгородъ тамошняя страна прозвалась Русью, которое названіе однако же впослѣдствіи времени распространилось также на Кіевъ и на прочія завоеванія Рюриковыхъ потомковъ» [2]).

Изъ сказки трудно сдѣлать выводъ иной, кромѣ сказочнаго. Выражаясь языкомъ самого Шлецера, импонировавшаго

[1]) Пришедшю ми въ Ладогу, повѣдоша ми ладожене, и т. д. П. С. Р. Л. II. 4.

[2]) *Шлецеръ*, Несторъ, I, 344.

рѣзкостью своихъ приговоровъ, приведенный выводъ норманнистовъ «есть не иное что, какъ *ученое вранье*» [1]):

1) Подъ варягами, строго говоря, вовсе не разумѣлись норманны. На языкѣ начальной лѣтописи, слово «*варягъ*» является только географическимъ терминомъ, которымъ обозначается какъ западно-европейское неславянское населеніе, такъ и территорія сѣверо-западной Европы [2]): этнографическаго значенія слово «варягъ» не имѣло: въ лѣтописномъ перечнѣ земель и народовъ поселенія варяговъ показаны по всему побережью Варяжскаго моря, отъ предѣла Сима на В. до племенъ Хама на З. Судя же по смыслу, какой придавался выраженію «*варягъ*» вообще, «можно вывести вѣрное заключеніе, что подъ именемъ варяговъ разумѣлись дружины, составленныя изъ людей, волею или неволею покинувшихъ свое отечество и принужденныхъ искать счастья на моряхъ или въ странахъ чуждыхъ» [3]).

2) Варяги-руссы не были *шведами*. Начальная лѣтопись прямо и ясно раздѣляетъ руссовъ отъ шведовъ: «тіи звахуся Варязи-Русь, яко се друзіи завуться Свѣи» (шведы) и т. д. идетъ перечень народовъ сѣверо-западной Европы, что обозначалось географическимъ терминомъ «варягъ» [4]).

---

[1]) Ibid., 315.

[2]) «Бѣ путь изъ варягъ въ греки», «притти изъ варягъ», «итти въ варяги»—подобныя выраженія лѣтописи ясно свидѣтельствуютъ, что это географическій терминъ. Начальная лѣтопись строго отдѣляетъ варягъ отъ славянъ, что видно въ сказаніяхъ о походахъ Олега, Игоря, Владиміра, Ярослава, съ 880 по 1018 г., и о битвѣ съ печенѣгами 1037 года.

[3]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи, I, 85.

[4]) Шлецеръ приводитъ рядъ доказательствъ, что «руссы были почти шведы». Приводимъ дословно *первое* доказательство: «Самъ Несторъ выводитъ сихъ *руссовъ* изъ Скандинавіи, заключаетъ ихъ подъ общимъ названіемъ *варяговъ*, говоритъ, что они съ Рюрикомъ пришли въ землю славенскую, и увѣряетъ, что Новгородская область прозвалась отъ нихъ *Русью*» (*Шлецеръ*, Несторъ, I, 329). Во всемъ доказательствѣ нѣтъ даже намека на то, что руссы были шведы! Если Шлецеръ называетъ подобное доказательство «ученымъ враньемъ», то онъ вполнѣ правъ.

3) Ни теперь, ни прежде шведы не назывались въ *нѣкоторыхъ земляхъ* руссами. Изъ этихъ «нѣкоторыхъ земель» норманнисты указываютъ только на финновъ: шведъ пофински Ruotzalainen! Теперь уже сами норманнисты должны были отказаться отъ подобныхъ словопроизводствъ [1]), по поводу которыхъ, впрочемъ, писались цѣлые томы.

4) Никогда Новгородъ не назывался Русью [2]) по преимуществу. Въ начальной лѣтописи *Русь*, какъ географическій терминъ, какъ nomen appellativum, употребляется въ трехъ разныхъ значеніяхъ: въ тѣсномъ смыслѣ Русь составляли земли полянъ, древлянъ и дреговичей, вошедшія позже въ составъ Кіевскаго княженія; въ обширномъ смыслѣ лѣтопись разумѣетъ подъ Русью или южно-русскій край вообще, или весь русскій материкъ, обнимая не только славянъ, но и подчиненныхъ имъ инородцевъ. Такимъ образомъ, прямо наоборотъ: Русью называлась по преимуществу Кіевская земля и уже впослѣдствіи это названіе распространилось на Новгородскую землю [3]).

Лѣтописное извѣстіе, на которомъ зиждется вся норманская теорія о началѣ Руси, оказывается сказкою; выводы, сдѣланные изъ нея норманнистами — выводами сказочными. Въ западно-европейскомъ населеніи не оказывается народа *руссовъ*, который нашими предками назывался бы варяго-руссы и который, по увѣренію норманнистовъ, создалъ *Руссію* [4]),

---

[1]) Производство слова *Русь* отъ «гребельныхъ веселъ» и гребцовъ, Rodgsin, sing. Röds, подробно изложено акад. *Куникомъ*, Die Berufung der Schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen, Petersburg, 1844, 2 Bände, и окончательно уничтожено *Гедеоновымъ*, Изслѣдованія о варяжскомъ вопросѣ, Спб., 1862.

[2]) Въ лѣтописи встрѣчается единственное объ этомъ упоминаніе: «отъ варяговъ прозвася *русская земля* Ноугородцы» (П. С. Р. Л., I, 9), но оно относится именно къ той сказкѣ, о которой идетъ рѣчь: его еще нужно доказать, а не приводить въ видѣ доказательства.

[3]) Въ разсказѣ о взятіи Кіева Олегомъ лѣтопись отъ Кіева переноситъ названіе Руси на Олега и его варяговъ, а не наоборотъ. П. С. Р. Л., I, 10.

[4]) «Писать Россія, вмѣсто *Руссія*, и россы, вмѣсто *руссы*, есть настоящій педантизмъ». *Шлецеръ*, I, 59. Это ли еще не фанатизмъ норманниста?

до IX в. будто бы не существовавшую. Отвергая сказку и сказочниковъ, мы, тѣмъ не менѣе, бо́льшую часть вины въ данномъ заблужденіи должны отнести не къ норманнистамъ, а къ самимъ себѣ. Самъ Шлецеръ, сто лѣтъ назадъ, вѣрно опредѣлилъ наше отношеніе къ норманской теоріи: «Не подумайте, чтобы сіи сказочники хотѣли обманывать съ намѣреніемъ: все презрѣніе падаетъ только на тѣхъ, кто имъ вѣритъ» [1]). Поблагодаримъ Шлецера за урокъ и перестанемъ вѣрить норманнистамъ.

Разставаясь съ норманскою теоріею, мы не помянемъ, однако, ее лихомъ. Правда, она затемнила первыя страницы русской исторіи, она затруднила развитіе нашего народнаго самосознанія; но было бы несправедливо видѣть въ трудахъ норманнистовъ какія-либо дурныя побужденія. Напротивъ: навязывая намъ первобытную германскую культуру въ лицѣ варяго-руссовъ, норманская теорія желала, вѣроятно, пріобщить насъ, русскихъ, западно-европейскому просвѣтительному движенію, связать исторію Россіи съ исторіею Западной Европы. Желаніе доброе и цѣль благая. Ошибка норманнистовъ заключалась лишь въ выборѣ средства для достиженія этой цѣли: русскіе, какъ и всѣ славянскіе народы, принадлежатъ по своему происхожденію индо-европейскому племени и потому уже вполнѣ причастны западно-европейской образованности; русскіе не нуждаются въ какой-либо искусственной связи для шествованія по пути общечеловѣческаго развитія и преуспѣянія. Этотъ путь указанъ Россіи самимъ ея происхожденіемъ, указанъ не сказкою, а исторіею, открытою новѣйшими археологическими раскопками въ мѣстахъ первыхъ поселеній русскихъ славянъ.

Въ вопросѣ о началѣ Руси археологіи предстоитъ большая будущность. Ключъ къ рѣшенію вопроса въ ея рукахъ. Норманнисты, конечно, не признаютъ этого. Вскорѣ по воца-

[1]) *Шлецеръ*, I, 54.

реніи Екатерины II, въ 1763 году, былъ разрытъ первый курганъ въ Новороссіи; добычею раскопки были: 1 золотая цѣпочка очень искусной работы, 4 серебряныхъ подсвѣчника, желѣзный черенъ отъ ножа, обтянутый золотою бляхою съ чеканью и пр. [1]). Шлецеръ не видѣлъ этихъ находокъ, ни даже рисунковъ ихъ, и, тѣмъ не менѣе, рѣшительно отвергъ всякое значеніе подобныхъ раскопокъ для начальной исторіи Россіи: «Новоруссія, эта обширная, но малоизвѣстная страна, есть та земля, чрезъ которую всѣ народы, переселявшіеся изъ Азіи въ Европу, не токмо проходили, но и останавливались въ ней... Чего еще не выроютъ изъ здѣшнихъ кургановъ!.. Но всѣ эти рѣдкости не принадлежатъ къ первымъ столѣтіямъ Россіи» [2]). Какъ призваніе варяговъ смутило даже Погодина, такъ отзывъ о курганныхъ раскопкахъ привелъ Котляревскаго къ отрицательному выводу: «Какъ младшій побѣгъ индо-европейской семьи, славяне уже шли по готовой, торной дорогѣ; многочисленныя вѣтви ихъ сѣли на насиженныхъ гнѣздахъ, на остаткахъ цивилизацій предшественниковъ, народовъ иногда безъ имени, безъ роду и племени. Нѣтъ, кажется, мѣста, гдѣ славяне заняли бы еще дѣвственную, неистощенную стадами кочевниковъ и плугомъ пахарей землю, гдѣ они явились бы первыми, древнѣйшими насельниками... Принимая въ соображеніе эти обстоятельства историческаго водворенія славянъ въ Европѣ, зная, что и послѣдующія судьбы ихъ благопріятствовали не столько сосредоточенію ихъ народности, сколько раздробленію и смѣшенію ея съ чужеродными племенами, можно ли надѣяться откопать могилы славянскихъ праотцевъ при помощи и руководствѣ историко-географическаго свидѣтельства? Думаемъ, что вообще—едва ли» [3]).

---

[1]) Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія, 1764, 497

[2]) *Шлецеръ*, I, стр. ре-ри.

[3]) *Котляревскій*, О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ. Москва, 1868, 160.

Въ настоящее время археологія устранила эти сомнѣнія. Раскопки Ивановскаго, Кущинскаго, Самохвалова, Павинскаго, Антоновича и др. доказали несомнѣнно, что по формѣ и содержанію кургановъ, городищъ и могильныхъ насыпей, по способу погребенія и трупосожженія, можно не только опредѣлить народность, но и возсоздать степень культурности того или другого племени. Если у сѣверянъ языческой эпохи археологи находятъ остатки укрѣпленій, общественныя кладбища, общіе обычаи погребенія, множество разнообразныхъ вещей, положимъ, даже пріобрѣтенныхъ торговлею, то все это свидѣтельствуетъ, что они уже не были дикимъ, звѣроподобнымъ народомъ, какимъ ихъ представляли намъ норманнисты, не сумѣвшіе оцѣнить слова начальной лѣтописи [1]). Благодаря новѣйшимъ археологическимъ изысканіямъ, славяне языческой эпохи представляются намъ не разсѣянными, «полудикими» племенами, а племенами, сплоченными въ политическіе союзы. Теперь становится понятнымъ извѣстіе начальной лѣтописи о княженіяхъ языческой эпохи у полянъ, древлянъ, дреговичей, новгородцевъ, полочанъ, кривичей, сѣверянъ; теперь получаетъ смыслъ упоминаніе лѣтописи о древнихъ народныхъ собраніяхъ у кіевлянъ, смольнянъ, новгородцевъ и др.; теперь оживаютъ предъ нами славянскіе князья языческой эпохи, «иже держаху» избравшую ихъ землю. Археологи доказали, что все это историческіе факты, а не пустыя выдумки невѣжественныхъ переписчиковъ нашей лѣтописи, какъ думало, съ голоса норманнистовъ, большинство нашихъ историковъ [2]).

---

[1]) Сѣверяне «живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто» и пр. (П. С. Р. Л., I, 6). Еще Бѣляевъ указалъ, что «лѣтописецъ, христіанскій монахъ, односторонне смотрѣлъ на бытъ язычниковъ, обычаи поганыхъ, не вѣдущихъ закона Божія. Сѣверяне не стояли на степени звѣролововъ и рыболововъ—они имѣли общественные союзы, вели торговыя сношенія, вообще стояли на несравненно высшей ступени цивилизаціи, нежели обыкновенно думаютъ». Древн.-русск. право, 2.

[2]) «Др. и Нов. Россія», 1876, I, 358.

Археологія оказала, сверхъ того, громадную услугу русской исторической наукѣ, отодвинувъ начальный періодъ русской исторіи на нѣсколько вѣковъ: благодаря нахожденію римскихъ монетъ, начальный періодъ исторіи русскихъ славянъ долженъ быть теперь отнесенъ ко II вѣку по Р. X. Клады римскихъ монетъ встрѣчаются только въ центральныхъ областяхъ Европы, занятыхъ, по сказанію лѣтописи, славянами, эмигрировавшими изъ придунайскихъ земель во время владычества волоховъ. Въ земляхъ полянъ, древлянъ, дулебовъ, сѣверянъ, радимичей и вятичей римскія монеты находятъ сотнями и тысячами экземпляровъ; въ Скандинавіи, Даніи, Германіи, Франціи—единичными экземплярами. Какія монеты? Въ значительномъ большинствѣ, если не исключительно, монеты отъ Нервы до Септимія Севера, т.-е. преимущественно II вѣка по Р. X. Какъ эти монеты, цѣлыми кладами, попали въ Россію? Конечно, не путемъ торговли, такъ какъ въ этомъ случаѣ съ римскими находились бы и греческія монеты. Путь этотъ ясно указанъ начальною лѣтописью:

«По мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть словѣни по Дунаеви... Волохомъ бо нашедшемъ на словѣни на дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насилищемъ имъ, словѣни же пришедше и сѣдоша по Днѣпру, и нарекошася поляне, а друзіи древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ; а друзіи сѣдоша межю Припетью и Двиною, и нарекошася дреговичи; иніи сѣдоша на Двинѣ, и нарекошася полочане, рѣчьки ради, яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота... Словѣни же сѣдоша около озера Ильменя, прозвашася своимъ имянемъ; а друзіи сѣдоша по Деснѣ и по Семи, по Сулѣ, и нарекошася сѣверъ. Тако разидеся словѣньскій языкъ» [1]).

Когда же произошла эта эмиграція славянъ съ дунайскаго прибрежья въ земли нынѣшней Россіи? Припомнимъ исторію.

Незадолго до Р. X. скиѳское царство гетовъ достигло

---

[1]) П. С. Р. Л., I, 3.

своего могущества. Геты перешли Дунай, опустошили Өракію, разбили кельтовъ, «стали страшны римлянамъ». Начиная съ Августа, болѣе столѣтія воевали римскіе императоры гетовъ, воевали съ перемѣннымъ счастьемъ, пока, наконецъ, Траянъ, дважды воевавшій гетовъ, покорилъ ихъ окончательно — царство гетовъ обратилось въ римскую провинцію Дакію. Римская политика въ подобныхъ случаяхъ извѣстна: римляне выселяли покоренныхъ на другія земли, уводили ихъ въ неволю, а на ихъ мѣсто переводили въ завоеванную провинцію населеніе изъ другихъ областей имперіи. Эти-то новопоселенные римляне, волохи лѣтописи, стали насильничать среди туземцевъ, вслѣдствіе чего гето-дакійскіе старожилы, славяне лѣтописи, покинули свою родину и, продавъ свое имущество новопоселеннымъ волохамъ, ушли на С.-З. и унесли съ собою римскія монеты на берега Днѣпра, Десны, Сулы, Сейма, Сожи и Оки. Это переселеніе закончилось лишь къ концу II в., почему въ кладахъ, находимыхъ въ русскихъ областяхъ, встрѣчаются во множествѣ монеты Септимія-Севера (197—211) и его предшественниковъ, но его преемниковъ, даже Каракаллы—лишь въ единичныхъ экземплярахъ [1]).

Такимъ образомъ, норманская теорія, поколебленная въ своей основѣ изслѣдованіями историковъ, упраздняется окончательно раскопками археологовъ [2]). Въ то время, какъ исто-

---

[1]) *Самоквасовъ*, Исторія русскаго права, Варшава, 1884, II, 132. Здѣсь представлена довольно полная картина подземнаго расположенія римскихъ монетъ, какъ цѣлыми кладами, такъ и единичными экземплярами, при чемъ авторъ опровергаетъ «янтарную» теорію норманнистовъ о торговыхъ сношеніяхъ римлянъ съ балтійскимъ поморьемъ. «Русскій историкъ,—говоритъ онъ,—имѣетъ полную возможность слѣдить исторію его предковъ со II вѣка по Р. Х. на основаніи богатыхъ матеріаловъ, сохранившихся въ древнеславянскихъ кладбищахъ и селитьбахъ (городищахъ), отличить которыя теперь легко при посредствѣ римскихъ монетъ и другихъ римскихъ издѣлій».

[2]) Столь же рѣшительно, какъ Д. И. Иловайскій, отвергаетъ германскую теорію и Д. Я. Самоквасовъ въ своемъ изслѣдованіи «Происхожденіе русскихъ славянъ». Указавъ на примѣры «нахальнаго искаженія исторической правды» Шлецеромъ (стр. 88) и его послѣдователями, авторъ укоряетъ нор-

рики сличеніемъ текста и словоупотребленіемъ доказываютъ, что первоначальная лѣтопись разумѣла подъ волохами именно римлянъ [1]), археологи подтверждаютъ это вещественными доказательствами, монетами, не допускающими возраженій. За археологіей всегда остается важное преимущество —предлагаемыя ею доказательства безспорны и, будучи правильно обоснованы, не допускаютъ двухъ мнѣній. Исторія, опирающаяся на археологическія основы, получаетъ характеръ точной науки.

До настоящаго времени, несмотря на труды С. А. Гедеонова, отвергшаго важнѣйшія положенія норманской теоріи, и Д. И. Иловайскаго, уничтожившаго ея основу, несмотря даже на подкопы археологовъ, минировавшихъ все зданіе норманнизма, эта теорія все еще прельщаетъ многихъ своею стройною системою. Эта внѣшняя красивость теоріи не мо-

---

манскую теорію какою-то «тенденціею нѣмецкаго направленія объ исконной отсталости славянъ на пути цивилизаціи и высокой миссіи германцевъ въ этомъ отношеніи» (стр. 108). Намъ несимпатичны подобныя заподозрѣванія мы не допускаемъ, чтобы подобная тенденція могла «спутать основныя историческія понятія» такихъ «славянскихъ историковъ», какъ М. П. Погодинъ или В. И. Ламанскій. Кажется, самыя «искаженія» объясняются гораздо проще всегда возможными ошибками, увлеченіями. Такъ, напр., объясняя выраженіе начальной лѣтописи, что варяго - руссы «пояша по себѣ всю Русь», г. Куникъ находилъ, что въ IX в. три варяжскіе брата, покидая родину, «взяли съ собою все, что именовалось Русью», и этимъ объяснялъ совершенно естественно, «почему впослѣдствіи времени, въ самой Швеціи, не встрѣчается болѣе руссовъ» (*Kunik*, Beruf. I, 104; «Зап. Ак. Наукъ», 1862, I, № 3, стр. 8); позже, тотъ же акад. Куникъ, въ тѣхъ же «Запискахъ Академіи Наукъ», допускаетъ, что «варяго-руссы X столѣтія продолжали морскіе разбои по берегамъ Балтійскаго моря и брали дань съ жителей Янтарной земли» (1878, XXXII, № 2, стр. 87). Это не болѣе, какъ ошибка, объясняемая весьма простительнымъ увлеченіемъ; было бы жестоко видѣть въ этомъ «искаженіе» факта въ ту или другую сторону, смотря по требованіямъ данной минуты.

[1]) Варязи сѣдять по тому же морю къ западу до земли Агленски и до Волошьски (П. С. Р. Л., I, 2). Соуть въ ны вышли оучителе изъ *влахъ* и из грькъ и изъ нѣмьцъ. Житіе бл. Меѳодія моравскаго, въ «*Чтеніяхъ* общ. ист. и древн. рос.», 1865, I, стр. 5.

жетъ, однако, скрыть ея внутреннюю фальшь. Недалеко время, когда эта варяго-норманская теорія, искусственная, навязанная намъ извнѣ, замѣнится славяно-русскою, естественною, самобытною, соотвѣтствующею нашему народному самосознанію. Намъ и теперь уже представляется вполнѣ возможнымъ разсмотрѣть одинъ частный вопросъ—о появленіи русскихъ на исторической сценѣ—внѣ условій норманской теоріи, безъ «призванія» варяговъ.

Народы живутъ тысячелѣтія, но и нарождаются вѣками: ихъ появленіе въ исторіи отмѣчается не годомъ—столѣтіями. Человѣкъ не помнитъ своего рожденія, не помнитъ этого и народъ. Происхожденіе русскихъ, какъ и всякаго другого народа, теряется во мглѣ вѣковъ. Русскій народъ, закладывая свои первыя поселенія на берегахъ Дона и Ладоги, Днѣпра, Волхова и Москвы, отбиваясь отъ хазаръ, печенѣговъ и половцевъ, воюя Саркелъ и Царьградъ, входя въ сношенія съ тюркскими племенами на востокѣ, съ арабами, греками и римлянами на югѣ, съ германскими племенами на западѣ и съ финскими на сѣверѣ, не сохранилъ никакого воспоминанія о своемъ происхожденіи. Не только въ лѣтописяхъ и былинахъ, даже въ преданіяхъ и сказкахъ народныхъ не сохранилось ни одного въ строгомъ смыслѣ историческаго извѣстія, которое могло бы бросить лучъ свѣта въ эту вѣковую мглу. Единственнымъ научнымъ свѣточемъ въ этомъ случаѣ являются только комбинированныя данныя сравнительнаго языкознанія и археологіи.

Филологія установила, какъ несомнѣнный фактъ, общую связь индо-европейскаго племени, къ которому, кромѣ славянъ, принадлежатъ греки и римляне, галлы, литовцы, германцы. Ихъ язычная родственность свидѣтельствуетъ объ ихъ первоначальномъ единствѣ: чѣмъ дальше въ глубь вѣковъ изслѣдуется каждый изъ этихъ языковъ, тѣмъ очевиднѣе его сходство съ основнымъ языкомъ всѣхъ этихъ народностей. Изъ этого уже выводится заключеніе, что нѣкогда родоначаль-

ники этихъ народностей составляли одинъ народъ и жили одною жизнью, вѣроятно, на азіатскомъ востокѣ. Всѣ славянскія нарѣчія имѣютъ довольно близкое родство съ древне-индійскимъ, санскритскимъ языкомъ, и именно съ тою степенью его развитія, какая замѣчается, приблизительно, въ VIII в. до Р. Х.; изъ этого выводится догадка, что славяне за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. покинули свои жилища на отрогахъ Гималая и переселились въ Европу.

Какъ покинули, кто вывелъ ихъ изъ Азіи—объ этомъ славянамъ ничего неизвѣстно. Греки знали, описывали, посѣщали земли къ сѣверу отъ Понта Эвксинскаго, отъ Чернаго моря, области, вошедшія позже въ составъ Русской Земли; но греки знаютъ киммеріанъ, гиперборейцевъ, скиѳовъ, но о славянахъ, тѣмъ менѣе о русскихъ, не упоминаютъ. Сюда, въ эти черноморскія земли, ходилъ въ VI в. до Р. Х. персидскій царь Дарій Гистаспъ войною на скиѳовъ, и не встрѣтилъ славянъ; не знаетъ славянъ и Филиппъ Македонскій—онъ знаетъ только скиѳовъ. Что же это за скиѳы?

Археологія явилась на помощь филологіи. Раскопавъ курганы и вынеся на свѣтъ Божій ихъ содержимое, археологи придали иную постановку вопросу и пришли къ инымъ результатамъ. Народности объединяются, этнографически обособляются только въ зависимости отъ условій внѣшней природы, отъ условій внѣшней жизни. Въ долинѣ, омываемой Оксомъ и Яксартомъ, ограничиваемой отрогами Гималая, индо-европейское племя жило одною жизнью; тамъ, при одинаковой для всего племени природѣ, не могли этнографически обособиться ни славяне, ни литовцы, ни германцы. Изъ Азіи въ Европу пришло цѣлое племя—скиѳы [1]).

[1]) Скиѳы, οἱ Σκύθαι—наименованіе греческое; персы называли ихъ саками (Σάκαι), сами же себя они называли сколотами (Σκολότοι), конечно, по преимуществу, такъ какъ извѣстны были древнимъ подъ многими весьма различными наименованіями. Выселеніе скиѳскаго племени изъ долины Окса и Яксарта длилось болѣе столѣтія и закончилось лишь въ половинѣ VII в. до Р. Х. движеніемъ скиѳскихъ паралатовъ изъ областей закаспійскихъ къ сѣ-

Это многочисленное племя заняло въ Европѣ громадную площадь отъ Урала до Рейна, отъ Чернаго до Балтійскаго

вернымъ побережьямъ Чернаго моря. Свѣдѣнія древнихъ, преимущественно греческихъ, писателей о скиѳахъ въ Европѣ тщательно собралъ и выяснилъ *K. Zeuss*, Die Deutschen und die Nachbarstämme, München, 1873; въ трудѣ оріенталиста *В. Григорьева*, О скиѳскомъ народѣ, сакахъ. Спб., 1871, подробно изслѣдовано положеніе скиѳовъ въ Азіи. Въ настоящее время отвергнуты, какъ неосновательныя, предположенія о родствѣ скиѳовъ съ финнами, турками и монголами (Niebuhr, Kleine histor. Schriften, 352) и несомнѣнно утверждено, что скиѳы — арійское племя, не туранское. По словамъ Григорьева, «туранскія племена стали селиться сплошными массами въ степяхъ прияксартскихъ, лишь по мѣрѣ удаленія въ Европу занимавшихъ эти степи арійскихъ племенъ, не ранѣе III в. до Р. X.; до тѣхъ же поръ тамъ никакихъ туранскихъ племенъ не жило» (стр. 91), между тѣмъ какъ скиѳы ушли изъ прияксартскихъ степей еще въ VII в., т.-е. лѣтъ за 400 до появленія туранцевъ. Несмотря на это, въ изданіи гр. *И. Толстого* и *Н. Кондакова*, «Русскія древности въ памятникахъ искусства», 1889, читаемъ: «Скиѳы не были монголами, но разъ, снявшись съ плодоносныхъ равнинъ Средней Азіи и перейдя къ кочевому быту, скиѳы должны были слиться съ туранскими племенами, исконными кочевниками, и приспособиться къ этому быту на долгое время, лишь благодаря присутствію среди себя туранцевъ» (II, 43). Теорія тюркскаго происхожденія скиѳовъ-саковъ лишена всякихъ основаній (Григорьевъ, I). По языку и по миѳологіи, скиѳы суть чистые арійцы. Археологія вполнѣ подтвердила индо-европейскій типъ скиѳовъ. «По хронологическимъ признакамъ,—говоритъ акад. Бэръ,—скиѳская форма лицевыхъ костей не представляетъ ничего монгольскаго; носъ у скиѳскихъ череповъ высокъ и узокъ (у монголовъ—плоскій и широкій), нѣтъ сильно выдающихся скулъ и мѣста прикрѣпленія височныхъ мускуловъ далѣе отстоятъ отъ средней темянной линіи, чѣмъ у монголовъ» (Archiv zur Anthropologie, X, 215). Самоквасовъ выразилъ всѣ археологическія данныя по этому вопросу въ слѣдующихъ словахъ: «Благодаря археологическимъ изысканіямъ послѣднихъ десятилѣтій, на югѣ Россіи открыты скиѳскія могилы III и IV стол. до Р. X., а въ нихъ сосуды, монеты, бляхи, перстни и другіе предметы съ художественными изображеніями скиѳовъ, передающими черты ихъ наружности до малѣйшихъ подробностей. На всѣхъ изображеніяхъ скифовъ мы встрѣчаемъ волоса густые, лобъ высокій, глаза открытые, прямо направленные, носъ узкій и прямой. На многихъ изображеніяхъ, какъ, напр., на монетѣ царя Скилура, на монетахъ индо-скиѳскихъ царей, въ изображеніяхъ скиѳовъ на Кульобской и Никопольской вазахъ, на золотыхъ бляхахъ, изображающихъ скиѳскихъ всадниковъ, на золотомъ ошейникѣ, индо-европейскій типъ древнихъ скиѳовъ выраженъ совершенно отчетливо, ясно и убѣдительно» (стр. 24). Источники и пособія по скиѳскому вопросу указаны Иловайскимъ, Разысканія, стр. 1.

моря; сосѣдями скиѳовъ были: на юго-востокѣ греки, на юго-западѣ—римляне, на западѣ—кельты, на сѣверѣ—финны. Географическія особенности, климатическія условія и сосѣдскія сношенія повліяли, въ теченіе вѣковъ, на этнографическое обособленіе отдѣльныхъ народностей. Такъ, въ области между верхнимъ Дунаемъ, Рейномъ и Балтійскимъ моремъ выдѣлилась, еще въ доисторическую эпоху, особая народность, извѣстная сперва подъ различными племенами и позже объединившаяся въ германцевъ; восточнѣе этой народности обособились изъ той же скиѳской массы—литовцы; въ центрѣ скиѳскаго міра образовался новый этнографическій типъ—антовъ, венедовъ, славянъ. Это климато-географическое и этико-этнографическое перерожденіе скиѳскаго племени совершилось въ теченіе многихъ вѣковъ, занявъ, приблизительно, цѣлое тысячелѣтіе—отъ VIII в. до II в. по Р. Х.

Въ половинѣ V в. до Р. Х., во времена Геродота [1]), посѣтившаго сѣверное побережье Чернаго моря, всѣ европейскіе скиѳы имѣли одну религію, одинаковые нравы, обычаи, говорили однимъ языкомъ—составляли еще одинъ этнографическій типъ, но уже готовый распасться, раздѣлиться на осѣдлыхъ и кочевниковъ. Большинство оставалось еще номадами, «добывало себѣ пропитаніе не земледѣліемъ, а скотоводствомъ, и жилища свои устраивало на повозкахъ». Скиѳы были отличные наѣздники и стрѣлки, любили независимость и умѣли охранять ее отъ иноземныхъ завоевателей съ помощью своихъ неизмѣримыхъ степей. Они любили паровыя бани, какъ истые предки восточныхъ, русскихъ славянъ; любили праздники и пиршества, на которыхъ неумѣренно пили. Религія скиѳовъ, какъ и другихъ арійцевъ, состояла, кромѣ почитанія предковъ, въ обожаніи главныхъ силъ природы—солнца, неба, земли; какъ народъ воинственный, они особенно

[1]) Геродотъ, 484—408, много путешествовавшій, видѣлъ и наблюдалъ скиѳовъ въ Ольвіи, греческой колоніи. Его «Исторія» обнимаетъ время 720—479 до Р. Х. Русскій переводъ Мартынова, Спб. 1821 г.

чествовали бога войны, которому приносили человѣческія жертвы. Скиѳская миѳологія не получила полнаго развитія, вслѣдствіе чего у нихъ не было жрецовъ, а только гадатели и волхвы, вполнѣ подобно миѳологіи русскаго язычества. У скиѳовъ была довольно развитая верховная власть, наслѣдственная въ извѣстныхъ княжескихъ родахъ. Въ эпоху Геродота царскіе скиѳы раздѣлялись на три главныя орды, и каждая орда имѣла своихъ особыхъ князей, во главѣ которыхъ стояли старшіе въ родѣ: въ дѣлахъ же, касающихся всѣхъ скиѳовъ, князья собирались на сеймъ, на вѣче, и принимали рѣшеніе съ общаго совѣта и согласія. Князь главной или сильнѣйшей орды есть въ то же время старшій изъ князей, т.-е. великій князь. Въ числѣ скиѳскихъ обычаевъ былъ и поединокъ тяжущихся въ присутствіи царя: съ согласія царя побѣдитель отрубалъ голову побѣжденному и дѣлалъ изъ черепа ея чашу. Этотъ обычай, вѣроятно, представлялъ въ первобытномъ, т.-е. буквальномъ, значеніи то, что впослѣдствіи называлось у насъ «выдача головою» [1]).

Скиѳы были извѣстны древнимъ подъ разными наименованіями; но особенно были извѣстны два скиѳскія царства— царство сарматовъ, на В. отъ Дона, царство паралатовъ, на З отъ Дона. Политическое единеніе скиѳскаго племени подъ властью паралатовъ, господство Царской Скиѳіи, длилось, приблизительно, съ VII по IV в. до Р. Х. Паралаты вели торговлю съ греками, допускали греческія колоніи въ Скиѳіи и, такимъ образомъ, пріобщались высшей культурѣ того времени. Въ 339 г. до Р. Х. паралаты были разбиты Филиппомъ Македонскимъ; съ паденіемъ царства паралатовъ пала преграда, сдерживавшая въ теченіе трехъ вѣковъ движеніе народовъ съ В. на З..—потокомъ хлынули въ предѣлы

---

[1]) *Иловайскій*, Разысканія, 20—21. Здѣсь представлена общая картина по Геродоту (IV, 46, 59—61, 63, 71—75 и др.). Богъ войны былъ Арей, кумиръ его—желѣзный мечъ (I, 216). Аланы тоже «чтутъ обнаженный мечъ, какъ Марса, владыку окрестныхъ странъ» (*Amm. Marcell.* XXXI, 2, 23).

Царской Скиѳіи сарматскія племена (язиги, роксоланы, тирангиты), обитавшія между Дономъ и Волгою, между Азовскимъ и Каспійскимъ морями. Сарматы безпрепятственно подвигаются на З., вплоть до областей придунайскихъ [1]), гдѣ ихъ дальнѣйшее движеніе было остановлено римскими легіонами. Во II-мъ в. до Р. Х. сарматы соединились съ скиѳами придунайскими, гетами, или, какъ ихъ прозвали римляне, даками, и образовали обширный политическій союзъ. Много и долго, въ теченіе трехъ вѣковъ, воевалъ Римъ этотъ союзъ и, наконецъ, въ началѣ II в. по Р. Х., скиѳо-сарматское, гето-дакійское царство было покорено и стало римскою провинціею Дакіею. Вольнолюбивые скиѳо-сарматы не могли подчиниться римлянамъ, и со II-го же вѣка начинается выселеніе, колонизація лучшихъ гето-даковъ на сѣверъ.

Эта колонизація длилась вѣка, и по ея окончаніи появляются задатки новаго этнографическаго типа, наименованіе котораго установляется не сразу, и долго еще славяне обозначаются у классическихъ писателей разными именами, то венедовъ, то антовъ, то попрежнему сарматовъ, пока, нѣсколько столѣтій спустя, не обозначился новый этнографическій типъ, «многонародный», давшій свое особое обличье какъ племенамъ, оставшимся въ придунайскихъ областяхъ, такъ и племенамъ, покинувшимъ римскія владѣнія, эмигрировавшимъ изъ Дакіи. Эта эмиграція шла двумя большими путями: на С.-З. къ Моравѣ и Войдлавѣ, на С.-В. къ Деснѣ, Двинѣ, Днѣпру. «Отъ вершинъ Вислы, на неизмѣримомъ пространствѣ, живетъ многолюдный народъ венеды; наименованіе венедовъ нынѣ измѣняется по различію племенъ и мѣстъ жительства, но преимущественно называются они славянами и антами» [2]). Это обратное движеніе, не съ В. на

[1]) *Zeuss*, 279.

[2]) Ab ortu Vistulae fluminis per immensa spatia Vinidarum natio populosa consendit, quorum nomina licet nunc per varias familias et loca mutentur principaliter tamen Sclavini et Antes nominantur. *Jorn.*, De Goth. orig., c. 5.

Ю.-З., а съ З. на С.-В., шло постепенно, медленно, продолжалось вѣка. Несторъ знаетъ, что славяне ушли съ дунайскаго побережья цѣлыми массами и селились въ мѣстности, прозванной греками Великою Скиѳіею [1]); онъ довольно точно разселяетъ славянъ: въ степяхъ приднѣпровскихъ — поляне, въ лѣсистыхъ мѣстахъ — древляне, между Припетью и Двиною — дреговичи, по двинскому притоку Полотѣ — полочане, на Ильменѣ — славяне, на Семѣ и Сулѣ — сѣверяне; такъ же точно, такъ же опредѣленно разселяетъ онъ кривичей, родимичей, вятичей, дулебовъ, угличей, тиверцовъ.

Въ числѣ многоразличныхъ племенъ, пришедшихъ съ береговъ Дуная, Несторъ не называетъ русскихъ. Эти славянскія племена заняли обширную площадь, составившую позже территорію русскаго государства; ни одно изъ этихъ племенъ не образовало самостоятельнаго политическаго союза, и всѣ они вошли позже въ составъ русской державы. Гдѣ же русскіе?

Ихъ искали вездѣ—въ Швеціи и Финляндіи, въ Литвѣ и Россоландіи, на оо. Даго и Готландѣ [2])—искали внѣ Россіи, и не нашли тамъ ни русскихъ, ни земли Русь. Русскихъ не искали только въ Россіи, т.-е. именно тамъ, гдѣ всего естественнѣе было предполагать ихъ [3]).

---

[1]) Бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру (по Бугу и по Днѣпру) оли до моря (Чернаго) и суть города ихъ до сего дне—да то ся зовяху отъ грекъ Великая Скиѳь. П. С. Р. Л., I, 5.

[2]) *Сыромятниковъ*, Балтійскіе готы и гуто-сага, въ «Живой Старинѣ», 1892, I, стр. 35.

[3]) Такой тонъ былъ данъ еще Шлецеромъ, провозгласившимъ, что русскіе—не славяне. «Какая нужда русскимъ до всѣхъ мелкихъ подробностей о мезійскихъ булгарахъ, моравахъ, дунайскихъ славенахъ, вендахъ и пр.? Зачѣмъ наполняютъ они пустоту своей исторіи до Рюрика обстоятельными сказками, которыя, *если бы и были справедливы*, нимало не принадлежатъ къ оной... Наконецъ, и прежде всего, должны русскіе отстать отъ скиѳовъ и сарматъ» (*Шлецеръ*, Несторъ, I, 422—423). Д. И. Иловайскому принадлежитъ честь перваго, серьезно рѣшившагося игнорировать эти предостереженія Шлецера и направить ученыя изслѣдованія именно въ эту запретную сторону. Опровергнувъ гипотезы и доводы норманской теоріи («О мнимомъ призваніи варяговъ», 1871, «Еще о норманнизмѣ», 1872, и др.), онъ въ рядѣ

Въ числѣ скиѳскихъ, точнѣе сарматскихъ, племенъ было извѣстно задолго еще до Р. Х. обширное племя—роксоланы, россоланы, т.-е. русскіе аланы, обитавшіе между Дономъ и Днѣпромъ [1]). Они воевали вмѣстѣ со скиѳами противъ знаменитаго Митридата, царя понтійскаго и боспорскаго; его полководецъ Діофантъ, съ 6.000 регулярнаго войска, разбилъ, въ 94 году до Р. Х., 50.000 русскихъ аланъ, предводимыхъ Тасіемъ. Этимъ цифрамъ Страбона нельзя довѣрять, но пораженіе легко понять: россоланы были вооружены копьемъ, лукомъ и мечомъ, но ихъ шлемы и панцыри были изъ воловьей кожи, щиты—изъ тростника [2]). Спустя 150 лѣтъ, въ 69 г. по Р. Х., они вторглись въ Мизію и, по словамъ Тацита, разбили двѣ римскія когорты; этотъ успѣхъ погубилъ ихъ: на слѣдующій годъ роксоланы явились въ составѣ 9.000 конницы и предались грабежу; этимъ воспользовалась третья когорта и истребила ихъ. Тацитъ такъ объясняетъ пораженіе россоланъ: «стойкость ихъ на конѣ превосходитъ всякое описаніе, но въ пѣхотномъ строю они никуда негодны; время было дождливое, лошади ихъ вязли, падали; пики и длинные

изслѣдованій не только доказалъ «Славянское происхожденіе дунайскихъ болгаръ», но обратилъ вниманіе ученаго міра на «Эллино-скиѳскій міръ» на берегахъ Понта и далъ новую постановку вопросу о происхожденіи Руси своимъ трудомъ «Болгаре и Русь на Азовскомъ поморьѣ». Главнѣйшіе выводы и заключенія г. Иловайскаго были затѣмъ блистательно подтверждены археологическими изслѣдованіями, общій сводъ которыхъ представленъ Д. Я. Самоквасовымъ въ изслѣдованіяхъ о происхожденіи славянъ и русскихъ славянъ («Исторія русскаго права», 1884). Отвергая «ложныя теоріи объ азіатскомъ происхожденіи славянъ, монгольствѣ скиѳовъ и отсутствіи родственной связи между исторіей скиѳовъ и исторіей славянъ» (стр. 69), г. Самоквасовъ доказываетъ, что скиѳскій этнографическій типъ выдѣлилъ на В. Европы сарматскую народность (роксолане, алане, гунны, болгары и хозары) и на З., на Дунаѣ, гето-дакійскую, которая, послѣ колонизаціи въ центральныя области Европы, является подъ именемъ славянъ (стр. 145).

[1]) Эта гипотеза проф. Иловайскаго, очень красивая и благодарная, не вполнѣ еще научно обоснована; «русскіе аланы» заслуживаютъ серьезнаго изслѣдованія.

[2]) *Strabo*, l. VII, c. III, 17; c. IV, 3.

мечи, которые они держали въ обѣихъ рукахъ, не могли наносить вѣрныхъ ударовъ, такъ какъ кони ихъ скользили, а тяжелые панцыри затрудняли движеніе всадниковъ. Панцыри ихъ сдѣланы изъ желѣзныхъ пластинокъ и изъ полосокъ твердой кожи: они защищаютъ отъ ударовъ, но затрудняютъ движеніе—разъ повергнутый, онъ не можетъ встать» [1]). Въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. роксоланъ хорошо знаютъ греческіе и римскіе писатели. Ихъ упоминаетъ Плиній въ своей «Естественной исторіи»; въ одной надгробной надписи временъ императора Веспасіана свидѣтельствуется о возвращеніи римлянами князьямъ бастарновъ и роксоланъ ихъ сыновей, бывшихъ, вѣроятно, заложниками. Во второмъ вѣкѣ римляне платили роксоланскому князю субсидію, что видно изъ договора его съ императоромъ Адріаномъ; тѣмъ не менѣе, русскіе алане «угнетали римлянъ на нижнемъ Дунаѣ», что свидѣтельствуетъ объ ихъ разселеніи отъ Меотиды вплоть до западной стороны Днѣпра, откуда они могли дѣлать нападенія на римскія провинціи Дакію и Мизію. Діонъ Кассій говоритъ, что императоръ Маркъ-Антонинъ дозволилъ языгамъ пройти чрезъ Дакію къ роксоланамъ. Въ третьемъ вѣкѣ они убили одного изъ 30-ти тирановъ, Региліана; въ тріумфѣ императора Авреліана участвовали, между прочимъ, и «плѣнные россолане со связанными руками». Амміанъ Марцеллинъ свидѣтельствуетъ, что въ IV в. по Р. Х. роксолане обитали все около того же Меотійскаго озера, къ сѣверу отъ Понта [2]). Іорнандъ, писатель VI вѣка, который называетъ уже роксоланъ то роксы, россы, то анты, свидѣтельствуетъ, что по удаленіи готовъ и гунновъ на западъ, роксолане опять господствовали къ сѣверу отъ Понта Эвксинскаго и граничили на западъ съ Дакіею. Позже роксоланы скрываются подъ именемъ или рус-

[1]) *Tacit.*, Hist., 1, 79. Rhoxolani, sarmatica gens.

[2]) Это подтверждается и въ Tabula itineraria Peutingeriana, составленныхъ по дорожнику временъ императора Θеодосія. *Mannert*, Tab., Leipzig 1824.

скихъ, или антовъ, но еще въ IX вѣкѣ географъ Ровенскій упоминаетъ о роксоланахъ и не одинъ разъ, хотя въ IX же вѣкѣ появляется имя россовъ—въ Annales Bertiniani, у географа Баварскаго, у восточныхъ писателей [1]), у греческаго митрополита Фотія, т.-е. у всѣхъ образованныхъ народовъ той эпохи. Въ земляхъ, вошедшихъ позже въ составъ Рос-

[1]) Извѣстія восточныхъ писателей, преимущественно арабскихъ и персидскихъ, чрезвычайно важны въ данномъ случаѣ, но, къ сожалѣнію, доступны намъ лишь въ переводѣ, не всегда полномъ и нерѣдко болѣе чѣмъ сомнительномъ. Персидскіе писатели знаютъ русскихъ уже съ VI вѣка: въ «Исторіи Табаристана и Мазандарана» Загираддина Марашн говорится, что одинъ изъ кавказскихъ владѣтелей наслѣдовалъ своему отцу, Нарси, современнику Ануширвана Великаго, «во всѣхъ владѣніяхъ *руссовъ*, хазаръ и славянъ» (*Hammer*, Sur les origines russes, 50; *Frähn*, Ibn. Foszlan, 38; *Гаркави*, Сказанія мусульманскихъ писателей, 79). Къ VII вѣку относится извѣстіе арабскаго писателя Табари въ его «Исторіи царей»; въ 644 году царь Шахріаръ обратился къ арабскому полководцу Абдуррахману съ слѣдующими словами: «я нахожусь между двумя врагами, одинъ—хазаре, другой—*руссы*, которые суть враги цѣлому міру, особенно же арабамъ, а воевать съ ними, кромѣ здѣшнихъ людей, никто не умѣетъ» и т. д. (*Гаркави*, 74). Норманнисты Дорнъ и Куникъ силились подорвать значеніе этого извѣстія, но безуспѣшно (*Dorn*, Caspia, 28; *Kunik*, тамъ же, 233). Es ist nachgewiesen, dass diese Angabe über die *Russ* im arabischen Original nicht steht; sie wurde später von dem persischen Uebesetzer eingeschoben (*Thomsen*, 26). Куникъ, какъ не оріенталистъ, въ счетъ не идетъ; мнѣніе же Дорна опровергнуто оріенталистомъ Гаркави, который не видитъ «позднѣйшей вставки», утвердительно говоритъ о знакомствѣ Табари съ русскими и допускаетъ, что именно Табари, какъ уроженецъ Табаристана, интересовался нападеніями русскихъ на его родину (стр. 78). Какъ опасно въ подобныхъ случаяхъ полагаться на «норманскихъ» оріенталистовъ, доказалъ лучше всего ак. Френъ. Въ своемъ »Ibn-Foszlan's und anderer araber Berichte über die Russen älterer Zeit» онъ относится къ тексту чисто по-норманскi: diesen Namen ändere ich... so ändere ich ohne Bedenken... nur mit einer kleinen Veränderung и т. п. выраженія встрѣчаются безпрестанно, и всѣ эти произвольныя измѣненія текста дѣлаются единственно съ цѣлью получить einen Wink für die skandinavische Heimath der Russen (стр. 50, 53, 54). Чтеніе текста норманскими оріенталистами не внушаетъ ни малѣйшаго довѣрія, какъ это доказалъ уже 30 лѣтъ назадъ Гедеоновъ (стр. 148). Такъ, ак. Френъ прилагат. «нездоровый» принялъ за собственное имя Wabia, обратилъ, при помощи своихъ «мелкихъ измѣненій», вымышленную имъ Вабію въ Данію и на восьми страницахъ (47—55) серьезно доказывалъ подобную нелѣпость.

сійскаго государства. оно было широко и давно уже распространено: Рось—притокъ Днѣпра на Украйнѣ, Руса—притокъ Семи, Русь—притокъ Нарева, Роса—рѣка въ Новгородской губерніи, наконецъ, Рось, Расъ—Волга [1]). Густинскій лѣтописецъ прямо говоритъ. что имя Русь производятъ «иные отъ рѣки глаголемыя Рось» [2]).

Восточные писатели не оставили такихъ письменныхъ памятниковъ о руссахъ, какъ греко-римскіе; но здѣсь недостатокъ описаній съ лихвою возмѣщается археологическими доказательствами. На основаніи добытыхъ раскопками монетъ несомнѣнно доказано, что торговыя сношенія Руси съ В., съ арабами, болгарами, хазарами, происходили не только въ VII в.. но и гораздо ранѣе [3]). О походахъ русскихъ на В. [4]) сохранились историческія свидѣтельства, точно опредѣляющія ихъ путь: изъ Азовскаго моря вверхъ по Дону, волокомъ изъ Дона въ Волгу, внизъ по Волгѣ въ Каспійское море, и тамъ, по бережью, русскіе грабили магометанскія поселенія. Во второй половинѣ VII в.. когда на Волгѣ осѣли хазары, русскіе вступили съ ними въ сношенія, то мирныя, торговыя, то враждебныя, одно время платили имъ даже дань; но скоро и хазары, подобно римлянамъ, увидѣли, что противъ русскихъ нужно принять предохранительныя мѣры: римляне платили русскимъ субсидіи, хазары оборонялись отъ нихъ укрѣпленіями. Въ 835 г., по просьбѣ хазарскаго кагана, греческіе мастера построили хазарамъ на Дону крѣпость Саркелъ, въ которой стоялъ хазарскій гарнизонъ для защиты

---

[1]) Иже наращается Русь по рѣкѣ Русѣ (*Карамзинъ*, IX, 220, 612). Je crois que le Rha ou Wolga et le Ros sont la même chose et que les Asshabi Ras ou Ros du Coran sont les habitants du Wolga c.-à-d. les Russes, que tous les géographes orientaux placent sur les bords de ce fleuve entre les Khazars et les Saklab ou Slaves (*Hammer*, 50); *Гедеоновъ*, 21; *Иловайскій*, 259.

[2]) Стр. 236.

[3]) *Савельевъ*, XLV.

[4]) *Григорьевъ*, О древнихъ походахъ руссовъ на Востокъ, въ «Ж. М. Нар. Просв.» за 1835 г., ч. V, 229.

страны хазарской отъ русскихъ[1]). Этотъ Саркелъ преграждалъ путь русскимъ у самаго волока между Дономъ и Волгою и защищалъ отъ нихъ хазарскую столицу Итиль. Саркелъ настолько стѣснялъ русское судоходство, что Святославъ[2]) взялъ его и разорилъ.

Хазары обратились за помощью къ грекамъ—русскіе послѣдовали ихъ примѣру. Желая отвлечь грековъ отъ союза съ хазарами, русскій князь, титулуемый хаканомъ, послалъ въ Византію посольство съ изъявленіемъ дружбы. Русское посольство прибыло въ Константинополь въ 839 году и просило императора Ѳеофила отправить его обратно инымъ путемъ, такъ какъ пройденный занятъ уграми и поэтому небезопасенъ[3]). Ѳеофилъ внялъ ихъ просьбѣ, какъ представите-

---

[1]) *Савельевъ*, стр. LXIII. Въ письмѣ хазарскаго царя Іосифа къ Хагдаи Ибнъ-Шапруту: «я не допускаю руссовъ, прибывающихъ на судахъ, переправиться къ измаелитамъ». *Гаркави*, 157, 225; *Иловайскій*, 101.

[2]) И иде Святославъ на козары. Слышавше же козары изидоша противу съ княземъ своимъ каганомъ и съступишася бити; и бывши драки одолѣ Святославъ казаромъ и градъ ихъ Бѣлувѣжю взя. П. С. Р. Л., I, 27. Извѣстіе о построеніи Саркела опровергаетъ легенду объ Аскольдѣ и Дирѣ, будто бы освободившихъ Кіевъ отъ хазарской дани: границею хазарскихъ поселеній былъ въ то время Донъ, не Днѣпръ, да и на Дону хазары должны были защищаться отъ русскихъ крѣпостями. Эта легенда особенно старательно разработана тѣмъ же Шлецеромъ: Oscold und Dir. Eine russische Geschichte kritisch beschrieben von *A. C. Schlözer*. Göttingen, 1773.

[3]) Venerunt legati Graecorum a Theophilo imperatore directi... ferentes cum donis imperatore dignis epistolam... Misit etiam cum eis quosdam qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant, quos rex illorum, Chacanus vocabulo *ad se* amicitiae, sicut asserebant, causa direxerat, petens per memoratam epistolam, quatenus benignitate imperatoris redeundi facultatem atque auxilium per imperium suum totum habere possent, quoniam itinera, per quae ad illum Constantinopolim venerant, inter barbaros et nimiae feritatis gentes immanissimas habuerant, quibus eos, ne forte periculum inciderent, redire noluit (*Pertz*, Mon. Germ. H., I, 434). Annales Bertiniani велись нѣсколькими лицами и года 835—861 составлены труасскимъ епископомъ Пруденціемъ, человѣкомъ образованнымъ, запись котораго признается наиболѣе достовѣрною. Онъ имѣлъ подъ руками письмо Ѳеофила и изложилъ содержаніе письма словами подлинника, на что указываетъ подчеркнутое выше *ad se*. Выраженіе «Chacanus», несмотря на всѣ усилія норманнистовъ, остается незыблемымъ доводомъ противъ норманской теоріи. Еще въ 1862 году Гедеоновъ доказалъ рядомъ сви-

лей народа, ищущаго византійской дружбы, и съ особымъ посольствомъ отправилъ ихъ въ Ингельхеймъ, къ императору Людовику Благочестивому, при чемъ, особымъ письмомъ, просилъ Людовика разрѣшить русскимъ возвратиться на родину чрезъ Германію. Людовикъ Благочестивый впервые, только изъ письма Ѳеофила, узналъ, что есть на свѣтѣ народъ, называющій себя русскимъ, впервые услышалъ, что есть гдѣ-то страна Русь, впервые увидѣлъ русскихъ людей. Онъ подивился участію греческаго императора къ этому неизвѣстному ему народу и заподозрилъ Ѳеофила въ неискренности: онъ рѣшился задержать у себя русскихъ, пока не разъяснится, съ добрымъ ли намѣреніемъ прибыли они, о чемъ и отписалъ Ѳеофилу.

Въ началѣ IX вѣка германцы не знали еще русскихъ, но византійцы были уже знакомы съ русскими, настолько же, если не болѣе, какъ съ сарацинами, болгарами, хазарами и др. народами, безпокоившими своими набѣгами окраины имперіи. Византійцы рисуютъ всѣ эти народы крайне темными красками, преувеличивая ихъ дурныя стороны и не замѣчая цѣльныхъ, здоровыхъ качествъ, которыя обезпечивали за ними будущее. Въ началѣ IX в., послѣ 811 и ранѣе

дѣтельствъ, не подлежащихъ сомнѣнію, существованіе русскаго хаганата въ 839—871 годахъ и заявилъ, что «существованіе въ *839 году* народа Rhos, подъ управленіемъ хагановъ, уничтожаетъ систему норманскаго происхожденія Руси; шведы хагановъ не знали» (стр. 103). Двѣнадцать лѣтъ спустя, въ 1874 г., ак. Куникъ, не опровергая ни одного изъ доводовъ Гедеонова, старается посторонними, не идущими къ дѣлу разсужденіями затемнить вопросъ и, по крайней мѣрѣ, убѣдить читателя, будто «фраза rex Chacanus vocabulo ждетъ еще своего истолкователя» (Записка готскаго топарха, 139). Между тѣмъ, совершенно ясныя и неопровержимыя истолкованія Гедеонова вполнѣ подтвердились изданной въ 1869 году «Книгой драгоцѣнныхъ сокровищъ» Ибнъ-Даста, арабскаго писателя ранѣе 914 г. (*Хвольсонъ*, Извѣстія о хазарахъ и руссахъ Ибнъ-Даста, стр. 3), въ которой, говоря о Русіи и руссахъ, прямо сказано: «они имѣютъ царя, который зовется хаканъ-Русъ». Само собою разумѣется, что ак. Куникъ не упоминаетъ объ этомъ новомъ доводѣ противъ норманской теоріи.

842 года, русскіе появились съ своими ладьями [1]) на малоазійскомъ берегу Чернаго моря, въ Пафлагоніи, пришли отъ Пендеракліи на В. и разграбили городъ Амастриду [2]); сообщая объ этомъ, грекъ-монахъ рисуетъ русскихъ народомъ «въ высшей степени дикимъ и грубымъ, не носящимъ въ себѣ никакихъ слѣдовъ человѣколюбія», прибавляя къ тому же, что «это всѣмъ извѣстно» (ὡς πάντες ἴσασιν). Нападеніе русскихъ на Амастриду произошло, во всякомъ случаѣ, ранѣе 842 года. Къ половинѣ IX ст. византійцы хорошо уже знали русскихъ: въ 854 г. русскіе служили уже въ императорской этеріи. Съ конца VIII вѣка еще русскіе начали посѣщать Царьградъ, вели тамъ мелкую торговлю, жили въ работни-

[1]) Страбонъ (XI, 2, 12) и Тацитъ (Hist., III, 47) оставили подробныя описанія этихъ лодокъ, называвшихся у грековъ *камарами*. «На такихъ же ладьяхъ дѣлали походы на Царьградъ въ IX вѣкѣ руссы, а въ XVII—донскіе казаки и запорожцы на берега Анатоліи». Русскія древности въ памятникахъ искусства, III, 129. Лютирандъ о русскихъ ладьяхъ: «Rusorum etenim naves ob parvitatem sui, ubi aquae minimum est, transeunt, quod Graecorum chelandia ob profunditatem sui facere nequaeunt (*Pertz*, III, 331).

[2]) Такъ называемая амастрійская легенда убѣдительнѣе всего свидѣтельствуетъ о необходимости вновь пересмотрѣть и подвергнуть серьезной критикѣ всѣ извѣстія о русскихъ до 862 г., до миѳическаго призванія варяговъ-руссовъ, такъ какъ всѣ эти извѣстія были разсматриваемы норманнистами съ предвзятыми цѣлями, не допускаемыми наукою. Въ цѣломъ рядѣ изслѣдованій норманнисты старались доказать то подлогъ амастрійскаго житія, то связь его съ окружнымъ посланіемъ Фотія и, во всякомъ случаѣ, отнести это житіе къ 867 году, не ранѣе (*Kunik*, Rodsen, II, 343, 493; Bullet. de l'Academie, 1847. III, 33; *Куникъ*, Зап. готскаго топарха, 98; *Гедеоновъ*, 59). Даже въ 1874 г., упоминая о тѣхъ изслѣдователяхъ, которые относили амастрійское нашествіе къ до-рюриковскимъ временамъ, ак. Куникъ дѣлалъ слѣдующій, смѣлый до дерзости, вызовъ: «Посмотримъ, будетъ ли еще кто отстаивать это мнѣніе послѣ всего изложеннаго выше?» (стр. 101). Спустя четыре года, въ 1878 г., проф. В. Васильевскій напечаталъ въ «Журн. Мин. Народ. Просвѣщенія» свое капитальное изслѣдованіе «Русско-византійскіе отрывки» и въ нихъ «Житіе Георгія Амастрійскаго», по неизданному греческому подлиннику (т. 195, стр. 177; т. 196, стр. 129). Это изслѣдованіе должно быть признано образцомъ для критическаго разбора памятниковъ подобнаго рода. Онъ разсмотрѣлъ самый кодексъ, въ которомъ находится «Житіе», и указалъ, что это — греческая Четьи-Минея за февраль. Изъ 35 статей «въ ней нѣтъ статей позд-

кахъ и всегда съ уваженіемъ относились къ грекамъ—«они страшились даже молвы о Ромеяхъ», что не мѣшало, однако, русскимъ наѣзжать по временамъ и грабить приморскія поселенія византійцевъ и ихъ союзниковъ въ Крыму, на Кавказѣ, у устьевъ Дуная, въ Пафлагоніи.

Эти-то уважаемые русскими «ромейцы» заставили Русь выступить на историческую сцену. По счастью для насъ, русскихъ, первые ихъ шаги въ исторіи видѣлъ и записалъ довольно подробно одинъ изъ умнѣйшихъ современниковъ, человѣкъ просвѣщенный, именитый и по роду, и по своему общественному положенію—родственникъ императрицы Ѳеодоры, матери императора Михаила III, предсѣдатель государственнаго совѣта, высшій сановникъ константинопольской церкви, патріархъ Фотій [1]).

нѣе второй половины IX в. по содержанію и первой половины X в. по времени написанія» (286). Сравнивая текстъ «Житія» съ текстомъ окружнаго посланія Фотія 867 года, проф. Васильевскій доказалъ, что окружное посланіе не служило канвой для «Житія» (стр. 135); критика же самого «Житія» позволила довольно точно установить время его написанія: «судя по внутреннимъ признакамъ, довольно яснымъ и рѣшительнымъ, «Житіе» написано ранѣе 842 года» (стр. 163). Сводъ чрезвычайно важныхъ результатовъ изслѣдованія представленъ на 171 стр. Проф. Васильевскій оказалъ наукѣ русской исторіи большую услугу, уничтоживъ норманскій взглядъ на «Житіе». Мы обращаемъ особенное вниманіе на это изслѣдованіе и потому еще, что оно игнорируется норманнистами, и ак. Куникъ продолжаетъ увѣрять, будто составитель «Житія св. Георгія Амастридскаго» заимствовалъ характеристику руссовъ отчасти буквально изъ окружнаго посланія Фотія». «Зап. Ак. Наукъ», т. XXXII, № 2, ст. 175.

[1]) «Четыре бесѣды Фотія, святѣйшаго архіепископа константинопольскаго», и разсужденіе о нихъ архим. Порфирія Успенскаго. Спб. 1864. Норманнисты и въ этихъ проповѣдяхъ Фотія, сказанныхъ по поводу нападенія Руси на Царьградъ (εἰς τὴν ἔφοδον τῶν Ῥῶς), видятъ рѣчь о норманнахъ. Нелѣпость этого взгляда обнаружилъ Гедеоновъ еще до изданія полныхъ бесѣдъ (стр. 73); ак. Куникъ продолжаетъ повторять, что руссы-язычники Фотія и «pagani» папы Николая суть не кто иной, какъ норманны. «Зап. Ак. Наукъ», l. c., стр. 161. Въ настоящее время мы имѣемъ уже ученое изданіе проповѣдей Фотія (Nauck, Lexicon Vindobonense. Accedit appendix duas Photii homilias. Petrop. 1867, p. XXIII) и точный переводъ ихъ (*Ловягинъ*, въ «Христ. Чтеніи», 1882, т. 2, 414—443).

Въ половинѣ IX вѣка, точнѣе—въ маѣ 860 года [1]), русскіе двинулись на Константинополь.

Первый походъ русскихъ на Царьградъ былъ такъ секретно задуманъ и такъ быстро приведенъ въ исполненіе (ἄπιστος δρόμος), что никто не успѣлъ извѣстить Византію о грозящемъ нападеніи русскихъ—ни греки, жившіе въ городахъ Тавриды и Зикхіи, ни болгары, обитавшіе въ устьяхъ Дуная. Русскіе сѣли на суда, въ свои ладьи, и не всѣ, не разомъ, а по частямъ спустились по Бугу, Днѣпру и Дону въ Черное море, и направились въ разныя стороны: одни поплыли на В., къ Трапезунду, другіе пересѣкли море въ

[1]) Въ бесѣдахъ Фотія не указанъ годъ нашествія руссовъ, подавшаго поводъ къ бесѣдамъ. Современникъ Фотія, Никита Пафлагонскій, въ своей Vita Ignatii, IV, 23, говоритъ, что нашествіе было незадолго до «двукратнаго» Константинопольскаго собора на Игнатія и до землетрясенія, т.-е. до *мая 861 года* (Acta Sanctorum, X, 182); Симеонъ Логоѳетъ пишетъ, что нашествіе руссовъ было «въ десятый годъ правленія императора Михаила III», при чемъ годъ низложенія Игнатія, 875 годъ, относитъ къ седьмому году правленія Михаила, слѣдовательно, десятый годъ будетъ соотвѣтствовать *860 году* (§ 37—38); наконецъ, Іоаннъ, дьяконъ венеціанскій въ Chronicum Venetum относитъ нашествіе къ *860—863 годамъ* (*Pertz*, IX, 18). Мы останавливаемся на показаніи Симеона Логоѳета и Никиты Пафлагонскаго, т.-е. на 860 годѣ, въ тѣхъ соображеніяхъ, что соборъ 861 г. состоялся въ маѣ, а нашествіе было незадолго до собора (nec multum temporis fluxit); трудно предположить, чтобы нашествіе было произведено зимою, когда Черное море особенно бурно. Норманнисты, приписывающіе все варягамъ, стараются отнести и годъ перваго нашествія русскихъ на Константинополь ко времени послѣ призванія варяговъ, послѣ 862 года. Ак. Куникъ, рядомъ очень сложныхъ соображеній, основанныхъ на отвѣтномъ посланіи папы Николая I императору Михаилу III, составленномъ въ сентябрѣ 865 года, старается доказать, что и первое нашествіе руссовъ могло быть только лѣтомъ 865 г.» («Зап. Ак. Наукъ», XXXII, № 2, 179). Онъ основывается главнымъ образомъ на слѣдующихъ словахъ посланія папы: «не мы, умертвивъ множество людей, сожгли церкви святыхъ и окрестности Константинополя почти до самыхъ стѣнъ его; и истинно, что тѣмъ, кто учинилъ все сіе, никакого возмездія не было, а они язычники» и т. д. Е. Голубинскій справедливо возразилъ, что самое выраженіе *et vere de istis nulla fit ultio* свидѣтельствуетъ о намекахъ на событіе болѣе раннее: папа не имѣлъ основанія укорять императора въ сентябрѣ въ отсутствіи возмездія за майское нападеніе! (Ист. русск. церкви, I, 21).

самой узкой его части, къ Синопу, третьи пошли на З.. къ Дунаю, будто для торговыхъ дѣлъ. Въ условленное время они соединились въ открытомъ морѣ и свободно вошли въ Константинопольскій проливъ, тогда никѣмъ и ничѣмъ не защищенный, такъ какъ Михаилъ III былъ съ войсками въ Кипрѣ. «Море было тихо. Ладьи (νῆες) руссовъ, плывъ по Босфору, въ виду жителей столицы, навѣвали на ромейцовъ что-то дикое, свирѣпое, убійственное: на палубахъ стояли воины въ полномъ вооруженіи и съ шумомъ угрожали городу простертыми мечами своими». Весь этотъ крикъ и шумъ казался испуганнымъ грекамъ подобнымъ «бурному шуму разъяреннаго моря». Бо́льшая часть флота и войска окружила твердыню Византіи со всѣхъ сторонъ, съ моря и суши. Всѣ предмѣстья до самой крѣпости запылали въ огнѣ; «россы сражали мечомъ всякій возрастъ и полъ». Русскіе повели правильную осаду Константинополя съ суши, насыпая валъ (χαράχωμα) и «отряжая воиновъ подкапывать стѣны крѣпостныя», т.-е. ведя мины. «Отъ множества гніющихъ труповъ появилась зараза, истреблявшая избѣжавшихъ русскаго меча жителей предмѣстій»

Казалось, «варвары возьмутъ Византію, стѣны которой были уже подкопаны, а осадный валъ все «росъ и тучнѣлъ». Въ это-то именно время, 5-го іюня [1]), русскіе сняли осаду— зараза ли измучила ихъ, бури ли угрожали ихъ ладьямъ, нагруженнымъ награбленными богатствами, крестный ли ходъ на крѣпостныхъ стѣнахъ, съ хоругвями и съ ризой Богоматери, устрашилъ ихъ, или всѣ эти причины вмѣстѣ воздѣйствовали на осаждавшихъ, но русскіе сѣли въ ладьи свои и возвратились на родину «съ несмѣтными богатствами».

[1]) Въ древнихъ греческихъ синаксаряхъ и профитологахъ отмѣчено подъ 5-мъ іюня воспоминаніе константинопольской церкви объ избавленіи отъ нашествія варваровъ. Порфирій Успенскій свидѣтельствуетъ, что текстъ записи согласенъ съ бесѣдами Фотія, и полагаетъ, что «въ древній синаксарь внесъ запись самъ этотъ первосвятитель, оправдывавшій нашествіе россовъ» (стр. 64).

Вотъ первый, несомнѣнно, историческій шагъ русскаго народа, шагъ, полный смысла и значенія — движеніе къ Константинополю. Мы разсказали его со словъ очевидца. Этотъ же очевидецъ, умнѣйшій византіецъ, первосвященникъ Новаго Рима, видѣвшій, наблюдавшій русскихъ, оставилъ намъ и описаніе ихъ: «Народъ, ничѣмъ не заявившій себя, непочетный, считаемый наравнѣ съ рабами, неименитый, но пріобрѣвшій себѣ славу со времени похода на насъ, незначительный, но получившій теперь значеніе, смиренный и бѣдный, варварскій, кочевой, гордящійся своимъ оружіемъ, не имѣющій стражи, неукоризненный народъ» [1]).

Трудно ожидать отъ грека, къ тому же отъ врага, болѣе лестной характеристики русскаго человѣка! Этотъ смиренный, хотя и бѣдный, покорный, хотя и воинственный, этотъ «безукоризненный» (ἀνεξέλεγκτον) народъ побѣдилъ своими качествами даже врага, который отдалъ ему должное, какъ молодому, полному юношескихъ силъ, неиспорченному народу.

Фотій, говорившій проповѣдь паствѣ, видѣвшей воочію русскихъ, не коснулся, конечно, ихъ внѣшняго вида, одежды, вооруженія. Этотъ пробѣлъ пополняется арабскими историками. Приводимъ слово въ слово извѣстія Ибнъ-Фадлана, Ибнъ-Даста, Аль-Масуди и друг.: «Русскіе — высоки ростомъ, стройны, красивы. Никогда не видѣлъ я болѣе рослаго народа. Каждый русскій носитъ лукъ, ножъ и мечъ — безъ этого вооруженія нельзя увидѣть ни одного русскаго. У нихъ даже женщины вооружены ножомъ. Это народъ энергичный, храбрый; несмотря на всѣ затрудненія и препятствія, онъ смѣло вторгается въ неизвѣстныя ему земли, то какъ мирный торговецъ, то какъ кровожадный воинъ. Русскіе нападаютъ дерзко,

[1]) Выраженіе νομαδικὸν объясняется какъ риторическая фигура: въ окружномъ посланіи 867 г. Фотій называетъ русскихъ «побѣдителями сосѣднихъ народовъ» (τοὺς πέριξ αὐτῶν δουλωσάμενοι), въ томъ числѣ и кумановъ, или кумановъ-россовъ, кочевавшихъ въ Экспонтѣ, нынѣшней Бессарабіи; эти кочевые куманы были, конечно, въ войскѣ русскомъ, осаждавшемъ Византію, и Фотій относитъ часть къ цѣлому (стр. 55).

натискъ ихъ неотразимъ — они грабятъ, убиваютъ, уводятъ въ плѣнъ. Они, впрочемъ, никогда не нападаютъ съ суши, всегда приходятъ на своихъ судахъ» [1]), и долго, вплоть до XIII ст., Черное море было извѣстно подъ именемъ Русскаго, потому что «по немъ никто, кромѣ русскихъ, не плаваетъ».

[1]) *Hammer*, 37. 48, 57; Journal Asiat., 1854, p. 74; *Frähn*, 5, 28, 193 и по указателю; *Хвольсонъ*, 34; *Гаркави*, 49, 74, 93, 129, 133, 193, 221, 267 sqq.: П. С. Р. Л., I, 3. Текстъ арабскихъ и персидскихъ историковъ намъ не доступенъ, къ переводу же «норманскихъ» оріенталистовъ мы относимся съ большимъ недовѣріемъ, вслѣдствіе чего мы были крайне осторожны въ заимствованіи свѣдѣній изъ арабскихъ писателей. Норманнисты желаютъ во что бы то ни стало увѣрить насъ, что *русскіе* арабовъ суть норманны, варяги, при чемъ норманнисты не останавливаются ни предъ какими измѣненіями текста, прибѣгаютъ ко всевозможнымъ его толкованіямъ: извѣстіе Табари, какъ противорѣчащее норманской теоріи, норманнисты отвергаютъ, какъ «позднѣйшую вставку», и показаніе Якуби о русскихъ въ Севильи провозглашаютъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что подъ руссами арабы разумѣли норманновъ. Вопросъ о Табари разсмотрѣнъ выше; обращаемся къ Якуби. Въ его «Книгѣ Странъ» сказано: «Въ Севилью вошли язычники, *которыхъ называютъ Русъ*, въ 844 году, и плѣняли, и грабили, и жгли, и умерщвляли». Такъ какъ норманны дѣйствительно опустошали въ этомъ году берега Испаніи, то норманнисты съ торжествомъ увидѣли въ этомъ неоспоримое доказательство, что арабскіе писатели отождествляютъ руссовъ съ норманнами (*Frähn*, Ein neuer Beleg dass die Gründer des Russischen Staates Nordmanen waren, въ «Bulletin Scientifique publ. par l'Acad. Imp.», IV, № 9, 10; *Kunik*. Rodzen, II. 285; *Савельевъ*, въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», т. XVIII, 37). Между тѣмъ, при критическомъ изслѣдованіи арабскаго текста оказалось, что слова: «которыхъ называютъ Русъ» не принадлежатъ Якуби, а позднѣйшему переписчику, и взяты изъ Масуди, при чемъ его догадкѣ придана форма положительнаго утвержденія. У Масуди сказано: «Случилось, что въ Андалусъ прибыли моремъ корабли, на которыхъ были тысячи людей, и сдѣлали нападеніе на прибрежныя страны. Жители Андалусъ думали, что это греческій народъ... *Я же думаю, а Богъ лучше знаетъ, что этотъ народъ есть русъ*, о которомъ мы говорили выше». Масуди, наслышавшись о разорительномъ морскомъ набѣгѣ русскихъ на берега Каспійскаго моря въ 913 году, русскимъ же приписываетъ и набѣгъ норманновъ на Испанію въ 844 г. Переписчикъ Якуби вставилъ догадку Масуди въ текстъ «Книги Странъ», какъ поясненіе слова «язычники» (*Гаркави*, 67). Такимъ образомъ, противоположный пріемъ норманскихъ оріенталистовъ относительно Табари и Якуби оказывается одинаково ложнымъ. Изъ всѣхъ норманнистовъ только датчанинъ Томсенъ созналъ эту ложь (стр. 55); русскіе же норманнисты продолжаютъ упорствовать.

Русскіе воюютъ, грабятъ, торгуютъ, ходятъ на востокъ въ земли хазаръ и болгаръ, плаваютъ на югъ въ Византію и греческія поселенія Малой Азіи, сносятся на западѣ съ варягами, кто бы не назывался этимъ именемъ: норманны, скандинавы, литовцы, датчане или шведы... И всюду, вездѣ, русскіе являются предпріимчивы, энергичны, воинственны. Да иначе и быть не могло. Занявъ обширную площадь, центръ которой находился на перекресткѣ двухъ историческихъ путей—всемірнаго, изъ Азіи въ Европу, отъ Урала и Волги къ Дунаю и Рейну, и международнаго, отъ Чернаго моря къ морю Балтійскому—русскіе должны были грудью отстаивать свою землю, отбиваться отъ враговъ. А ихъ было много: за готскою волною нахлынула волна гунская, за готами и гуннами шли авары и хазары, печенѣги и половцы, пришли, наконецъ, и татары. Не сильный—слабый, не воинственный—миролюбивый народъ не могъ бы вынести въ теченіе вѣковъ такую тьму вражескаго нашествія. Нѣтъ, русскій народъ—народъ сильный, воинственный. Въ Мизіи онъ сражается съ римлянами въ конномъ строю; на Дону, по Волгѣ, въ Каспійскомъ и Черномъ моряхъ борется на ладьяхъ и, въ то же время, расчищаетъ лѣса, распахиваетъ поля, рубитъ городища, заводитъ поселенія на сѣверѣ, среди финскихъ племенъ, шагъ за шагомъ завоевывая и подготовляя ту огромную площадь, на которой выраститъ впослѣдствіи Всероссійская имперія.

Борьба съ внѣшними врагами и природными препятствіями длилась вѣка. Цѣлое тысячелѣтіе потребовалось на этнографическое перерожденіе типа изъ скиѳо-сармата, чрезъ гето-дака, въ славяно-русса. Въ археологическихъ раскопкахъ и нумизматическихъ находкахъ эта преемственность сказалась наглядно, для всѣхъ очевидно [1]). Только къ концу VIII или

[1]) Это наглядно представлено въ рисункахъ «скиѳо-сарматскихъ древностей», помѣщенныхъ въ общедоступномъ изданіи гр. И. Толстого и Н. Кондакова «Русскія древности въ памятникахъ искусства», вып. 2-й. По поводу

началу IX в. этнографически обособилась русская народность, отъ которой хазары ограждаются постройкою крѣпостей, на которую германецъ Людовикъ Благочестивый взираетъ съ удивленіемъ, отъ мечей которой трепещетъ Византія.

серебряной вазы Чертомлыцкаго кургана (стр. 136, рис. № 114) ак. Стефани выразился такъ: «Всѣ человѣческія фигуры, помѣщенныя на фризѣ серебряной вазы, изображаютъ скиѳовъ. Передъ нами пять бородатыхъ мужчинъ и трое безбородыхъ юношей. Ни у одного нѣтъ шапки на головѣ, но всѣ отличаются густыми, длинно-остриженными волосами, какіе *еще и теперь точно также носятъ русскіе крестьяне* и которые повторяются на множествѣ другихъ изображеній скиѳовъ. За исключеніемъ одной лишь фигуры, всѣ эти скиѳы представлены въ короткихъ сапогахъ; на каждомъ изъ нихъ длинныя. широкія шаровары, которыя такъ же, какъ на изображеніяхъ скиѳовъ золотой Кульобской вазы, заткнуты за сапоги, но будучи шире и длиннѣе, чѣмъ тамъ, болѣе свисли надъ ними. Извѣстно, что *такой нарядъ еще и теперь въ употребленіи у русскихъ крестьянъ*. Верхняя часть тѣла всѣхъ фигуръ прикрыта короткимъ, тѣсно примыкающимъ къ тѣлу и опоясаннымъ кафтаномъ, который, за исключеніемъ висящихъ спереди концовъ, покроемъ своимъ напоминаетъ *казацкій кафтанъ*—казакинъ» (Отчетъ Археол. Комм. за 1864 г., стр. 10). Забѣлинъ, раскопавшій Черномлыцкую могилу и изучившій «Древнюю Скиѳію въ ея могилахъ», пришелъ къ слѣдующимъ, между прочимъ, выводамъ: «Простые глиняные горшки скиѳскихъ могилъ имѣютъ разнообразную форму, начиная отъ простой чашки и доходя до кувшина или *малороссійскаго глечика*; обыкновенная форма очень сходна съ *малороссійскою макитрою*... Переднія полы скиѳскаго кафтана кроились косяками въ родѣ фалдъ длиннѣе одежды; по бокамъ, *какъ и у русскихъ одеждъ*, дѣлались прорѣхи... Скиѳская рубашка пряталась по-*малороссійски* въ широчайшія шаровары... Любимымъ питейнымъ сосудомъ скиѳовъ была братина, очень *сходная формою съ нашею древнею братиною*, и рогъ, тоже любимый сосудъ славянъ и на нашемъ югѣ, и на славянскомъ сѣверѣ, на Балтійскомъ Поморьѣ... Изображенія скиѳскихъ царицъ во многомъ *напоминаютъ русскую старину* даже XVII стол... На скиѳскихъ издѣліяхъ, относимыхъ къ IV в. до Р. Х., мы находимъ форму травчатаго узора и каемочнаго бордюрнаго украшенія, очень *извѣстную въ нашихъ русскихъ украшеніяхъ*, на вещахъ и въ рукописяхъ» (Ист. русск. жизни, I, 640). Прохоровъ, въ своихъ «Матеріалахъ по исторіи русскихъ одеждъ», приходитъ къ слѣдующему заключенію: «Многіе изъ древнѣйшихъ памятниковъ, относящихся къ обстановкѣ быта скиѳовъ, повторяются въ послѣдующихъ періодахъ жизни славянъ вообще и въ особенности *славяно-руссовъ*, даже въ періодѣ христіанскомъ, гдѣ они или буквально повторяются, или имѣютъ близкое сходство и значеніе» (стр. 7). Подробное сравненіе этнографическихъ особенностей скиѳовъ и славянъ представлено Самоквасовымъ, Ист. русск. права, II, 52—61.

Что же представляли собою русскіе люди при своемъ появленіи на историческую сцену? Какъ они жили? Какъ управлялись?

Темна и неясна начальная исторія внутренняго строя русской земли. Сказки и легенды скрываютъ отъ насъ историческіе образы; нашъ взоръ не достоинъ созерцать титаническіе лики первыхъ строителей русской земли. Нашъ умъ уже неиметъ физическую мощь и нравственную силу тѣхъ нашихъ предковъ, которые закладывали фундаментъ для могучаго государственнаго зданія; только въ образѣ богатырей, вѣщуновъ и святыхъ людей, въ родѣ игумена Григорія, «иже бяше человѣкъ святъ, яко же не бысть передъ нимъ и ни по немъ не будетъ», являются предъ нами великіе зодчіе русскаго общественнаго и государственнаго строя. На созданіе единой и нераздѣльной Россіи ушли вѣка. Работа эта была тяжелою, прошла много стадій и распредѣлилась между тремя вѣтвями русской народности—малороссами, бѣлоруссами и великороссами. Въ моментъ появленія русскаго народа на историческую сцену можно услѣдить только зародыши, только зачатки тѣхъ началъ, которыя позже лягутъ въ основу народной, общественной и государственной русской жизни.

Славяне, переселившіеся во II вѣкѣ съ дунайскаго побережья, осѣли на новой территоріи родами [1]), т.-е. осѣли въ той начальной формѣ общежитія, которая составляла у всѣхъ народовъ естественный переходъ отъ кочевого къ осѣдлому быту. Происхожденіе родовъ возможно только при полной осѣдлости. Вмѣстѣ съ осѣдлою жизнью русскіе славяне узнали и родной кровъ—узнали, т.-е. полюбили. Порогъ родной избы, подъ которымъ, согласно повѣрью, живутъ домовые, эти славянскіе пенаты, сталъ заповѣдною границей семейному довольству, не только матеріальному, но и нравственному—въ единомысліи, въ согласіи взглядовъ. Въ семьѣ—и зародышъ

[1]) Жившу каждо съ своимъ родомъ на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще каждо родомъ своимъ. П. С. Р. Л., I, 4.

ея разложенія: сыновья женятся, дочери выходятъ замужъ. Разложеніе семьи ведетъ къ размноженію семей, при чемъ племя получаетъ смыслъ поколѣнія, что и выразилось, какъ принципъ, въ племенномъ бытѣ полянъ, древлянъ и пр. Тотчасъ же, въ противоположность народному, племенному быту, выступаетъ родъ съ своими аристократическими тенденціями въ лицѣ князя. Такъ появился родовой элементъ въ племенномъ и семейномъ строѣ. Въ старомъ Азбуковникѣ XVII стол. сказано: «роди—княжи заповеди, а по словенски роди наричются племена человѣческая». Такимъ образомъ, племя остается въ удѣлъ всей массѣ народной; аристократія возводитъ до героевъ свой родъ и имъ величается. На болѣе высокой ступени развитія слово «племя» получило значеніе цѣлой области, княжества, какъ въ лѣтописи—«племя черниговцевъ», т.-е. черниговское княжество. Ко времени появленія русскихъ на исторической сценѣ такихъ племенъ, т.-е. княжествъ, было нѣсколько. Эти княжества, эти мелкія государственныя единицы, въ эпическомъ складѣ лѣтописнаго разсказа обозначены старымъ словомъ—родъ: новому понятію придано древнее выраженіе. Родъ, какъ историческое явленіе, представляется не естественнымъ кровнымъ союзомъ, а первичной формой государственнаго начала, родовымъ государствомъ—монархическимъ по формѣ, такъ какъ въ лицѣ родоначальника соединялись власти жреца, воеводы, судьи, и демократическимъ по содержанію, по сущности своей, такъ какъ центръ тяжести государственной власти сосредоточивался въ родовыхъ союзахъ. Таково значеніе «рода» въ нашей начальной лѣтописи [1]): подъ лѣтописнымъ родомъ раз-

[1]) Вопросъ о родовомъ бытѣ въ древней Руси остается до настоящаго времени вопросомъ спорнымъ. Въ рѣшеніи этого вопроса необходимо отмѣтить три теоріи: 1) *родовую*, отрицающую семью. Представитель этой теоріи, С. Соловьевъ, полагалъ, что въ древнее время былъ только кровный родъ, а не было даже естественной семьи, такъ какъ «патріархальная жизнь не знаетъ семьи, а знаетъ только родъ» (Ист. Россіи, I, 50); его продолжатель, Чичеринъ, смотритъ на родъ, какъ на явленіе кровное, и доказывалъ, что родовой

умѣются небольшія государственныя единицы, политическіе союзы, въ которыхъ «родовая власть, власть князя, не возникала естественно, а основывалась на выборѣ», по крайней мѣрѣ въ самое первое время. Ничего точно опредѣленнаго, строго соблюдаемаго всѣми, не усматривается въ этихъ зародышахъ государственнаго союза. Княжеская власть являлась первоначально не царскимъ достоинствомъ, съ искони принадлежащими ему правами, а республиканскою должностью. Рядомъ съ княземъ — совѣтъ старшинъ; выше князя и совѣта—народное собраніе, вѣче, въ которомъ собственно и заключался источникъ всякой власти. Такимъ образомъ, форма этихъ первичныхъ государствъ была чисто монархическая, сущность же—демократическая; исключеніе составляли лютичи: они управлялись сперва не княземъ, а совѣ-

---

бытъ распался при помощи дружины (Опыты по ист. рус. права, 62); 2) *семейную*, отрицающую родъ. Основатель этой теоріи, К. Аксаковъ, находилъ, что древнерусская жизнь не знала рода, что родомъ называлось въ древности не что иное, какъ семья; изъ семей образовались общины, и демократическая община есть характеристическій типъ древнерусскаго общественнаго строя (I. 98), и 3) *смѣшанную*, которая рядомъ съ естественнымъ, кровнымъ родомъ, какъ низшею единицею общежитія, ставитъ политическую общину (*Кавелинъ*, I, 324). Всѣ эти теоріи создались на почвѣ только славяно-русской, между тѣмъ какъ родовой бытъ не есть какая-нибудь особенность, свойственная исключительно славянскому племени, тѣмъ менѣе русскому народу. Семья и родъ, какъ историческія явленія, представляются не естественнымъ, кровнымъ союзомъ, а имѣютъ фиктивное значеніе. Исторія не знаетъ рода, какъ учрежденія кровнаго. Ни греческіе роды, ни кельтскіе кланы, ни шотландскіе роды не были чужды посторонней, некровной примѣси, и родъ, всегда и вездѣ, создавался посредствомъ фикціи, распространяющей узы родства и на постороннія лица. «Семья превращается въ родъ единственно лишь тѣмъ, что она перестаетъ уже довольствоваться физическими и нравственными отношеніями, и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаетъ сознаніе о юридическомъ или политическомъ принципѣ жизни и сообщаетъ этому принципу обязательное или объективное значеніе. Поэтому, получаемая чрезъ усиленіе юридическаго сознанія новая общественная единица, *родъ*, есть ни что иное, какъ государство; новое начало, сообщаемое жизни фикціею родства, есть начало государственное: при разсмотрѣніи родового быта историкъ присутствуетъ при зарожденіи государства» (*Никитскій*, Теорія родового быта, въ «Вѣстн. Европы» за 1870 г., IV, 432).

томъ старшинъ, т.-е. при демократической сущности государство ихъ имѣло форму аристократическую.

Начало свободной общинности, выразившееся въ вѣчѣ, въ народномъ собраніи, рѣзко сказалось и въ формѣ землевладѣнія. Земли было много; ни трехпольнаго, ни иного хозяйства предки наши не знали—пожинали что сѣяли, но воздѣлывали поля общиннымъ началомъ, при чемъ община раздѣляла извѣстные земельные участки между своими членами, оставляя часть поля въ общинномъ пользованіи. Эти передѣлы земли не составляли какой-нибудь славянской особенности: Тацитъ отмѣтилъ такое же дѣленіе земель у германцевъ, гетовъ и кельтовъ—это общее явленіе у всѣхъ первобытныхъ народовъ; но одни только русскіе сохранили эту особенность до послѣдняго времени, другіе же народы постепенно перешли и крѣпко усвоили взглядъ на землю, какъ на частную собственность лица [1]).

Русскіе вступили на историческую сцену язычниками, но русское язычество не успѣло еще достигнуть своего полнаго развитія, когда было застигнуто христіанствомъ. и язы-

[1]) Это объясняется вліяніемъ романскихъ и галльскихъ народовъ и яснѣе всего видно на германцахъ: въ германскихъ племенахъ тѣмъ долѣе сохранялось воззрѣніе на землю, какъ на принадлежность извѣстной общины, не частнаго лица, чѣмъ менѣе племя было подвержено вліянію римско-гальскому, какъ, напримѣръ, у фризовъ и нижнесаксонцевъ. Въ XV стол. общинное пользованіе землей и раздѣлъ полей сохранялись еще вполнѣ въ нынѣшнемъ Ганноверѣ и Ольденбургѣ, какъ обычное, нормальное явленіе: мало того: тамъ мѣнялись не только поля въ общинной землѣ деревни, но мѣнялись общинныя земли деревни, и люди мѣняли не только поля, но и строенія— хижины, овины, риги, клѣти. Вотъ почему въ нижнесаксонскихъ и вестфальскихъ округахъ до сихъ поръ обращаетъ на себя вниманіе полная одинаковость, однообразность крестьянскихъ построекъ, жилыхъ и нежилыхъ. Въ болѣе западныхъ же мѣстностяхъ Германіи ежегодное пользованіе землею скоро обратилось въ пожизненное, а затѣмъ въ наслѣдственное. Такъ, въ концѣ VI вѣка былъ уже извѣстенъ франкскій законъ, въ силу котораго, «въ случаѣ смерти земледѣльца-крестьянина, обрабатываемая имъ земля переходитъ къ его сыновьямъ и братьямъ, а не къ членамъ деревни, какъ было прежде». Sybel, Kleine hist. Schriften, I, 36.

ческіе идолы замѣнились христіанскими идеалами. Русское язычество не знало ни храмовъ, ни жрецовъ: его миѳологія не выработала ни догматовъ, ни обрядовъ. Языческое міровоззрѣніе русскихъ остановилось на полномъ обоготвореніи природы и ея силъ, не только неба, солнца, звѣздъ, но даже воды и земли. Стригольники исповѣдывались землѣ; земля и до сихъ поръ живое существо, надѣленное чувствомъ и волею,—русскій человѣкъ называетъ землю святою и видитъ въ умершемъ великаго грѣшника, если его не принимаетъ «мать сыра-земля» [1]). Устная народная словесность хранитъ въ своихъ памятникахъ ту же черту русскаго язычества—близость природѣ. Какъ до-историческій русскій человѣкъ видѣлъ въ природѣ живое существо, отзывчивое на всякую радость, сочувствующее всякому горю, такъ и теперь, въ своихъ пѣсняхъ и сказкахъ, пословицахъ и загадкахъ, русскій человѣкъ переговаривается съ лѣсомъ, понимаетъ шелестъ листьевъ, слушается щучьяго велѣнья, ведетъ бесѣду съ солнцемъ и мѣсяцемъ, выдаетъ за нихъ своихъ дочерей, дружитъ съ Мишенькой, пользуется услугами медвѣдя и волка, журавля и цапли, орла и вороны, лисы и зайца. Не только небесная твердь и земля съ водою, но и подземное царство—мѣдное, серебряное, золотое—сродни русскому человѣку, опускавшемуся въ до-историческія шахты [2]) искать себѣ подругу жизни среди горныхъ металлическихъ породъ.

Вотъ краткія указанія изъ многихъ сотенъ сказокъ Афанасьева и пѣсенъ Кирѣевскаго. Эта близость, эта чуткость къ природѣ свидѣтельствуетъ о глубоко вкорененномъ чувствѣ правды, нравственной законности, моральной чистоты.

---

[1]) *Калачовъ*, Архивъ, II, 39.

[2]) Арабскіе писатели оставили нѣсколько извѣстій о рудниковыхъ работахъ русскихъ. Аль-Истахри въ «Книгѣ климатовъ» и Аль-Балхи въ «Книгѣ видовъ земли» упоминаютъ о добываніи русскими свинца (*Гаркави*, 193, 276); Аль-Масуди въ «Золотыхъ Лугахъ» говоритъ, что «руссы имѣютъ въ своей землѣ серебряный рудникъ» (Ibid.. 130); то же повторяетъ Ибнъ-Варди: «у русскихъ есть серебряный рудникъ» (*Frähn*, 51).

Какъ природа правдива, законна, чиста, такъ и человѣкъ только правдивый и чистый въ основѣ своей можетъ сочетовать съ природою свою жизнь, видѣть въ природѣ свои идеалы.

Появленіе русскихъ на исторической сценѣ совпадаетъ съ культурнымъ переворотомъ, придавшимъ русскому народу высокое историческое значеніе. Вскорѣ послѣ перваго нашествія русскихъ на Византію, патріархъ Фотій, въ окружномъ посланіи къ восточнымъ епископамъ, въ 867 году, упоминая о русскихъ, «о которыхъ такъ много и часто говорятъ» и которые, «подчинивъ себѣ всѣ окружающія племена, съ гордостью поднимаютъ свои руки противъ Римской державы», прибавлялъ уже: «теперь и русскіе перемѣнили свое нечестное суевѣріе на чистую и неподдѣльную христіанскую вѣру и приняли отъ насъ епископа и учителя, ведутъ себя, какъ послушные сыны и друзья, вмѣсто грабежа и великой противъ насъ дерзости, какъ было незадолго предъ симъ». Какъ сильныя дружины германцевъ подступали къ старому Риму и въ томъ же Римѣ пріяли христіанскую вѣру, крестились, такъ и грозныя полчища «неукоризненныхъ» русскихъ ходили походами къ Новому Риму и отъ него же, отъ Византіи, крестились, воспринимая христіанскую мораль.

Христіанство проникало въ Россію постепенно, мало-помалу. Крещеніе Руси въ 988 году—крещеніе оффиціальное, явное, для всѣхъ болѣе или менѣе обязательное; добровольное крещеніе, по влеченію собственнаго сердца, частное, началось значительно ранѣе и по сейчасъ еще не окончилось [1]).

---

[1]) И послѣ 988 г., въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, до XIII—XIV стол., христіанство существовало въ Россіи только по имени—господствовала старая языческая вѣра, съ которою новая христіанская соединялась чисто механически. Поученія пастырей церкви свидѣтельствуютъ объ этомъ явно, не допуская сомнѣній: «Слово Христолюбца», сохранившееся въ сборникахъ XIV в. (Паисіевскомъ и Золотой Цѣпи), обличаетъ «христіанъ, двоевѣрно живущихъ, которые, будучи христіанами, вѣруютъ въ Перуна и въ Хорса, молятся огню, называя его Сварожичемъ»; перечисливъ обряды чисто языческіе, Христолю-

Ольга, которая была «мудрѣе всѣхъ людей», крестилась ранѣе 988 года; крестились русскіе и ранѣе мудрѣйшей Ольги: въ договорѣ Игоря съ греками, 945 года, упоминаются уже люди «отъ страны Руськія, елико крещеніе пріяли суть»— такихъ, очевидно, было уже много, если явилась необходимость оговаривать ихъ въ договорѣ.

Такимъ образомъ, въ лицѣ русскихъ на историческую сцену появился народъ молодой, храбрый и мужественный,

---

бецъ прибавляетъ: «такъ дѣлаютъ не только одни невѣжи, но и вѣжи, священники и люди грамотные» (Подобныя обличительныя поученія собраны Тихонравовымъ въ его «Лѣтописяхъ русской литературы»). Начиная съ XIV—XV ст., если не превозмогаетъ христіанство, то замѣтно ослабляется язычество. Въ обличительныхъ проповѣдяхъ упоминается еще о служеніи Перуну, Хорсу и др. языческимъ божествамъ, но ужъ, очевидно, только по старой памяти. съ прежнихъ образцовъ: имена языческихъ боговъ смѣшиваются съ другими представленіями, нерѣдко даже греческой миѳологіи, и искажаются до неузнаваемости: Хорсъ становится Нахоромъ, Перунъ—Поревной и т. п. (*Калачовъ*, Архивъ, II, 104). Очевидно, народъ забылъ старыхъ боговъ, а ихъ образы и атрибуты смѣшалъ съ христіанскими именами и представленіями, которыя хранитъ и понынѣ. Волосъ сталъ Власіемъ (11-го февраля) по имени и св. Егорьемъ (23-го февраля) по атрибутамъ («Егорій да Власъ всему богатству глазъ», по русской пословицѣ); Перунъ сталъ св. прор. Иліей (20-го іюля), и въ заговорахъ «Илья гонитъ въ колесницѣ громъ съ великимъ дождемъ»; Лада или Жива — св. Марія Магдалина; Рожаница — преп. Богородица («съ идольскою трапезою мѣшается тропарь св. Богородицы съ рожаницами въ прогнѣваніе Богу», сказано въ «Словѣ Христолюбца»). Празднованіе Купалы и Ярилы, какъ проводовъ лѣта, праздновалось вмѣстѣ съ христіанскимъ днемъ Іоанна Предтечи. Въ 1505 году, игуменъ Елеазаровскаго монастыря Памфилъ писалъ намѣстнику Пскова: «Егда пріидетъ праздникъ, во святую нощь мало не весь городъ возметется и въ селѣхъ возбѣсится: въ бубны и въ сопели и гуденіемъ струннымъ, плесканіемъ и плясаніемъ, женамъ же и дѣвамъ и главами киваніемъ и устнами ихъ непріязненъ кликъ, вся скверныя пѣсни, и хребтомъ ихъ вихляніе, и ногами ихъ скаканіе и топаніе, туже и женское и дѣвичье шептаніе, блудное ихъ воззрѣніе, и женамъ мужатымъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе» (*Карамзинъ*, VII, 372). То же подтверждается и въ Стоглавѣ (гл. 41—44). Въ Воронежѣ праздновался Ярило еще при Екатеринѣ II (*Терещенко*, V, 102), въ Костромской губерніи даже въ началѣ XIX ст., а въ Малороссіи празднуется и до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ на этомъ праздникѣ присутствовалъ А. В. Терещенко, умершій въ 1865 году.

полный жизненной силы, невоздержный въ своихъ страстяхъ [1]), въ глазахъ араба—жестокій, по мнѣнію грека—даже кровожадный, но по натурѣ своей—правдивый, честный, жаждущій моральнаго воспитанія, алчущій умственнаго образованія. Въ религіи нѣтъ еще и слѣда сознательной догмы или установившейся обрядности, зато всѣ данныя для воспріятія христіанской морали; въ политикѣ—ни формальнаго права, ни государственной идеи, слабые зачатки личнаго права и личной собственности, слабые зародыши сознанія государственнаго единенія и обособленной народности, но зато крѣпкій общинный смыслъ [2]), способный развить и личную привязанность, и взаимную вѣрность. Это была полная жизни, способная къ развитію, впечатлительная масса, доступная всякому преуспѣянію, народная масса, полная будущности.

Историческія явленія, намѣченныя нами лишь въ крупныхъ, общихъ чертахъ, давно уже отошли въ область прошлаго и много вѣковъ отдѣляетъ ихъ отъ нашего времени. Было бы, однако, очень прискорбно, если бы мы отнеслись къ этимъ явленіямъ съ холоднымъ взоромъ антиквара, если бы эти явленія не возбуждали въ насъ сознанія, что это прошлое—это мы сами, въ лицѣ нашихъ предковъ, въ образѣ нашего народа. Народность, не сохраняющая живой связи съ своимъ прошлымъ, не имѣетъ будущности, лишена жизненной силы—это дерево, отдѣленное отъ своего корня.

Для открытія этой связи, для опредѣленія ея значенія не могутъ уже служить ни лѣтописныя отмѣтки, ни археологическія находки: въ лѣтописяхъ занесены дѣянія представителей народа, князей, не самого народа, являющагося для

---

[1]) «Руссы преданы вину, пьютъ его днемъ и ночью, такъ что иногда умираетъ одинъ изъ нихъ съ кружкой въ рукѣ», по Ибнъ-Фадлану (*Frähn*. 11; *Гаркави*, 96).

[2]) Арабскій писатель Ибнъ-Даста свидѣтельствуетъ: «Когда проситъ о помощи который-либо изъ ихъ родовъ, всѣ русскіе выступаютъ въ поле; между ними нѣтъ розни, но воюютъ единодушно противъ врага, пока не по-[illegible]ъ его» (*Гаркави*, 268—269).

лѣтописца только матеріаломъ; археологи отрываютъ и выносятъ на свѣтъ Божій черепъ, костякъ человѣка, но черепъ безъ мозга, костякъ безъ тѣла. Гдѣ же искать взглядовъ и думъ народа, его вѣрованій и убѣжденій, его мыслей и стремленій? Богатый запасъ, обильный источникъ фактовъ духовной жизни русскаго народа заключается въ историческомъ преданіи, которое «чѣмъ старѣе, тѣмъ правѣе» хранитъ народную мысль и даетъ возможность воскресить духовнаго человѣка.

Историческое преданіе хранится въ былинахъ, пѣсняхъ историческихъ. Эти былины свидѣтельствуютъ, что народъ принималъ живѣйшее участіе въ историческихъ судьбахъ родины, умѣлъ по своему, но очень вѣрно, понимать ихъ и давать имъ весьма мѣткую характеристику. Пѣсни о Владимірѣ Красномъ-Солнышкѣ, о татарахъ, о Литвѣ, объ Іоаннѣ Грозномъ и др. и доселѣ живутъ въ устахъ народа. Въ моментъ появленія русскаго народа на исторической сценѣ, въ поэтическихъ интересахъ вдохновленныхъ пѣвцовъ герои-полубоги со всею своею чудесною, миѳическою обстановкою уступаютъ мало-по-малу мѣсто явленіямъ историческимъ—князьямъ и ихъ усобицамъ. Поэтическое творчество отъ божественныхъ и миѳическихъ героевъ снизошло къ обыкновеннымъ смертнымъ, къ народу, но остановилось на высшихъ его представителяхъ—на князьяхъ. Не успѣвшій созрѣть и окрѣпнуть миѳическій эпосъ древней Руси не могъ устоять противъ напора новыхъ силъ, внесенныхъ распространеніемъ христіанства и учрежденіемъ государственнаго наряда. Даже и въ народномъ эпосѣ зачатки государственнаго начала проявили свою силу, сгруппировавъ цѣлый рядъ народныхъ богатырей около той же княжеской власти, олицетворенной въ миѳическомъ образѣ Красна-Солнышка, которому услужливая дружина придала имя своего любимаго князя, Владиміра. Въ былинахъ владимірова цикла насъ интересуетъ, однако, не Владиміръ, а народъ, представленіе его идеаловъ, думъ, сим-

патій. Они—въ Ильѣ Муромцѣ и его сообщникахъ, появляющихся во всѣхъ концахъ русской земли: какъ Илья изъ славнаго города Мурома, изъ села Карачаева, такъ Волкъ Всеславовичъ изъ Кіева, Алеша Поповичъ изъ славнаго Ростова красна-города, Добрыня Никитичъ изъ Рязани, Дюкъ Степановичъ изъ Волынца Красна-Галичья, Суровецъ-богатырь изъ Суздаля. Величавая личность Ильи Муромца, въ основныхъ своихъ очертаніяхъ, быть можетъ, напоминала идеальные типы полубоговъ, сокрушителей всего зловреднаго на землѣ; но въ эпоху историческую, когда сложился циклъ владиміровъ, Илья Муромецъ сталъ могучимъ представителемъ силъ простого народа, защитникомъ его интересовъ. Вотъ почему князья, бояре, гости богатые, вся родня Алеши Поповича, самъ Владиміръ [1]) выставляются въ былинахъ въ крайне неблагопріятномъ свѣтѣ сравнительно съ его чисто простонародною личностью. Посмотримъ же, сохранилась ли связь былиннаго типа русскаго человѣка съ типомъ, намъ современнымъ.

Необыкновенная физическая сила и спокойное мужество, выносливость и терпѣніе, добродушіе и правдивость, готовность помочь совѣтомъ и выручить изъ бѣды—вотъ идеалъ русскаго человѣка въ лицѣ Ильи Муромца. Всѣ эти черты сохранились въ русскомъ человѣкѣ до настоящаго времени, всѣ, не исключая даже внѣшности:

Росту большого, рука что желѣзная,
Плечи—косая сажень [2]).

---

[1]) Въ былинахъ Владиміръ является не идеаломъ князя, какъ въ лѣтописи, а крайнимъ деспотомъ и самодуромъ: богатыри называютъ его трусомъ собакой, дурнемъ, сводникомъ, Соловей-разбойникъ—воромъ; Илья Муромецъ грозитъ смѣстить его, убить. Бандуристы, сказатели и по сейчасъ краснѣютъ за него: пропѣвъ какой-нибудь непочтительный стихъ про св. Владиміра, просятъ не взыскать, «потому-де мы сами знаемъ, что нехорошо такъ говорить про святого, да что дѣлать? такъ пѣвали отцы и мы такъ отъ нихъ научились». *Миллеръ*, Экскурсы въ область русскаго эпоса, въ «Русской Мысли», 1891, I, 75—77.

[2]) *Некрасовъ*, Полн. Собр., I, 81.

Не только мы, русскіе, даже иностранцы дивятся до сихъ поръ терпѣливой выносливости и спокойному мужеству русскаго солдата, предъ которымъ преклонялись не только Суворовъ и Ермоловъ, но Фридрихъ II и князь де-Линь. «Русскіе солдаты поютъ и пляшутъ въ траншеяхъ, гдѣ остаются безсмѣнно. Подъ градомъ пуль и ядеръ, въ снѣгу, въ грязи, они всегда ловки, внимательны, послушны. Они смотрятъ въ глаза своимъ офицерамъ, стараясь угодить и немедленно исполнить ихъ желаніе» [1]). Моральная чистота, подмѣченная Фотіемъ безукоризненность русскихъ высказалась въ Ильѣ Муромцѣ очень рельефно: Владиміръ хочетъ завладѣть красавицею-женою богатыря Данилы Ловчанина; приближенные князя готовы умертвить богатыря, но Илья Муромецъ протестуетъ, укоряетъ князя въ подлости, за что и подвергается заключенію въ «погреба глубокіе».

Илья Муромецъ представляется какъ бы историческимъ прообразомъ русскаго народа: какъ боецъ хазарскій сидѣлъ уже на груди Ильи Муромца, пока Илья не взмолился ко Господу, послѣ чего силы ему прибыло и онъ сбросилъ хазарина и побѣдилъ его, такъ и на груди Руси сидѣли два съ половиною вѣка монголы и столько же душило русскаго человѣка крѣпостное право, но «не такъ у Святыхъ Отцовъ писано, не такъ у Апостоловъ удумано», чтобъ погибнуть Россіи отъ враговъ внѣшнихъ или внутреннихъ.

Рядомъ съ типомъ мужчины, сохранился и типъ женщины. Въ тотъ длинный періодъ, когда русскій народъ выступалъ на историческую сцену, всѣ свидѣтельства согласны въ томъ, что русская дѣвушка пользовалась полною свободою, охраняемая чистотою первобытныхъ нравовъ: жена — нѣтъ, настолько нѣтъ, насколько она подчинялась мужу, но при этомъ не было никакихъ опредѣленій, которыя осуждали бы женщину на вѣчное униженіе и ничтожество, какъ на Востокѣ,

[1]) *Бильбасовъ*, Князь де-Линь о русскомъ войскѣ, въ «Русской Старинѣ», 1892, III, 552.

которыя не позволяли бы ей проявлять свою силу, умственную и физическую, пріобрѣтать посредствомъ этой силы уваженіе и вліяніе. Вотъ почему, рядомъ съ волхвами, были и вѣщія дѣвы, сильныя своею внутреннею силою. Такъ, Марина похваляется своимъ чародѣйствомъ надъ Добрынею:

Гой еси вы, княгини-боярыни!
Во стольномъ во городѣ, во Кіевѣ,
А и нѣтъ меня хитрѣя, мудрѣя,
А и я де обернула девять молодцовъ,
Сильныхъ, могучихъ богатырей, гнѣдыми турами.

Русская женщина исполняла, рядомъ съ мужчиной, всѣ тяжелыя работы, ходила на войну, и древняя русская поэзія придала ей, рядомъ съ силою духовною, и мощь физическую. Такъ, жена Дуная Иваковича сбиваетъ стрѣлою изъ лука кольцо съ головы мужа—это русскій Вильгельмъ Телль въ юбкѣ; такъ, жена боярина Ставра побиваетъ борцовъ владиміровыхъ:

Первому борцу изъ плеча руку выдернетъ,
А другому борцу ногу выломитъ,
Она третьяго хватала поперекъ хребта,
Ушибала его середи двора.

Какъ ни были бы преувеличены миѳическія силы, душевныя и тѣлесныя, русской женщины тысячу лѣтъ назадъ, тѣ же черты, но безъ миѳическихъ преувеличеній, замѣчаются и въ современной русской крестьянкѣ. Та же духовная внутренняя сила:

Не жалокъ ей нищій убогій—
Вольно-жъ безъ работы гулять!
Лежитъ на ней дѣльности строгой
И внутренней силы печать.

О силѣ физической, о выносливости въ трудѣ, о работѣ въ страдную пору и говорить нечего: русская крестьянка

И голодъ, и холодъ выноситъ,
Всегда терпѣлива, ровна...
Я видывалъ, какъ она коситъ:
Что взмахъ—то готова копна.

Не завидуетъ наша крестьянка и женѣ Дуная Иванювича въ ловкости:

Въ игрѣ ее конный не словитъ,
Въ бѣдѣ—не сробѣетъ, спасетъ:
Коня на скаку остановитъ,
Въ горящую избу войдетъ.

Тысячу лѣтъ назадъ, иностранные писатели дивились привязанности женщинъ къ своимъ мужьямъ, за которыми онѣ слѣдовали даже въ могилу [1]). Археологическія раскопки подтвердили существованіе этого обычая среди русскихъ славянъ. И что же? Русская женщина тысячу лѣтъ спустя научила насъ не удивляться этому обычаю. Не по вымысламъ народной фантазіи, не по отзыву иностранцевъ, а по собственноручнымъ запискамъ княгини Н. Б. Долгорукой извѣстна намъ готовность русской жены умереть вмѣстѣ съ мужемъ, пожертвовать для него жизнью, сопровождать его въ Березовъ—въ ту же могилу. И образъ княгини Долгорукой, столь хорошо всѣмъ извѣстный, столь намъ симпатичный, не одинокъ, ближе къ намъ на цѣлое столѣтіе плѣнительный образъ Пелагеи Васильевны Муравьевой, рожд. Шереметевой, въ грязномъ рубищѣ поденщицы, подъ окнами казематовъ Петропавловской крѣпости, той же могилы, лишь бы увидѣть своего мужа, декабриста Михаила Николаевича Муравьева, лишь бы облегчить его страданія, вдохнуть ему мужество [2]).

Русской женщинѣ, намъ современной, нечему завидовать женамъ руссовъ, сопровождавшихъ своихъ мужей въ могилу. Но и теперь, какъ тысячу лѣтъ назадъ, это были крайнія проявленія нѣжной преданности любящаго сердца, супружеской вѣрности; въ общемъ же, плачъ Ярославны изъ «Слова о полку Игоревѣ» слышится и теперь при всякой военной брани, и любовь къ роднымъ, къ семьѣ, свято хранится въ русскомъ

[1]) Uxores cum maritis defuncti cremantur non item viri cum uxoribus, по Аль-Масуди (*Frähn*, 105; *Гаркави*, 129). «Въ могилу кладутъ живою и любимую жену покойника», по Ибнъ-Даста (*Гаркави*, 265, 270).

[2]) *Кропотовъ*, Изъ біографіи графа М. Н. Муравьева. въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1874, I. 56.

сердцѣ. У насъ и до сихъ поръ сильнѣе и крѣпче, чѣмъ у какого-либо народа, семейныя узы, связь родственная, племенная. Умираетъ воинъ на чужбинѣ и проситъ однополчанъ:

Подите, братцы, на святую Русь,
Приходитъ ли мнѣ смерть скорая,
Отцу-матери скажите челобитьице,
Роду-племени скажите по поклону всѣмъ,
Молодой женѣ скажите волюшку свою,
Малымъ дѣтушкамъ благословеньице.

Жена занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ, послѣ отца-матери, послѣ роду-племени. Да, для русскаго человѣка женщина никогда не составляла предмета публичнаго, мечтательнаго поклоненія и воспѣванія, какъ для трубадуровъ и миннезингеровъ, женщина никогда не была у насъ куклой,—для русскаго человѣка жена дорога и священна, какъ Богомъ данная ему спутница жизни, какъ помощница въ трудахъ, какъ мать дѣтей. Внѣ этихъ отношеній, русская женщина свободна, самостоятельна и теперь, какъ тысячу лѣтъ назадъ, несмотря даже на теремный періодъ: изъ терема ее вывелъ Петръ В. прямо въ ассамблею, а изъ ассамблеи она сама уже пошла въ университетъ и удивила Европу, показавъ ей примѣръ, которому Европа могла только подражать.

Мы можемъ смѣло, увѣренно отвѣчать на вопросъ о нашей связи съ прошлымъ—эта связь жива и сильна. Конечно, если бы явился среди насъ Илья Муромецъ, онъ не узналъ бы ни русской земли, ни русскихъ людей, но внутренняя основа и нравственный строй русскаго человѣка сохранили тѣ же характерныя черты. Попрежнему въ массѣ народной жива сильная привязанность къ родному очагу, къ семьѣ; попрежнему русскій человѣкъ подчиняетъ свою личную волю приговору міра, общества; попрежнему русскій народъ жертвуетъ всего себя въ пользу государственной идеи, олицетворяемой въ волѣ государя. Семейныя, общественныя и государственныя основы наши такъ же крѣпки, свѣжи, способны къ дальнѣйшему развитію.

ПИСЬМО ЛЖЕДИМИТРІЯ

КЛИМЕНТУ VIII.

Письмо Лжедимитрія перваго папѣ Клименту VIII.

Кто-бъ ни былъ первый Лжедимитрій—разстрига ли Григорій Отрепьевъ, сынъ ли Стефана Баторія, трансильванецъ или какой нѣмчинъ неизвѣстный — не подлежитъ сомнѣнію, что онъ былъ Лжедимитрій. Русскіе люди никогда въ этомъ не сомнѣвались, ни даже тогда, когда съ крестами и хоругвями встрѣчали Лжедимитрія, при колокольномъ звонѣ, и присягали ему, какъ своему законному царю Димитрію Іоанновичу. Въ этомъ собственно и заключалось все значеніе русской смуты того времени. Къ этой русской смутѣ, полной глубокаго смысла, примѣшалась вскорѣ смута иного рода, смута иноземная, построенная на фантастическомъ спасеніи царевича Димитрія и провозглашавшая Лжедимитрія сыномъ Іоанна IV.

Въ русскихъ источникахъ—отъ «Иного сказанія о самозванцахъ» до «Лѣтописи о многихъ мятежахъ» — вовсе не упоминалось о спасеніи царевича Димитрія въ Угличѣ. Русскіе люди писали мало, но тѣ, которые писали, хорошо знали о чемъ пишутъ, и имъ не представлялось надобности фантазировать для объясненія факта, имъ, русскимъ, въ то время вполнѣ понятнаго. Не то иноземцы. Чуждое ихъ пониманію явленіе русской жизни—признаніе законнымъ царемъ завѣдомаго самозванца—требовало искусственнаго разъясненія: въ Угличѣ убитъ былъ не царевичъ; малолѣтній Димитрій былъ подмѣненъ, увезенъ, скрываемъ 13 лѣтъ и въ Краковѣ впервые признанъ сыномъ Іоанна IV. Такова канва разсказа у Маржерета, Барещо-Барецци, Марины Мнишекъ, Маскѣвича,

Геркмана и др. Изъ иностранныхъ источниковъ, только Масса повѣствуетъ, во всемъ согласно съ русскими, объ убіеніи Димитрія въ Угличѣ и о самозванствѣ Григорія Отрепьева: Мартинъ Беръ признаетъ самозванство, но не Отрепьева, а побочнаго сына Стефана Баторія; Петрей и Шаумъ говорятъ объ убіеніи Димитрія, но ночью, по поводу пожара; Патерсонъ тоже убѣжденъ, что Лжедимитрій былъ Лжедимитрій.

Изъ позднѣйшихъ изслѣдователей, академикъ Миллеръ первый высказалъ сомнѣніе относительно самозванства Лжедимитрія. Это заинтересовало Екатерину II, всегда прямо и здраво смотрѣвшую на русскую старину, и она обратилась къ Миллеру за разъясненіемъ:

— Я слышала,—сказала императрица,—будто вы сомнѣваетесь въ томъ, что Гришка былъ обманщикъ; скажите мнѣ смѣло ваше мнѣніе.

Миллеръ почтительно уклонился отъ вопроса, но, уступая настоятельному требованію императрицы, отвѣтилъ:

— Вашему величеству хорошо извѣстно, что тѣло истиннаго Димитрія покоится въ Михайловскомъ соборѣ; ему поклоняются и мощи творятъ чудеса. Что станетъ съ мощами, если будетъ доказано, что Гришка настоящій Димитрій?

— Вы правы,—отвѣчала императрица, улыбаясь,—но я желаю знать, каково было бы ваше мнѣніе, если бъ вовсе не существовало мощей.

Однако Миллеръ уклонился отъ прямого отвѣта; императрица болѣе не выспрашивала его [1]). Современникъ Екатерины II и Миллера, князь М. М. Щербатовъ издалъ въ 1778 году «Краткую повѣсть о бывшихъ въ Россіи самозванцахъ», въ которой первымъ Лжедимитріемъ является Григорій Отрепьевъ.

Внимательно прочитывая всѣ источники, русскіе и иностранные, съ уваженіемъ относясь къ мнѣніямъ всѣхъ, сво-

---

[1]) «Русская Старина», XVIII, 321.

ихъ и чужихъ, приходишь къ убѣжденію [1]), что 15-го мая 1591 года, въ Угличѣ, погибъ Димитрій, малолѣтній сынъ Іоанна IV, а не кто-либо иной. Съ мнѣніемъ, будто малолѣтній Димитрій былъ спасенъ отъ убійцъ, связанъ цѣлый рядъ историческихъ несообразностей и фактическихъ противорѣчій, въ достаточной уже мѣрѣ указанныхъ и доказанныхъ [2]). Въ судьбѣ и дѣятельности перваго самозванца, перваго Лжедимитрія, многое остается еще неяснымъ и, вѣроятно, такимъ останется надолго, если не навсегда, но общая связь событій и историческое развитіе явленія устанавливаются съ непререкаемою ясностью. При предположеніи же, что первымъ Лжедимитріемъ былъ дѣйствительный сынъ Іоанна IV, истинный Димитрій Іоанновичъ, все представляется сплошной загадкой, ничѣмъ не разрѣшимой, начиная съ извѣстія о его спасеніи, ни на чемъ не основаннаго. Это предположеніе, эта гипотеза вноситъ лишь новую смуту въ разработку нашего Смутнаго времени, смуту иноземную, какъ мы ее назвали, при чемъ русская историческая смута теряетъ значительную долю своей оригинальной окраски.

Русская смута—своеобразный протестъ русскаго общественнаго мнѣнія противъ извѣстнаго государственнаго, политическаго и отчасти соціальнаго уклада; для нея былъ годенъ разстрига, воръ, жидъ, полякъ, все равно кто-бъ ни былъ. Смута иноземная только и мыслима подъ флагомъ законнаго претендента. Это хорошо понималъ такой продажный авантюристъ, какъ Маржеретъ [3]), признававшій царевичемъ

[1]) Историческая наука не можетъ, конечно, довольствоваться одними убѣжденіями: она требуетъ доказательствъ, вполнѣ обоснованныхъ. Къ сожалѣнію, съ тѣхъ поръ, какъ 40 лѣтъ назадъ арх. Филаретъ напечаталъ свое «Изслѣдованіе о смерти царевича Димитрія» («Чтеніе», 1858, I), появилось нѣсколько статей по этому вопросу (Лядовъ—«Журн. М. Н. Пр.», 1859, III; Костомаровъ—«Вѣстникъ Европы», 1873; Бѣловъ—«Журн. М. Н. Пр.», 1873, VI), но ни одного ученаго изслѣдованія.

[2]) Особенно въ обстоятельной статьѣ П. Казанскаго «Изслѣдованія о личности перваго Лжедимитрія», въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1877.

[3]) Его «Estat de l'empire de Russie et grand duché de Moscovie» было дважды переведено на русскій языкъ: «Историческія Записки», сочиненія

Димитріемъ Іоанновичемъ равно перваго Лжедимитрія и Тушинскаго Вора, продававшій свои услуги одинаково русскимъ и полякамъ, предлагавшій свою помощь безразлично Сигизмунду и Пожарскому. Какъ князь Димитрій Михайловичъ отвергъ военныя услуги Маржерета «за его неправду» [1]), такъ по той же причинѣ долженъ быть отвергнутъ и его разсказъ о спасеніи малолѣтняго Димитрія отъ убійцъ въ Угличѣ.

Тѣмъ же иностраннымъ источникамъ обязаны мы не менѣе ложнымъ извѣстіемъ, будто Лжедимитрій есть созданіе іезуитовъ, которые «его отъ самыхъ младыхъ лѣтъ къ будущей трагедіи изрядно наставляли». Это мнѣніе было высказано протестантами, врагами іезуитовъ, постоянно поддерживалось въ Германіи и, если не ошибаемся. впервые было разработано у насъ митр. Платономъ въ его «Церковной Россійской исторіи». Въ настоящее время это мнѣніе вполнѣ опровергнуто и никѣмъ уже не повторяется. Этимъ историческая наука обязана трудамъ о. Пирлинга, члена Общества Іисуса: въ своемъ произведеніи «Rome et Démétrius» авторъ, рядомъ обнародованныхъ имъ депешъ папскаго нунція въ Польшѣ, Клавія Рангони, твердо установилъ, что лишь въ мартѣ 1604 года, уже послѣ признанія польскимъ королемъ Сигизмундомъ Лжедимитрія за сына Іоанна IV, іезуиты впервые обратили на него вниманіе.

Вообще Смутное время—чисто русское «дѣло» и только русскіе источники хранятъ ключъ къ его пониманію. Что даютъ и что могутъ дать намъ иностранные источники? Одни чисто внѣшніе факты — торжественные въѣзды и праздничныя увеселенія, выходы, пріемы. пиры: внутренній смыслъ событій, совершавшійся на глазахъ иноземцевъ, бывшихъ въ Москвѣ, сокрытъ отъ нихъ и имъ непонятенъ. Иностранныя

Маржерета, Москва, 1830, и «Состояніе Россійской державы и великаго княжества Московскаго», Спб., 1837, въ 3-мъ томѣ «Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ», Устрялова.

[1]) «Собр. Гос. Грам.», II, 607.

извѣстія служатъ лишь иллюстраціей, не болѣе, и къ тому же неосмысленной сознательнымъ пониманіемъ и не согрѣтой живымъ чувствомъ.

Авраамій Палицынъ со слезами поминаетъ погубленныхъ Лжедимитріемъ Петра Тургенева, Ѳедора Калачника, дьяка Тимоѳея Осипова—все это звукъ пустой для какого-нибудь Паерлэ или Маскѣвичэ; удаленіе патріарха Іова ничего не говоритъ французу Маржерету; ссылка 70 семей боярскихъ незамѣтна для голландца Геркмана. Отношенія Лжедимитрія къ великой княжнѣ Ксеніи Борисовнѣ—страничка изъ chronique scandaleuse для Маржерета, не заслуживающая даже упоминанія. Честный Масса говоритъ: «Не было ни дьяка, ни чиновника, который не испыталъ бы на себѣ его немилости: уча ихъ приличнымъ манерамъ и развязности, что имъ не очень нравилось, сломалъ объ ихъ ляжки нѣсколько палокъ»; а вотъ свидѣтельство патріарха Гермогена: «Владѣя государствомъ мало не годъ, и которыхъ злыхъ діаволихъ дѣлъ не дѣлалъ? И коего насилія не учинилъ? Святителей съ престола свергъ... бояръ и дворянъ и приказныхъ людей, и дѣтей боярскихъ многихъ городовъ, гостей и всѣхъ служилыхъ и торговыхъ людей многихъ крови пролія, и смерти предаде, а у иныхъ имѣнія аки разбойникъ разбилъ и многимъ всякимъ женамъ и дѣтямъ блудное насиліе учинилъ». Бучинскій пишетъ, что Лжедимитрій царствовалъ по «системѣ управленія милостію»; Авраамій Палицынъ поясняетъ эту милость такъ: «Отъ злыхъ же враговъ, казаковъ и холопей вси умніи токмо плачуще, слова же рещи не смѣюще [1]); аще бо на кого нанесутъ, яко разстригой нарицаетъ кто, и тотъ человѣкъ безвѣстно погибаетъ; во всѣхъ градѣхъ россійскихъ и въ честныхъ монастырѣхъ, и мірстіи, и иноцы мнози погибоша, овіи заточеніемъ, овѣмъ же рыбная утроба гробъ

[1]) Лишь къ концу Смутнаго времени стали появляться воровскіе подметные листы, если одинъ изъ сохранившихся не единственный. *Платоновъ*, Новая повѣсть о Смутномъ времени, въ «Журн. М. Н. Пр.», 1886.

бысть». Отвергать свидѣтельство иноземныхъ очевидцевъ, конечно, нельзя; но преувеличивать значеніе ихъ, всеконечно, не слѣдуетъ, особенно же въ вопросахъ, имъ вполнѣ чуждыхъ и совершенно непонятныхъ.

Относительно перваго Лжедимитрія иностранныя свидѣтельства, преимущественно польскія [1]), имѣютъ особенную важность за время пребыванія его въ Польшѣ. Такъ, напримѣръ, о переходѣ Лжедимитрія изъ православной въ католическую вѣру о. Велевицкій сохранилъ въ своей исторіи драгоцѣнныя свѣдѣнія, правдивость и точность которыхъ вполнѣ подтверждается вновь открытыми документами, изданными о. Пирлингомъ. Недавно имъ же изданъ одинъ изъ такихъ документовъ, имѣющихъ рѣшительное значеніе именно по вѣроисповѣдному вопросу.

Былъ ли первый Лжедимитрій католикомъ? Даже такой существенно важный вопросъ возбуждалъ до послѣдняго времени сомнѣнія и рѣшался, по догадкамъ, различно. Костомаровъ предполагалъ, что первый Лжедимитрій никогда не переходилъ въ «латинство». Передавая извѣстіе о томъ, что Лжедимитрій, будучи въ Краковѣ, «пришелъ въ іезуитскій домъ ради принятія римско-католической вѣры, а потомъ отъ нунція былъ причащенъ Св. Тайнъ и помазанъ миромъ въ утвержденіе вѣры», прибавляетъ: «сказаніе это болѣе чѣмъ сомнительно»; излагая сущность второго письма Лжедимитрія къ папѣ Клименту VIII, отъ 30-го іюля 1604 года, Костомаровъ заключаетъ: «Въ письмѣ не было ни явнаго принятія католичества или уніи, ни положительнаго обѣщанія за свой народъ. Все ограничивалось двусмысленными изъявленіями расположенія; католики могли толковать его къ своей выгодѣ такъ, какъ будто Димитрій уже принялъ римско-католическую вѣру; Димитрій оставлялъ возможность на будущее время оставаться съ одною терпимостью римско-католиче-

[1]) См. Autentyczne świadectwa o wzajemnych stosunkach pomiędzy Rossyą a Polską szczególniéj zaś za czasów samozwańców w Rossyi. Wydany przez Pawła Muchanowa. Moskwa, 1834.

«скаго вѣроисповѣданія, не давая ему исключительнаго первенства» [1]) и т. п.

Сомнѣніе не основательно и заключеніе не серьезно. Костомаровъ имѣлъ право, конечно, не придавать особаго значенія словамъ извѣстительной грамоты царя Василія Іоанновича, что «умыслъ злодѣйской разстриги Гришки былъ разорити истинная православная христіанская вѣра, а учинити во всемъ Московскомъ государствѣ римская вѣра»; но онъ не могъ игнорировать показанія Станислава и Яна Бучинскихъ, «бывшихъ въ приближеніи» у Лжедимитрія, что этотъ громко заявлялъ: «Въ римскую вѣру вскорѣ всѣхъ приведу, велю костелы римские ставити, а въ церквахъ русскихъ пѣти не велю» [2]). Костомаровъ долженъ былъ знать, что письмо Лжедимитрія къ папѣ, отъ 30-го іюля, было уже второе, такъ какъ о первомъ, посланномъ въ апрѣлѣ, упоминаетъ Велевицкій. Между тѣмъ, во второмъ письмѣ излишне было уже упоминать о «принятіи католичества», когда этому именно посвящено все первое письмо, отъ 24-го апрѣля.

Велевицкій сообщаетъ въ своей исторіи, что первое письмо Лжедимитрія къ папѣ Клименту VIII было писано въ апрѣлѣ 1604 года, изъ Кракова, по-польски, и другими переведено на латинскій языкъ. Нунцій Рангони доносилъ, отъ 24-го апрѣля 1604 г: «Онъ далъ мнѣ собственноручно имъ писанное и подписанное по-польски (in Polacco) письмо къ его святости, прося меня извинить дурной почеркъ (carrattere non buono) и нескладность (dettatura) и переслать его» [3]), при чемъ нунцій сообщаетъ, что приложенный латинскій переводъ сдѣланъ о. Савицкимъ. Этотъ латинскій переводъ былъ впервые изданъ

[1]) *Костомаровъ*, Смутное время Московскаго государства, Спб., 1868, I. 102, 123.

[2]) «Собр. Госуд. Грам.», II, 297, 298, 309. Въ записи Лжедимитрія отъ 25-го мая 1604 г. онъ категорически заявляетъ: «Станемъ о томъ накрепко промышляти, чтобъ все государство Московское въ одну вѣру римскую всѣхъ привести, и костелыбъ римские устроити» (Ibid., 161).

[3]) *Pierling*, Rome et Démétrius, 187.

о. Пирлингомъ въ 1877 году; недавно ему же посчастливилось найти польскій оригиналъ, при чемъ оказалось, что сдѣланный о. Савицкимъ переводъ неточенъ и неполонъ.

Lettre de Dmitri dit le Faux à Clément VIII, publiée par le p. Pierling, S. J. Avec quatre fac-similés en phototypie. Paris, 1898 — таково полное заглавіе послѣдняго изданія о. Пирлинга, оказавшаго имъ новую, важную услугу исторической наукѣ. Благодаря новѣйшимъ усовершенствованіямъ фотографіи, здѣсь изображенъ фототипіей самый подлинникъ перваго письма Лжедимитрія къ папѣ Клименту VIII. Письмо Лжедимитрія папѣ писано на большомъ листѣ бумаги и занимаетъ первыя три страницы; оно было сложено пакетомъ и на четвертой страницѣ, другою рукою, написанъ адресъ по-латыни, съ обычными сокращеніями: Sanctissimo Domino Nostro Domino Clementi divina providentia Papae Octavo. На оборотной сторонѣ пакета, противоположной адресу, приложена большая подъ кустодіею восковая печать малороссійскаго издѣлія: государственный гербъ — двуглавый орелъ съ Георгіемъ Побѣдоносцемъ — и вокругъ надпись русская «Дмитръ Ивановичъ Божью милостию царевичъ Московски».

Польскій оригиналъ письма Лжедимитрія къ Клименту VIII очень характеренъ. Встрѣчающіеся руссицизмы — опущеніе z послѣ r (Rimski вм. Rzimski), обозначеніе носовыхъ гласныхъ вставкою n (odstempstwo вм. odstępstwo), замѣна польскаго y русскимъ i (prziczina вм. przyczyna), смягченіе e приставкою i (piewny вм. pewny) и т. п. — несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что письмо писано русскимъ, не вполнѣ владѣвшимъ польскою рѣчью. Этими руссицизмами усѣяно все письмо настолько, что они затрудняютъ даже чтеніе, не только пониманіе письма. Однѣ эти особенности письма категорически опровергаютъ нелѣпую сказку, будто Лжедимитрій былъ креатурой іезуитовъ и поляковъ: ученикъ іезуитовъ сумѣлъ бы написать папѣ письмо на латинскомъ языкѣ, а воспитанникъ поляковъ не сдѣлалъ бы столь грубыхъ ошибокъ въ польскомъ, даже до замѣны польскаго N русскимъ Н.

Содержаніе письма еще характернѣе языка его. Смыслъ содержанія не оставляетъ уже ни малѣйшаго сомнѣнія относительно вѣроисповѣднаго вопроса.

Вотъ подлинное письмо съ сохраненіемъ характерной орѳографіи:

Haswiętszy y bogosławijony
w Christusie oycze.

Ktom iest ktory sie do W. S. pisac waze, ozaymi Prewielebny Poseł W. S. do naiasnieyszego Krola Polskiego ktoremum sie swoych prigod zwieril. Ucziekaiąc o tyrana y uchodząc smiercy, od ktorey mie diwną opatrznoscią swą Pan Bog ieszcze w dziecinstwije wybawił, przemieszkalem na pred w samem Panstwie Moskwieskiem miedzy czierncamij do czasu piewniego, potym w granicach Polskych nepoznany y zataiany. Prziszedl czas y zemsia oznaymyc musel y priswany do naiasnieyszgo krolia Polskiego, katolickiemum sia nabozenstwu S. koscila Rimskiego pripatruiąnc naliazłem z łasky Boziey wieczne y lepsze krolewstwo nizli to s ktoregom złupiony iest. Bo radząc sie o duszi swoiey doznałem w iakijm y iako niebespiecznym odszczepienstwie y schizmie Greckiego od iednoscy Koscielnoy odstemptwa wszytko Panstwo Moskiewskye zostałsie. y iako niepokalaną y starowieczną nauke wiary krzescyanstiey y apostolskiey Kosciola Rzimskiego Grekowie zlie udayą, y przetom do tey nauky y ienosczy Kosciola Katoliczkyego z serca z niesasłuzoney lasky bozey przistąpile y zmocnyony sakramenty koscielnymy stałem sie iuz napodlieyszą owieczką W. S., iako Pasterza naywyssz ego wszystkiego Krzesciańst wa. Acz taie sie musze czekaiąc co ze mna Pan Bog uczyny ktorzy mie s tak złego razu wyswobodzył. Mam w tym nadzicie yz mye na dziedziczne y starowieczne y krwije czarew Moskyewskych na mne samego przypadaiące Panstwo posadzy. bendziell Boska wolia iego ktorey sije zupełnie oddaye. Nie bendziely tez woliey swientey y upodobania iego ia mam na tym dosle [illegible] Prawde Catolicka poznal y S. Koscziolem Bozim wzlolem [illegible] wienne z iednoczenie. ktore mie do wiecznego Krol[illegible] [illegible] przwiadzie; otworzili mi Pan Bog droge do stolice [illegible] [illegible]

wem służącey, a weyzrzi na moie sprawiedliwosc i unizenie y pokornie prosze abysmie z opieky y pomocy swei niewipuszczał, Oycze wszytkych owiec christusowych. Moze przezenme nyegodnego Pan Bog w nawrocenyu dusz blendnych y ziednoczeniju w kosciol swoy wielkich narodow chwale swoye rozszerzyc. Kto wie na co mye tak zostawił y do swego Kosciola przygarnel y przilączil. Całuiąc nogi Waszey S. iaco Christusa samego s pokornym y niskym pokłonem oddaię moie posłuszenstwo y poddanstwo W. S. iako naywysszemu Pasterewi y Oycu wszytkiego Chrzescianstwa. Co taiemnie czinie y o zataienie tego dla wielgich prziczin pokornie W. S. proszę. Dan s Krakowa, 24 Aprel Roku 1604.

W. S.

naniszy sługa

Dmitr ywanowicz Carewicz welikiey Rusi
y Dziediziz Panstw monarchiy Moskiewskiey.

(Переводъ). Святѣйшій и благословенный во Христѣ отецъ! Высокопреподобный посолъ Вашего Святѣйшества при наисвѣтлѣйшемъ польскомъ королѣ, которому я довѣрилъ всѣ свои приключенія, извѣститъ Ваше Святѣйшество о томъ, кто есть тотъ, который дерзаетъ писать Вашему Святѣйшеству. Убѣгая отъ тирана и спасаясь отъ смерти, отъ которой Господь Богъ чуднымъ своимъ Промысломъ предохранилъ меня въ дѣтствѣ, я пребывалъ сперва нѣкоторое время въ самомъ Московскомъ государствѣ, среди монаховъ, потомъ въ предѣлахъ польскихъ, неузнанный и скрывающійся. Пришло время, когда я долженъ былъ открыться и, призванный къ наисвѣтлѣйшему королю польскому, я, познавъ католическое богослуженіе св. римской церкви, нашелъ, по милости Божіей, вѣчное и лучшее царство, чѣмъ то, которое у меня похитили. Ибо, заботясь о душѣ своей, я сознаъ, до какой степени и въ какомъ опасномъ отщепенствѣ и въ какой схизмѣ греческой, внѣ церковнаго единенія, находится все Московское царство и какъ ложно толкуютъ греки не-

запятнанный и древній догматъ вѣры христіанской и апостольской римской церкви, и тогда я, по незаслуженной милости Божіей, возсоединился сердцемъ съ этимъ догматомъ и единствомъ католической церкви, и, укрѣпленный церковными таинствами, я сталъ ничтожнѣйшею овечкою Вашего Святѣйшества, наивысшаго пастыря всего христіанскаго міра. Хотя я долженъ скрываться, въ ожиданіи, что сотворитъ со мною Господь Богъ, спасшій меня отъ такого злого рока, я надѣюсь, что Онъ возведетъ меня на прародительскій и древній тронъ, принадлежащій мнѣ и по крови царей московскихъ, если такова Его Божья воля, которой я вполнѣ подчиняюсь. Если-жъ не такова Его святая воля и Его намѣреніе, я и тѣмъ уже доволенъ, что позналъ католическую истину и вошелъ въ спасительное единеніе съ церковью Божіей, которое приведетъ меня въ вѣчное царство. Откроетъ ли Господь Богъ мнѣ путь къ столицѣ, составляющей мое наслѣдіе; воззритъ ли на правоту мою и на мое приниженье, я покорно прошу не лишать меня Вашего, отецъ всѣхъ овецъ Христовыхъ, попеченія и помощи. Господь Богъ черезъ меня негоднаго можетъ распространить свою славу обращеніемъ заблудшихъ душъ и присоединеніемъ къ церкви своей великихъ народовъ. Кто знаетъ, зачѣмъ Господь Богъ меня такъ охранялъ и привлекъ и привязалъ къ своей церкви? Цѣлуя ноги Вашего Святѣйшества, какъ бы самого Христа, съ покорнымъ и низкимъ поклономъ приношу Вашему Святѣйшеству, какъ высочайшему пастырю и отцу всего христіанскаго міра, свое послушаніе и подчиненность. Дѣлаю это тайно и, ради важныхъ причинъ, покорно прошу Ваше Святѣйшество о сохраненіи этого въ тайнѣ. Данъ въ Краковѣ, 24-го апрѣля 1604 года.

Вашего Святѣйшества
нижайшій слуга
Димитрій Ивановичъ, царевичъ великой Россіи и наслѣдникъ владѣній Московской монархіи.

Это письмо Лжедимитрія произвело въ Ватиканѣ чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе. Папа Климентъ VIII прочелъ латинскій переводъ и написалъ на немъ: Ne ringratiamo Dio grandemente, ne daremo voto almeno nella congregatione del Sancto Officio; посмотрѣлъ папа на польскій оригиналъ и положилъ на немъ слѣдующую резолюцію: Come habbiamo detto nel altre, se gli risponda con un breve amorevolissimo, что и было немедленно же исполнено—responsio Pontificis per infrascriptum Breve подписано папою 22-го мая 1604 г.

Такъ папа; а мы? Мы, теперь, наученные историческимъ опытомъ протекшихъ 300 лѣтъ, можемъ уже спокойно отнестись къ этому письму и безъ предвзятой ненависти опредѣлить дѣятелей прошлаго и воздать коемуждо по дѣломъ его.

Положеніе самозванца всегда критическое; оно переносится только сознаніемъ, что ему терять нечего. Кто-бъ ни былъ Лжедимитрій, его положеніе въ Краковѣ было отчаянное. Одинъ, безъ всякихъ средствъ, кромѣ дерзкой энергіи и упрямой воли, безъ всякихъ правъ, кромѣ затаеннаго недовольства русскихъ людей, безъ пособниковъ, безъ всякой поддержки, Лжедимитрій постучался у вратъ католической церкви и письмомъ къ папѣ ступилъ на вѣрный и, въ его положеніи, единственно надежный путь.

Папы не таили своихъ цѣлей относительно Московіи, какъ въ то время называли Россію, и не имѣли нужды скрывать свои планы. Просвѣтить Россію свѣтомъ истиннаго христіанскаго ученія въ духѣ римско-католической церкви и поставить затѣмъ Россію во главѣ новаго крестоваго похода противъ турокъ, для окончательнаго изгнанія ихъ изъ Европы—вотъ папская политика того времени относительно православной Руси. Лжедимитрій, долго жившій по монастырямъ, даже въ Москвѣ и Кіевѣ, двухъ политическихъ центрахъ, зналъ эту политику и, въ бесѣдѣ съ папскимъ нунціемъ при польскомъ дворѣ, архіеп. Рангони, онъ не только апробовалъ папскую политику, но не двусмысленными намеками, а

очевидными для нунція дѣлами, и прежде всего отреченіемъ отъ православія и принятіемъ католичества, рѣшительно принималъ на себя выполненіе главнѣйшей задачи Рима для достиженія цѣли, папствомъ преслѣдуемой.

Климентъ VIII и Павелъ V ни малѣйше не сомнѣвались, что имѣютъ дѣло съ несчастнымъ претендентомъ, а не съ наглымъ самозванцемъ. Не только папа, поставленный внѣ возможности опредѣлить самоличность автора письма, но и папскій нунцій въ Польшѣ даже не приступалъ къ изслѣдованію, дѣйствительно ли появившійся претендентъ есть сынъ царя Ивана IV Грознаго; римское духовенство вполнѣ удовлетворялось въ этомъ случаѣ взглядами и рѣшеніями свѣтской власти съ польскимъ королемъ во главѣ—всѣ признаютъ претендента царевичемъ Димитріемъ, признаетъ его такимъ и римская курія. Климентъ VIII былъ совершенно искрененъ, когда, прочтя письмо даже въ неполномъ латинскомъ переводѣ, воскликнулъ: Ne ringratiamo Dio grandemente!

Обращаетъ на себя вниманіе языкъ письма: претендентъ на русскій престолъ, человѣкъ, выдающій себя за «царевича великой Россіи и наслѣдника владѣній Московской монархіи», пишетъ папѣ письмо на польскомъ языкѣ. Почему не на русскомъ? Для папы, конечно, безразлично требовался латинскій переводъ какъ русскаго, такъ и польскаго письма; но для Лжедимитрія было въ высшей степени важно скрыть содержаніе письма и даже самый фактъ переписки съ папою отъ немногихъ русскихъ, находившихся въ то время въ Краковѣ. Къ тому же, изъ приближенныхъ къ Лжедимитрію лицъ католическаго духовенства, большинство составляли поляки, и о. Савицкій, напримѣръ, могъ, въ случаѣ затрудненія, даже помочь ему въ изложеніи польской рѣчи, между тѣмъ какъ переводъ для папы русскаго письма на латинскій языкъ затруднилъ бы, вѣроятно, даже того же о. Савицкаго. Ставить польскій языкъ въ вину Лжедимитрію, видѣть въ этомъ какое-то небреженіе русскимъ чувствомъ, едва ли справед-

ливо. Позже, Лжедимитрій переписывался съ Римомъ не на польскомъ языкѣ и второе его письмо къ папѣ, уже Павлу V, писано на латинскомъ языкѣ.

Польскій языкъ до крайности затруднялъ Лжедимитрія. Его письмо кишитъ ошибками, почти немыслимыми для поляка, по сравненію съ языкомъ современныхъ ему польскихъ изданій. Лжедимитрій не умѣетъ даже подписать свое имя по-польски. Имя Димитрій совершенно чуждо польскому языку, и въ офиціальныхъ актахъ поляки копировали его съ русскаго довольно правильно *Dimitr* [1]); Лжедимитрію это не удавалось: акты на польскомъ языкѣ всѣ подписаны имъ разно— сперва онъ писалъ *Dmitr*, потомъ *Deomitr*, позже *Demetry* [2]), пока, наконецъ, не замѣнилъ польской подписи латинскою *Demetrius*. Въ разсматриваемомъ письмѣ, вѣроятно, одномъ изъ первыхъ его актовъ на польскомъ языкѣ, употреблена форма, наименѣе удачная—Dmitr, и она же повторена въ русской печати—Дмитръ—вѣроятно, подъ вліяніемъ малороссійскаго произношенія.

Послѣдствія не только письма Лжедимитрія къ папѣ, но и его самозванства—извѣстны. Когда первый Лжедимитрій погибъ, его ближайшій пособникъ, Юрій Мнишекъ, воевода Сендомірскій, на допросѣ показалъ о немъ: «Прежде, пока явился въ Польшѣ, пребывалъ въ Кіевѣ въ монастырѣ, въ старческомъ одѣяніи, а потомъ, бывъ у воеводы кіевскаго, не хотѣлъ сказаться и пришелъ къ князю Адаму Вишневецкому, сказывая и въ томъ его обнадеживая, что онъ есть истинный потомокъ усопшаго великаго князя московскаго Ивана, предлагая то, какъ его Господь Богъ, помощью доктора его, отъ смерти спасъ, положа на томъ мѣстѣ иного младенца, который въ Угличѣ зарѣзанъ; а потомъ тотъ докторъ отдалъ его къ нѣкоторому боярскому сыну для воспитанія, который тогда присовѣтовалъ скрыться ему между

«Собр. Госуд. Грам.». II, 209. 215.
Ibid., 162, 199, 237.

чернецами» [1]). Сомнѣваться въ этомъ показаніи нельзя — Мнишекъ точно повторяетъ слова Лжедимитрія; но нельзя вѣрить словамъ Лжедимитрія. Эта сказка, впервые записанная полякомъ, была повторена потомъ многими иностранцами и до настоящаго времени продолжаетъ еще смущать лицъ. не сознающихъ, что углицкое преступленіе послужило только предлогомъ, а причины русской смуты были болѣе глубокія и преимущественно внутреннія, непонятныя Мнишкамъ, Маржеретамъ и инымъ иноземцамъ.

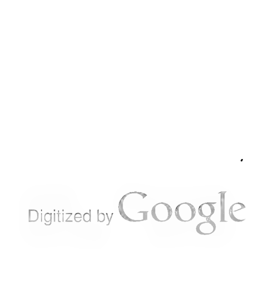
---

[1]) Ibid., II, 293.

ЮРІЙ КРИЖАНИЧЪ.

Новыя данныя изъ римскаго архива.

Русская Старина, 1892.

ЮРІЙ КРИЖАНИЧЪ.

Въ половинѣ XVII стол. въ Москву явился необыкновенный иноземецъ. Хорватъ по рожденію, признававшій себя русскимъ; католикъ по вѣрѣ, стремившійся стать православнымъ и презиравшій грековъ; подданный нѣмецкаго государства, ненавидѣвшій нѣмцевъ, онъ ставилъ Россію во главѣ всего славянскаго міра и въ то же время громко и не стѣсняясь указывалъ и рѣзко порочилъ вопіющіе недостатки всего московскаго строя. Онъ бывалъ у ближнихъ бояръ, посѣщалъ дома Бориса Ивановича Морозова и Аѳанасія Лаврентьевича Ордына-Нащокина, какъ и домъ князя Ивана Борисовича Репнина, вездѣ былъ хорошо принятъ, всѣ съ любопытствомъ внимали его рѣчамъ, новымъ, иногда не вполнѣ понятнымъ, но всегда полнымъ, какъ казалось, правды, житейской мудрости. Все въ немъ поражало москвичей, даже самая рѣчь—русская въ основѣ, но съ примѣсью хорватскихъ выраженій. «Я думаю,— говорилъ онъ,—нѣтъ между нами такого дурака, который находилъ бы, что русская, московская, сербская, чешская рѣчь отличается отъ нашей, хорватской: все это одна и та же рѣчь, въ которой измѣнены лишь нѣкоторыя слова». И русскіе понимали его. Понимали слова, но дивились смыслу.

Смыслъ его рѣчей былъ строго обличительный. «Нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ такого мерзкаго, отвратительнаго, повальнаго пьянства, какъ на Руси, а всему виною казенные кабаки. Нигдѣ нельзя выпить вина или пива, кромѣ какъ въ царскомъ кабакѣ, а тамъ посуда —годная только для свиного хлѣва. Пойло

премерзкое и продается по чертовской цѣнѣ. И даже эти кабаки рѣдки; только въ городахъ по нѣсколько кабаковъ; иные сельскіе жители почти всю жизнь не видятъ водки, а ужъ когда доберутся до нея, то набрасываются, какъ бѣшеные, безъ стыда, пьютъ до безчувствія и думаютъ, что этимъ исполняютъ Божью и царскую заповѣдь». Не только о простомъ народѣ, такъ же смѣло и рѣзко отзывался онъ и о пьянствѣ бояръ: «Хозяинъ только о томъ и заботится, чтобы поскорѣе напоить гостей до пьяна, обратить ихъ въ свиней. Разсадитъ хозяинъ гостей вокругъ голаго стола, безъ пищи, безъ хлѣба; они сидятъ такъ часа три-четыре и только жбаны ходятъ кругомъ, и многіе, выпивъ натощакъ, пьянѣютъ и уже не думаютъ о пищѣ. Ни у нѣмцевъ, ни у другихъ славянъ нѣтъ такого мерзкаго пьянства; нигдѣ, кромѣ Москвы, не валяются, въ грязи, по улицамъ, мужики и бабы, нигдѣ не умираютъ отъ пьянства; въ Малороссіи также много пьянствуютъ, но здѣшнее пьянство гораздо сильнѣе и отвратительнѣе, а что всего глупѣе—здѣсь сами же правители суть зачинщики и устроители этого зла». Зайдетъ ли рѣчь о русскомъ войскѣ, небывалый иноземецъ находитъ, что русскіе «воины ходятъ въ тѣсномъ платьѣ, точно зашитые въ мѣшокъ, головы у нихъ голыя, какъ у телятъ, а грязныя бороды дѣлаютъ ихъ подобными скорѣе дикарямъ, чѣмъ храбрымъ ратникамъ». Ему вообще не нравилась русская одежда, слишкомъ яркихъ цвѣтовъ, росписанная, расшитая: «Чужіе народы ходятъ въ черныхъ и сѣрыхъ одеждахъ, безъ золота и каменьевъ, безъ шнурковъ и бисера: здѣсь даже простолюдины обшиваютъ себѣ рубахи золотомъ, чего въ другихъ земляхъ не дѣлаютъ и короли».

И не только на внѣшность нападалъ этотъ иноземецъ. Онъ былъ знакомъ съ русскимъ государственнымъ строемъ и рѣзко обличалъ его недостатки: «По лютымъ, тиранскимъ законамъ царя Ивана Грознаго, всѣ приказные, начальныя и служилыя лица должны присягать государю въ стремленіи приносить

прибыль государевой казнѣ и не опускать никакого способа къ ея умноженію. Вотъ проклятый законъ, вотъ безбожная присяга! Вслѣдствіе этого, приказные, именемъ царя, какъ для царя, такъ и для себя лично томятъ, терзаютъ, обираютъ несчастныхъ подданныхъ. А вотъ и еще тиранскій законъ: сановники, связанные присягою, не даютъ никакого жалованья приказнымъ людямъ въ уѣздахъ или даютъ очень малое, а между тѣмъ велятъ имъ носить дорогое платье. Что же остается дѣлать бѣднымъ людямъ? Воровать. Правители областей, цѣловальники и всякіе служилые люди продаютъ правду и заключаютъ сдѣлки съ ворами для своей личной выгоды. Бѣдный подьячій сидитъ въ приказѣ по цѣлымъ днямъ, иногда даже ночамъ, и получаетъ алтынъ въ день или двѣнадцать рублей въ годъ, между тѣмъ какъ одно платье стоитъ болѣе двѣнадцати рублей! Чѣмъ же ему кормить себя, семью, прислугу? Понятно чѣмъ — продажею правды. Не удивительно, что въ Москвѣ много воровъ и разбойниковъ; удивительно, какъ могутъ еще честные люди жить въ Москвѣ!»

Дивились москвичи такимъ рѣчамъ, и когда спрашивали обличителя, какъ помочь горю, онъ отвѣчалъ: «Пусть царь дастъ людямъ всѣхъ сословій соотвѣтственную, согласную съ правдою свободу; пусть на царскихъ чиновниковъ будетъ надѣта узда, чтобы они не могли практиковать злые умыслы и доводить людей до отчаянія. Свобода есть единственный щитъ, способный оградить подданныхъ отъ злобы чиновниковъ; свобода есть единственный способъ удержать правду въ государствѣ. Никакія запрещенія, никакія наказанія не въ состояніи удержать чиновниковъ отъ худыхъ дѣлъ, а думскихъ людей отъ раззорительныхъ для народа совѣтовъ, если нѣтъ свободы».

Такія совершенно новыя идеи разглашалъ въ Москвѣ въ половинѣ XVII в. хорватъ Юрій Крижаничъ. Рѣчи и обличенія «небывалаго иноземца» обратили на него вниманіе властей. Какъ иностранецъ, Крижаничъ подлежалъ вѣдѣнію при-

каза лифляндскихъ дѣлъ, которымъ управлялъ въ то время А. Л. Ордынъ-Нащокинъ, человѣкъ умный, мечтавшій о преобразованіяхъ, не разъ переговаривавшійся со шведами, нѣмцами, поляками. Подивился онъ Крижаничу: его сынъ, Воинъ Аѳанасьевичъ, бѣжалъ изъ Россіи за границу, а Крижаничъ добровольно прибылъ изъ-за границы въ Москву! Являлось невольное подозрѣніе въ искренности Крижанича, тѣмъ болѣе, что высказанные имъ мотивы пріѣзда въ Россію казались непонятными, звучали дико даже для лучшихъ москвичей того времени. Крижаничъ объяснялъ, что прибылъ въ Россію по тремъ побужденіямъ: желая составить грамматику и лексиконъ русскаго языка, какъ языка общеславянскаго: предполагая написать исторію русскаго народа, «зазорно» оклеветаннаго нѣмцами, и, наконецъ, намѣреваясь раскрыть русскимъ тѣ обманы, которыми иноземцы вредятъ Россіи. Такіе мотивы не заключали въ себѣ ничего преступнаго, но казались совершенно невѣроятными, и Крижаничъ представлялся какимъ-то авантюристомъ, бродягой. «Меня прозвали бродягой, скитальцемъ, волокитой, чего я не заслуживалъ. Я прибылъ къ единственному на свѣтѣ государю своего народа и языка, къ своему народу и на свою родину; я пришелъ въ такое мѣсто, въ которомъ одномъ могутъ быть полезны и плодотворны мои продукты, т.-е. грамматика, словарь, переводъ книгъ на языкъ славянскій. Нигдѣ, ни въ какой другой землѣ, мои труды не были бы приняты милостиво—скорѣе во всякой другой части свѣта я былъ бы бродягою и странникомъ, чѣмъ въ русскомъ государствѣ».

Это была правда, но правда, чуждая уму даже лучшихъ москвичей XVII вѣка. Нащокину, человѣку набожному, окончившему жизнь въ добровольномъ постриженіи, казались непонятными и религіозныя побужденія Крижанича: католикъ, онъ желалъ принять православіе, но отказывался отъ практиковавшагося въ то время перекрещенія. Крижаничу говорили: «Если ты умрешь не перекрестившись, то погибнешь отъ

голода, наготы и срамоты и будешь погребенъ, какъ скотина, а если перекрестишься, будешь сытъ и одѣтъ; теперь тебя называютъ еретикомъ, а тогда будешь для всѣхъ честенъ и дорогъ. Не перекрестишься—умирать тебѣ въ ссылкѣ, а перекрестишься — будешь жить покойно, деньгу наживешь». Крижаничъ отвѣчалъ: «Лучше мнѣ умереть безъ іерейскаго прощенія, чѣмъ оскверниться вторымъ крещеніемъ и отступить отъ Христа».

Что̀ еще въ дѣятельности и въ рѣчахъ Крижанича казалось людямъ того времени преступнымъ или предосудительнымъ—неизвѣстно. Извѣстно только, что 20-го января 1661 г. «иноземецъ Юрій Сербинъ» былъ сосланъ въ Сибирь. «А по государеву указу велѣно ему быть въ Тобольскѣ у государевыхъ дѣлъ, у какихъ пристойно. А кормовыхъ ему денегъ велѣно давать по семи рублей съ полтиною на мѣсяцъ». Принимая во вниманіе жестокость администраціи «тишайшаго» Алексѣя Михайловича, можно, конечно, находить, что съ сербиномъ Крижаничемъ было поступлено довольно милостиво: но въ данномъ случаѣ вѣрнѣе всего то впечатлѣніе, которое самъ Крижаничъ вынесъ изъ этой ссылки. Вотъ его слова, писанныя въ Тобольскѣ, въ ссылкѣ: «Въ числѣ тиранскихъ поступковъ необходимо считать и ссылку, за которую Господь посылаетъ свои бичи на властителей и народы. Аристотель признаетъ ссылку за тиранскую жестокость. Изъ всѣхъ дѣйствій, свойственныхъ тиранамъ, самое коварное, мерзкое и жестокое—отправлять безъ суда людей въ ссылку или удалять изъ города; притворяясь милостивымъ, подъ личиною добросердечія, тиранъ мучитъ, сокрушаетъ ссылаемыхъ и тѣмъ держитъ всѣхъ подданныхъ въ какомъ-то паническомъ страхѣ, такъ что никто не безопасенъ ни на одинъ часъ; всѣ ежечасно ожидаютъ удара, который можетъ постигнуть ихъ. Такой городъ съ такимъ дворомъ похожъ уже не на городъ, а на тюрьму, полную людей, обреченныхъ на скорую смерть». Энергичный, впечатлительный Крижаничъ глубоко страдалъ

въ Тобольскѣ, лишенный возможности быть полезнымъ дѣятелемъ; его оскорблялъ даже царскій паекъ: «Четырнадцать лѣтъ уже живу я въ сей сибирской неволѣ. Богу всемогущему многогрѣшенъ, для всего міра бездѣятеленъ, непотребенъ, безполезенъ. Никто не требуетъ отъ меня никакой работы, никакой услуги, ни совѣта, ни помощи, а Божья и царская милость питаетъ меня, бездѣятельнаго, будто какое-то животное».

Ссылка въ Сибирь, ссылка по повелѣнію московскаго именно правительства, была для Крижанича тяжкимъ ударомъ, разбившимъ лучшія упованія всей его жизни. Это былъ жестокій урокъ его стремленіямъ политическимъ, общественнымъ и національнымъ.

Юрій Гаспаровичъ Крижаничъ родился въ 1617 году, въ бѣдной хорватской семьѣ; оставшись сиротою на 16-мъ году, онъ рѣшился посвятить себя духовному званію, для чего посѣщалъ католическія семинаріи сперва на родинѣ, въ Загребѣ, потомъ въ Вѣнѣ и Болоньѣ. Въ 1640 г. онъ поселился въ Римѣ и поступилъ, въ качествѣ конвиктора, въ коллегію св. Аѳанасія, учрежденную для образованія греко-славенскихъ уніатовъ и для подготовки ихъ къ миссіонерской дѣятельности среди православныхъ въ пользу уніи съ Римомъ. Къ этому времени, кромѣ богословскихъ и юридическихъ наукъ, онъ основательно зналъ уже языки нѣмецкій и итальянскій; теперь онъ сталъ изучать греческій языкъ, желая серьезно ознакомиться съ ученіемъ и строемъ восточной церкви, интересовался греческою и русскою литургіею, готовился даже отправлять богослуженіе по греческому обряду. Онъ заявилъ конгрегаціи Пропаганды, что предполагаетъ, по окончаніи занятій въ греческой коллегіи, отправиться миссіонеромъ на счетъ святой конгрегаціи въ Московію, и дѣйствительно, по окончаніи испытанія, далъ обычную присягу папскихъ питомцевъ [1]. Но мысль отправиться въ Россію осуществилась не

[1] Juramentum alumnis pontificiis praescriptum. См. статью О. Перлинка въ «Archiv für Slavische Philologie», 1882, VI, 120.

скоро, хотя и никогда не покидала его. Онъ былъ учителемъ загребской семинаріи, приходскимъ священникомъ въ Недѣльцахъ, гдѣ, весною 1643 года, впервые увидѣлъ русскаго уніатскаго епископа Меѳодія Терлецкаго. Эта встрѣча рѣшила окончательно его судьбу, и, спустя годъ, конгрегація de Propaganda Fide отправила его миссіонеромъ въ Россію. Къ 1650 г. относится первая реляція Крижанича о своей московской миссіи, посланная секретарю пропаганды монсиньору Массари. Эта реляція не сохранилась или, по крайней мѣрѣ, еще не обнародована; извѣстно, однако, отправленное одновременно съ реляціею письмо Крижанича къ кардиналу-префекту пропаганды [1]). Въ этомъ письмѣ подробно изложена миссіонерская программа Крижанича, весьма интересная:

«Въ настоящемъ письмѣ я намѣренъ представить тѣ планы, осуществленіемъ которыхъ я желалъ бы послужить вашему преосвященству. Я предположилъ писать о контроверсіяхъ восточныхъ, такимъ же образомъ, какъ Беллярминъ [2]) писалъ о контроверсіяхъ новѣйшихъ еретиковъ. Въ пользѣ и необходимости такого труда можно убѣдиться изъ слѣдующихъ соображеній:

«1) Какъ Беллярминъ, а за нимъ безчисленные авторы, писавшіе противъ еретиковъ, дѣлалъ не пустое дѣло, а нужное, собирая воедино мнѣнія противниковъ и приводя ихъ въ порядокъ и ясность и давая имъ правильную логическую форму, такъ не былъ бы, повидимому, тщетнымъ подобный трудъ и для схизматиковъ: потому что доселѣ нѣтъ ни одного такого, который былъ бы написанъ по плану и формѣ схоластической и трактовалъ бы полно о всѣхъ трудностяхъ. Сверхъ того, схизматики не менѣе многочисленны, чѣмъ еретики,

---

[1]) *Starine*, Na sviet izdaje Iugoslavenska Akademija, 1886, XVIII, 224.

[2]) Робертъ Беллярминъ, 1542—1621, членъ ордена Іисуса, племянникъ папы Маркелла II, архіепископъ Капуи, библіотекарь ватиканскаго архива, знаменитый богословъ, авторъ извѣстныхъ «Disputationes de controversiis fidei adversus haereticos», заслужившихъ ему кардинальскую шапку.

но менѣе опытны въ литературѣ и менѣе развиты. Изъ этого очевидно, что для нихъ необходимо излагать предметы съ большею ясностью и отчетливостью, чѣмъ для еретиковъ. Наконецъ, почти все, что имъ иногда предлагалось, имѣетъ много ораторскаго безпорядка, но мало формы и логической ясности.

«2) Въ частности, есть схизматики языка иллирскаго, т.-е. именно въ Московіи, гдѣ 15 епископій, и въ Болгаріи и Албаніи, гдѣ двѣ митрополіи, Охридская и Печская, въ которыхъ до 40 епископій. Ко всѣмъ имъ донынѣ никто еще не прикасался какимъ-либо увѣщательнымъ орудіемъ въ пользу уніи. Кажется, поэтому, было бы не пустымъ дѣломъ написать что-либо для стольких народовъ на ихъ языкѣ, особенно потому, что одинъ и тотъ же трудъ можетъ служить и для московитовъ и для другихъ двухъ митрополій съ ихъ народами. Еще на-дняхъ я былъ убѣждаемъ однимъ греческимъ монахомъ написать что-нибудь для названныхъ митрополій.

«3) Въ Московіи въ 1644 году напечатана съ одобренія митрополита огромная книга, наполненная злословіемъ и хулами на католическую церковь. Можно себѣ представить, какой вредъ произойдетъ для католической вѣры, если эта книга, изданная подъ такимъ авторитетомъ, останется безъ отвѣта. Съ другой стороны, это послужитъ скорѣе къ добру, чѣмъ ко злу, такъ какъ этимъ открывается путь къ истинѣ. Если московиты сперва и избѣгали слушать истину, боялись преній, то теперь будутъ обязаны in jure gentium выслушать отвѣты. Такъ какъ они выразили недовѣріе и сдѣлали вызовъ, то католикамъ слѣдуетъ отвѣчать. Поэтому, если бъ кто-нибудь по уполномочію отъ апостольскаго престола явился съ отвѣтами и прещеніемъ святой церкви, то, безъ сомнѣнія, былъ бы выслушанъ и, быть можетъ, не безплодно.

«4) Наконецъ, для такого дѣла не требуется слишкомъ много времени или издержекъ, и не встрѣчается затрудненій. Всѣ контроверсіи или спорные пункты помѣщены въ трудахъ

все дѣло только въ систематизаціи ихъ. Они, къ тому же, не такъ велики и не потребуютъ цѣлаго тома, какъ у еретиковъ. Для изложенія на латинскомъ и греческомъ языкахъ есть много способныхъ людей. Я взялъ бы на себя трудъ перевести для московитовъ и болгаръ и отвезти, куда было бы указано [1]).

«Жду резолюціи вашего преосвященства».

Предложеніе Крижанича, какъ кажется, было одобрено: по крайней мѣрѣ, въ 1656 году имъ была составлена въ Римѣ «Всеобщая библіотека схизматиковъ, обнимающая всѣ доселѣ напечатанныя книги схизматиковъ, въ двухъ томахъ, изъ коихъ въ первомъ двѣнадцать сочиненій, составленныхъ на трехъ языкахъ (древнегреческомъ, новогреческомъ и московскомъ), нынѣ переведены на латинскій языкъ и опровергнуты Юріемъ Крижаничемъ» [2]). Это лишь «первая часть перваго тома»; для окончанія всего труда конгрегація «рѣшила отправить его вторично въ Московію» [3]). Надо полагать, что первое путешествіе Крижанича въ Россію состоялось между 1653 и 1655 гг. [4]); самъ Крижаничъ называетъ его «миссіею въ Московію»; но былъ ли онъ собственно въ Россіи или ограничился посѣщеніемъ Холма или Смоленска, не переступая за польско-литовскіе предѣлы—неизвѣстно.

Въ 1656 г. чума выгнала Крижанича изъ Рима; въ 1657 г. онъ былъ въ Венеціи, гдѣ засталъ русскихъ посланниковъ, Чемоданова и Постникова; въ 1658 году, по его собствен-

---

[1]) *М. Соколовъ*, Новооткрытое сочиненіе Крижанича, въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1891, т. 274, стр. 248.

[2]) Bibliotheca Schismaticorum universa, omnes Schismaticorum libros hactenus impressos, duobus tomis comprehendens, primum quidem a duodecim auctoribus, tribus linguis (gracae antique, graece moderne et moscovitice) composita, nunc autem latine verbatim redita et confutata a Georgio Crisanio. Tomi prioris pars prior. Romae. 1656.

[3]) *Pierling*, см. Archiv, l. c., 122.

[4]) 23-го ноября 1653 г. Крижаничъ служилъ въ Римѣ католическую мессу; 30-го марта 1655 г. онъ участвовалъ въ собраніи иллирійскаго общества св. Іеронима.

нымъ словамъ, «въ Вѣнѣ, приходилъ я въ гостиницу «Золотого Быка», гдѣ стоялъ нашъ посолъ»—нашъ, т.-е. русскій, Яковъ Лихаревъ. Въ началѣ 1659 г. Крижаничъ былъ уже въ Малороссіи, приближался даже къ русской границѣ, когда встрѣтилъ царское войско, шедшее противъ Выговскаго, и возвратился назадъ, въ Нѣжинъ, гдѣ до октября жилъ у Василія Золотаренко, нѣжинскаго полковника.

Здѣсь, въ Нѣжинѣ, не вступая еще въ предѣлы Россіи. Крижаничъ составилъ три записки [1]), рисующія его въ совершенно новомъ свѣтѣ, въ какомъ онъ не являлся ни въ Загребѣ, ни въ Римѣ. Во всѣхъ этихъ запискахъ церковно-религіозные вопросы уступили мѣсто національно-политическимъ; авторъ изъ богослова обратился въ публициста. Въ разгарѣ борьбы съ Польшею изъ-за Малороссіи, въ самую смуту выговщины, Крижаничъ смѣло и рѣзко выступаетъ на защиту правъ Россіи, громко призываетъ «черкасъ» отдаться Россіи и клеймитъ «политическими еретиками» сторонниковъ Польши.

Въ Москвѣ Крижаничъ пробылъ не долго и былъ сосланъ въ Сибирь, въ Тобольскъ, гдѣ онъ оставался болѣе пятнадцати лѣтъ, во все время царствованія «тишайшаго». Алексѣй Михайловичъ скончался въ январѣ 1676 г.; вскорѣ по воцареніи Ѳедора Алексѣевича, «3-го марта пришли въ Тобольскъ государевы грамоты, что Ельчаниновыхъ государь-царь пожаловалъ, изъ опалы велѣно ихъ отпустить къ Москвѣ; да ссыльнаго же дьяка Ивана Савинова сына Горохова совсѣмъ; Юрія Сербянина государь пожаловалъ же: изъ опалы велѣно ихъ, и иныхъ опальныхъ, отпустить къ Москвѣ и подводы давать» [2]). Однако, Крижанича въ Москву еще не допустили—онъ былъ переведенъ «на жительство» въ Соловецкій

---

[1]) Описаніе пути отъ Львова до Москвы, Рѣчь къ малороссіянамъ и Усмотрѣніе о царскомъ величествѣ, см. въ «Чтеніяхъ общ. ист. и древн. росс.», 1876, III, 121.

[2]) Древняя Вивліоѳика, 1788, III, 224.

монастырь, въ ту же ссылку, изъ которой онъ молилъ царя Ѳедора, въ особомъ письмѣ, «меня червя и богомольца твоего совершенно на волю отпустить».

Въ Тобольскѣ написаны Крижаничемъ лучшія его произведенія. Они не утеряли своего значенія для насъ и по настоящее время. У него, у Крижанича, намъ есть чему поучиться, есть надъ чѣмъ поработать. Основная мысль, воодушевлявшая Крижанича, католика и славянина, мысль о развитіи въ славянскихъ народахъ, преимущественно же въ русскомъ, народѣ православномъ, національнаго и политическаго самосознанія, многими еще изъ насъ понимается совершенно превратно. Мы до сихъ поръ еще смѣшиваемъ національный вопросъ съ вѣроисповѣднымъ, чего не допускалъ Крижаничъ. По его мнѣнію, вѣроисповѣдный споръ, раздѣляющій славянъ, есть нелѣпость; въ раздѣленіи церквей онъ видѣлъ не споръ о религіи, а борьбу за владычество патріарховъ и папъ, совершенно чуждую славянамъ. Онъ преподалъ всѣмъ славянамъ, католикамъ и православнымъ, добрый урокъ, которымъ никогда не поздно воспользоваться.

«Глупо дѣлаетъ тотъ, кто вмѣшивается въ чужіе споры, изъ которыхъ ему не можетъ быть пользы. Что выше насъ, то насъ не касается. Раздоръ произошелъ изъ-за соперничества двухъ народовъ, изъ-за верховной власти, мірской и церковной, изъ-за римскаго царства и изъ-за папства. Пусть же борются тѣ, кому даны отъ Бога эти области, римляне и греки, а намъ, славянамъ, онѣ отъ Бога не даны, для насъ онѣ невозможны, намъ онѣ ненужны. Было бы глупо думать, что намъ въ руки можетъ достаться Римское царство или верховная въ церкви власть. Мы, славяне и русскіе, далеки отъ этого. Нелѣпо и неблагоразумно стремиться къ вещамъ недостижимымъ и невозможнымъ. Намъ вовѣки не обладать ни Римскимъ царствомъ, ни папствомъ. Пусть будетъ Римское царство гдѣ хочетъ, пусть будетъ церковное главенство въ Римѣ или Цареградѣ—намъ не слѣдуетъ бороться и вол-

новаться изъ-за чужого спора, изъ котораго намъ не можетъ быть никакой корысти. Лучше по-дружески выслушаемъ обѣ стороны и постараемся помирить ихъ... Мы неповинны защищать чужія привилегіи. Мы приняли отъ грековъ, ляхи отъ римлянъ, святую вѣру и церковные законы. Эти вещи мы повинны хранить и защищать, а не наше дѣло оберегать привилегію и поддерживать греческія или римскія козни. Пусть патріархъ и папа препираются, дерутся, таскаютъ другъ друга за бороды—мы изъ-за этого первенства не должны чинить раздора, ни вступаться за тѣхъ, кто чинитъ раздоръ. Мы, напротивъ, должны мирить римлянъ съ греками, потому что изъ-за нашего народа, изъ-за болгаръ, греки начали проклинать римлянъ. Если нашъ народъ былъ причиною зла, пусть онъ же будетъ и причиною добра».

Кромѣ этого раздора въ христіанскомъ мірѣ, Крижаничъ, живя въ Россіи въ половинѣ XVII вѣка, необходимо долженъ былъ высказаться и по поводу возникшаго тогда раздора въ мірѣ православномъ. По поводу никоновскаго исправленія книгъ онъ высказываетъ слѣдующій взглядъ: «Я всегда такъ думалъ, что ни ошибка въ языкѣ никого не осуждаетъ, ни исправленіе рѣчи никого не спасаетъ; но сердце благочестивое и въ добродѣтеляхъ неутомимое по Божьей милости доставляетъ спасеніе. Поэтому, хотя бы церковныя книги были и въ десять разъ хуже переведены, такая неисправность никому не закрыла бы дороги къ спасенію, и никакъ не слѣдуетъ изъ такихъ пустыхъ причинъ дѣлать церковнаго раздора, ни соблазняться грамматическими ошибками и разорять духовную любовь». Рядомъ съ этимъ, Крижаничъ, хорошо знакомый съ недостатками нашего книжнаго языка, вполнѣ сознавалъ непригодность перевода: «До сихъ поръ въ святомъ Божіемъ писаніи и во всякихъ нашихъ переводахъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ много есть словъ, а мало разума; слышится шумъ многихъ нескладныхъ, извращенныхъ и обломанныхъ рѣчей, а уразумѣть ихъ и извлечь изъ нихъ какую-нибудь душевную пользу невозможно».

Уже по этимъ немногимъ выпискамъ видно, что Крижаничъ на нѣсколько столѣтій опередилъ своихъ современниковъ. Его гуманность въ вопросахъ церковно-религіозныхъ была, конечно, непонятна для русскихъ людей XVII вѣка, выросшихъ и воспитавшихся въ жестокихъ нравахъ. Не удивительно поэтому, что его проповѣдь не имѣла практическаго успѣха; но нельзя сказать, что его дѣятельность не оставила слѣда даже среди русскихъ. Бояринъ Морозовъ сожалѣлъ, слушая Крижанича, что года мѣшаютъ ему поучаться отъ него многому хорошему; конечно, не онъ одинъ становился лучшимъ послѣ бесѣды съ «небывалымъ иноземцемъ». Взвѣсить и оцѣнить вліяніе идей Крижанича на современниковъ невозможно, но и отрицать это вліяніе нельзя. Сохранился цѣлый рядъ указаній на то, что рукописи Крижанича находились у бояръ; напримѣръ, у князя Василія Васильевича Голицына, сподвижника царевны Софіи, и нерѣдко требовались «въ Верхъ», т.-е. ко двору, къ государю[1]). Такъ какъ эти указанія доходятъ до 1714 года, то, конечно, труды Крижанича «во многихъ случаяхъ объясняютъ намъ тѣ пути, по которымъ пошла преобразовательная дѣятельность» Петра I.

Кто знакомъ съ капитальнымъ изданіемъ П. А. Безсонова, «Русское государство въ половинѣ XVII вѣка»[2]), для того не можетъ быть сомнѣнія, что творенія Крижанича производили впечатлѣніе и имѣли вліяніе. Изданный г. Безсоновымъ трудъ Крижанича распадается на три неравныя части, въ которыхъ трактуется о народномъ хозяйствѣ, о военной администраціи и, наконецъ, «о мудрости», точнѣе, о вопросахъ государственнаго права и внѣшней политики. Не только въ XVII в., но и значительно позже, на русскомъ языкѣ не появлялось такого самостоятельнаго, полнаго здравыхъ идей, та-

---

[1]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи, XIII, 196; XIV, 97; *Безсоновъ*, Католическій священникъ сербъ Юрій Крижаничъ, въ «Православномъ Обозрѣніи», 1870 I. 142, 157, 179, 338.

[2]) Москва, 1860, 2 тома. Издатель свидѣтельствуетъ: «осталось въ рукописи на два тома еще такихъ же», въ «Правосл. Обозр.», 1870, I, 356.

кого серьезнаго произведенія. Крижаничъ является здѣсь оригинальнымъ мыслителемъ, во всеоружіи европейскаго просвѣщенія. Его начитанность, поистинѣ, изумительна. Не говоря уже о богословскихъ познаніяхъ и о его классическомъ образованіи, что объясняется пребываніемъ его въ лучшихъ школахъ того времени, Крижаничъ обстоятельно знакомъ съ трудами Филиппа Комина, Паруты, Пика Мирандолы, Мандевиля, Макіавелли, Юста Липсія. Не только въ Тобольскѣ, гдѣ были писаны главныя произведенія Крижанича, даже и въ Москвѣ не видывали подобныхъ «ученыхъ» сочиненій. Содержаніе поражало еще болѣе, чѣмъ эта ученая внѣшность.

Крижаничъ—славянинъ, представитель славянскаго единства. первый по времени выразитель первенства Россіи въ славянскомъ мірѣ. Языкъ русскій чище, превосходнѣе всѣхъ славянскихъ языковъ. Всѣ славянскія племена, за исключеніемъ только русскаго, покорены были другими народами и «потеряли или треть, или половину своего отечественнаго языка и ежедневно все болѣе и болѣе теряютъ». Кромѣ русскихъ, всѣ славяне подчинены иноземцамъ—нѣмцамъ, венграмъ, итальянцамъ, туркамъ, а это подчиненіе искажаетъ языкъ: «гдѣ государственный строй и законодательство основаны не на отечественномъ языкѣ, тамъ этотъ языкъ оскудѣваетъ»; у русскихъ же «не только приказныя бумаги и царскіе указы, но и всѣ народныя произведенія всегда пишутся на русскомъ языкѣ» [1]). Славяне, объединенные подъ главенствомъ Россіи, представляются Крижаничу такою силою, которая одолѣетъ всѣхъ сосѣдей. Это сознаютъ нѣмцы и всѣми мѣрами стараются поселять раздоръ между славянами. Въ разгаръ борьбы русскихъ съ поляками, Крижаничъ взывалъ ихъ, какъ и всѣхъ славянъ, къ братской любви и союзу:

---

[1]) Въ Тобольскѣ, вѣроятно въ 1665 г., Крижаничемъ составлено «Граматично изказаніе объ русскомъ іезыку» («Чтенія общ. ист. и древн. россійск.», 1848, I), за которое О. М. Бодянскій назвалъ его «отцомъ славянской сравнительной филологіи».

«Нужно же подумать, что мы, русскіе, суть люди одного языка съ ляхами и сыновья одного отца; не можетъ быть бо́льшаго счастья, если бы между нами утвердилось братское согласіе. Но демонъ, завидующій всякому благу человѣческаго рода, воздвигаетъ грековъ и нѣмцевъ всѣмъ ихъ напряженіемъ и величайшими усиліями постоянно препятствовать нашему согласію, равно какъ подстрекаетъ въ нихъ стараніе возбуждать между нами вѣчныя распри, вражды и войны. Знаютъ греки: будь мы согласны, разомъ сознали бы мы ихъ продѣлки и нельзя уже имъ было бы пользоваться отъ Руси тѣми выгодами, которыя имѣли они доселѣ. Знаютъ нѣмцы, особенно же шведы: будь между нами согласіе, не легко имъ было бы удерживать за собою то, что они заграбили у ляховъ; но когда у ляховъ будетъ война съ нами, шведы надѣются и заграбленное удержать, и еще больше заграбить. А другіе нѣмцы, величающіе себя римскими императорами, съ давнихъ вѣковъ разѣваютъ пасть, какъ бы завладѣть Царствомъ Польскимъ, но видятъ, что не могутъ исполнить своего намѣренія, если ляхи будутъ жить съ нами въ братской пріязни. Вотъ почему эти гордые, надутые, достойные осмѣянія и суетные владыки всего міра, наши насмѣшники, зачастую шлютъ къ намъ пословъ и сочиняютъ, будто они наши друзья. Между тѣмъ, всѣми этими посольствами они никогда не выражали иныхъ притязаній, никогда не добивались ничего другого, какъ только сѣять раздоръ между нами и убѣждать насъ, будто они какого-то высшаго достоинства съ нашими свѣтлѣйшими царями. Основанія, которыми нѣмцы и греки одинаково убѣждали насъ доселѣ ко враждѣ съ ляхами, не заключаютъ въ себѣ ни крошки истины, а цѣликомъ фальшивы и злоумышленны».

Кромѣ чистаго языка, кромѣ національной независимости, Крижаничъ видитъ въ Россіи еще одно преимущество предъ всѣми славянами—ея самодержавіе. Это великое преимущество, такъ какъ самодержавный государь легче и скорѣе мо-

жетъ исправить пороки и дурные обычаи, вкравшіеся въ государство: «Государь созоветъ всѣхъ насъ, и мы всѣ старательно будемъ помогать ему, всякій по мѣрѣ силъ, устроить то, что полезно для общества и всего народа». Крижаничъ противопоставляетъ въ этомъ отношеніи Россію Польшѣ: «На Руси, по крайней мѣрѣ, одинъ господинъ имѣетъ власть живота и смерти, а у поляковъ сколько владѣтелей, столько королей и тирановъ, сколько бояръ, столько судей и палачей. У ляховъ нѣтъ верховной власти, эта власть раздѣлена между магнатами, такъ что страна остается безъ настоящаго управленія и въ ней господствуетъ звѣрское самоуправство».

Крижаничъ рисуетъ идеалъ царя, который есть намѣстникъ Бога, поставленный для управленія народомъ; но «царь долженъ помнить, что не народъ данъ ему, а онъ данъ народу, и не для того, чтобы его мучить». Крижаничъ посвятилъ цѣлую главу «крутому владѣнію», въ которой смѣло осудилъ «московскіе порядки» XVII вѣка. Даже лучшіе московскіе люди дивились, читая приговоръ Іоанну Грозному:

«Нѣкоторые люди думаютъ, что тиранство въ томъ состоитъ, чтобъ мучить невинныхъ людей муками, а не въ дурныхъ, отяготительныхъ для народа уставахъ; но дурные законы на самомъ дѣлѣ еще хуже лютыхъ мукъ. Если какой-нибудь государь установилъ дурные тяжелые для народа законы, наложилъ неправедныя дани, поборы, монополіи, кабаки, тотъ и самъ будетъ тираномъ и преемниковъ своихъ сдѣлаетъ тиранами. Если кто изъ преемниковъ его будетъ щедръ, милосердъ, любитель правды, но не отмѣнитъ прежнихъ отяготительныхъ законовъ, тотъ все-таки тиранъ. Мы видимъ этому примѣръ и на Руси. Царь Иванъ Васильевичъ былъ нещадный людодерецъ и безбожный мясникъ, кровопійца и мучитель. Въ наказаніе ему Богъ попустилъ такъ, что изъ трехъ сыновей одного онъ самъ убилъ, у другого Богъ умъ отнялъ, а третьяго Борисъ Ѳедоровичъ малымъ убилъ — и такъ все царство отпало отъ рода царя Ивана. Царь Борисъ

возвышалъ монополіи и всякое народное обдирательство, созидалъ города и церкви на ограбленное у народа добро, но Богъ возставилъ противъ него не боярина, даже не именитаго человѣка, а бродягу и разстригу. Разстрига лишилъ Бориса царства, уничтожилъ его племя и самъ за свою глупую наглость сгинулъ. Но на этомъ не престалъ бичъ Божій надъ нашимъ народомъ до тѣхъ поръ, пока оная кровавая, плававшая въ сиротскихъ слезахъ казна не была вся разграблена иноплеменниками. Пожаръ, истребившій Москву, искоренилъ прежнее богомерзкое людодерство и города, построенные на крови землепашцевъ, достались въ руки инымъ властителямъ. Но посмотрите, что въ наше время случилось въ этомъ преславномъ русскомъ государствѣ! Вотъ, всѣ поколѣнія державы русскаго народа, Малороссія и Бѣлоруссія, обратились къ своему русскому государству, отъ котораго за нѣсколько вѣковъ были отторгнуты. Что же потомъ случилось? То же, что нѣкогда въ Израилѣ при Іеровоамѣ. Тогда нѣкоторые люди вѣрно совѣтовали и говорили: не отягощайте новыхъ подданныхъ, не гоняйтесь за великою казною и прибылью; пусть лучше царь-государь имѣетъ большое войско и съ его помощью истребитъ крымскихъ разбойниковъ. Но думѣ, привыкшей къ старымъ законамъ царя Ивана и царя Бориса, полюбилось иное: сейчасъ же установлены были проклятые кабаки. И вотъ, мои украинцы, новые подданные, какъ только отвѣдали законъ этой власти, сейчасъ раскаялись и опять обратились къ ляхамъ. А отчего это? Отъ обдирательства народа. Эти думники, совѣтующіе заводить монополіи, кабаки и всячески угнетать бѣдныхъ подданныхъ, имѣютъ въ виду только ту корысть, которая у нихъ передъ глазами, а на будущее они не смотрятъ; они думаютъ принести своему государю большую казну, а приносятъ великое убожество и неисповѣдимую потерю. Такимъ-то путемъ идутъ дѣла въ этомъ государствѣ, начиная съ царя Ивана Васильевича, который положилъ начало жестокому

правленію. Если бъ можно было собрать вмѣстѣ всѣ деньги, несправедливымъ и безбожнымъ способомъ содранныя съ народа со времени означеннаго царя Ивана Васильевича, то они не вознаградили бы десятой части тѣхъ потерь, которыя понесло это государство отъ жестокаго образа правленія. За неправильныя обиды народу и за алчное обдирательство не только отнимается царство отъ одного рода и дается другому, но даже отъ цѣлаго народа, и передается другому народу. Примѣръ мы видимъ въ Римской имперіи: чужіе народы разорвали между собою Римское царство. Ближайшій примѣръ намъ представляютъ поляки. Отъ излишней расточительности польское государство прибѣгло къ обдирательству народа, дошло до крайней неурядицы и попало въ чужую власть. Ляхи, будучи не въ силахъ удовлетворить своей расточительности, сдѣлались жестокими и безжалостными тиранами надъ своими подданными — тиранство идетъ рядомъ съ расточительностью; всякій расточитель дѣлается тираномъ, если ему есть кого обдирать. И царь Иванъ, и царь Борисъ пошли по тому же пути и до сихъ поръ государство ихъ идетъ тѣмъ же путемъ. Но видите, къ какому концу готово прійти польское королевство, и оно непремѣнно придетъ къ нему, если во-время не образумится... Не хочу быть пророкомъ, но пока свѣтъ и человѣческій родъ не измѣнятся, я твердо увѣренъ, что и русскому царству придетъ время, когда весь народъ возстанетъ на ниспроверженіе безбожныхъ, жестокихъ законовъ царя Ивана и царя Бориса» [1]).

Даже вполнѣ сознавая недостатки государственнаго строя Россіи, Крижаничъ въ ней одной видитъ спасеніе славянства. Какъ панславистскій патріотъ, онъ взываетъ къ царю Алексѣю Михайловичу: «Ты единый царь, ты намъ данъ отъ Бога, чтобы пособить и задунайцамъ, и ляхамъ, и чехамъ, дабы они познали свое угнетеніе и униженіе, помыслили о

[1]) *Пыпинъ*, Обзоръ русскихъ изученій славянства, въ «Вѣстн. Европы», 89. II, 621; *Костомаровъ*, Русская исторія, V, 440.

своемъ просвѣтлѣніи и сбросили съ выи своей нѣмецкое ярмо. Болгары, сербы, хорваты давно уже потеряли не только свое государство, но всю свою силу, языкъ, разумъ. Не разумѣютъ они, что такое честь и достоинство, не могутъ сами себѣ помочь, нужна имъ внѣшняя сила, чтобы стать на ноги и занять мѣсто въ числѣ народовъ. Ты, царь, если не можешь въ настоящее тяжелое время пособить или поправиться совершенно и привести къ прежнему бытію ихъ государства, то, по крайней мѣрѣ, можешь исправить ихъ славянскій языкъ и открыть имъ природныя умственныя очи своими книгами, чтобъ они познали свое достоинство и стали бы думать о своемъ возстановленіи. Чехи, а за ними недавно и ляхи, подверглись такой же печальной участи, какъ и задунайцы; ляхи хотя и кичатся тѣнью независимаго королевства и своею безпутною свободою, но они, сами по себѣ, не могутъ выбиться изъ своего срама; нужна помощь извнѣ, чтобы поставить ихъ на ноги и возвратить къ прежнему достоинству. Эту помощь, это просвѣтлѣніе народнаго смысла только ты, царь, съ Божьею помощью, можешь даровать ляхамъ».

Усматривая въ германизаціи славянъ наиболѣе серьезную опасность, признавая нѣмцевъ злѣйшими врагами всего славянскаго міра, Крижаничъ предостерегаетъ и Россію отъ нѣмцевъ: «Ненасытима алчность нѣмецкая; всего имъ мало, хотѣлось бы имъ весь народъ и всю державу нашу русскую пожрать однимъ глоткомъ. Не удалось имъ учинить въ Россіи того, что у нихъ было въ мысли, т.-е. захватить господство надъ народомъ, какъ они захватили уже царственное величіе въ униграхъ, чехахъ, ляхахъ, въ Литвѣ и другихъ странахъ— гнѣваются, скрежещутъ, бѣсятся отъ злости, какъ бы русское государство подчинить своей власти! Нѣсколько разъ они уже подходили близко къ исполненію своего намѣренія, да только Богъ уничтожалъ ихъ высокомѣрныя думы и освободилъ русскихъ отъ прелютаго ярма нѣмецкаго. А все-таки нѣмцы не отступаются отъ своего замысла». Какой-то нѣ-

мецъ пророчилъ, что русскій царь овладѣетъ Китаемъ; Крижаничъ, предостерегая Россію, разоблачаетъ смыслъ этого пророчества: «Это врагъ хочетъ отвлечь насъ, русскихъ, отъ возможныхъ дѣлъ и обратить на невозможное, чтобы русскій народъ пошелъ на глупое завоеваніе Китая, а русскимъ государствомъ завладѣли бы нѣмцы».

Упреждая историческія событія на цѣлые вѣка, Крижаничъ указывалъ Россіи на Черное море и начертилъ мотивы политической дѣятельности Петра I и Екатерины II, закончившейся пріобрѣтеніемъ Крыма: «Крымскіе татары много вѣковъ уже обижаютъ окрестные народы. Пора уничтожить ихъ наглость и разбои. Крымцы всегда требуютъ откупа и дани и никогда не перестанутъ нападать на насъ. Доколѣ же мы будемъ откупаться отъ нихъ дарами и терпѣть безпрестанные разбои и опустошенія, отдавать безбожному врагу чуть ли не доходы всей земли нашей, а свой народъ осуждать на голодъ и отчаяніе? Крымская держава болѣе всѣхъ земель подручна Россіи. Тамъ превосходныя приморскія пристани; туда будутъ доставляться изъ разныхъ странъ близкимъ путемъ товары, которые теперь нѣмцы чуть ли не за полсвѣта возятъ въ Архангельскъ. Крымская страна богата, можетъ производить вино, хлѣбъ, масло, медъ, годныхъ къ военному дѣлу лошадей, какихъ мало на Руси. Тамъ есть мраморъ, разный камень, много строевого лѣса; быть можетъ, есть серебряная и мѣдная руда».

Рядомъ съ такими практическими уроками внѣшней политики, Крижаничъ высказываетъ изрѣдка и теоретическія соображенія, бившія «не въ бровь, а прямо въ глазъ» представителей русской государственной власти XVII вѣка. Такъ, въ предисловіи къ сочиненію на латинскомъ языкѣ «De Providentia Dei» говорится: «Есть правители, облеченные властью, съ хорошими намѣреніями и съ желаніемъ добра для всѣхъ, съ готовностью управлять народомъ справедливо, но они не знаютъ силы вещей, они невѣжды, не учились тому, что нужно

имъ знать; они неопытны въ искусствѣ управленія, самомъ тонкомъ и трудномъ; они сбиты съ пути ложными понятіями; ихъ окружаютъ льстецы, невѣжественные совѣтники, лицемѣры-архіереи, лжепророки, астрологи, алхимики, и Богъ отнимаетъ отъ нихъ благодать, наказывая за грѣхи ихъ, какъ ихъ самихъ, такъ и цѣлый народъ, которымъ они управляютъ».

Конечно, нѣкоторые идеи и взгляды Крижанича представляются намъ теперь, двѣсти лѣтъ спустя, невѣрными, иногда даже наивными; но въ свое время, въ обиходѣ московской культуры, они являлись передовыми, будили современниковъ и указывали выходъ изъ положенія, во многихъ отношеніяхъ крайне незавиднаго. Мы только съ улыбкою можемъ читать о «казенномъ торгѣ», гдѣ правительство является купцомъ, или о запрещеніи иностранцамъ вести торговыя дѣла въ Россіи; намъ представляется невозможнымъ законъ, обязывающій отца «отдавать въ ремесленники» одного изъ двухъ сыновей, или запрещеніе бѣднымъ заниматься науками, не «корыстными знаніями»; но когда рядомъ съ этимъ Крижаничъ требуетъ, чтобы «рабъ, хорошо выучившійся ремеслу, получалъ свободу», чтобъ правительство учреждало школы для дѣвочекъ, чтобы всѣ его заботы были направлены къ благосостоянію народной массы, невольно признаешь въ немъ глубокаго мыслителя, на цѣлые вѣка опередившаго своихъ современниковъ.

Труды Крижанича только теперь, два вѣка спустя послѣ ихъ написанія, напечатаны и то далеко не всѣ; біографія его еще не составлена — въ ней много пробѣловъ и она обрывается на 1676 годѣ, времени освобожденія его изъ Сибири. Недавно было заявлено, что «о пребываніи Крижанича въ Москвѣ по возвращеніи изъ Сибири и объ окончательномъ выѣздѣ его изъ предѣловъ Московскаго государства мы въ скоромъ, вѣроятно, времени узнаемъ много важнаго и любопытнаго изъ современныхъ документовъ, открытыхъ однимъ

московскимъ ученымъ» [1]). Новыя данныя по жизнеописанію Крижанича могутъ быть отысканы только въ Москвѣ или въ Римѣ. Извѣстный ученый, о. Павелъ Пирлингъ, членъ ордена Іисуса, много уже потрудившійся въ ватиканскомъ архивѣ для разъясненія нѣкоторыхъ вопросовъ русской исторіи [2]), почтилъ насъ сообщеніемъ весьма важнаго для біографіи Крижанича документа, отысканнаго имъ въ архивѣ римской конгрегаціи De Propaganda Fide. Отецъ Пирлингъ не впервые уже освѣщаетъ личность Крижанича новыми свѣдѣніями, почерпаемыми изъ архивовъ: десять лѣтъ назадъ, имъ было обнародовано въ издаваемомъ Ягичемъ «Archiv für slavische Philologie» нѣсколько декретовъ конгрегаціи Пропаганды, относящихся къ дѣятельности Крижанича. Документъ, столь обязательно доставленный намъ о. Пирлингомъ, есть офиціальный протоколъ того засѣданія конгрегаціи, въ которомъ обсуждались два письма Крижанича.

Всѣ письма и сообщенія постороннихъ лицъ, обращающихся въ Пропаганду, передаются на предварительное разсмотрѣніе одного изъ членовъ конгрегаціи, который и дѣлаетъ свой по этому поводу докладъ въ ближайшемъ засѣданіи, которое называется частною конгрегаціею (congregazione particulare). Секретарь Пропаганды наводитъ справки, даетъ объясненія и даже дѣлаетъ иногда свои предложенія; окончатель[illegible]шеніе зависитъ отъ конгрегаціи. Протоколъ засѣданія [illegible]я въ особую книгу, которая называется Acta Sacrae [illegible]tionis de Propaganda Fide. Въ 1682 г. Крижаничъ при[illegible] Римъ два письма—одно на имя Пропаганды, другое

[1]) [illegible]. l. c., 257.

[2]) [illegible]водимъ списокъ важнѣйшихъ сочиненій о. Пирлинга, касающихся [illegible] 1) Rome et Démétrius; 2) Antonii Possevini missio Moscovitica; [illegible] XIII et Bathori; 4) La Sorbonne et la Russie; 5) Un nonce du pape [illegible] 6) Le Saint-Siège, la Pologne et Moscou; 7) Bathory et Possevino; [illegible] Paléologue и 9) Papes et Tzars. Одинъ изъ этихъ трудовъ, [illegible] переработанъ авторомъ и недавно появился въ рус[illegible], Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ. Иванъ III [illegible] 1892.

на имя ея секретаря, монсиньора Чибо. Оба письма были переданы члену конгрегаціи кардиналу Казанате, который и сдѣлалъ объ этихъ письмахъ докладъ, заслушанный конгрегаціею 13-го апрѣля 1682 года и внесенный съ соотвѣтствующимъ предложеніемъ въ протокольную книгу [1]) въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«13 aprile 1682 (Secretario Cybo. Polonia. Relatore Eminentissimo Casanate). Il padre Agostino Crisanio de' predicatori porta due avvisi all' Eminenze Vostre. L'uno che per quanto ha potuto conoscere coll' esperienza di 18 anni, che si é trattenuto in Moscovia, vede in questa corrente età aperta una strada facile di trattare fruttuosamente con quella natione della propagatione della fede.

«L'attro é c'havendo portato da Moscovia a Roma sino dal tempo della santa memoria d'Alessandro VII un libro pieno di calunnie, convitii, favole odiose e bestemmie non più udite da cattolici, commandò la Sua Santità che egli scrivesse la confutatione del medesimo in linguaggio Moscovitico, havendogli assegnato stipendio di sei scudi al mese. Ma per chè di li a poco si sparse voce che in Mosca si ergevano scuole di filosofia. et esso coll' haver fatto suggerire alla Santità di Nostro Signore che sarebbe stato tempo opportuno di spedirvi un legato, con cui s'essibiva d'andare per interprete, ottenue in risposta dalla Santità Sua doversi aspettar tempi più tranquilli, egli senza saputa di questa sacra congregazione ne facoltà della sede apostolica si portò di nuovo in Moscovia con pensiero di leggere in quelle nuove scuole, credendo forse sofficiente la facoltà c'haveva havuto nella prima missione, onde havendo con tale occasione penetrato tutti i loro segreti, ne potuto ridurre a perfettione il libro, supplica per tanto l'Eminenze Vostre di perdono per l'errore commesso e di rinovargli il titolo di missionario, dicendo

---

[1]) Римскій Архивъ Пропаганды, Acta Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, an. 1682, № 28, fol. 129. Мы сохранили правописаніе подлинника, нимало, впрочемъ, не затрудняющее пониманіе смысла.

che quanto alla spesa della stampa dell' opera sudetta non vi sarà difficoltà.

«L'errore però di cui dimanda perdono, per quanto si ricava dall' altra lettera scritta a monsignor secretario, non consiste semplicemente nell' essere andato di suo capriccio missionario in Moscovia, ma per esser egli dell' anno 1678 entrato nella religione di San Domenico et in essa fatto professione. Riferisce tutti gli atti seguiti per intentare la nullità della professione, le lettere scritte dal nuntio in tal proposito e finalmente la risolutione di lui, contenuta in una lettera diritta al padre provinciale di Lituania, nella quale loda i libri composti dal padre Crisanio contro i scismatici, raccommanda che sia trattato con carità religiosa, dice che non si debba impedirlo di trattare la nullità della sua professione, e per la più breve strada ad acquietar la conscienza di detto padre ricorda che il procuratore generale dell' ordine intenda da monsignor secretario se habbia luogo in quel caso la bolla di papa Alessandro VII che così potrà vedersi, se resti verificato l'alunnato preteso del padre Crisanio per togliere la perturbatione che per tal causa patisce quella provincia. A tutte le particole di monsignore replica il padre Crisanio e supplica l'Eminenze Vostre permettergli di venir almeno a Roma per sodisfare al voto fatto di visitare questi sacri limini degl' Apostoli e per dare all' Eminenze Vostre una compita relatione tanto della prima quanto della seconda sua andata in Moscovia con essibire il medesimo libro.

«Suggerisce monsignor secretario essere egli stato alunno in questo collegio et haver fatto il juramento a tenor della formola stabilita da Urbano VIII, che solo prohibisce l'ingresso nella religione nelli primi tre anni dopo la loro partenza. E però essendo valida la sua professione si potrebbe permettergli di venir in Roma coll' ubbidienza del suo padre generale per [illegible]rarre da esso una piena relatione di quei paesi, non essendovi [illegible]lcuna».

[illegible]зъ этого протокола видно, что Крижаничъ былъ въ Россіи

два раза и въ первый разъ еще задолго до извѣстнаго путешествія въ Москву, стоившаго ему ссылки въ Тобольскъ. Несмотря на обширныя полномочія Пропаганды и смѣлые замыслы Крижанича, единственнымъ результатомъ первой поѣздки въ Россію было, кажется, пріобрѣтеніе книги, направленной противъ католиковъ. Въ протоколѣ не указано заглавія книги, но есть основаніе полагать, что Крижаничъ привезъ извѣстную «Кириллову книгу» [1]). Съ этою книгою Крижаничъ возвратился въ Римъ и, съ разрѣшенія папы Александра VII, сталъ писать ея опроверженіе «на московскомъ языкѣ». За этотъ трудъ Крижаничъ получалъ «шесть скуди», то-есть 7 р. 50 к. въ мѣсяцъ [2]).

Поводомъ ко второму путешествію Крижанича въ Россію послужилъ слухъ, будто въ Москвѣ открываются «философскія школы». Крижаничъ, зорко слѣдившій за всѣми выдающимися явленіями въ славянскомъ мірѣ, тотчасъ же представилъ папѣ, что при такомъ настроеніи умовъ было бы полезно отправить легата въ Москву, и предложилъ свои услуги въ качествѣ переводчика. Предложеніе Крижанича было найдено несвоевременнымъ—для посылки легата предполагалось избрать «болѣе спокойное время». Такое «отлагательство» не понравилось Крижаничу, и онъ самопроизвольно, безъ всякихъ полномочій, отправился въ Москву, съ намѣреніемъ занять мѣсто въ новоучреждаемыхъ школахъ. По его словамъ, онъ пробылъ въ Россіи 18 лѣтъ и узналъ всѣ «московскія тайны». Впрочемъ, въ протоколѣ глухо упоминается объ этомъ второмъ путешествіи Крижанича въ Россію—нѣтъ ни подробностей пребыванія его въ Москвѣ или въ Тобольскѣ, ни какихъ-либо хронологическихъ указаній. Совершенно новымъ представляется слѣдующее обстоятельство:

[1]) Этотъ вопросъ всесторонне изслѣдованъ Н. Соколовымъ въ «Журн. Мин. Народн. Просв.», 1891, т. 274, стр. 255.

[2]) Офиціальные декреты конгрегаціи подтверждаютъ, что, въ 1658 году, папа назначилъ Крижаничу «скромную пенсію», съ тою цѣлью, чтобъ онъ могъ продолжать свои полемическія сочиненія. Archiv, l. c., S. 121.

Выѣхавъ изъ Россіи, Крижаничъ отправился въ Литву и въ 1678 г. вступилъ въ доминиканскій орденъ, давъ обычные монастырскіе обѣты. Не прошло и четырехъ лѣтъ, какъ Крижаничъ раскаялся въ своемъ поступкѣ, и, въ 1682 г., онъ обратился къ папскому нунцію въ Польшѣ съ просьбою уволить его изъ доминиканскаго ордена и разрѣшить отъ данныхъ имъ обѣтовъ. Въ подкрѣпленіе своей просьбы Крижаничъ ссылался на то, что, будучи питомцемъ Пропаганды, онъ «клятвенно обязался не принимать монашества». Папскій нунцій въ Варшавѣ, монсиньоръ Паллавичини, благосклонно отнесся къ просьбѣ Крижанича: онъ написалъ особое посланіе генералу литовскихъ доминиканцевъ, съ большою похвалою отзывался о сочиненіяхъ просителя и совѣтовалъ аббату монастыря обратиться прямо въ Римъ, чтобы успокоить волненіе, проявившееся по этому поводу среди монастырской братіи. Всѣ эти обстоятельства приводитъ самъ Крижаничъ въ своемъ посланіи къ секретарю Чибо, присовокупляя и свою личную просьбу о разрѣшеніи ему явиться въ Римъ; онъ желалъ отправиться въ Римъ, чтобъ, во-первыхъ, поклониться, согласно данному обѣту, мощамъ св. апостоловъ, во-вторыхъ, представить подробный отчетъ о двухъ своихъ путешествіяхъ въ Московію и, въ-третьихъ, поднести Пропагандѣ свое полемическое сочиненіе. Идея соединенія церквей также не покидала его: и въ 1682 г., когда ему суждено было пережить кончину Ѳедора Алексѣевича и стрѣлецкіе бунты, Крижаничъ оставался при своемъ убѣжденіи, что обстоятельства «вполнѣ благопріятны» для сношеній съ Москвою и для распространенія истинной вѣры.

Вслѣдъ за этимъ докладомъ кардинала Казанате, секретарь Чибо сообщилъ справку, что Крижаничъ дѣйствительно былъ питомцемъ Пропаганды и, согласно съ уставомъ папы Урбана VIII, далъ присягу не удаляться въ монастырь «въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ» по выходѣ изъ коллегіи. Эта обязательная для всѣхъ питомцевъ присяга имѣла въ виду

вознаградить Пропаганду трехлѣтнею службою на указанномъ ею поприщѣ за даровое воспитаніе въ коллегіи. Такъ какъ Крижаничъ вступилъ въ доминиканскій монастырь уже значительно позже трехъ лѣтъ послѣ окончанія курса въ коллегіи Пропаганды, то секретарь Чибо признавалъ монашескіе обѣты, принятые Крижаничемъ, вполнѣ дѣйствительными; но вмѣстѣ съ тѣмъ предлагалъ вызвать, съ согласія генерала доминиканскаго ордена, Крижанича въ Римъ и выслушать отъ него подробный отчетъ о Московіи, о которой «не имѣется свѣдѣній».

Изъ приведеннаго выше протокола не видно, было ли принято предложеніе секретаря Чибо. Дальнѣйшая судьба Крижанича совершенно неизвѣстна, равно какъ неизвѣстенъ и годъ его смерти. Упоминаемые въ протоколѣ письма Крижанича до настоящаго времени еще не отысканы.

Юрій Крижаничъ названъ въ протоколѣ отцомъ Антоніемъ Кризаніо. Crisanco есть не что иное, какъ итальянская форма хорватскаго Крижаничъ; такъ же точно Комуловичъ назывался Комулеомъ. Имя же Августина объясняется тѣмъ, что всякій, вступающій въ доминиканскій орденъ, обязанъ перемѣнить свое имя, подобно тому, какъ это соблюдается и въ православной церкви. Крижаничъ перемѣнилъ свое имя Юрія на Августина.

ПАМЯТИ ФОНЪ-ВИЗИНА.

1792.—1-е Декабря.—1892.

ПАМЯТИ ФОНЪ-ВИЗИНА.

«Умри, Денисъ, или больше уже ничего не пиши».

Кн. Потемкинъ.

Крикъ «великолѣпнаго князя Тавриды», вырвавшійся послѣ перваго же представленія «Недоросля», оказался пророческимъ: Денисъ Ивановичъ Фонъ-Визинъ ничего уже болѣе не написалъ подобнаго и умеръ 1-го декабря 1792 г. Нынѣ исполнилось ровно столѣтіе со дня его кончины, и эта печальная годовщина должна быть посвящена воспоминаніямъ «добрыхъ дѣлъ» писателя, заключающихся въ его произведеніяхъ. Не подлежитъ, вѣдь, сомнѣнію, что всякое хорошее произведеніе литературное есть вмѣстѣ съ тѣмъ и доброе дѣло общественное.

Заслуги Фонъ-Визина въ этомъ отношеніи очень велики: онѣ для нашего времени еще неоцѣнимы — мы продолжаемъ пользоваться его «благодѣяніями» и чувствуемъ на себѣ всю плодотворную силу его поученій, нимало не утратившихъ своей назидательности, несмотря на пережитое уже русскимъ обществомъ столѣтіе со дня его кончины. Избранная Фонъ-Визинымъ форма поученій — не сухой трактатъ, не скучная проповѣдь, а живое изображеніе дѣйствительности, веселая комедія — обезпечиваетъ и продолжительность ихъ воздѣйствія, и глубину ихъ впечатлѣній. Пройдетъ не одно еще поколѣніе, прежде чѣмъ «Недоросль» станетъ литературною картинкою жизни, нѣкогда прозвучавшей и замолкнувшей навсегда.

Не только по времени жизни, но по смыслу дарованія и по силѣ таланта Фонъ-Визинъ всецѣло принадлежитъ вѣку Екатерины II-й. Ея реформы, охватившія въ первое время всѣ слои общества, ея высокія намѣренія и благія цѣли, выразившіяся въ знаменитомъ «Наказѣ», воодушевили Фонъ-Визина и дали извѣстное направленіе его дарованіямъ. Умомъ и сердцемъ онъ принадлежалъ лучшей порѣ екатерининскаго вѣка и до конца дней сохранилъ вѣру въ тѣ идеалы, отъ которыхъ позже отказалась сама Екатерина, что и поставило потомъ Фонъ-Визина въ ряды опальныхъ.

Подъ старость лѣтъ, уже больной, разбитый параличомъ, Фонъ-Визинъ такъ отзывался о своемъ умѣ и сердцѣ: «Природа дала мнѣ умъ острый, но не дала мнѣ здраваго разсудка. Весьма рано появилась во мнѣ склонность къ сатирѣ. Острыя слова мои носились по Москвѣ; а какъ они были для многихъ язвительны, то обиженные оглашали меня злымъ и опаснымъ мальчишкою; всѣ же тѣ, коихъ острыя слова мои лишь только забавляли, прославили меня любезнымъ и въ обществѣ пріятнымъ. Видя, что вездѣ принимаютъ меня за умнаго человѣка, заботился я мало о томъ, что разумъ мой похваляется насчетъ сердца, и я прежде нажилъ непріятелей, нежели друзей. Меня стали скоро бояться, потомъ ненавидѣть, и я вмѣсто того, чтобы привлечь къ себѣ людей, отгонялъ ихъ отъ себя и словами, и перомъ. Сочиненія мои были острыя ругательства: много было въ нихъ сатирической соли, но разсудка, такъ сказать, ни капли. Сердце мое, не похваляясь скажу, предоброе. Я ничего такъ не боялся, какъ сдѣлать какую-нибудь несправедливость, и для того ни предъ кѣмъ такъ не трусилъ, какъ передъ тѣми, кои отъ меня зависѣли и кои отмстить мнѣ были не въ состояніи» [1]).

Фонъ-Визину было 18 лѣтъ, когда онъ, какъ «сержантъ гвардіи семеновскаго полка и студентъ московскаго универ-

---

[1]) Сочиненія Д. И. Фонъ-Визина (ред. П. А. Ефремова). Спб., 1876, стр. 536.

ситета», присягалъ только что воцарившейся Екатеринѣ и когда писалъ свою первую басню «Лисица-Казнодѣй» [1]). Это любопытная басня, написанная въ 1762 году:

Въ Ливійской сторонѣ правдивый слухъ промчался,
Что левъ, звѣриный царь, въ большомъ лѣсу скончался.
Стекалися туда скоты со всѣхъ сторонъ
Свидѣтелями быть огромныхъ похоронъ.

Явилась и лисица. «При мрачномъ семъ обрядѣ, съ смиренной харею, въ монашескомъ нарядѣ», лиса произнесла похвальное слово льву, восхваляла его доброту, его щедрость, находила, что

Въ его правленіе невинность не страдала
И правда на судѣ безстрашно предсѣдала.
— „О лесть подлѣйшая", шепнулъ Собакѣ Кротъ;
„Я зналъ Льва коротко: онъ былъ пресущій скотъ:
И золъ, и безтолковъ, и силой вышней власти
Онъ только насыщалъ свои тирански страсти.
Въ его правленіе любимцы и вельможи
Сдирали безъ чиновъ съ звѣрей невинныхъ кожи.
Вотъ мудраго царя правленіе похвально!
Возможно-ль ложь сплетать столь явно и нахально?"
Собака молвила: „Чему дивишься ты,
Что знатному скоту льстятъ подлые скоты?
Когда же то тебя такъ сильно изумляетъ,
Что низка тварь корысть всему предпочитаетъ
И къ счастію бредетъ презрѣнными путьми,
Такъ, видно, никогда ты не жилъ межъ людьми".

Если Екатерина читала эту басню, то, конечно, осталась ею очень довольна. Эта басня ходила по рукамъ и заслужила автору больше похвалъ, чѣмъ порицаній, но, безъ сомнѣнія, порицанія исходили отъ людей «властныхъ, придворныхъ» и далеко не вознаграждались похвалами людей безсильныхъ.

Вскорѣ послѣ басни была напечатана Фонъ-Визинымъ шутка «Посланіе къ слугамъ моимъ» [2]) съ требованіемъ раз-

---

[1]) Тамъ же, стр. 163.

[2]) Фонъ-Визинъ, стр. 166.

рѣшить вопросъ: «на что сей созданъ свѣтъ». Въ этой шуткѣ слуга Ванька такъ, между прочимъ, рисуетъ людей:

Здѣсь вижу мотовство, а тамъ я вижу скупость;
Куда не обернусь, вездѣ я вижу глупость.
Попы стараются обманывать народъ,
Слуги — дворецкаго, дворецкіе — господъ,
Другъ друга господа, а знатные бояря
Нерѣдко обмануть хотятъ и государя:
И всякій, чтобъ набить потуже свой карманъ,
За благо разсудилъ приняться за обманъ.
Смиренны пастыри душъ нашихъ и сердецъ
Изволятъ собирать оброкъ съ своихъ овецъ.
Овечки женятся, плодятся, умираютъ,
А пастыри притомъ карманы набиваютъ,
За деньги чистыя прощаютъ всякій грѣхъ,
За деньги множество въ раю сулятъ утѣхъ.
Но если говорить на свѣтѣ правду можно,
То мнѣніе мое скажу я вамъ неложно:
За деньги самого Всевышняго Творца
Готовы обмануть и пастырь, и овца!

Форма стиха, однако, значительно затрудняла «сатирика». Въ одномъ изъ писемъ къ И. П. Елагину, своему начальнику по мѣсту служенія, Фонъ-Визинъ чистосердечно признается: «Въ праздные часы мои (которыхъ въ сутки бываетъ у меня 24) я пишу стихи, которые стоятъ мнѣ не только неизреченнаго труда, но и головной болѣзни, такъ что лѣкарь мой предписалъ мнѣ, въ діэтѣ, отнюдь не пить англійскаго пива и не писать стиховъ; ибо какъ то, такъ и другое кровь заставляетъ бить вверхъ; всѣ медики единогласно утверждаютъ, что стихотворецъ паче всѣхъ людей на свѣтѣ апоплексіи долженъ опасаться» [1]). Не боязнь, конечно, апоплексіи заставила Фонъ-Визина, оставивъ стихотворную форму, обратиться къ прозѣ и къ той именно ея формѣ, которая съ дѣтства привлекала его вниманіе.

[1]) Фонъ-Визинъ, стр. 358.

Фонъ-Визину было 14 лѣтъ, когда онъ впервые посѣтилъ театръ. Въ 1758 году десять лучшихъ воспитанниковъ университетской гимназіи, въ числѣ ихъ и Денисъ Фонъ-Визинъ, были привезены въ Петербургъ для представленія куратору московскаго университета И. И. Шувалову. «Ничто въ Петербургѣ такъ меня не восхищало, какъ театръ, который я увидѣлъ въ первый разъ отъ роду. Играли русскую комедію, какъ теперь помню, «Генрихъ и Пернилла». Тутъ видѣлъ я Шумскаго, который шутками своими такъ меня смѣшилъ, что я, потерявъ благопристойность, хохоталъ изъ всей силы. Дѣйствія, произведеннаго во мнѣ театромъ, почти описать невозможно: комедію, видѣнную мною, довольно глупую, считалъ я произведеніемъ величайшаго разума, а актеровъ—великими людьми, коихъ знакомство, думалъ я, составило бы мое благополучіе. Я съ ума было сошелъ отъ радости, узнавъ, что сіи комедіанты вхожи въ домъ дядюшки моего, у котораго я жилъ. И дѣйствительно, чрезъ нѣкоторое время познакомился я тутъ съ Ѳ. Г. Волковымъ, мужемъ глубокаго разума, наполненнаго достоинствами, который имѣлъ большія знанія и могъ бы быть человѣкомъ государственнымъ; тутъ же познакомился я съ главнымъ нашимъ актеромъ И. А. Дмитревскимъ, человѣкомъ честнымъ, умнымъ, знающимъ и съ которымъ дружба моя до сихъ поръ продолжается» [1]). Необходимо прибавить, что самъ Фонъ-Визинъ былъ актеръ по природѣ: «Я имѣлъ даръ принимать на себя лицо и говорить голосомъ весьма многихъ людей. Я передразнивалъ Сумарокова, могу сказать, мастерски, и говорилъ не только его голосомъ, но и умомъ, такъ что онъ бы самъ не могъ сказать другого, какъ то, что я говорилъ его голосомъ» [2]).

Таковъ былъ авторъ «Бригадира» и «Недоросля». Между этими двумя комедіями протекли 16 лѣтъ, и эти года сказались на «Недорослѣ».

[1]) Фонъ-Визинъ, стр. 539. [2]) Тамъ же, стр. 546.

Ни «философомъ», ни тѣмъ менѣе художникомъ Фонъ-Визинъ никогда не былъ. Какъ человѣкъ умный и наблюдательный, какъ острый сатирикъ, болѣе чѣмъ веселый комикъ, онъ изобразилъ въ своихъ комедіяхъ тѣ общественные недуги и смѣшныя явленія, которые достойны были поруганія и осмѣянія. Ни «Опекунъ» Сумарокова, ни «Мотъ, любовью исправленный» Лукина, ни «Вояжеръ» Ефимьева, ни «Такъ и должно» Веревкина, не говоря уже о комедіяхъ Екатерины II, никогда не производили на зрителей или читателей такого впечатлѣнія, какъ «Хвастунъ» или «Чудаки» Княжнина, тѣмъ менѣе «Бригадиръ» или «Недоросль» Фонъ-Визина. Естественный, остроумный, живой языкъ «Бригадира», комическія положенія влюбленныхъ не во-время и забавныя сцены перебранокъ, выхваченныя изъ живой дѣйствительности, значительно выдвинули комедію Фонъ-Визина изъ ряда подобныхъ произведеній и обезпечили ея успѣхъ. Веселая шутка и незлобивый смѣхъ пришлись по-плечу современному обществу, и «Бригадиръ» имѣлъ успѣхъ необыкновенный.

«Надобно примѣтить, что я «Бригадира» читалъ мастерски. Чтеніе мое заслужило вниманіе А. И. Бибикова и графа Г. Г. Орлова, который не преминулъ донести о томъ государынѣ. Въ самый Петровъ день графъ прислалъ ко мнѣ спросить: ѣду ли я въ Петергофъ, и если ѣду, то взялъ бы съ собою мою комедію «Бригадиръ». Я отвѣчалъ, что исполню его повелѣніе. Въ Петергофѣ, на балѣ, графъ, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: «Ея величество приказала послѣ бала вамъ быть къ себѣ, и вы съ комедіею извольте идти въ Эрмитажъ». И дѣйствительно, я нашелъ ея величество готовою слушать мое чтеніе. Никогда не бывъ столь близко государя, признаюсь, что я началъ было нѣсколько робѣть, но взоръ россійской благотворительницы и гласъ ея, идущій къ сердцу, ободрилъ меня; нѣсколько словъ, произнесенныхъ монаршими устами, привели меня въ состояніе читать мою комедію предъ нею съ обыкновеннымъ моимъ искусствомъ. Во время же

чтенія, похвалы ея давали мнѣ новую смѣлость, такъ что послѣ чтенія былъ я завлеченъ къ нѣкоторымъ шуткамъ и потомъ, облобызавъ ея десницу, вышелъ, имѣя отъ нея всемилостивѣйшее привѣтствіе за мое чтеніе»[1]).

Вслѣдъ за императрицею, вся придворная знать просила къ себѣ Фонъ-Визина читать новую комедію. Оба Панины, Никита и Петръ, оба графы Чернышевы, Захаръ и Иванъ, графъ А. С. Строгановъ, графъ А. П. Шуваловъ, графини М. А. Румянцева, Е. Б. Бутурлина, А. К. Воронцова, даже графъ А. М. Ефимовскій восхищались «Бригадиромъ» и смѣялись надъ Акулиною Тимофеевною. «Весь Петербургъ наполненъ былъ моею комедіею, изъ которой многія острыя слова употребляются уже въ бесѣдахъ»[2]). И сто лѣтъ спустя, кн. Вяземскій писалъ: «Вліяніе, произведенное комедіею «Бригадиръ», опредѣляется однимъ указаніемъ: отъ нея званіе бригадира обратилось въ смѣшное нарицаніе, хотя самъ бригадирскій чинъ не смѣшнѣе другого. Нарицаніе пережило даже и самое званіе: нынѣ бригадировъ уже нѣтъ по табели о рангахъ, но есть еще рядъ свѣтскихъ староверовъ, къ которымъ имя сіе примѣняется. Петербургскіе злоязычники называютъ Москву старою бригадиршею»[3]).

«Бригадиръ» былъ оконченъ въ 1766 году. Фонъ-Визинъ числился въ то время по иностранной коллегіи и былъ откомандированъ въ комиссію у принятія прошеній, къ И. П. Елагину. Въ 1769 г. Фонъ-Визинъ окончательно уже служилъ въ иностранной коллегіи, при графѣ Н. И. Панинѣ, который «удостоивалъ его всегда полной довѣренности». Здѣсь, сперва по службѣ, потомъ по пріязни, Фонъ-Визинъ вошелъ въ переписку и завязалъ болѣе близкія сношенія съ представителями Россіи при иностранныхъ дворахъ, съ Булгаковымъ и Зиновьевымъ, съ княземъ Барятинскимъ и гр. Стакельбергомъ, съ Марковымъ, Сальдерномъ, Обрѣсковымъ, кн. Голи-

[1]) Фонъ-Визинъ, стр. 543.
[2]) Тамъ же, стр. 547. [3]) Полн. собр. соч. кн. Вяземскаго, V, 132.

цынымъ; онъ велъ интимную корреспонденцію съ братомъ своего «благодѣтеля», съ графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ, и съ А. И. Бибиковымъ, коротко узналъ придворную жизнь и научился цѣнить людей «не по звѣздамъ, а по качествамъ». Не удивительно, что Фонъ-Визинъ высоко ставилъ гр. Н. И. Панина, своего «благодѣтеля», но въ высшей степени важно для характеристики взглядовъ и убѣжденій самого Фонъ-Визина отзывъ его о «внутренней политикѣ» графа Никиты Ивановича: «По внутреннимъ дѣламъ гнушался онъ въ душѣ своей поведеніемъ тѣхъ, кои по своимъ видамъ, невѣжеству и рабству составляютъ государственный секретъ изъ того, что въ націи благоустроенной должно быть извѣстно всѣмъ и каждому, какъ-то: количество доходовъ, причины налоговъ и пр. Не могъ онъ терпѣть, чтобъ по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ учреждались самовластіемъ частныя комиссіи мимо судебныхъ мѣстъ, установленныхъ защищать невинность и наказывать преступленія. Съ содроганіемъ слушалъ онъ о всемъ томъ, что могло нарушить порядокъ государственный: пойдетъ ли кто съ докладомъ прямо къ государю о такомъ дѣлѣ, которое должно быть прежде разсмотрѣно во всѣхъ частяхъ сенатомъ; примѣтитъ ли противорѣчіе въ сегодняшнемъ постановленіи противъ вчерашняго; услышитъ ли о безмолвномъ временщикамъ повиновеніи тѣхъ, которые, по званію своему, обязаны защищать истину животомъ своимъ; словомъ, всякій подвигъ презрительной корысти и пристрастія, всякій обманъ, обольщающій очи государя или публики, всякое низкое дѣйствіе душъ, заматерѣвшихъ въ робости стариннаго рабства и возведенныхъ слѣпымъ счастіемъ на знаменитыя степени, приводяли въ трепетъ добродѣтельную его душу» [2]).

Фонъ-Визинъ, написавшій эти строки, конечно, не похожъ уже на автора «Бригадира», незлобиво смѣющагося надъ до-

[1]) Фонъ-Визинъ, стр. 225. [2]) Фонъ-Визинъ, стр. 220.

вольно невинными недостатками ближнихъ и весело изображающаго комическія ихъ приключенія, столь же невинныя; въ приведенныхъ строкахъ сказался уже авторъ «Недоросля», написаннаго въ 1782 году.

Во всѣхъ сатирическихъ произведеніяхъ временъ Екатерины II обличенію подвергались, главнымъ образомъ, невѣжество, взяточничество и ложное образованіе. Изъ этого круга не вышелъ и «Бригадиръ»; не то въ «Недорослѣ»: здѣсь впервые было выведено на русскую сцену крѣпостное право, и именно его растлѣвающее вліяніе на дворянское сословіе, утерявшее всякое значеніе именно благодаря крѣпостному праву. Центральною фигурою «Недоросля» является уже не добродушный въ сущности бригадиръ, а госпожа Простакова, рожденная Скотинина, «презлая фурія, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчастіе цѣлаго дома»; бригадирскій сынъ — смѣшной глупецъ, недоросль Простаковой—опасный негодяй, будущій злодѣй. Предметъ обличенія въ «Недорослѣ» серьезнѣе, глубже, выше, чѣмъ въ «Бригадирѣ»; сообразно этому, прежняя насмѣшка переходитъ уже въ негодованіе, и «мораль пьесы» выражается въ поученіяхъ. Фонъ-Визинъ, какъ не-художникъ, изобразилъ эту резонерскую сторону комедіи въ лицѣ Стародума, который не столько нуженъ для развязки пьесы, сколько для поученій. Самое названіе резонера Стародумомъ является политическою тенденціею — по смыслу произносимыхъ имъ тирадъ онъ скорѣе Новодумъ: его отецъ служилъ Петру Великому, а самъ онъ выросъ и воспитался при Биронѣ.

Стародумъ—прямой характеръ, честный служака, добрый человѣкъ, «сердце котораго кипитъ негодованіемъ на недостойные поступки» Простаковой. Онъ вышелъ въ отставку потому только, что его, «лежавшаго отъ ранъ въ тяжкой болѣзни», обошли чиномъ, а наградили молодого графчика, не бывшаго даже на войнѣ; онъ удалился и отъ двора, замѣтивъ, что при дворѣ «по большой прямой дорогѣ никто почти не ѣздитъ,

а все объезжаютъ крюкомъ, надеясь доехать поскорее». На замечаніе же Правдина, что онъ «отошелъ отъ двора ни съ чемъ», Стародумъ, пользуясь табакеркою собеседника, отвечаетъ притчею: «Какъ ни съ чемъ? Табакерке цена пятьсотъ рублевъ. Пришли къ купцу двое. Одинъ, заплатя деньги, принесъ домой табакерку; другой пришелъ домой безъ табакерки. И ты думаешь, что другой пришелъ домой ни съ чемъ? Ошибаешься. Онъ принесъ назадъ свои пятьсотъ рублевъ целы. Я отошелъ отъ двора безъ деревень, безъ ленты, безъ чиновъ, да мое принесъ домой неповрежденно: мою душу, мою честь, мои правила» [1]).

Это по адресу двора, придворной жизни, которая, конечно, улучшается не сатирическими притчами. Фонъ-Визинъ хорошо понималъ это, и первое явленіе 5-го действія «Недоросля», по словамъ кн. Вяземскаго, «приноситъ честь и писателю, и государю, въ царствованіе коего оно написано» [2]).

Это явленіе открывается довольно наивнымъ заявленіемъ Стародума въ пользу законности: «Где государь мыслитъ, где знаетъ онъ въ чемъ его истинная слава, тамъ все скоро ощутятъ, что каждый долженъ искать своего счастья и выгодъ въ томъ одномъ, что̀ законно, и что угнетать рабствомъ себе подобныхъ—беззаконно». Какъ будто чувство законности находится въ зависимости отъ чего-то иного, вне самой законности обретающагося! Какъ будто недостаточно одной законности, an und für sich, чтобъ сделать ее единственнымъ и господствующимъ руководителемъ жизни. На справедливыя замечанія Правдина, что «мудрено истреблять закоренелые предразсудки, въ которыхъ низкія души находятъ свои выгоды», Стародумъ, не менее справедливо угадывая одинъ изъ главныхъ источниковъ общественнаго исправленія, прямо говоритъ: «Великій государь есть государь премудрый. Его дело показать людямъ прямое ихъ благо. Слава премудрости его та, чтобъ править людьми, потому что управляться съ

[1]) ...нъ-Визинъ, стр. 71. [2]) Вяземскій, V, 139.

истуканами нѣтъ премудрости. Достойный престола государь стремится возвысить души своихъ подданныхъ. Сколь великой душѣ надобно быть въ государѣ, чтобъ стать на стезю истины и никогда съ нея не совращаться! Сколько сѣтей разставлено къ уловленію души человѣка, имѣющаго въ рукахъ своихъ судьбу себѣ подобныхъ! И во-первыхъ, толпа скаредныхъ льстецовъ всеминутно силится увѣрить его, что люди сотворены для него, а не онъ для людей. Все стремленіе льстеца къ тому, чтобъ сперва ослѣпить умъ у человѣка, а потомъ дѣлать изъ него что ему надобно—льстецъ есть ночной воръ, который сперва свѣчу погаситъ, а потомъ красть станетъ... Способы сдѣлать людей добрыми—въ рукахъ государя. Какъ скоро всѣ увидятъ, что безъ благонравія никто не можетъ выйти въ люди; что ни подлою выслугою и ни за какія деньги нельзя купить того, чѣмъ награждается заслуга; что люди выбираются для мѣстъ, а не мѣста похищаются людьми,—тогда всякій найдетъ свою выгоду быть благонравнымъ и всякій хорошъ будетъ. Великій государь даетъ милость и дружбу тѣмъ, кому изволитъ; мѣста же и чины тѣмъ, кто достоинъ» [1]).

Это читалось, говорилось со сцены и слушалось болѣе 100 лѣтъ назадъ. Первое представленіе «Недоросля» состоялось 24-го сентября 1782 года, при чемъ во всей пьесѣ «не было измѣнено ни единой буквы» [2]). Только уже значительно позже, по свидѣтельству кн. Вяземскаго, въ представленіи «Недоросля» многое выкидывается изъ роли Стародума» [3]); мы лично ни разу еще не слышали «Недоросля» безъ вырѣзокъ и искренно порадовались, когда прошелъ на-дняхъ слухъ, что въ память столѣтія со дня кончины Фонъ-Визина на Александринской сценѣ будетъ представленъ полный «Недоросль».

---

[1]) Фонъ-Визинъ, стр. 101, 102.

[2]) On n'a pas changé une sillabe, писалъ Фонъ-Визинъ Медоксу, антрепренеру московскаго театра, стр. 277.

[3]) Вяземскій, стр. 139.

Фонъ-Визинъ и кн. Вяземскій равно ошибались, равно не понимали Екатерины II. Кн. Вяземскій ставитъ въ большую честь Екатеринѣ уже и то, что при ней написанъ «Недоросль»; Фонъ-Визинъ, видя, что «Недоросль» играется безъ пропусковъ, возмечталъ, будто, дѣйствительно, настало время «свободы мыслить и изъясняться». Въ письмѣ къ Стародуму Фонъ-Визинъ прямо писалъ: «Недоросль» мой, между прочимъ, служитъ тому доказательствомъ, ибо назадъ тому лѣтъ за тридцать ваша собственная роль могла ли быть представлена и напечатана? Правда, что есть и нынѣ особы, стремящіяся угнетать дарованія и препятствующія выходить всему тому, что невѣжество и порокъ ихъ обличаетъ; но таковое немощной злобы усиліе, кромѣ смѣха, ничего другого нынѣ произвести не можетъ» [1]). Фонъ-Визинъ скоро почувствовалъ свою ошибку.

Съ 1783 года началъ выходить въ Петербургѣ «Собесѣдникъ любителей россійскаго слова», издававшійся кн. Е. Р. Дашковою, «подъ надзираніемъ почтенныя наукъ Покровительницы». Посылая въ «Собесѣдникъ» свои «Вопросы», Фонъ-Визинъ писалъ: «Издатели «Собесѣдника» не боятся отверзать двери истинѣ, почему и беру вольность представить имъ для напечатанія нѣсколько вопросовъ, могущихъ возбудить въ умныхъ и честныхъ людяхъ особливое вниманіе. Буде оные напечатаются, то продолженіе послѣдуетъ впредь и немедленно. Публика заключитъ тогда по справедливости, что если можно вопрошать прямодушно, то можно и отвѣчать чистосердечно» [2]). Фонъ-Визину, въ числѣ прочихъ, казалось, что нѣтъ основаній опасаться гоненій за истину подъ державою Екатерины II,

Qui pense en grand homme et qui permet qu'on pense [3]).

Для начала Фонъ-Визинъ послалъ 21 вопросъ. Эти вопросы не только были напечатаны въ «Собесѣдникѣ» [4]), но Екате-

---

[1]) Фонъ-Визинъ, стр. 228. [2]) Тамъ же, стр. 203. [3]) Epitre de Voltaire à Catherine II. [4]) Фонъ-Визинъ, 203; «Собесѣдникъ», III, 162.

рина сама написала отвѣты и эти отвѣты также напечатала. Однако, изъ отвѣтовъ Фонъ-Визинъ понялъ уже свою «довѣрчивую» ошибку. Вопросы не были пріятны императрицѣ; нѣкоторые даже раздражали ее, что ясно сказалось въ отвѣтахъ. Напримѣръ, Фонъ-Визинъ спрашивалъ: «Отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынче имѣютъ и весьма большіе?» Екатерина, избѣгая отвѣчать прямо на вопросъ, столь для нея неудобный, замѣтила: «Сей вопросъ родился отъ *свободоязычія*, котораго предки наши не имѣли» [1]). Фонъ-Визинъ спрашивалъ: «Отчего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?» Екатерина отвѣчала: «Оттого, что сіе не есть дѣло всякаго».

Изъ отвѣтовъ было ясно, что Екатерина признаетъ вопросы неумѣстными, что она уклоняется отвѣчать прямо, что она раздражена. Фонъ-Визинъ испугался, сталъ оправдываться, извиняться за вопросы, приписывалъ ихъ своему неумѣнію выражаться: «По отвѣтамъ вашимъ вижу, что я нѣкоторые вопросы не умѣлъ написать внятно... Легко станется, что я не умѣлъ положить иной вопросъ на бумагу, какъ думалъ; но я думалъ честно и имѣю сердце, пронзенное благодарностью и благоговѣніемъ къ великимъ дѣяніямъ всеобщей нашей благотворительницы. Ласкаюсь, что всѣ честные люди, отъ коихъ имѣю счастье быть знаемъ, отдадутъ мнѣ справедливость, что перо мое никогда не было и не будетъ омочено ни ядомъ лести, ни желчью злобы... Признаюсь, что благоразумные ваши отвѣты убѣдили меня внутренно, что я самаго добраго намѣренія исполнить не умѣлъ и что не могъ я дать моимъ вопросамъ приличнаго оборота. Сіе внутреннее мое убѣжденіе рѣшило меня заготовленные еще вопросы

[1]) Еще болѣе рѣзкій, почти угрожающій отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ данъ позже въ томъ же «Собесѣдникѣ»: «Отчего? Отчего? Ясно, оттого, что въ прежнія времена врать не смѣли, а паче письменно, безъ опасенія» (IV, 168).

отмѣнить, не столько для того, чтобъ невиннымъ образомъ не быть обвиняему въ *свободоязычіи*, ибо у меня совѣсть спокойна, сколько для того, чтобы не подать повода другимъ къ дерзкому свободоязычію, котораго всею душою ненавижу» [1]).

Екатеринѣ понравилось покаянное письмо Фонъ-Визина: «Сей поступокъ г. сочинителя вопросовъ сходствуетъ съ обычаемъ, достойнымъ похвалы, православнаго христіанина, по которому за грѣхомъ вскорѣ слѣдуетъ раскаяніе и покаяніе» [2]).

Такимъ образомъ, всѣ вопросы Фонъ-Визина признавались «грѣховными», недостойными рѣшительнаго отвѣта, всѣ, кромѣ одного, на который было отвѣчено ясно и прямо. Фонъ-Визинъ спрашивалъ: «Отчего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжебъ своихъ и рѣшеній правительства?» Екатерина отвѣчала: «Для того, что вольныхъ типографій до 1782 года не было». Дѣйствительно, только указомъ сенату отъ 15-го января 1783 года было разрѣшено «во всѣхъ городахъ Россійской имперіи заводить типографіи и печатать книги на русскомъ и иностранныхъ языкахъ» [3]); но, конечно, Фонъ-Визинъ не задавался уже вопросами: «отчего» не печатались судебныя рѣшенія въ казенныхъ типографіяхъ? «отчего» ранѣе не разрѣшались частныя типографіи? Наученный горькимъ опытомъ, умный Фонъ-Визинъ предпочелъ, вмѣсто «грѣховныхъ» вопросовъ, распространиться о пользѣ судебной гласности: «Отвѣтъ вашъ подаетъ надежду, что размноженіе типографій послужитъ не только къ распространенію знаній человѣческихъ, но и къ подкрѣпленію правосудія. Способомъ печатанія тяжебъ и рѣшеній гласъ обиженнаго достигнетъ во всѣ концы отечества. Многіе постыдятся дѣлать то, чего дѣлать не страшатся. Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнія, чести и жизни гражда-

[1]) Стр. 211. [2]) «Собесѣдникъ», V, 151.

[3]) Архивъ Сената, т. 153. л. 58; П. С. З., № 15.634.

нина, купно съ рѣшеніемъ судившихъ, можетъ быть извѣстно всей безпристрастной публикѣ, воздастся достойная хвала праведнымъ судіямъ. возгнушаются честныя сердца неправдою судей безсовѣстныхъ и алчныхъ. О, если бъ я имѣлъ талантъ вашъ, съ радостью начерталъ бы я портретъ судьи, который, считая всѣ свои бездѣльства погребенными въ архивѣ своего мѣста, беретъ въ руки печатную тетрадь и вдругъ видитъ въ ней свои скрытыя плутни, объявленныя во всенародное извѣстіе. Если бъ я имѣлъ перо ваше, съ какою бы живостью изобразилъ я, какъ пораженный симъ нечаяннымъ ударомъ безсовѣстный судья блѣднѣетъ, какъ трясутся его руки, какъ, при чтеніи каждой строки, языкъ его нѣмѣетъ и по всѣмъ чертамъ его лица разливается стыдъ, проникнувшій въ мрачную его душу, можетъ быть, въ первый разъ отъ рожденія» [1]).

Надежды Фонъ-Визина, на цѣлое столѣтіе опережавшаго своихъ современниковъ, не сбылись. При Екатеринѣ II не печатались судебныя рѣшенія. Незадолго до смерти Фонъ-Визина, придававшаго такое мощное значеніе печати, въ 1791 г. началъ издаваться «Театръ судовѣдѣнія или чтеніе для судей», но въ немъ помѣщались преимущественно процессы иностранные, а изъ русскихъ только такія судебныя дѣла, за которыя «нельзя было не восплескать мудрости судей». Само собою разумѣется. что подобное изданіе нимало не отвѣчало намѣреніямъ Фонъ-Визина и вскорѣ же должно было прекратиться. Смерть, однако, пощадила автора вопросовъ: онъ не дожилъ до 16-го сентября 1796 г., когда именнымъ указомъ сенату свобода книгопечатанія была значительно ограничена, частныя типографіи закрыты [2]) и русское печатное слово приняло иное направленіе, не то, которое имѣлъ для него въ виду Фонъ-Визинъ.

Фонъ-Визинъ не нравился Екатеринѣ. Человѣкъ прямой, умный, наблюдательный, онъ, подобно Екатеринѣ, ясно ви-

---

[1]) Фонъ-Визинъ, стр. 210.

[2]) Архивъ Сената, т. III, л. 432. П. С. З., № 17.508.

дѣлъ всякій порокъ, малѣйшій недостатокъ; но въ то время какъ императрица была склонна, по самому своему положенію, смотрѣть на многое сквозь пальцы и иное даже прикрывать своимъ именемъ. Фонъ-Визинъ клеймилъ все своей сатирой, выставлялъ все на позоръ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ неудобенъ для Екатерины. И не для нея одной: даже родные писателя совѣтовали ему быть осторожнѣе. «Сатиръ писать не буду,—говоритъ Фонъ-Визинъ сестрѣ,—пожалуй, будь въ томъ увѣрена, что я человѣкъ, не хвастая могу сказать, резонабельный. Ты меня привела въ резонъ, и я сдѣлалъ жертвоприношеніе Аполлову, сожегши сатиру въ печи» [1]). Какъ писатель, Фонъ-Визинъ не только не писалъ торжественныхъ одъ въ честь Екатерины, какъ Державинъ или Капнистъ, не прославлялъ ея дѣяній, какъ Новиковъ, но имѣлъ даже неосторожность сочинить «Слово на выздоровленіе великаго князя Павла Петровича» [2]). Въ придворной сферѣ Фонъ-Визинъ примкнулъ къ партіи графа Никиты Панина, которая «не въ авантажѣ обрѣталась», и, конечно, не сдерживался въ своихъ отзывахъ о партіи противной, объ «орловскихъ сторонникахъ»; онъ не умѣлъ лавировать такъ, какъ умѣла то Екатерина. Когда умерли князь Григорій Орловъ и графъ Никита Панинъ, Екатерина писала Гримму: «Смерть князя Орлова тѣмъ и замѣчательна, что графъ Панинъ умеръ недѣли за двѣ до него и что ни одинъ изъ нихъ не зналъ о смерти другого. Эти два лица, постоянно противныхъ мнѣній, вовсе не любившія другъ друга, очень удивятся встрѣтившись на томъ свѣтѣ. Правда, что вода и огонь менѣе различны, чѣмъ они. Многіе годы прожила я съ этими совѣтниками, нашептывавшими мнѣ въ уши, каждый свое, и, однако, дѣла шли и шли блистательно; но часто приходилось поступать, какъ Александръ съ гордіевымъ узломъ, и тогда происходило соглашеніе мнѣній. Смѣлый умъ одного, умѣренная осторожность другого и ваша покорная слуга съ ея курцъ-

[1]) Фонъ-Визинъ. стр. 368. [2]) Тамъ же, стр. 180.

галопомъ между ними придавали изящество и мягкость самымъ важнымъ дѣламъ» [1]).

Этотъ-то «курцъ-галопъ», какъ нравственный аллюръ, былъ совершенно чуждъ Фонъ-Визину. Даже «похвальное» Слово великому князю Павлу Петровичу онъ закончилъ словами: «Люби россіянъ. Буди правосуденъ, милосердъ, чувствителенъ къ бѣдствіямъ людей. Не ищи другія себѣ славы—любовь народа есть истинная слава государей. Внимай единой истинѣ и чти лесть измѣною. Тамъ нѣтъ вѣрности къ государю, гдѣ нѣтъ ея къ истинѣ. Почитай достоинства прямыя и награждай заслуги» [2]). Тутъ ужъ нѣтъ мѣста никакому курцъ-галопу.

По нѣкоторымъ вопросамъ Фонъ-Визинъ опережалъ даже «Наказъ», признанный въ то время наиболѣе передовымъ кодексомъ государственной мудрости. По этому кодексу, «противно существу торговли, чтобы дворянство оную въ самодержавномъ правленіи дѣлало; противно и существу самодержавнаго правленія, чтобы дворянство въ ономъ торговлю производило»; а между тѣмъ Фонъ-Визинъ не только перевелъ трактатъ аб. Койе «Торгующее дворянство», но и самъ завелъ «комерцію вещами до художества принадлежащими» [3]).

Сходился вполнѣ Фонъ-Визинъ съ Екатериною только въ ненависти къ «петиметрамъ», но онъ высказывалъ свою ненависть нѣсколько иначе, чѣмъ императрица [4]). Вотъ отрывокъ изъ парижскаго письма Фонъ-Визина: «Первыя особы во французскомъ государствѣ не могутъ никогда много разниться отъ безсловесныхъ, ибо воспитываютъ ихъ такъ, чтобы они на людей не походили. Какъ скоро начинаютъ понимать, то попы вселяютъ въ нихъ предразсудки, подавляющіе смыслъ

---

[1]) Сборникъ Русск. Ист. общества, XXIII, 275.

[2]) Фонъ-Визинъ, стр. 185.

[3]) Тамъ же, стр. 567, 524; *Лавровскій*, Къ біографіи Фонъ-Визина въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», т. 160, стр. 208.

[4]) Сборникъ Русск. Ист. общ., VII, 404; X, 66 и др.

младенческій, и они вырастаютъ обыкновенно съ однимъ чувствомъ подобострастія къ духовенству. Нынѣшній король трудолюбивъ и добросердеченъ; но оба сіи качества управляются чужими головами. Одинъ изъ принцевъ имѣетъ великую претензію на царство небесное и о земныхъ вещахъ мало помышляетъ. Попы увѣрили его, что, не отрекшись вовсе отъ здраваго ума, нельзя никакъ понравиться Богу, и онъ дѣлаетъ все возможное, чтобы стать угодникомъ Божіимъ. Другой—побѣдилъ силу вѣры силою вина: мало людей перепить его могутъ. Сверхъ того, почитается онъ первымъ петиметромъ и всѣ молодые люди подражаютъ его тону, который состоитъ въ томъ, чтобы говорить грубо, произнося слова отрывисто; ходить переваливаясь, разинувъ ротъ, не смотря ни на кого; толкнуть всякаго, съ кѣмъ встрѣтится; смѣяться безъ малѣйшей причины, сколько силъ есть громче; словомъ, дѣлать все то, что дурачество и пьянство въ голову вложить могутъ. Таковы всѣ нынѣшніе французскіе петиметры» [1]).

Во всѣхъ произведеніяхъ Фонъ-Визина, въ комедіяхъ и въ перепискѣ, въ оригинальныхъ и переводныхъ трудахъ, всюду виденъ чрезвычайно симпатичный мотивъ, водившій его перомъ — разумная любовь къ родинѣ. Таково начало всякой сатиры; только разумный патріотъ можетъ быть правдивымъ сатирикомъ. Фонъ-Визинъ любилъ Россію, желалъ видѣть ее счастливою, и потому-то силился исправлять замѣчаемые недостатки, какъ добродушною насмѣшкою и суровою укоризною, такъ и негодованіемъ, совѣтомъ, примѣромъ. Онъ любилъ Россію не только сердцемъ, но и умомъ. Какъ умный патріотъ, писалъ онъ изъ-за границы: «Если кто изъ молодыхъ моихъ согражданъ, имѣющій здравый разсудокъ, вознегодуетъ, видя въ Россіи злоупотребленія и неустройства, и начнетъ въ сердцѣ своемъ отъ нея отчуждаться, то для

[1]) Фонъ-Визинъ. стр. 345.

обращенія его на должную любовь къ отечеству нѣтъ вѣрнѣе способа, какъ скорѣе послать его за границу. Здѣсь, конечно, узнаетъ онъ самымъ опытомъ очень скоро, что всѣ разсказы о здѣшнемъ совершенствѣ сущая ложь, что люди вездѣ люди, что прямо умный и достойный человѣкъ вездѣ рѣдокъ и что въ нашемъ отечествѣ, какъ ни плохо иногда въ немъ бываетъ, можно, однако, быть столько же счастливу, сколько и во всякой другой землѣ, если совѣсть спокойна и разумъ правитъ воображеніемъ, а не воображеніе разумомъ» [1]).

Было время, и не такъ давнее, когда громко высказывалось мнѣніе, будто русская сатира, въ ея лучшихъ представителяхъ, не принесла русскому обществу никакой пользы и принесть ея не могла; въ видѣ наиболѣе вѣскаго доказательства приводилось сознаніе самихъ сатириковъ въ ихъ безуспѣшности «дураковъ поубавить въ Россіи». Это доказательство представляется намъ не болѣе какъ недоразумѣніемъ.

Фонъ-Визинъ, въ посланіи «Къ уму моему», высказывая совершенно справедливую мысль, что «останется дуракъ навѣки дуракомъ» [2]), обращался къ своему уму съ такимъ увѣщаніемъ:

Къ тебѣ, о разумъ мой, я слово обращаю;
Я болѣе тебя уже не защищаю.
Къ чему ты глупости людскія примѣчаешь?
Иль ты исправить ихъ собой предпринимаешь?
Ты хочешь здѣшніе обычаи исправить,
Ты хочешь дураковъ въ Россіи поубавить.
И хочешь убавлять ты ихъ въ такіе дни,
Когда со всѣхъ сторонъ стекаются они,
Когда безъ твоего полезнаго совѣта
Возами ихъ везутъ со всѣхъ предѣловъ свѣта.

Сто лѣтъ спустя, эта же тенденція была высказана еще рѣзче, еще рѣшительнѣе [3]):

[1]) Фонъ-Визинъ, стр. 331.
[2]) Тамъ же, стр. 168.
[3]) Стихотв. Некрасова. Спб., 1873, т. I. стр. 168.

.... Но умолкни мой стихъ!
И погромче насъ были витіи,
Да не сдѣлали пользы перомъ...
Дураковъ не убавимъ въ Россіи,
А на умныхъ тоску наведемъ.

Число «дураковъ» въ странѣ не поддается исчисленію; въ статистическихъ таблицахъ не существуетъ соотвѣтствующей графы. Мы можемъ только съ увѣренностью сказать, что дураки «Бригадира» и «Недоросля» являются для насъ «преданьемъ старины глубокой»: не только Простакова съ ея сыномъ Митрофанушкой, но и весь родъ Скотининыхъ отошелъ уже въ вѣчность. Невозможно, конечно, точно исчислить, насколько произведенія Фонъ-Визина содѣйствовали этому исчезновенію Скотининыхъ, но отрицать заслугу писателя въ этомъ отношеніи нельзя. За Скотиниными Фонъ-Визина пришла очередь Скотининыхъ Грибоѣдова, Гоголя, Некрасова, Щедрина, не обращавшихъ прежде на себя вниманія, что и служитъ неложнымъ свидѣтельствомъ успѣха общественнаго. Несомнѣнно одно: счастлива та страна, лучшіе представители которой ополчаются противъ «дураковъ», число которыхъ для всякаго истиннаго патріота всегда представляется чрезмѣрнымъ.

Графъ Никита Панинъ, «благодѣтель» Фонъ-Визина, умеръ въ 1783 г. Въ томъ же году Фонъ-Визинъ вышелъ въ отставку. Въ концѣ 1787 г. авторъ «Недоросля» объявилъ объ изданіи на будущій годъ «періодическаго сочиненія, посвященнаго истинѣ», подъ заглавіемъ «Стародумъ». 4-го апрѣля 1788 года онъ писалъ графу Петру Панину: «Здѣшняя полиція воспретила печатаніе Стародума».

1-го декабря 1792 года Денисъ Ивановичъ Фонъ-Визинъ скончался.

АДРІАНЪ ГРИБОВСКІЙ, СОСТАВИТЕЛЬ ЗАПИСОКЪ

О

ЕКАТЕРИНѢ ВЕЛИКОЙ.

Адріанъ Грибовскій, авторъ записокъ о Екатеринѣ Великой.

Въ ряду мемуарныхъ источниковъ для исторіи конца XVIII вѣка «Записки о Екатеринѣ Великой» Грибовскаго занимаютъ довольно видное мѣсто: ими пользуются историки, изслѣдователи на нихъ ссылаются, любители провозгласили ихъ «любопытнѣйшими мемуарами, показывающими умъ и наблюдательность» автора. Записки Грибовскаго были изданы два раза, въ 1847 году и въ 1864 году, оба раза въ Москвѣ и оба раза чрезвычайно небрежно. Издатели ничего не говорятъ ни объ авторѣ записокъ, ни о рукописи, съ которой печатались записки; въ обоихъ изданіяхъ краткія замѣтки, изъ которыхъ позже составлялись записки, смѣшаны съ самыми записками, и статьи переводныя не отдѣлены отъ оригинальныхъ произведеній автора. Нечего и говорить, что текстъ не всегда прочитанъ вѣрно и въ обоихъ изданіяхъ нѣтъ ни одного объяснительнаго примѣчанія.

Адріанъ Моисеевичъ Грибовскій родился въ 1766 году— упоминая подъ 1792 годомъ о своемъ представленіи Платону Зубову, онъ прибавляетъ: «мнѣ было тогда отъ роду 26 лѣтъ». Въ запискахъ нѣтъ никакихъ автобіографическихъ указаній ни о воспитаніи, ни о первыхъ его шагахъ по службѣ. Этотъ пробѣлъ пополненъ П. И. Бартеневымъ: «Грибовскій, родомъ малороссъ, воспитанникъ Московскаго университета, поступилъ на службу къ Державину въ 1784 году изъ комиссіи о сочиненіи новаго уложенія, куда ему открыли доступъ его

начитанность и познаніе во французскомъ языкѣ» [1]). Къ сожалѣнію, г. Бартеневъ не указалъ источника этихъ свѣдѣній, которымъ, конечно, не обязательно вѣрить, но которыя легко могутъ ввести въ заблужденіе. Что Грибовскій былъ родомъ малороссъ — это весьма вѣроятно; что онъ воспитывался въ Московскомъ университетѣ — и это очень возможно; но чтобъ Грибовскій служилъ въ законодательной комиссіи — это невѣроятно и невозможно, и вотъ почему:

Указъ объ открытіи комиссіи изданъ 14-го декабря 1766 г., въ годъ рожденія Грибовскаго. Два года спустя, 18-го декабря 1768 г., послѣдовалъ высочайшій указъ о распущеніи большого собранія, т.-е. комиссіи, по случаю предстоявшей войны съ турками. Это распущеніе не касалось членовъ частныхъ комиссій и подкомиссій, которыя должны были продолжать свои занятія попрежнему. Насколько намъ извѣстно, самый поздній слѣдъ занятій частныхъ комиссій относится къ 1774 г.: членъ комиссіи о разборѣ государственныхъ жителей, епифанскій депутатъ Свѣтушкинъ въ октябрѣ того года представилъ свои замѣчанія на проектъ правамъ третьяго рода людей [2]). Въ письмѣ къ Вольтеру, отъ 29-го декабря 1774 г., Екатерина писала: «Чрезъ нѣсколько дней отправлюсь въ Москву; тамъ я опять примусь за великое дѣло законодательства» [3]). Однако, не принялась, и послѣднее извѣстіе о законодательной комиссіи относится къ 1775 году: въ числѣ учрежденій, прибывшихъ съ императрицею изъ Петербурга въ Москву, упомянута и «уложенная комиссія». Она никогда не была закрыта; но съ 1775 г. она была забыта и забыта навсегда. Въ 1775 г. Грибовскому было девять лѣтъ; когда же онъ могъ быть въ комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія?

---

[1]) Записки Державина, изд. «Русской Бесѣды», Москва, 1860, стр. 249; Сочиненія Державина, изд. Академіи Наукъ, Спб., 1871, т. VI, стр. 562.

[2]) Сборникъ, XXXVI, 7.

[3]) Сборникъ, XXVII, 14.

Воспитывался ли Грибовскій въ Московскомъ университетѣ, и сколько лѣтъ провелъ онъ въ немъ, мы не знаемъ. Несомнѣнно одно: въ 1784 году, когда Грибовскому было 18 лѣтъ, въ Петербургѣ появился его переводъ съ французскаго повѣсти Арно [1]: «Опасность городской жизни», съ посвященіемъ перевода княгинѣ Е. П. Барятинской и съ эпиграфомъ:

Блаженъ, кто можетъ утѣшаться
Простой природы красотой;
Не будетъ вѣчно тотъ прельщаться
Мятежной свѣтской суетой.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, быть можетъ, цѣлаго года Грибовскій трудится надъ переводомъ идиллической повѣсти, прославляющей сельскую жизнь и восторгающейся пейзанами. «Человѣкъ рожденъ жить въ деревнѣ,—говоритъ авторъ,—но шумъ городовъ отнялъ его у него самого и предалъ его замѣшательству состояній и страстей, спорящихъ и вредящихъ себѣ взаимно, и, оставивъ земледѣльческое убѣжище, онъ потерялъ наслажденіе истинныхъ удовольствій» На этомъ фонѣ вышита крайне наивная картинка, въ которой французская аристократка признаетъ, что «земледѣліе есть первая должность и первое достоинство», а деревенская баба убѣждается, что «парижскіе господа не смѣютъ показать, что у нихъ есть сердце». Сдѣлать изъ этого какой-либо выводъ относительно самого переводчика было бы слишкомъ рискованно. Выборъ разсказа для перевода могъ быть сдѣланъ совершенно случайно, вполнѣ независимо отъ взглядовъ Грибовскаго: повѣсти, разсказы и трагедіи Арно читались всѣми; въ «Epreuves du sentiment» или въ «Délassements

[1]) Thomas Marie d'Arnaud-Baculard, 1718—1805 гг., про котораго Руссо сказалъ: «До него всѣ писали умомъ и руками. Арно первый сталъ писать сердцемъ». Вольтеръ поддерживалъ Арно и похвалами, и деньгами. Одно время онъ былъ корреспондентомъ Фридриха II, совѣтникомъ французскаго посольства въ Дрезденѣ, но отказался отъ всего, предпочитая быть писателемъ.

«de l'homme sensible» ихъ помѣщено нѣсколько, но всѣ они сшиты, болѣе или менѣе, на одну мѣрку. Выборъ разсказа такъ же мало можетъ служить біографическимъ показателемъ, какъ и посвященіе: изъ того, что переводъ посвященъ кн. Барятинской [1]), нельзя еще заключать, что Грибовскій зналъ ее, былъ вхожъ къ ней въ домъ; посвященія дѣлались, по большей части, просто имени. Изъ самого же посвященія можно, кажется, вывести заключеніе, что переводчикъ совсѣмъ не былъ знакомъ съ княгинею Е. П. Барятинскою, въ противномъ случаѣ онъ не написалъ бы ей: «Названіе друга человѣковъ. названіе лестное и предпочтительнѣйшее всѣмъ пышнымъ именамъ, единогласно приписывается вашей свѣтлости».

Внимательно прочитывая «Опасность городской жизни», необходимо придти къ убѣжденію, что Грибовскій легко владѣлъ перомъ и хорошо зналъ французскій языкъ. Переводъ сдѣланъ хорошимъ для того времени русскимъ языкомъ, галлицизмы встрѣчаются сравнительно весьма рѣдко и фразы построены довольно удачно [2]). О своемъ знаніи французскаго языка Грибовскій упоминаетъ и въ своихъ запискахъ: онъ или графъ Марковъ, какъ знающіе французскій языкъ, призывались читать императрицѣ иностранную почту.

Въ томъ же 1784 году Г. Р. Державинъ былъ назначенъ губернаторомъ и, отправляясь въ Петрозаводскъ, взялъ молодого Грибовскаго себѣ въ секретари, вѣроятно, какъ чело-

[1]) Принцесса Екатерина Голштейнъ-Бекъ, 1750—1811, вышла замужъ за кн. И. С. Барятинскаго, 1738—1811, но вскорѣ покинула мужа, Россію, и жила въ Берлинѣ, гдѣ и умерла. Она была очень дружна съ А. О. Бобринской-Пушкиной, теткой Козодавлева, гдѣ Грибовскій и могъ видѣть «принцессу Барятинскую».

[2]) Ни въ построеніи цѣлыхъ фразъ, ни въ написаніи отдѣльныхъ выраженій мы не встрѣтили ни одного указанія на малороссійское происхожденіе Грибовскаго; не замѣтно оно и въ девяти письмахъ Грибовскаго, напечатанныхъ Я. К. Гротомъ въ V т. соч. Державина. Кн. Васильчиковъ и Н. Григоровичъ указали въ своихъ изслѣдованіяхъ о Разумовскихъ и Безбородко эти [illegible] малороссійскаго происхожденія, и даже въ дѣловыхъ бумагахъ, [illegible] частной перепискѣ.

вѣка письменнаго. Надо полагать, что Грибовскій старательно исполнялъ въ Петрозаводскѣ возлагавшіяся на него обязанности и внушалъ къ себѣ довѣріе: вскорѣ по пріѣздѣ въ Петрозаводскъ, Державинъ именно его назначилъ исправляющимъ должность казначея приказа общественнаго призрѣнія. Конечно, обѣ эти должности, секретаря и казначея, не особенно значительны въ чиновной іерархіи, даже и провинціальной; но въ виду молодости Грибовскаго, которому шелъ тогда 19-й годъ, необходимо признать, что онъ былъ на хорошемъ счету у начальства, вѣроятно вслѣдствіе добросовѣстнаго служенія. Онъ, кажется, былъ на хорошемъ счету и въ петрозаводскомъ обществѣ: по крайней мѣрѣ, такіе чиновные люди въ Петрозаводскѣ, какъ вице-губернаторъ Зиновьевъ, губернскій прокуроръ Грейцъ и предсѣдатель уголовной палаты Антроповъ, водятъ съ нимъ компанію, играютъ въ карты. Никто изъ нихъ не обращалъ вниманія на то, что Грибовскій, въ сущности мелкій чиновникъ, проигрываетъ крупные куши и всегда немедленно расплачивается. Вскорѣ все раскрылось.

15-го декабря 1785 г. состоялся указъ о переводѣ Державина изъ Олонецкой въ Тамбовскую губернію. Находясь «въ контрахъ» съ генералъ-губернаторомъ Тутолминымъ, Державинъ, конечно, принялъ мѣры, чтобы сдача Олонецкой губерніи прошла гладко. Вотъ что самъ Державинъ разсказываетъ по этому поводу въ своихъ «Запискахъ»:

«Такъ какъ Олонецкую губернію надобно было такъ сдать или къ сдачѣ приготовить, чтобы послѣ, а особливо по недоброжелательству намѣстника, прицѣпокъ или взысканія не было, то осмотрѣлъ Державинъ вновь подчиненныя губернскому правленію мѣста и все, что неисправно, исправилъ, и какъ, между прочимъ, приказъ общественнаго призрѣнія въ особливой былъ зависимости губернатора, то, осматривая оный, примѣтилъ въ поданной денежной вѣдомости отъ секретаря Грибовскаго, который отправлялъ должность казна-

чея, что итоги невѣрны. Державинъ приказалъ повѣрить вѣдомость одному изъ засѣдателей, который донесъ о дѣйствительной невѣрности и явное сумнѣніе въ нецѣлости казны. Державинъ приказалъ сличить съ документами, по которымъ нашлось, что по опредѣленіямъ, подписаннымъ однимъ губернаторомъ безъ совѣтниковъ, выдано денегъ купцамъ заимообразно, безъ расписки ихъ въ шнуровыхъ книгахъ, 7.000 рублей, да въ самомъ дѣлѣ недоставало наличныхъ болѣе 1.000 рублей. Таковое открытіе потому болѣе было важно, что намѣстникъ всякими бездѣлицами подыскивался подъ губернаторомъ, то и легко могъ сказать, что губернаторъ самъ похитилъ деньги, ибо опредѣленія на выдачу ихъ подписаны были одною его рукою, а расписокъ отъ пріемщиковъ въ полученіи денегъ не было. Притомъ зналъ Державинъ, что въ угожденіе намѣстника прокуроръ и стряпчіе, да и прочіе чины того и смотрѣли, чтобъ что-нибудь на него донесть, то и надобно было исправить сей безпорядокъ такъ искусно и безъ канцелярскаго производства, чтобъ зажать ротъ всѣмъ, восхотѣвшимъ поступить на какое-либо шиканство и ябеду. А потому Державинъ призвалъ къ себѣ Грибовскаго и лицо на лицо пріятельскимъ увѣщаніемъ извлекъ изъ него искреннее признаніе въ тратѣ казенныхъ денегъ. Грибовскій сказалъ, что проигралъ ихъ въ карты, ведя игру съ вице-губернаторомъ, съ губернскимъ прокуроромъ и съ уголовной палаты предсѣдателемъ, которые были всѣ любимцы намѣстнику. О розданныхъ купцамъ деньгахъ Грибовскій объяснилъ, что для того подписаны однимъ губернаторомъ опредѣленія, что онъ у купцовъ просилъ денегъ изъ занимаемыхъ ими суммъ, но какъ они на то не согласились иначе какъ взять безъ расписокъ, а когда заплатятъ, то тогда уже расписаться въ книгахъ, что Грибовскій и сдѣлалъ, а для того и не подавалъ прочимъ членамъ къ подпискѣ опредѣленій, чтобъ они при выдачѣ денегъ не потребовали къ своему усмотрѣнію

расписокъ въ книгѣ. Державинъ велѣлъ Грибовскому

искреннее сіе признаніе положить на бумагу, въ видѣ письма къ губернатору, въ которомъ Грибовскій, раскаявшись во всѣхъ своихъ шалостяхъ, чистосердечно признался, написавъ по именамъ кому что проигралъ. Получивъ такую бумагу, Державинъ тотчасъ пригласилъ къ себѣ вице-губернатора, и какъ уже былъ седьмой часъ вечера, то его весьма удивило таковое необыкновенное приглашеніе. Сначала, разговаривая о постороннихъ матеріяхъ, губернаторъ въ видѣ дружеской откровенности объявилъ ему несчастіе, случившееся въ приказѣ общественнаго призрѣнія, и требовалъ совѣта что дѣлать. Вице-губернаторъ, услышавъ сіе, принялъ важный видъ, сталъ вычислять многія свои замѣчанія насчетъ неосторожности губернаторской, что Грибовскій не стоитъ его довѣренности и тому подобное, и что надобно поступить по всей строгости закона съ нимъ и со всѣми тѣми, кто съ нимъ былъ соучастникъ. Тогда Державинъ просилъ его, чтобъ онъ лежащую на столѣ бумагу прочелъ и тогда бы далъ ему свой совѣтъ что дѣлать. Вице-губернаторъ взялъ письмо, и коль скоро увидѣлъ свое имя между строками, то сначала взбѣсился, потомъ оробѣлъ и въ крайнемъ замѣшательствѣ уѣхалъ домой. Того только и было надобно, чтобъ, увидя себя замѣшаннымъ, не предпринялъ какихъ съ своей стороны доносовъ и другихъ шикановъ. То же сдѣлано съ прокуроромъ и съ предсѣдателемъ палаты. Всѣ они перетрусились, кромѣ что прокуроръ началъ было крючками вывертываться и каверзить. Между тѣмъ губернаторъ послалъ по купцовъ, которые взяли казенныя деньги, не расписавшись въ книгахъ, представилъ имъ ихъ дурной поступокъ во всей ясности и сказалъ, что отошлетъ онъ ихъ тотчасъ въ уголовную палату, коль скоро не распишутся въ книгахъ. Они то безъ всякаго прекословія исполнили. Тысячу рублей Державинъ внесъ свою; книги исправили и вѣдомости сочинили по документамъ, какъ быть имъ должно» [1]).

[1]) Соч. Державина, VI, 573.

Вскорѣ по воцареніи, въ 1763 году, Екатерина предписываетъ уже принять мѣры противъ «разорительной азартной игры», борется съ этимъ зломъ во все свое царствованіе и незадолго до смерти, въ 1796 году, приказываетъ слѣдить за «игрокомъ первой степени», чтобъ онъ «отъ игры воздерживался». Императрица сама играла въ карты и почти ежедневно проводила часъ и болѣе за карточнымъ столомъ; но она рѣшительно возставала противъ всякой азартной игры, какъ бы она ни называлась [1]). «Картежный долгъ—не долгъ», говоритъ Екатерина, и векселя, выданные въ обезпеченіе карточнаго долга, признаются недѣйствительными. Съ игроками она также строга: «карточные академики достойны наказанія», писала она, и приказала «иностранныхъ академиковъ высылать за границу», а доморощенныхъ «унимать» и имена ихъ публиковать въ газетахъ, «дабы всякой отъ нихъ остерегался» [2]).

[1]) Приводимъ въ азбучномъ порядкѣ названія карточныхъ игръ, употреблявшихся въ царствованіе Екатерины II и упоминаемыхъ въ документахъ и мемуарахъ того времени: банкъ, берланъ, бириби, бостонъ, вистъ, квинтичъ, ла-мушъ, ломберъ, макао, памфелъ, реверсисъ, рокомболь, тароки, тресетъ и фараонъ. Въ запискахъ Болотова упоминается еще одна игра — аглинскій вискъ (II, 661); но намъ чуется здѣсь простая опечатка, хотя и дважды повторенная: вискъ вм. вистъ, whist, которымъ Екатерина развеселила великую княгиню Наталью Алексѣевну, въ день отъѣзда ея матери, ландграфини гессенъ-дармштадтской Каролины (*Walther*, Briefwechsel der grossen Landgräfin Caroline von Hessen. Wien, 1877, B. I, S. 338).

[2]) Карточная игра имѣетъ извѣстное значеніе въ культурной исторіи русскаго общества второй половины XVIII вѣка, и мы представляемъ точное указаніе распоряженій Екатерины II по вопросу о карточной игрѣ: Госуд. Архивъ, VII, 2204; X, 187, 280; Архивъ Сената, т. 116, л. 350; т. 131, л. 423, 500, 542; т. CIV, л. 152; Полн. Собр. Зак., №№ 10669, 11877, 12530, 12593, 12887, 13677, 16440; Переписка Екатерины съ разными лицами, Спб., 1802, стр. 3154; Чтенія, 1863, II, 143; III, 181; Русскій Архивъ, 1863, 158; 1864, 461, 534; 1872, 278, 335, 869, 870, 872; 1878, I, 389; III, 181; 1886, III, 15, 30; Сборникъ Русск. Ист. общ., XIII, 137; XXIII, 511; XXVII, 235; XCII, 310; *Смирдинъ*, Соч. Екат., III, 363, 404; Осмнадц. Вѣкъ, I, 80; Walther, I, 338; Зритель, 1863, XIV, 435. Въ хронологическомъ порядкѣ эти распоряженія слѣдуютъ такъ: 7-го іюля 1763 г., 9-го февраля и 7-го декабря 1765 г., 16-го января и 10-го марта 1766 г., 28-го апрѣля 1767 г., 24-го іюля 1768 г., 26-го

Эти взгляды императрицы на картежную игру и карточные долги были извѣстны въ Петрозаводскѣ. Конечно, мѣстныя власти, участвовавшія въ карточной игрѣ—вице-губернаторъ, прокуроръ, предсѣдатель палаты—были вынуждены, спасая себя, молчать о растратѣ казенныхъ денегъ казначеемъ приказа; губернаторъ долженъ былъ, обѣляя себя, внести въ приказъ выкраденныя суммы [1]). Этимъ былъ спасенъ формулярный, но не «кондуитный» списокъ Грибовскаго, нравственный обликъ его опредѣлился теперь вовсе не двусмысленно. Отъ картежной игры, даже азартной, преслѣдуемой законами, очень еще далеко до растраты казенныхъ денегъ; тѣмъ не менѣе, Грибовскій, будучи всего лишь 20-ти лѣтъ, легко прошелъ этотъ длинный путь, провинился въ томъ и другомъ.

Съ отъѣздомъ Державина Грибовскій не могъ оставаться въ Петрозаводскѣ—мѣстное общество не простило ему его поведенія. Объ отношеніи петрозаводскаго общества къ Грибовскому свидѣтельствуетъ слѣдующій случай: «Директоръ экономіи въ Петрозаводскѣ, А. А. Ушаковъ, требовалъ, чтобъ Грибовскій при всякой встрѣчѣ снималъ предъ нимъ шляпу. На одномъ гдѣ-то гуляньи Грибовскій поупорствовалъ противу его требованія; Ушаковъ сердился, началъ бранить всенародно послѣдняго и хотѣлъ было слугѣ своему приказать сшибить съ него шляпу палкою. Грибовскій не упустилъ при семъ случаѣ высказать *всѣ свои грубости*. Сія брань обратилась въ процессъ. Грибовскій былъ истцомъ у генералъ-гу-

іюля, 6-го и 13-го октября 1771 г., 1-го сентября 1772 г., 16-го октября 1773 г., 5-го ноября 1779 г., 16-го октября 1786 г., 3-го января 1790 г., 5-го марта и 22-го апрѣля 1791 г., 3-го мая, 4-го іюня, 7-го іюля и 7-го августа 1795. и осенью 1796 года.

[1]) Отъ 7-го сентября 1786 г. Державинъ пишетъ А. П. Васильеву: «Отдать тысячу рублевъ Сергію Никитичу Зиновьеву, занятую мною у него для платежа за секретаря Грибовскаго въ олонецкомъ приказѣ общественнаго призрѣнія. Они у Грибовскаго казенныя деньги выиграли, а я, избавляя себя отъ нареканія, что подъ моимъ начальствомъ то случилось, а ихъ отъ стыда и суда, принялъ грѣхъ ихъ на себя и удовлетворилъ своимъ карманомъ». Соч. Державина, V, 561.

бернатора Тутолмина, который, *противъ воли своей*, долженъ былъ сдѣлать чрезъ губернатора выговоръ директору экономіи» [1]). Несмотря на выговоръ «противъ воли», нелѣпое требованіе Ушакова свидѣтельствуетъ, какъ низко упалъ въ его мнѣніи Грибовскій.

Въ мартѣ же 1786 г. Грибовскій былъ уволенъ отъ должности казначея олонецкаго приказа общественнаго призрѣнія и въ іюнѣ былъ уже въ Петербургѣ. Безъ мѣста, безъ средствъ, онъ жилъ изъ милости у «писателя» О. П. Козодавлева, будущаго министра внутреннихъ дѣлъ. Свое положеніе въ то время Грибовскій довольно обстоятельно изложилъ въ слѣдующемъ письмѣ къ Державину отъ 2-го августа 1786 года [2]):

«Ваше превосходительство, милостивый государь! Его сіятельство графъ Александръ Романовичъ [3]), бывши въ Петрозаводскѣ для осмотру присутственныхъ мѣстъ, велѣлъ мнѣ, по полученіи отставки, явиться къ себѣ. Сіе было новый опытъ милостиваго промысла обо мнѣ вашего превосходительства. Будучи уволенъ отъ службы и пріѣхавъ въ Петербургъ, я принятъ былъ отъ него благосклонно. Его сіятельство обнадежилъ меня принять къ себѣ, заставлялъ писать для опыта нѣкоторыя письма и удостоилъ оныя одобреніемъ. Но какъ подъ начальствомъ [4]) его мѣста порозжаго никакого не случилось и скоро не можетъ открыться, то онъ велѣлъ мнѣ подать прошеніе въ Герольдію для опредѣленія въ какую-нибудь губернію. Ожидая рѣшенія отъ графа Александра Романовича, не осмѣлился я писать къ вашему превосходительству и безпокоить васъ, какъ увѣдомленіемъ о пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, такъ и новымъ изъявленіемъ глубо-

[1]) Изъ письма Поспѣлова къ Державину, отъ 15-го іюня 1786 г. Разсказъ передается со словъ какъ самого Грибовскаго, такъ и С. Н. Зиновьева, бывшаго олонецкаго вице-губернатора. Ibid., 487.

[2]) Соч. Державина, V, 523.

[3]) Воронцовъ.

[4]) Онъ былъ въ то время президентомъ коммерцъ-коллегіи (Мѣсяцесловъ на 1786 г., стр. 18).

чайшей благодарности моей за содѣланныя мнѣ отъ васъ толикія благодѣянія. Удостовѣрившись же, что Герольдія сама собою безъ представленія генералъ-губернаторовъ не опредѣляетъ къ должностямъ, осмѣливаюсь прибѣгнуть паки къ вамъ, милостивый государь, къ вамъ, которому я обязанъ жизнью и честью, къ вамъ, наилучшему изъ человѣковъ. Позвольте, ваше превосходительство, неусыпными трудами, усердіемъ и прилежаніемъ, хотя нѣсколько загладить предъ глазами вашими нанесенныя легкомысленностью моею вамъ огорченія. Не лишите меня чести и счастья принять отъ единыхъ рукъ вашихъ все состояніе и благополучіе мое. Всякое мѣсто, гдѣ угодно будетъ вашему превосходительству меня опредѣлить, пріиму я съ несказанною радостью и благодарностью, вѣдая благодѣтельную и великую душу вашу. Благодѣянія вашего превосходительства пребудутъ во всю жизнь мою первѣйшимъ и пріятнѣйшимъ для меня чувствіемъ, а желаніе изъявить за оныя благодарность мою— главнѣйшею заботою.

«Ея превосходительству, милостивой государынѣ, Катеринѣ Яковлевнѣ [1]) осмѣливаюсь засвидѣтельствовать всенижайшее мое высокопочитаніе. При семъ влагаю, по просьбѣ Николая Ѳедоровича [2]), къ вашему превосходительству письмо и комедію его сочиненія. Я, по милости Осипа Петровича [3]), живу въ домѣ его и пользуюсь въ нужномъ состояніи моемъ возможнымъ отъ него вспомоществованіемъ.

«Впрочемъ, съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и вѣчною благодарностью имѣю честь на всю жизнь мою пре-

¹) Рожд. Бастидонъ, первая жена Державина.

²) Эмина. Онъ издалъ тогда комедію въ 5 дѣйствіяхъ: «Магометъ-муд-ъ, которую самъ называлъ «глупымъ вздоромъ» въ письмѣ къ Держа- 16-го іюня 1786 г. Соч. Державина, V, 488.

³) Козодавлева. Онъ состоялъ при директорѣ Академіи Наукъ, кн. Е. Р. …, «по экономическимъ дѣламъ» и былъ директоромъ народныхъ … Петербургской губерніи.

быть вашего превосходительства всенижайшій слуга Адріянъ Грибовскій».

Не было, кажется, серьезныхъ основаній заподозрѣвать искренность этого письма: Державинъ дѣйствительно спасъ «жизнь и честь» Грибовскаго. Это письмо не единственное, впрочемъ, и всѣ они въ томъ же «униженномъ смыслѣ» [1]). Между тѣмъ, искренности раскаянія Грибовскаго вѣрили только Козодавлевы, мужъ и жена, у которыхъ онъ жилъ; ей не вѣрили ни Д. М. Свистуновъ, совѣтникъ академіи наукъ, ни М. Ф. Поспѣловъ, сослуживецъ Державина, ни Бастидонова, теща Державина, и менѣе всего княгиня Е. Р. Дашкова, которая не выносила имени Грибовскаго.

«Графъ Александръ Романовичъ,—пишетъ Свистуновъ,—хотѣлъ было взять Грибовскаго къ себѣ и далъ ему ужъ обнадеженіе, но княгиня, узнавъ, такъ сильно наступила на графа, что тотъ принужденъ былъ, въ угодность ей, отказать ему». Мѣсто въ Герольдіи, тоже обѣщанное, равнымъ образомъ не было получено Грибовскимъ. Козодавлевъ проситъ, наконецъ, Державина назначить Грибовскаго директоромъ народныхъ училищъ Тамбовской губерніи: «Нашъ Адріанъ Моисеевичъ Грибовскій, видно несчастіями исправившійся, теперь живетъ у меня; онъ безъ мѣста и бѣдностью согбенный, готовъ бы былъ пойти подъ иго службы, но никто еще не нашелся, кто бы наложилъ на него сіе иго, а всякій только что обѣщаетъ. Уставъ народныхъ училищъ на сихъ дняхъ будетъ конфирмованъ, по которому будутъ въ каждой губерніи директоры народныхъ училищъ, зависящіе отъ губернаторовъ. Вотъ бы мѣсто нашему Грибовскому. Постарайтесь, право, изліять благодѣяніе ваше на сего вѣтреннаго, но весьма благодарнаго человѣка, который, сверхъ того, къ вамъ всею душою привязанъ». А. П. Козодавлева,

[1]) Письма Грибовскаго Державину отъ 10-го, 14-го, 17-го и 28-го августа, 4-го сентября, 2-го октября и 11-го декабря 1786 г. Соч. Державина, V, 535, 538, 541, 552, 559, 587, 651.

рожд. княжна Голицына, просила о томъ же Е. Я. Державину. Спустя мѣсяцъ или два, Державинъ такъ отвѣчалъ на эти просьбы: «Я рекомендовалъ по сущей справедливости Адріяна Моисеевича генералъ-губернатору [1]), и ежели онъ кого не нашелъ своего достойнѣйшимъ, то, конечно, опредѣлить его въ директоры въ училище не отречется. Но ежели тутъ не удастся его помѣстить, то скажи ему, чтобы онъ прислалъ прошеніе, что въ здѣшнемъ намѣстничествѣ служить желаетъ: то секретарское мѣсто ему охотно доставлю, а притомъ онъ можетъ имѣть и тѣ здѣсь выгоды, что по знанію его правописанія и хорошему почерку охотно позволю ему въ учреждаемомъ здѣсь для благородныхъ дѣвицъ пансіонѣ преподавать означенныя свои знанія, за что можетъ имѣть по крайней мѣрѣ сотню излишняго доходу». Узнала объ этихъ переговорахъ княгиня Дашкова, и «такъ сильно наступила» на Державина, что и онъ отрекся отъ Грибовскаго. «Княгиня Екатерина Романовна,—писалъ ему Свистуновъ,—приказала мнѣ къ вамъ отписать, что она слышала, будто Козодавлевъ хвалится, что онъ Грибовскому мѣсто доставитъ опять при васъ; то ежели вы это сдѣлаете, послушаете Козодавлева и возьмете его опять къ себѣ, то будетъ ужъ очень вѣтрено, и притомъ приказала приписать вамъ, что это будетъ ей весьма непріятно. Боже мой, какъ она не терпитъ Грибовскаго». То же, но въ болѣе рѣзкой формѣ писала Державину и теща его, М. Д. Бастидонова: «Слыша, что убѣждаютъ васъ просьбами о Грибовскомъ, чтобы вы его приняли, то я прошу тебя, Гаврило Романовичъ, ради самого Бога, не слушай никого и не бери къ себѣ такого злодѣя. Княгиня Екатерина Романовна знаетъ, что Козодавлевъ тебя убѣждаетъ, и говорила, что я-де не думаю, чтобы Гаврило Романовичъ могъ къ себѣ взять его. Даже Александръ Романовичъ хотѣлъ его къ себѣ взять, но она

[1]) Графу Ивану Васильевичу Гудовичу, 1741—1820.

не велѣла, а княгиня нынче такъ усилилась, что князь Вяземской у ней руки цѣлуетъ». Державинъ внялъ этимъ совѣтамъ: «Увѣрьте княгиню Екатерину Романовну, — писалъ онъ Свистунову,—что когда она не изволитъ, чтобъ я Грибовскому далъ здѣсь мѣсто, то онъ никакого здѣсь не получитъ. Я ея воли съ Козодавлевой просьбою не смѣняю». Нѣсколько дней спустя, Державинъ самъ увѣрилъ княгиню Дашкову въ томъ же: «Напрасно г. Козодавлевъ хвалился, чтобъ я противъ воли вашего сіятельства опредѣлилъ къ какой-либо должности Грибовскаго» [1]).

Узнавъ объ отказѣ Державина, Грибовскій писалъ ему, отъ 11-го декабря 1786 г.: «Не могу изъяснить горести моей, что не допустили меня загладить хоть нѣсколько предъ глазами вашего превосходительства причиненныя вамъ легкомысленностью моею огорченія. Я не знаю, кто могъ перемѣнить великодушное ваше въ разсужденіи меня намѣреніе, но извѣстенъ, что имѣю сильныхъ и малодушныхъ недоброжелателей» [2]).

Мы, напротивъ, не знаемъ «доброжелателей» Грибовскаго. Даже Козодавлевъ находитъ его въ концѣ концовъ «страннымъ человѣкомъ»; Свистуновъ убѣжденъ, что «строптивый, заносчивый и неблагодарный» Грибовскій причинитъ Державину много безпокойства; Поспѣловъ сердится на Грибовскаго, который «чувствительнѣйшимъ образомъ оскорбилъ его семейство», и находитъ, что онъ «милостей Державина недостоинъ»; Бастидонова пишетъ Державину: «О Грибовскомъ я наслышалась, что онъ Тимоѳея Ивановича [3]) возноситъ выше небесъ, а о тебѣ, когда дойдетъ, то «Державинъ», а больше нѣтъ имя, да и то съ гримасами; сіе по пословицѣ: *не споя не скормя, ворога не видать*. Такъ-то Грибовскій

[1]) Соч. Державина, V, 525, 533, 538, 566, 601, 603, 617, 632.

[2]) Ibid., 651.

[3]) Тутолмина, архангелогородскаго и олонецкаго генералъ-губернатора, враждебно относившагося къ Державину.

чувствуетъ хлѣбъ-соль» [1]). Ни одного добраго отзыва о Грибовскомъ отъ лицъ, его знавшихъ, и даже Державинъ вскорѣ убѣдился, что спасенный имъ Грибовскій «есть первый его непріятель» [2]).

Въ то именно время, когда Грибовскій, безъ мѣста, безъ средствъ, «согбенный бѣдностью», жилъ изъ милости у Козодавлева и хлопоталъ объ опредѣленіи на службу, 24-го іюля 1786 года появился № 30-й еженедѣльнаго журнала «Зеркало Свѣта» съ «письмомъ, присланнымъ къ издателю», за подписью Адреяна Грибовскаго. Онъ проситъ въ этомъ письмѣ напечатать его «Благодареніе г. Фелдингу за Томаса Іонесса», въ которомъ онъ старался выразить, по его собственнымъ словамъ, «чувствованія великости г. Фелдинга и моей малости». Вслѣдъ за письмомъ (стр. 228) напечатано и «Благодареніе» (стр. 229—232); это — патетическое изліяніе восторга отъ чтенія знаменитаго романа Фильдинга «Tom Iones» [3]).

Черезъ два года послѣ пасторальной повѣсти Арно, восторженное восхваленіе Фильдингу, къ тому же, по поводу романа, не имѣющаго ничего общаго съ пасторалью, не даетъ возможности заключить о впечатлѣніи, какое производили на Грибовскаго его литературныя занятія. Его «Благодареніе» — наборъ фразъ, по большей части довольно складныхъ, но всегда напыщенныхъ, дѣланныхъ, не искреннихъ. «Tom Iones» произвелъ громадное впечатлѣніе на современниковъ: послѣдующія произведенія Фильдинга раскупались уже въ первый же день

---

[1]) Соч. Державина, V, 601, 603, 640; IX, 299.

[2]) Записки Державина, 1860, стр. 382; Соч. Державина, VI, 696.

[3]) Henry Fielding, 1707—1754, англійскій писатель. «Tom Iones» появился въ 1750 году; Грибовскій пользовался, вѣроятно, французскимъ переводомъ «Tomas Iones ou l'enfant trouvé», trad. par Laplace. Paris, Didot l'ainé, 1780, 4 v. in 8°. Изъ произведеній англійскаго романиста на русскій языкъ былъ переведенъ только «Ionathan Wild» и то съ нѣмецкаго: *Фелдингъ*, Дѣянія господина Іонафана Вильда Великаго. Перев. Иванъ Сытенковъ. Спб., 2 т., 1772 г. Съ легкой руки Сытенкова и Грибовскій пишетъ всегда Фелдингъ.

по выходѣ изъ типографіи. Лагарпъ находилъ, что «Tom Iones est le premier roman du monde et le livre le mieux fait en Angleterre». Этотъ романъ не вызываетъ въ умѣ и сердцѣ Грибовскаго ни одного живого слова, ни одного теплаго отзыва, кромѣ патетическихъ, въ сущности крайне пустыхъ, фразъ. Это объясняется, кажется, тѣмъ, что все «Благодареніе» написано съ заднею мыслью — лестью Державину добиться мѣста въ Тамбовскомъ намѣстничествѣ [1]).

Мѣста въ Тамбовѣ Грибовскій не получилъ. «Сожалѣю о несчастіи Грибовскаго,—писалъ по этому поводу Козодавлевъ,—который, впрочемъ, отъ сего несчастія не будетъ такъ несчастливъ, какъ представляетъ себѣ княгиня Дашкова... Сіе приключеніе открыло безъ сумнѣнія путь къ его счастью» [2]). Козодавлевъ былъ правъ: онъ доставилъ ему мѣсто при кн. Г. А. Потемкинѣ-Таврическомъ и тѣмъ, дѣйствительно, обезпечилъ Грибовскому блестящую карьеру.

Съ 1787 г. Грибовскій занимается въ канцеляріи кн. Потемкина подъ начальствомъ правителя канцеляріи В. С. Попова. Съ открытіемъ въ 1787 г. военныхъ дѣйствій противъ турокъ, Грибовскій находился въ военно-походной канцеляріи кн. Потемкина, спеціально для сочиненія журнала военныхъ дѣйствій, по которому главнокомандующій составлялъ свои донесенія императрицѣ. Грибовскій оставался при кн. Потемкинѣ до самой его смерти, всегда и всюду сопровождая его канцелярію: онъ не только переѣзжалъ съ главною кварти-

---

[1]) «Твой Алворти, сей благотворительный, кроткій, незлобивый и справедливый смертный, котораго ты представилъ въ образецъ слабому человѣчеству и которому, противъ чаянія твоего, знаю я совсѣмъ подобнаго и благодѣяніями своими ко мнѣ и ко многимъ несчастнымъ ему равнаго, сей вельможа, котораго добродѣтели и правила толико чужды его званію, наконецъ, сей Алворти овладѣлъ моею душою» и т. д. (стр. 231). Державинъ самъ помѣщалъ свои произведенія въ «Зеркалѣ Свѣта», читалъ этотъ журналъ, но «Благодаренія» не читалъ, такъ какъ журналъ разсылался неаккуратно: въ декабрѣ было прислано только по 29-е мая (Соч. Державина. V, 640).

[2]) [illegible] Державина. V, 640.

рою во время второй турецкой войны, но сопровождалъ кн. Потемкина и въ Петербургъ зимою 1789 г. [1]). «Въ четырехлѣтнюю службу мою при генералъ-фельдмаршалѣ кн. Потемкинѣ-Таврическомъ,—отмѣчаетъ онъ въ своихъ запискахъ,—получилъ я два чина: коллежскаго асессора и надворнаго совѣтника съ переименованіемъ въ подполковники въ Изюмскій легкоконный полкъ, орденъ Владиміра 4-й степени и 4.000 десятинъ земли въ Екатеринославской губерніи».

5-го октября 1791 года Потемкинъ умеръ. Грибовскій былъ въ это время въ Яссахъ, откуда и писалъ Державину о смерти главнокомандующаго, «которая составляла тогда весьма любопытную новость». Это письмо Державинъ показалъ П. А. Зубову, которому «письмо полюбилось», быть можетъ, и не само по себѣ, а по заключавшемуся въ немъ извѣстію [2]). Въ Яссахъ же были открыты переговоры о мирѣ, при чемъ Грибовскій исполнялъ обязанности конференцъ-секретаря.

29-го декабря 1791 г. заключенъ ясскій миръ. Грибовскому только 25 лѣтъ, но онъ уже знаетъ людей, знаетъ жизнь. Нѣтъ Потемкина—есть Зубовъ, и Грибовскій въ Яссахъ еще хлопочетъ уже о доступѣ къ П. А. Зубову. По просьбѣ одного изъ уполномоченныхъ при мирныхъ переговорахъ, контръ-адмирала де-Рибаса, прибывшій изъ Петербурга для заключенія мира гр. А. А. Безбородко далъ Грибовскому рекомендательное письмо къ Зубову. Съ этимъ письмомъ явился Грибовскій, 15-го января 1792 г., къ Зубову, и на другой же день, 16-го января, былъ опредѣленъ правителемъ канцеляріи по дѣламъ, порученнымъ гр. Зубову по отъѣздѣ гр. Безбородко въ Яссы. Грибовскій получилъ при этомъ казенную квартиру и ему «назначено на столъ, кромѣ напитковъ, отъ придворной конторы по 50 руб. въ день».

[1]) Соч. Державина, V, 751, 753.

[2]) Письмо это не сохранилось или, во всякомъ случаѣ, еще не издано.

Какъ правитель канцеляріи, Грибовскій «ежедневно являлся поутру къ гр. П. А. Зубову съ представленіемъ заготовленныхъ бумагъ и для полученія новыхъ». Мало-по-малу Грибовскій сталъ приближеннымъ лицомъ, правою рукою фаворита Зубова. Грибовскому ввѣряютъ государственныя тайны: президентъ военной коллегіи гр. Н. И. Салтыковъ не могъ сообщить княгинѣ Дашковой свѣдѣній о ея сынѣ, князѣ Павлѣ, такъ какъ «извѣстія изъ Польши составляютъ секретъ, скрываемый даже отъ гр. Безбородко», Грибовскій же знаетъ эти извѣстія и передаетъ подробности изъ польскихъ реляцій [1]). Съ Грибовскимъ совѣтуются, въ немъ заискиваютъ: адмиралъ А. С. Шишковъ, назначенный правителемъ канцеляріи по дѣламъ черноморскаго флота, находитъ необходимымъ «сблизиться» съ Грибовскимъ [2]). Грибовскаго награждаютъ предпочтительно предъ другими: при назначеніи наградъ ко дню коронаціи въ 1794 г., Екатерина «собственнымъ подвигомъ» пожаловала Трощинскому крестъ «при случаѣ представленіи ей о Грибовскомъ» [3]). Въ спорѣ вице-адмирала Мордвинова съ де-Воланомъ, гр. Зубовъ поступаетъ согласно указаніямъ Грибовскаго [4]).

Очевидно, Грибовскій сталъ вліятельнымъ человѣкомъ у всесильнаго Зубова. Изъ кабинета Зубова одинъ шагъ въ покои Екатерины: изготовляемые указы подносятся императрицѣ къ подписанію Д. П. Трощинскимъ, а въ случаѣ его болѣзни, Грибовскимъ; иностранную почту читаетъ императрицѣ или гр. Марковъ, или тотъ же опять Грибовскій; наконецъ, 11-го августа 1795 г., Грибовскій былъ назначенъ статсъ-секретаремъ императрицы, или, какъ тогда говорили, «при ея императорскомъ величествѣ у принятія прошеній».

Екатеринѣ II-й шелъ тогда 67-й годъ; она уже 33 года занимала престолъ. Она устала, по ея собственнымъ сло-

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, XII, 333. [2]) Записки Шишкова. I, 6, 7.
[3]) Архивъ кн. Воронцова, XIII, 310. [4]) Русскій Архивъ, 1871, стр. 1524.

вамъ, «въ долговременной службѣ государству», одряхлѣла, утеряла прежнюю энергію, чаще и полнѣе стала подчиняться посторонней воли. Этимъ только и можно объяснить назначеніе Грибовскаго статсъ-секретаремъ, послѣ такихъ статсъ-секретарей, какъ Храповицкій или Трощинскій. Екатерина, уваживъ рекомендацію Зубова, хорошо поняла, однако, что Грибовскій—не Трощинскій. Графъ А. А. Безбородко писалъ гр. А. Р. Воронцову, отъ 11-го октября 1795 года: «Дмитрій Прокофьевичъ [1]) очень занемогъ, однако жъ поправляется. Болѣзнь его дала мѣсто Грибовскому входить со многими дѣлами, и хотя по обычаю хвалятъ его общимъ израженіемъ, но частые вопросы о здоровьѣ Дмитрія Прокофьевича доказываютъ, что сей новый его замѣнить не въ состояніи» [2]).

Грибовскій—статсъ-секретарь императрицы, правая рука кн. Зубова; онъ, по словамъ Эмина, «первый фаворитъ перваго фаворита». Прежде его поступки могли быть объясняемы, если не оправдываемы, стремленіемъ составить карьеру, выбиться изъ «гнета бѣдности», какъ писалъ Козодавлевъ; теперь онъ, по словамъ того же Козодавлева, «достигъ счастья» и вполнѣ уже отвѣтственъ за свои дѣянія. Они весьма характерны и вполнѣ оправдываютъ княгиню Дашкову, «дышащую противо него злобою». Въ письмѣ гр. Ѳ. В. Ростопчина къ гр. С. Р. Воронцову, отъ 22-го февраля 1796 года, встрѣчается такое указаніе: «Третьяго дня, извѣстный Коваленскій, бывшій первый секретарь военной коллегіи, выгнанный изъ службы императрицы за воровство и грабежъ, назначенъ губернаторомъ въ Рязань, единственно благодаря тому, что его братъ, такой же негодяй, друженъ съ Грибовскимъ, правителемъ канцеляріи графа Платона Зубова» [3]). За

---

[1]) Трощинскій. [2]) Архивъ кн. Воронцова, XIII, 362.

[3]) Архивъ кн. Воронцова, VIII, 133. Kovalinsky vient d'être nommé gouverneur à Рязань. Это свѣдѣніе подтверждается въ Сборникѣ, LX, 412, гдѣ сказано, что Михаилъ Ивановичъ Коваленскій былъ при Екатеринѣ II «рязанскимъ намѣстникомъ», позже, при Павлѣ I и Александрѣ I, до 1804 г.—

нѣсколько часовъ до смерти Екатерины, въ письмѣ отъ 5-го ноября 1796 г., сообщается новая черта къ біографіи Грибовскаго: «Вице-адмиралъ Мордвиновъ, командиръ черноморскаго флота, доведенный до крайности происками де-Рибаса, прислалъ формальную на него жалобу. Онъ жалуется и на извѣстнаго Грибовскаго, секретаря императрицы, который управляетъ канцеляріею Зубова и старается вредить Мордвинову. Кажется, жалоба услышана, такъ какъ у Грибовскаго отняли уже завѣдываніе дѣлами черноморскаго флота»[1]).

Съ 1792 г. по день кончины Екатерины II Грибовскій получилъ: «чинъ полковника, орденъ св. Владиміра 3-й степени, 650 душъ въ Подольской губерніи[2]) и въ прибавокъ къ жалованью 600 рублей серебромъ ежегодно; сверхъ сего, имѣлъ квартиру и жилъ отъ придворной конторы».

Черезъ два мѣсяца по смерти императрицы, 14-го января 1797 года, Грибовскій былъ высланъ изъ Петербурга. Онъ поселился въ своей подольской деревнѣ, изъ которой свободно ѣздилъ въ Одессу, Бѣлгородъ, Кіевъ. Въ апрѣлѣ 1798 г. онъ былъ арестованъ, привезенъ въ Петербургъ и заточенъ въ крѣпость. Спустя годъ, прошелъ слухъ, будто Грибовскаго освободили[3]); слухъ не оправдался: Грибовскаго только переселили изъ Петропавловской крѣпости въ Шлиссельбургскую, въ тотъ самый казематъ, въ которомъ былъ убитъ Иванъ Антоновичъ и въ которомъ до смерти Екатерины со-

---

кураторомъ Московскаго университета. Между тѣмъ, по «Ежегоднику» кн. Туркестанова губернаторомъ въ Рязани, съ 1794 г. по 1796 г., былъ И. О. Селифонтовъ. Вѣроятно, кн. Туркестановымъ не внесены перемѣны въ личномъ составѣ, происшедшія въ 1796 г.

[1]) Архивъ кн. Воронцова, VIII, 153. Это обвиненіе Грибовскаго вполнѣ подтверждается въ Запискахъ Шишкова.

[2]) Архивъ кн. Воронцова, XIII, 356.

[3]) L'on me dit que Gribowski a été élargi avec ordre de vivre sur ses terres. Ce gueux a des terres, tandis qu'alors les Zouboff ont refusé d'obtenir du pain quotidien à des pauvres officiers qui avaient perdu bras ou jambes. Изъ письма кн. Дашковой гр. А. Р. Воронцову, отъ 30 марта 1799 г. Архивъ кн. Воронцова, V, 274.

держался Новиковъ. Грибовскій былъ освобожденъ только императоромъ Александромъ въ 1801 году: «Освобожденъ и опять въ подольскую деревню съ курьеромъ отправленъ». Отправка съ курьеромъ не означала, вѣроятно, воспрещенія выѣзжать изъ деревни; по крайней мѣрѣ, въ погодныхъ отмѣткахъ Грибовскаго записано: «Въ 1802 году, пріѣхалъ въ Вишневчинъ, польское мое имѣніе, и продалъ его, а въ 1803 году, въ февралѣ, пріѣхалъ въ Москву».

Этими словами обрываются «Записки» Грибовскаго. Онъ окончательно сходитъ со служебной сцены и послѣдующая его жизнь намъ совершенно неизвѣстна [1]). Онъ умеръ, какъ говорятъ [2]), въ 1833 году.

Изъ собранныхъ нами, довольно скудныхъ, правда, біографическихъ свѣдѣній о А. М. Грибовскомъ видно, что на его глазахъ протекала государственная дѣятельность послѣднихъ годовъ жизни сперва кн. Потемкина-Таврическаго, потомъ императрицы Екатерины II. Если Грибовскій, дѣйствительно, отличается «наблюдательностью», онъ повѣдаетъ намъ много интереснаго и о второй турецкой войнѣ, во время которой онъ находился въ военно-походной канцеляріи главнокомандующаго, и о послѣднихъ годахъ жизни Екатерины II, когда онъ былъ начальникомъ канцеляріи гр. Зубова и статсъ-секре-

---

[1]) Упоминаемый въ письмѣ князя И. В. Васильчикова къ кн. П. М. Вол[illegible]ому, отъ 3 декабря 1820 года, библіотекарь главнаго штаба гвардіи и [illegible] канцеляріи комитета о раненыхъ Грибовскій (Русск. Архивъ, [illegible] даже не родственникъ, а только однофамилецъ автора «Запи[illegible] библіотекарь былъ тайнымъ агентомъ, пославшимъ кн. Ва[illegible] поводу [illegible]еменовской исторіи», три письма въ августѣ и сен[illegible]напечатанныя въ «Русскомъ Архивѣ» (1875, III, 418—440). [illegible]ся, это былъ Михаилъ Кирилловичъ Грибовскій, авторъ из[illegible]стояніи господскихъ крестьянъ въ Россіи», составленнаго въ [illegible]дчикъ книги Жомини: «Общія правила военнаго искусства», [illegible] г. Позже, въ 1827—1828 гг., онъ былъ начальникомъ Сло[illegible]уберніи (Сборникъ, LX, 172).

[2]) [illegible]жанина, изд. 1860, стр. 249. Источники свѣдѣнія не ука-

таремъ императрицы. На недостатокъ матеріала для разсказа онъ жаловаться, во всякомъ случаѣ, не можетъ. Конечно, какъ человѣкъ не военный, Грибовскій, быть можетъ, не особенно интересовался журналомъ военныхъ дѣйствій, который онъ составлялъ; но, какъ человѣкъ умный и образованный, онъ хорошо понималъ свое положеніе, какъ правой руки любимца императрицы; онъ даже пользовался своимъ значеніемъ, раздавая губернаторскія мѣста, интригуя съ де-Рибасами противъ Мордвиновыхъ. Какъ составитель «Записокъ», онъ былъ поставленъ въ завидное положеніе. До самой смерти Екатерины Грибовскій оставался «при ея императорскомъ величествѣ у принятія прошеній, занимаясь и дѣлами, на князя Зубова возложенными». Дѣятельность Грибовскаго была крайне разнообра́зна, интересна и вліятельна: въ его вѣдѣніи находятся дѣла польскія и персидскія, онъ устраиваетъ губерніи въ областяхъ, отъ Польши пріобрѣтенныхъ, и въ герцогствѣ Курляндскомъ, онъ заботится о переклейменіи мѣдной монеты, онъ составляетъ новые штаты запасныхъ баталіоновъ и эскадроновъ; въ его вѣдѣніи устройство Вознесенской губерніи и Одесскаго порта, водвореніе поселенцевъ въ южныхъ губерніяхъ и черноморскаго войска въ новопожалованныхъ ему областяхъ, не говоря уже о многихъ государственныхъ и частныхъ дѣлахъ, которыя возлагались императрицею на Зубова и исполнялись Грибовскимъ. Сверхъ того, по званію статсъ-секретаря, онъ трудился надъ составленіемъ новаго устава для сената, разсматривалъ представленія отъ синода, давалъ заключенія по дѣламъ, лично ему отъ императрицы поручаемымъ. Ему есть что повѣдать міру.

Что же даютъ намъ «Записки» Грибовскаго?

Въ бумагахъ Грибовскаго было найдено, послѣ его смерти, нѣсколько написанныхъ его рукою листовъ съ небольшими замѣтками, касавшимися, по большей части, времени Екатерины II. Листы эти были не сшиты, многіе даже не перенумерованы. Тутъ были и краткія погодныя отмѣтки, и наброски

мыслей съ намеками на вызвавшія ихъ обстоятельства, и болѣе обстоятельныя записи, и, наконецъ, цѣльная, совершенно обдѣланная статья, даже съ заглавіемъ. По счастью, эти листки попали въ надежныя руки: профессоръ Московскаго университета, дорожившій всякимъ историческимъ памятникомъ, М. П. Погодинъ тщательно пересмотрѣлъ рукопись, привелъ ее въ порядокъ и что̀ признавалъ интереснымъ, издалъ въ «Москвитянинѣ» за 1847 годъ, № 2-й, въ отдѣлѣ «Матеріаловъ историческихъ». Въ то же время появилось и отдѣльное изданіе, дословно перепечатанное изъ журнала, подъ заглавіемъ: «Записки о Екатеринѣ Великой состоявшаго при ея особѣ статсъ-секретаря и кавалера Адріана Моисеевича Грибовскаго. Съ присоединеніемъ отрывковъ изъ его жизни. Москва, 1847 г.». Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1864 г., появилось второе изданіе, «съ дополненіями», т.-е. съ присовокупленіемъ того, что М. П. Погодинъ отбросилъ, какъ, по его мнѣнію, излишнее. Въ этомъ второмъ изданіи, неизвѣстно кѣмъ сдѣланномъ, отдѣльныя части помѣщены въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ находились въ рукописи, въ листахъ несшитыхъ, т.-е. совершенно случайно. Это второе изданіе даетъ возможность прослѣдить черновую работу автора и опредѣлить до извѣстной степени самый составъ оставшихся послѣ него бумагъ.

Поступивъ въ 1787 году въ военно-походную канцелярію кн. Потемкина, Грибовскій сталъ дѣлать погодныя отмѣтки о военныхъ событіяхъ, очень краткія и чисто формальныя. Это не болѣе какъ конспектъ того журнала военныхъ дѣйствій, который составлялся Грибовскимъ и на основаніи котораго главнокомандующій писалъ свои реляціи къ императрицѣ. Переселясь въ Петербургъ, Грибовскій продолжалъ отмѣчать важнѣйшія событія, такъ же кратко, формально, одни голые факты, безъ сужденія о нихъ, безъ всякаго толкованія. Эти отмѣтки обнимаютъ время съ 1787 г. по 1803 годъ и названы авторомъ «Записки прежнихъ лѣтъ». Нельзя думать, чтобъ Грибовскій предполагалъ составить впослѣд-

ствіи свои «Записки» по этимъ отмѣткамъ, до того онѣ общи, кратки и лишены всякаго даже намека на личныя его впечатлѣнія; онѣ представляются не болѣе, какъ календарными отмѣтками.

На особыхъ листахъ Грибовскій записалъ рядъ замѣтокъ, относящихся ко времени состоянія его при императрицѣ. Замѣтки вписаны очень кратко, намеками, какъ бы себѣ для памяти; въ нихъ нѣтъ ни одной даты. Это, по большей части, замѣтки о словахъ Екатерины, объ ея взглядахъ, распоряженіяхъ. Замѣтки начинаются словами: «Указъ о бытіи у принятія прошеній»—указъ этотъ состоялся 11-го августа 1795 года; онѣ оканчиваются такъ: «Назначеніе Суворова во Францію съ арміею», о чемъ, какъ извѣстно, сочинялся, въ половинѣ октября 1796 г., проектъ рескрипта. «Записки прежнихъ лѣтъ» писались постепенно, по годамъ и мѣсяцамъ; отмѣтки статсъ-секретаря сдѣланы сразу, нѣсколько лѣтъ спустя по смерти Екатерины, составлены на память. Въ самомъ началѣ отмѣтокъ, упоминая объ арестѣ Новикова, Грибовскій прибавляетъ: «Новиковъ до кончины императрицы содержался въ Шлиссельбургѣ, въ томъ казематѣ, гдѣ и мнѣ судилъ Богъ быть». Такимъ образомъ, замѣтки составлены послѣ освобожденія Грибовскаго, т.-е. позже 1801 года. По этимъ-то краткимъ замѣткамъ Грибовскій началъ составлять тѣ листы, которые Погодинъ озаглавилъ «Нѣкоторыя записки изъ жизни Екатерины Великой». До какой степени при этомъ замѣтки распространялись—можно видѣть изъ слѣдующаго:

Въ самомъ началѣ замѣтокъ написано: «Указъ о бытіи у принятія прошеній. Представленіе для принесенія благодарности приватное. Слова ея при представленіи моемъ». Изъ этихъ «замѣтокъ для памяти» составленъ такой разсказъ: «Въ первый разъ имѣлъ я счастье услышать разговоръ императрицы, когда представился для принесенія ей благодарности за удостоеніе меня быть при ея величествѣ. Это было въ Таврическомъ дворцѣ, въ 10 часовъ утра. Государынѣ было угодно, чтобъ я вошелъ въ кабинетъ, гдѣ она находи-

лась, не чрезъ уборную, а чрезъ камеръ-юнгферскую комнату. Государыня сидѣла за большимъ письменнымъ столомъ, въ утреннемъ платьѣ. «Вы такъ много трудитесь», сказала она, взглянувъ на меня своими голубыми глазами благосклонно, и вмѣстѣ съ тѣмъ подала мнѣ руку, которую я, ставъ на колѣни, поцѣловалъ. «Хорошо,—прибавила она,—съ этого времени мы часто будемъ видѣться, а теперь подите съ Богомъ». Послѣднія слова были почти обыкновенная ея рѣчь при разставаніи. Когда хотѣлъ я выйти прежнимъ путемъ, то она сказала: «Позовите сюда графа Алексѣя Григорьевича», и взглянула на противоположную дверь, почему изъ кабинета вышелъ я въ уборную, гдѣ тогда давно находились уже въ собраніи всѣ бывшіе при собственныхъ ея величества дѣлахъ или имѣвшіе для доклада дѣла, или по другому случаю пріѣхавшія особы, какъ-то: гр. Безбородко, Поповъ, Трощинскій, Турчаниновъ, и между ними у камина стоялъ посѣдѣвшій чесменскій богатырь, со шрамомъ на щекѣ, въ военномъ отставномъ мундирѣ».

Въ бумагахъ Грибовскаго оказались, сверхъ того, небольшой листокъ, который, по содержанію, Погодинъ озаглавилъ: «Мысли Екатерины Великой о французской революціи», и довольно объемистая тетрадь, озаглавленная: «Изображеніе Екатерины II». Это уже не самостоятельныя произведенія Грибовскаго, а переводы.

Извѣстенъ взглядъ Екатерины на французскую революцію. Въ своихъ письмахъ къ Густаву III и князю де-Линь, къ Сенакъ-де-Мельяну, Гримму, Штакельбергу и др., императрица постоянно высказывала, что въ судьбѣ французской королевской семьи заинтересованы всѣ коронованныя особы, такъ какъ революція угрожаетъ монархическому принципу всей Европы [1]). «Мысли», очевидно, переводъ изъ какого-либо письма Екатерины, еще не изданнаго.

[1]) «Русская Старина», III, 615, 627; Сборникъ, XXIII, 551; XLII, 181, 202, 207, 208. 229 sqq.

«Изображеніе Екатерины II» есть не болѣе, какъ переводъ «Portrait de Catherine le Grand» князя де-Линь [1]). Ни въ одномъ изданіи «Записокъ» Грибовскаго объ этомъ не упомянуто; въ изданіи же 1864 г., на которое всѣ ссылаются, какъ на позднѣйшее, статьи размѣщены такъ, что невольно вводятъ читателя въ заблужденіе, чему не мало содѣйствуетъ и самъ Грибовскій. Такъ, въ одномъ мѣстѣ, упомянувъ о томъ, что «остроумный принцъ де-Линь начерталъ бѣглою и смѣлою кистью краткое изображеніе свойства Екатерины», Грибовскій, нѣсколько строкъ ниже, прибавляетъ: «Вознамѣрился я описать нѣкоторыя событія, коихъ я самъ былъ очевидцемъ и которыя можно назвать дополненіемъ къ учиненному г. принцемъ де-Линь общему изображенію Екатерины Великой». Мало того: такъ какъ кн. де-Линь ведетъ разсказъ отъ своего лица, то переводчикъ сперва тщательно измѣнялъ форму изложенія, ставя, напр., *она говорила*, вмѣсто elle m'a dit, *принцъ де-Линь писалъ*, вмѣсто je lui écrivis; но потомъ это забылось и въ концѣ встрѣчается, напр., такое извѣстіе: «Я имѣлъ случай видѣть неробкость духа императрицы: передъ въѣздомъ въ Бахчисарай, двѣнадцать лошадей слабыхъ не могли на скатѣ горы поддержать большой нашей шестимѣстной кареты, понесли насъ или, лучше, унесены были сами каретою, и казалось, что мы всѣ сломаемъ себѣ шеи. Я тогда гораздо бы имѣлъ болѣе страха, если бы не хотѣлъ видѣть, испугалась ли императрица: но она была такъ же спокойна, какъ и на завтракѣ, за которымъ мы недавно сидѣли». Кто же это я? Конечно, не Грибовскій; во время таврическаго путешествія Екатерина не знала даже о его существованіи и онъ никогда не завтракалъ съ императрицею. Тѣмъ не менѣе, многіе признаютъ «Изображеніе» за самостоятельный трудъ Грибовскаго [2]), не подозрѣвая даже, что это переводъ.

[1]) Portrait de feu Sa Majesté Catherine II, impératrice de toutes les Russies. 1797.

[2]) «Всемірный Трудъ», 1869, № 6, стр. 162—188.

Дословнымъ переводомъ это назвать нельзя, въ немъ кое-что исключено, кое-что прибавлено, какъ показываютъ первыя же строки:

Portrait:	*Изображенie:*
Catherine le Grand *(j'espère que l'Europe confirmera ce nom que je lui ai donné),* Catherine le Grand n'est plus. Ces deux mots sont affreux à prononcer. Je n'aurais pas pu hier les écrire; mais je tâcherai aujourd'hui de donner d'elle l'idée qu'on doit en avoir.	Екатерина Великая не существуетъ. Слова ужасныя! Вчера не могъ бы я написать ихъ, но сегодня, въ *свободнѣйшемъ духѣ*, представлю то понятie, какое имѣть о ней должно.

Иногда трудно указать, почему Грибовскiй исключалъ то или другое извѣстie изъ своего перевода, но всегда приходится пожалѣть объ этихъ исключенiяхъ, составляющихъ пятую часть французскаго текста.

«Остроумный принцъ» замѣчаетъ: «Императрица очень была любима своимъ духовенствомъ, несмотря, что убавила у него богатства и власти». Грибовскiй переводитъ это замѣчанiе и выпускаетъ приводимое кн. де-Линь очень оригинальное доказательство этой любви: «Когда Пугачевъ, во главѣ своихъ разбойниковъ, рыскалъ по деревнямъ, врываясь съ обнаженною саблею въ сельскiе храмы Божiи, одинъ священникъ, взявъ Св. Дары, подошелъ къ Пугачеву и громко сказалъ ему: «Умножь свои преступленiя, злодѣй, убей меня съ Тѣломъ Христовымъ въ рукахъ, отруби мою голову: я только что молился за нашу матушку-императрицу».

Упомянувъ о томъ, что фавориты не имѣли «ни власти, ни кредита», кн. де-Линь прибавляетъ, что тѣ изъ нихъ, которые «были прiучены къ государственнымъ дѣламъ самою императрицею», получали «право говорить правду и были выслушиваемы». Все это переведено Грибовскимъ, но слѣдующiй за этимъ примѣръ исключенъ: «Я видѣлъ, какъ графъ Мамоновъ пользовался этимъ правомъ; я слышалъ, какъ онъ противорѣчилъ императрицѣ, оспаривалъ ея мнѣнiя, защи

щалъ свои взгляды, настаивалъ; я замѣчалъ, что императрица была этимъ очень довольна, восхищаясь его правдивостью, честностью, его стремленіемъ творить добро по мѣрѣ силъ».

Князь де-Линь находитъ, что Марія-Терезія превосходила Екатерину II очаровательностью своего обхожденія, Грибовскій оставляетъ это замѣчаніе безъ перевода, быть можетъ, изъ патріотизма; но почему не переведенъ отзывъ Екатерины объ Іосифѣ II? Вотъ какъ онъ записанъ княземъ де-Линь: «Императрица увѣряла меня, что кромѣ удовольствія, которое Іосифъ II доставлялъ намъ своимъ присутствіемъ, она любитъ его особенно за нѣкоторое сходство съ Петромъ I: какъ и Петръ, Іосифъ дѣятеленъ, жаждетъ всему научиться и научить другихъ, и всецѣло преданъ своему государству. «У него умъ серьезный,—говорила она,—но въ то же время пріятный; онъ вѣчно занятъ полезными предпріятіями и его голова постоянно работаетъ».

Исключенія могутъ быть, конечно, объясняемы, если не оправдываемы, требованіями цензуры при изданіи рукописи Грибовскаго; но чѣмъ оправдать вставки? Кому и зачѣмъ могло понадобиться объясненіе, что Екатерина покупала «рѣдкости въ предметахъ изящныхъ наукъ и художествъ?» Къ любимымъ авторамъ Екатерины, къ Лесажу, Мольеру и Корнелю, Грибовскій присоединяетъ Виланда. Объ этомъ Виландѣ Екатерина не упоминаетъ ни въ одномъ изъ своихъ писемъ; въ позднѣйшемъ изданіи «Записокъ» Грибовскаго его тоже нѣтъ.

Любопытно въ этомъ отношеніи сравненіе обоихъ изд... «Записокъ» Грибовскаго, 1847 и 1864 годовъ. Оба ... совершенно сходны только въ одномъ—въ преслѣ... ва фаворитъ. Французское выраженіе *le* ... такъ: «тѣ, которые во время ея отдохн... дѣленія ея трудовъ удостоивались ея ... ренности и по чувствительности е...

дворцѣ». Кромѣ этого сходства, необходимо отдать предпочтеніе изданію 1847 г., какъ болѣе близкому къ подлиннику [1]): въ 1847 г. выраженіе despotisme передано словомъ *деспотизмъ*, а въ 1864 г. деспотизмъ обратился въ *деликатную повелительность*: въ 1847 году Екатерина называется *гордою* (fière), а въ 1864 г. становится *правдивою*; въ 1847 г. дословно переведено: «Анна и Елизавета были бы посредственные мужчины; но какъ женщины, царствованіе ихъ было не безславно», между тѣмъ все это исчезло въ изданіи 1864 г. Такихъ примѣровъ нѣсколько.

Вслѣдствіе произвольныхъ исключеній и вставокъ и невольныхъ измѣненій текста, объясняемыхъ цензурными требованіями, переводъ «Portrait de Catherine II», сдѣланный Грибовскимъ, теряетъ всякую цѣну, и тѣмъ, кто желаетъ ознакомиться съ «Портретомъ Екатерины», нарисованнымъ дѣйствительно «остроумнымъ принцемъ», необходимо обратиться къ подлиннику [2]).

Такимъ образомъ, въ бумагахъ Грибовскаго находятся, во-первыхъ, двѣ статьи, переведенныя съ французскаго, слѣдовательно, не составляющія произведеній Грибовскаго; во-вторыхъ, двѣ тетради замѣтокъ, изъ которыхъ позже составлялись записки, и, въ-третьихъ, собственно записки, еще Погодинымъ раздѣленныя на двѣ части—записки объ Екатеринѣ и записки о Грибовскомъ и другихъ лицахъ. Всѣ эти бумаги изданы Погодинымъ въ извѣстномъ порядкѣ, между тѣмъ какъ въ изданіи 1864 года онѣ смѣшаны и перепутаны до крайности. Укажемъ порядокъ изданія 1847 г. съ обозначеніемъ соотвѣтствующихъ страницъ позднѣйшаго изданія. Изданіе Погодина открывается краткимъ введеніемъ (55—56).

---

[1]) Къ сожалѣнію, изданіе 1847 года очень небрежно въ типографскомъ отношеніи. Въ немъ встрѣчаются невозможныя опечатки. Такъ, напримѣръ, французское выраженіе *une Gauloise du Nord*, переведенное Грибовскимъ «сѣверная Галла», въ изданіи 1847 года передано: *скверная голова*.

[2]) Полный переводъ сдѣланъ нами въ статьѣ «Князь де-Линь въ Россіи».

затѣмъ идутъ: «Изображеніе Екатерины II» (33—47), «Нѣкоторыя записки изъ жизни Екатерины II» (48—53, 23—33), «Мысль Екатерины II о французской революціи» (48), «Записки о службѣ статсъ-секретаря Грибовскаго и прочихъ лицъ» (3—23, 56—72). Въ изданіи 1864 г., въ видѣ дополненія, помѣщены «Записки прежнихъ лѣтъ» (72—94) и отмѣтки статсъ-секретаря (94—100).

Собственно «Записки» Грибовскаго остались неоконченными. Онъ воспользовался лишь очень малою частью своихъ отмѣтокъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что его «Записки», доведенныя до конца, представили бы значительный интересъ для исторіи послѣднихъ десяти лѣтъ царствованія Екатерины. Судя по словамъ самого Грибовскаго, задуманный имъ планъ «Записокъ» былъ весьма интересенъ и очень широкъ: «Много писано о Екатеринѣ Великой, но никто почти изъ писавшихъ о ней не былъ при ея особѣ, а многіе изъ нихъ никогда съ нею и не говорили. Всѣ они заимствовали свѣдѣнія о сей монархини изъ публичныхъ происшествій или изъ ея законовъ, уставовъ и другихъ сочиненій. Отъ сего она представлена въ сихъ описаніяхъ торжествующею побѣдительницею, премудрою законодательницею, одаренною величайшимъ геніемъ и проч. Все сіе, конечно, справедливо; но изображеніе прекрасныхъ свойствъ ея души и сердца, отъ которыхъ проистекли всѣ великія ея дѣянія, увѣнчавшія ее неувядаемою славою, изображеніе которыхъ наиболѣе для человѣчества поучительно и для каждаго вожделѣнно, почти непримѣтно въ означенныхъ сочиненіяхъ... Чтобы узнать и понять приватный характеръ сей необыкновенной особы, надобно было видѣть ее каждый день съ 9-го часу утра, когда она, сидя въ своей спальнѣ, въ утреннемъ уборѣ, за выгибнымъ маленькимъ столикомъ, занималась государственными дѣлами съ докладчиками, когда рѣчь шла о мѣрахъ безопасности и благосостоянія государства, о военныхъ дѣйствіяхъ во время войны, о пополненіи недостатка въ государствен-

ныхъ доходахъ, о новыхъ рекрутскихъ наборахъ, объ исправленіи упущеній высшихъ или судебныхъ мѣстъ, или начальствующихъ лицъ — тогда и власть, и величіе императрицы чудно сливались съ чувствами человѣка, и во всей полнотѣ открывали самыя сокровенныя мысли и ощущенія души и сердца ея. Только въ сихъ случаяхъ можно было сдѣлать справедливое о характерѣ сей монархини заключеніе. Бывъ нѣсколько времени въ нѣкоторыхъ изъ сихъ засѣданій, по должности статсъ-секретаря, вознамѣрился я описать нѣкоторыя случившіяся при мнѣ событія, коихъ я самъ былъ очевидцемъ».

Программа, поистинѣ, замѣчательная, и остается только пожалѣть, что исполненіе ея оказалось не по силамъ Грибовскаго. Въ своихъ «Запискахъ изъ жизни Екатерины II», онъ, кромѣ двухъ-трехъ изреченій императрицы, дѣйствительно рисующихъ «свойства души и сердца» ея, останавливается преимущественно на чисто внѣшней сторонѣ жизни: онъ описываетъ туалетъ императрицы, выслушиваніе ею докладовъ, ея обѣды, выходы, пріемы. При этомъ бросаются въ глаза повторенія. Такъ, напримѣръ, дважды описано, какъ Суворовъ представлялся государынѣ:

стран. 35 (строка 52):

Фельдмаршалъ Суворовъ, вошедши, дѣлалъ три земныхъ поклона предъ образомъ; а потомъ, обратясь, дѣлалъ земной поклонъ Государынѣ, которая никакъ не могла его уговорить такъ низко не кланяться. „Помилуй, Александръ Васильевичъ, что ты дѣлаешь!“ говорила она, поднимая и усаживая его.—„Матушка!—отвѣчалъ онъ:—послѣ Бога ты одна моя надежда“.

стран. 45 (строка 28).

Фельдмаршалъ графъ Суворовъ-Рымникскій, вошедши въ спальню, дѣлалъ прежде три земные поклона предъ образомъ Казанской Богоматери, стоявшимъ въ углу на правой сторонѣ дверей, предъ которымъ лампада горѣла неугасимая; потомъ, обратясь къ Государынѣ, дѣлалъ и ей одинъ земной поклонъ, хотя она и старалась его до этого не допускать, и говорила, поднимая его за руку: „Помилуй, Александръ Васильевичъ, какъ тебѣ не стыдно

это дѣлать!“ Но герой обожалъ ее и почиталъ священнымъ долгомъ изъявлять ей такимъ образомъ свое благоговѣніе.

Погодинъ обратилъ вниманіе на эти повторенія, но оставилъ ихъ, «тѣмъ болѣе, что при нихъ встрѣчаются обыкновенно новыя обстоятельства». Иногда, однако, эти «новыя обстоятельства» противорѣчатъ прежде сообщеннымъ фактамъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ сказано, что вице-канцлеръ имѣлъ докладной день по четвергамъ, генералъ-прокуроръ по воскресеньямъ; въ другомъ же, вице-канцлеръ по субботамъ, генералъ-прокуроръ по понедѣльникамъ и четвергамъ. Объяснить эти повторенія и неточности возможно только послѣ изученія самой рукописи.

Наконецъ, для правильной оцѣнки «Записокъ изъ жизни Екатерины II» необходимо имѣть въ виду цензурныя искаженія текста, для возстановленія котораго необходимо пользоваться обоими изданіями. Нерѣдко то, что было уже напечатано въ 1847 г., въ журналѣ и въ отдѣльномъ изданіи, воспрещалось цензурою въ 1864 г., и наоборотъ. Такъ, напр., въ первомъ изданіи о великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ говорится: «Прежде наслѣдникъ съ супругою часто у государыни кушали и въ вечернихъ собраніяхъ бывали; но въ послѣднія пять лѣтъ дѣлали это въ одни только чрезвычайныя торжества» (стр. 50)... «Въ большія торжества находился тутъ же и наслѣдникъ съ супругою и стоялъ въ далекомъ разстояніи, держа ее за руку и наблюдая молчаніе, и не прежде къ государынѣ приближался, какъ когда она сама къ нему подходила, чтобы сказать два слова, на которыя онъ отвѣчалъ съ глубокимъ почитаніемъ» (стр. 52). Въ изданіи 1864 г. ничего этого нѣтъ, зато въ немъ есть Зубовъ, котораго нѣтъ въ первомъ изданіи. «Во время докладовъ, какъ скоро показывался графъ П. А. Зубовъ, то каждый изъ насъ немедленно въ уборную уходилъ; онъ приходилъ всегда съ

заготовленными къ подписанію бумагами» (стр. 28)... «Тѣ, кои съ нею кушали, были каждый разъ приглашаемы, исключая П. А. Зубова, который всегда безъ приглашенія съ государынею кушалъ» (стр. 30). Только читая оба изданія, получается полный текстъ, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ мѣстъ, которыя были воспрещены цензурою и въ 1847, и въ 1864 годахъ; но были ли такія мѣста, можно опредѣлить только по сличеніи обоихъ изданій съ рукописью.

Такимъ же характеромъ, чисто внѣшнимъ, формальнымъ, отличаются и «Записки, касающіяся до службы Грибовскаго и прочихъ лицъ». Какъ всѣ составители записокъ, Грибовскій говоритъ о себѣ значительно болѣе, чѣмъ «о прочихъ лицахъ», но все же крайне мало, очень сухо и слишкомъ ужъ формулярно. Къ своему послужному списку онъ прибавилъ только сухой перечень дѣлъ, производившихся въ управляемой имъ канцеляріи графа П. А. Зубова. Изъ этого перечня можно уже заключить, что мы имѣемъ право ожидать отъ него разъясненія многихъ сторонъ внутренней и внѣшней политики Россіи за послѣдніе годы царствованія Екатерины II; Грибовскій и въ этомъ отношеніи ограничился, однако, чисто канцелярскою стороною вопросовъ, не сообщивъ даже, въ чемъ собственно состояло его личное участіе въ разрѣшеніи ихъ. Изъ «прочихъ лицъ» Грибовскій хорошо зналъ кн. Потемкина и гр. Зубова, при которыхъ онъ служилъ и съ которыми находился въ частыхъ сношеніяхъ, особенно съ Зубовымъ. Между тѣмъ, въ своихъ «Запискахъ» онъ говоритъ о графахъ Н. И. Салтыковѣ, И. А. Остерманѣ, А. А. Безбородко и А. И. Марковѣ, о статсъ-секретаряхъ В. С. Поповѣ и Д. П. Трощинскомъ, даже о рагузинцѣ Алтести, но не обмолвился ни единымъ словомъ ни о Потемкинѣ, ни о Зубовѣ. Представленныя Грибовскимъ характеристики названныхъ семи лицъ составлены всѣ по одному шаблону: указаны года, измѣренъ ростъ, описано платье, приведенъ формулярный списокъ, и все это непремѣнно пересыпано злословіемъ о

доходахъ, грѣшныхъ и безгрѣшныхъ, и о любовныхъ похожденіяхъ, всегда безусловно грѣховныхъ. Нужно отдать справедливость Грибовскому: нѣкоторыя изъ сообщаемыхъ имъ подробностей весьма интересны, но всѣ онѣ живописуютъ только внѣшняго человѣка. Много вредитъ при этомъ Грибовскому и его злословіе. Конечно, упоминаемыя имъ «прочія лица», какъ и онъ самъ, не были безсребренниками и въ своей домашней жизни не гонялись за монтіоновскою преміею; но у всѣхъ ихъ были заслуги, у нѣкоторыхъ и весьма значительныя. Грибовскій же выставляетъ только недостатки, прибѣгая для этого нерѣдко къ сплетнямъ, но вовсе не упоминаетъ о достоинствахъ, какъ будто ихъ и не было. Кому интересно знать и какое значеніе могутъ имѣть такія, хотя бы и достовѣрныя, извѣстія, что гр. Марковъ жилъ съ французскою актрисою Гюсъ, что Поповъ имѣлъ «много дѣтей отъ актрисы Каролины», что Безбородко, кромѣ пѣвицы Давіи, актрисы Свистуновой и танцовщицы Ленушки, любилъ бывать въ «вольныхъ домахъ у прелестницъ» и тому подобныя гадости? Въ этомъ отношеніи мы не лучше дѣдовъ своихъ, но среди насъ не видно что-то Трощинскихъ, Остермановъ, Безбородко, и не намъ интересоваться скандалезною хроникою ихъ жизни. Никто изъ современниковъ Грибовскаго не записалъ его «любовныхъ похожденій», но въ ихъ запискахъ встрѣчаются указанія, позорящія его болѣе всякихъ Каролинъ и Ленушекъ. Въ запискѣ гр. Ростопчина о воцареніи Павла Петровича разсказывается: «Безбородко объяснилъ мнѣ, что уже восьмой день, какъ подписанъ указъ о пожалованіи Трощинскаго, но не отосланъ Грибовскимъ въ сенатъ. Я получилъ повелѣніе отослать въ сенатъ указъ. Грибовскій, въ видѣ человѣка, желающаго исчезнуть, принесъ и отдалъ мнѣ указъ, сказавъ, что не онъ виноватъ, а князь Зубовъ» [1]).

«Записки о службѣ Грибовскаго и прочихъ лицъ» равнымъ образомъ значительно пострадали отъ произвола цен-

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, VIII, 166.

зуры. Въ разсказѣ о второмъ раздѣлѣ Польши цензура 1864 г. воспретила перепечатать изъ изданія 1847 г. слѣдующее невинное извѣстіе: «Послѣ вышеозначеннаго раздѣла, въ слѣдующемъ году, а именно въ ночь на 6-е число апрѣля, поляки внезапно сдѣлали нападеніе на наши войска, и въ то же самое время мятежъ въ Вильнѣ и по всѣмъ областямъ польскимъ распространился» (стр. 93). Цензура замѣнила поляковъ именами любовницъ, которыя были изгнаны изъ изданія 1847 года, за слѣдующимъ исключеніемъ:

изд. 1847 г.	изд. 1864 г.
„Мнѣ самому случалось сочинять отъ имени Попова французскія записки къ графинѣ Виттъ (вышедшей послѣ за графа Потоцкаго), за которою онъ въ Яссахъ волочился“.	„Мнѣ самому случалось сочинять отъ имени Попова французскія записки къ одной графинѣ (вышедшей послѣ за одного графа), за которою онъ въ Яссахъ волочился“.

Изъ словъ Грибовскаго и изъ цензурныхъ помарокъ очевидно, что ни Грибовскій, ни цензура не знали, за кѣмъ именно волочился Поповъ въ Яссахъ. Они не могли знать графини Виттъ, такъ какъ такой графини въ Яссахъ никогда не было. Здѣсь рѣчь идетъ о знаменитой своею красотою гречанкѣ, о которой въ свое время ходили чисто легендарные разсказы.

Французскій дипломатъ, по однимъ — чиновникъ посольства, по другимъ—«самъ посолъ», встрѣтилъ въ Константинополѣ, въ одной изъ отдаленныхъ отъ центра улицъ, красивую дѣвочку, горько плакавшую. Пораженный красотою ребенка, французъ приласкалъ дѣвочку, привелъ въ посольскій домъ, гдѣ дѣвочка сказала, что она турецкая рабыня, гречанка Софія, что турки похитили ее съ о. Хіоса и продали въ гаремъ какого-то паши, откуда она бѣжала, такъ какъ старый паша мучилъ ее своими ласками. Въ домѣ французскаго посольства въ Константинополѣ дѣвочка воспитывалась, росла, стала дѣвицею, научилась говорить по-фран-

цузски, была обращена въ католичество. Она поражала всѣхъ своею красотою. Ей шелъ уже 15-й годъ, когда французскій дипломатъ долженъ былъ отправиться по дѣламъ службы изъ Константинополя въ Петербургъ. Опасаясь преслѣдованій турецкаго паши, который давно уже искалъ свою рабыню, дипломатъ взялъ красавицу-гречанку съ собою. Онъ благополучно достигъ пограничной польской крѣпости Каменца-Подольска, гдѣ и остановился въ домѣ коменданта, по другимъ—бессарабскаго губернатора, генерала польской службы Витта. Теперь и польскій генералъ, въ свою очередь, былъ пораженъ красотою гречанки Софіи и вскорѣ страстно влюбился въ нее. Чтобъ вѣрнѣе обмануть бдительность своего гостя, комендантъ устроилъ въ честь его большую охоту и, въ моментъ отъѣзда охотниковъ, извинился, что не можетъ принять участія въ охотѣ, такъ какъ только что пріѣхалъ изъ Варшавы гонецъ съ важными бумагами, требующими немедленно отвѣта. Едва охотники удалились изъ глазъ, какъ ворота крѣпости были заперты и началось торжественное вѣнчаніе коменданта Витта съ гречанкою Софіею. Только поздно вечеромъ возвратились охотники. Ворота крѣпости были заперты. Выѣхавшій изъ крѣпости парламентеръ сообщилъ охотникамъ о совершившемся бракѣ. Французскій дипломатъ, нечего дѣлать, призналъ fait accompli и принялъ участіе въ свадебномъ пиршествѣ.

Въ подобныхъ разсказахъ Dichtung und Wahrheit такъ переплетены, что трудно сказать, гдѣ кончается истина и начинается вымыселъ. Въ данномъ разсказѣ несомнѣнно одно—поразительная красота Софіи Виттъ. Во время второй турецкой войны князь де-Линь, этотъ испытанный знатокъ женской красоты, видѣлъ ее и такъ отозвался о ней въ письмѣ къ сыну:

„Главная квартира фельдмаршала Румянцева въ Польшѣ.
8-го іюня 1788 г.

«Если вы меня спросите, милѣйшій Карлуша, какъ я себя чувствую, я вамъ отвѣчу: все такъ же. Я летаю отъ одной

арміи къ другой, отъ одного фельдмаршала къ другому, чтобъ заставить ихъ дѣйствовать, но, очевидно, дьяволъ одолѣлъ ихъ, несмотря на ихъ крестныя знаменія по русскому обычаю.

«Я рѣшился, наконецъ, покинуть Потемкина, этого насмѣшника, льстеца, моего обожателя, какъ онъ говоритъ, и прибылъ сюда, въ Каменецъ-Подольскъ. Ахъ, если бъ у меня было еще сердце, какъ бы я влюбился! Командирша, прелестная гречанка, извѣстная красавица, обожаемая всѣми, свезла меня въ своей коляскѣ подъ стѣны Хотина, гдѣ турки привѣтствовали насъ нѣсколькими пушечными выстрѣлами, при чемъ ядра перелетали черезъ наши головы. Каюсь: я предпочелъ бы произвесть рекогносцировку и найти слабыя мѣста для атаки моей сосѣдки, а не турецкой крѣпости [1]).

«Я остановился въ ея домѣ, но, Богъ мой, живу среди адскаго шума. Всю ночь слышенъ шумъ цѣпей. Ужъ не привидѣнія ли какія? Нѣтъ, это ея мужъ, комендантъ крѣпости, пользуется даровою прислугою изъ каторжниковъ въ кандалахъ. Какой контрастъ: рожи каторжниковъ и неземная красота, которой они служатъ изъ-подъ палки! Даже поваръ — закованный въ цѣпи каторжникъ. Это экономно, но, поистинѣ, ужасно».

Спустя два года, указомъ отъ 28-го февраля 1790 г., «польской службы генералъ-поручикъ, бывшій комендантъ въ Каменцѣ-Подольскомъ Виттъ» принятъ въ русскую службу генералъ-маіоромъ; въ маѣ 1791 г. онъ былъ уже генералъ-поручикъ русской службы [2]). За женою этого-то генералъ-поручика, по офиціальнымъ бумагамъ Іосифа де-Витта, «волочился» Поповъ въ Яссахъ, и такъ какъ Софія де-Виттъ не понимала по-русски, а Поповъ не могъ писать по-французски, то Грибовскій и сочинялъ отъ его имени billets-doux.

---

[1]) Та же мысль, но въ иной формѣ, высказана имъ въ письмѣ отъ 1-го іюня 1788 года: Les janissaires ont eu la vue assez bonne pour trouver que madame de Witte était meilleure à enlever qu'un général autrichien «Lettres et pensées du prince de Ligne», Paris, 1809, p. 157.

[2]) Сборникъ, XLII, 60; Русск. Архивъ, 1874, II, 261.

Замѣчаніе, высказанное нами по поводу первой части «Записокъ» Грибовскаго, относится въ полной мѣрѣ и ко второй: вслѣдствіе цензурныхъ искаженій необходимо пользоваться обоими изданіями, 1847 и 1864 годовъ.

Конечно, «Записки о Екатеринѣ Великой» Грибовскаго подлежатъ оцѣнкѣ сами по себѣ; нельзя судить о томъ, что̀ Грибовскій могъ бы разсказать, но чего, по какимъ-либо причинамъ, не разсказалъ. Это, однако, чрезвычайно важно для оцѣнки личности автора. Современникъ Грибовскаго, извѣстный А. М. Тургеневъ [1]), сдѣлалъ свои отмѣтки на поляхъ перваго изданія записокъ. Тургеневъ былъ 24-хъ-лѣтнимъ вахмистромъ лейбъ-гвардіи коннаго полка, когда умерла Екатерина. По своему общественному положенію, онъ могъ многое слышать объ Екатеринѣ; его отмѣтки составлены не по личнымъ наблюденіямъ, но по разсказамъ другихъ лицъ; тѣмъ не менѣе, онѣ очень важны и, дополняя Грибовскаго, указываютъ намъ, что̀ онъ могъ разсказать, на что̀ онъ не обратилъ вниманія. Такъ, напр., Грибовскій пишетъ: «Увѣряютъ, что смерть императрицы приключилась единственно отъ закрытія на ногахъ ранъ»; Тургеневъ по этому поводу отмѣчаетъ: «Платонъ Зубовъ рекомендовалъ Екатеринѣ грека Ламбро-Качони [2]), который взялся вылѣчить ноги Екатерины отъ ранъ. Онъ предложилъ ей ставить ноги въ морскую воду утромъ и вечеромъ. Лѣченію этому лейбъ-медикъ Рожерсонъ противился и говорилъ о могущихъ быть для здоровья и самой жизни бѣдственныхъ слѣдствіяхъ. Екатерина не послушалась Рожерсона. Раны на ногахъ въ іюлѣ закрылись, а въ ноябрѣ Екатерина умерла отъ апоплексіи. А воду морскую привозили отъ Красной Горки, за Петергофомъ». Грибовскій, статсъ-секретарь императрицы и, что въ данномъ случаѣ еще

---

[1]) Александръ Михайловичъ, 1772—1863, писатель, тобольскій и казанскій губернаторъ, директоръ медицинскаго департамента.

[2]) Lambro-Cacioni, знаменитый корсаръ, участвовавшій въ первой и второй турецкой войнѣ, маіоръ русской службы.

важнѣе, близкій человѣкъ къ Зубову, не могъ удовольствоваться своимъ «увѣряютъ», если онъ дѣйствительно былъ человѣкъ наблюдательный и понималъ свое значеніе, какъ составителя записокъ.

Надо, однако, быть справедливымъ и къ Грибовскому. Одна изъ отмѣтокъ Тургенева можетъ подать поводъ къ незаслуженному обвиненію автора «Записокъ о Екатеринѣ Великой». Вотъ въ чемъ дѣло:

Представляя характеристику гр. А. А. Безбородко, Грибовскій упоминаетъ, между прочимъ, что въ послѣднее время Безбородко былъ совсѣмъ не у дѣлъ, настолько, что съ 1792 года «не было почти никакой причины ему ко двору пріѣзжать». Это, однако, едва ли справедливо. Въ письмѣ недружелюбно относившагося къ Безбородко графа П. В. Завадовскаго, отъ 29-го апрѣля 1794 года, говорится: «При настоящихъ обстоятельствахъ графа А. А. (Безбородко) въ дѣла употребляютъ и сказали однова ему, *что къ кому въ важныхъ нуждахъ прибѣгаютъ*, *тотъ не можетъ жаловаться*, *что къ нему нѣтъ возрѣнія*» [1]. Какъ бы ни было, Грибовскій, оканчивая характеристику Безбородко, повторяетъ: «таковое его бездѣйствіе продолжалось по самую кончину государыни». Тургеневъ по этому поводу замѣчаетъ: «Здѣсь нельзя согласить того, что Екатерина, оставивъ Безбородку хоть и не въ опалѣ, однако-жъ, внѣ своего вниманія, поручила ему составить духовное свое завѣщаніе и ввѣрила храненіе онаго ему». По критическомъ разсмотрѣніи всѣхъ данныхъ, касающихся этого вопроса [2], мы должны обѣлить Грибовскаго,

[1]) Архивъ кн. Воронцова, XII, 112.

[2]) Изъ напечатанныхъ источниковъ необходимо имѣть въ виду, между прочимъ: а) Записки Державина, изд. «Русской Бесѣды», стр. 322; Соч. Державина, VI, 635, и замѣтку его на оду на восшествіе на престолъ Александра I, въ Соч. Державина, II, 359; б) Записки Л. Н. Энгельгардта, Москва, 1867, стр. 195; в) Воспоминанія о дворѣ и временахъ Павла I, въ Русск. Архивѣ, 1869, стр. 1882—1889, и г) Преданія, сообщенныя П. И. Бартене-

который не могъ говорить въ своихъ запискахъ о томъ, чего не было.

Нельзя, конечно, сравнивать «Дневникъ» Храповицкаго съ «Записками» Грибовскаго, но необходимо признать, что, судя по дневнику и по запискамъ, получается совершенно иное представленіе о Храповицкомъ и о Грибовскомъ. Получившій хорошее для своего времени образованіе, трудолюбивый, одаренный свѣтлымъ умомъ и литературнымъ талантомъ, А. В. Храповицкій стяжалъ похвалы Ломоносова, Сумарокова, Новикова, отозвавшагося о немъ: «острый человѣкъ; любитель словесныхъ наукъ»; его цѣнили всѣ, подъ начальствомъ кого ему довелось служить—гр. К. Г. Разумовскій, кн. А. А. Вяземскій, Екатерина II, готовая «руку свою дать на сожженіе, что Храповицкій не беретъ взятокъ». Своимъ «Дневникомъ» Храповицкій дѣйствительно «вводитъ насъ въ самый внутренній образъ жизни Екатерины, въ ея кабинетъ, гдѣ видимъ, какъ она безъ короны и порфиры, въ ежедневной одеждѣ, понимаетъ дѣло управленія обширною имперіею и какъ безустально предается разнороднымъ трудамъ для блага своего народа» [1]). Мы собрали нѣсколько данныхъ изъ жизни Грибовскаго: они начинаются доносомъ на партнеровъ карточной игры, которымъ Грибовскій думалъ извинить свое похищеніе казенныхъ денегъ, и оканчиваются доносомъ на кн. Зубова въ такую минуту, когда Грибовскій надѣялся, что оговоръ «послѣдняго фаворита» будетъ выгоденъ. Храповицкій по смерти кн. Вяземскаго, рекомендовавшаго его императрицѣ, молится на его могилѣ; Грибовскій, при жизни Державина, спасшаго ему «жизнь и честь», отворачивается отъ своего благодѣтеля. Храповицкаго всѣ любили; о Грибовскомъ никто не обмолвился добрымъ словомъ.

вымъ голословно, въ Русск. Архивѣ. 1871, стр. 2072. Изъ рукописей—«Екатерина въ поляхъ Елисейскихъ», наиболѣе рѣшительно опровергающая печатные слухи и преданія.

[1]) Отзывы издателя Н. П. Барсукова, «Дневникъ» Храповицкаго. 1874, стр. VIII.

Грибовскій всѣмъ платитъ тѣмъ же. У него, очевидно, не доставало ни ума, ни образованія, чтобъ воздать «коемуждо по дѣломъ его», и его наблюдательность не простиралась далѣе платьевъ и экипажей. Его нельзя и сравнивать съ Бантышъ-Каменскимъ, одновременно съ нимъ составлявшимъ свой «Словарь достопамятныхъ людей русской земли».

Отмѣтки изъ времени статсъ-секретарства Грибовскаго сдѣланы имъ, какъ мы говорили, лишь пять лѣтъ спустя по смерти Екатерины, послѣ 1801 года; только тридцать лѣтъ послѣ того Грибовскій началъ писать по этимъ отмѣткамъ свои записки. Въ небольшомъ введеніи Грибовскій говоритъ: «Бывшіе приближенные къ особѣ императрицы по дѣламъ государственнымъ, князь Потемкинъ, Зубовъ, графъ Безбородко и статсъ-секретари ея: Поповъ, Трощинскій и другіе имѣли, конечно, возможность узнать ее во всѣхъ отношеніяхъ, вѣрно и подробно, но оставили земное свое поприще, не оставя для публики никакихъ о великой благотворительницѣ ихъ записокъ». Послѣднимъ изъ названныхъ лицъ умеръ Д. П. Трощинскій, въ 1829 году; слѣдовательно, Грибовскій составлялъ свои записки позже 1829 года. Ему въ то время было болѣе 60-ти лѣтъ и онъ, конечно, многое уже позабылъ. Только чисто внѣшніе факты, воспринимаемые внѣшнимъ чувствомъ, записаны имъ вполнѣ вѣрно; что же касается рѣчей, которыя онъ влагаетъ въ уста Екатерины, онѣ вѣрны только по смыслу, въ нихъ заключающемуся. Ему не было надобности извращать, тѣмъ менѣе выдумывать; но онъ не могъ вспомнить точныя выраженія рѣчей, слышанныхъ 35 лѣтъ назадъ.

Наблюдательность Грибовскаго тоже чисто внѣшняя. Онъ не замѣчаетъ весьма краснорѣчивыхъ фактовъ и проходитъ мимо предметовъ, полныхъ указаній и намековъ, не понимая ихъ значенія. Около пяти лѣтъ находился онъ при князѣ Зубовѣ, видѣлъ его ежедневно, былъ свой человѣкъ въ покояхъ послѣдняго фаворита и въ своихъ «Запискахъ» отмѣтилъ только,

что Зубовъ носилъ «шлафрокъ, обшитый собольими хвостами», и «сидѣлъ въ низкихъ креслахъ, положивъ ноги на табуретъ, что было всегдашнею его привычкою», и больше ничего. Адмиралъ Шишковъ былъ у П. А. Зубова лишь нѣсколько разъ, даже избѣгалъ бывать у него, и, тѣмъ не менѣе, оставилъ намъ слѣдующее описаніе помѣщенія гр. Зубова: «Онъ жилъ во дворцѣ. Въ покояхъ его достопримѣчательны были три комнаты, изъ которыхъ въ первой могъ быть всякъ, кто хотѣлъ; во вторую входили только знатныя особы и находившіеся при немъ главные чиновники. Третья комната составляла его кабинетъ или спальню, куда никто, кромѣ самыхъ близкихъ къ нему людей, не могъ входить. Изъ ней, по маленькой лѣстницѣ, былъ ходъ во внутренніе императрицыны покои» [1]).

Погодинъ былъ вполнѣ правъ, назвавъ бумаги Грибовскаго «Записками о Екатеринѣ Великой». Все, что сообщается въ нихъ объ Екатеринѣ, какъ она одѣвалась, какъ работала, принимала докладчиковъ, какъ обѣдала, словомъ, какъ проводила свой день, все это крайне интересно и, по большей части, совершенно вѣрно. Сама Екатерина подтвердила намъ слова Грибовскаго. Въ письмѣ отъ 6-го ноября 1764 года, она писала извѣстной г-жѣ Жоффренъ: «Я встаю ровно въ 6 часовъ утра; читаю или пишу совершенно одна до 8-ми; потомъ приходятъ докладывать мнѣ дѣла; всѣ, кому нужно переговорить со мною, входятъ по очереди, одинъ вслѣдъ за другимъ. Это продолжается до 11-ти часовъ и долѣе; потомъ я одѣваюсь. По воскресеньямъ и праздникамъ я иду къ обѣднѣ; въ другіе же дни выхожу въ пріемную, гдѣ обыкновенно дожидается меня много народа; поговоривъ полчаса или три четверти, я сажусь обѣдать; по выходѣ изъ-за стола является *гадкій генералъ* [2]) съ своими наставленіями; онъ берется за книгу, я—за работу. Чтеніе наше, если его

[1]) Записки Шишкова. I, 8.

[2]) Le vilain général, т.-е. И. И. Бецкій. Сборникъ, I, 261.

не прерываютъ пакеты съ письмами и другія помѣхи, длится до половины шестого; потомъ я или отправляюсь въ театръ, или играю, или болтаю съ кѣмъ-нибудь до ужина, который кончается ранѣе 11-ти часовъ, и я ложусь спать, а на другой день продѣлываю то же самое, какъ по нотамъ». Ко временамъ Грибовскаго въ этихъ отмѣткахъ произошли лишь перемѣны, наложенныя 30-ю годами: Екатерина встаетъ уже не въ 6, а въ 7 и даже 8 часовъ; на мѣсто Бецкаго, уже сошедшаго со сцены, явились другія лица; болтовня по вечерамъ смѣнилась картами, ужины совсѣмъ прекратились; словомъ, произошли тѣ перемѣны, которыя такъ подробно описаны составителемъ записокъ Грибовскимъ и за которыя мы должны быть ему благодарны.

МЕЖДУНАРОДНЫЯ СНОШЕНІЯ РОССІИ

СЪ ГЕРМАНСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ.

Международныя сношенія Россіи съ германскими государствами [1]).

Еще въ самомъ началѣ XVIII столѣтія, при Петрѣ I, въ международныхъ сношеніяхъ Россіи чувствовалась потребность въ особомъ исторіографѣ при коллегіи иностранныхъ дѣлъ; въ концѣ прошлаго вѣка Екатерина II находила уже необходимымъ сдѣлать такими «исторіографами» всѣхъ служащихъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ—указами этой коллегіи императрица приказала приступить къ собранію и обнародованію «древнихъ и новыхъ трактатовъ между Россіею и другими державами и иныхъ публичныхъ актовъ» [2]). Прошло, однако, сто лѣтъ, прежде чѣмъ желаніе Петра I и Екатерины II могло быть приведено въ исполненіе.

Въ 1874 году появился первый томъ, предпринятаго проф. Ѳ. Ѳ. Мартенсомъ, по порученію министерства иностранныхъ дѣлъ, изданія «Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами». Планъ изданія чрезвычайно обширенъ—онъ обнимаетъ всѣ международные акты, заключенные Россіею со всѣми «существующими нынѣ государствами», при чемъ документы издаются не въ общемъ хронологическомъ порядкѣ, а по государствамъ. Уже и эта задача, сама по себѣ, требовала большого труда и много зна-

[1]) *Проф. Ф. Мартенсъ,* Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. Томы I—VIII. Спб., 1874—1888.

[2]) Указы отъ 28-го января 1779 и 14-го января 1783 г. «Полн. Собр. Зак.», № 15633.

ній; въ результатѣ ея получился бы, однако, болѣе или менѣе полный, но довольно сухой сводъ международныхъ актовъ, внутренній смыслъ которыхъ не всегда и не всякому могъ быть ясенъ. Въ виду этого, проф. Мартенсъ сопровождаетъ каждый международный актъ особымъ историческимъ введеніемъ, въ которомъ объясняются какъ фактическія обстоятельства, при которыхъ актъ былъ заключенъ, такъ и дипломатическіе переговоры, предшествовавшіе подписанію его договаривавшимися сторонами. Эти «введенія» составлены по документамъ богатаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и представляютъ драгоцѣнный историческій матеріалъ въ видѣ выписокъ, нерѣдко дословныхъ, иногда приводимыхъ цѣликомъ, не только изъ министерскихъ депешъ и реляцій, или именныхъ указовъ и рескриптовъ, но и изъ личной переписки коронованныхъ особъ, по временамъ довольно интимной.

«Собраніе трактатовъ и конвенцій», составленное проф. Мартенсомъ—не только важное пріобрѣтеніе для науки, но и неложное свидѣтельство нашей политической зрѣлости, и вотъ почему:

Въ каждомъ международномъ актѣ заключена частица положительнаго права между государствами или, точнѣе, между народами. Въ прошломъ еще вѣкѣ знали почти исключительно только «союзные» договоры; въ наше время, международное общеніе приняло обширные размѣры и касается жизненныхъ интересовъ самаго разнообразнаго характера—торговли, сухопутной и морской, почтовыхъ и телеграфныхъ сообщеній, выдачи преступниковъ, наслѣдства иностранцевъ, значенія консуловъ и другихъ международно-гражданскихъ отношеній. Всѣ эти международныя отношенія вырабатывались постепенно, цѣлымъ рядомъ договоровъ, конвенцій, декларацій, въ которыхъ отпечатлѣвалась вся исторія нашей международной жизни, съ тѣми правами и обязанностями, которыя, по утвержденіи международнаго акта верховною властью, получаютъ для насъ обязательную силу закона. До послѣдняго времени

мы не знали тѣхъ законовъ, которые обязательны для насъ; мы даже не имѣли возможности узнать ихъ—не рыться же въ «Собраніи узаконеній и распоряженій правительства» или въ «Полномъ Собраніи Законовъ» — и потому потребность, вызвавшая изданіе «Собранія трактатовъ и конвенцій», указываетъ на шагъ впередъ въ нашемъ политическомъ развитіи.

И въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, Европа фактически опередила насъ. Она давно уже знакома съ сводами своего международнаго положительнаго права. Не говоря уже о старыхъ сводахъ Лейбница, Вонка, Дюмона-Руссе, сборникъ договоровъ, издающійся уже почти сто лѣтъ, начатый въ 1791 г. Мартенсомъ и продолжаемый нынѣ Гопфомъ и другими, представляетъ обширное изданіе въ 60 томовъ. Это только общіе сборники, весьма важные, но и весьма неудобные для практическаго пользованія — въ нихъ всякій находитъ много для себя лишняго. Вотъ почему, въ настоящее время, во всѣхъ европейскихъ странахъ имѣются спеціальные сборники всѣхъ трактатовъ, которые касаются той или другой страны. Такой спеціальный сборникъ имѣется даже въ Турціи; его не было до послѣдняго времени только въ Россіи.

Но не даромъ же сказано—«послѣдніи да будутъ первыми»: русское «Собраніе трактатовъ и конвенцій» значительно превосходитъ всѣ западные сборники подобнаго рода. Оно, прежде всего, гораздо полнѣе ихъ. Въ вышедшихъ до настоящаго времени восьми[1]) томахъ «Собранія» помѣщены 376 международныхъ актовъ, заключенныхъ Россіею со всѣми германскими государствами, и изъ нихъ 187, т.-е. почти половина, или вовсе не были еще изданы, или были изданы не вполнѣ, преимущественно безъ дополнительныхъ (articles additionels), по большей части секретныхъ статей (articles séparés et secrets). Сверхъ того, въ иностранныхъ сборникахъ подоб-

[1]) Собственно *девяти*, такъ какъ 4-й томъ раздѣленъ на два.

наго рода вовсе не помѣщается исторія дипломатическихъ переговоровъ, приведшихъ къ извѣстному акту, что̀ въ русскомъ «Собраніи» значительно облегчаетъ уразумѣть внутреннее значеніе заключеннаго договора и представляетъ нерѣдко въ совершенно новомъ свѣтѣ дѣятелей того времени и мотивы, ими руководившіе. Такъ какъ тѣ тысячи, десятки тысячъ, документовъ, по которымъ составлялись «историческія введенія», заимствованы изъ архива нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, то, конечно, въ нихъ русская политика всегда представляется въ болѣе или менѣе привлекательномъ свѣтѣ, и это, быть можетъ, заставитъ и Вѣну, и Берлинъ открыть свои архивы, чтобъ защитить свою «германскую» политику.

Какова же эта русская политика? Каковъ характеръ нашихъ международныхъ сношеній съ германскими государствами?

Россія ознакомилась съ Германіей черезъ Польшу; только послѣ паденія Польши русская пограничная линія на Западѣ сошлась съ германскою. Первыя дипломатическія сношенія Россіи съ Германіей начались изъ-за Польши. Почти одновременно были заключены Россіею первые союзные договоры съ Австріею и Пруссіею: въ 1490 г. съ римскимъ королемъ Максиміаномъ противъ польскаго короля Казиміра и въ 1517 г. съ бранденбургскимъ маркграфомъ и гроссмейстеромъ нѣмецкаго ордена Альбертомъ противъ польскаго короля Сигизмунда. Максиміанъ обязался оказать свою помощь великому князю, когда онъ «учнетъ доставати своего отечества великаго княжества Кіевскаго, что за собою держитъ Казиміръ, король польскій, и его дѣти нашего Государства Русскихъ земель»; тоже и Альбертъ: «а коли мы, Великій Государь Василей, Божіею милостію, Царь и Государь всея Русіи и Великій Князь, сами всядемъ на конь, и пойдемъ на своего недруга, на Короля Польскаго и Великаго Князя

Литовскаго или князей и воеводъ нашихъ съ нашею силою на его землю пошлемъ, и Олбрехту Нѣмецкаго чину высокому Магистру вѣдать пошлемъ, и ему съ своими пріятели и со всею своею силою на нашего недруга, на Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго земли, которыя за собою держитъ, также пояти и дѣлати тебѣ то наше дѣло съ тѣмъ нашимъ недругомъ, съ королемъ польскимъ, съ нашими князьями и воеводами за одинъ (unanimiter) въ томъ дѣлѣ». Договоры были, конечно, взаимные. Нельзя рѣшительно сказать, для кого Польша была страшнѣе въ то время: для Россіи ли, или для Австріи и Пруссіи. Эта общая опасность и соединила три двора, съ тою, однако, разницею, что въ это же время Австрія и Пруссія вели между собою счеты, между тѣмъ какъ Россія стояла въ равныхъ отношеніяхъ къ той и другой, настолько, что когда умеръ Максимиліанъ I, великій князь Василій Ивановичъ предложилъ въ германскіе императоры маркграфа бранденбургскаго!

Польскій вопросъ, въ той или другой формѣ, то какъ угроза, то какъ соблазнъ, служитъ въ теченіе трехъ вѣковъ однимъ изъ основныхъ мотивовъ международныхъ сношеній Россіи съ западными сосѣдями Польши. Этотъ мотивъ сталкивается съ другими, иногда отодвигается ими на задній планъ, переплетается то съ турецкими посягательствами, то со шведскими притязаніями, но всегда его можно услѣдить, всегда онъ играетъ роль, болѣе или менѣе видную. Въ 1573 году императоръ Максимиліанъ II предложилъ царю Ивану Грозному раздѣлить Польшу: польское королевство присоединить къ Австріи, княжество литовское—къ Россіи. «А прираздѣлъ цысарь,—сказано въ статейномъ спискѣ,—чтобъ то государство подѣлити, и корону бъ польскую къ цысарю, а литовское великое княжество къ Московскому государству, и стояти бъ имъ содново противъ турецкаго и противъ всѣхъ татарскихъ государей». Спустя 200 лѣтъ, въ 1772 г., мысль Максимиліана II начала приводиться въ исполненіе, и скоро

Польша, какъ самостоятельное государство, окончательно исчезла, при чемъ въ раздѣлѣ ея участвовали тѣ же три союзницы—Россія, Пруссія и Австрія.

Кромѣ Польши, какъ важнаго фактора въ международныхъ сношеніяхъ Россіи съ двумя главнѣйшими германскими государствами вмѣстѣ, съ Австріею и Пруссіею, турецкія дѣла на Югѣ приводили Россію въ такую же тѣсную связь съ Австріею, какъ шведскія на Сѣверѣ—съ Пруссіею.

Турція была равно враждебна какъ Австріи, такъ и Россіи, чѣмъ и объясняется возможность и даже необходимость союза ихъ противъ Порты Оттоманской. Но враждебность эта носила въ обоихъ случаяхъ своеобразный характеръ: въ то время, какъ Австріи приходилось отбиваться отъ завоевательныхъ притязаній турокъ, Россія была поставлена въ необходимость грудью наступать на подвластныя Портѣ татарскія племена, занявшія побережья южныхъ морей—Азовскаго, Чернаго, отчасти Каспійскаго. Въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, шагъ за шагомъ двигалась Россія къ Югу, то отбиваясь отъ насѣдавшаго врага, то наступая на него, пока, наконецъ, рядомъ долголѣтнихъ войнъ съ Турціею, ей удалось, пріобрѣтеніемъ Крыма, придвинуться къ морю, какъ естественной границѣ, особенно важной для промышленной и торговой жизни народа. Этотъ результатъ былъ бы, конечно, достигнутъ, во всякомъ случаѣ, рано или поздно; но не подлежитъ сомнѣнію, что успѣшному его достиженію содѣйствовали въ значительной степени международныя связи съ Австріею. Труды русскихъ посланниковъ въ Вѣнѣ—Нефимонова, Ланчинскаго и ихъ преемниковъ—не пропали даромъ. Рядъ договоровъ и конвенцій, заключенныхъ съ Австріею, сводится къ слѣдующему, весьма важному для обоихъ контрагентовъ, условію: «ежели Оттоманская Порта или съ Россійскою имперіею, или же съ Римскою постановленный трактатъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ нарушитъ и по какому-либо поводу отъ помянутой Оттоманской Порты напа-

деніе учинится, то въ обоихъ случаяхъ не атакованная изъ обѣихъ высочайшихъ договаривающихся сторонъ, хочетъ и имѣетъ Оттоманской Портѣ не токмо тотчасъ войну объявить, но и прямо собою въ земли ея, Порты, со всею возможною силою нападеніе учинить».

Швеція стояла поперекъ дороги и Пруссіи, силившейся овладѣть Помераніею, и Россіи, нуждавшейся въ Прибалтійскомъ краѣ. Ни царь Алексѣй Михайловичъ, ни бранденбургскій курфирстъ Фридрихъ Вильгельмъ не могли смотрѣть равнодушно на стремленіе шведскаго короля Карла-Густава захватить все балтійское побережье и обратить Балтійское море въ «шведское озеро». Первый союзный русско-прусскій договоръ противъ Швеціи былъ подписанъ въ 1656 году, въ лагерѣ подъ Ригою, въ самый разгаръ русско-шведской войны. Замѣчательно, однако, что обѣ стороны, какъ Пруссія, такъ и Россія, старались при заключеніи договоровъ вовсе не упоминать о Швеціи. Въ договорѣ 10-го іюня 1697 года слово «Швеція» не встрѣчается; но въ тотъ же день Петръ I и Фридрихъ III, въ присутствіи пословъ и министровъ, на яхтѣ курфирста, словесно обѣщали «другъ другу предъ лицомъ Божіимъ, что ту статью, о которой министры ихъ на письмѣ въ договорѣ не положили, дабы не сочинить онымъ подозрѣнія, а именно, чтобы въ удобной и потребной случай другъ другу противъ всѣхъ непріятелей, а особливо противъ шведа, вспомогать всѣми своими силами во всякой возможности, содержать истинно и пребывать до скончанія въ непремѣнной при томъ союзъ дружбѣ». Этотъ «словесный договоръ» былъ утвержденъ взаимнымъ рукопожатіемъ и лобызаніемъ. Скрытая подъ формою словеснаго договора боязнь Швеціи исчезла очень скоро, года три спустя, когда началась Сѣверная война, продолжавшаяся съ перемѣннымъ счастьемъ болѣе 20-ти лѣтъ и окончившаяся присоединеніемъ къ Россіи Прибалтійскаго края.

Польша, Турція, Швеція—вотъ три главные мотива, за-

вязавшіе международныя сношенія Россіи съ Австріею и Пруссіею. Эти мотивы дѣйствовали одновременно, обладали далеко не равною силою, подвергались довольно частымъ измѣненіямъ, усложнялись побочными обстоятельствами, переплетались съ интересами иного порядка, но, въ концѣ концовъ, укрѣпили международныя сношенія Россіи съ германскими государствами настолько, что уже въ 1779 году обѣ германскія державы просили посредничества русской императрицы въ рѣшеніи чисто германскаго вопроса о баварскомъ наслѣдствѣ.

Путь, по которому Россія дошла до такого политическаго значенія въ Германіи, былъ долгъ, весьма сложенъ и довольно тернистъ. Въ немъ не трудно, однако, подмѣтить нѣкоторыя общія черты, характеризующія международную политику Россіи относительно ея германскихъ сосѣдокъ.

На первомъ планѣ должна быть поставлена почти безусловная, отличавшаяся иногда даже рыцарскимъ характеромъ, вѣрность Россіи заключеннымъ союзамъ, точное исполненіе принятыхъ на себя обязательствъ. По завѣту перваго царя московскаго Ивана Васильевича, выраженному въ первомъ договорѣ съ Австріею, русская дипломатія навсегда поставила для себя правиломъ исполнять международные договоры «въ правду и безъ хитрости». Кто и когда ни управлялъ иностранными дѣлами Россіи, въ коллегіи ли, въ министерствѣ ли, всегда строго слѣдовалъ этому завѣту. «Всему свѣту извѣстная правда есть, — исповѣдывался канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ передъ императрицей Елисаветой Петровной въ 1745 г.,—что ни одна держава безъ союзовъ себя содержать не можетъ, и яко основаніе благополучія человѣческаго общества въ доброй вѣрѣ, дружбѣ и взаимномъ вспоможеніи состоитъ, тако благополучіе и соблюденіе великихъ государей и великихъ державъ, равномѣрнымъ же образомъ, отъ доброй вѣры и взаимнаго вспомоществованія зависитъ. Коль набожнѣе который государь свои союзы, обя-

зательства и данное слово содержитъ, толь болѣе онъ повѣренности, высокопочитанія и власти себѣ пріобрѣтаетъ, своихъ союзниковъ себѣ присвояетъ и ихъ взаимную дружбу получаетъ. Исторія толикихъ вѣковъ о всѣхъ земляхъ, имперіяхъ и королевствахъ сіе доказуетъ» [1]).

Сто лѣтъ спустя, когда союзная Россіи Пруссія начала въ 1848 г. несправедливую войну противъ Даніи, императоръ Николай I писалъ королю Вильгельму-Фридриху IV: «Россія всегда будетъ вѣрною союзницею своего стараго друга, *доброй, старой и лояльной Пруссіи,* какъ вы ее называете, когда такая Пруссія воскреснетъ. Если когда-нибудь подъ старое прусское знамя опять станутъ старые пруссаки, но не нѣмцы подъ знаменемъ баррикадъ, русскій орелъ будетъ возлѣ него, потому что Россія умѣетъ забывать оскорбленія, она не нарушаетъ своихъ трактатовъ и не отрекается отъ своихъ традицій. Одному Богу извѣстно — суждено ли намъ испытать еще это счастье». Здѣсь слышится грустная нота даже по поводу невѣрности союзника своимъ обязательствамъ. За все время международныхъ сношеній Россіи съ главнѣйшими германскими государствами, въ теченіе болѣе 200 лѣтъ, не встрѣчается ни одного примѣра, гдѣ Россія нарушила бы заключенный ею договоръ.

Подобной вѣрности договорамъ мы не встрѣчаемъ ни въ Австріи, ни въ Пруссіи. И австрійскіе императоры, и прусскіе короли всегда ставили матеріальныя выгоды и экономическіе интересы выше всякихъ договоровъ, въ которыхъ Фридрихъ II видѣлъ только «un assemblage de mots sans âme». Приведемъ одинъ только примѣръ, но вполнѣ характеризующій обѣ стороны:

Въ 1697 году курфирстъ бранденбургскій Фридрихъ III «словеснымъ договоромъ» съ Петромъ I обязался «противъ шведа вспомогать всѣми своими силами во всякой возмож-

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, II, 77.

ности»; въ 1699 году Петръ I заключилъ союзъ съ польскимъ королемъ Августомъ II противъ Швеціи же. Спустя годъ, въ 1700 г., началась Сѣверная война, война Россіи и Польши противъ шведскаго короля Карла XII. Война была начата Августомъ II вопреки договора, по которому было условлено не начинать войны со Швеціею ранѣе окончанія войны Россіи съ Турціею, и что же? 8-го августа Петръ I получилъ извѣстіе о заключеніи мира съ Турціею, а 9-го приказалъ двинуть русскія войска къ шведскимъ границамъ. Какое же положеніе приняла Пруссія къ обѣимъ воюющимъ сторонамъ? Вспомогалъ ли прусскій король «всѣми своими силами» русскому императору, своему союзнику? Ничуть. Петръ I шлетъ въ Берлинъ посла за посломъ—кн. Трубецкого, Андрея Измайлова, Паткуля, Ивана Измайлова—ни одинъ изъ нихъ ничего не добился. Прусскій король до того опасался компрометировать себя предъ королемъ шведскимъ, что согласился принять кн. Трубецкого только тайкомъ; украдкою же русскій посланникъ долженъ былъ выѣхать изъ Берлина. Мало того: желая оставаться вполнѣ нейтральнымъ, прусскій король запретилъ войскамъ воюющихъ державъ вступать въ свои владѣнія и приказалъ, въ случаѣ вторженія, силою прогонять ихъ за границу, въ томъ числѣ и войска своего союзника! Прусскій король оставался нейтральнымъ до 1709 г., когда окончательное пораженіе Швеціи было уже почти совершившимся фактомъ. До этого времени прусскій король скорѣе склонялся на сторону шведскаго короля Карла XII и отклонялъ всѣ настоятельныя просьбы Петра I объявить войну побѣдителю при Нарвѣ. Никакія ссылки Петра на древнюю дружбу и на союзные договоры не въ состояніи были заставить короля придти на помощь своему «другу». Почему? Потому что отъ шведскаго короля онъ ожидалъ большихъ выгодъ, чѣмъ отъ русскаго императора. Карлъ XII обѣщалъ прусскому королю освободить его отъ всякихъ личныхъ отношеній къ Польшѣ, присоединить къ

Пруссіи польскій городъ Эльбингъ и подарить прусскому королю польскую область, раздѣлявшую Пруссію отъ Бранденбургіи. Что же обѣщала Россія? Петръ I могъ оградить Пруссію и всю Германію отъ шведскаго вліянія, но раздавать промессы на земли своего союзника, польскаго короля, онъ не могъ. Было только одно средство заставить прусскаго короля соединиться съ Россіею—побѣдить шведовъ: въ случаѣ военнаго успѣха русскихъ, Пруссія, чтобъ не быть обойденною при дѣлежѣ добычи, конечно, перейдетъ на сторону Россіи и будетъ дѣйствовать противъ Швеціи. Такъ и случилось: вслѣдъ за Полтавской побѣдой, въ 1709 же году, Пруссія заключила союзный договоръ съ Россіею.

Фридрихъ II не обращалъ никакого вниманія на договоры, въ грошъ не ставилъ свою подпись и нарушалъ трактаты всякій разъ, когда это было ему выгодно. Онъ дошелъ до того, что французскій посланникъ въ Берлинѣ, Валори, прямо, въ лицо укорилъ его въ обманѣ. «Mais ce n'est pas tromper cela,—отвѣчалъ король,—c'est se tirer d'affaire». Фридрихъ II лгалъ, обманывалъ, измѣнялъ, ставилъ въ политикѣ выше всего силу и издѣвался надъ правомъ. Erst nehmen und dann unterhandeln—вотъ его политическій девизъ, выражающійся въ наши дни въ пресловутомъ beati possidentes. Русскіе современники иначе и не называли Фридриха II, какъ «захватчивый» король, «конкерантный». Въ этомъ отношеніи въ политической дѣятельности Фридриха II легко указать черты, которыя подкупили въ его пользу многихъ нѣмецкихъ историковъ и, прежде всего, Дройзена и Трейчке. Конечно, въ политическомъ отношеніи Пруссія поступала очень ловко, ставя свои матеріальныя выгоды выше договорныхъ обязательствъ, выше всѣхъ понятій о чести. Въ политикѣ, чаще даже чѣмъ въ жизни, рыцарство доводитъ до донкихотства. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что самая выгодность отказаться отъ заключеннаго договора свидѣтельствуетъ, что при заключеніи его не были приняты во

вниманіе тѣ именно условія, отъ которыхъ зависѣла прочность договора.

Второю общею чертою, характеризующею наши международныя сношенія съ главнѣйшими германскими государствами, является доброжелательность какъ къ Австріи такъ и къ Пруссіи. Конечно, не одновременно. Постоянный, продолжавшійся вѣка и не окончившійся еще антагонизмъ между Австріею и Пруссіею ставилъ каждое иностранное правительство въ необходимость выбора: или съ Австріею, или съ Пруссіею. Россіи предстояло впервые рѣшить эту дилемму въ половинѣ прошлаго вѣка и она была рѣшена въ пользу Австріи. Несмотря на состоявшееся въ маѣ 1739 г. соглашеніе между Россіею и Австріею относительно общихъ военныхъ дѣйствій противъ Турціи, Австрія, вслѣдъ за пораженіемъ при Гродскѣ, 1-го же сентября заключила сепаратный миръ съ Портою, чѣмъ подорвала всѣ успѣхи русскихъ войскъ, уже взявшихъ Хотинъ, и заставила Россію согласиться на примиреніе съ Турціею. Тѣмъ не менѣе, Россія вскорѣ же, въ 1746 году, отплатила Австріи добромъ за зло: когда противъ Австріи поднялись Пруссія, Франція и Испанія, когда вопросъ шелъ о самомъ существованіи Австріи, Россія заключила съ нею союзъ, который привелъ къ Семилѣтней войнѣ, спасшей Австрію. Сто лѣтъ спустя, въ 1848 году, венгерскій походъ русскихъ войскъ доказалъ еще разъ, какими чувствами относительно Австріи руководится русская политика.

Говорить ли о «неблагодарности» Австріи? Говорить ли о русскомъ доброжелательствѣ относительно Пруссіи? Было время и еще очень недавнее, когда, до самаго 1870 года, германскіе либералы видѣли въ русской доброжелательной поддержкѣ прусскаго правительства главный мотивъ отсталости Пруссіи и, конечно, негодовали на Россію. «Кто можетъ забыть о тяжкомъ игѣ, въ которомъ Россія держала Австрію и Пруссію съ 1717 по 1848 годъ», спрашивалъ въ 1854 г. Бунзенъ, прусскій посланникъ въ Лондонѣ, не зная

или забывая, что это «иго» было результатомъ просьбы германскихъ же правительствъ.

Третья общая черта и, прибавимъ, самая важная—стремленіе поддерживать миръ съ германскими государствами. Политика мира относительно нашихъ западныхъ сосѣдей проходитъ чрезъ все прошлое столѣтіе и особенно ярко выражается въ нынѣшнемъ. Ее легко прослѣдить въ дипломатическихъ сношеніяхъ русскаго правительства и трудно не замѣтить во взглядахъ русскаго общества, насколько они выражаются въ періодической печати, въ литературныхъ произведеніяхъ, даже въ ученыхъ изслѣдованіяхъ. Съ самаго начала международныхъ сношеній съ Германіей и до настоящаго времени, Россія никогда не вела самостоятельной войны ни противъ Австріи, ни противъ Пруссіи. Участіе же Россіи въ Семилѣтней войнѣ объясняется исключительно взаимною враждою между Австріею и Пруссіею. Справедливость требуетъ признать, что въ этомъ случаѣ какъ Австрія, такъ и Пруссія платили намъ до послѣдняго времени тою же монетою: ни та, ни другая никогда не вели самостоятельныхъ войнъ противъ Россіи.

Въ половинѣ XVII столѣтія, сынъ портного изъ Ашерслебена, Адамъ Олеарій, по повелѣнію голштинскаго герцога Фридриха III, два раза посѣтилъ Россію—сперва въ посольствѣ къ царю Алексѣю Михайловичу, потомъ проѣздомъ къ персидскому шаху. По возвращеніи въ Германію, онъ издалъ описаніе своего путешествія, въ которомъ передалъ о Россіи все, что самъ видѣлъ и что слышалъ отъ другихъ. Шестую главу седьмой книги своего описанія Олеарій начинаетъ слѣдующими словами: «по духу, нравамъ и жизни русскихъ, ихъ по справедливости должно причислить къ варварамъ».

Олеарій былъ правъ, какъ были правы римляне, называвшіе варваромъ всякаго иностранца, чуждаго ихъ культурѣ. Европеецъ, вскормленный цѣлымъ рядомъ такихъ культур-

ныхъ движеній, какъ реформація, открытіе Новаго Свѣта, возрожденіе наукъ, не могъ, конечно, иначе отнестись къ русскимъ, оставшимся чуждыми западно-европейской цивилизаціи. Этихъ «варваровъ», однако, тянуло уже въ Европу. Они появлялись въ ней сперва одиночками, потомъ небольшими группами, въ качествѣ то ремесленныхъ учениковъ, то торговыхъ людей, то просто бѣглыхъ. Еще не истекло то столѣтіе, въ которое Олеарій посѣтилъ Россію, какъ по Европѣ проѣхало уже знаменитое посольство съ бомбардиромъ Преображенскаго полка Петромъ Михайловымъ во главѣ.

Правильныя, постоянныя международныя сношенія Россіи съ Западною Европою, собственно съ германскими государствами, начались подъ громъ пушекъ, которыми Петръ I пробивалъ «окно въ Европу». Въ это окно Россія увидѣла, прежде всего, междоусобную рознь двухъ германскихъ народовъ, вражду на жизнь и смерть между Австріею и Пруссіею. Ознакомившись съ положеніемъ европейскихъ дѣлъ, Петръ Великій установилъ въ международныхъ своихъ сношеніяхъ такую «славную систему, которая нашему отечеству толико блага принесла, что весь свѣтъ отъ того въ удивленіе приведенъ, ибо мы вездѣ въ почтеніи были и повѣренность чужестранныхъ имѣли». Въ чемъ же состояла эта система? «Сіе все въ томъ состоитъ, чтобы своихъ союзниковъ не покидать, для соблюденія себѣ взаимно такихъ пріятелей, на которыхъ бы положиться можно было; а оные суть морскія державы (Англія и Голландія), король польскій, яко курфирстъ саксонскій, и королева венгерская, по положенію ихъ земель, которыя натуральный съ сею имперіею интересъ имѣютъ» [1]). Итакъ, Россія высказалась за Австрію, слѣдовательно, противъ Пруссіи. Эта система продолжалась во всю первую половину XVIII столѣтія и неизбѣжно привела Россію къ участію въ Семилѣтней войнѣ. Во всю вторую половину прошлаго вѣка

[1]) Архивъ кн. Воронцова, II, 20, 23.

дѣйствовала совершенно иная система относительно обоихъ германскихъ государствъ: Екатерина II не только сама сумѣла жить въ мирѣ съ обоими врагами, съ Австріею и Пруссіею, но умѣряла ихъ взаимную непріязнь и мирила ихъ, насколько могла. Съ замѣчательною осторожностью и съ большимъ политическимъ тактомъ пользовалась Екатерина враждою своихъ сосѣдокъ, чтобъ предписывать имъ обѣимъ свою волю и заставить ихъ идти по пути, ею избранному. Ея вліяніе на самыя германскія дѣла было неотразимо и надолго оставило по себѣ глубокій слѣдъ. Екатерина II дала Даніи ту знаменитую гарантію на владѣніе Шлезвигъ-Гольштейномъ, о которую разбились всѣ стремленія нѣмецкихъ патріотовъ 1848 года; она подала Австріи первыя надежды на обладаніе Венеціей, съ покоренія которой вражда между Австріею и Италіею становится непримиримою; она же употребляла всѣ средства, чтобы сдѣлать Баварію австрійскою провинціею.

Для яснаго представленія международныхъ сношеній Россіи въ XVIII вѣкѣ, для правильной оцѣнки дѣятельности въ этомъ отношеніи какъ Петра I, такъ и Екатерины II, необходимо помнить, что та Россія, которую принялъ первый императоръ, и та, которую оставила по себѣ послѣдняя императрица—двѣ величины совершенно разныя. Географическое положеніе Россіи въ концѣ XVII столѣтія имѣло жалкій видъ: по Ладожскому озеру и по Невѣ плавали шведскія галеры; западная граница тянулась по восточнымъ окраинамъ Балтійскихъ провинцій, которыя принадлежали Швеціи; Псковская и Смоленская губерніи граничили съ владѣніями Польши: далѣе пограничная линія направлялась по Деснѣ къ югу, близъ Кіева, по Днѣпру, и отъ Переволочны шла къ сѣверу «украинская линія» до Донца, а къ югу была уже турецкая граница, за которой кочевали ногайскіе татары. На Востокѣ рядъ засѣкъ и сторожевыхъ постовъ не защищали отъ набѣговъ киргизъ, и рѣдкому каравану удавалось пройти въ Уфимское укрѣпленіе безъ стычки съ башкирами. Открытый выходъ къ морю

былъ только на сѣверѣ, у Архангелогородскаго порта, свободнаго отъ льда не болѣе трехъ мѣсяцевъ въ году. Въ концѣ XVIII столѣтія географическій видъ Европейской Россіи былъ, въ главныхъ чертахъ, тотъ же, что и въ настоящее время: доступы къ Балтійскому и Черному морямъ открыты, нѣтъ и помину ни о шведахъ, ни о татарахъ-данникахъ Порты; нѣтъ вовсе ни литовскаго княжества, ни польскаго королевства и западная граница примыкаетъ къ Пруссіи и Австріи.

Трудами Петра и Екатерины измѣнился, до неузнаваемости, и внутренній бытъ. Ихъ труды, однако, и по характеру, и по задачамъ, отличаются другъ отъ друга, хотя они преслѣдовали одну цѣль.

Тонкая и обширная наблюдательность Екатерины II, вмѣстѣ съ ея крѣпкой и дѣятельной волей, выражавшейся въ рѣшительной энергіи и въ самоувѣренномъ мужествѣ, рисуютъ предъ нами практическаго дѣятеля, значительно возвышающагося надъ окружающей средой и способнаго поработить робкихъ, привязать смѣлыхъ, увлечь всѣхъ. Въ этомъ отношеніи Екатерина II напоминаетъ Петра I; разница только во времени и мѣстѣ дѣйствія—актеры, по способности, схожи, но сцена иная. Съ тѣхъ поръ, какъ славный Ордынъ-Нащокинъ совѣтовалъ подражать Западной Европѣ, а патріархъ Никонъ «испроказилъ» древнее благочестіе новшествами, прошло цѣлое столѣтіе, полное коренныхъ преобразованій и повернувшее русскую жизнь съ Востока на Западъ. При появленіи Петра, къ «новому» только стремились; при появленіи Екатерины—съ нимъ уже сжились, къ нему привыкли. Разложеніе общественныхъ нравовъ, столь естественно проявившееся въ переходную эпоху Петра и такъ ярко обрисованное въ проповѣдяхъ Стефана Яворскаго, въ твореніяхъ Ѳеофана Прокоповича, въ трудахъ Дмитрія Ростовскаго, если и не улеглось еще, не исчезло въ эпоху Екатерины, то значительно видоизмѣнилось, приняло другую окраску, ту, которая отмѣчена въ трудахъ князя Щербатова, въ запискахъ князя Ша-

ховского, въ письмахъ Болотова. Этотъ переворотъ произошелъ не вдругъ, совершался медленно, для современниковъ былъ во многомъ почти незамѣтенъ, но сравните петровскихъ проповѣдниковъ съ екатерининскими мемуаристами, и происшедшая перемѣна бросится въ глаза. Этою происшедшею уже перемѣною обусловливалась и разница въ задачахъ и въ самой формѣ дѣятельности, проявленной Петромъ и Екатериною. Петръ, явившійся въ началѣ преобразовательнаго движенія, долженъ былъ браться за все, торопиться, не имѣя времени не только обдумать общій планъ, но даже согласовать подробности. Онъ учреждаетъ сенатъ и забываетъ дать ему наказъ; назначаетъ сенаторовъ «вмѣсто его императорскаго величества персоны» и вводитъ въ ихъ число лицъ совершенно безграмотныхъ. Какимъ-то случайнымъ характеромъ отмѣчены важнѣйшія его реформы: по слову философа Лейбница уничтожены приказы и созданы коллегіи; по письму митрополита Стефана патріаршество замѣнено синодомъ. Законодательная дѣятельность Петра еще рѣзче указываетъ характеръ его преобразовательной дѣятельности: здѣсь вовсе не видно никакой системы, все случайно—издаются не общія юридическія положенія, для всѣхъ обязательныя, а административныя распоряженія по даннымъ частнымъ случаямъ. Дѣла было такъ много и дѣло было такое разнообразное, что нѣкогда было думать о системѣ, о строѣ, о планѣ. Екатерина, явившаяся если не при окончаніи этого преобразовательнаго теченія, то, во всякомъ случаѣ, когда жизнь уже значительно улеглась въ новыхъ формахъ, когда новый кафтанъ уже нѣсколько обносился, къ нему уже попривыкли, могла оглядѣться, одуматься прежде, чѣмъ начать дѣйствовать. Во всей ея преобразовательной дѣятельности видна выработанная система, обдуманный планъ, заранѣе намѣченная задача. Она не бросается изъ стороны въ сторону, не торопится, и если созидаетъ новыя учрежденія, то для всей имперіи, если издаетъ законы, то обязательные для всего населенія.

И во внѣшней политикѣ, какъ во внутренней, Екатерина II являлась реформаторомъ. Она не дѣлала выбора между Австріею и Пруссіею, какъ поступали до нея, а ладила и съ Австріею, и съ Пруссіею. Въ политическихъ вопросахъ она проявляла прозорливость, удивлявшую присяжныхъ дипломатовъ. Еще въ Херсонѣ, при личномъ свиданіи съ императоромъ Іосифомъ II, она обращала его вниманіе на положеніе дѣлъ въ Нидерландахъ. Едва услышавъ о террорѣ во Франціи, императрица говоритъ, и не разъ, что Франція, какъ нѣкогда Галлія, дождется своего Цезаря [1]): «Гдѣ же Цезарь? О, онъ придетъ, не сомнѣвайтесь: онъ явится».

Цезарь не замедлилъ явиться. Екатерина II была еще жива, когда, въ 1795 году, по улицамъ Парижа шатался отставной артиллерійскій лейтенантъ, готовый вступить въ турецкую или русскую службу, лишь бы обезпечить себѣ кусокъ хлѣба. Вскорѣ вся Германія почувствовала на себѣ корсиканскую руку этого офицера, ставшаго Наполеономъ I. Два раза императоръ Александръ I защищалъ, съ оружіемъ въ рукахъ, германскія земли отъ французскихъ притязаній, и оба раза неуспѣшно: русско-прусскій союзъ окончился пораженіемъ подъ Іеной и порабощеніемъ всей Пруссіи; русско-австрійскій—привелъ къ Аустерлицу и къ потерѣ Австріею нѣкоторыхъ изъ ея провинцій. Несмотря на всѣ свои усилія, Александру I не удалось примирить Австрію и Пруссію даже въ виду общей грозившей имъ опасности. Онѣ предпочитали, казалось, иго Наполеона взаимной дружбѣ. Въ откровенномъ разговорѣ съ графомъ Разумовскимъ, русскимъ посломъ въ Вѣнѣ, графъ Стадіонъ, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, сказалъ ему, между прочимъ: «Послушайте, хотите, я вамъ скажу, что здѣсь думаютъ—думаютъ, что вы ведете войну для Пруссіи».

---

[1]) Сборникъ Русск. Истор. общ., XXIII, 503, 506, 555; ***Marcard***, Zimmermann's Verhältnisse mit der Kayserin Catharina II, 394; ***Смирдинъ***, Собр. соч. ..терины II, III, 480.

Этотъ разговоръ происходилъ въ февралѣ 1807 года; въ апрѣлѣ была заключена русско-прусская союзная конвенція, а въ іюлѣ—близъ Тильзита, на рѣкѣ Нѣманѣ, на небольшомъ паромѣ, обнялись оба императора и Александръ I дружественно пожалъ руку Наполеону I. Французскій императоръ увѣрялъ при этомъ русскаго, что политическія отношенія Франціи къ Россіи, вытекающія изъ отношеній торговыхъ и географическихъ, заставляютъ обѣ державы быть не только въ союзѣ, но въ дружбѣ; Наполеонъ говорилъ Александру, что, даже въ случаѣ войны, ни Франція, ни Россія не могутъ нигдѣ встрѣтиться, чтобъ сразиться; Наполеонъ предлагалъ Александру подѣлить между собою всю Европу, образовавъ два государства—западное, съ Египтомъ и Сиріею, для Франціи, и восточное, съ Константинополемъ и Балканами, для Россіи [1]). Тутъ же, въ Тильзитѣ, Наполеонъ рѣшилъ свой походъ въ Россію, убѣдившись, что русскаго императора такія перспективы нисколько не соблазняютъ.

Въ «Собраніи трактатовъ и конвенцій» издано, какъ мы упоминали, много новыхъ актовъ; въ «историческихъ введеніяхъ» сообщено много новыхъ извѣстій, заимствованныхъ профессоромъ Мартенсомъ изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Для примѣра приведемъ нѣкоторыя подробности, проливающія новый свѣтъ на русско-австрійскія отношенія передъ Отечественной войной 1812 года.

Предстоявшая война Наполеона I противъ Россіи ни для кого не составляла тайны, и менѣе всего обманывалась на этотъ счетъ русская дипломатія. Уже въ 1810 году графу Шувалову, русскому послу въ Вѣнѣ, было поручено войти въ соглашеніе съ вѣнскимъ дворомъ для заключенія союза Россіи съ Австріею. Графъ Меттернихъ увѣрялъ графа Шувалова о расположенности Франца I къ Россіи, но отвергалъ самую возможность союза до тѣхъ поръ, пока Россія не от-

[1]) Corresp. de Napoleon I, XV, № 12843, 12849, 12876; XVI, № 13358, XXXII, p. 260.

кажется отъ намѣренія присоединить къ своимъ владѣніямъ занятыя ея войсками Молдавію, Валахію и Бессарабію. Послѣ цѣлаго ряда конференцій, когда графъ Шуваловъ потребовалъ отъ графа Меттерниха категорическаго отвѣта, австрійскій министръ сказалъ: «Но кончайте же въ Турціи—вотъ что существенно». «Можете вы мнѣ обѣщать,—спросилъ графъ Шуваловъ,—что если турецкія дѣла окончатся къ общему удовольствію, то соглашеніе между нами состоится?» «Въ этомъ я могу васъ увѣрить,—отвѣтилъ графъ Меттернихъ,—но когда это случится, мы, быть можетъ, будемъ разнаго мнѣнія насчетъ слова *соглашаться*». «По крайней мѣрѣ,—возразилъ графъ Шуваловъ,—хоть бы знать, чего собственно вы желаете!» Графъ Меттернихъ смутился, но скоро же оправился и сказалъ опять то же, чѣмъ началъ: «Кончайте въ Турціи—и тогда мы поговоримъ иначе». Вслѣдъ за этимъ графъ Шуваловъ покинулъ Вѣну; его постъ занялъ графъ Штакельбергъ. Новому послу было поручено хлопотать о союзной помощи Австріи или, по крайней мѣрѣ, о ея нейтралитетѣ во время предстоявшей войны Россіи съ Франціею. Вѣнское правительство увѣряло въ своей дружбѣ, признавало войну между Франціею и Россіею немыслимою, но не давало отвѣта на вопросы. Въ февралѣ 1811 г. императоръ Александръ прислалъ Францу I особое письмо, въ которомъ даже не просилъ о союзной помощи, а желалъ только знать рѣшеніе вѣнскаго двора въ случаѣ войны, при чемъ Александръ предлагалъ Францу всѣ свои завоеванія въ Турціи—Молдавію, Валахію и даже Сербію. Графъ Штакельбергъ не могъ добиться отвѣта, пока, наконецъ, въ апрѣлѣ 1812 года графъ Меттернихъ не сообщилъ русскому послу, что 14-го марта подписана союзная конвенція между Австріею и Франціею. Это извѣстіе произвело въ Петербургѣ удручающее впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что баронъ Лебцельтернъ, австрійскій уполномоченный въ Петербургѣ, категорически увѣрялъ въ мартѣ же, что «до сихъ поръ нѣтъ никакого согла-

шенія, никакого формальнаго союза между Австріею и Франціею», что вѣнскій дворъ желаетъ остаться нейтральнымъ.

Сообщая графу Штакельбергу мартовскую конвенцію. графъ Меттернихъ удивилъ русскаго посла заявленіемъ, что только крайняя необходимость могла заставить вѣнскій дворъ заключить союзъ съ Франціею, при чемъ увѣрялъ, что австрійскія союзныя войска будутъ дѣйствовать только со стороны Буковины и что Австрія никогда не выставитъ болѣе 30.000 человѣкъ. «Но какую гарантію,—спросилъ графъ Штакельбергъ,—вы дадите намъ въ томъ, что эти обѣщанія дѣйствительно будутъ исполнены?» Австрійскій министръ отвѣчалъ: «Эти гарантіи заключаются въ собственныхъ интересахъ австрійской монархіи, если не въ добросовѣстности государя. именемъ котораго я теперь говорю». И вскорѣ было заключено тайное соглашеніе между Россіею и Австріею, закрѣпленное честнымъ словомъ обоихъ императоровъ.

Лѣтомъ 1812 года Наполеонъ перешелъ границы Россіи, ведя за собою необозримое войско — тутъ нѣмцы и поляки, голландцы и швейцарцы, испанцы. итальянцы. Никогда еще Европа не видѣла такой громадной арміи, съ такою правильною организаціею: 420.000 дѣйствующей арміи, 80.000 для гарнизоновъ въ Германіи, 80.000 для защиты береговъ Франціи и Италіи. и все это во время испанской войны, въ которой участвовало до 200.000. Положеніе ближайшихъ къ Россіи германскихъ государствъ было жалкое. Австрія и Пруссія выставили цѣлые корпуса противъ Россіи: прусскій 20 тысячный корпусъ Йорка, бывшій подъ командой Макдональда. стоялъ близъ Риги и составлялъ лѣвое крыло; австрійскій 40-тысячный корпусъ Шварценберга стоялъ въ Польшѣ и составлялъ правое крыло.

После переправы французской арміи черезъ Нѣманъ, въ [illegible]ранилась глубокая тишина. Въ первое время [illegible]гда о походѣ французовъ внутрь Россіи; [illegible] даже императорскіе бюллетени не появ-

лялись по цѣлымъ недѣлямъ, мѣсяцамъ. Въ началѣ сентября пробѣжала по Европѣ вѣсть о пожарѣ Москвы—въ Берлинѣ и Вѣнѣ ее поняли въ томъ смыслѣ, что французы разрушили побѣжденную столицу Россіи. Затѣмъ, два мѣсяца—ни слуха, ни вѣсти. 2-го декабря Наполеонъ появился въ Дрезденѣ. одинъ, безъ полководцевъ, безъ войска, и спѣшилъ въ Парижъ; 7-го декабря Мюратъ достигъ русско-прусской границы съ военнымъ обозомъ въ 20.000 человѣкъ, на которыхъ обрушились всевозможныя земныя бѣдствія: оборванные, въ лохмотьяхъ, окоченѣвшіе отъ стужи, голодные плелись они впередъ, растянувшись на мили, безъ всякаго порядка, по дорогѣ, убѣленной снѣгомъ, покрытой трупами. ранеными. Совершился небывалый Божій судъ надъ страшною армадою, шедшею въ Россію съ намѣреніемъ сдѣлать русскаго царя капраломъ французской арміи!

Австрія и Пруссія растерялись отъ неожиданнаго финала драмы. Прусскій король не понималъ, съ какой собственно стороны грозитъ опасность; Меттернихъ полагалъ, что теперь именно выгодно помочь Франціи и тѣмъ заслужить благодарность Наполеона. Австрія и Пруссія клялись въ преданности Франціи, но было уже поздно: 30-го декабря 1812 г. Йоркъ собственною властью подписалъ въ Таурогенѣ конвенцію, въ которой объявилъ свой корпусъ нейтральнымъ; Меттернихъ пришелъ въ ужасъ отъ «своевольнаго» поступка Йорка, но вскорѣ узналъ, что и Шварценбергъ сдѣлалъ то же самое 18-го января 1813 года. Этими двумя нотами началась война за освобожденіе Германіи.

За громкими военными побѣдами, одержанными народнымъ воодушевленіемъ, наступило полное политическое пораженіе, олицетворенное тупою реакціею. За Лейпцигской bataille des géants, за взятіемъ Парижа, послѣдовали, одно вслѣдъ за другимъ, такія печальныя явленія, какъ Священный союзъ, конгрессы въ Троппау, Лайбахѣ, Веронѣ, съ ихъ нелѣпою système de stabilité; наконецъ явилось и «второе изданіе»

Священнаго союза, въ Мюнхенгрецѣ и Теплицѣ, 1835 года, когда Россія получила преобладающее значеніе на дѣла Германіи, а Пруссія и Австрія стали ея трабантами.

Нѣмецкій ученый Шлоссеръ, заканчивая свой трудъ о XVIII столѣтіи, бросаетъ взглядъ на время вѣнскаго конгресса и находитъ, что «то было время обмана и лжи, время наглой дерзости повелителей и бюрократическаго бездѣльничанья чиновниковъ, время конгрессовъ и протоколовъ, политическихъ преслѣдованій и заговоровъ, время надеждъ и разочарованій». Громовой, но справедливый приговоръ. Извѣстны постановленія вѣнскаго конгресса; извѣстно лицо, составлявшее душу конгресса, средоточіе послѣдовавшей реакціи, бывшее руководителемъ двухъ русскихъ императоровъ въ ихъ противодѣйствіи новымъ идеямъ.

Меттернихъ былъ ловкій, образованный, умный человѣкъ. Онъ былъ виртуозъ въ мелочахъ дипломатическаго искусства, увлекательный и неистощимый въ политическихъ комбинаціяхъ, всегда любезный и уступчивый, насколько то позволяли преслѣдуемыя имъ политическія цѣли. Но ему недоставало того высшаго проявленія политической прозорливости и государственнаго ума, который находитъ великую историческую точку зрѣнія для общаго хода событій, который открываетъ необыкновенныя средства при необыкновенныхъ положеніяхъ, который изъ-за дипломатическихъ мелочей видитъ государственное значеніе вопросовъ. Въ молодыхъ годахъ онъ заслужилъ похвалу, какъ cavalier galant; въ преклонныхъ лѣтахъ — титулъ Нестора европейской дипломатіи; но онъ никогда не былъ истиннымъ государственнымъ человѣкомъ, т.-е. творцомъ и руководителемъ національныхъ интересовъ; онъ былъ, по мѣткому выраженію русскаго посла, «полицейской крысой». Онъ потратилъ свою жизнь на защиту принциповъ, уже отжившихъ, и умеръ всѣми оставленный и міромъ позабытый, представляя собою прообразъ судьбы того принципа реставраціи, которому онъ служилъ, и той реакціи,

служить которой онъ заставлялъ другихъ. Одинъ ораторъ во франкфуртскомъ сеймѣ былъ правъ, когда, въ 1848 году, сказалъ въ своей рѣчи: «Весь позоръ послѣднихъ десятилѣтій выражается въ одномъ словѣ—Меттернихъ».

Новыя идеи, которыхъ не понималъ Меттернихъ, заключались въ политической свободѣ и національномъ единеніи. Уже въ XVIII столѣтіи государственный строй Австріи и Пруссіи, основанный на исключительномъ руководствѣ сверху и слѣпомъ повиновеніи снизу, оказался никуда негоднымъ. Послѣ большой французской революціи во всѣхъ германскихъ государствахъ, не только сосѣднихъ съ Россіею, проявилось патріотическое сознаніе, что государство есть нѣчто иное, чѣмъ учрежденіе для сбора налоговъ и вербовки солдатъ, что благосостояніе отдѣльнаго лица разрушается съ уничтоженіемъ національной чести. Это сознаніе впервые проявилось и выразило свою силу въ войнѣ за освобожденіе Германіи, когда къ тяжести меча присоединилась сила общественнаго мнѣнія и къ управленію государства примкнуло воодушевленіе свободнаго народа. Эти новыя идеи, приведшія уже къ блистательнымъ результатамъ, погибнутъ ли отъ противодѣйствія Меттерниха?

Когда появляется новая идея, полная истины, она овладѣваетъ умами и рано или поздно, но побѣда всегда на ея сторонѣ. Ея первые поборники страдаютъ и нерѣдко жертвуютъ жизнью; но мало-по-малу страсти утихаютъ, интересы измѣняются и идея побѣждаетъ даже своихъ враговъ. Во время этой-то революціи въ умахъ настаетъ моментъ, когда наступательная сила новой истины уравнивается съ оборонительною силою старой лжи, готовая назавтра торжествовать свою побѣду. Въ политической исторіи государствъ это моментъ, дающій названіе «великихъ» тѣмъ, которые сумѣли имъ воспользоваться. Ни Меттернихъ, ни его ученики и послѣдователи не стяжали, конечно, наименованія «великихъ», но и не могли остановить осуществленіе новыхъ идей, ко-

торыя мало-по-малу дѣлали и продолжаютъ дѣлать свои завоеванія. Самымъ краснорѣчивымъ и безспорнымъ фактомъ торжества новыхъ идей служатъ такія историческія явленія, какъ освобожденіе Греціи, объединеніе Италіи, образованіе германской имперіи.

Мы не коснемся подробностей международныхъ сношеній Россіи съ Австріею и Пруссіею отъ вѣнскаго конгресса до парижскаго мира. Они отмѣчены тѣми печальными явленіями, о которыхъ мы упоминали, которыя не дѣлаютъ чести ни одной изъ трехъ державъ и которыя дали германскимъ патріотамъ право видѣть въ Россіи злѣйшаго врага германскаго народа, хотя, конечно, такими врагами являлись, прежде всего, сами же правительства Австріи и Пруссіи. Въ «Собраніи трактатовъ и конвенцій» проф. Мартенсомъ приведены тысячи документовъ [1]), подтверждающихъ тотъ фактъ, что не Россія была врагомъ Германіи, а Австрія и Пруссія. Во второй половинѣ XIX столѣтія, когда подготовлялось рѣшеніе вопроса объ объединеніи Германіи, международныя сношенія Россіи съ Австріею и Пруссіею отличались тѣмъ дипломатическимъ тактомъ, который свидѣтельствовалъ, что Россія вполнѣ сознавала силу и значеніе новыхъ идей. Образованіе германской имперіи, сильной своимъ единствомъ, не встрѣтило въ Россіи ни сопротивленія, ни сожалѣнія, вопреки проповѣди близорукихъ патріотовъ, усматривавшихъ въ усиленіи Германіи неминуемое ослабленіе Россіи, какъ будто сила государства заключается не въ немъ самомъ, а за предѣлами его территоріи.

Послѣ 1848 г., когда негодность франкфуртскаго сейма стала уже очевидною, всѣ сознавали, что во главѣ единой Германіи должна быть поставлена сильная германская держава. Такихъ было двѣ—Австрія и Пруссія: онѣ долго и много спорили за первенство, и эти споры составляли несчастіе Германіи. Невозможно было и сомнѣваться, на чьей сто-

[1]) Особенно любопытна въ этомъ отношеніи 1-я часть 4-го тома и восьмой томъ.

ронѣ окажется перевѣсъ: въ то время, какъ Австрія культивировала іезуитизмъ въ религіи и макіавелизмъ въ политикѣ, Пруссія преклонялась предъ Лютеромъ, Кантомъ, Лессингомъ, Гете, Гейне; въ Австріи—гнетъ славянъ и итальянцевъ, въ Пруссіи—свободный ростъ народныхъ силъ, ожиданіе новаго Штейна для крещенія огнемъ и мечомъ новой народившейся силы. Новый Штейнъ явился. Обладая обширнымъ государственнымъ умомъ, способнымъ обнять самую сложную политическую комбинацію, и рѣшительною волею, не останавливающеюся ни предъ какими затрудненіями, Бисмаркъ рѣшился привести въ исполненіе грандіозный планъ объединенія Германіи подъ главенствомъ Пруссіи. Въ то время, какъ шелъ академическій споръ о путяхъ къ единству—durch Einheit zur Freiheit или durch Freiheit zur Einheit—практическій Бисмаркъ говорилъ въ своей рѣчи 1862 г.: «Германіи нужна не свободная Пруссія, а Пруссія сильная въ военномъ отношеніи. Пруссія должна увеличить свое войско, чтобъ воспользоваться первымъ же случаемъ, который представится. Наши крѣпости слишкомъ слабы для державы, желающей играть первенствующую роль. Знайте, и этого никто не долженъ забывать: великіе вопросы разрѣшаются не парламентскими преніями и голосованіемъ, но мечомъ и кровью».

По весьма понятнымъ причинамъ, проф. Мартенсъ доводитъ свои изысканія въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ только до половины нынѣшняго столѣтія, и потому внутренняя, интимная сторона международныхъ сношеній Россіи съ Австріею и Пруссіею остается еще сокрытою. Но, судя по внѣшней сторонѣ, выразившейся въ государственныхъ актахъ, обмѣненныхъ между тремя державами, не подлежитъ сомнѣнію, что и въ наше время русская политика относительно германскихъ сосѣдей отличается тѣми же тремя особенностями—вѣрностью договорамъ, доброжелательностью къ Германіи и стремленіемъ поддерживать миръ.

ПРИСОЕДИНЕНІЕ КУРЛЯНДІИ.

ПРИСОЕДИНЕНІЕ КУРЛЯНДІИ.

Въ 1697 году Петръ Великій проѣхалъ по Курляндіи, былъ въ Митавѣ, въ Либавскомъ портѣ сѣлъ на корабль и уѣхалъ за море. Очаровала Петра Курляндія. Понялъ онъ, почему Швеція, Польша и Пруссія жадно взирали на прибалтійскій уголокъ. Омываемая моремъ на протяженіи болѣе 300 верстъ, обладающая такими природными гаванями, какъ Либава и Виндава, орошаемая судоходною Двиною, покрытая дубовымъ лѣсомъ, Курляндія естественно возбуждала въ Петрѣ Великомъ политическій аппетитъ, который онъ старался утолить то бракомъ племянницы съ курляндскимъ герцогомъ, то ссудою денегъ подъ залогъ герцогскихъ земель, и умеръ, бросивъ только мысль о важномъ значеніи Курляндіи для прочности Россіи на Балтійскомъ морѣ. Мысль Петра I поняла Екатерина II, и, сто лѣтъ спустя, за годъ до ея смерти, въ 1795 году, Курляндія была присоединена къ Россіи.

Еще до своего воцаренія, еще при Елисаветѣ Петровнѣ, Екатерина съ ужасомъ видѣла, какую политическую ошибку допустила ея названная тетка, согласившись признать принца Карла саксонскаго, сына польскаго короля, герцогомъ Курляндіи. Вотъ что писала по этому поводу великая княгиня Екатерина Алексѣевна въ 1758 году: «Во всякомъ дѣлѣ можно избрать только двѣ стороны — быть справедливымъ или несправедливымъ. Обыкновенно корысть склоняетъ къ несправедливости. Въ курляндскомъ дѣлѣ справедливость требовала возвратить дѣтямъ Бирона то, что принадлежитъ имъ по божескимъ и по естественнымъ законамъ; если же хотѣли

дѣйствовать корыстно, слѣдовало (что было бы несправедливо, сознаюсь) оставить Курляндію попрежнему безъ герцога и, освободивъ ее отъ власти Польши, присоединить къ Россіи. Повѣрятъ ли, что нашли третій способъ, сдѣлали совершенно безкорыстную несправедливость? Отдали Курляндію принцу Карлу саксонскому! Этимъ только усилили короля польскаго, который стремится уничтожить свободу польской республики. Неужели деспотическій сосѣдъ выгоднѣе для Россіи, чѣмъ счастливая польская анархія, которою мы распоряжаемся? Если ужъ быть несправедливымъ, то, по крайней мѣрѣ, ради собственной выгоды; въ курляндскомъ же дѣлѣ, чѣмъ болѣе я о немъ думаю, тѣмъ менѣе нахожу здраваго смысла» [1]).

Назначеніе принца Карла курляндскимъ герцогомъ вызвало неудовольствіе и въ польской республикѣ, и въ герцогствѣ Курляндскомъ.

Принцъ Карлъ, какъ католикъ, не имѣлъ права занимать герцогскій стулъ — по основнымъ законамъ Курляндіи, герцогъ долженъ быть протестантскаго, точнѣе, аугсбургскаго исповѣданія. Курляндское рыцарство избрало его, вслѣдствіе заявленія русскаго правительства, что, въ случаѣ избранія принца Карла, будутъ сложены съ герцогскихъ имѣній всѣ прежніе начеты. Задолженность Курляндіи, ея матеріальная зависимость отъ Россіи заставили многихъ высказаться за принца Карла, но далеко не всѣхъ, что̀ ясно обнаружилось при составленіи «договорныхъ статей», тѣхъ pacta conventa, которыми обусловливалось его избраніе. Этими договорными статьями курляндцы обязывали принца-католика не строить въ герцогствѣ ни костеловъ, ни каплицъ, не дозволять католическому духовенству публичныхъ процессій, наконецъ, воспитать наслѣдника въ аугсбургскомъ исповѣданіи. Избраніе принца Карла освобождало отъ секвестра государствен-

---

[1]) Сборникъ Русск. Истор. общ., VII, 91.

ныя имущества Курляндіи, но договорныя статьи воспрещали принцу распоряжаться этими имѣніями: онъ не могъ отдавать ихъ въ аренду по своему усмотрѣнію; ему воспрещалось покупать земли въ Курляндіи даже у частныхъ лицъ. Условія договора были крайне стѣснительны, тяжелы, почти невозможны; принцъ медлилъ подписывать подобныя условія, курляндцы отказывались присягать ему.

Усиленіе саксонской династіи вовсе не было въ интересахъ польскаго правительства. По конституціи Рѣчи Посполитой, польскій король и польское правительство представляли двѣ разныя величины, нерѣдко даже враждебныя. Что саксонскій курфирстъ, отецъ принца Карла, былъ въ то же время королемъ польскимъ—это была случайность, далеко не всѣми поляками признававшаяся счастливою. Польскій сенатъ высказался противъ избранія сына польскаго короля герцогомъ Курляндіи, и литовскій канцлеръ, князь Чарторыйскій, отказался приложить печать къ диплому принца Карла на герцогское достоинство, безъ чего этотъ дипломъ не имѣлъ законной силы.

Четыре года, съ 1758 по 1762 годъ, принцъ Карлъ числился, но не былъ полноправнымъ герцогомъ курляндскимъ.

Съ восшествіемъ на престолъ Петра III русская политика въ Курляндіи рѣзко измѣнилась. Русскій посланникъ въ Митавѣ, К. М. Симолинъ, которому при Елисаветѣ Петровнѣ предписывалось «поддерживать принца Карла саксонскаго и курляндское рыцарство къ его власти преклонять», получилъ теперь изъ Петербурга министерскій рескриптъ, въ которомъ буквально сказано: «Объявите митавскому правительству, земству и обще всѣмъ и каждому сообщите, что мы никогда допустить не можемъ, чтобы принцъ католической вѣры владѣлъ герцогскимъ титуломъ въ противность фундаментальныхъ земскихъ уставовъ» [1]).

[1]) Москов. Архивъ мин. ин. дѣлъ, Курлянд. дѣла 1762 г.

Что же мы «можемъ допустить»? Кому хотимъ предоставить герцогскій стулъ Курляндіи?

Приговоромъ 8-го апрѣля 1741 года, «бывшаго регента» Бирона постановлено было «казнить смертью, четвертовать и все его движимое и недвижимое имѣніе конфисковать» [1]). Регентъ Россійской имперіи былъ въ то же время герцогомъ Курляндіи; если бы казнили регента, исчезъ бы и герцогъ. Но приговоръ былъ смягченъ: регента сослали въ Сибирь, и Биронъ, въ Пелымѣ и Ярославлѣ, сохранялъ свои права герцога Курляндіи, которыхъ онъ лишенъ не былъ. Въ 1742 году Елисавета Петровна освободила Бирона изъ Сибири и дозволила ему жить въ Ярославлѣ; въ 1762 году Петръ III вызвалъ его въ Петербургъ, куда онъ явился, какъ герцогъ курляндскій. Бирона, однако, въ Митаву не пустили, а предложили ему уступить свои права на Курляндію принцу Георгу-Людвигу голштинскому, «Нашему возлюбленному Дядѣ». Предложеніе равнялось приказу, и Биронъ согласился промѣнять герцогскую корону, которой у него не было, на возвращеніе ему всѣхъ его частныхъ имѣній и сложеніе всѣхъ числившихся на немъ начетовъ. Такимъ образомъ, кандидатомъ русскаго правительства на герцогскій стулъ въ Курляндіи выставлялся принцъ Георгъ голштинскій.

Этого мало. Любимецъ императора, генералъ-адъютантъ Гудовичъ, долженъ былъ ѣхать въ Митаву, чтобы приготовить курляндцевъ къ принятію этого русскаго кандидата. Въ инструкціи Гудовичу предписывалось разъяснить курляндцамъ, что принцъ Карлъ, какъ католикъ, не можетъ быть герцогомъ курляндскимъ, тѣмъ болѣе, что «единственно законный» ихъ герцогъ Эрнстъ-Іоганнъ, т.-е. Биронъ, получилъ полную свободу и долженъ вступить въ свои права; наиболѣе «благонамѣреннымъ» курляндцамъ Гудовичъ могъ открыть, что Биронъ уступилъ свои права на Курляндію принцу Георгу.

---

[1]) Чтенія ист. и древ., 1862, I, 39.

При этомъ въ инструкціи было прибавлено: «Если усмотрите вы какое-либо между курляндцами со стороны польскаго двора и республики опасеніе, то можете всѣхъ и каждаго нашею и *короля прусскаго протекціею* сильно обнадеживать, а въ случаѣ надобности и формально сіе обнадеженіе дать; но за верхъ вашего искусства и всѣхъ услугъ постановили бъ мы, если бъ вы предуспѣли до того довести, чтобы княжества Курляндское и Семигальское, яко вольныя и отъ Польши только зависящія, а впрочемъ, ни защищенія, ни правосудія, ниже малѣйшей помощи никогда не имѣющія, отдали себя и съ своимъ герцогомъ въ нашу протекцію *подъ гарантіею его величества короля прусскаго*, а кондиціи могутъ себѣ выговорить, какія сами пожелаютъ» [1]).

Такимъ образомъ, освобождая Курляндію изъ-подъ зависимости отъ Польши, которая, по своей слабости, «ни защищенія, ни правосудія, ни помощи» оказывать не могла, Петръ III отдавалъ Курляндію подъ протекцію и гарантію Пруссіи, создавая Россіи въ будущемъ значительно болѣе серьезныя затрудненія, которыя легко опредѣляются: они были бы настолько же серьезнѣе, насколько созидающаяся Пруссія сильнѣе распадающейся Польши. Протестантъ, генералъ прусской службы, принцъ Георгъ голштинскій, какъ герцогъ Курляндіи, естественно тянулъ бы къ Пруссіи, не къ Россіи. Пруссія не Польша и Фридрихъ II не Августъ III: прусскій король сумѣлъ бы оказать герцогству «защищеніе, правосудіе и помощь» противъ притязаній Россіи. Опираясь на русско-прусскій союзный трактатъ 8-го іюня 1762 г. [2]),

---

[1]) Москов. Архивъ, Курлянд. дѣла, инструкц. 2-го мая 1762 г., № 16, л. 82.

[2]) П. С. З., № 11566. Здѣсь не напечатаны секретные пункты. Приводимъ секретный пунктъ, касающійся Курляндіи: «Понеже какъ его императорскому величеству Всероссійскому, такъ и его королевскому величеству Прусскому соблюденіе сосѣднихъ княжествъ Курляндскаго и Семигальскаго нужно, и чтобъ оныя всегда и во всякія времена при ихъ древней формѣ, уставѣ, вольностяхъ и привилегіяхъ по дѣламъ свѣтскимъ и религіи подъ

Пруссіи было бы весьма легко образовать въ Курляндіи центръ прусскихъ притязаній на всѣ Остзейскія провинціи, на Лифляндію и Эстляндію. Въ этомъ случаѣ Петръ III дѣйствовалъ во вредъ Россіи [1]).

ихъ собственнымъ герцогомъ, въ силу договоровъ подверженія коронѣ Польской и съ предоставленіемъ королевскаго и республики польской права, ненарушимы оставлены и содержимы были; такожъ чтобъ въ противность сему никакой перемѣны въ состояніи сихъ княжествъ и что сосѣднимъ державамъ въ предосужденіе быть могло бы, никогда предвоспріято не было: того ради обои императорское и королевское величества между собою чрезъ сіе обязались о такомъ соблюденіи помянутыхъ княжествъ обще стараться и оныя при ихъ издревле установленныхъ правахъ и вольностяхъ во всѣхъ случаяхъ защищать и содержать. А какъ его королевское высочество саксонскій принцъ Карлъ отрекся ратификовать заключенные съ чинами княжества Курляндскаго и Семигальскаго договоры, почему сихъ княжествъ старая форма, уставъ, вольности и привилегіи по дѣламъ свѣтскимъ и религіи надежности не имѣютъ, и по которому помянутаго его королевскаго величества отрицанію его свѣтлость Курляндскій герцогъ Эрнстъ-Іоганнъ прежнія свои права на означенныя княжества получилъ; но въ разсужденіи оказанныхъ его свѣтлости и всей его фамиліи великихъ отъ его императорскаго величества Всероссійскаго милостей, и изъ признанія за оныя, его свѣтлость за себя и своихъ потомковъ совершенно отрекся отъ всѣхъ на Курляндское и Семигальское герцогства правостей и совсѣмъ отъ оныхъ отказался въ пользу его высочества Голштейнъ-Готторскаго герцога Георгія-Людовика и его наслѣдниковъ, по избранію его высочества Курляндскими чинами въ ихъ герцоги: то его императорское величество Всероссійское, равно какъ и его королевское величество Прусское, по желанію своему, его императорскому величеству всероссійскому во всемъ по возможности снисхожденіе показывать согласились и обязались не только дѣйствительному избранію въ герцоги курляндскіе и семигальскіе помянутаго его высочества не препятствовать, но и еще всякимъ образомъ въ томъ способствовать, а особливо скорому и дѣйствительному доставленію отъ республики Польской инвеституры на оное избраніе его высочества обще и всѣми силами поспѣшествовать. Сверхъ же того его императорское величество объявляетъ, что немедленно учинитъ распоряженіе, чтобъ помянутый герцогъ Эрнстъ-Іоганнъ обратно получить могъ во владѣніе свое купленное имъ напредь сего гершафство Вартенбергъ». Московъ. Архивъ, Курл. дѣла 1762 г., № 32, л. 5; *Мартенсъ*, V, 403.

[1]) Спеціально изслѣдовавъ «Вопросъ о Курляндскомъ герцогствѣ при Петрѣ III», авторъ пришелъ къ слѣдующему заключенію: «Политика наша по курляндскому вопросу въ кратковременное царствованіе Петра III должна была привести или къ нравственному подчиненію Прибалтійскаго края Пруссіи, или къ образованію изъ него отдѣльнаго нѣмецкаго владѣнія». *Щебаль-*

По счастью, союза и обороны трактатъ, подписанный 8-го іюня графомъ Воронцовымъ и барономъ Гольцемъ, не былъ ратификованъ за низложеніемъ Петра III. Тотчасъ по воцареніи, Екатерина приказала коллегіи иностранныхъ дѣлъ «ратификацію не размѣнивать» [1]). На пятый же день послѣ восшествія Екатерины на престолъ, 2-го іюля, коллегія докладывала императрицѣ: «Въ Митавѣ министру Симолину велѣно на всѣ герцогскіе доходы положить арестъ, всѣмъ принца Карла учрежденіямъ супротивляться и курляндцевъ противъ него раздражать и склонять въ пользу принца Георга, которому уступилъ Биронъ всѣ свои правости формальнымъ отрицаніемъ, получая за то себѣ въ замѣну обнадеживанія о другихъ выгодахъ. По сему указу учинены уже въ Курляндіи Симолинымъ первыя попытки и дѣла приведены въ немалое смущеніе подъ предлогомъ возстановленія Бирона, котораго имя по сю пору одно употребляется. Испрашивается резолюція—какъ поступать далѣе?» Екатерина положила такую резолюцію: «Симолину отступить отъ прежнихъ инструкцій и подъ рукою фаворизировать болѣе партію Бирона, нежели другихъ [2]).

Смущеніе «немалое» готово обратиться въ довольно большое: въ теченіе полугода, русскій представитель въ Митавѣ «фаворизировалъ» сперва принца Карла саксонскаго, потомъ принца Георга голштинскаго и теперь герцога Бирона курляндскаго. Роль для русскаго дипломата не новая, но крайне незавидная, и можно только удивляться, что Симолинъ на-

---

скій, Русск. Архивъ, 1866, 304. Такой результатъ курляндской политики Петра III авторъ статьи «Курляндія подъ управленіемъ Екатерины Великой» признаетъ «несомнѣннымъ» и прибавляетъ: «Мудрости и постоянству Екатерины, умѣвшей отклонить алчные взоры Фридриха II на польскія земли, мы обязаны тѣмъ, что во-время предупредили Пруссію и, съ присоединеніемъ Курляндіи, пріобрѣли на Балтійскомъ морѣ тотъ перевѣсъ, который это маленькое герцогство должно было дать тому изъ двухъ могучихъ своихъ сосѣдей, который прежде въ немъ утвердится». *А. Мосоловъ*, въ «Русск. Вѣстн.», LXXXVII, 39.

[1]) Сборникъ, XLVIII, 8. [2]) Ibid., 9.

ходилъ еще въ Митавѣ людей, которые его слушали. Очевидно, политико-государственныя мнѣнія курляндцевъ не отличались особенною устойчивостью, и Симолинъ, ратовавшій прежде въ пользу саксонскаго и голштинскаго принцевъ, безъ труда провозглашалъ теперь права герцога Бирона.

Въ 1737 году Биронъ былъ избранъ и утвержденъ герцогомъ курляндскимъ подъ именемъ Эрнста-Іоганна: онъ получилъ королевскій дипломъ отъ своего сюзерена, польскаго короля; назначенные Польскою Республикою комиссары согласились съ нимъ относительно феодальныхъ условій; онъ получилъ обычную инвеституру, дипломъ на которую снабженъ обѣими печатями—польскою и литовскою. Когда Биронъ, какъ регентъ Россійской имперіи, былъ сосланъ въ Пелымъ, потомъ жилъ въ Ярославлѣ, польскій дворъ не разъ домогался, чтобы онъ былъ возвращенъ, признавая въ немъ герцога курляндскаго [1]) и заявляя, что онъ былъ обвиненъ, какъ состоявшій на службѣ Россіи, не какъ владѣтель польскаго лена. На ходатайства Курляндіи и Польши о возвращеніи Бирона изъ ссылки, Елисавета Петровна «формально объявить повелѣла, что для важныхъ государственныхъ причинъ, герцога Бирона и его фамилію никогда изъ Россіи выпустить не можно» [2]). Титулуя Бирона «герцогомъ», русское правительство какъ бы признавало, что онъ и въ ссылкѣ сохранялъ свои права на герцогство Курляндію, но, живя въ Ярославлѣ, не могъ ими пользоваться [3]). Въ такомъ положеніи оставался вопросъ до 1758 года, когда и самъ русскій

[1]) Такъ, между прочимъ, въ опредѣленіи сенатусъ-консиліума, въ 1750 г., сказано: «Его королевское величество, принявъ въ уваженіе сенаторскія прошенія, а притомъ и по своему доброжелательству къ пресвѣтлѣйшему принцу Эрнсту курляндскому и семигальскому князю, имѣетъ представить россійскому двору, чтобъ дана ему была свобода». Сборникъ, XLVIII, 430. Курляндскіе чины посылали даже въ Петербургъ, въ 1754 г., своего депутата фонъ-Гейкинга съ тою же просьбою. *Cruse*, Curland unter den Herzögen, II, 27. *Richter*, V, 147.

[2]) Сборникъ, XLVIII, 167.

[3]) *Richter*, Deutsche Ostseeprovinzen, V, 140.

дворъ рекомендовалъ на мѣсто Бирона принца Карла саксонскаго и торжественнымъ актомъ призналъ Карла герцогомъ курляндскимъ [1]). Карлъ не сошелся съ курляндцами; тѣмъ не менѣе, Карлъ жилъ въ Митавѣ, въ герцогскомъ замкѣ, и, по мѣткому выраженію Панина, его предстоитъ еще «выбить изъ Митавы», прежде чѣмъ «утвердить» тамъ Бирона.

Не признавали курляндцы Карла своимъ герцогомъ, не могла его признать и Екатерина. Ей онъ совсѣмъ не ко двору—сынъ польскаго короля на курляндскомъ тронѣ можетъ только создать ей затрудненія и относительно Польши, и относительно Курляндіи. «Должно, конечно, признать за неоспоримую истину,—сказано въ докладѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ,—что гораздо сходнѣе съ здѣшними интересами имѣть въ столь близкомъ съ Россіею сосѣдствѣ герцога, ни собственною особою его весьма знатнаго, ни свойствомъ къ великимъ дворамъ привязаннаго, но по состоянію своему зависящаго наипаче отъ здѣшней стороны» [2]). Такимъ именно и былъ Биронъ.

Екатерина вступила на престолъ 28-го іюня 1762 года, и, шесть дней спустя, отъ 4-го іюля, былъ уже посланъ въ Митаву полномочному министру Симолину слѣдующій рескриптъ: «По вступленіи нашемъ на всероссійскій императорскій престолъ, за благо разсудили мы всѣ посланные къ вамъ во время минувшаго правленія указы о наложеніи на герцогскіе доходы ареста, о сопротивленіи предпринимаемымъ принцемъ Карломъ учрежденіямъ, о раздраженіи противъ его курляндцевъ и о склоненіи ихъ въ пользу принца Георга чрезъ сіе отмѣнить, и потому повелѣваемъ вамъ отступить отъ прежнихъ вамъ данныхъ наставленій; а между тѣмъ, надлежитъ вамъ подъ рукою фаворизировать болѣе партію Биронову, нежели другихъ» [3]).

---

[1]) Мнѣніе коллегіи иностр. дѣлъ по этому «завязчивому» дѣлу. Сборникъ, XLVIII, 167.

[2]) Сборникъ, XLVIII, 166.

[3]) Ibid., 13.

Только еще «подъ рукою»; а черезъ двѣ недѣли, отъ 22-го іюля, Екатерина шлетъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ собственноручную записку: «Дать знать господину Симолину, дабы онъ отъ часу сильнѣе подкрѣплялъ партію герцога Бирона по причинѣ справедливости его правъ». На другой же день, 23-го іюля, въ этомъ смыслѣ былъ посланъ рескриптъ Симолину. Черезъ два дня, 26-го іюля, новый рескриптъ ему же: «Повелѣваемъ вамъ вновь партію помянутаго герцога Бирона у шляхетства сильнѣйше подкрѣплять, давая знать, что онъ, для полученія правостей своихъ, и самъ въ скоромъ времени въ Митаву пріѣдетъ». Черезъ день, 28-го іюля, по поводу намѣренія принца Карла пріѣхать въ Петербургъ, предписывается Симолину «всячески стараться отвращать его отъ поѣздки сюда, а буде онъ въ своемъ намѣреніи неотмѣнно пребывать станетъ и присовѣтованія ваши не возъимѣютъ никакого дѣйствія, въ такомъ случаѣ можете вы не обинуясь ему объявить, что какъ мы положили уже намѣреніе герцога Эрнста-Іоганна въ справедливыхъ его требованіяхъ на Курляндію подкрѣплять, то, конечно, пріѣздъ его, принца Карла, сюда причинитъ намъ нѣкоторыя неудовольствія» [1]).

Въ первый же мѣсяцъ по воцареніи, когда рядъ важныхъ государственныхъ вопросовъ по внутренней и внѣшней политикѣ поглощалъ все вниманіе Екатерины, она изо дня въ день занимается курляндскимъ вопросомъ и въ Митавѣ, и въ Петербургѣ: въ Митаву шлетъ рескрипты Симолину для руководства и исполненія, въ Петербургѣ ведетъ переговоры съ Бирономъ.

Четыре года назадъ, въ 1758 году, Екатерина находила, что «въ курляндскомъ дѣлѣ справедливость требовала возвратить дѣтямъ Бирона то, что принадлежитъ имъ по божескимъ и естественнымъ законамъ»; теперь эта «справедливость» перенесена ею съ дѣтей на отца. Отецъ, правда,

---

¹) Сборникъ, XLVIII, 32, 34, 35.

отрекся за себя и за своихъ дѣтей отъ курляндскихъ правъ; но то было при Петрѣ III, а при Екатеринѣ II онъ отрекся отъ своего отреченія. Какъ тогда, такъ и теперь Биронъ соглашался на все, что ему приказывали: въ его положеніи, для него лично, отреченіе отъ своихъ правъ равнялось признанію ихъ— то и другое получало извѣстное значеніе лишь въ силу русской политики. Какъ отреченіе было продиктовано Петромъ III, такъ и признаніе было составлено Екатериною II.

4-го августа 1762 года императрица выдала Бирону «жалованной и уступной актъ» слѣдующаго содержанія:

«По истинному праводушію и по особливой къ его свѣтлости герцогу Эрнсту-Іоганну императорской милости Нашей, Мы намѣрены и готовы самимъ дѣломъ способствовать возстановленію его во владѣніе взятыхъ у него герцогствъ курляндскаго и семигальскаго и вслѣдствіе того, снявъ нынѣ секвестръ со всѣхъ находящихся въ нашемъ управленіи аллодіальныхъ его маетностей, возвращаемъ оныя въ полное его свѣтлости и фамиліи его владѣніе, а какъ оной герцогъ Эрнстъ - Іоганнъ пріемля съ признаніемъ такую къ нему милость и доброжелательство Наше, торжественнѣйше съ своей стороны отрицаетъ за себя и наслѣдниковъ своихъ отъ всѣхъ чинимыхъ нѣкогда на Россійскую Имперію претензій, какого бы онѣ званія ни были, то и Мы, напротивъ того, за себя и преемниковъ своихъ всѣ тѣ притязанія, кои бы на упомянутаго герцога Эрнста-Іоганна съ наслѣдниками, какъ въ разсужденіи пожалованной ему отъ ея величества императрицы Анны Іоанновны блаженныя памяти, такъ и выкупленныхъ имъ самимъ маетностей чинены быть могли, чрезъ сіе уступаемъ, жалуя оными его свѣтлость герцога Эрнста-Іоганна съ наслѣдниками его и обнадеживая его притомъ, что онъ въ покровительствѣ Нашемъ непремѣнно содержанъ будетъ».

Въ тотъ же день, 4-го августа, Биронъ подписалъ особый актъ, которымъ обязался:

а) «дозволить свободное и безпрепятственное отправленіе

греко-россійской вѣры въ Митавѣ и защищать имѣющіеся въ княжествахъ греческіе монастыри, церкви и духовенство;

б) «россійскимъ купцамъ ни малаго затрудненія не чинить, ниже какихъ пошлинъ брать, но оказывать всякую благосклонность и вспоможеніе;

в) «россійскую почту, которая напредь сего изъ Риги черезъ Митаву въ Мемель ходила, установить попрежнему;

г) «никакого участія ни прямымъ, ни постороннимъ образомъ съ непріятелями Россійской Имперіи не принимать, хлѣбъ и прочія произращенія въ тѣ гавани и мѣста, кои съ Россійскою Имперіею не въ дружбѣ, не вывозить: россійскіе магазейны, заводимые по востребованію обстоятельствъ, дозволить;

д) «россійскимъ войскамъ проходъ имѣть свободной и безпрепятственной; если нужда востребуетъ, россійскимъ войскамъ давать квартиры;

е) «россійскимъ галерамъ и прочимъ судамъ въ курляндскія гавани свободно и безпрепятственно входить и все имъ необходимое давать, и

ж) «розданныя въ княжествахъ аренды сохранить и оказывать уваженіе къ тѣмъ, которые отъ россійскаго двора къ полученію арендъ и впредь рекомендованы будутъ» [1]).

До времени Екатерина удовольствовалась этими выгодами и имѣла, конечно, формальное право писать одному изъ своихъ ближайшихъ совѣтниковъ по курляндскимъ дѣламъ [2]), графу Кейзерлингу: «Мои намѣренія весьма далеки

---

[1]) Москов. Архивъ, Курляндскія дѣла 1762 г., №№ 1-й и 2-й. Сборникъ, XLVIII, 52 sqq. Бирономъ подписанъ нѣмецкій переводъ, а русскій подлинникъ утвержденъ Екатериною: «Быть по сему». Депеша Гольца, отъ 13-го августа, въ Берлинскомъ Архивѣ, XI, Russland, 64, A.

[2]) Депеша Прассе, отъ 10-го августа 1762 года, въ Дрезденск. Архивѣ, vol. VII, ad. № 66. Екатерина относилась съ большимъ уваженіемъ къ графу Кейзерлингу и высоко цѣнила его знанія и опытность, съ нимъ она была весьма откровенна и нерѣдко обращалась къ нему за совѣтомъ (*Соловьевъ*, XXV, 361; Сборникъ, XLVIII, 177). Въ курляндскомъ вопросѣ графъ Кейзерлингъ игралъ видную роль (Сборникъ, ibid., 123, 273, 280 и др.). Но Прассе ошибается, приписывая все Кейзерлингу. Въ возстановленіи Бирона прини-

отъ того, чтобы захватить Курляндію, и я вовсе не склонна къ завоеваніямъ. У меня довольно народовъ, которыхъ я обязана сдѣлать счастливыми, и этотъ маленькій уголокъ земли не прибавитъ ничего къ ихъ счастью, которое я поставила себѣ цѣлью. Но, взявшись за дѣло правое и потому славное, я буду поддерживать его со всею твердостью, какою Богъ

малъ большое участіе и графъ Бестужевъ-Рюминъ, нѣкогда привлеченный къ отвѣту вмѣстѣ съ Бирономъ (Чтенія, 1862, I, 78). Въ депешѣ графа Букингэма, отъ 5-го августа 1762 года, сказано: «The Duke of Curland told me the other day, in great confidence, that he had assurances both from the Empess and Bestucheff, that he should be reinstated in his Duchy» (Сборникъ, XII, 35). Бестужева, какъ главнаго сторонника Бирона, выставляетъ и Ярославцевъ. въ письмѣ отъ 27-го февраля 1763 года: «Какъ скоро графъ Бестужевъ-Рюминъ пріѣхалъ, такъ скоро дѣла на его сторону обратились и вскорѣ тому конецъ увидѣли» (Архивъ Св. Синода, Секретныя дѣла, № 119). Незадолго до коронаціи, 16-го сентября 1762 года, Екатерина утвердила мнѣніе по курляндскимъ дѣламъ, совмѣстно поданное гр. Бестужевымъ и гр. Кейзерлингомъ (Сборникъ, XLVIII, 123). Сохранилась записочка Екатерины отъ 12-го августа 1762 года: «Батюшка, Алексѣй Петровичъ! Дайте знать герцогу курляндскому, что сегодня я не могу его видѣть: у меня немного горло болитъ и насморкъ, и думаю не выходить, чтобы не болѣе простудиться» (Сборникъ, VII, 136). Подобныя отношенія свидѣтельствуютъ о близости Бирона къ Бестужеву. Именно отъ Бестужева Екатерина требуетъ увѣдомленія, «до коихъ поръ дѣла герцога курляндскаго пришли въ совершенство» (ibid., 138), изъ чего можно бы заключить, сверхъ того, что курляндское дѣло было поручено преимущественно гр. Бестужеву. Бирона и Бестужева связывала личная пріязнь. Въ письмѣ изъ ссылки, отъ 16-го іюня 1743 года, Биронъ пишетъ Бестужеву: «Я ваще сіятельство, а вы меня знаете» (Русскій Архивъ, 1867 г., 472). Въ Московскомъ Архивѣ минист. иностр. дѣлъ хранится письмо Бестужева къ Екатеринѣ, отъ 20-го августа 1762 г., въ которомъ онъ проситъ о «всемилостивѣйшемъ пожалованіи герцогинѣ ордена св. Екатерины для кредиту герцогу у короля и республики польской» (*Соловьевъ*, XXV, 373), и черезъ два дня, 22-го августа, когда Биронъ и его семья откланивались передъ отъѣздомъ въ Курляндію, Екатерина надѣла на герцогиню Екатерининскую ленту («С.-Петербургскія Вѣдомости» за 1762 г., № 70, отъ 30-го августа). Въ депешѣ Бретэля, отъ 28-го октября 1762 г., сказано: M-r Bestucheff est absolument dévoué à Biron (Парижск. Архивъ, Russie, vol. 71, № 22). Въ депешѣ Гольца, отъ 13-го августа 1762 г., сказано, что вскорѣ по восшествіи на престолъ Екатерина поручила Бестужеву, Панину, Кейзерлингу и Теплову de rechercher la validité des droits tant du Duc Biron que de Prince Charles de Saxe au Duché de Courlande (Берлинск. Архивъ, XI, Russland, 64, A).

надѣлилъ меня» [1]). Даже лица, не расположенныя ни къ Россіи, ни тѣмъ менѣе къ Екатеринѣ, признавали, что въ курляндскомъ дѣлѣ «императрица думала основать свои дѣйствія на соображеніяхъ справедливости и правосудія» [2]).

Герцогскій стулъ Курляндіи занятъ, однако, принцемъ Карломъ саксонскимъ. Отдавая этотъ стулъ Бирону, предложили принцу Карлу удалиться изъ Митавы. Карлъ не удалялся. Началась усиленная переписка съ Симолинымъ въ Митавѣ, съ Броуномъ въ Ригѣ, съ Ржичевскимъ въ Варшавѣ. Екатерина твердо стояла на своемъ рѣшеніи, торжественно всюду заявляя, что «мы не можемъ его свѣтлость Эрнста-Іоганна инако признавать. какъ дѣйствительнымъ герцогомъ Курляндскимъ и Семигальскимъ, потому что, хотя и настояли такіе статскіе резоны, для которыхъ онъ въ удаленіи содер-

---

[1]) Государств. Архивъ, V, 104; Сборникъ, XLVIII, 293.

[2]) Письмо маркиза де-Пальми Бретэлю, отъ 19-го октября 1762 г.: «Dans l'affaire de Courlande, quelqu'en soit l'issue, on pourra dire, que l'impératrice a cru fonder sa conduite sur des raisons d'équité, de justice et même de formes, du moins a-t-on pu lui présenter ainsi la cause de Biron» (Дрезд. Архивъ, vol. VII, прилож. къ письму графа Брюля къ Прассе отъ 29-го октября). Письмо Пальми было перехвачено, и копія его хранится въ Государственномъ Архивѣ; оно напечатано въ Сборникѣ (XLVIII, 178), но прочтено не вѣрно. На стр. 179-й фраза: «J'aurais bien voulu, Monsieur, vous épargner *la perte* d'un paquet etc. лишена смысла; предполагая здѣсь пропускъ цѣлой строки: la perte du temps nécessaire pour l'étude d'un paquet, переводчикъ такъ передалъ это мѣсто по-русски: «Я очень желалъ бы избавить васъ отъ потери времени, необходимаго для ознакомленія съ большимъ письмомъ и слѣдующими къ нему двумя копіями, которыя вы, быть можетъ, могли бы получить и въ Москвѣ», отъ чего смысла вовсе не прибавилось, такъ какъ и въ Москвѣ добытые документы требуютъ «времени, необходимаго для ознакомленія». Все, однако, объясняется неумѣлымъ чтеніемъ французскаго текста: въ указанной фразѣ вмѣсто *la perte* читается *le port*, т.-е. почтовыя издержки, Postgeld. Посылая это перехваченное письмо гр. Кейзерлингу въ Варшаву, Екатерина писала ему, между прочимъ: «Vous ferez de cette lettre tous les usages que vous jugerez à propos» (ibid., 177)—фраза эта изъ русскаго перевода исключена. Мы имѣли уже не разъ случай печатно указывать недосмотры, ошибки и невѣрныя чтенія, встрѣчающіеся въ Сборникѣ Русскаго Историческаго общества, пользоваться которымъ слѣдуетъ лишь съ крайней осторожностью, не полагаясь ни на текстъ, ни на переводъ.

жанъ былъ, однако не могли оные лишить его права на владѣніе, которое ему отъ Республики и самого короля польскаго торжественно дано и подтверждено было и которое не могло инако, какъ въ цѣлости оставаться, несмотря на то, что не имѣлъ способовъ пользованія онымъ» [1]). Согласно этому рѣшенію, Симолину предписывалось въ Митавѣ «какъ тамошнему правительству, такъ и всему рыцарству и земству объявить пристойнымъ образомъ», что онъ аккредитованъ уже не при Карлѣ, а «при старомъ ихъ герцогѣ Эрнстѣ-Іоганнѣ» [2]). Считая такое свое рѣшеніе безусловно справедливымъ, Екатерина все-таки сознавала, что польскій король Августъ III, «яко отецъ, не можетъ, однако же, не восчувствовать прискорбности» [3]), видя, какъ его сына ссаживаютъ съ трона.

Августъ восчувствовалъ и протестовалъ противъ «курляндскихъ претензій» Екатерины, но встрѣтилъ упрямый отпоръ. Какъ сюзеренъ польскаго лена, онъ требовалъ, чтобы Биронъ, какъ вассалъ, представилъ непосредственно ему свои притязанія—на это требованіе вовсе не послѣдовало отвѣта, подъ тѣмъ предлогомъ, что бумага была составлена въ куръсаксонскомъ министерствѣ, которому Курляндія не была подвѣдомственна, а не въ польскомъ, какъ бы слѣдовало. Какъ польскій король, онъ созвалъ польскій сеймъ—наиболѣе компетентнаго судью въ курляндской тяжбѣ, Екатерина приказала своимъ агентамъ сорвать сеймъ «во что бы оное ни стало», и сеймъ былъ сорванъ [4]). Августъ III созвалъ сенатъ

---

[1]) Рескриптъ резиденту Ржичевскому въ Варшаву, отъ 19-го сентября 1762 г. (Сборникъ, XLVIII, 131). Въ рескриптѣ сказано: «О такомъ нашемъ соизволеніи увѣдомляемъ мы васъ нынѣ для того, чтобы вы при настояніи случая мнѣнія наши прямо изъяснить могли».

[2]) Рескриптъ министру Симолину въ Митавѣ, отъ 17-го октября 1762 г. (ibid., 155).

[3]) Рескриптъ Ржичевскому, отъ 19-го августа 1762 г. (ibid., 82).

[4]) Рескриптомъ отъ 29-го августа Ржичевскому предписывается разорвать сеймъ «однако же подъ приличнымъ претекстомъ, до насъ совсѣмъ не касающимся» (ibid., 100). Такъ какъ польскому сейму принадлежалъ рѣшаю-

и министровъ, предполагая получить senatus consilium въ пользу своего сына Карла—сторонникъ Россіи, князь Михаилъ Чарторыйскій, великій канцлеръ литовскій, подалъ мнѣніе, въ которомъ доказывалъ, что принцъ Карлъ противозаконно былъ сдѣланъ герцогомъ Курляндіи [1]).

Екатерина дѣйствовала твердо, послѣдовательно, энергично. Принцъ Карлъ предполагалъ лично ѣхать въ Петербургъ подъ предлогомъ поздравленія Екатерины съ восшествіемъ на престолъ—ему дано было знать, чтобы не трудился ѣхать, «не вѣдая напередъ, пріятно ли будетъ намъ присутствіе его здѣсь» [2]); пріѣхалъ изъ Варшавы для переговоровъ лифляндскій камергеръ Борхъ—ему велѣно было въ 48 часовъ выѣхать изъ Москвы [3]); принцъ Карлъ издалъ брошюру «Mémoire sur les affaires de Courlande»—Екатерина приказала публично сжечь ее въ Митавѣ и въ Ригѣ [4]).

22-го августа 1762 г. Биронъ, въ публичной аудіенціи,

щій голосъ въ вопросѣ о Курляндіи, польскомъ ленѣ, то вѣсть о разорваніи сейма была съ удовольствіемъ принята въ Петербургѣ: «Je ne dois pas négliger de vous informer de l'impatience marquée avec laquelle l'on attend cette dernière nouvelle de la rupture de la Diète Polonaise... Les ministres ici viennent de recevoir la nouvelle importante qu'à Varsovie la Diète de Pologne est rompue. Tout le mond en parait fort satisfait». Депеша Бретэля, отъ 28-го октября 1762 г., въ Париж. Архивѣ, Russie, vol. 71, № 22.

[1]) Мнѣніе Чарторыйскаго очаровало Екатерину, и она собственноручно написала на полученномъ отъ гр. Кейзерлинга переводѣ: «Напечатать въ здѣшнія и петербургскія газеты» (Сборникъ, XLVIII, 428). Дворъ находился въ то время въ Москвѣ.

[2]) Осьмнадц. Вѣкъ, I, 405; Сборникъ, XLIII, 35.

[3]) «Я повелѣваю ему въ сорокъ восемь часовъ отселѣ выѣхать, въ противномъ случаѣ прикажу его выпроводить», писала Екатерина канцлеру. Борху была сдѣлана déclaration verbale, въ которой, между прочимъ, значилось: «L'Impératrice veut que M-r Borch part de cette résidence dans le terme de deux fois 24 heures (Сборникъ, ibid., 398, 400). Différentes pièces relatives à la mission de M-r de Borch (*Schwartz*, № 116).

[4]) Резолюція Екатерины на депешѣ Симолина: «Оной Mémoire надлежитъ публично сжечь въ Митавѣ и въ Ригѣ, какъ оскорбительной мнѣ, республикѣ польской и герцогу курляндскому». Ibid., 388.

благодарилъ Екатерину за всѣ ея милости [1]) и 23-го выѣхалъ въ Ригу, со всею своею семьею, съ герцогинею и двумя сыновьями, принцами Петромъ и Карломъ. Пребываніе Бирона въ Ригѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Митавы, не двигало вопроса къ развязкѣ: курляндское дворянство является въ Ригу на поклонъ къ Бирону, а въ Митавѣ попрежнему возсѣдаетъ на герцогскомъ стулѣ принцъ Карлъ [2]). Скандалъ принималъ неприличные размѣры. Очевидно, Панинъ былъ правъ: если желали посадить Бирона на герцогскій стулъ, нужно было «выбить Карла изъ Митавы».

Начали выбивать. Рижскому генералъ-губернатору предписано уже было послать въ Митаву, въ распоряженіе Симолина, «цѣлый батальонъ войскъ при одномъ исправномъ штабъ-офицерѣ», въ виду того, что могутъ «происходить иногда въ Курляндіи нѣкоторые непорядки»; Симолинъ наложилъ секвестръ на всѣ статьи герцогскихъ доходовъ, въ помѣстьяхъ сторонниковъ Карла расположилъ военные постои, секвестровалъ всѣ герцогскія аренды, даже пресѣкъ подвозъ въ Митаву провіанта для принца Карла [3]). Эти мѣры

---

[1]) Стоя на колѣняхъ, Биронъ говорилъ въ своей рѣчи, между прочимъ: «Ваше императорское величество изволили вдругъ прервать узы бывшей донынѣ столь тяжкой судьбины моей; Вы освобождаете тѣхъ, кои не Вами лишены были вольности; Вы обрадовали тѣхъ, кои Вами никогда опечалены не были; Вы же сдѣлали благополучными тѣхъ, коихъ безсчастіе Вамъ завсегда прискорбно было» («С.-Петерб. Вѣдомости» за 1762 г., № 70). Биронъ не могъ забыть, что былъ освобожденъ Петромъ III, а не Екатериной; очевидно, Биронъ только произнесъ рѣчь, не имъ составленную.

[2]) Депеша Бретэля, отъ 28-го октября 1762 года: L'affaire de Courlande est dans la même position. Biron se tient à Riga où la noblesse courlandaise vient en foule lui marquer respect et empressement. M-r le prince Charles reste avec constance à Mittau (Париж. Архивъ, Russie, vol. 71, № 22). Exposé des motifs de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies relativement aux affaires de Courlande. Janvier 1763 (*Schwartz*, № 113).

[3]) Осьмнадц. Вѣкъ, I, 407; Сборникъ, XLVIII, 48, 250, 302, 372; *Cruse*, II, 31; *Richter*, 170. Всѣ эти распоряженія Екатерина «апробовала» и даже приказывала «написать къ Симолину отъ меня благодареніе за его ревностное исполненіе нашей воли».

оказались дѣйствительными. Даже присланные изъ Варшавы королемъ-отцомъ, въ качествѣ польскихъ комиссаровъ при его сынѣ, принцѣ Карлѣ, воевода Платеръ и кастелянъ Липскій, признали дальнѣйшее пребываніе принца въ Митавѣ невозможнымъ [1]). Реляціею отъ 17-го апрѣля 1763 года, резидентъ Симолинъ доноситъ императрицѣ, что принцъ Карлъ выбитъ изъ Митавы:

«Вчерась, 16-го апрѣля, въ утро рано, принцъ Карлъ изъ здѣшняго города въ Варшаву отправился со всѣмъ своимъ дворомъ, оставивъ здѣсь по повелѣнію королевскому для престереженія своихъ интересовъ польскихъ сенаторовъ, воеводу Платерна и кастеляна Липскаго.

«Третьяго дня, въ вечеръ, его высочество со всѣми дворянами партіи его, которые нарочно изъ деревень пріѣхали и которыхъ состояло до 18 персонъ, ужиналъ у старостины Корфовой, гдѣ и простился съ ними, увѣряя о своемъ скоромъ возвращеніи, съ увѣщаніемъ, дабы токмо они оставались къ нему вѣрны.

«Кастелянъ Липскій, еще при присутствіи принца Карла, въ княжескомъ залѣ караулъ польской своей конницы учредилъ и въ нижніе покои переѣхалъ, а верхніе его высочество заперъ и свою печать къ нимъ приложилъ.

«Коль скоро принцъ Карлъ изъ города выѣхалъ, тогда я заблагоразсудилъ, по сношенію съ его свѣтлостью герцогомъ Эрнстомъ-Іоганномъ, караулъ войскъ вашего императорскаго величества нарядить и оной домъ для него занять. Сію комиссію поручилъ я подполковнику Шредеру, съ наставленіемъ, что ежели онъ найдетъ тамо кастеляна Липскаго и польскихъ солдатъ, въ такомъ случаѣ далъ бы ему примѣтить свое удивленіе, по какому поводу и праву онъ занялъ сей княжескій домъ, принадлежащій, какъ извѣстно, владѣющему герцогу Эрнсту-Іоганну, и что ему не невѣдомы тѣ вну-

[1]) Nachricht von der Abreise der Herzogs Karl aus Mitau den 26 April [illegible] 125).

шенія, какія со стороны вашего императорскаго величества принцу Карлу учинены объ ономъ, а потомъ учтивымъ образомъ присовѣтовалъ выбраться на другую ему приличную квартиру.

«Оной подполковникъ нашелъ ворота запертыя, но какъ по требованію его были отворены, то онъ встрѣчавшему его кастеляну объявилъ вышеописаннымъ образомъ и получилъ отъ него отвѣтъ, что онъ, яко сенаторъ, по особливому королевскому указу занялъ сей домъ для храненія до принятія его высочества принца Карла, который вскорѣ возвратится, и что между тѣмъ по королевскому ордеру онъ въ немъ исполнять имѣетъ порученную ему комиссію.

«По учиненному отъ подполковника мнѣ о томъ рапорту, я велѣлъ объявить ему, что его комиссія почитаема быть и мѣста здѣсь имѣть не можетъ, и что ваше императорское величество не намѣрены иного герцога признавать, какъ стараго, его свѣтлость Эрнста-Іоганна, слѣдовательно, я надѣюсь, что онъ легко себѣ представитъ, что потому реченной домъ для него совершенно не оставится и что онъ склоненъ будетъ со всѣмъ своимъ карауломъ выѣхать изъ онаго.

«Наконецъ онъ согласился и тотчасъ объявленный домъ оставилъ и на старую свою квартиру съ карауломъ своимъ перебрался и такъ безъ наималѣйшаго шума и насильства нашъ караулъ вступилъ и теперь въ немъ находится.

«Но понеже верхніе покои печатью принца Карла запечатаны, то герцогъ по здѣшнему обыкновенію разсудилъ послать съ подполковникомъ Шредеромъ и своимъ гофмаршаломъ здѣшняго публичнаго нотаріуса, которымъ поручилъ, печати снявъ, каморы осмотрѣть, дабы впредь приклепу не было. Они дѣйствительно осматривали и нашли ихъ всѣхъ пустыми, только видно отъ принца по тонкости адвокатовъ для того запечатаны были, чтобы тѣмъ доказать, что онъ сего дому не отдавалъ добровольно, а что всегда на него право имѣть можетъ.

«Напротиву же сего дому находится еще домъ, въ которомъ жили принца Карла придворные люди. Но воевода Платернъ съ поляками по прiѣздѣ сюда занялъ оный для себя, какъ и кастелянъ Липскiй другой княжескiй домъ, которые оба также герцогу принадлежали и безъ нихъ ему умѣститься нельзя, а сверхъ того не хочется ему допустить, чтобы принцъ Карлъ имѣть могъ здѣсь и наималѣйшее владѣнie; то я по требованiю его свѣтлости за надобность почелъ послать къ нимъ подполковника съ тѣмъ, что какъ ваше императорское величество изволили отдать всѣ доходы здѣшней земли законному герцогу Эрнсту-Iоганну, слѣдовательно, и всѣ княжескiе домы, какiе они ни были бъ, то я уповаю, что и они не отрекутся тѣ домы, въ коихъ нынѣ живутъ, очистить толь наипаче, ибо герцогъ безъ нихъ обойтись не можетъ. Кастелянъ Липскiй объявилъ себя къ тому тотчасъ готовымъ, но воевода Платернъ, ссылаясь на королевскiй указъ, коимъ ему повелѣно нарочно жить въ семъ княжескомъ домѣ до возвращенiя принца Карла, хотѣлъ напередъ донесть его высочеству и просить резолюцiи. Сегодня оба сенатора присылали ко мнѣ секретаря своего съ прошенiемъ, чтобы имъ дозволено было остаться въ показанныхъ домахъ до полученiя королевскихъ ордеровъ. Я на сiе отвѣтствовалъ, что лучше имъ совсѣмъ отсюда выѣхать, ибо они донынѣ довольно уже примѣтили, что ихъ здѣсь пребыванie излишне, да и впредь имъ ни въ чемъ не удастся по несправедливости ихъ комиссiи. Оный секретарь тогда же паки ко мнѣ возвратился и далъ знать, что воевода намѣрился означенный княжескiй домъ оставить и для себя другой нанять.

«Такимъ образомъ герцогъ въ семъ дѣлѣ удовольствованъ и теперь жить можетъ по своему достоинству безъ утѣсненiя и безъ препятствiя.

«Впрочемъ воевода Платернъ велѣлъ меня просить, дабы ему, яко кавалеру орденовъ Александра Невскаго и Бѣлаго Орла, отъ нашихъ карауловъ честь отдавана была, на что я

безсомнительно и отвѣтствовалъ, что такая угодность ему показываема будетъ» [1]).

«*Апробуется отъ начала до конца*», написала Екатерина на этой реляціи Симолина. Въ этой резолюціи слышится внутреннее удовольствіе по поводу достигнутаго успѣха. Главное сдѣлано: Карлъ выбитъ, посаженъ Биронъ. Вскорѣ по отъѣздѣ принца Карла изъ Митавы, Екатерина такъ охарактеризовала положеніе курляндскаго дѣла: «Какъ уже сіе дѣло единожды окончено, то мы отнюдь не допустимъ, чтобы оное, подъ какимъ бы то предлогомъ ни было, паки возобновилось» [2]).

Этотъ первый успѣхъ радовалъ Екатерину, успѣхъ, объясняемый, прежде всего, умѣлымъ исполненіемъ проекта, разсчитаннаго на будущее и, быть можетъ, не весьма близкое. Проектъ, самъ по себѣ, не слишкомъ рискованный, но въ положеніи Екатерины все-таки довольно смѣлый. Едва вступивъ на престолъ, она пользуется силами и положеніемъ Россіи, чтобы возстановить права человѣка, оставившаго среди русскихъ самыя тяжелыя по себѣ воспоминанія. Проклятіе, тяготѣющее надъ именемъ Бирона, ее не останавливаетъ: она вѣрно разсчитала, что удаленіе Бирона изъ Россіи скорѣе будетъ поставлено ей въ заслугу, чѣмъ въ осужденіе, и что, во всякомъ случаѣ, русское общество не настолько интересуется судьбою Бирона, чтобъ обратить серьезное вниманіе на какой-то курляндскій инцидентъ. Еще вѣрнѣе былъ расчетъ относительно сосѣдей Этихъ сосѣдей, заинтересованныхъ въ курляндскомъ дѣлѣ, два — Польша и Пруссія, причемъ ни та, ни другая не имѣли серьезныхъ основаній брать подъ свою защиту принца Карла, не любимаго Фридрихомъ II, какъ саксонца, и ненавистнаго полякамъ, какъ сына ихъ короля. Саксоніи же было не до Курляндіи: въ это время подводились итоги Семилѣтней войны, и въ Саксоніи не

[1]) Москов. Архивъ мин. ин. дѣлъ, Курляндскія дѣла 1763 г., № 17; Сборникъ, XLVIII, 474.

[2]) Сборникъ, XLVIII, 612.

могли не дорожить голосомъ русской императрицы по вопросу о вознагражденіи за убытки, понесенные курфиршествомъ. Остальная Европа нимало не интересовалась вопросомъ, кто именно владѣетъ какимъ-то польскимъ леномъ на Балтійскомъ побережьи. Ни Польша, ни Пруссія, не говоря уже о Европѣ, и не предполагали, что успѣхомъ, одержаннымъ Екатериною въ курляндскомъ дѣлѣ, было положено основаніе тому русскому вліянію, которое, много лѣтъ позже, обратитъ польскій ленъ въ русскую губернію.

Екатерина въ то время вовсе объ этомъ не думала и не къ этому стремилась. Подобно Петру Великому, она вполнѣ понимала государственное значеніе Курляндіи для имперіи и тотчасъ по воцареніи исправила ошибки своихъ предшественниковъ, Елисаветы Петровны и Петра III; для нея было чрезвычайно важно имѣть на герцогскомъ стулѣ Курляндіи своего ставленника, «нашего собственнаго герцога» [1]). Но, подобно Петру I, она смотрѣла на курляндскій вопросъ не съ узкой, націоналистической, а съ широкой, государственной точки зрѣнія, и потому повелѣла торжественно объявить «рыцарству и земству, что мы ихъ въ особливомъ покровительствѣ, слѣдовательно, и при ихъ вѣрѣ, правахъ, вольностяхъ и привилегіяхъ на такомъ основаніи, какъ оныя во время подверженія [2]) были и отъ королей польскихъ клятвою утверждены, содержать и защищать намѣрены, отнюдь не допуская, чтобъ въ томъ какая-либо отмѣна къ ихъ предосужденію учинена была» [3]).

Это не были пустыя обѣщанія. Отношеніе Екатерины ко

---

[1]) Изъ собственноручной записки вице-канцлеру кн. А. М. Голицыну, отъ 12-го октября 1762 г. (Сборникъ, XLVIII, 148).

[2]) Курляндія стала леномъ польской короны въ силу особыхъ договоровъ подчиненія (pactis subjectionis), что переводилось встарину русскимъ выраженіемъ *подверженіе*, которое встрѣчается во всѣхъ офиціальныхъ актахъ прошлаго вѣка Москов. Архивъ мин. ин. дѣлъ, Курлянд. дѣла 1762 г., № 4, л. 92 sqq.

[3]) Сборникъ, XLVIII. 155.

всѣмъ «остзейскимъ провинціямъ» отличалось вообще тою государственною мудростью, которая значительно содѣйствовала прославленію ея царствованія. Лифляндія, Эстляндія и Курляндія являлись ей примѣромъ для подражанія, не задачей для обрусенія: она болѣе стремилась поднять русскія губерніи до остзейскихъ провинцій, чѣмъ принизить остзейскія до русскихъ. Ее плѣняла болѣе высокая культура остзейцевъ и не страшило ихъ самостоятельное развитіе. Она даже сама содѣйствовала ему, крѣпко памятуя, что это нераздѣльныя части Россійской имперіи, и горячо ратуя противъ взгляда на остзейскія провинціи, какъ на «чужестранныя». Такой взглядъ исходилъ въ то время не изъ окраинъ, а отъ имперіи, и Екатерина справедливо находила, что его «съ достовѣрностью можно назвать глупостью» [1]).

Во время коронаціи, въ Москву явился депутатъ отъ лифляндскаго рыцарства и земства, баронъ Карлъ фонъ-Шульцъ, съ просьбою о подтвержденіи ихъ привилегій, правъ и вольностей. На поднесенной депутатомъ челобитной Екатерина положила слѣдующую резолюцію: «Сію челобитную посылаю въ сенатъ съ тѣмъ, чтобы извѣстно было оному, что я изъ всего того, чѣмъ лифляндское рыцарство и земство предками нашими пожалованы, ничего отнять у нихъ не намѣрена» [2]). Просьба эта пролежала въ сенатѣ три мѣсяца безъ всякаго движенія. 13-го декабря 1762 г. Екатерина сама явилась въ сенатъ, и вотъ какъ она описала это засѣданіе въ письмѣ къ генералъ-фельдцейхмейстеру Вильбоа: «Въ прошлую пятницу я пришла въ сенатъ и спросила, въ какомъ положеніи дѣло о подтвержденіи лифляндскихъ привилегій; мнѣ отвѣчали, что сенатъ ожидаетъ копіи привилегій, собранныхъ въ одну большую книгу, оставшуюся въ Петербургѣ; тогда ужъ я начала говорить и сказала этимъ господамъ: «Вы должны знать, что я вовсе не намѣрена нарушать приви-

[1]) Ibid., VII, 384.

[2]) Архивъ Сената, т. 107, л. 419.

легій и прочаго, чѣмъ они уже обладаютъ; что я желаю, чтобъ всякій жилъ въ мирѣ, и если ливонцы довольны своими законами и привилегіями, то я не желаю и не позволю никоимъ образомъ нарушать ихъ», и я тотчасъ же повелѣла составить подтвердительную грамоту, которую завтра же должны представить мнѣ для подписанія». Между тѣмъ, Екатерина сознавалась, что въ то время ни она, ни кто-либо изъ сенаторовъ ничего не знали, въ чемъ собственно состоятъ эти привилегіи, права и вольности, касаются ли они обычнаго права или положительныхъ законовъ—но Лифляндія признаетъ для себя необходимыми свои автономныя особенности, и Екатерина свято сохраняетъ ихъ, выше всего ставя благосостояніе цѣлой провинціи [1]).

Такіе государственные взгляды Екатерины были, конечно, извѣстны въ Курляндіи и, вѣроятно, много содѣйствовали Симолину къ «пріумноженію» партіи «нашего собственнаго герцога». Такимъ герцогомъ оказывался Биронъ.

Ему шелъ въ это время 73-й годъ. Статный, красивый мужчина, плѣнившій нѣкогда племянницу Петра Великаго, Биронъ обратился теперь въ дряхлаго, сгорбленнаго старика, на которомъ оставили свой слѣдъ и года, бурно имъ прожитые, и бѣдствія, его постигшія, и, всего болѣе, конечно, всяческія излишества, сопряженныя съ всемогуществомъ власти, такъ широко имъ практиковавшейся. Отъ прежняго Бирона осталось только имя. Было время, когда Биронъ, какъ всесильный деспотъ, царилъ надъ русскою землею, единственно благодаря своему твердому характеру, сильной волѣ и дерзкой смѣлости, доходившей до наглости; теперь, двадцатилѣтняя ссылка

---

[1]) Il faut cependant en confidence que je vous dise qu'en honneur ni moi, ni personne ne sais ce que je confirmerai, si cela est utile aux païs, si ce sont des moeurs ou des coutumes ou des loix, mais j'ai cru que le repos d'une province entière était préférable à tout le reste (*Blum*, Ein russischer Staatsmann, I, 436). Письмо это безъ даты, которая опредѣляется грамотою, подписанною 19-мъ декабря (П. С. З., № 727): такъ какъ въ письмѣ къ Вильбоа сказано, что грамота должна быть поднесена *завтра* (qu'on doit me montrer *demain*), то письмо было писано, вѣроятно, 18-го декабря.

въ Пелымѣ и Ярославлѣ надломила его характеръ, сгубила волю; онъ сталъ нерѣшительнымъ, трусливымъ, надъ которымъ современники подтрунивали, справедливо говоря, что «бодливой нашъ регентъ нынѣ быкъ камолой» [1]). Этотъ «быкъ безрогій» надѣлалъ много хлопотъ Екатеринѣ.

Не разъ уже безпокоилъ Биронъ курляндцевъ. Въ 1727 году Биронъ хлопоталъ о принятіи его въ число мѣстныхъ дворянъ, но курляндцы отказали ему въ этой чести, несмотря на всѣ просьбы герцогини; въ 1730 году, когда курляндская герцогиня была уже русской императрицей, курляндскіе дворяне сочли за честь избрать въ герцоги того, котораго они десять лѣтъ назадъ не пожелали признать даже только равнымъ себѣ. Теперь опять, въ третій уже разъ, поднимался бироновскій вопросъ, при чемъ мѣстные дворяне раздѣлились на карлистовъ и эрнестинцевъ: 22-го іюня 1763 года, въ Митавѣ, въ герцогскомъ дворцѣ, 236 дворянъ принесли присягу на вѣрность герцогу Эрнсту-Іоганну и почти столько же уклонились отъ присяги, признавая своимъ герцогомъ принца Карла саксонскаго [2]). Это раздвоеніе, это несогласіе продолжалось всѣ шесть лѣтъ управленія Курляндіею старикомъ Бирономъ: 25-го ноября 1769 г. онъ отказался отъ власти въ пользу своего старшаго сына Петра, а 4-го апрѣля 1770 года литовская конфедерація провозгласила герцогомъ Курляндіи опять принца Карла саксонскаго!

Значительная доля отвѣтственности за такое положеніе [illegible] въ Курляндіи должна быть отнесена къ личности гер[illegible]иста-Іоганна, въ высшей степени несимпатичной. Та[illegible]ъ былъ всегда, такимъ же остался и теперь. Ссылка [illegible] не исправляла; не исправила она и старика Би[illegible]лымѣ и Ярославлѣ онъ сохранилъ ту же жесто[illegible]ость, которыми всегда отличался; ставъ опять [illegible]ляндіи, онъ не могъ проявлять жестокости,

---

[illegible]ъ, 1867, 473.

[illegible]V, 175.

но корысть обуяла его даже съ новою силою. Еще живя въ Ригѣ, до переѣзда въ Митаву, онъ отнялъ у русскихъ мызы, данныя имъ въ аренду, и тѣмъ навлекъ на себя неудовольствіе русскаго двора [1]). Князь М. И. Дашковъ, командующій войсками въ Курляндіи [2]), доносилъ о просьбѣ Бирона «ввести для его безопасности другой пѣхотный полкъ», при чемъ засвидѣтельствовалъ, что «герцогу здѣшнему безъ русскихъ солдатъ здѣсь не княжествовать, столько отъ курляндскихъ дворянъ непочтенъ» [3]). И что же? «Герцогъ солдатъ нашихъ худо трактируетъ; съ трудомъ въ городѣ проходящимъ я испрашивалъ квартиры; онъ нашихъ солдатъ столь мало менажируетъ, что не даетъ караульнымъ отъ скупости порцій, свѣчи жъ съ экономіею» [4]). Если Биронъ по корысти и скупости относился такъ къ русскимъ войскамъ, которыя посадили его на герцогскій стулъ и безъ которыхъ «ему не княжествовать», то можно уже догадываться, какъ онъ относился къ курляндскимъ дворянамъ, «отъ которыхъ онъ былъ непочтенъ». Реляціею изъ Митавы, отъ 27-го іюля 1764 г., Симолинъ доносилъ о недовольствѣ дворянъ герцогомъ «за его неумѣренное поведеніе» [5]). Своею корыстью Биронъ сумѣлъ раздражить даже Екатерину, всегда къ нему благоволившую: «Если почту уступить,—писала она въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, отъ 9-го сентября 1763 года,—то тѣмъ нарушается актъ постановленной съ герцогомъ курляндскимъ; въ его фаверъ съ нашей стороны столько сдѣлано, какъ болѣе требовать не можно» [6]).

---

1) Депеша Бретэля отъ 11-го мая 1763 г.: Avant le départ de M. le prince Charles de Mittau, Biron a déjà commencé à régner par deux ou trois actes d'autorité qui lui ont attiré des reproches de cette cour (Париж. Архивъ, Russie, vol. LXXII, p. 132). Ср. Чтеніе за 1863 г., II, 142; Сборникъ, LXII, 368.

2) Русскій корпусъ, стоявшій въ Курляндіи для охраны герцога, состоялъ изъ одного пѣхотнаго полка, пяти гренадерскихъ ротъ, трехъ эскадроновъ кирасиръ и двухъ эскадроновъ гусаръ. Сборникъ, LI, 497.

3) Ibid., 503.

4) О себѣ князь прибавляетъ: «Я, правда, изъятъ моею персоною изъ помянутаго числа: меня отлично принималъ, притомъ я и зубастъ». Ibid., 504.

5) Сборникъ, LI, 450. 6) Ibid., XLVIII, 615.

Биронъ совершенно не понялъ своего положенія и не сумѣлъ оцѣнить оказываемаго ему русской императрицей фавора—подражая Петру III, онъ обратился къ прусскому королю за гарантіею! Реляціею изъ Берлина, отъ 19-го августа 1763 года, кн. В. С. Долгоруковъ доносилъ: «Графъ Финкенштейнъ разсказалъ мнѣ, что господинъ Елсенъ, присланный сюда отъ герцога и статовъ курляндскихъ, просилъ его именемъ герцога, чтобъ представить королю о гарантіи Курляндіи, на что онъ, графъ, ему отвѣчалъ, что оная гарантія излишня, потому что довольно герцогъ утвержденъ въ своемъ герцогствѣ тѣмъ, что имѣетъ защищеніе вашего императорскаго величества, которое стоитъ всякой гарантіи» [1]). Прусскій министръ учитъ Бирона цѣнить фаворъ Екатерины къ герцогу Курляндіи!

Биронъ, надняхъ лишь униженно умолявшій Бестужева замолвить за него словечко, теперь, ставъ герцогомъ, началъ высокомѣрно относиться къ курляндцамъ и презрительно къ русскимъ, за исключеніемъ, конечно, «зубастыхъ». Екатерина писала Панину: «Какъ вижу изъ реляціи Симолина, и семидесятилѣтніе старики не выучились еще ласково и учтиво обходиться съ людьми. Il faudra pourtant trouver un moyen pour rectifier Monsieur de Courlande, car il se perd par la vanité» [2]).

Но Биронъ—«нашъ собственный герцогъ», и Екатерина, конечно, не упуститъ ничего, чтобъ утвердить его на герцогскомъ стулѣ. Смерть польско-саксонскаго Августа III, отца принца Карла, и, еще болѣе, избраніе въ польскіе короли гр. Станислава Понятовскаго, «котораго мы дѣлали», много содѣйствовали полученію инвеституры на Курляндію, какъ польскій ленъ [3]). Несравненно труднѣе было упрочить

---

[1]) Ibid., XLVIII, 614. Это ходатайство о гарантіи прусскаго короля было ...лано Бирономъ тайкомъ отъ русскаго двора: «Мы не имѣемъ со стороны ...цога никакого увѣдомленія о намѣреніи его просить королевской гаран-... , сказано въ рескриптѣ кн. Долгорукову въ Берлинъ. Ibid., 624.

[2]) Чтенія за 1863 г., II, 87.

[3]) Госуд. Архивъ, V, 94; Сборникъ, VII, 373; LI, 488; LVII, 198.

герцога въ самомъ герцогствѣ. Курляндцы, по крайней мѣрѣ значительная часть ихъ, не терпѣли Бирона и не желали признавать его: они приносили на него жалобы въ Варшавѣ, добивались, чтобъ польскій дворъ позвалъ его въ реляціонный судъ, писали статьи въ газетахъ и издавали брошюры, въ которыхъ доказывали незаконный захватъ герцогскаго стула Бирономъ, не являлись на курляндскіе сеймики и не посылали на нихъ своихъ депутатовъ, вполнѣ игнорируя даже самое присутствіе Бирона въ Митавѣ [1]). Екатерина упорно шла къ намѣченной цѣли и защищала «собственнаго герцога» всѣми мѣрами: писала письма королямъ, разсылала циркулярные рескрипты своимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ, изготовляла статьи для помѣщенія въ газетахъ, при чемъ старалась укротить и самого Бирона, «внушая ему, дабы онъ и самъ какъ приласканіями, такъ и дѣйствительными благодѣяніями, старался преклонять къ себѣ сердца всѣхъ своихъ подданныхъ, которые, сколько ни ожесточены нынѣ въ упрямствѣ своемъ, могутъ, однако, со временемъ доброю манерой къ лучшимъ мыслямъ и безъ употребленія способовъ крайности привлечены быть, въ чемъ самомъ и долженъ состоять главный попеченія его предметъ, потому что несравненно лучше и предпочтительнѣе достигать намѣренія своею умѣренностью, нежели силою, когда и безъ оной обойтись можно» [2]).

Екатерина хорошо понимала, однако, что безъ силы «обойтись не можно», и держала 44.000 корпусъ на границахъ Курляндіи, не считая корпуса кн. Дашкова въ самой Курляндіи, «для защиты законнаго герцога» [3]). Курляндцы оказались людьми не робкаго десятка: угрозы ихъ не устрашили, и они продолжали «упорствовать». Осенью 1766 года Екатерина приказала обнародовать «рѣшительную декларацію въ

[1]) Сборникъ, XLVIII, 322, 351; LI, 182, 187, 219 sqq.
[2]) Ibid., XX, 203; XLVIII, 351, 353, 366; LI, 186.
[3]) Ibid., XLVIII, 221, 349.

весьма крѣпкихъ и твердыхъ израженіяхъ» къ благородному рыцарству и земству курляндскому слѣдующаго содержанія: «Ежели всѣ участвовавшіе и участвующіе впредь въ безпрестанныхъ донынѣ безпокойствахъ и несогласіяхъ въ отечествѣ ихъ въ теперешнихъ погрѣшностяхъ своихъ не раскаятся, отъ всѣхъ возмутительствъ не отстанутъ, о скоромъ возстановленіи внутренняго покоя и согласія не постараются, его свѣтлости герцогу присягу въ вѣрности не учинятъ и не повинуются и сущими и вѣрными сынами отечества не явятся, къ чему имъ срокъ со дня сей декларацін на шесть недѣль опредѣляется, то ея императорское величество приняла твердое намѣреніе по прошествіи сего времени высочайше повелѣть корпусу войскъ своихъ въ Курляндію вступить и расположить по мѣстностямъ противомышленниковъ и ослушниковъ на собственное содержаніе ихъ, оставляя оный тамъ до тѣхъ поръ, пока внутренній покой и согласіе совершенно возстановлены не будутъ» [1]).

Мѣра не столько рѣшительная, сколько жестокая и, во всякомъ случаѣ, несправедливая. Несогласія и неудовольствія между герцогомъ и Курляндіею заключались въ чисто экономическихъ условіяхъ, герцогъ нарушалъ частные интересы отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ земель; противъ него были не только богатые землевладѣльцы, но и многіе приходы; сеймики и сеймы обвиняли его въ нарушеніи основныхъ законовъ страны. Такія распри не разрѣшаются военнымъ постоемъ, и благоденствіе страны не возстановляется мародерствомъ и грабежомъ. Французское министерство пришло въ ужасъ отъ этой деклараціи: «Курляндцы должны будутъ временно покориться силѣ, но сомнительно, чтобы княженіе Бирона стало отъ того болѣе прочнымъ» [2]).

[1]) Сборникъ, LXVII, 40. Эта декларація была сообщена польскому королю (ibid., 61).

[2]) On ne peut insulter plus ouvertement à la République de Pologne, ni annoncer plus décisivement les volontés arbitraires d'un despote, que l'Impératrice de Russie le fait dans la déclaration par laquelle Elle se propose de mettre

Конечно, не стало, и спустя три года властолюбивый старикъ долженъ былъ отречься отъ власти. Съ русской точки зрѣнія представлялось совершенно безразличнымъ, который изъ Бироновъ носитъ титулъ герцога Курляндіи—отецъ или одинъ изъ его сыновей. Ихъ было два. Петръ и Карлъ, одинъ бездѣтный, другой неженатый. Старшій, принцъ Петръ, еще при утвержденіи отца герцогомъ, былъ объявленъ «наслѣднымъ принцемъ» и въ 1763 г. ѣздилъ въ Варшаву «для принятія лена» [1]. Младшій, принцъ Карлъ, любимецъ отца, былъ «къ дѣламъ неспособенъ».

Карлъ родился въ 1728 г. и росъ, какъ принцъ крови: 9-ти лѣтъ онъ былъ камергеромъ, 12-ти—кавалеромъ ордена св. Анны; при паденіи отца, онъ, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ, принцемъ Петромъ, лишился всего. По возвращеніи изъ ссылки, при Петрѣ III, принцъ Карлъ былъ назначенъ генералъ-майоромъ, шефомъ Вологодскаго пѣхотнаго полка и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго. При вторичномъ признаніи отца герцогомъ, въ 1763 г., принцу Карлу было уже 35 лѣтъ; это былъ красивый, ловкій повѣса и мотъ, любимый отцомъ, но не Екатериною: будучи въ Митавѣ въ 1764 г., она пожаловала принцу Петру орденъ св. Андрея Первозваннаго, принцу же Карлу—ничего. Въ 1765 году Н. И. Панинъ считалъ его только «шалуномъ и повѣсой» [2]; въ 1768 году онъ былъ уже заключенъ въ Бастиліи, не за политическое преступленіе [3], а за мошенничество: онъ поддѣлывалъ билеты англійскаго банка и римскаго ломбарда, пи-

---

fin aux troubles de Courlande. Cette Princesse parait croire qu'un mot de sa bouche suffit pour faire plier toutes les passions et subjuguer tous les intérêts. Ces Courlandais pourront bien céder à la force par l'instant, mais je doute que le règne du duc Biron on soit mieux affermi. Письмо Шуазеля резиденту Боссэ, отъ 6-го ноября 1667 г., въ Париж. Архивѣ, Russie, vol. LXXX, p. 14.

[1]) Сборникъ, LI, 488.

[2]) *Порошинъ*, Записки, 479.

[3]) Non pas pour l'affaire d'état. Изъ инструкціи Шуазеля резиденту Россиньолю, отъ 24-го марта 1768 г., въ Париж. Архивѣ, Russie, vol. 82, p. 131.

салъ фальшивые векселя, руководилъ шайкою мазуриковъ [1]) Въ письмѣ отъ 26-го февраля 1768 г. графъ К. Г. Разумовскій писалъ о немъ И. И. Шувалову: «Сей дѣтина есть сущій промышленникъ... Онъ уже столько намоталъ и столь поступокъ непристойныхъ званіямъ его надѣлалъ, что, наконецъ, въ Бастильѣ теперь резидуетъ по фальшивымъ векселямъ, и говорятъ, что будто отецъ отъ его и подѣланныхъ имъ долговъ отрицается, какъ новокрещенный отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его» [2]). Еще при жизни отца, особымъ актомъ отъ 14-го апрѣля 1771 г., принцъ Карлъ отрекся отъ своихъ правъ по наслѣдству, а уже черезъ два года, въ 1773 году, Екатерина приказываетъ своему посланнику въ Варшавѣ, барону Стакельбергу, обратить вниманіе на «процессъ, который затѣваетъ братъ герцога Петра, несчастный принцъ Карлъ, по поводу условія, которое сдѣлано ими еще при жизни отца и которое онъ надѣется уничтожить силою продажныхъ судовъ Польши» [3]).

Къ герцогу Петру Екатерина относилась сперва такъ же, какъ и къ его отцу — въ его лицѣ она видѣла и защищала «свое» дѣло. Она писала ландграфинѣ Каролинѣ Гессенъ-Дармштадтской: «Курляндія есть самостоятельное герцогство и ленъ Польши; я поддержала фамилію Бироновъ и не имѣю никакой надобности покидать ее» [4]), и болѣе откровенно барону Стакельбергу: «Всякаго рода козни, явныя и тайныя, противъ герцога Петра мнѣ рѣшительно не нравятся; я чую въ нихъ саксонскій духъ, который стремится если не уничтожить мое дѣло, то по меньшей мѣрѣ силится испортить

---

[1]) «Journal des révolutions de l'Europe», X, 139, 143; Merkwürdige in dem Arschive der Bastille Papiere, Leipzig, 1790, стр. 217; *Helbig*, Günstlinge, 125; *Ravaisson-Mollien*, Archives de la Bastille, IX, 87; «Русская Старина», LI, 129; LVII, 639; *Mouy*, Correspondance du roi Stanislas-Auguste et de Madame Jeoffrin, p. 318, 323, 332.

[2]) *Васильчиковъ*, Разумовскіе, I, 340.

[3]) «Русск. Старина», III, 313.

[4]) Русск. Архивъ, 1878, I, 392.

его» [1]). Оба эти письма, Каролинѣ и Стакельбергу, писаны въ 1773 г., слѣдовательно, уже послѣ раздѣла Польши, который необходимо долженъ былъ измѣнить взглядъ Екатерины на Курляндію, особенно же какъ на польскій ленъ. Въ первое время Екатерина старалась всѣми мѣрами сгладить тяжелое на поляковъ впечатлѣніе раздѣла и не касалась польскаго вопроса, который самъ собою выдвигался въ совершенно иномъ уже видѣ. Граница русская врѣзывалась теперь въ польскія земли и приближалась съ другой стороны къ предѣламъ Курляндіи; сюзерену было уже не до своего вассала. Жадное курляндское дворянство, руководимое исключительно страстью къ наживѣ, засыпало Варшаву и особенно Петербургъ жалобами на своего герцога, обвиняя его въ нарушеніи земельныхъ и экономическихъ правъ и привилегій высшаго сословія и въ то же время безсовѣстно эксплуатируя низшее, крестьянское, и городское. Главнымъ совѣтникомъ Екатерины, ея правою рукою былъ въ это время кн. Г. А. Потемкинъ. Можно догадываться, что подъ его вліяніемъ совершилась окончательная перемѣна во взглядахъ Екатерины на герцога Петра. Мотивы этой перемѣны и рѣшительный поворотъ въ отношеніяхъ императрицы къ курляндскимъ дѣламъ высказанъ въ инструкціи, данной Екатериною 2-го мая 1776 года графу Стакельбергу, русскому посланнику въ Варшавѣ:

«Желая отблагодарить князя Потемкина за заслуги, оказанныя имъ государству, и намѣреваясь предоставить ему герцогство Курляндское, нахожу необходимымъ предписать для вашего образа дѣйствій слѣдующіе пункты:

«1) хотя вамъ предписывалось не разъ подкрѣплять и поддерживать герцога во всѣхъ его дѣлахъ, этою инструкціею повелѣвается вамъ воздерживаться отъ какого-либо заявленія въ его пользу; 2) вы объявите королю польскому,

---

[1]) «Русск. Старина», III, 312.

что, во вниманіе къ его представленіямъ въ пользу дворянства, я устраняюсь на будущее время отъ покровительства герцогу, освѣдомившись о несправедливостяхъ, какія онъ позволяетъ себѣ относительно основныхъ законовъ Курляндіи; 3) вы внушите косвеннымъ образомъ депутату отъ дворянства на предстоящемъ сеймѣ, что ни ему, ни его сторонникамъ нечего опасаться ни на этомъ сеймѣ, ни впредь какого-либо заявленія съ нашей стороны въ пользу герцога, но что, напротивъ, прерогативы дворянства будутъ поддержаны и сохранены; 4) когда эти предостереженія произведутъ извѣстное впечатлѣніе въ Курляндіи и всяческими путями укоренятся въ умахъ, я отправлю въ Митаву особаго министра, снабженнаго соотвѣтствующими инструкціями, который направитъ дѣла къ предположенной мною цѣли; 5) когда вслѣдствіе этого дворянство соединится, чтобъ воспротивиться всѣмъ неправдамъ и несправедливостямъ, которыя оно претерпѣваетъ отъ нарушенія герцогомъ законовъ, и эти его преступленія будутъ объявлены государственною измѣною и доведены до свѣдѣнія Республики, вы постараетесь не только выставить ихъ въ надлежащемъ свѣтѣ, но доведете дѣло до объявленія герцогскаго стула вакантнымъ и до предоставленія его князю Потемкину, какъ только онъ согласится насчетъ этого съ королемъ и Республикой.

«Сообщивъ вамъ вполнѣ свои намѣренія, предписываю хранить это дѣло въ глубокой тайнѣ и, полагаясь вообще на ваше извѣстное мнѣ усердіе, превыше всего поручаю вашей заботливости не терять изъ виду главнаго побужденія моихъ дѣйствій—славу моего царствованія, которая въ этомъ случаѣ требуетъ крайней осторожности и деликатности» [1]).

---

[1]) Изъ нашего архива. Рескриптъ этотъ не изданъ «Русскою Стариною», напечатавшею бумаги гр. Стакельберга (III, 310, sqq.), съ пропускомъ за время съ 24-го августа 1774 г. по 1-е февраля 1778 г. На издаваемый теперь впервые рескриптъ Екатерины она сама ссылается въ рескриптѣ отъ 24-го октября 1778 г., говоря о les ordres que je vous ai donné il y a deux ans (ibid., 319). Подтвержденіе этого желанія кн. Потемкина стать герцогомъ мы нашли

Герцогскія вожделѣнія кн. Потемкина не достигли цѣли ни въ Курляндіи, ни въ Польшѣ [1]); но Екатерина навсегда уже лишила герцога Петра своего благоволенія. Въ томъ же 1776 году она писала великому князю Павлу Петровичу, посѣтившему Митаву проѣздомъ въ Берлинъ, о герцогѣ и герцогинѣ курляндскихъ: «Странными правилами въ жизни и обхожденіями дѣлаются они тягостными и тѣмъ, коихъ благоволеніе пріобрѣсти желаютъ. Мнѣ извѣстны четыре ихъ качества, съ которыми невозможно быть любезными и пріятными—они недовѣрчивы, упрямы, взыскательны и строги до жестокости» [2]). Прежде Екатерина защищала герцога въ его распрѣ съ курляндскимъ дворянствомъ; теперь, въ рескриптѣ отъ 20-го октября 1778 года, она пишетъ графу Стакельбергу: «Мое правосудіе не допускаетъ, чтобы какимъ бы ни было образомъ вы покровительствовали несправедливостямъ герцога. Сверхъ того, я желаю, чтобы на сеймѣ, при разсмотрѣніи жалобъ курляндскаго дворянства на своего герцога, вы предоставили бы полную свободу справедливости и не стѣсняли бы подачу голосовъ» [3]). Прежде Екатерина оправдывала герцога, противившагося контрабанднымъ ухищре-

---

въ бумагахъ Берлинскаго Архива. Такъ, депешею отъ 23-го апрѣля 1779 г. прусскій посланникъ подробно извѣщаетъ Фридриха II о видахъ кн. Потемкина на герцогство Курляндское (Russland, Rep. XI, № 1457, fol. 102) и, отъ 8-го ноября, сообщаетъ свои объясненія съ кн. Потемкинымъ о герцогствѣ Курляндскомъ (ibid., № 20, fol. 32). Когда Фридрихъ II настоятельно предписывалъ сблизиться съ кн. Потемкинымъ, посланникъ писалъ, отъ 4-го мая 1781 года: Votre Majesté daignera se rappeler, que dès mon arrivée ici j'avais mis tous mes soins à captiver le favori selon Ses ordres. Je lui avais articulé très clairement Ses intentions favorables pour appuyer ses vues sur la Courlande et il m'avait temoigné assez de confiance pour s'expliquer sur ce sujet (ibid., № 173).

[1]) Въ депешѣ отъ 22-го іюня 1787 года: Le Grand-Duc de Russie m'a paru tranquil sur les projets du prince Potemkin. En me parlant de ses menées en Pologne il me dit qu'il pourrait être fort indifférent qu'on y érigent ses terres en Duché, qu'une telle idée ne pouvait étonner après les vues qu'on lui avait connues sur la Courlande (Берлин. Архивъ, ibid., № 57).

[2]) Сборникъ, XLVII, 91.

[3]) «Русск. Старина», III, 317.

ніямъ рижскихъ купцовъ [1]); теперь она приказываетъ графу Стакельбергу «самымъ рѣшительнымъ образомъ защищать интересы города Риги и лифляндскихъ моихъ подданныхъ по дѣлу курляндскихъ таможенъ противъ покушеній герцога» [2]). Въ началѣ 1779 г. кн. Потемкинъ, все еще надѣявшійся стать герцогомъ курляндскимъ, представилъ императрицѣ небольшую записку [3]) противъ герцога Петра, составленную агентомъ князя, нарочно для этого ѣздившаго въ Курляндію; Екатерина отвѣчала: «Подкрѣпить угнетенныхъ и истинну отъ меня предписано и всякій часъ готова подтвердить сіи повелѣнія и все то, что въ пользу вашу служить можетъ» [4]). Въ нѣмецкомъ Extrait герцогъ Петръ представленъ какимъ-то чудовищемъ: «У герцога Петра грубый и жестокій характеръ; онъ стремится въ конецъ разорить страну; чисто египетское рабство дойдетъ скоро до крайняго предѣла; съ каждымъ днемъ онъ становится все злѣе; подчиненные терпятъ ежедневно отъ его самодурнаго деспотизма, отъ испанскихъ инквизицій и, вопреки всѣхъ законовъ и уставовъ, подвергаются оковамъ и мученіямъ». Весь этотъ вздоръ составленъ исключительно для доказательства, что «помощь высшей державы необходима, если герцогство должно существовать». Екатерина продолжала, однако, думать, что герцогство должно существовать и герцогскій стулъ все еще долженъ пока принадлежать фамиліи Бироновъ.

Герцогъ Петръ былъ женатъ три раза, несмотря на то, что рѣшился вступить въ бракъ лишь на 42-мъ году. Первая его супруга, принцесса Вальдекская, развелась съ нимъ въ 1772 г., послѣ семилѣтняго безплоднаго супружества. Общій говоръ обвинялъ и въ безплодіи, и въ разводѣ исключительно герцога Петра, какъ негоднаго для семейной жизни разврат-

---

[1]) Сборникъ, LVII, 416.

[2]) «Русская Старина», III, 318.

[3]) Extrait eines Schreibens aus Mitau, den 27 January 1779. Сборникъ XLII, 396.

[4]) Сборникъ, XLII, 395.

ника. Екатерина знала это и задумала исправить герцога именно бракомъ—она женила его на своей фрейлинѣ, красавицѣ княжнѣ Евдокіи Борисовнѣ Юсуповой. Бракъ былъ совершенъ подъ покровительствомъ Екатерины въ Зимнемъ дворцѣ, въ 1774 году, и былъ вполнѣ несчастливъ. Герцогъ Петръ не исправился, онъ остался такимъ же жестокимъ самодуромъ, какъ и былъ. «Посѣщеніе Курляндіи императрицею и личная благосклонность ея къ герцогинѣ еще нѣсколько времени удерживали его въ предѣлахъ, но по удаленіи государыни онъ снова сталъ тираномъ своей супруги» [1]). Въ 1776 году Екатерина вызвала герцогиню въ Петербургъ, и Евдокія Борисовна не видала болѣе своего супруга: въ 1778 году она развелась съ нимъ, а въ 1780 году умерла. Ея ранняя смерть произвела впечатлѣніе въ высшемъ петербургскомъ обществѣ [2]) и окончательно отвратила Екатерину отъ герцога Петра. Когда герцогъ женился въ третій разъ, на графинѣ Медемъ, Екатерина не признала ее герцогиней. Императрица писала великому князю Павлу Петровичу, встрѣтившему въ Вѣнѣ, въ 1782 году, курляндскую чету: «Въ отвѣтъ на вопросъ моего дорогого сына, какъ я желаю, чтобъ онъ относился къ герцогу курляндскому, сообщаю мое желаніе, чтобы онъ не нарушалъ вѣжливости, но что до сихъ поръ я не признала новой жены герцога, что я не отвѣчала на увѣдомительныя письма, которыя онъ мнѣ написалъ, и чтобъ любезный сынъ, если можетъ избѣгнуть свиданія съ нею, избѣгнулъ бы его, а основаніемъ этому можетъ выставить непризнаніе, и тогда, быть можетъ, герцогъ и самъ откажется представить ее. Я сдѣлала это, чтобы не быть вынужденной признавать каждую недѣлю новую герцогиню,

---

[1]) *Юсуповъ*, Род. Юсуповыхъ, I, 141; II, 231.

[2]) Депеша прусскаго посланника отъ 10-го іюля 1780 года: La duchesse de Courlande, née princesse de Ioussoupoff, vient de mourir avant-hier, fort regrettée de la cour et de toutes les personnes qui ont connu cette princesse. Берлинск. Архивъ, Russland, № 90.

тѣмъ болѣе, что покойная герцогиня находилась подъ моимъ непосредственнымъ покровительствомъ, и мой любезный сынъ помнитъ все, что происходило по этому поводу» [1]).

Екатерина была противъ герцога Петра, но не противъ «своего дѣла». Въ 1787 году, когда у герцога Петра родился сынъ, она признала его «наслѣднымъ принцемъ» Курляндіи; въ 1790 году, когда принцъ умеръ и у герцога Петра не оказалось мужского потомства, императрица обратила вниманіе на его племянниковъ, сыновей его брата, безпутнаго принца Карла.

Принцу Карлу было уже болѣе 50-ти лѣтъ, когда онъ женился на княжнѣ Понинской. Ея старшему сыну, принцу Густаву-Каликсту, было уже 10 лѣтъ, младшему, принцу Петру-Алексѣю—9, когда умеръ «наслѣдный принцъ» курляндскій. Маленькіе принцы росли то въ Митавѣ, то въ Варшавѣ, но болѣе всего жили въ польскихъ земляхъ матери. Въ 1792 г. Екатерина вызвала старшаго принца въ Петербургъ, дозволила бывать при дворѣ, заботилась о немъ, и всѣ видѣли въ немъ будущаго герцога Курляндіи [2]). Русскій резидентъ въ Митавѣ, Рюкманъ, именемъ императрицы требовалъ отъ герцога Петра 40.000 руб. на воспитаніе принца Густава, и, въ концѣ

---

[1]) Сборникъ, IX, 187.

[2]) Приводимъ изъ Берлинск. Архива рядъ депешъ съ извѣстіями о юномъ принцѣ, отъ 6-го апрѣля 1792 года: Comme l'impératrice doit déjà avoir ait venir le jeune Biron de Pologne à Krementschouk et qu'il y a ici un bel appartement de louer par la cour pour loger un étranger qu'on dit être lui, il faut croire que cette Princesse est entièrement decidée à faire tomber le duché de Courlande entre ses mains. L'investiture ayant été donnée par la Pologne à toute la famille Biron, il parait aussi que ses droits sont trop incontestables pour être disputés (№ 27); отъ 9-го апрѣля: Le brigadier de Budberg est effectivement arrivé avec le jeune Biron qui, logé et nourri par la cour, doit avoir été nommé lieutenant aux gardes. On se promet beaucoup des talents et de l'esprit que ce jeune homme annonce (№ 28); отъ 6-го мая: Le jeune Biron a paru à la cour et parait effectivement avoir avec un visage très laid une forte jolie tournure. La jeune cour parlant beaucoup de charmant petit prince, il est à supposer que l'impératrice désire qu'on le distingue infiniment (№ 36) и др.

концовъ, герцогъ обязался вносить ежегодно 12.000 руб. на содержаніе своего племянника [1]), воспитывавшагося въ Петербургѣ. Такимъ образомъ, несмотря на то, что герцогъ Петръ не имѣлъ сына, наслѣдованіе герцогскаго стула въ родѣ Бирона было обезпечено именно заботами Екатерины.

Двадцать лѣтъ уже герцогъ Петръ владѣетъ Курляндіею, но упорядочить свои отношенія къ «курляндскому рыцарству» не можетъ. Согласованіе интересовъ герцога и дворянства являлось и для него, какъ для отца, задачею неразрѣшимою. Этотъ вопросъ живо интересовалъ прусскаго короля. Еще Фридрихъ II съ завистью смотрѣлъ на Курляндію [2]) и всегда слѣдилъ за борьбою курляндскихъ дворянъ съ своимъ герцогомъ. Его преемникъ Фридрихъ-Вильгельмъ II особою инструкціею поручилъ секретарю прусскаго посольства въ Петербургѣ, Гюттелю, отправиться резидентомъ въ Митаву, изучить на мѣстѣ «курляндскій вопросъ» и разъяснить въ своихъ донесеніяхъ какъ положеніе герцога Петра, такъ и его отношенія къ мѣстному дворянству и земству.

Болѣе двухъ лѣтъ пробылъ Гюттель въ Курляндіи. Онъ прибылъ въ Митаву 5-го января 1791 г., прямо изъ Петербурга, и три мѣсяца спустя, въ депешѣ отъ 10-го апрѣля, такъ обрисовалъ герцога Петра: «Герцогъ постоянно живетъ въ своемъ помѣстьи [3]), съ двумя или тремя приближенными,

---

[1]) Депеши Гюттеля изъ Митавы, отъ 12-го іюля 1792 года: M-r de Rückmann a fait au nom de l'Impératrice de Russie une proposition au duc de Courlande de fournir aux frais de l'éducation du prince Gustave son neveu, qui est maintenant à Pétersbourg, 40.000 Rbl. par an; отъ 19-го августа: Le général-major de Budberg, gouverneur du prince Gustave de Biron, est venu de Pétersbourg et au nom de l'Impératrice a demandé au duc ce qu'il comptait faire en faveur de son neveu. Le duc est forcé à 24 heures de consentir à payer annuellement 12.000 Rbl. au profit de prince (Берлинск. Архивъ, Hüttel, №№ 21 и 26).

[2]) Le duc d'Aiguillon à M-r Sabatier de Cabre, du 18 mars 1773: S'il est vrai que le roi de Prusse manifeste des vues sur la Courlande, il serait bien étonnant que Catherine II put persister dans son asservissement à ses volontés (Парижск. Архивъ, Russie, vol. 91, p. 17).

[3]) Constamment retiré à sa campagne. Это—замокъ Würzau, въ десяти верстахъ отъ Митавы. *Richter*, V, 216.

которые льстятъ ему и обманываютъ его. Лишенный всякаго дарованія, онъ своею неспособностью и еще болѣе подозрительностью самъ портитъ всякое правое дѣло; онъ не умѣетъ ни расточать, ни жаловать во-время; онъ пренебрегаетъ лицами уважаемыми и уступаетъ всякой угрозѣ. Его подозрѣваютъ въ двуличности, и онъ самъ даетъ поводъ къ подобнымъ подозрѣніямъ. Онъ лишенъ всякаго чувства и поддается только страху. Его ничтожество и его упрямство мѣшаютъ даже герцогинѣ оказывать то доброе вліяніе, которое она могла бы производить своею прелестью, любезностью и своими способностями» [1]).

Портретъ некрасивый, но, къ сожалѣнію, довольно вѣрный. Если бы, однако, онъ былъ и совершенно точенъ, едва ли онъ помогъ бы Гюттелю разъяснить сущность курляндскаго вопроса. Коренная причина курляндскихъ раздоровъ заключалась не въ герцогѣ и не въ рыцарствѣ—это не былъ личный вопросъ, а чисто политическій, зависимый отъ всего государственнаго строя Курляндіи.

По своему государственному устройству Курляндія представляла олигархію, къ тому же чисто средневѣковую. Страна управлялась сеймомъ, состоявшимъ исключительно изъ дворянъ: ни городское, ни сельское населеніе не имѣло своихъ представителей на сеймѣ. Курляндское рыцарство всегда составляло крѣпко сплоченную корпорацію, имѣвшую своего ландмаршала въ Митавѣ и обладавшую административною и судебною властью въ своей землѣ. Какъ рыцарство чисто средневѣковое, феодальное, оно чуждалось промышленной и торговой дѣятельности; по положенію же Курляндіи, оно было лишено придворной или вообще государственной службы и жило исключительно плодами земли. Герцогъ имѣлъ значеніе единственно въ силу обширности своихъ земельныхъ участковъ, вотчинныхъ и государственныхъ, которые онъ отдавалъ курляндскимъ дворянамъ въ аренды и тѣмъ привлекалъ ихъ

[1]) Берлинск. Архивъ, Hüttel, № 7.

къ своимъ интересамъ. Такой олигархическій складъ не могъ существовать долго: съ одной стороны, возникли города и народились бюргеры, потребовавшіе извѣстныхъ правъ; съ другой—само рыцарство постоянно росло приплодомъ, и рано или поздно долженъ былъ почувствоваться недостатокъ земли, единственной кормилицы. Онъ почувствовался уже къ началу XVIII столѣтія, и курляндскіе дворяне съ жадностью набросились на герцогскіе земельные участки, которые они всякими правдами и неправдами захватывали въ видѣ арендъ. Долго это продолжаться не могло: у старика Бирона было только два сына, а у этихъ двухъ сыновей было уже 14 дѣтей, нуждавшихся въ извѣстномъ обезпеченіи. Курляндская земля слишкомъ мала, чтобы удовлетворить всѣ аппетиты курляндскаго дворянства. Вслѣдствіе же своего олигархическаго положенія, это дворянство не воспитало въ себѣ ни патріотическаго чувства, ни государственнаго смысла, и когда герцоги стали отказывать въ арендахъ, дворяне предпочли лучше отречься отъ герцоговъ, даже уничтожить герцогство, чѣмъ отказаться отъ своихъ жадныхъ поползновеній на чужую землю.

Основная причина всѣхъ несогласій и раздоровъ между герцогомъ и курляндскими дворянами заключалась преимущественно, если не исключительно, въ этихъ арендахъ. Это была борьба чисто экономическая, земельная. Гюттель полагалъ, что герцогъ Петръ можетъ легко примириться съ дворянствомъ, раздавъ ему въ аренду свои земли [1]). Это была бы, во всякомъ случаѣ, лишь временная отсрочка, а не рѣшеніе вопроса. Герцогъ Петръ не соглашался на отсрочку и не

[1]) Депеша Гюттеля отъ 11-го августа 1791 года: En général le duc aurait un moyen assez facile de se réconcilier avec l'ordre équestre—ce serait de redonner en ferme à des gentilhommes les terres de ses domaines qu'il fait maintenant administrer... Sans doute on a tort de soutenir que le duc est obligé d'affermer ses terres. Il n'existe point de loi qui l'y force, mais peut-être n'y en aurait-il une iniquité à suivre l'ancien usage et la politique même le conseille (Берлин. Архивъ, Hüttel, № 8).

только не раздавалъ арендъ дворянамъ, но даже выхлопоталъ у польскаго короля, своего сюзерена, право размежевать вотчинные и государственные участки, отрѣзать аллодіальныя земли отъ феодальныхъ, что̀ было крайне важно для герцога въ виду обезпеченія его дочерей, изъ которыхъ старшей было уже 10 лѣтъ. Курляндскіе дворяне, видя, какъ арендныя земли ускользаютъ изъ ихъ рукъ, протестовали противъ размежеванія, подняли шумъ на своемъ сеймѣ, послали депутатовъ на польскій сеймъ, въ Варшаву, гдѣ представили свой проектъ государственнаго устройства Курляндіи. Предоставляемъ, однако, слово самому Гюттелю, который, въ депешѣ отъ 17-го ноября 1791 года, доносилъ прусскому королю:

«Депутаты курляндскаго дворянства представили варшавскому сейму очень важный проектъ. Этотъ возмутительный проектъ, подъ видомъ утвержденія основныхъ законовъ Курляндіи, въ корнѣ подрываетъ ихъ, особенно же относительно герцога. Главная цѣль проекта—уничтожить всякое вліяніе герцога на управленіе страною и отнять у него право распоряжаться даже доходами съ феодальныхъ земель; въ то же время проектъ увеличиваетъ привилегіи и расширяетъ власть дворянства. Я подозрѣваю, что вожаки этого дворянскаго кова, руководимые исключительно своими личными интересами, имѣли въ виду совершенно уничтожить герцогское достоинство въ Курляндіи, съ тѣмъ, чтобы, присоединивъ герцогство къ Польшѣ, обратить феодальныя земли въ староства, которыя были бы розданы курляндскимъ же дворянамъ» [1]).

Трудно усмотрѣть государственный смыслъ въ стремленіи уничтожить герцогское достоинство въ герцогствѣ и нельзя не видѣть полнаго отсутствія патріотическаго чувства въ готовности присоединить родину къ чужому по языку и вѣрѣ государству. Очевидно: въ 1791 году курляндцы могли еще

[1]) Берлин. Архивъ, Hüttel, № 12.

говорить о Польшѣ, но послѣ второго, особенно же третьяго раздѣла, когда Польша, какъ государство, исчезнетъ, курляндцы станутъ просить о присоединеніи Курляндіи къ Россіи.

Намеки на это встрѣчаются еще задолго до второго раздѣла. Въ іюнѣ 1792 г. курляндскіе дворяне подали русскому резиденту Рюкману записку, въ которой называли русскую императрицу «богиней покровительницей» [1]) и просили защиты въ своей распрѣ съ герцогомъ. Что могла отвѣтить Екатерина? Самодержавная монархиня офиціально, чрезъ своего резидента, заявила, что «поддержитъ всякое постановленіе, какое курляндскій сеймъ признаетъ необходимымъ сдѣлать для блага страны» [2]), и нѣсколько дней спустя прошелъ слухъ, что русскимъ войскамъ въ Ригѣ данъ приказъ вступить въ Курляндію, если герцогъ выскажется противъ дворянства [3]). Предполагая даже, что слухи о занятіи Курляндіи русскими войсками имѣли основаніе, необходимо отмѣтить, что и въ 1793 году Екатерина имѣла въ виду принца Густава, какъ будущаго герцога Курляндіи [4]). Герцогъ Петръ выказалъ при этихъ обстоятельствахъ, дѣйствительно, полную неспособность: онъ то задумываетъ бросить всѣ дѣла и вре-

[1]) Angebetete Schutzgöttin, une déesse tutélaire de Courlande (Берлин. Архивъ, Hüttel, № 18).

[2]) Mr. Ruckmann leur a donné l'assurance positive, que Sa Souveraine approuvait toutes les démarches que la prétendue diète juge à propos d'entreprendre (Ibid.).

[3]) On continue de répandre que le corps qui campe à Riga est destiné à l'occupation de ce duché, si le duc se refuse aux conditions d'arrangements avec ses adversaires (Депеша Гюттеля отъ 12-го іюля 1792 года, въ Берлин. Архивѣ, Hüttel, № 21). Отъ 10-го января 1793 года: Le bruit court que plusieurs régiments russes ont reçu ordre de s'approcher des frontières de la Courlande (Ibid., № 34).

[4]) По поводу слуховъ о поѣздкѣ принца Фридриха Оранскаго въ Митаву Рюкману было предписано: Préparer les esprits de l'aristocratie courlandaise à ce que la future diète elle demande et insiste que la succession future au duché soit éventuellement reglée (Депеша Гюттеля отъ 19-го апрѣля 1792 г.). Въ депешѣ же отъ 3-го января 1793 г. прямо говорится des propos sur un séquestre du Duché jusqu'à la majorité du prince Gustave (Берлин. Архивъ, Гюттель, №№ 14 и 32).

менно удалиться за границу [1]), то подписываетъ важныя бумаги, не ознакомившись съ ихъ содержаніемъ [2]).

Герцогъ Петръ, очевидно, потерялъ голову; и было отъ чего. Какъ только Екатерина приняла сторону курляндскаго рыцарства, дѣло герцога Петра было проиграно—это было ясно для всѣхъ курляндцевъ, но не всѣ сознавали, что вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть проиграно и дѣло самой Курляндіи. Екатерина настоятельно требовала отъ герцога Петра, чтобъ онъ примирился съ курляндскимъ рыцарствомъ; курляндское же рыцарство, ставившее превыше всего свои личныя выгоды, стремилось умалить власть герцога до полнаго ея упраздненія и захватить его земли до раздѣленія его ризъ между собою. Это примиреніе состоялось въ началѣ 1793 года, почти наканунѣ присоединенія Курляндіи къ Россіи, т.-е. окончательнаго исчезновенія герцогства. Въ «актѣ соглашенія между его высококняжескою свѣтлостью герцогомъ и благороднымъ рыцарствомъ и земствомъ» [3]) значеніе герцога крайне принижено, при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ рыцарству предоставлено болѣе правъ и болѣе власти, чѣмъ герцогу [4]). Едва этотъ актъ былъ подписанъ, какъ началась невѣроятная погоня за арендами, при чемъ курляндскіе дворяне обращались къ Екатеринѣ, и уже она предписывала герцогу раздавать земли по ея указаніямъ, на основаніи присылаемыхъ изъ Петербурга списковъ [5]).

---

[1]) Le duc médite de s'absenter du pays sous prétexte que sa santé l'éxige (Ibid., № 36).

[2]) Ce qu'il y a de singulier, c'est que le duc ignorait après la signature de l'acte de composition que tel article en fit partie (Ibid., № 37).

[3]) Composition Acte zwischen Seiner Hochfürstlichen Durchlaucht dem Herzog und einer wohlgebornen Ritter und Landschaft. Mitau, 1793.

[4]) Депеша Гюттеля отъ 10-го февраля 1793 года: Le duc a acheté très cher le retour de la paix, car non seulement il est obligé de déroger à plusieurs de ses droits, mais encore de sacrifier des sommes considérables. Берлин. Архивъ, Hüttel, № 36).

[5]) Депеша Гюттеля отъ 3-го мая 1793 г.: Rückmann s'est rendu chez le duc pour lui faire la lecture d'une dépêche, laquelle contient de sanglantes repro-

Прусскій король, читая донесенія Гюттеля, хорошо сознавалъ, что судьба Курляндіи предопредѣлена заранѣе самимъ положеніемъ дѣлъ, но былъ убѣжденъ, что это положеніе создано желаніемъ Екатерины присоединить герцогство къ Россіи, и рѣшился противодѣйствовать этому. Въ іюнѣ 1794 года прусскій посланникъ при русскомъ дворѣ гр. Гольцъ былъ отозванъ и на его мѣсто назначенъ въ Петербургъ графъ Тауенцинъ. Въ инструкціи, данной новому посланнику, было предписано «всячески стараться воспрепятствовать Россіи завладѣть Курляндіею», особенно же «Либавскимъ на Балтійскомъ морѣ портомъ»; на случай же неуспѣха, посланнику поручено было «по меньшей мѣрѣ добиться равноцѣннаго для Пруссіи земельнаго вознагражденія» [1]). Исполняя приказаніе своего короля, гр. Тауенцинъ, между прочимъ, старался сблизиться съ «всесильнымъ фаворитомъ», ничтожнымъ и алчнымъ гр. П. А. Зубовымъ, для чего всячески льстилъ ему и силился подкупить его въ пользу Пруссіи. Такъ, именемъ короля предложилъ онъ гр. Зубову герцогство курляндское, что Зубовъ категорически отклонилъ, го-

ches pour Monseigneur de n'avoir pas pourvu de fermes tous les individus désignés dans la liste, en ajoutant, que les contracts éventuels que ce prince avait donné aux personnes non protégées par Sa Majesté Impériale devaient être résiliés, si non des troupes russes entreraient en Courlande et mettraient le séquestre sur les terres allodiales du prince. En même temps Rückmann a remis une seconde liste plus nombreuse encore où la terre que chacun doit avoir est expressément nommée (Ibid., № 37). Были требованія даже совершенно невыполнимыя: Le plus grand embarras qui reste au duc est comment satisfaire aux nombreuses recommandations de la Russie; car outre qu'il y a plus de recommandés que de terres vacantes, plusieurs parmi les premiers ont demandé des baillages qui sont déjà assurés à d'autres... Rückmann a exigé pour soi-même quatre fermes dans le voisinage de Mitau, qui depuis longtemps ont été en administration parce que le duc y a établi le haras qu'il entretient pour le grand-duc de Russie (Ibid., № 36).

[1]) Инструкція отъ 22-го іюля 1794 года, въ Берлин. Архивѣ, Rep. XI, vol. II, 1.

воря, что императрица предназначила герцогство принцу Густаву [1]).

Такимъ образомъ, даже въ 1794 году Екатерина не думала еще о присоединеніи Курляндіи. Не думали объ этомъ и курляндцы. Весной, когда Екатерина подписала актъ гарантіи курляндской конституціи, представитель курляндскаго сейма, обербургграфъ фонъ-деръ-Ховенъ, въ прощальной аудіенціи, 29 марта 1794 года, назвалъ этотъ актъ золотою буллою, Magna Charta Курляндіи, и выразилъ увѣренность, что онъ «составитъ счастіе Курляндіи на будущія времена» [2]).

Это было сказано въ Петербургѣ представителемъ курляндцевъ за десять дней до избіенія русскихъ въ Варшавѣ. Въ Польшѣ вспыхнуло сильное революціоное движеніе. Военный пожаръ разлился по всей Великой Польшѣ, охватилъ Митаву, коснулся Курляндіи. Либава была занята инсургентами. 11-го іюля курляндскій сеймъ постановилъ: въ виду польскихъ замѣшательствъ, просить русскую императрицу объ особой защитѣ Курляндіи и ея конституціи. Между тѣмъ, русскія войска очистили Митаву, взяли Прагу, плѣнили Костюшко, заняли Варшаву. Литвинъ Костюшко предвидѣлъ уже Finis Poloniae. Пала Польша; устоитъ ли Курляндія?

Рескриптомъ отъ 26-го октября 1794 года, генералъ-поручику кн. Голицыну пожалованъ орденъ св. Владиміра 1-й степени «за очищеніе Курляндіи и Самогитіи отъ польскихъ мятежниковъ и за возстановленіе тамъ спокойствія» [3]). Именно въ это время Курляндія была неспокойна. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ по всей Курляндіи было распространяемо и горячо обсуждаемо предложеніе фонъ-деръ-Ховена «уничтожить ленную зависимость Курляндіи отъ Рѣчи Посполитой и отдаться подъ

---

[1]) Депеша гр. Тауенцина отъ 30-го сентября 1794 г.: Vous savez, Monsieur, que l'Impératrice fait élever les enfants du frère de Duc à Riga et qu'Elle compte les faire régner (Берлин. Архивъ, Tauenzien, № 11). Accorder au compte de Zouboff la Courlande, въ депешѣ отъ 17-го октября (Ibid., № 15).

[2]) *Cruse*, II, 213; *Richter*, V, 230.

[3]) Русскій Архивъ, 1876, II, 131.

покровительство России, при чемъ просить русскую императрицу о сохраненіи особыхъ правъ и привилегій герцогской фамиліи, рыцарства и земства» [1]). Герцогъ Петръ понялъ, откуда вѣтеръ дуетъ, и написалъ вице-канцлеру гр. Остерману офиціальное письмо, въ которомъ протестовалъ противъ подобнаго предложенія, какъ возбуждавшаго революціонное въ странѣ движеніе противъ государственнаго строя Курляндіи, признаннаго и гарантированнаго Россіею. Графъ Остерманъ отвѣчалъ 20-го октября слѣдующимъ письмомъ:

«Милостивый Государь!

«Письмо, которымъ Ваша Свѣтлость изволила почтить меня 30-го сентября, я представилъ императрицѣ и теперь отвѣчаю по особому Ея Величества приказанію.

«Настоящее положеніе польскихъ дѣлъ вполнѣ оправдываетъ въ глазахъ Ея Величества какъ желаніе, выраженное въ письмѣ Вашей Свѣтлости, такъ и просьбу, высказанную курляндскимъ рыцарствомъ. Равнымъ образомъ, Ея Величество по своей мудрости соизволила признать настоятельную необходимость разрѣшить, не теряя времени, столь важный вопросъ и посовѣтоваться съ Вашей Свѣтлостью обо всемъ, касающемся интересовъ и благосостоянія Курляндіи и Семигалліи. Ея Величество изволила при этомъ вспомнить, что Ваша Свѣтлость много уже разъ высказывали желаніе посѣтить императорскій дворъ. Вслѣдствіе чего Ея Величество приглашаетъ Вашу Свѣтлость прибыть возможно скорѣе въ Петербургъ, чтобы непосредственно съ Вашею Свѣтлостью обсудить и рѣшить столь важный вопросъ.

«Лифляндскій генералъ-губернаторъ баронъ Паленъ, который будетъ имѣть честь представить Вашей Свѣтлости настоящее письмо, получилъ уже приказаніе принять всѣ необходимыя мѣры для удобнаго путешествія Вашей Свѣтлости,

---

[1]) *Schwartz*, Staatsschriften, № 276, S. 453.

между тѣмъ какъ я готовлю помѣщеніе для пріема Вашей Свѣтлости» [1]).

Между тѣмъ, десять дней спустя послѣ паденія Праги, герцогъ Петръ получилъ уже офиціальное предложеніе фонъ-деръ-Ховена, въ видѣ особой петиціи, подписанной 33 курляндскими дворянами, съ требованіемъ созвать сеймъ для обсужденія и постановленія рѣшенія. Герцогъ напечаталъ эту петицію, разослалъ по всѣмъ приходамъ, но не успѣлъ еще созвать сеймъ, какъ получилъ новую петицію. тоже подписанную многими курляндскими дворянами, въ которой говорилось, что первая петиція возбудила страсти и ложныя толкованія относительно «искомаго» покровительства Россіи: новая петиція находитъ уже «смѣшнымъ ставить какія-либо условія величайшей государынѣ въ Европѣ» и заклинаетъ всѣхъ курляндцевъ, разорвавъ связь съ Польшею, «подчиниться вполнѣ русской императрицѣ и предоставить ея великодушію судьбу Курляндіи» [2]).

---

[1]) Письмо это приведено въ неизданныхъ мемуарахъ барона X, у *Eckardt*, Jungrussisch und Altlivländisch, Berlin, 1871, стр. 379. Этотъ X легко разрѣшается. Авторъ мемуаровъ называетъ себя обершталмейстеромъ герцога Петра (Grossstallmeister des Herzogs, S. 380) и депутатомъ Пильтенскаго округа (ich nahm das Amt eines Piltenschen Deputirten an, indem der Oberrath v. Korff mein College war, S. 383). Въ офиціальномъ спискѣ показаны слѣдующіе Les délégués du district de Pilten: 1) M-rs: le conseiller provincial de Korff, 2) *le grand écuyer de Heyking* (*Cruse*, II, 288). Гейкингъ оставилъ нѣсколько томовъ своихъ мемуаровъ, писанныхъ на французскомъ языкѣ; изданъ только небольшой отрывокъ, касающійся присоединенія Курляндіи и проливающій новый свѣтъ на это событіе.

[2]) И эта вторая петиція составлена Ховеномъ (*Schwartz*, ibid., S. 455). При государственномъ устройствѣ Курляндіи, только постановленія сейма имѣютъ значеніе, почему мы и не обращали особаго вниманія на дѣятельность отдѣльныхъ лицъ. Кто же такой Ховенъ, игравшій видную роль при послѣднихъ минутахъ герцогства? Отто-Германъ фонъ-деръ-Ховенъ вполнѣ подтверждаетъ нашъ отзывъ о курляндскомъ дворянствѣ: Ховенъ никогда не имѣлъ въ виду интересовъ родины, а руководствовался исключительно личными выгодами. Онъ ратовалъ за принца Карла саксонскаго, надѣясь получить отъ него достодолжную мзду за свою преданность принцу, и потомъ перебросился на сторону Россіи, продался Екатеринѣ, когда увидѣлъ.

Откуда такая рѣзкая перемѣна? Почему протекторатъ такъ быстро смѣненъ присоединеніемъ, къ тому же безусловнымъ?

Курляндское дворянство привыкло уже получать свой mot d'ordre не изъ Митавы или Варшавы, а изъ Петербурга—изъ Петербурга приходили списки арендъ, по Петербургу же нормировали курляндцы и свои политическіе взгляды. Между тѣмъ, въ Петербургѣ засѣдала конференція изъ представителей Россіи, Австріи и Пруссіи, окончательно рѣшавшая судьбу

что она раздаетъ курляндскія аренды. Раньше и полнѣе другихъ курляндцевъ Ховенъ испыталъ на себѣ тяжелую руку Екатерины: по ея приказанію, онъ былъ арестованъ въ 1771 году, въ Варшавѣ, при чемъ въ его бумагахъ была найдена переписка съ саксонскимъ дворомъ и планъ возстановленія принца Карла на герцогскомъ стулѣ Курляндіи. Ховенъ былъ заключенъ въ рижской цитадели около трехъ лѣтъ. Въ донесеніи генералъ-губернатора Броуна императрицѣ, отъ 2-го іюня 1772 года, видно, какъ тяжко было это заключеніе: «Какъ нынѣ содержащійся здѣсь въ цитадельской крѣпости подъ крѣпкимъ карауломъ секретной арестантъ Ховенъ находится въ тяжкой болѣзни и весь опухъ, потому что онъ никакого свѣжаго воздуха не имѣетъ, то чрезъ плацъ-маіора проситъ меня, чтобъ къ спасенію его жизни дозволено ему было изъ того каменнаго покоя, гдѣ онъ заключенъ, выходъ имѣть на свѣжій воздухъ, на валъ цитадельской крѣпости». Екатерина дозволила выходъ, но «съ тѣмъ, чтобы онъ, во время своего прогуливанія, ни съ кѣмъ до разговоровъ допускаемъ не былъ». Ховенъ былъ освобожденъ 22-го октября 1774 г. (Осьмнадц. Вѣкъ, III, 269). Эти нравственныя и физическія страданія Ховенъ скоро забылъ ради матеріальныхъ выгодъ, и Гюттель въ одной изъ первыхъ своихъ депешъ называетъ его «ami dévoué de la Russie» и такъ отзывается о немъ: «Howen, la meilleure tête du pays, orienté dans le labyrinthe des lois courlandaises, fin, rusé, adroit, est trop intéressé à fermenter les troubles dont il est la première cause par les déprédations commises à son profit sur les deniers du duc pendant les voyages de ce prince. Il est trop intéressé encore à maintenir l'influence russe, vu que c'est par elle qu'il est devenu conseiller suprême et qu'il a acquis des sommes immenses. Or, c'est cet Howen, qu'on reconnait généralement pour un roué, mais qu'on admire et qu'on craint, qui dirige le parti anti-ducal» (Берлин. Архивъ, Hüttel, № 7). Ховенъ ратовалъ за безусловное присоединеніе Курляндіи не даромъ: ему было обѣщано большое имѣніе Grenzhof (*Eckardt*, 381); по присоединеніи герцогства, онъ получилъ, кромѣ денегъ и арендъ, чинъ тайнаго совѣтника, званіе сенатора и орденъ св. Анны 1-й степени. *Grothuss*, Lebensgeschichte Howen's—рѣдкая брошюра, которой мы не имѣли подъ руками, равно какъ и *Schwartz*, Erläuterungen zu Howen's Lebensgeschichte v. Grothuss. Basel, 1796. Ховенъ, какъ курляндскій государственный человѣкъ, см. Das Inland, 1851, № 41, стр. 647.

Польши. Было уже опредѣлено безповоротно, что по третьему и послѣднему раздѣлу Польши, русская граница отодвинется до Полангена, при чемъ рѣшено, что «всѣ земли, владѣнія, провинціи, города, мѣстечки и деревни, заключающіеся въ означенной чертѣ, будутъ присоединены навсегда къ Россійской Имперіи» [1]). О Курляндіи не упомянуто ни словомъ, но въ указанной чертѣ заключалось и герцогство курляндское. Присоединеніе Курляндіи къ Россіи представлялось настолько естественнымъ, что даже прусскій посланникъ графъ Тауенцинъ говорилъ объ этомъ, на конференціи 8-го декабря, какъ о событіи неизбѣжномъ [2]). Предложеніе курляндцами протектората не имѣло уже никакого значенія само по себѣ и, что̀ для курляндцевъ было особенно важно, не имѣло бы ни малѣйшей цѣны въ глазахъ Екатерины, отъ которой они ждали арендъ—курляндцы замѣнили протекторатъ присоединеніемъ.

Курляндія переживала серьезныя минуты. На 5-е марта 1795 года созванъ былъ сеймъ, которому предстояло рѣшить не мелкія дрязги, не личные интересы, а государственное существованіе герцогства. Сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряженія относительно сейма, герцогъ рѣшился ѣхать въ Петербургъ, куда призывала его императрица, чтобъ «посовѣтоваться съ его свѣтлостью обо всемъ, касающемся интересовъ и благосостоянія Курляндіи».

27-го января 1795 года герцогъ Петръ прибылъ въ Петербургъ. Его сопровождала большая свита: канцлеръ Вольфъ, ландмаршалъ Шеппингъ, высшій совѣтникъ Фирксъ, оберфорстмейстеръ Дершау, оберштальмейстеръ Гейкингъ, полковникъ герцогской гвардіи Дризенъ, личный секретарь герцога, много пажей и масса челяди. Пріемъ, оказанный герцогу, не предвѣщалъ ничего дурного—для помѣщенія герцога

---

[1]) *Angeberg*, Recueil des traités concernant la Pologne, 397; *Мартенсъ*, Собраніе договоровъ, II, 241.

[2]) Въ депешѣ гр. Тауенцина, отъ 10-го декабря 1794 года, изложены переговоры съ гр. Остерманомъ и разсказана интересная конференція 8-го декабря (Берлин. Архивъ, Tauenzien, № 28). Ср. Мартенсъ, II, 226.

нанятъ былъ по приказанію Екатерины обширный домъ графа Остермана [1]), императрица и великій князь Павелъ Петровичъ приглашали его къ обѣденному столу [2]); министры Екатерины оказывали ему подобающее уваженіе.

Подъ этою вполнѣ приличною внѣшностью крылось непримиримое разногласіе, вскорѣ же обнаружившееся. По положенію дѣла всѣ курляндцы сознавали, что присоединеніе Курляндіи къ Россіи является неизбѣжнымъ, но распадались на двѣ партіи относительно практическаго осуществленія этой мѣры—часть курляндцевъ, съ герцогомъ во главѣ, желала присоединенія на извѣстныхъ условіяхъ, другая же, большая часть, съ Ховеномъ во главѣ, ратовала, за безусловное подчиненіе. Въ Петербургѣ, равнымъ образомъ, замѣтны были два теченія: герцогъ и его министры вели офиціальные переговоры съ вице-канцлеромъ гр. Остерманомъ, и въ то же время фаворитъ Зубовъ, чрезъ посредство А. И. Маркова, давалъ негласныя наставленія Ховену, нерѣдко прямо противныя увѣреніямъ вице-канцлера. Марковъ, принимавшій участіе въ конференціяхъ съ представителями Австріи и Пруссіи, исходилъ изъ того начала, что «захватъ» Курляндіи даетъ поводъ Пруссіи требовать равноцѣннаго вознагражденія, между тѣмъ какъ добровольное, по просьбѣ самого курляндскаго дворянства, и безусловное присоединеніе Курляндіи къ Россіи лишитъ Пруссію права на подобное вознагражденіе [3]). Екатерина хорошо понимала разницу въ формѣ при-

---

[1]) L'impératrice a loué la maison de comte Ostermann pour 500 roubles par mois au duc de Courlande, qui doit arriver incessamment avec une partie de sa cour. Депеша гр. Тауенцина, отъ 10-го января 1795 г., въ Берлин. Архивѣ, Tauenzien, № 7. Графъ Остерманъ извѣщалъ объ этомъ герцога по приказанію императрицы (*Eckardt*, 380). Этотъ домъ былъ купленъ кн. Н. В. Репнинымъ (Сборникъ, XVI, 244).

[2]) Екатерина въ письмѣ къ Гримму, отъ 1-го февраля 1795 г. (Сборникъ, XXIII, 619); подробности обѣда у наслѣдника и разговора о «трудномъ положеніи» герцога см. *Eckardt*, 382.

[3]) Si la sujétion de la Courlande est volontaire et offerte sans condition ar la noblesse elle-même, la cour de Prusse ne pourra demander aucun acqui-

соединенія, но, не желая выступать оффиціально, поручила устройство этого дѣла Зубову и Маркову, которые подкупили Ховена. Такимъ образомъ, въ Петербургѣ велась двойная игра.

Герцогъ мѣшалъ Ховену. Желая вполнѣ отстранить герцога отъ всякихъ переговоровъ, Ховенъ сталъ всюду распространять, что курляндское дворянство имѣетъ право и желаетъ вести непосредственно переговоры съ русскимъ правительствомъ о судьбѣ своей родины: съ уничтоженіемъ польскаго государства исчезаетъ и авторитетъ герцога курляндскаго, который есть лишь вассалъ польской короны и болѣе ничего. Герцогъ Петръ возмутился. Онъ послалъ гр. Остерману оффиціальную записку, въ которой энергично протестовалъ противъ нарушенія его герцогскихъ прерогативъ, называя поведеніе Ховена une conduite criminelle, и ставилъ его заявленіе въ связь съ idées révolutionnaires, гибельно дѣйствующими на народные умы. Гр. Остерманъ отвѣчалъ герцогу именемъ Екатерины, но очень двусмысленно: «Ея Величество питаетъ надежду, что мѣры, которыя приметъ Курляндія, будутъ единодушны, законны и вполнѣ согласны съ конституціею страны» [1]).

Ховенъ, въ свою очередь, мѣшалъ герцогу. Увѣдомляя гр. Зубова о созваніи въ Митавѣ сейма, герцогъ Петръ откровенно заявилъ, что будетъ стараться о недопущеніи Ховена въ число депутатовъ, которые явятся въ Петербургъ отъ имени сейма. Гр. Зубовъ отвѣчалъ герцогу полнымъ согласіемъ и въ то же время предписалъ рижскому генералъ-губернатору Палену ѣхать въ Митаву и добиться, чтобы сеймъ не только принялъ предложеніе Ховена, но и прислалъ бы его во главѣ депутаціи въ Петербургъ.

[redacted] la forme est ici essentielle (*Eckardt*, 381). Чрезвы-
[redacted] свидѣтельствующее, что Екатерина добивалась
[redacted] для уничтоженія курляндскихъ правъ и при-
[redacted] себя отъ прусскихъ притязаній.

Въ Митавѣ орудуютъ и Ховенъ, и Паленъ, набирая партію, угодную видамъ Россіи; герцогъ Петръ живетъ въ Петербургѣ и, конечно, не можетъ имѣть вліянія на членовъ курляндскаго сейма. Въ концѣ февраля герцогъ рѣшился возвратиться въ Митаву, о чемъ и заявилъ вице-канцлеру гр. Остерману; ему отвѣтили, что онъ можетъ спокойно оставаться въ Петербургѣ и что на сеймѣ все устроится и безъ него [1]). Такимъ образомъ, въ то время, какъ въ Митавѣ рѣшалась судьба Курляндіи. герцогъ бездѣйствовалъ въ Петербургѣ, охраняемый отъ сношеній съ кѣмъ бы ни было—онъ не могъ видѣться даже съ прусскимъ посланникомъ [2]).

На митавскомъ сеймѣ, дѣйствительно, все устроилось и безъ герцога. Послѣдній курляндскій сеймъ былъ необычайно полонъ и единодушенъ. Партія Ховена одержала полную побѣду. Представители всѣхъ приходовъ единогласно, безъ протеста съ чьей бы ни было стороны [3]), разорвали связь съ Польшею добровольно и присоединили, безъ всякихъ условій и оговорокъ, Курляндію и Семигаллію къ Россійской имперіи. Въ среду, 7-го марта, депутаты сейма подписали слѣдующіе два акта [4]):

во-первыхъ, «Манифестъ благороднаго рыцарства и земства

---

[1]) Депеша гр. Тауенцина отъ 2-го марта: Le duc de Courlande a demandé de s'en retourner dans son duché, prétextant l'assemblée des états de Courlande qui doit s'y tenir, mais la Cour lui a fait signifié de demeurer tranquille ici et que tout s'arrangerait sans sa présence (Берлин. Архивъ, Tauenzien, № 20).

[2]) Comme je ne le vois pas, car il n'a pas voulu risquer de me recevoir chez lui (Ibid., № 25). Такимъ образомъ, въ это время два владѣтельные государя находились подъ надзоромъ русской полиціи: польскій король въ Гродно и герцогъ курляндскій въ Петербургѣ.

[3]) О мнимомъ протестѣ канцлера Вольфа см. *Eckardt*, 383; *Cruse*, II, 218; *Richter*, V, 234.

[4]) Архивъ Сената, т. 178, л. 314; П. С. З., № 17319. При указѣ сенату, отъ 15-го апрѣля 1795 года, препровождена грамота жителямъ Курляндіи, Семигалліи и Пильтена, актъ отреченія герцога Петра, манифестъ объ отреченіи отъ связи съ Польшею и акты о присоединеніи къ Россіи всѣхъ трехъ областей. Всѣ акты напечатаны въ нѣмецкомъ текстѣ и русскомъ переводѣ. *Cruse*, II, 256.

Курляндіи и Семигалліи объ отреченіи отъ существовавшей понынѣ съ Польшею связи». Существенное значеніе этого акта заключается въ слѣдующихъ словахъ: «Мы силою сего нашего манифеста за себя и потомковъ нашихъ навсегда и на вѣчныя времена торжественнѣйшимъ и законнымъ образомъ отрещись восхотѣли и дѣйствительно отрицаемся отъ существовавшаго понынѣ покровительства и верховной власти Польши надъ нами и сими герцогствами, равно какъ и отъ всякой связи, обязательствъ и долгу, коимъ мы и сіи герцогства по днесь въ разсужденіи Польши подлежали».

и, *во-вторыхъ*, «Актъ благороднаго рыцарства и земства герцогствъ Курляндіи и Семигалліи о подверженіи ихъ Ея Императорскому Величеству». Побужденія къ подобному «подверженію» выражены курляндцами въ двухъ соображеніяхъ: съ одной стороны, Курляндіи, «яко весьма малой области, невозможно самой собою независимо и безъ покровительства высшей державы существовать», съ другой, курляндцы, испытавъ, «сколь тягостна и для общаго состоянія вредна была состоявшая доселѣ въ Курляндіи ленная система, долженствовали натурально не токмо почувствовать необходимость подвергнуться вновь высшей державѣ, но и возымѣть желаніе подвергнуться сей высшей державѣ не посредственно, но безпосредственно». Послѣ такихъ соображеній въ актѣ изображено: «и потому безпосредственно подвергаемся Ея Величеству Императрицѣ Всероссійской и Ея скипетру, и съ толикимъ же благоговѣніемъ, какъ и упованіемъ, предоставляемъ и совершенно предаемъ на волю Ея Императорскаго Величества точнѣйшее опредѣленіе будущей нашей участи, тѣмъ паче, что Ея Величество была поднесь великодушною защитницею и ручательницею всѣхъ нашихъ нынѣшнихъ правъ, законовъ, обычаевъ, вольностей, привилегій и владѣній, и что Она, по высокому своему благорасположенію, всеконечно наклонна будетъ съ матернимъ попеченіемъ поправить будущую судьбу такой земли, которая подвергается Ея Величе-

ству съ преисполненною благоговѣнія и неограниченною довѣренностью» [1]).

Сеймъ закончилъ свои засѣданія избраніемъ особой депутаціи изъ шести членовъ, во главѣ которой, по настоянію Палена, былъ поставленъ усердный слуга гр. Зубова извѣстный фонъ-деръ-Ховенъ. Депутація должна была отправиться въ Петербургъ, явиться in corpore къ герцогу Петру и заявить ему, что, вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, присяга, данная рыцарствомъ герцогу, уничтожается, а вслѣдствіе паденія Польши упраздняется и герцогское его достоинство, какъ вассала. Сверхъ того, депутаціи поручено было предложить герцогу присоединиться къ рѣшеніямъ сейма. Самою же главною задачею депутаціи поручено было представить русскому правительству оба акта и принести вѣрноподданническую присягу императрицѣ Екатеринѣ II.

Только 19-го марта прибыла депутація въ Петербургъ и здѣсь узнала, что герцогъ Петръ отрекся уже отъ своихъ правъ на герцогства. Онъ долженъ былъ подчиниться рѣшенію сейма, но желалъ упредить предложеніе депутаціи. Проектъ акта отреченія былъ представленъ гр. Остерману и, по его одобреніи [2]), подписанъ герцогомъ 17-го марта [3]). Конечно, и герцогъ Петръ,

---

[1]) Курляндцы ehrfurchtsvoll и vetrauungsvoll вручали свою судьбу Екатеринѣ потому именно, что она всегда уважала и охраняла ихъ Rechte, Gesetze, Gewohnheiten, Freiheiten, Privilegien и Besitzungen. Они были увѣрены въ Екатеринѣ и не ошиблись—Екатерина «императорскимъ словомъ» своимъ подтвердила всѣ ихъ права и привилегіи. Это чрезвычайно важное мѣсто акта игнорируется новѣйшими обрусителями. *Мосоловъ*, ibid., 47.

[2]) Гр. Остерманъ одобрилъ проектъ, но именемъ императрицы просилъ выраженіе Unterwerfung ohne Bedingungen замѣнить выраженіемъ unbedingte Unterwerfung. *Eckardt*, 38.

[3]) Депеша гр. Тауенцина отъ 20-го марта 1795 года: J'ai appris hier que le duc de Courlande a formellement abdiqué, la chose étant tenue très secrètement, c'est de lui même que je le sais. Comme le comte Ostermann m'a assuré le contraire il n'y a pas longtemps, je passerai chez lui pour en avoir une explication. Le duc a perdu entièrement la tête, trahi et abandonné quasi par tout son pays, et appréhendant le gouvernement russe il s'est cru forcé à cet

подобно государственнымъ чинамъ герцогствъ, признавалъ, что «только безусловное подверженіе можетъ основать прочное Курляндіи благополучіе» и «обезпечить ему давно желанное спокойствіе».

Двѣ недѣли прошло въ исполненіи различныхъ формальностей и въ приготовленіяхъ къ церемоніи. Главное, существенное было сдѣлано, и Екатерина, довольная ходомъ дѣла, пишетъ Гримму, отъ 10-го апрѣля: «Господа курляндцы прибыли сюда не для предложенія какихъ-либо условій—они только просятъ уравнять ихъ съ другими областями имперіи, т.-е. учрежденія губерніи. Я отвѣчала имъ, что это разумѣлось само собою, и тотчасъ будетъ приступлено къ предварительнымъ распоряженіямъ —къ опредѣленію уѣздовъ, къ раздѣленію дѣлъ на четыре разряда, къ постройкѣ зданій для казначейства и судебныхъ мѣстъ, къ ихъ внутреннему устройству. На все это требуется обыкновенно не менѣе года, но такъ какъ это приходилось уже дѣлать разъ сорокъ и даже болѣе, есть много людей, приготовленныхъ къ этому дѣлу, и мало-по-малу это идетъ какъ по нотамъ, и всѣ имъ довольны, и я тоже [1])». Екатерина, никогда не довѣрявшая Гримму серьезныхъ вопросовъ, и въ данномъ случаѣ не была откровенна: въ это время составлялась грамота государственнымъ чинамъ Курляндіи, Семигаллія и Пильтена, опредѣлялся церемоніалъ присоединенія герцогства, писалась присяга, устраивалась судьба герцогской фамиліи. Черезъ двѣ недѣли все было готово.

Въ пятницу, 15-го апрѣля, придворныя кареты, шестеркой

———

. Comme je ne le vois pas, c'est par un tiers qu'il me fait parler, car il n'a …oulu risquer de me recevoir chez lui et maintenant toutes ses instances …ent à supplier Votre Majesté de lui accorder Sa protection, au cas qu'on … difficultés de le faire partir d'ici et de ne point lui refuser Sa puis…rcession pour lui faire obtenir ses justes prétentions. Toute cette … arrangée par des intrigues incroyables, desquelles les Courlandais …e et dont ils se repentent déjà et par la faiblesse inexprimable …ин. Архивъ, Tauenzien, № 25).

…никъ, XXIII, 630; Русск. Архивъ, 1878, III, 221.

цугомъ, въ сопровожденіи конюшенныхъ и гайдуковъ, привезли депутатовъ въ Зимній дворецъ. По особому церемоніалу, были они введены въ тронную залу. Императрица, въ малой императорской коронѣ, сидѣла на тронѣ, окруженная высшими чинами двора, министрами, сановниками. Ховенъ привѣтствовалъ императрицу рѣчью на нѣмецкомъ языкѣ отъ имени курляндскаго дворянства, послѣ чего секретарь сейма Нергеріусъ передалъ вице-канцлеру гр. Остерману сеймовые акты о присоединеніи Курляндіи къ Россійской имперіи. То же сдѣлалъ фонъ-Корфъ отъ имени Пильтенскаго округа [1]). На эти привѣтствія гр. Остерманъ, отъ имени императрицы, отвѣчалъ на русскомъ языкѣ:

«Ея Величество императрица съ благоволеніемъ изволитъ взирать на торжественный актъ, только что исполненный рыцарствами Курляндіи, Семигаллін и Пильтена. Ея Величество усматриваетъ въ немъ свободное выраженіе безграничнаго довѣрія къ постоянной и непоколебимой, постоянно проявляемой заботливости о счастіи и благополучіи этихъ областей. Милостиво снисходя на ваши желанія и просьбы, Ея Величество принимаетъ эти области подъ свою державу не для расширенія границъ обширной ея имперіи и не для умноженія ея силы, но для распространенія на всѣхъ прибѣгающихъ подъ ея покровительство тѣхъ благодѣяній, которыя она постоянно оказываетъ своимъ подданнымъ. Да соревнуютъ новые подданные, только что принятые Ея Величествомъ, съ старыми ея подданными въ преданности и послушаніи, и да оправдаютъ тѣмъ доброжелательныя и истинно материнія намѣренія государыни, съ коими она принимаетъ ихъ какъ сыновъ своего отечества и присоединяетъ къ имперіи, столь мудро и великодушно ею правимой. Убѣжденная въ этомъ и довѣряя извѣстнымъ качествамъ и прозорливости новыхъ

[1]) Hoven hatte die Liebedienerei so weit getrieben, sich am Schluss seiner Rede auf ein Knie niederzulassen, und Korff blieb nichts übrig als widertrebend diesem Beispiel zu folgen. *Eckardt*, 386.

подданныхъ, Ея Величество ожидаетъ отъ нихъ всего хорошаго, на что они способны. Ея Величество обнадеживаетъ своимъ императорскимъ благоволеніемъ и своимъ материнскимъ расположеніемъ какъ Курляндію, Семигаллію и Пильтенъ, такъ и депутатовъ ихъ, нынѣ у ступеней ея трона собравшихся».

Цѣлованіемъ руки закончилось торжество. Затѣмъ депутатамъ розданы были печатные экземпляры манифеста ко всѣмъ подданнымъ Курляндіи, Семигалліи и Пильтенскаго округа, на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Въ манифестѣ, между прочимъ, говорилось: «Объявляемъ притомъ Императорскимъ Нашимъ Словомъ, что не токмо свободное исповѣданіе вѣры, отъ предковъ вами наслѣдованной, права, преимущества и собственность, законно каждому принадлежащая, въ цѣлости соблюдены будутъ [1]), но что отъ сего времени каждое состояніе народное вышеозначенныхъ областей имѣетъ пользоваться и всѣми тѣми правами, вольностями, выгодами и преимуществами, каковыми древніе подданные Россійскіе по милости нашихъ предковъ и Нашей наслаждаются». Повторяемъ, курляндцы не ошиблись: они могли, конечно, и не слышать о «наслажденіяхъ» русскихъ подданныхъ, но за свое безусловное подчиненіе Екатеринѣ они были награждены торжественнымъ, скрѣпленнымъ «Императорскимъ Словомъ» подтвержденіемъ ихъ правъ и преимуществъ.

Въ среду, 20-го апрѣля, депутаты и всѣ курляндцы, числомъ 17, находившіеся въ Петербургѣ, торжественно, въ общемъ собраніи сената, принесли присягу на вѣрность [2]), прочитанную насторомъ Вольфомъ. 24-го апрѣля, въ Митавѣ, присягали правительственныя лица, 27-го — дворяне, горожане

---

[1]) Zugleich erklären Wir auf Unser Kaiserliches Wort, dass nicht nur die freye Ausübung der Religion, welche Ihr von Euren Vorfahren geerbt habet, die Rechte, Vorzüge und das einem jeden gesezmässig gehörige Eigenthum, gänzlich beibehalten werden sollen. П. С. З., № 17319, т. XXIII, стр. 665.

[2]) Депеша гр. Тауенцина, отъ 20-го апрѣля, въ Берлинскомъ Архивѣ. Tauenzien. № 33.

и лица свободныхъ состояній; къ 1-му мая была окончена присяга всѣхъ жителей Курляндіи, Семигалліи и Пильтена.

Изъ всѣхъ курляндцевъ не присягнулъ только одинъ — Петръ Биронъ. Въ эти критическіе для Курляндіи дни ея бывшій герцогъ оставался, какъ и былъ всегда ничтожнымъ и пустымъ человѣкомъ. Онъ не понялъ своего положенія и своею безтактностью удивилъ даже своихъ сторонниковъ. Въ неизданныхъ еще запискахъ Гейкинга разсказывается, что Ховенъ, «предатель» Курляндіи и личный врагъ герцога, имѣлъ случай принизить его даже послѣ отреченія отъ герцогствъ — онъ получилъ у бывшаго герцога «аудіенцію, желая констатировать, что прежнія отношенія курляндскаго рыцарства къ его свѣтлости прекращены навсегда». Мало того: по окончаніи «аудіенціи», произведшей на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе, Ховенъ обратился къ Петру Бирону съ ироническимъ предложеніемъ на нѣмецкомъ языкѣ: Erlauben Euer Hoheit, dass wir Ihre Hand, als die unseres vormaligen Herzogs, zum letzten Male kussen—Биронъ допустилъ и этотъ насмѣшливый baisemain [1]). Когда церемонія присоединенія Курляндіи была уже совершенно окончена, Биронъ, жившій въ Петербургѣ подъ надзоромъ полиціи, просилъ у императрицы, какъ милости, дозволенія купить себѣ домъ въ русской столицѣ [2])... Матеріальное положеніе Петра Бирона было опредѣлено особымъ актомъ отъ 11-го іюня [3]); на другой

[1]) *Eckardt*, 385.

[2]) Les affaires du duché de Courlande étant terminées l'Impératrice a fait demander au duc de Courlande ce qu'il désirait pour sa personne? Parmi ses désirs qu'il a mis au pied du thrône, se trouve entre autre la permission d'oser acheter une maison à Pétersbourg. Chose incroyable d'après la manière dont il y a été traité. Депеша Тауенцина, 28-го апрѣля, въ Берлинскомъ Архивѣ, Tauenzien, № 35.

[3]) П. С. З., № 17341. Депеша гр. Тауенцина отъ 5-го іюня: Le traitement du duc de Courlande est fixé à 60 milles écus Alberts par an et deux millions d'écus comme dédommagement de ses terres, dont la moitié restera pour payer les dettes qu'il a accusées et l'autre lui sera delivrée (Берлинск. Архивъ, Tauenzien, № 47).

день онъ выѣхалъ изъ Петербурга [1]) Въ Митавѣ онъ оставался до 30-го августа, когда удалился за границу. Передъ отъѣздомъ онъ имѣлъ еще неосторожность появиться на общественномъ bal masqué, въ костюмѣ крестьянина, гдѣ ему пришпилили на спину слѣдующее четверостишие:

Heute bist du was du bist
Bau'r in vollem Staate;
Morgen bist du wieder Fürst
Dann erst ist Mask'rade.

Принцъ Густавъ и его братъ были возвращены матери, которая получала отъ Екатерины извѣстную субсидію для воспитанія дѣтей [2]).

2-го мая состоялся указъ о назначеніи барона фонъ-деръ-Палена генералъ-губернаторомъ курляндскимъ; 27-го ноября—о приведеніи въ дѣйствіе учрежденія о губерніяхъ въ Курляндіи, Семигалліи и Пильтенѣ; 28-го января 1796 г. Курляндія стала Курляндскою губерніею [3]).

Пособники Екатерины въ этомъ дѣлѣ были щедро вознаграждены. Она роздала 2.000 крестьянскихъ дворовъ въ пожизненныя аренды, преимущественно курляндцамъ же. и только одинъ русскій, графъ Зубовъ, получилъ Руэнталь. Кромѣ земель, курляндцамъ раздавались чины и ордена. Екатерина, очевидно, была довольна этимъ «новымъ приращеніемъ имперіи»—процентъ культурныхъ людей въ Россіи значительно повысился.

Екатерина сдержала свое императорское слово — въ ея

---

[1]) Депеша гр. Тауенцина отъ 12-го іюня: Le duc de Courlande part aujourd'hui. Il fera quelque séjour à Würzau et de là il se rendra à Sagan (Берлинск. Архивъ, ibid., № 49). Онъ жилъ послѣдніе годы въ своихъ имѣніяхъ, въ Силезіи и въ Чехіи, и умеръ 23-го января 1800 года. *Cruse*, II, 220.

[2]) Депеша гр. Тауенцина отъ 15-го іюня: La princesse de Biron, belle-soeur du duc de Courlande, vient d'obtenir une pension de 24 milles ducats de l'Impératrice et le soin de l'éducation de ses fils, dont cette Souveraine s'était chargée jusqu'ici vient de lui être rendu. Elle va acheter une maison dans cette capitale pour s'y établir. Берлинск. Архивъ, ibid., № 50.

[3]) Архивъ Сената, т. 179, л. 603; П. С. З., №№ 17324, 17411.

царствованіе «права, преимущества и собственность курляндцевъ соблюдены были». Ни въ одномъ изъ ея распоряженій относительно Курляндской губерніи [1]) не замѣтно даже намека на обрусеніе. Напротивъ, она имѣла въ виду учредить въ Митавѣ академію, конечно, не русскую [2]). Не только курляндцамъ, даже своимъ «древнимъ подданнымъ» она предоставляла употреблять въ офиціальной перепискѣ нѣмецкій языкъ. Нарвскій магистратъ обратился къ Екатеринѣ съ просьбою на французскомъ языкѣ; Екатерина написала по этому поводу генералъ-губернатору: «Я прочла длинное и странное письмо нарвскаго магистрата. Эти добрые люди подписываютъ то, чего они не понимаютъ — письмо ихъ писано по-французски. Вы мнѣ доставите удовольствіе, растолковавъ имъ, что я предпочитаю, чтобъ они употребляли въ письмахъ ко мнѣ русскій или нѣмецкій языкъ. Я опасаюсь, чтобъ съ языкомъ они не перемѣнили нравовъ — обстоятельство, отъ котораго и они, и я можемъ только потерять».

[illegible] XVI. 346.

РОССІЯ И АНГЛІЯ ВЪ XVIII ВѢКѢ.

РОССІЯ И АНГЛІЯ ВЪ XVIII ВѢКѢ [1]).

Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ Англія всего менѣе извѣстна русскому обществу. Въ нашей культурной исторіи можно указать слѣды польскаго, нѣмецкаго, французскаго, даже голландскаго, пожалуй, шведскаго вліянія, но не англійскаго, имѣвшаго большое значеніе для всѣхъ безъ исключенія европейскихъ государствъ. Объяснять такое «изолированное» положеніе Россіи относительно Англіи географическимъ отдаленіемъ обѣихъ странъ можно лишь отчасти; къ тому же, такое объясненіе было бы справедливымъ только для прошлаго времени, не для настоящаго, когда оба государства, Россія и Англія, стали почти сосѣдями. Во всякомъ случаѣ, можно только пожалѣть, что и до настоящаго времени въ русской печати встрѣчаются самые противорѣчивые взгляды на взаимныя русско-англійскія отношенія. Если подобныя противорѣчія происходятъ, какъ обычно, отъ незнанія, отъ незнакомства съ вопросомъ, то послѣдній трудъ проф. Ѳ. Ѳ. Мартенса можетъ оказать въ этомъ отношеніи большую услугу и русской наукѣ, и русскому обществу.

Двадцать лѣтъ назадъ, по предложенію проф. Мартенса, министерство иностранныхъ дѣлъ предприняло изданіе всѣхъ «трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами». Это не справочный сборникъ, удовлетворяющій только требованіямъ практики, но ученый трудъ, въ которомъ каждому международному акту предшествуетъ «исто-

[1]) *Мартенсъ*, Собраніе трактатовъ и конвенцій, т. X: Трактаты съ Англіею. 1710—1801. Спб., 1893.

рическое введеніе», объясняющее какъ фактическія обстоятельства, при которыхъ этотъ актъ былъ заключенъ, такъ и дипломатическіе переговоры, его вызвавшіе. Эти введенія, между которыми сохранена историческая связь, составлены на основаніи агентскихъ реляцій и министерскихъ инструкцій, извлеченныхъ изъ архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, преимущественно изъ московскаго главнаго архива. Такимъ образомъ, «Собраніе трактатовъ и конвенцій» — не сырой, необработанный матеріалъ, пользованіе которымъ потребовало бы серьезной подготовки, но научно обслѣдованное представленіе международныхъ сношеній Россіи, изложенное, по большей части, подлинными словами современныхъ событію актовъ. Изданные уже договоры Россіи съ Австріею и Германіею заняли девять большихъ томовъ, и въ нихъ, для освѣщенія 376 международныхъ актовъ, сдѣланы выписки изъ нѣсколькихъ тысячъ бумагъ, хранящихся въ архивахъ. По этой же системѣ обработанъ проф. Мартенсомъ и послѣдній вышедшій десятый томъ, представляющій «Трактаты съ Англіею» за время съ 1710 по 1801 годъ, т.-е. всецѣло посвященный XVIII вѣку.

Правильныя международныя сношенія Россіи съ Англіею начаты только Петромъ Великимъ; до него сношенія русскихъ людей съ Англіею имѣли исключительно торговый характеръ, при чемъ «политическія конъюктуры» не играли никакой роли. Англія едва ли не позже всѣхъ европейскихъ державъ услышала о Россіи. Между тѣмъ какъ Григорій Истома жилъ уже въ 1496 году при датскомъ дворѣ, Власій посѣтилъ Испанію, а Трусовъ и Ладыгинъ ѣздили въ 1526 году къ папѣ Клименту VII, только въ 1553 году частная англійская компанія [1]), совершенно случайно, благодаря бурѣ, прибившей

[1]) Полное названіе этого товарищества англійскихъ торговыхъ людей: Mystery, company and fellowship of merchants adventurers of England for the discovery of lands, territories, iles, dominions and seigniores unknowen and not before that late adventure or enterprise by sea and navigation commonly frequented.

англійскій корабль къ устью Двины въ Студеномъ морѣ, *открыла* Московское государство, существованія котораго англичане даже и не подозрѣвали. Первое англійское сочиненіе о Россіи, Адамса, такъ и озаглавлено: «Открытіе Московскаго Королевства» [1]).

Изъ трехъ кораблей, отправленныхъ компаніею «къ дальнимъ поморьямъ на открытіе пути для привоза и вывоза товаровъ», два погибли у Мурманскаго берега, при чемъ весь экипажъ замерзъ, и только «Эдуардъ Бонавентуръ» съ главнымъ штурманомъ экспедиціи, капитаномъ Ричардомъ Ченслеромъ, «открылъ» Россію. Московскій царь Иванъ IV Васильевичъ обласкалъ смѣлаго мореплавателя, пожаловалъ англійской торговой компаніи право на безпошлинный торгъ всякими товарами по всей Россіи и въ 1556 году отправилъ вологодскаго намѣстника Осипа Ивановича Непѣя царскимъ посланцемъ въ Лондонъ. Такъ начались сношенія Московской Руси съ Англіею и въ теченіе полутораста лѣтъ, до Петра Великаго, ограничивались чисто торговыми интересами.

Умный Иванъ IV очень желалъ заключить оборонительный и наступательный союзъ съ Елизаветою англійскою, но парламентъ и слышать не хотѣлъ о подобномъ союзѣ: англичане признавали «неудобнымъ» обязываться союзомъ съ Россіею и отклонили всѣ его предложенія. Иванъ разгнѣвался и написалъ Елизаветѣ: «Мы чаяли того, что ты на своемъ государствѣ государыня и сама владѣешь и своей государской чести смотришь и своему государству прибытка. И мы потому такія дѣла и хотѣли съ тобою дѣлать. Ажно у тебя мимо тебя люди владѣютъ и не токмо люди, но мужики торговые, и о нашихъ государскихъ головахъ и о честяхъ, и о

[1]) The newe navigation and *discoverie of the Kingdome of Moscovia* by the Northeast, in the yare 1553, enterprise by sir Hugh Willoughbie Knight and perfourmed by Richard Chanselor pilot maior of the voyage, written in Latin by Clement Adams. О трудѣ Адамса, равно какъ и Ченслера (The booke of the Emperor of Russia and Duke of Moscovia), см. Ю. В. Толстого. Первыя сношенія Англіи съ Россіею. въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1873, іюнь, 489.

земляхъ прибытка не смотрятъ, а ищутъ своихъ торговыхъ прибытковъ. А ты пребываешь въ своемъ дѣвическомъ чину какъ есть пошлая дѣвица». Хотѣлъ Иванъ IV и породниться съ англійскимъ королевскимъ домомъ, но и это желаніе «обратилось не въ его пользу» [1]).

Не только при Иванѣ IV, даже во время Петра Великаго и позже «торговые мужики» упорно отклоняли русскія предложенія о союзномъ договорѣ [2]) и всѣми силами добивались связать Россію коммерческимъ трактатомъ. Англійскіе купцы доказывали, что они своею торговлею обогащаютъ Россію: «Торговля англичанъ превосходитъ, по словамъ инструкціи отъ 31-го августа 1731 года, торговлю прочихъ націй, такъ какъ сумма оборотовъ англійскихъ купцовъ не только равняется суммѣ оборотовъ всѣхъ другихъ націй, вмѣстѣ взятыхъ, но даже превышаетъ ее. Ежегодно вывозится изъ Россіи англичанами товару, по крайней мѣрѣ, на 300.000 фун. стерл. Три четверти этого товара покупается на серебро, слѣдовательно, ежегодный доходъ Имперіи Россійской съ этой статьи достигаетъ 225.000 фун. стерл.» [3]). Русскіе же торговые люди, напротивъ, твердо стояли на убыточности для нихъ англійской торговли: «Русскимъ людямъ сообща съ англичанами торговать нельзя; англичане люди сильные и богатые, у нихъ съ нашими ни въ чемъ не сойдется». Англичане хотѣли монополировать всю русскую торговлю въ пользу частной своей компаніи; русскіе отвѣчали, что «это дѣло несточное и въ никакихъ государствахъ этого не водится».

---

[1]) «Извѣстія о бракахъ царя Іоанна Васильевича», см. «Мѣсяцесловъ историческій и географическій на 1779 годъ», стр. 105.

[2]) При Петрѣ В. они вступили даже въ союзъ съ врагами Россіи. «Понеже нынѣ англичане въ союзъ со шведами вступили, того ради надлежитъ вамъ всемѣрно гишпанской стороны искать», писалъ Петръ кн. Б. А. Куракину отъ 20-го сентября 1719 г. Арх. кн. Куракина, I, 11.

[3]) При Екатеринѣ II доходъ этотъ возросъ до 600.000 фунтовъ стерлинговъ. Депеша Макартнея отъ 1-го марта 1765 года: It is proved that Russia receives six hundred thousand pounds sterling per annum, being the balance of trade in her favour, in her commerce with England. Сборникъ, XII, 201.

Царь Өедоръ Ивановичъ писалъ королевѣ Елизаветѣ: «Бьютъ намъ челомъ многіе нѣмцы разныхъ земель, англичане (не изъ компаніи), французы, нидерланды и другихъ земель, на твоихъ гостей, что они кораблей ихъ къ нашему государству пропускать не хотятъ. Мы этому и вѣрить не хотимъ, а если такъ дѣлается въ самомъ дѣлѣ, то это отъ твоихъ гостей правда ли, что за наше великое жалованье иноземцевъ выгоняютъ? Божію дорогу, Океанъ-море какъ можно перенять, унять и затворить?» Вообще, въ торгово-промышленныхъ сношеніяхъ съ англичанами русскіе люди выказали много практическаго смысла: англичане просили о дозволеніи разрабатывать желѣзную руду въ Россіи—имъ охотно дозволили это, потому что «если англичане будутъ находить руду и выдѣлывать желѣзо, то никому убытка не будетъ, а только прибыль»; англичане пожелали добывать алебастръ—и это имъ разрѣшили, потому что «если они станутъ его брать отъ берега, то судамъ легче ходить будетъ»; русскіе люди здраво смотрѣли на вещи и справедливо полагали, что «какъ станетъ у англичанъ какой промыселъ, то и государевы люди станутъ тѣмъ же промышлять». Англичане дивились русскимъ лопарямъ; въ недавно пріобрѣтенной англичанами Гренландіи много оленей, предвидится большой бой китовъ, моржей, но нѣтъ людей, знающихъ ловить и утилизовать оленей; англичане просили дать имъ въ учителя лопарей двадцать,—имъ дали.

И тогда уже, въ самомъ началѣ англо-русскихъ сношеній, шелъ вопросъ объ Индіи, но въ иной формѣ, чѣмъ въ наши дни. Въ 1614 году, посланникъ короля Якова I, Джонъ Мерикъ, хорошо извѣстный русскимъ людямъ англійскій купецъ Иванъ Ульяновичъ, добивался получить разрѣшеніе для англійскихъ купцовъ торговать, чрезъ Россію, съ Персіею и искать «путь въ восточную Индію рѣками Обью и Леною». Спросили мнѣніе по этому поводу русскихъ торговыхъ людей, и они отвѣчали: «Англичанамъ нужна не Персія, а про-

искивають они дорогу въ индѣйское государство, куда они ходятъ моремъ, тогда какъ путь этотъ очень тяжелъ, а государевою землею имъ ходить будетъ легче, только отъ того государю прибыли не будетъ. потому что съ нихъ и съ ихъ товаровъ, по государеву жалованью, пошлины не берутъ и товаровъ ихъ не пересматриваютъ, а русскимъ людямъ въ томъ изъянъ будетъ». Въ чемъ и какой изъянъ—не объяснено. Англичане твердо шли къ намѣченной цѣли, и иными путями, но проникли въ восточную Индію и утвердились въ ней.

Столь же твердо стояли англичане и въ вопросѣ о выдачѣ эмигрантовъ. При Борисѣ Годуновѣ были отправлены въ Англію, «для науки». пять русскихъ; поживъ въ Англіи, они не пожелали уже возвратиться въ Россію. Михаилъ Өедоровичъ приказалъ своему посланцу Алексѣю Ивановичу Зюзину потребовать ихъ выдачи—англійское правительство въ выдачѣ отказало на томъ основаніи, что «русскіе сами выѣхать не желаютъ», при чемъ одинъ изъ «робятъ», именно Никифоръ, «за англійскихъ гостей, которые ходятъ на Русь, Бога молитъ, что вывезли его изъ Руси» [1]).

Въ первое время, пока не установились еще правильныя дипломатическія сношенія, какъ русскіе представители въ Англіи, такъ и англійскіе въ Россіи подвергались всевозможнымъ случайностямъ, при чемъ довольно неопредѣленный въ служебномъ отношеніи характеръ не ограждалъ ихъ даже отъ серьезныхъ непріятностей. Еще при Иванѣ IV думный дьякъ Щелкаловъ грозился *высѣчь* англійскаго посланника

[1]) Ровно сто лѣтъ спустя, Петръ В. тоже опасался потерять посланныхъ къ англичанамъ въ науку русскихъ людей, но по инымъ уже мотивамъ. Онъ писалъ кн. Куракину, отъ 18-го сентября 1719 г.: «Понеже самъ вѣдаешь, что какую противность нынѣ Англія начинаетъ, того ради опасаюсь, чтобы нашихъ учениковъ тамъ не задержали, которыя разнымъ художествамъ учатца, или бы деньгами не прельстили на смѣхъ. Того для старайся, чтобы ихъ оттоль сюды достать». Такъ какъ это не были эмигранты, то ихъ легко достали. Арх. кн. *Куракина*, I, 10, 12. 13; *Соловьевъ*, Исторія Россіи, IX, 87, 90, 118, 121—124.

Бауса; королева Елизавета находила, что присланнаго отъ Ѳедора Ивановича русскаго «легкаго гончика» лифляндца Бекмана «*побить* пригоже». Позже, при Петрѣ Великомъ, перешли отъ словъ къ дѣлу. Русскій посланникъ въ Гаагѣ, графъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ, прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Лондонѣ для переговоровъ о шведскихъ дѣлахъ; за нѣсколько дней до отъѣзда, вечеромъ, на дорогѣ въ Соммерстъ-гаузъ, гдѣ обыкновенно собирались иностранные дипломаты, на его карету напали трое неизвѣстныхъ ему людей, били Матвѣева, отнимали у него шляпу, трость, шпагу [1]) — это были полицейскіе агенты, получившіе отъ шерифа предписаніе задержать русскаго посла за ничтожный долгъ въ нѣсколько фунтовъ стерлинговъ!

Скоро, однако, не только Англія, но и другія европейскія державы убѣдились, что Россія не Московія, что къ ней нельзя обращаться «въ напыщенномъ стилѣ, съ разрисованными грамотами, какъ къ Марокко и къ восточнымъ владѣтелямъ» [2]). Англія почувствовала эту перемѣну, произведен-

[1]) Этотъ «дипломатическій скандалъ» возбудилъ цѣлую переписку. По поводу «чувственной скрухи» королева Анна писала Петру В.: «Мы ни малой склонности не имѣли къ пощадѣ винныхъ, ни къ защищенію отъ суда; но необходимыя трудности находятся въ древнихъ и основательныхъ правахъ правительства нашихъ народовъ, которымъ мы опасаемся не дозволять также жестокаго осужденія, котораго ваше величество ожидало». Позже пріѣзжалъ въ Москву чрезвычайнымъ посломъ Витвортъ, извинялся отъ имени королевы и просилъ «все сіе обыкновенною братскою склонностью воспріяти». Петръ отвѣчалъ послу: «Надлежало было ея королевскому величеству намъ дать сатисфакцію и по желанію нашему тѣхъ преступниковъ, по обычаю всего свѣта, наижесточайше наказать. Однакожъ, понеже ея величество чрезъ васъ, посла своего чрезвычайнаго, извиненіе намъ приносить повелѣла, что того, за оскудѣніемъ прежнихъ правъ государственныхъ, учинить не могла, и для того общимъ согласіемъ парламента новое право о томъ для впредь будущаго учинила; того ради пріемлемъ мы то за знакъ ея пріязни и награжденіе и повелѣли министрамъ своимъ съ вами въ конференціи то дѣло ко окончанію привести». Арх. кн. Куракина, II, 17, 29, 235, 273.

[2]) In a pompous style and on embellished letters, as the method is to Marocco and the eastern nations. Лордъ Гаррингтонъ Клавдію Рондо въ Сборникѣ, LXVI, 367.

ную Петромъ В., не менѣе, чѣмъ другія державы. Рѣшительнымъ моментомъ въ этомъ отношеніи явился Полтавскій бой. До разгрома шведовъ подъ Полтавою, въ Европѣ были убѣждены, что «Россія никогда не станетъ европейскою державою и царь Петръ не получитъ вліянія на европейскія дѣла, такъ какъ шведскій король не заключитъ мира до тѣхъ поръ, пока не отниметъ у Россіи Балтійскихъ провинцій и не лишитъ ея войско всѣхъ нѣмецкихъ офицеровъ: къ тому же, польскій король и морскія державы, Англія и Голландія, никогда не допустятъ русскихъ до господства на Балтійскомъ морѣ, такъ какъ это окончательно убьетъ прибыльную для англійскаго и голландскаго флотовъ торговлю русскими продуктами [1]). Вслѣдъ за полтавскою побѣдою картина мѣняется до неузнаваемости: рѣчь уже идетъ не объ отобраніи Балтійскаго побережья у Россіи, а о томъ, чтобы «на предбудущее обуздать шведское величество и содержать его въ прежнихъ его терминахъ» (границахъ); по сознанію Польши, Саксоніи и др. державъ, «ничто безъ царскаго величества учиниться не можетъ»; русскіе послы, графъ Матвѣевъ и князь Куракинъ, говорятъ въ Гаагѣ, Ганноверѣ и Лондонѣ языкомъ болѣе твердымъ и увѣреннымъ, чѣмъ прежде; ганноверскій курфирстъ, будущій король Англіи, дружбу съ Россіею предпочитаетъ союзу со Швеціей [2]).

Отношенія Англіи къ Россіи, сперва исключительно торговыя, получаютъ съ начала XVIII вѣка политическій характеръ, при чемъ прежде всего принимаютъ враждебный оттѣнокъ. Вступленіе Россіи въ число европейскихъ державъ зна-

[1]) Gutachten des Herrn von Schleinitz, v. J. 1707. *Guerrier*, Die Kronprinzessin Charlotte von Russland, Bonn, 1875, S. 12. Этотъ же Шлейницъ былъ позже представителемъ русскихъ интересовъ при вельфскихъ дворахъ. Въ письмѣ отъ 23-го сентября 1701 года Лейбницъ писалъ шведскому резиденту въ Берлинѣ, Стоппену: Pour moi je voudrais voir régner votre jeune Roy jusque dans Moscou et jusqu'au fleuve Amur, qui sépare l'Empire des Moscovites et celui de la Chine. *Герье*, Письма и мемуары Лейбница, Спб. 1873, № 45, стр. 49.

[2]) Протоколы посольства кн. Б. И. Куракина о бытности его при европейскихъ дворахъ. Арх. кн. Куракина, II, 186, 192, 195, 198, 208, 224—232, 242.

чительно нарушало не только коммерческіе интересы морскихъ державъ, Англіи и Голландіи, но и все европейское равновѣсіе, установленное вестфальскимъ миромъ, и, въ частности, угрожало ганноверскимъ интересамъ англійскаго королевскаго дома. Въ продолженіе всей Сѣверной войны Англія недовѣрчиво относилась къ Россіи, опасаясь ея усиленія. Утвержденіе Россіи на Балтійскомъ побережьѣ, завоеваніе Нарвы, основаніе Петербурга, заведеніе флота—все раздражало англичанъ. Лордъ Страффордъ, англійскій посланникъ въ Голландіи, говорилъ представителю Россіи, кн. Куракину: «Натурально, что Англія никогда не хочетъ видѣть въ разореніи и безсиліи корону шведскую; намѣреніе Англіи—содержать всѣ державы на сѣверѣ въ прежнемъ завладѣніи; Ливонію нельзя отнять у Швеціи, Нарва нужна Швеціи». Голландію, находившуюся подъ сильнымъ вліяніемъ Англіи, лордъ Страффордъ пугалъ будущимъ русскимъ флотомъ [1]. Начальникъ англійской эскадры въ Балтійскомъ морѣ, адмиралъ Норрисъ, получилъ приказъ овладѣть русскими кораблями, самимъ русскимъ царемъ и не отпускать Петра до тѣхъ поръ, пока русское войско не очиститъ Даніи и Германіи [2].

Въ этомъ случаѣ, какъ въ началѣ XVIII стол., такъ и позже, въ концѣ прошлаго вѣка, противъ Россіи былъ король, не страна—парламентъ, напротивъ, не одобрилъ ни враждебности къ Россіи, ни насильственныхъ мѣръ противъ ея государя. Король Англіи опасался, въ случаѣ усиленія русскаго вліянія на Германію, за свои ганноверскія владѣнія; англійскій же парламентъ смотрѣлъ довольно трезво на континентальное усиленіе Россіи. Парламентъ, казалось, держался взгляда, ясно высказаннаго Лейбницемъ: «Я увѣренъ, что Россія будетъ имѣть на сѣверѣ то самое значеніе, какое прежде имѣла Швеція, и что она пойдетъ даже гораздо дальше. Такъ какъ русскій государь весьма могуществѣнъ,

[1]) Арх. кн. Куракина, II, 374, 377, 379, 380, 383.

[2]) *Соловьевъ*, XVII, 27, 64.

то, кажется, очень важно заручиться его довѣріемъ»[1]. Говоря объ отношеніяхъ Россіи къ Англіи, необходимо всегда имѣть въ виду эту разность взглядовъ между королевской властью и народнымъ представительствомъ Англіи.

Первые дипломатическіе акты, заключенные между Россіею и Англіею, имѣли въ виду интересы Ганновера, вотчины англійскаго королевскаго дома, а не Англіи. Главный, существенный интересъ Великобританіи сосредоточивался въ то время на «оборонѣ владѣній его великобританскаго величества въ Америкѣ», а между тѣмъ въ союзныхъ договорахъ съ Россіею именно опредѣлялось, что русская помощь пѣхотою и конницею не должна касаться американской войны. Не для американскихъ же интересовъ Англіи заключена была 12-го іюня 1747 года англо-русская конвенція, по которой Россія обязалась «содержать на лифляндскихъ къ Литвѣ границахъ корпусъ 30.000 человѣкъ пѣхоты въ такой готовности, чтобъ оные дѣйствовать могли въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нужда потребуетъ»; нѣсколько мѣсяцевъ спустя новою конвенціею, отъ 19-го ноября, опредѣлялось, что этотъ вспомогательный корпусъ двинется въ Европу, «направляясь къ Рейну для службы или на Мозелѣ, или въ Нидерландахъ, согласно военнымъ требованіямъ»[2], т.-е. русская военная помощь, оплачиваемая англійскими деньгами, требовалась въ интересахъ Ганновера, не Англіи.

Первый англо-русскій союзный договоръ, заключенный Георгомъ II съ малолѣтнимъ «Іоанномъ III, императоромъ и самодержцемъ всероссійскимъ», не былъ приведенъ въ исполненіе, хотя и былъ ратификованъ. Уже и въ этомъ договорѣ, какъ и въ послѣдующихъ, Англія тщательно исключала «случай союза» (casus foederis), наиболѣе важный для Россіи—

[1]) *Guerrier*, Leibnitz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter den Grossen, S. 37.

[2]) *Мартенсъ*, X, 146, 151.

войну съ Турціею [1]). Англія никогда не соглашалась на это условіе, охраняя «все свое левантское купечество», т.-е. торговлю съ Турціею. Этимъ соображеніемъ англичане могли руководствоваться при переговорахъ съ Іоанномъ III, даже съ Елисаветою Петровною, но не съ Екатериною II. Въ 1763 году Екатерина просто вычеркнула изъ проекта союзнаго договора «исключеніе относительно Турціи» [2]), не допуская даже и мысли о возможности подобнаго вопроса. «Возобновленное затрудненіе касательно включенія Порты Оттоманской въ случай союза,—пишетъ Н. И. Панинъ русскому представителю въ Лондонѣ, Гроссу,—не удивляетъ меня лично. Извѣстна уже давно англійская привычка, чтобъ въ негоціяхъ, какъ лавочникамъ, торговаться, пока есть время, и выторговать сколько можно болѣе. Но нѣтъ намъ нужды слѣдовать ихъ примѣру, и для того, сказавъ однажды то, въ чемъ мы поставляемъ пользу свою и что единое замѣняетъ обѣщанныя съ нашей стороны великія выгоды, должно теперь оставаться непремѣнно при требованіи 500.000 рублевъ для случая войны между нами и Портою. Я прошу васъ сдѣлать при случаѣ примѣчаніе графу Сандвичу, что турецкая война полагается съ нашей стороны кондиціей sine qua non, ибо безпристрастно сказать, вся почти польза союза нашего въ ней одной ограничивается. Если бъ онъ вновь говорить сталъ, что націи англійской и парламенту дико покажется, когда въ новомъ трактатѣ Россіи большія предъ прежнимъ выгоды дозволены будутъ, можно будетъ съ пристойностью дать ему примѣтить, что натурально и Россійской Имперіи дико покажется,

[1]) Въ договорахъ 1741 и 1742 г., съ Іоанномъ III и съ Елисаветою Петровною, это условіе повторено буквально: «Соглашеносъ, что случай сего союзнаго трактата распространяться не будетъ до тѣхъ войнъ, которыя произойти могутъ между его (ея) императорскимъ величествомъ всероссійскимъ и Оттоманскою Портою, или персіянами, или татарами, или же другими восточными народами. Его великобританскому величеству надлежитъ свободнымъ быть отъ того, чтобы въ каждомъ изъ сихъ случаевъ постановленные симъ трактатомъ сукурсы ставить». Ibid., 103. 126.

[2]) Сборникъ, XII. 118.

если бъ при такомъ о пользѣ и славѣ отечества попечительномъ царствованіи здѣшній дворъ не съ лучшими и справедливѣйшими выгодами заключалъ союзы свои».

Ясно и просто. Вице-канцлеръ князь А. М. Голицынъ заявлялъ англійскому посланнику сэру Джорджу Макартнею свое недоумѣніе по поводу опасеній англійскаго правительства, «чтобъ Англія какой-либо ущербъ своей левантской торговлѣ чрезъ такое съ здѣшнею имперіею о Портѣ Оттоманской соглашеніе причинить могла. Въ томъ столько же мало опасенія для нея предвидится, сколько и Франціи въ подобномъ случаѣ было, потому что оная корона, заключа съ вѣнскимъ дворомъ послѣдній предъ минувшею войною союзный трактатъ, нимало изъ случая союза Порту не выключила, однако же не меньше того турки въ добромъ согласіи съ французскою націею пребывали и французская въ Левантѣ коммерція въ цвѣтущемъ состояніи находилась и нынѣ находится».

Такимъ образомъ, на основаніи государственныхъ соображеній и практики иностранныхъ державъ, русское министерство требовало отъ Англіи категорическаго заявленія, согласна ли она на союзъ съ Россіею, искренній, безъ всякой задней мысли, безъ тайнаго противодѣйствія русскимъ интересамъ въ Константинополѣ, Стокгольмѣ, Варшавѣ, или же Англія имѣетъ въ виду однѣ свои коммерческія выгоды и вопросъ о союзѣ является только дипломатическими ширмами. Когда Макартней заявилъ, что скорѣйшее подписаніе коммерческаго трактата устраняетъ всѣ препятствія къ заключенію трактата союзнаго, Панинъ остановилъ его словами: «Если вы говорите это отъ себя лично—вы хотите обмануть насъ; если вы говорите это отъ имени своихъ властей—они хотятъ обмануть васъ» [1]).

Эти замѣчанія Панина и кн. Голицына, основательныя и неопровержимыя, взбѣсили англійскаго посланника. Сэръ

[1]) Ibid., 242.

Джорджъ Макартней писалъ графу Графтону, отъ 11-го февраля 1766 года: «Я долженъ замѣтить, что обѣ державы, Англія и Россія, взаимно заблуждаются относительно другъ друга. Въ Петербургѣ воображаютъ, что лондонскій дворъ можетъ заставить британскую націю принять свои взгляды такъ же легко, какъ русская императрица можетъ принудить своихъ подданныхъ повиноваться указу или исполнить повелѣніе. Наша ошибка относительно русскихъ состоитъ въ томъ, что мы считаемъ ихъ народомъ образованнымъ и сообразно этому обходились съ ними. Между тѣмъ они нисколько не заслуживаютъ подобнаго названія; каково ни было бы мнѣніе людей, незнакомыхъ съ русскими, я осмѣливаюсь утверждать, что Тибетъ или Эѳіопія [1]) въ такой же мѣрѣ могутъ быть почтены названіемъ странъ образованныхъ. Ни одинъ изъ русскихъ министровъ не понимаетъ латинскаго языка и очень немногіе обладаютъ элементарными свѣдѣніями по литературѣ. Въ разговорѣ съ русскими министрами упоминать о Гуго Гроціѣ или Пуффендорфѣ было бы все равно, что толковать о Кларкѣ или Тиллотсонѣ съ константинопольскимъ диваномъ. Я вовсе не преувеличиваю. Мнѣ говорили, что только со времени нынѣшняго царствованія здѣсь введены обычныя формы дѣлопроизводства, употребляемыя при другихъ дворахъ. Вы поймете, что международное право не могло привиться съ успѣхомъ въ странѣ, гдѣ нѣтъ ничего похожаго на университетъ».

Такъ изъ-за вопроса о Портѣ Оттоманской и не состоялся союзный договоръ. Между тѣмъ, кромѣ Турціи, Россія желала столковаться съ Англіей и относительно Швеціи.

Отношенія Россіи къ Швеціи въ прошломъ вѣкѣ еще не изслѣдованы; они весьма любопытны и очень характерны.

[1]) Tke Kingdom of Tibet or the Dominions of Prester Iohn. Это не «владѣнія Джона Престера» (Сборникъ, XII, 248), а Regnum presbyteri Ioannis, т.-е. христіанская Абиссинія или Эѳіопія, владѣтели которой присвоили себѣ еще въ XIV вѣкѣ титулъ «архипресвитера Іоанна». *Oppert*, Der Priester Iohannes in Sage und Geschichte, Berlin, 1864.

Швеція первая изъ европейскихъ державъ объявила войну Россіи, и можно сказать, что мы вступили въ Европу, преслѣдуя отступавшія шведскія войска. Въ шведскомъ вопросѣ, подобно турецкому, Англія никогда не могла столковаться ни съ Петромъ Великимъ, ни съ его преемниками, и поступала довольно безцеремонно. Едва былъ ратификованъ союзный русско-англійскій договоръ 1741 года, какъ началась война со Швеціею; Анна Леопольдовна потребовала, согласно договору, присылки вспомогательной англійской эскадры въ Балтійское море—англійское правительство отказало, на томъ, между прочимъ, основаніи, что «англійскимъ коммерческимъ судамъ нечего бояться шведовъ, которые не думаютъ ихъ безпокоить». Годъ спустя, въ этомъ было отказано и Елисаветѣ Петровнѣ, при чемъ англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ [1]) говорилъ русскому посланнику: «Наши купцы того не требуютъ, потому что довольны письменнымъ объявленіемъ, даннымъ мнѣ шведскимъ министромъ отъ имени короля, что наши торговые корабли могутъ смѣло идти во всѣ гавани русскія; такъ какъ Швеція дорожитъ Англіею, то можно положиться на обѣщаніе шведскаго короля; если же наша торговля потерпитъ хотя малое стѣсненіе, то сумѣемъ отомстить эскадрою». Екатерина II упредила самую возможность подобныхъ заявленій. Тотчасъ по вступленіи на престолъ, Екатерина приказала включить въ проектъ союзнаго договора съ Англіею особую относительно Швеціи статью и сама изложила мотивъ этой статьи: «Искусство многихъ лѣтъ оказало, что нѣкоторыя постороннія державы стараются содержать въ Швеціи такую партію, которая бы безпрестанно раздувала въ націи охоту и желанія къ сѣвернымъ безпокойствамъ, употребляя всякія разныя къ тому средства. Такъ надо стараться постановить особливый секретный артикулъ, чтобъ аглинскіе министры при шведскомъ дворѣ обще съ

[1]) Статсъ-секретарь по сѣвернымъ дѣламъ.

нашими дѣйствовали въ сокращеніи той партіи и въ содержаніи равновѣсія между ею и ей противною. Изъ сего Англія увидитъ, какъ мы почитаемъ согласными ея интересы съ нашими, и сколько мы ищемъ во всѣхъ пунктахъ ихъ соединить» [1]).

Ни относительно Турціи, ни относительно Швеціи Екатерина II не допускала двухъ мнѣній и предпочитала лучше отказаться отъ союзнаго договора съ Англіею, чѣмъ измѣнить свою политическую систему. Но для этой-то именно политической системы ей нужна была Англія: если ее нельзя имѣть союзникомъ, то, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ заинтересовать Англію настолько, чтобъ она была не противъ Россіи, и 20-го іюня 1766 года былъ заключенъ русско-англійскій торговый договоръ. Екатерина II надѣялась, что коммерческій трактатъ сыграетъ, при нуждѣ, роль союзнаго договора, и не ошиблась.

Во время первой турецкой войны Англія относилась къ Россіи, какъ къ державѣ дружественной. Въ русскомъ флотѣ служили англійскіе моряки; Эльфинстонъ командовалъ одной изъ эскадръ архипелагской экспедиціи; русскій флотъ, отправлявшійся въ Средиземное море, находилъ въ англійскихъ портахъ дружескія для себя стоянки. Англія даже объявила Франціи и Испаніи, что если они воспрепятствуютъ вступленію русскаго флота въ Средиземное море, она увидитъ въ этомъ дѣйствіе, враждебное Англіи [2]). Англійское правительство не завидовало, даже сочувствовало успѣхамъ русскаго оружія, хотя хорошо понимало, что предложеніе объ образованіи изъ Крыма, Молдавіи и Валахіи независимыхъ отъ Турціи владѣній равносильно присоединенію ихъ къ Россіи [3]), но не противодѣйствовала подобнымъ намѣреніямъ; Англія, рев-

[1]) Сборникъ, XLVIII, 569.

[2]) *Vassif-efendi*, Précis historique de la guerre de 1769—1774, p. 88; *Уляницкій*, Дарданеллы, стр. 244.

[3]) Сборникъ, XII, 461.

нико оберегавшая Дарданеллы отъ русскихъ кораблей, теперь соглашалась на свободный проходъ ихъ изъ Чернаго въ Средиземное море [1]). «Я такъ привыкла къ дружбѣ англичанъ,—пишетъ Екатерина г-жѣ Біельке въ 1772 году,—что привыкла смотрѣть на каждаго англичанина, какъ на человѣка, желающаго мнѣ добра» [2]). Въ 1774 году, когда былъ заключенъ столь выгодный для Россіи кучукъ-кайнарджійскій миръ, «каковаго никто не ожидалъ, да и ожидать не могъ», какъ писала Екатерина гр. Румянцову, онъ обрадовалъ, конечно, только друзей Россіи, и болѣе всего англичанъ [3]).

Еще до заключенія мира, когда, слѣдовательно, Россія нуждалась въ дружескомъ расположеніи англійскаго правительства, Екатерина не скрывала отъ себя, что Англія—союзникъ ненадежный. Она писала русскому послу, гр. И. Г. Чернышеву, въ Лондонъ: «Твои англичане ужъ ужесть, радость, какъ не важны, и, я чаю, таковы будутъ до тѣхъ поръ, пока французы съ гишпанцами на нихъ не нападутъ, чего дай Боже хотя на завтра полученія сего письма» [4]). Пожеланія Екатерины скоро исполнились. Въ 1773 же году вспыхнуло возстаніе въ Бостонѣ; въ 1775 г. англичане были разбиты при Бекерсгиллѣ; въ 1776 г. тринадцать американскихъ колоній объявили себя независимыми; въ 1777 г. американцы одержали знаменитую побѣду при Саратогѣ; въ 1778 г. Франція объявила войну Англіи.

Теперь декораціи перемѣнились: не Россія, а уже Англія нуждается въ помощи. Англійскому посланнику въ Петербургѣ, сэру Роберту Гэннину, было поручено заключить союзный договоръ съ Россіею, по которому Россія обязалась бы послать немедленно въ Америку корпусъ войскъ въ 20.000 человѣкъ. Объ этомъ же король Георгъ III писалъ императрицѣ Екатеринѣ II. Англійскому посланнику Панинъ отвѣ-

[1]) Ibid., XIX, 128, 265. [2]) Ibid., XIII, 209.

[3]) Ibid., I, 100; XIII, 428, 429; Русскій Архивъ, 1879, III, 154.

[4]) Русск. Архивъ, 1871, 1326.

чалъ, что «императрица весьма тронута искренними чувствами, выраженными ей королемъ, и что собственная ея дружба къ нему не менѣе горяча, но что она весьма нерасположена употреблять свои войска въ Америкѣ, гдѣ они были бы лишены всякихъ сношеній съ родиною, и что требуемое число пѣхоты такъ велико, что она не полагаетъ возможнымъ удовлетворить подобному требованію при настоящемъ положеніи ея арміи, ослабленной продолжительностью польской войны и въ виду неопредѣленности польскихъ и неизвѣстности шведскихъ дѣлъ» [1]). Екатерина отвѣчала королю еще категоричнѣе: «Не могу скрыть отъ Вашего Величества, что подобный размѣръ помощи и мѣсто ея назначенія превосходятъ тѣ средства, которыми я могу располагать для оказанія услуги Вашему Величеству. Я едва только начинаю наслаждаться миромъ и Вашему Величеству извѣстно, что моя имперія нуждается въ спокойствіи. Вамъ также извѣстно, въ какомъ состояніи выходитъ армія, хотя и побѣдоносная, изъ долгой и упорной войны въ убійственномъ климатѣ... Затѣмъ, не говоря уже о неудобствахъ, которыя возникли бы при употребленіи столь значительнаго корпуса въ другомъ полушаріи, гдѣ они находились бы подъ властью, почти неизвѣстной ему, и были бы лишены почти всякихъ сношеній съ своимъ государемъ, собственная моя неувѣренность въ мирѣ, стоившемъ мнѣ столькихъ усилій, положительно воспрещаетъ мнѣ въ столь непродолжительномъ времени лишить себя значительной части своихъ войскъ» [2]).

Вслѣдъ за объявленіемъ войны съ Франціею, англійское правительство еще болѣе нуждалось въ помощи Россіи. Положеніе Англіи, по донесеніямъ русскаго посланника, было довольно затруднительное уже въ 1777 году: «Рыбная ловля пропала почти совсѣмъ, потому что американскіе арматоры

---

[1]) Сборникъ, XIX, 492.

[2]) Письмо это, подобно многимъ другимъ документамъ, впервые обнародовано проф. Мартенсомъ, X, 288—289.

безчинствовали близъ самыхъ англійскихъ береговъ. Торговля вообще очень уменьшилась; перехвачено кораблей почти на 3 милліона фунтовъ стерлинговъ цѣною; ежегодныя пошлины убавились на 2 милліона слишкомъ; національный долгъ пріумножился; людей потеряно 25.000 человѣкъ; флотъ ослабленъ числомъ кораблей и матросовъ». Къ этому присоединилась теперь война съ Франціею, и, тѣмъ не менѣе, Англія, представляя новый проектъ союзнаго договора съ Россіею, опять заявила, что «исключительно коммерческія соображенія заставляютъ короля не согласиться на casus foederis въ случаѣ войны Россіи съ турками». Екатерина повторила свой прежній отказъ вести переговоры при такомъ исключеніи. Въ концѣ 1779 года англійское правительство, тѣснимое въ Европѣ и въ Америкѣ, предложило заключить союзный договоръ уже «безъ всякихъ ограниченій». Англійскій посланникъ имѣлъ по этому поводу совершенно интимную аудіенцію. «Какое право имѣю я,—сказала Екатерина Гаррису,—вмѣшиваться въ распрю, которая меня не касается, въ дѣла, мнѣ непонятныя, и въ отношенія дворовъ, весьма отъ меня отдаленныхъ?» Русскому представителю въ Лондонѣ, И. М. Симолину, рескриптомъ отъ 12-го іюля 1779 года, было предписано «держаться однѣхъ неопредѣлительныхъ генеральностей, изъявлять только желаніе о скорѣйшемъ окончаніи между Англіею, Франціею и Гишпаніею войны» и твердо помнить, что «теперь самый вопросъ о союзномъ договорѣ существовать не можетъ». Симолинъ долженъ былъ уклоняться отъ какого-либо рѣшительнаго заявленія «доколѣ время и обстоятельства не произведутъ новыхъ идей, кои впредь могутъ востребовать начертанія частной и ближайшей стези».

«Обстоятельства» давно уже представлялись, и въ умѣ Екатерины зарождались уже «новыя идеи», но лишь въ 1780 году была опредѣлена «ближайшая стезя» для осуществленія этихъ идей—вооруженный нейтралитетъ.

Екатерина не любила «народныхъ волненій» и борьба за

независимость Сѣверо-Американскихъ Штатовъ не интересовала ее [1]), хотя она удивительно вѣрно предсказала исходъ этой борьбы англійскихъ колоній съ метрополіею [2]). Русскую императрицу гораздо болѣе интересовалъ Архангельскъ. Еще въ 1778 году она писала Гримму: «Знаете ли, какой вредъ наносятъ мнѣ американскіе каперы? Они захватываютъ торговыя суда, выходящія изъ Архангельска; они занимались этимъ прекраснымъ ремесломъ въ іюлѣ и августѣ; но даю вамъ слово, что первый, кто затронетъ архангельскую торговлю въ будущемъ году, здорово поплатится за это—я, вѣдь, не братецъ Георгъ: меня нельзя безнаказанно водить за носъ. Они могутъ поступать какъ имъ угодно съ братцемъ Георгомъ, не со мною—тутъ они обрѣжутся. Я сердита, и очень сердита» [3]). Къ американскимъ каперамъ [4]) присоединились, конечно, и англійскіе арматоры. Въ 1778 году Мусинъ-Пушкинъ доносилъ изъ Лондона: «Всѣ здѣшнія новости состояли на сіе время въ однихъ только ежедневныхъ призахъ. Алчность, съ которою отважные промышленники насыщаютъ свое корыстолюбіе, составляетъ теперь главнѣйшую пользу всей нынѣшней англійской войны... Съ какою наглостью англійскіе арматоры бросаются на всѣ встрѣчающіеся имъ корабли и съ какимъ насильственнымъ самовольствомъ оные перехватываютъ, разграбливаютъ во время глубокаго въ Европѣ покоя, безъ всякаго почтенія къ разнымъ флагамъ, безъ всякаго предувѣдомленія объ англійскомъ съ Франціею разрывѣ, о томъ имѣлъ я честь увѣдомлять неоднократно». Съ весны 1779 года русская эскадра стала крейсировать въ Сѣверномъ морѣ и ограждать его торговлю отъ корсаровъ; а другія моря? Русскій корабль «Святой Петръ» былъ захваченъ англійскимъ корсаромъ между Бордо и С.-Доминго, два рус-

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 78, 141, 182.

[2]) Ibid., XXVII, 28, 44, 119, 154.

[3]) Ibid., XXIII, 96. Дважды упоминаемый въ текстѣ frère G., очевидно, Георгъ III, король англійскій, а не «Густавъ III, король шведскій».

[4]) Ibid., 97, 164.

скихъ суда съ досками—въ Ламаншскомъ каналѣ. Особенно часто захватывались англійскими каперами торговыя суда изъ Выборга и Риги. Началась безконечная переписка; Екатерина сердилась. Она говорила англійскому посланнику Гаррису: «Вы притѣсняете мою торговлю, вы задерживаете мои корабли; всему этому я придаю особенное значеніе: моя торговля—мое дѣтище, и вы не допускаете, чтобы я сердилась?» Отъ корсаровъ терпѣла не одна Россія—всѣ нейтральныя державы страдали, особенно же Данія, Швеція и Португалія. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда въ январѣ 1780 года было получено извѣстіе, что испанскіе корсары задержали русское судно, конфисковали весь грузъ и распродали его въ Кадиксѣ. Чаша терпѣнія была переполнена, и 28-го февраля 1780 года Екатерина подписала знаменитую «декларацію воюющимъ державамъ», т.-е. дворамъ мадридскому, версальскому и лондонскому, въ которой изложила «правила морского нейтралитета», для «охраненія свободы морской торговли» [1]). Насколько декларація отвѣчала общей потребности, видно изъ того, что всѣ нейтральныя державы присоединились къ ней: Данія и Швеція въ томъ же 1780 г., Пруссія и Австрія въ 1781 г., Португалія въ 1782 г., королевство Обѣихъ Сицилій въ 1783 году. Фридрихъ II писалъ Екатеринѣ по поводу этой деклараціи: «Среди столькихъ чудесъ, которыми ознаменовано царствованіе Вашего Императорскаго Величества, немаловажнымъ чудомъ представляется провозглашеніе морского устава, защищающаго торговлю отъ всякаго морского разбойничества. Только та, которая дала столь мудрые законы обширнѣйшей монархіи въ Европѣ, съ тѣмъ же правомъ могла предписать ихъ царству морей. Свидѣтель и почитатель столь славныхъ предпріятій, я счелъ долгомъ воспользоваться для незначительной торговли моей страны тѣмъ покровительствомъ, которое Ваше Императорское Величество столь великодушно соблаговолили пожаловать ей. Позвольте

[1]) П. С. З., 15014, 15134, 15261.

мнѣ поблагодарить васъ и засвидѣтельствовать вамъ мою полную признательность за то, что вы согласились на мое присоединеніе къ этому договору» [1]). Конечно, Англія не признала началъ вооруженнаго нейтралитета [2]), не присоединилась открыто къ декларацiи, но должна была уступить, и тайныя инструкцiи, данныя ею своимъ крейсерамъ и каперамъ, были согласованы съ этимъ «чудомъ» Екатерины, такъ что «къ концу войны каперы почти совершенно исчезли и торговля нейтральныхъ процвѣтала въ самомъ разгарѣ войны, какъ бы среди глубочайшаго мира» [3]).

Проф. Мартенсу принадлежитъ честь перваго, категорически опровергнувшаго «историческую сказку», будто знаменитая декларація о вооруженномъ нейтралитетѣ задумана и составлена не Екатериною, а гр. Н. И. Панинымъ. Эта сказка была впервые напечатана въ «Запискахъ о вооруженномъ нейтралитетѣ» нѣмецкаго графа Гёрца и въ наши дни особенно пропагандирована въ трудѣ нѣмецкаго ученаго Бергбома [4]). Ѳ. Ѳ. Мартенсъ опровергъ эту сказку и, на основа-

---

[1]) Elle me permettra de La remercier et de Lui témoigner toute l'étendue de ma reconnaissance de ce qu'Elle a consenti à mon *occasion* à ce trait. (Сборникъ, XX, 393). Переведено тамъ же: «Вы позволите мнѣ благодарить васъ и засвидѣтельствовать вамъ всю необъятность моей признательности за то, что вы покровительствовали моимъ интересамъ въ этомъ договорѣ». Переводъ невѣренъ вслѣдствіе невѣрнаго чтенія текста: *occasion* вмѣсто *annexion*.

[2]) Десять лѣтъ спустя, 10-го апрѣля 1790 г., гр. Воронцовъ доносилъ: «Министерство, оппозиція, всѣ морскіе офицеры, однимъ словомъ, вся сія земля попрекаетъ за сіе Россію и безъ совершенной злобы и невѣроятнаго негодованія не говорятъ о семъ дѣлѣ». Не раньше какъ въ 1856 году, на парижскомъ мирномъ конгрессѣ, Англія торжественно признала законную силу началъ вооруженнаго нейтралитета 1780 года.

[3]) *Dehm*, Denkwürdigkeiten meiner Zeit, II, 104.

[4]) Mémoires sur la neutralité armée par le comte de Goertz. Bale, 1801. *Bergbohm*, Die bewaffnete Neutralität. Berlin, 1884. *Брикнеръ*, Иллюстрированная исторія Екатерины II, ч. III, стр. 470, основывается на изысканіяхъ Бергбома; очень жаль, что ему не было извѣстно изслѣдованіе «О вооруженномъ морскомъ нейтралитетѣ», составленное по документамъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ (Морской Сборникъ, 1859, № 9—12).

ніи архивныхъ источниковъ, объяснилъ происхожденіе и развитіе плана императрицы.

Великое значеніе вооруженнаго нейтралитета признавалось всѣми, даже англичанами. Фридрихъ II, какъ мы видѣли, признавалъ его однимъ изъ чудесъ Екатерины, и ему-то прежде всего, еще при жизни Екатерины, была приписана честь этого международнаго акта. Въ краткой біографіи Фридриха II, вышедшей въ 1788 г., черезъ два года по его смерти, было, между прочимъ, напечатано, что, по свидѣтельству лицъ вполнѣ авторитетныхъ, «первая мысль о вооруженномъ нейтралитетѣ» принадлежитъ Фридриху II и что еще въ 1744 г. онъ измыслилъ подобную лигу. Екатерина категорически опровергла это показаніе: «Это неправда—вооруженный нейтралитетъ вышелъ изъ головы Екатерины II и ни изъ чьей другой. Графъ Безбородко можетъ засвидѣтельствовать, что въ одно прекрасное утро эта мысль была высказана императрицей совершенно неожиданно. Графъ Панинъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ, такъ какъ мысль эта не принадлежала ему, и стоило большого труда уяснить ему самую мысль; это было поручено Бакунину, и затѣмъ уже Панинъ приложилъ свое стараніе» [1]).

Самая «сказка», приписывающая мысль о вооруженномъ нейтралитетѣ Панину, едва ли не исходитъ отъ дипломатическаго корпуса въ Петербургѣ—онъ не сочинилъ ее, но такъ bona fide объяснилъ себѣ происхожденіе деклараціи; по крайней мѣрѣ, первое подробное изложеніе этой сказки встрѣчается въ донесеніи сардинскаго чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра, маркиза де-Парело. Вотъ какъ маркизъ объяснялъ своему двору происхожденіе деклараціи о вооруженномъ нейтралитетѣ:

«Вліяніе министра иностранныхъ дѣлъ графа Панина, несмотря на извѣстную его честность, клонилось къ упадку.

---

[1]) Храповицкій, 485.

Князь Потемкинъ, болѣе чѣмъ когда-либо утвердившійся въ силѣ, обольщенный или убѣжденный англійскимъ посланникомъ Гаррисомъ, такъ усердно ему благопріятствовалъ, что исходатайствовалъ ему частныя и тайныя аудіенціи у государыни, чему, какъ утверждаютъ, никогда не было примѣровъ. Наконецъ, остался въ сторонѣ обычный путь, чрезъ графа Панина, и, опираясь единственно на князя Потемкина, г. Гаррисъ довелъ здѣсь свои происки до того, что вооружался уже флотъ и ежедневно ожидалось обнародованіе декларацiи здѣшняго двора въ пользу Англіи; Гаррисомъ былъ уже отправленъ въ Лондонъ, съ паспортомъ, полученнымъ отъ Потемкина, курьеръ для сообщенія этой радостной вѣсти. Г. Нормандесъ, тотъ самый, который состоитъ теперь здѣсь испанскимъ министромъ, а тогда былъ только повѣреннымъ въ дѣлахъ, развѣдалъ о замыслахъ, направленныхъ противъ бурбонскихъ дворовъ, и открылъ все графу Панину. Почтенный старецъ былъ уже въ халатѣ и готовился лечь въ постель, когда пришли объявить ему, что англійскій министръ, пренебрегая имъ, отправилъ курьера по дѣлу, ему еще не сообщенному, и съ паспортомъ, выданнымъ отъ кн. Потемкина. При этомъ извѣстіи, Панинъ оживился. Онъ схватилъ свой ночной колпакъ, бросилъ его на полъ и, весь въ гнѣвѣ, поклялся, что выйдетъ въ отставку, если не успѣетъ разстроить эту интригу. Дѣйствительно, онъ, съ своимъ любимцемъ г. Бакунинымъ, запирается въ своемъ кабинетѣ, гдѣ, соглашая, такъ сказать, общее состояніе дѣлъ въ Европѣ съ извѣстною страстью Екатерины II къ славѣ и блестящимъ предпріятіямъ, составляетъ планъ вооруженнаго нейтралитета, основанный на шести главныхъ началахъ, которыя до такой степени понравились уму царицы, что, спустя менѣе недѣли, появилась по этому поводу знаменитая декларація 1780 года. Нейтральныя державы были приглашены присоединиться къ этой деклараціи, а люди, посвященные въ ин-

триги здѣшняго двора, еще болѣе убѣдились, что великія события происходятъ отъ малыхъ причинъ» [1])

Сказка какъ сказка, и нужно совершенно не понимать Екатерины или умышленно принижать великіе акты ея царствованія, чтобы придавать какое-либо значеніе подобнымъ сказкамъ. Послѣдующія событія доказали, что вооруженный нейтралитетъ могъ быть созданъ только Екатериною. Она не только создала его, она его осуществила; въ концѣ концовъ, даже англійскій король соглашался подписать декларацію. При преемникѣ же Екатерины, когда Россія предложила Швеціи, Даніи и Пруссіи вновь составить, особою конвенціею, вооруженный нейтралитетъ, Англія отвѣчала небывалыми репрессаліями: 14-го января 1801 года она наложила арестъ на всѣ датскія суда, находившіяся въ ея гаваняхъ, и вслѣдъ затѣмъ, среди полнаго мира, уничтожила весь датскій флотъ въ самой копенгагенской гавани. Ничего подобнаго при Екатеринѣ не бывало.

Напротивъ, Екатерина отказалась возобновить союзный договоръ съ Англіею, даже и получивъ формальное согласіе англійскаго правительства включить Турцію въ casus foederis. Это была уже крупная ошибка, дорого стоившая Россіи и лично Екатеринѣ. Даже не будучи въ союзѣ съ Англіею, Екатерина пользовалась и цѣнила услуги англійскаго правительства: въ 1784 году она выражала свою признательность англійскому королю «за употребленныя имъ дружескія пособія къ воздержанію турковъ отъ войны». Россія, отказываясь заключить англо-русскій союзъ, сама толкала Англію въ «берлинскую лигу»: въ 1785 году Англія вступила въ союзъ съ Пруссіею, Саксоніею и Гессенъ-Касселемъ Этотъ союзъ

[1]) Relation et tableau charastéristique des personnes qui jouent les premiers et principaux rôles à la cour de Pétersbourg. XX, 331. Графъ Воронцовъ иначе объяснялъ происхожденіе вооруженнаго нейтралитета: Vous savez que les principes de neutralité armée ont été enfantés à Paris, produits chez nous par les Prussiens et couchés sur le papier par le défunt Bacounine. Арх. кн. Воронцова, IX, 133.

былъ направленъ, прежде всего, противъ императора австрійскаго, союзника Россіи; потомъ, при случаѣ, онъ могъ угрожать и Россіи, что̀ и случилось.

Когда берлинскій договоръ англо-прусскаго союза былъ уже подписанъ и ратификованъ, Екатерина сознала свою ошибку и хотѣла исправить ее. Это трудное дѣло было поручено новому чрезвычайному посланнику и полномочному министру, графу С. Р. Воронцову. Трудно было сдѣлать болѣе удачный выборъ, и выборъ этотъ дѣлаетъ тѣмъ бо̀льшую честь Екатеринѣ, что для пользы госу̀дарственной она не задумалась призвать человѣка изъ противнаго ей лагеря.

Родъ Воронцовыхъ не древняго происхожденія. Только въ концѣ XVII столѣтія впервые встрѣчаются Воронцовы въ чинѣ сотниковъ и полковниковъ стрѣлецкаго войска. Семенъ Романовичъ Воронцовъ родился простымъ дворяниномъ, и графское достоинство перешло къ его отцу случайно: его дядя, Михаилъ Илларіоновичъ, былъ сдѣланъ графомъ за услуги, оказанныя имъ при восшествіи Елисаветы Петровны на престолъ; не имѣя мужского потомства, графъ Михаилъ Илларіоновичъ исходатайствовалъ графское достоинство для своихъ двухъ братьевъ, Ивана и Романа, отца Семена. Всѣмъ своимъ состояніемъ Воронцовы обязаны успѣху переворота 25-го ноября 1741 г. Илларіонъ Гавриловичъ Воронцовъ владѣлъ только 200 душъ крестьянъ, и лишь за услуги, оказанныя въ день переворота сыномъ его Михаиломъ, былъ пожалованъ богатымъ помѣстьемъ; еще болѣе обширныя помѣстья были пожалованы Михаилу Илларіоновичу.

Не по роду и воспитанію, а по складу мыслей и по характеру графъ Семенъ Воронцовъ былъ не только противникъ всякаго насильственнаго переворота, но и сторонникъ предержащей власти. Въ Петербургѣ, во время переворота 28-го іюня 1762 года, первою его мыслью было увѣдомить Петра III о предстоявшей ему опасности. Въ высшей степени справедливый и прямой, онъ говорилъ своимъ государямъ, Екате-

ринѣ II и Александру I, горькія истины, не скрывая ни мнѣній, ни чувствъ своихъ: но въ Россіи того времени не было вѣрноподданнаго, болѣе преданнаго власти, чѣмъ графъ Семенъ Воронцовъ. Узнавъ о раздѣлѣ Польши, онъ осуждалъ этотъ актъ «величайшей несправедливости». Ссылка Радищева возмущала его: «Десять лѣтъ Сибири—это, вѣдь, хуже смерти. И это за вѣтренность! Къ чему же будутъ приговаривать за преступленія и формальныя возмущенія?» Усмотрѣвъ изъ дипломатической переписки, что Александръ I, довѣряясь министру Панину, кладетъ резолюціи по личнымъ указаніямъ министра, графъ Семенъ Воронцовъ писалъ императору: «Нѣтъ въ мірѣ ничего болѣе опаснаго, какъ рѣшать дѣла съ глазу на глазъ съ министрами. Какимъ образомъ Ваше Величество можете удостовѣриться, что они не введутъ васъ въ ошибку, вольную или невольную? Почему вы знаете, что министры представляютъ вамъ все, что̀ должно быть доведено до вашего свѣдѣнія? Какимъ образомъ Ваше Величество можете удостовѣриться, что ваши приказанія были исполнены въ точности? Въ природѣ человѣка стремиться къ вліянію, къ власти; отсюда образуется деспотизмъ министровъ, и Ваше Величество создадите деспотизмъ невыносимый, уклоняясь отъ обсужденія дѣлъ въ совѣтѣ, въ своемъ присутствіи, и вершая ихъ съ глазу на глазъ съ тѣмъ или другимъ министромъ» [1]).

Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ обязанъ лично себѣ тѣмъ высокимъ положеніемъ, которое онъ занималъ на государственной службѣ, и тѣмъ уваженіемъ, какое онъ заслужилъ у современниковъ и потомства. Онъ не былъ «куртизаномъ», тѣмъ менѣе «фаворитомъ»; онъ былъ скорѣе опальный. Камеръ-пажъ Елисаветы Петровны, онъ былъ сдѣланъ камеръ-юнкеромъ Петра III, и вскорѣ, по собственному желанію, назначенъ поручикомъ въ гренадерскую роту Преображенскаго

---

[1]) Арх. кн. Воронцова, VIII, 6; IX, 181, 212, 231, 241, 302; X, 394; XV, 158.

полка. Въ своей автобіографіи онъ подробно разсказываетъ, какъ, не желая слѣдовать примѣру графа Михаила Илларіоновича, своего дяди и воспитателя, онъ, будучи 18-ти лѣтъ отъ роду, противился перевороту 28-го іюня 1762 года, былъ арестованъ въ Зимнемъ дворцѣ и рѣшился навсегда оставить службу въ гвардіи, «измѣнившей своему долгу». Ему, противнику Екатерины въ день переворота, не улыбнулась и служба въ арміи — графа Семена Воронцова все обходили наградами, даже чинопроизводствомъ, такъ что, несмотря на страсть къ военной службѣ, онъ бросилъ «кокарду и мундиръ». Семь лѣтъ оставался онъ не у дѣлъ, путешествовалъ; возвратясь въ Россію, жилъ частнымъ человѣкомъ, и только въ 1783 году, по желанію императрицы, отправился посланникомъ въ Венецію и оттуда, въ 1785 году, былъ переведенъ въ Лондонъ, гдѣ вскорѣ же заслужилъ общее уваженіе и пріобрѣлъ друзей среди лучшихъ англійскихъ фамилій. Служба въ Венеціи избавляла графа Семена Воронцова отъ жизни въ Россіи, «въ странѣ деспотической»; служба же въ Лондонѣ вполнѣ совпадала съ его взглядами на Англію, какъ на страну, «наиболѣе свободную во всемъ мірѣ» [1]).

Задача, возложенная на графа Воронцова, какъ русскаго представителя въ Лондонѣ, была, конечно, невозможна — разрушить англо-прусскій союзъ, когда «не высохли еще чернила, которыми онъ былъ написанъ». Графъ Воронцовъ хорошо понималъ это и, какъ человѣкъ умный, рѣшилъ «обезвредить» этотъ союзъ. Главное зло союза крылось, впрочемъ, не въ Лондонѣ, а въ Берлинѣ. Правда, «старая связь между Россіею и Англіею разорвана была ненавидимыми англійскою націею правилами вооруженнаго нейтралитета»; эти правила «поссорили насъ, такъ что не одинъ дворъ, но вся англійская нація съ прискорбіемъ чувствовала сію обиду»; но не менѣе правда и то, что торговля съ Россіею предоставляла Англіи такія

[1]) Ibid., VIII, 1—36; IX, 62, 104.

существенныя выгоды, которыя значительно превосходили ущербъ, наносимый вооруженнымъ нейтралитетомъ, тѣмъ болѣе, что англійская торговля, благодаря именно этому нейтралитету, могла производиться постоянно, между тѣмъ какъ ущербъ отъ нейтралитета чувствовался лишь въ случаѣ войны Англіи съ какою-либо державою. Англіи нѣтъ ни выгоды, ни расчета разрывать свои связи съ Россіею, хотя бы и не скрѣпленныя формальнымъ договоромъ. Не то Пруссія. Уже лига германскихъ князей, пресловутый Fürstenbund ясно указывалъ, что Пруссія сознаетъ возможность непосредственнаго столкновенія съ Россіею. Сближеніе же Екатерины II съ императоромъ имѣло въ виду, конечно, только Турцію, но косвенно служило предостереженіемъ и для Пруссіи. Вторая турецкая война казалась въ Берлинѣ наилучшимъ моментомъ для безкровнаго присоединенія Данцига и Торна; шведская же война совершенно отуманила берлинское министерство, полагавшее, что оно можетъ диктовать свои условія Россіи, занятой войною на два фронта: на югѣ съ Турціею, на сѣверѣ со Швеціею. Пруссія заключила уже наступательные и оборонительные союзы съ Турціею и Швеціею, что̀ давало ей значительный перевѣсъ на сухомъ пути; союзъ съ Англіею обезпечивалъ, какъ ей казалось, превосходство на морѣ, и Пруссія предъявляла Россіи невѣроятныя требованія. Между прочимъ, прусское министерство требовало, чтобы Россія заключила миръ съ Турціею безъ всякаго земельнаго пріобрѣтенія или иного вознагражденія. Прусскій министръ, графъ Герцбергъ, открыто заявилъ, что «только при посредничествѣ Пруссіи Россія можетъ надѣяться на пріобрѣтеніе Очакова». На донесеніи объ этомъ Екатерина написала: «Намѣстникъ Божій, вселенной распоряжающійся! Зазнались совершенно». Конечно, не Очаковъ интересовалъ Пруссію, а Данцигъ и Торнъ, которыхъ безъ согласія Екатерины захватить нельзя. Но Пруссія, даже въ союзѣ съ Турціею и Швеціею, можетъ только угрожать; привести угрозу въ исполненіе можетъ она

только при содѣйствіи Англіи. Англо-прусскій союзъ уже заключенъ, и прусское вліяніе господствовало при лондонскомъ дворѣ, когда графъ Воронцовъ прибылъ въ Лондонъ.

Это особенно ярко обнаружилось въ самомъ началѣ второй русско-турецкой войны. Графъ Воронцовъ скоро убѣдился, что представитель Англіи при Портѣ самымъ энергическимъ образомъ интриговалъ противъ Россіи и значительно содѣйствовалъ возникновенію самой войны. Затѣмъ слѣдовалъ рядъ если не открыто враждебныхъ, то вполнѣ непріязненныхъ къ Россіи мѣръ: англійское правительство запретило вывозъ нѣкоторыхъ предметовъ военной контрабанды, купленныхъ за счетъ русскаго правительства, запретило наемъ транспортныхъ судовъ, запретило даже перевозку на англійскихъ судахъ провизіи для русскаго флота, наконецъ, запретило англійскимъ лоцманамъ провожать русскія военныя суда за предѣлы англійскихъ территоріальныхъ водъ. Несмотря на всѣ усилія графа Воронцова, ему не удалось убѣдить англійскаго министра Питта въ несправедливости подобныхъ мѣръ. Онъ признавалъ образъ дѣйствій лондонскаго двора «неблагопристойнымъ» и справедливо утѣшался тѣмъ, что «публика оглашаетъ сіе, яко самое подлое лукавство, неприличное и безчестное для большой державы: въ націи, ненавидящей лукавство, умножается неудовольствіе противъ кабинета». Графъ Воронцовъ объяснялъ все это вліяніемъ Пруссіи. Уже въ началѣ 1789 года онъ писалъ графу Остерману: «Пока г. Питтъ, ослѣпленный Пруссіею, пребудетъ здѣсь министромъ и пока король останется въ опекѣ своей супруги, преданной совершенно двору берлинскому, Россіи ничего полезнаго отъ Англіи ожидать нельзя; зная мнѣніе берлинскаго двора, вы знаете и мысли здѣшняго».

Графъ Воронцовъ оказался вполнѣ на высотѣ своей задачи и дѣйствительно обезвредилъ англо-прусскій союзъ. У него не было средствъ бороться съ прусскимъ вліяніемъ на лондонскій дворъ; не могъ противодѣйствовать онъ и англій-

скому министерству. Онъ оставилъ поэтому дворъ и министерство въ покоѣ и рѣшился апеллировать къ англійскому народу, предоставить ему рѣшеніе важнаго вопроса для самой Англіи, не только для одной Россіи.

Съ конца 1790 года на всѣхъ верфяхъ Англіи начались усиленныя работы. По предложенію Питта, было вооружено 36 линейныхъ кораблей, 12 фрегатовъ и до 50 бриговъ и катеровъ. Ни для кого не было секретомъ, что эта эскадра предназначалась для отправки въ Балтійское море, спеціально для крейсированія у русскихъ береговъ. Изъ бесѣды съ Питтомъ графъ Воронцовъ убѣдился, что разрывъ съ Россіею рѣшенъ и что весною будетъ объявлена война. Тогда графъ Воронцовъ потребовалъ у статсъ-секретаря, герцога Лидса, офиціальнаго свиданія, чтобы, въ случаѣ нужды, объявить англійскому министерству свое знаменитое «иду на вы». Замѣтивъ, послѣ недолгихъ переговоровъ, что и статсъ-секретарь вполнѣ раздѣляетъ рѣшимость перваго министра, графъ Воронцовъ обратился къ нему съ слѣдующею краткою рѣчью: «Такъ какъ очевидно, что здѣшнее министерство настолько ослѣплено, что упорствуетъ (ради сохраненія туркамъ Очакова, что̀ для Англіи совершенно безразлично) въ рѣшимости начать несправедливую и для обѣихъ странъ, для Россіи и Англіи, убыточную войну, то я считаю своимъ долгомъ противодѣйствовать этому злу. Не сомнѣваюсь, что вы будете имѣть большинство въ обѣихъ палатахъ; но я хорошо уже знаю эту страну. Я знаю, что не только министерство, но и самый парламентъ имѣетъ власть лишь настолько, насколько онъ опирается на сочувствіе графствъ, богатыхъ собственниковъ и независимыхъ личностей, которые собственно и управляютъ страной. Поэтому, имѣю честь объявить вамъ, господинъ герцогъ, что я употреблю всѣ усилія для того, чтобъ англійскій народъ узналъ всю правду о вашихъ намѣреніяхъ, столь противныхъ интересамъ страны. Зная здравый смыслъ англійскаго народа, я вполнѣ надѣюсь, что общій голосъ націи

заставитъ васъ отказаться отъ столь несправедливаго предпріятія» [1]). Сообщая этотъ эпизодъ, графъ Воронцовъ прибавляетъ, что «герцогъ Лидсъ былъ пораженъ смѣлостью и прямотою моихъ словъ: онъ не зналъ, что̀ отвѣчать мнѣ».

Началась отчаянная борьба—борьба изъ-за общественнаго мнѣнія Англіи. Министерство употребляло всѣ средства, дозволенныя и недозволенныя, чтобы возбудить народъ противъ Россіи и сдѣлать войну съ нею популярною. Въ печати и на митингахъ вновь зашла рѣчь о вредѣ для Англіи «вооруженнаго нейтралитета», при чемъ всячески возбуждалась «злоба и негодованіе» противъ Россіи; вновь заговорили о политикѣ Россіи, при чемъ стали «порочить Россію за поведеніе ея въ Польшѣ»; наконецъ, министерская партія стала распространять подъ рукою, будто Россія, вмѣстѣ съ Австріею, сдѣлала Франціи и Испаніи предложеніе вступить съ ними въ союзъ, который направленъ только противъ Англіи и Пруссіи [2]). Не дремалъ и графъ Воронцовъ. Онъ посѣтилъ вождей оппозиціи, побывалъ у вліятельныхъ членовъ палаты общинъ и представилъ имъ всѣ данныя для удостовѣренія, что война съ Россіею нужна и выгодна только Пруссіи, что эта война потребуетъ отъ англійскаго народа громадныхъ издержекъ и въ результатѣ можетъ привести только къ потерѣ Англіею всей ея торговли съ Россіею. Русское посольство работало день и ночь. Оно составляло цѣлыя брошюры, наполненныя неопровержимыми цифрами, доказывавшими, что война съ Россіею можетъ быть только разорительна для Англіи и что она предпринимается изъ-за Очакова и степи, его окружающей, вовсе неизвѣстной и ненужной англійскому народу. Эти брошюры переводились на англійскій языкъ, печатались и разсылались въ тысячахъ экземпляровъ по всему королевству.

[1]) Арх. кн. Воронцова, VIII, 20.

[2]) Ibid., XVI, 232. Письмо графа С. Р. Воронцова къ графу А. А. Безбородко, отъ 24-го мая 1791 года.

Ежедневно въ русскомъ посольствѣ писались leading articles для 20-ти лондонскихъ газетъ, при чемъ всякій невѣрный слухъ, пущенный министерствомъ, немедленно опровергался. Тревога охватила всю Англію и, прежде всего, тогдашніе промышленные и торговые центры. Въ Норвичѣ, Векфильдѣ, Лидсѣ и Манчестерѣ составлялись митинги, резолюціи которыхъ, печатавшіяся въ газетахъ, всѣ были противъ войны съ Россіею. Въ парламентъ присылались покрытыя тысячами подписей петиціи, высказывавшіяся противъ министерскихъ мѣръ относительно Россіи. Наконецъ, многіе избиратели стали присылать своимъ депутатамъ особыя мандаты съ требованіемъ отречься отъ антирусской политики Питта и вотировать противъ него.

Борьба была въ самомъ разгарѣ, когда, въ мартѣ 1791 г., король обратился къ парламенту съ посланіемъ, въ которомъ онъ требовалъ ассигнованія значительной суммы для усиленія англійскаго флота, чтобы «придать больше вѣса представленіямъ Англіи насчетъ умиротворенія и поддержанія равновѣсія въ Европѣ». Въ посланіи не упомянуто ни слова о Россіи; но Питтъ, во время дебатовъ, открыто заявилъ, что «вооружаемый флотъ предназначенъ для дѣйствія противъ Россіи, безмѣрное честолюбіе которой необходимо ограничить, какъ равнымъ образомъ необходимо воспрепятствовать окончательному разрушенію Оттоманской имперіи». По первому же голосованію въ палатѣ депутатовъ, Питтъ, правда, получилъ большинство, но былъ крайне пораженъ, замѣтивъ, что «его большинство» уменьшилось въ данномъ случаѣ на сто голосовъ, и услышавъ со стороны оппозиціи рѣчи, отличавшіяся небывалою смѣлостью, доходившею иногда до дерзости. Многіе друзья Питта не подали голоса, не желая вотировать за его предложеніе. Это первое голосованіе было первымъ предостереженіемъ Питту. На другой день раздалась громовая рѣчь Фокса, который со всею силою ораторскаго искусства напалъ на политику Питта, «дабы камора и вся нація знали, въ ка-

кую пагубу и безчестіе ее вовлекаютъ» [1]). И въ этотъ день Питтъ получилъ большинство голосовъ, но столь ничтожное, что побѣда напоминала уже о пораженіи. Полное пораженіе и послѣдовало, но внѣ парламента: «Здѣсь народъ началъ уже,— доноситъ графъ Воронцовъ отъ 28-го марта 1791 г.,—писать по стѣнамъ большими словами: *не надобно войны съ Россіею!*»

Графъ Воронцовъ одержалъ блистательную побѣду: онъ апеллировалъ къ здравому смыслу англійскаго народа и народъ подалъ свой властный голосъ за него. Вотъ какъ графъ Воронцовъ, въ рядѣ донесеній, извѣщалъ объ этомъ императрицу Екатерину: Отъ 2-го апрѣля: «Всего удивительнѣе есть то, что, несмотря, что вооруженный нашъ нейтралитетъ огорчилъ вообще всю Англію, послѣ того уже нѣсколько лѣтъ сряду, что прусскій и шведскій дворы непрестанно старались разными параграфами въ публичныхъ бумагахъ и книгахъ, какъ-то о сѣверномъ равновѣсіи, раздразнить и огорчить англичанъ противъ Россіи, лишь только показали сему доброму народу, что его ведутъ противъ Россіи умышленно, въ угожденіе двора берлинскаго и что дѣло идетъ до разрыва съ нею, вся злоба его исчезла, и онъ ничего теперь такъ не желалъ, какъ сохранить съ нею прежнюю и взаимно полезную дружбу». Отъ 11-го апрѣля: «Министерство теперь знаетъ, что за Очаковъ и его окружность ему войны начать нація не дозволитъ. Оборотъ для нашихъ интересовъ весьма счастливый совершился, облича всему свѣту, какъ здѣшняя нація привязана къ Россіи. Вся трудность для Питта состоитъ, какъ уступить безъ стыда, ибо нація сей стыдъ дѣлить съ нимъ не будетъ». Отъ 30-го мая: «Поистинѣ невозможно объяснить съ достаточною силою, какъ вся нація громогласно негодуетъ противу министерства за непростительной онаго поступокъ противу Россіи и какъ она доказываетъ свою лю

---

[1]) Отрывокъ изъ рѣчи Фокса, присланный графомъ Воронцовымъ, помѣщенъ въ Русск. Архивѣ, 1879 г., I, 207; Арх. кн. Воронцова, IX, 190: Monsieur Fox a parlé comme un ange.

бовь къ оной. Министръ ни подъ какимъ видомъ не посмѣетъ ничего начать противу насъ» [1]).

И не посмѣлъ. Вмѣсто отправки въ Петербургъ составленнаго сообща съ графомъ Герцбергомъ объявленія войны съ Россіею, Питтъ долженъ былъ послать въ Портсмутъ приказъ о разоруженіи эскадры, предназначавшейся для Балтійскаго моря.

Графъ Воронцовъ вполнѣ воспользовался одержанною имъ побѣдою. Въ самый разгаръ политической борьбы, 24-го мая 1791 года, онъ писалъ графу Безбородко: «Изъ отзыва дюка Лидса о торговой нашей конвенціи кажется, что здѣсь не спѣшатъ заключить оную или желаютъ вмѣсто того сдѣлать трактатъ формальной. Если же трактатъ сей не можетъ быть скоро довершенъ, а однакожъ его заключить у насъ желаютъ, въ такомъ случаѣ, давши вѣскія увѣренія о желаніи онаго, можно будетъ предложить, чтобы между тѣмъ заключить конвенцію, для которой есть уже полная мочь въ Лондонѣ. Трактатъ, конечно, лучше всего привяжетъ къ намъ Англію, но если нельзя будетъ скоро его заключить, то на время и сія конвенція будетъ полезна» [2]). Такъ и сталось: 14-го марта 1793 года графъ Воронцовъ и лордъ Гренвилль подписали проектъ предварительныхъ условій коммерческой конвенціи. Въ этотъ же день, быть можетъ тѣмъ же перомъ, графъ Воронцовъ, «безъ всякихъ полномочій», подписалъ предложенный ему лордомъ Гренвиллемъ проектъ конвенціи относительно общихъ дѣйствій противъ Франціи. Почему?

Графъ Семенъ Воронцовъ не любилъ ни Франціи, ни французовъ только изъ патріотизма. Еще въ 1784 году, когда онъ желалъ покинуть свой дипломатическій постъ въ Венеціи, гдѣ «императрица только теряетъ деньги, расходуемыя на него», и ему было предложено на выборъ посольство въ

[1]) Подробное разъясненіе см. въ письмѣ къ графу А. Р. Воронцову, отъ 2-го іюля 1791 года, въ Арх. кн. Воронцова, IX, 201.

[2]) Арх. кн. Воронцова, XVI, 234.

Парижѣ или Лондонѣ, онъ предпочелъ Лондонъ, потому что «Франція никогда не проститъ Россіи, которая менѣе чѣмъ въ одно столѣтіе уничтожила ея вліяніе въ трехъ державахъ: въ Турціи и Швеціи, которыми Франція пользовалась, чтобы тревожить своихъ враговъ, и въ Польшѣ, въ которой Франція вліяла прежде даже на выборъ королей, теперь избираемыхъ по нашей волѣ; присоединеніе же Крыма должно еще болѣе увеличить ненависть къ намъ Франціи». Онъ совѣтуетъ учредить генеральное консульство въ Мореѣ потому, между прочимъ, что оттуда легко будетъ «слѣдить за каждымъ шагомъ французовъ» [1]). Какъ человѣкъ умный и дипломатъ проницательный, графъ Воронцовъ не только не считалъ возможнымъ для Франціи избѣжать революціи, но одинъ изъ первыхъ русскихъ предвидѣлъ ея необходимость и еще въ 1787 г. предсказалъ, что «потрясеніе будетъ жестокое» [2]). Когда же потрясеніе разразилось, онъ распространилъ свою ненависть на всю «проклятую Францію», la France maudite: на парижскую чернь и сельское населеніе, на демократовъ и аристократовъ, на эмигрантовъ и принцевъ крови, на короля и королеву. Онъ не могъ выносить ни одного француза, онъ чернитъ ихъ всѣхъ. Въ его письмахъ французскій народъ—подлый (lâche), безчестный (infâme), укушенный бѣшеною собакою; эмигранты—развратны и мерзки; принцы крови—презрѣнны и мелки, мечтающіе лишь о томъ, чтобы вѣшать и колесовать своихъ противниковъ; у него Мирабо—злодѣй, стремящійся низвергнуть всякій порядокъ во Франціи; Неккеръ—главный виновникъ низложенія Людовика XVI и уничтоженія королевской власти; графъ Прованскій—ничтожество, всѣми презираемое; Дюмурье—негодяй, заботящійся только о личномъ благѣ [3]), и т. п. Въ письмѣ отъ 31-го августа 1788 года: «Король — глупъ, королева — интриганка,

[1]) Ibid., IX, 3, 4, 10, 136, 437. [2]) Ibid., IX, 104, 153.

[3]) Арх. кн. Воронцова, IX, 138, 158, 182, 193, 211, 259, 261, 266, 282, 294, 300, 309, 310, 314, 339; X, 23.

безъ таланта и безъ твердости, столь же всѣми ненавидимая, какъ король презираемъ» [1]). Иногда только ненавистью графа Воронцова ко всему французскому и можно объяснить тѣ несообразности, которыя встрѣчаются въ его письмахъ. Такъ, въ письмѣ отъ 2-го сентября 1791 года онъ испрашиваетъ инструкцій относительно вновь назначеннаго французскаго посла въ Лондонѣ, Шовелэна—онъ недоумѣваетъ, какъ вести себя относительно его, такъ какъ «французскій посолъ будетъ представлять не Людовика XVI, находящагося въ заточеніи, а господъ Робеспьера, Петіона и Грегуара»; между тѣмъ въ то время Людовикъ XVI вовсе не былъ арестованъ, и кредитивныя грамоты Шовелэна были подписаны королемъ.

Графъ Воронцовъ не раздѣлялъ взгляда Екатерины: императрица полагала, что Францію должно спасти французское дворянство съ принцами во главѣ; ея лондонскій посланникъ находилъ, что только сильная коалиція иностранныхъ дворовъ можетъ задушить «безразсудную французскую революцію» [2]). Онъ давно уже проповѣдывалъ, что «спасеніе только въ коалиціи», и былъ, конечно, очень радъ, что могъ подписать проектъ англо-русской коалиціи.

Екатерина II не менѣе Георга III сознавала необходимость «создать оплотъ противъ развитія зла», но потребовалось не менѣе двухъ лѣтъ, чтобъ согласиться въ средствахъ для созданія оплота. Опять начались переговоры о заключеніи союзнаго договора, который могъ представить въ будущемъ большія выгоды Россіи и который въ данную минуту былъ крайне необходимъ для Англіи. Опять явились различныя мнѣнія, столкнулись противныя намѣренія; то Англія не желаетъ платить субсидіи за русскія вспомогательныя войска — въ усмиреніи французскихъ анархистовъ заинтересована вся монархическая Европа и русскія войска вызываются не для спеціально англійскихъ выгодъ, то Россія отказываетъ въ помощи сухопутными войсками—въ виду «вся-

[1]) Ibid., IX, 138. [2]) Ibid., 501, XXVIII, 122.

кихъ событій, которыя могутъ случиться не только въ Польшѣ, но также со стороны Порты Оттоманской». Переговоры затягивались. «Въ продолженіе царствованія императрицы и короля великобританскаго,—писалъ графъ Остерманъ графу Воронцову въ октябрѣ 1794 года,—это уже въ третій разъ, что дѣлается попытка завязать узы союза и дружбы; и если теперь это не удастся, то какая тому причина? Развѣ не окажется, что мы одни были того мнѣнія, что наши отношенія къ Англіи должны покоиться на постоянныхъ, неизмѣнныхъ и вполнѣ взаимныхъ для обоихъ государствъ интересахъ, между тѣмъ какъ Англія, напротивъ, полагаетъ, что эти отношенія должны быть только преходящія и зависящія отъ времени и обстоятельствъ? Какъ бы то ни было и что бы ни случилось, вы объявите въ концѣ концовъ англійскому министерству, что Ея Императорское Величество, оставаясь вѣрною своему заявленному Франціи желанію заключить союзный трактатъ съ Его Величествомъ королемъ великобританскимъ, согласится доставить вспомогательныя войска, опредѣленныя проектомъ трактата, съ того момента, когда возстаніе въ Польшѣ окажется усмиреннымъ и когда не будетъ явной опасности разрыва съ Оттоманской Имперіей или съ другою какою-либо державою, склонною къ тому происками или золотомъ французскихъ злодѣевъ». Этотъ русскій «ультиматумъ» подѣйствовалъ тѣмъ болѣе, что въ это именно время и Голландія объявила войну своей прежней союзницѣ. Англія уступила, и 7-го февраля 1795 года былъ подписанъ русско-англійскій союзный оборонительный трактатъ. Отдѣльною секретною статьею Россія обязалась, въ виду «настоящей войны съ такъ называемымъ Національно-Французскимъ Конвентомъ», послать въ Англію «эскадру, состоящую изъ 12-ти линейныхъ кораблей и 6-ти фрегатовъ, для соединенія съ англійскимъ флотомъ и совмѣстнаго съ нимъ крейсерства и военныхъ дѣйствій противъ общаго врага въ Ламаншѣ или въ океанѣ».

Не успѣла еще русская эскадра вице-адмирала Ханыкова усилить коалицію, какъ ее еще въ большей степени ослабила Пруссія заключеніемъ базельскаго мирнаго договора съ «французскими цареубійцами». Русскимъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Берлинѣ былъ Максимъ Алопеусъ, «пруссакъ отъ головы до ногъ», какъ его аттестовала Екатерина II. Этому-то «пруссаку» прусскій министръ Гаугвицъ такъ оправдывалъ базельскій договоръ: «Мой дворъ оставилъ коалицію только въ одномъ смыслѣ, т.-е. въ томъ, что прекратилъ войну, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ нисколько ее не покинулъ, потому что онъ продолжаетъ держаться тѣхъ началъ, которыми движется коалиція. Честнымъ моимъ словомъ я вамъ подтверждаю, что мы не имѣемъ никакого союза съ Франціею». Это была совершенно ненужная и напрасная ложь, не обманувшая даже Алопеуса. Уже давно прусскіе министры говорили «русскому дипломату», что король готовъ послѣдовать «прекрасному и великому примѣру императрицы» [1]). Дѣйствительно, Екатерина неотступно совѣтовала Пруссіи сражаться противъ «общаго врага Европы», не принимая сама никакого участія въ этой исполинской борьбѣ. Когда Пруссія просила оказать ей союзную помощь хотя бы только 2.000 казаковъ [2]), Екатерина отказала. Это невмѣшательство императрицы представляло ей большія выгоды, которыя Екатерина хорошо сознавала [3]) и которыми она отчасти даже вос

---

[1]) Мартенсъ, VI, 165.

[2]) Прусскіе министры утверждали, что «страхъ, который наводитъ одно ихъ имя, ихъ храбрость и вѣрность испытанныя, ихъ одѣяніе и вооруженіе— все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ ихъ присутствіе въ прусской арміи полезнымъ». Депеша Алопеуса отъ 22-го марта 1793 г.

[3]) Екатерина писала англійскому королю: «Séparée de la France par des barrières immenses, j'aurais pu, à l'aide de quelques mesures de précaution, attendre tranquillement le sort des événements. Peut-être même l'épuisement présque général qu'auraient infailliblement produit les efforts des uns pour renverser ces barrières et ceux des autres pour les défendre aurait-il présenté des chances seduisantes pour une politique plus exclusive que ne l'a jamais été la mienne». Арх. кн. Воронцова, XXVIII, 121.

пользовалась при сведенiи своихъ счетовъ съ Польшею и Турцiею.

Коалицiя не клеилась. «Нѣтъ болѣе единства принциповъ и не можетъ быть единства дѣйствiй», писала Екатерина графу Воронцову. Вѣроломство Пруссiи, какъ тогда объясняли базельскiй договоръ съ Францiею, ускорило сближенiе Англiи не только съ Россiею, но и съ Австрiею. Въ Лондонѣ не могли слышать о «берлинской измѣнѣ». Графъ Воронцовъ писалъ: «При произнесенiи слова Берлинъ я замѣтилъ измѣненiе въ лицѣ лорда Гренвилля, и онъ мнѣ сказалъ, что король прусскiй выпилъ всю чашу стыда, что онъ похитилъ у Англiи миллiонъ двѣсти тысячъ фунтовъ стерлинговъ и предалъ ее самымъ вѣроломнымъ образомъ». Сближенiе трехъ дворовъ—петербургскаго, лондонскаго и вѣнскаго—выразилось въ лондонской декларацiи 17-го сентября 1795 года о присоединенiи Австрiи къ англо-русскому союзному договору. Такъ возникла «система тройственнаго союза», которой лондонскiй дворъ давно уже добивался именно для борьбы съ французскимъ правительствомъ.

Графъ Воронцовъ употреблялъ всѣ усилiя, чтобъ склонить Екатерину къ болѣе энергичной поддержкѣ Англiи въ ея борьбѣ съ французской республикой. По поводу пребыванiя эскадры Ханыкова въ англiйскихъ водахъ онъ писалъ императрицѣ: «Не могу также не донести, что удивительно и прiятно смотрѣть на великое согласiе, которое пребываетъ между командирами, офицерами и матросами обѣихъ нацiевъ, кажется, аки бы они были одного племени и закона, и вообще вся англiйская нацiя теперь привязана къ Россiи. Здѣсь бывали союзныя эскадры голландскiя и португальскiя, но ни съ которою изъ нихъ такъ дружески не обходились, какъ съ сею, что̀ Ваше Императорское Величество прислать сюда изволили. Всѣ члены правленiя и частные люди, независимые отъ онаго, наперекоръ нашихъ ласкаютъ, и что всего удивительнѣе то, что между простыми матросами обѣихъ нацiевъ въ

гуляньяхъ и трактирахъ по сіе время еще ни малѣйшей ссоры ни случилось». Казалось, старанія гр. Воронцова готовы увѣнчаться успѣхомъ. Въ сентябрѣ 1796 года, въ Лондонѣ съ восторгомъ узнали, что императрица, въ виду пораженій, нанесенныхъ австрійцамъ, рѣшилась помочь союзникамъ 60.000 корпусомъ войскъ, а въ ноябрѣ пришла вѣсть о скоропостижной смерти Екатерины.

Екатерину II смѣнилъ Павелъ I. Въ апрѣлѣ 1797 г. эскадрѣ Ханыкова приказано возвратиться въ Россію; въ октябрѣ же рѣшено отправить въ Германію русскій вспомогательный корпусъ. 18-го декабря 1798 года подписанъ новый англо-русскій трактатъ; въ іюнѣ 1799 г.—опять новый трактатъ; кромѣ русскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ уже въ Швейцаріи, посланъ новый корпусъ для дессанта въ Голландію, а въ 1800 году произошелъ полный разрывъ между Россіею и Англіею: англійскій посланникъ Витвортъ поспѣшно покидаетъ Петербургъ, уплата русскихъ долговъ англичанамъ пріостанавливается, англійскія суда секвеструются, на англійскіе товары налагается запрещеніе...

Коалиція не клеплась. По словамъ Екатерины, коалиція должна была «предохранить народы отъ опасностей и увлеченія доктриною, поджигательною и ниспровергающею всякій общественный порядокъ, отомстить монархіи за кровныя оскорбленія, нанесенныя ей ненавистною и развратною шайкою, и, наконецъ, возстановленіемъ королевской власти укрѣпить общую систему Европы». Екатерина была въ этомъ случаѣ вполнѣ искренна, и ее нельзя винить за недосягаемую цѣль, начертанную ею коалиціи. Не для одной Екатерины, для всѣхъ государей того времени представлялось неразрѣшимымъ вопросомъ, почему революціонное движеніе обнаружилось сильнѣе и прежде всего во Франціи, хотя въ Англіи и Германіи, въ Италіи и Испаніи господствовалъ тотъ же феодальный строй? Для рѣшенія этого вопроса необходимо выяснить вліяніе папства и реформаціи на развитіе Италіи и

Германіи, опредѣлить причины, по которымъ англійская аристократія не поддалась соблазнамъ Стюартовъ, между тѣмъ какъ французская подчинялась королевской власти, опредѣлить, какимъ образомъ прусская монархія еще при Фридрихѣ I отказалась отъ того пути, которымъ шло французское королевство, и предоставила дворянству гражданскую и военную службу, вмѣсто исключительно придворной, и какъ Австрія, Тоскана, Неаполь, Швеція и Данія послѣдовали позже примѣру Пруссіи, тогда какъ средняя и южная Германія представляла въ этомъ отношеніи больше сходства съ Франціею, наконецъ, указать, какъ церковь въ Испаніи взяла монархію въ свою опеку и, герметически оградивъ страну отъ вліянія новыхъ идей, сохраняла безжизненную мумію, пока иностранныя войска не проникли въ страну и не внесли съ собой лучъ свѣта, который сразу повергъ въ прахъ этотъ фантомъ, созданный католическимъ духовенствомъ. Въ то время, въ концѣ XVIII вѣка, не могла быть оцѣнена заслуга Франціи въ дѣлѣ воспріятія и распространенія новыхъ идей, какъ, равнымъ образомъ, не могла быть сознана другая, не менѣе важная заслуга, заключавшаяся въ созданіи новыхъ государственныхъ учрежденій, тѣхъ формъ, въ которыхъ развивались потомъ континентальныя государства Европы, въ отличіе отъ англійскихъ и американскихъ, и въ которыхъ наиболѣе полно выражаются и удовлетворяются потребности и идеи новаго времени.

Это чувствовалъ, если не сознавалъ, воспитанникъ Лагарпа, императоръ Александръ I. Со вступленіемъ его на престолъ, возобновляются мало-по-малу прежнія дружескія и союзныя отношенія между Россіею и Англіею, но уже для достиженія иныхъ цѣлей.

ПАМЯТИ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

ПАМЯТИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

(1796—6 ноября—1896).

Въ четвергъ, 6-го ноября, вечеромъ, Екатерина умерла. Смерть не исполнила ея желанія: «Когда пробьетъ мой часъ,— писала она,—я удалю отъ своего смертнаго одра всѣхъ слабонервныхъ—пусть только закаленныя сердца и улыбающіяся лица присутствуютъ при моемъ послѣднемъ вздохѣ» [1]). Между тѣмъ, крѣпкое сложеніе и здоровое тѣло боролось болѣе сутокъ и лишь спустя 35 часовъ послѣ поразившаго ея удара отлетѣлъ этотъ послѣдній вздохъ. Современники, родные по крови и близкіе по сердцу, противные по чувству и чуждые по уму, всѣ, безъ различія, съ одинаковымъ ужасомъ, рыдая, смотрѣли на бездыханный трупъ императрицы. Мы, потомки тѣхъ неложныхъ свидѣтелей и дѣятельныхъ участниковъ ея царствованія, мы и спустя сто лѣтъ съ сокрушеніемъ поминаемъ тотъ печальный день, когда перестало биться сердце, горячо любившее Россію.

Екатерина всѣмъ обязана Россіи—почетомъ, могуществомъ, славою, рѣшительно всѣмъ, даже своимъ именемъ. Могла ли она не любить Россію? Кто зналъ, кто интересовался нѣмецкой принцессой Софіей-Фредерикой изъ захудалаго ангальтъцербстскаго рода? Кто не зналъ, кто не преклонялся предъ всероссійской императрицей Екатериной Второй? Германскій императоръ Іосифъ II самъ испыталъ и собственноручно засвидѣтельствовалъ значеніе этого превращенія: въ интимной

[1]) Сборникъ, XXIII, 9.

запискѣ къ своей матери, Маріи-Терезіи, онъ называетъ Екатерину «ангальтинкой»; въ служебномъ письмѣ къ Кауницу—la princesse de Zerbst Catherinisée [1]), и въ предсмертномъ посланіи къ Екатеринѣ II, тотъ же Іосифъ называетъ себя le plus loyal de ses amis et le plus juste de ses admirateurs и молитъ русскую императрицу помочь его преемнику и поддержать его монархію [2]).

«Ангальтинка» вполнѣ сознавала, чѣмъ она обязана Россіи, и всецѣло посвятила себя своему новому отечеству. Она безповоротно отказалась отъ своего родового гнѣзда, искренно отреклась отъ лютеранства и всѣмъ сердцемъ прилѣпилась къ православной Россіи. Не фальшивою нотою, не пустою фразою звучитъ ея всенародное исповѣданіе въ одномъ изъ первыхъ ея манифестовъ по воцареніи: «Не снисканіе высокаго имени обладательницы Россійской; не пріобрѣтеніе сокровищъ, которыми паче всѣхъ земныхъ намъ можно обогатиться; не властолюбіе и не иная какая корысть, но истинная любовь къ отечеству понудила насъ принять сіе бремя правительства. Почему мы не токмо все, что имѣемъ или имѣть можемъ, но и самую нашу жизнь на отечество любезное опредѣлили, не полагая ничего себѣ въ собственное, ниже служа себѣ самимъ, но всѣ труды и попеченія подъемлемъ для славы и обогащенія народа нашего» [3]). Екатерина сдержала свое слово, и Россія, дѣйствительно, многимъ ей обязана.

Заслуги Екатерины относительно Россіи лучше всего опредѣляются сравненіемъ ея дѣятельности съ трудами Петра Великаго. Въ этомъ случаѣ сравненію подлежатъ однородныя величины, но поставленныя въ разныя условія. Они «пахали одну борозду», и результатъ ихъ дѣятельности ясенъ и можетъ быть точно опредѣленъ.

Та Русь, которую принялъ первый императоръ, и та Рос-

---

[1]) *Arneth*. 278.

[2]) Послѣднее, предсмертное письмо Іосифа II къ Екатеринѣ II, см. *Arneth*.

[3]) П. С. З., № 11616.

сія, которую оставила по себѣ послѣдняя императрица—двѣ величины совершенно разныя. Географическое положеніе Московіи въ концѣ XVII столѣтія имѣло довольно жалкій видъ: по Ладожскому озеру и по Невѣ плавали шведскія галеры; западная граница тянулась по восточнымъ окраинамъ Балтійскихъ провинцій, принадлежавшихъ Швеціи; Псковская и Смоленская губерніи граничили съ владѣніями Польши; далѣе порубежная линія направлялась по Деснѣ къ югу, близъ Кіева, по Днѣпру, и отъ Переволочны шла къ сѣверу «украинская» линія до Донца, а къ югу была уже турецкая граница, за которой кочевали ногайскіе татары. На востокѣ рядъ засѣкъ и сторожевыхъ постовъ не вполнѣ защищалъ отъ набѣговъ киргизъ, и рѣдкому каравану удавалось пройти въ Уфимское укрѣпленіе безъ стычекъ съ башкирами. Открытый выходъ къ морю былъ только на сѣверѣ, у Архангелогородскаго порта, свободнаго отъ льда не болѣе трехъ мѣсяцевъ въ году. Въ концѣ же XVIII столѣтія географическій видъ Европейской Россіи былъ, въ главныхъ чертахъ, тотъ же, что и въ настоящее время: доступы къ Балтійскому и Черному морямъ открыты, нѣтъ и помину ни о шведахъ на Ладогѣ, ни о татарахъ-данникахъ Порты; нѣтъ вовсе ни Литовскаго княжества, ни Польскаго королевства, и западная граница примыкаетъ къ Пруссіи и Австріи.

Трудами Петра и Екатерины измѣнился до неузнаваемости и внутренній бытъ. Въ этомъ отношеніи ихъ труды, однако, и по характеру, и по задачамъ отличаются другъ отъ друга, хотя оба они преслѣдовали одну и ту же цѣль.

Тонкая и обширная наблюдательность Екатерины II, вмѣстѣ съ ея крѣпкой и дѣятельной волей, выражавшейся въ рѣшительной энергіи и самоувѣренномъ мужествѣ, рисуютъ предъ нами практическаго дѣятеля, значительно возвышающагося надъ окружающей средой и способнаго поработить робкихъ, привязать смѣлыхъ, увлечь всѣхъ. Въ этомъ отношеніи Екатерина напоминаетъ Петра; разница только во вре-

мени и мѣстѣ дѣйствія—дѣйствующія лица по способностямъ равны, но арена дѣйствія значительно измѣнилась.

Съ тѣхъ поръ, какъ славный Ордынъ-Нащокинъ совѣтовалъ подражать Западной Европѣ, а патріархъ Никонъ «испроказилъ» древнее благочестіе новшествами, прошло цѣлое столѣтіе, полное коренныхъ преобразованій и повернувшее русскую жизнь съ Востока на Западъ. При появленіи Петра, къ «новому» только стремились; при появленіи Екатерины—съ нимъ уже сжились, къ нему привыкли. Разложеніе общественныхъ нравовъ, столь естественно проявившееся въ переходную эпоху Петра и столь ярко обрисованное въ проповѣдяхъ Стефана Яворскаго. въ твореніяхъ Ѳеофана Прокоповича. въ трудахъ Дмитрія Ростовскаго, если и не улеглось еще, не прекратилось вполнѣ въ эпоху Екатерины, то значительно видоизмѣнилось, приняло другую окраску, ту, которая отмѣчена въ укоризнахъ князя Щербатова. въ запискахъ князя Шаховского, въ письмахъ Андрея Болотова. Этотъ переворотъ произошелъ не вдругъ, совершался медленно, для современниковъ былъ во многомъ почти незамѣтенъ; но при сравненіи петровскихъ проповѣдниковъ съ екатерининскими мемуаристами, происшедшая въ обществѣ перемѣна бросается въ глаза.

Этою происшедшею уже перемѣною обусловливалась также разница въ задачахъ и въ самой формѣ дѣятельности, проявленной Петромъ I и Екатериною II. Петръ, явившійся въ началѣ преобразовательнаго движенія, долженъ былъ браться за все, торопиться, не имѣя возможности не только обдумать общій планъ, но даже согласовать подробности. Онъ учреждаетъ сенатъ и забываетъ дать ему наказъ; назначаетъ сенаторовъ, «вмѣсто его императорскаго величества персоны», и вводитъ въ ихъ число лицъ совершенно безграмотныхъ. Какимъ-то случайнымъ характеромъ отмѣчены важнѣйшія его реформы: по слову философа Лейбница уничтожены приказы и созданы коллегіи; по письму митрополита Стефана—патріаршество замѣнено Синодомъ. Законодательныя работы Петра

еще рѣзче указываютъ характеръ его преобразовательной дѣятельности: здѣсь уже вовсе не видно никакой системы. все временно, все случайно—издаются не общія юридическія положенія, для всѣхъ обязательныя, а административныя распоряженія по даннымъ частнымъ случаямъ. Дѣла было такъ много и дѣло было такое разнообразное, что некогда было думать о системѣ, о строѣ, о планѣ. Екатерина, явившаяся на русскую историческую сцену въ то уже время. когда жизнь значительно улеглась въ новыхъ формахъ, когда новый кафтанъ уже нѣсколько обносился, къ нему уже попривыкли,—могла оглядѣться, одуматься прежде, чѣмъ начать дѣйствовать Во всей ея преобразовательной дѣятельности видна выработанная система, обдуманный планъ. заранѣе намѣченная задача. Она не бросается изъ стороны въ сторону, не торопится. она подробно изучаетъ вопросъ, всесторонне обсуждаетъ его, и если созидаетъ новыя учрежденія, то для всей имперіи, если издаетъ законы, то обязательные для всего населенія.

«Безпримѣрная во владыкахъ земныхъ Екатерина II» [1]), какъ отозвался о ней просвѣщенный современникъ, сообщая подробности о ея кончинѣ, Екатерина, всею своею дѣятельностью, всѣмъ своимъ царствованіемъ, не только съ успѣхомъ продолжала начатое Петромъ Великимъ преобразованіе Россіи, но и указала своимъ преемникамъ единственно неложный путь, слѣдуя по которому достигается благоденствіе русскихъ людей и слава русскихъ государей.

Говорили при жизни Екатерины, говорили по ея смерти и продолжаютъ повторять донынѣ, будто своими блестящими успѣхами во внѣшнихъ дѣлахъ и славными преуспѣяніями во внутреннихъ Екатерина обязана исключительно своему счастью. Еще Суворовъ [2]) говорилъ: «Богъ мой, не все же счастье, надобно и умѣнье»; сама же Екатерина признавала,

[1]) Русск. Архивъ, 1867, стр. 1267.

[2]) *Колотовъ*, VI, 315.

что «лучшими ея учителями были несчастье и уединеніе». Факты, всѣмъ въ настоящее время извѣстные и никѣмъ не оспариваемые, свидѣтельствуютъ, что именно въ первыя 18 лѣтъ своего пребыванія въ Россіи, съ 1744 по 1762 годъ, «несчастная» Екатерина, всѣми оставленная, въ уединеніи, имѣла время не только присмотрѣться къ новой для нея обстановкѣ, изучить русскую жизнь и познать русскихъ людей, но и серьезно подготовиться къ всевозможнымъ случайностямъ и къ неожиданно выпавшей на ея долю дѣятельности.

Менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ принцесса цербстская была перевезена изъ Штетина въ Москву. Это не былъ переѣздъ изъ одного города въ другой—это было переселеніе въ совершенно иной міръ, съ иными понятіями, нравами и обычаями, гдѣ люди чувствовали и мыслили иначе, иначе одѣвались, иначе ѣли. Фантастическія путешествія Жюля Верна не производятъ на насъ такого сильнаго впечатлѣнія, какое должно было произвесть русское общество половины прошлаго вѣка на 14-ти-лѣтнюю принцессу, хотя «toute faite», какъ писалъ о ней Фридрихъ II. Золото и парча, нѣга и роскошь ослѣпляли и плѣняли глазъ прежде, чѣмъ удавалось разсмотрѣть, что это не золото, а позолота, не нѣга, а развратъ. Это былъ омутъ, въ которомъ не легко было осмотрѣться, съ которымъ трудно было освоиться, еще труднѣе было сжиться; омутъ моральный еще болѣе, чѣмъ политическій и экономическій. Интриги и козни, пересуды и сплетни составляли основу людскихъ отношеній; поступки и дѣла оцѣнивались по степени успѣха; нравственное чувство замѣнялось внѣшнимъ приличіемъ, служеніе дѣлу—угодливостью лицамъ, религіозность—ханжествомъ. О любви, о сердечной привязанности не могло быть и рѣчи тамъ, гдѣ мать наталкивала дочь на любовника, лишь бы имѣть внука [1]). Невѣжество царитъ во всѣхъ слояхъ общества и высоко поднимаетъ голову даже у ступеней трона: архіерей оффиціально сознается синоду, что онъ «главою

[1]) Mémoires de Catherine II, 319.

весьма немощенъ»[1]). Нигдѣ никакой дисциплины: полковникъ оскорбляетъ генерала; архіерей бьетъ по щекамъ воеводу: воеводскій товарищъ замучиваетъ до смерти священника; члены коллегій и канцелярій небрегутъ службою, отчего происходитъ великая волокита въ дѣлахъ; на «репримандьі» сената никто не обращаетъ вниманія. По годамъ не производятся счеты и сборы подушныхъ денегъ; арміи обкрадываются военачальниками; корабли гніютъ въ гаваняхъ; земледѣліе отягощается неустановленными поборами: полиція въ постоянной стачкѣ съ ворами и мошенниками: солдаты, не получая ни раціоновъ, ни пайка, грабятъ, бунтуютъ и разбойничаютъ; промышленность страдаетъ отъ недостатка рукъ, которыя всѣ обратились къ хищенію и легкой наживѣ. Нигдѣ и ни въ комъ ни чувства долга, ни сознанія своего достоинства.

Такова среда, въ которой предстояло жить юной нѣмецкой принцессѣ. Ближайшая придворная обстановка не была лучше. Нареченный женихъ Софіи-Фредерики, потомъ мужъ Екатерины, Петръ Ѳедоровичъ проводилъ цѣлые дни съ лакеями, играя въ куклы, или съ голштинскими солдатами, не выпуская изо рта трубки. Рядомъ съ спальнею онъ устроилъ псарню, а въ самой спальнѣ безобразничалъ съ разными лакеями и горничными. Онъ, не краснѣя, разсказывалъ невѣстѣ о своихъ любовныхъ похожденіяхъ и не скрывалъ передъ женою своихъ отношеній къ придворнымъ дамамъ.

Нелюбимая мужемъ, покинутая императрицей, забытая придворными провела Екатерина первыя 18 лѣтъ своего пребыванія въ Россіи. Одна, въ своихъ покояхъ, она ко всему прислушивается, все обдумываетъ, о всемъ размышляетъ, и читаетъ, читаетъ все что попадетъ подъ-руку, читаетъ безъ конца, и, между прочимъ, Тацита, Монтескье, Вольтера— лучшихъ учителей, способныхъ установить взглядъ и формировать сужденіе. Чтеніе прерывается по временамъ записью того, что особенно поразило ее въ жизни или въ книгѣ. Это

[1]) *Соловьевъ*, XXI, 305.

любопытныя записи [1]), разоблачающія всю Екатерину того времени: тутъ государственно-политическія сужденія и хозяйственно-экономическія замѣтки, тутъ критика правительственныхъ распоряженій, философская тенденція, выписка изъ книги.

«Богъ мнѣ свидѣтель, что желаю и хочу только блага странѣ, въ которую привелъ меня Господь. Ея слава есть и моя. Таковъ мой принципъ. Хочу общей цѣли—сдѣлать всѣхъ счастливыми.

«Свобода—душа всего; безъ нея все мертво. Политическая свобода все воодушевляетъ.

«Противно христіанской религіи и справедливости дѣлать людей рабами — люди всѣ рождаются свободными. Рабство есть прямая потеря—оно убиваетъ промышленность, искусства, науки.

«Власть, не пользующаяся довѣріемъ народа, ничего не значитъ для государя, желающаго быть любимымъ и царствовать со славою. Этого легко достигнуть, имѣя въ виду благо народа и справедливость.

«Миръ необходимъ для такой обширной имперіи, какъ Россія. Мы нуждаемся въ увеличеніи населенія, а не въ уменьшеніи его. Это по внутренней политикѣ; а извнѣ миръ придастъ намъ большее значеніе, чѣмъ случайности войны, всегда разорительной.

«Соединить Каспійское море съ Чернымъ, оба—съ Балтійскимъ и Сѣвернымъ, и направить сюда транзитомъ торговлю Китая и Восточной Индіи—значило бы возвысить Россію на степень могущества, высшую, чѣмъ прочія государства Европы и Азіи.

«Что можетъ противостать безпредѣльной власти неограниченнаго государя, который управляетъ воинственнымъ народомъ!»

[1]) Сборникъ. VII, 82.

Вотъ плоды 18-ти лѣтъ «несчастія и уединенія». Софія-Фредерика не могла бы написать ничего подобнаго. Ея уже нѣтъ—предъ нами Екатерина, которая измѣнитъ свои первоначальныя тенденціи подъ давленіемъ новыхъ обстоятельствъ, но всегда сообразно нуждамъ и пользамъ Россіи, твердо памятуя, что «ея слава есть и моя». Эти несчастные годы были для Екатерины годами самообразованія и развитія, когда очищалось сужденіе, крѣпла мысль, закалялась воля, вырабатывался характеръ. Въ эти несчастные годы были положены основы для будущихъ счастливыхъ годовъ.

Счастливые годы начались для Екатерины большимъ несчастьемъ. «Не имѣли мы никогда ни намѣренія, ни желанія,—объявляла она въ манифестѣ къ народу,—такимъ образомъ воцариться, каковымъ Богъ, по невѣдомымъ Его судьбамъ, промысломъ Своимъ намъ опредѣлилъ престолъ отечества Россійскаго воспріять» [1]). Тщетно было бы противиться указаніямъ Промысла, и Екатерина торжественно объявляла народу: «Мы можемъ, не похвалившись, передъ Богомъ цѣлому свѣту сказать, что отъ руки Божіей пріяли всероссійскій престолъ не на свое собственное удовольствіе, но на расширеніе славы его и на учрежденіе добраго порядка и утвержденіе правосудія въ любезномъ нашемъ отечествѣ» [2]).

34-хъ-лѣтнее царствованіе Екатерины свидѣтельствуетъ, что она сдержала съ лихвою свое царское слово, какъ относительно «расширенія славы», такъ и еще болѣе по «учрежденію добраго порядка и утвержденію правосудія», по вопросамъ внутреннимъ болѣе, чѣмъ по внѣшнимъ. По обстоятельствамъ, отъ Екатерины нимало не зависѣвшимъ, на ея внѣшнюю политику обращается всегда преимущественное, если не исключительное вниманіе; о ея внутреннихъ преобразованіяхъ по большей части говорятъ лишь вскользь, мимоходомъ. Это объясняется не столько громомъ и блескомъ военныхъ под-

---

[1]) Осмнадцатый Вѣкъ, IV, 216. [2]) П. С. З., № 11693; Сборникъ, VII, 170.

виговъ, всегда весьма шумныхъ, сколько національностью исторіографовъ: до послѣдняго времени о Екатеринѣ писали только иностранцы, незнакомые съ внутреннею жизнью Россіи и ею не интересовавшіеся. Въ этомъ случаѣ мы, русскіе, въ долгу предъ Екатериною: на насъ лежитъ обязанность возстановить ея значеніе въ полной мѣрѣ и показать, что ея внутреннія реформы значительно важнѣе и плодотворнѣе внѣшнихъ успѣховъ. Въ этомъ легко убѣдиться хотя бы изъ одного цифрового итога государственной дѣятельности Екатерины, сдѣланнаго И. И. Бецкимъ въ 1781 году [1]):

„Въ теченіе послѣднихъ 19-ти лѣтъ:	
„Губерній образовано по новому положенію . . .	29
„Городовъ учреждено и обстроено	144
„Конвенцій и договоровъ заключено	30
„Побѣдъ одержано	78
„Законовъ и учрежденій издано	88
„Распоряженій по облегченію народа	123
Итого	492“.

По свидѣтельству Екатерины, здѣсь упомянуты «только дѣла государственныя и ни одно частное не внесено въ этотъ списокъ». Изъ общей же цифры 492 дѣлъ внутреннимъ вопросамъ посвящено 384 и внѣшнимъ только 108. Сообщая этотъ списокъ и указывая на внутреннія именно дѣла, Екатерина прибавила: «Nu, mein Herr, wie sind Sie mit uns zufrieden? Sind wir nicht faul gewesen?» Не подлежитъ сомнѣнію, что Екатерина ставила дѣла внутреннія выше внѣшнихъ, сознательно гордилась этимъ, и такъ скромно оцѣнивала эти труды свои: «Россія велика, а я, что ни дѣлаю, подобно каплѣ, падающей въ море» [2]).

Это и понятно. При воцареніи Екатерины имперія находилась въ «невѣроятной разстройкѣ». Неотложная необходимость внутреннихъ преобразованій сознавалось Екатериною вполнѣ:

[1]) Сборникъ, XXIII, 216. [2]) *Arneth*, III, 258; Сборникъ, XXVII, 170, 180.

«Въ 1762 году, при вступленіи моемъ на престолъ, я нашла сухопутную армію, за двѣ трети жалованія не получившую. Въ статсъ-конторѣ именные указы на выдачу семнадцати милліоновъ рублей невыполненные. Почти всѣ отрасли торговли были отданы частнымъ людямъ въ монополію. Таможни всей имперіи сенатомъ даны были на откупъ за два милліона. Елисавета Петровна искала занять два милліона рублей въ Голландіи, но охотниковъ на тотъ заемъ не явилось, слѣдовательно кредита или довѣрія къ Россіи не существовало. Сенатъ хотя и посылалъ указы и повелѣнія въ губерніи, но тамъ такъ худо исполняли указы сената, что въ пословицу почти вошло говорить: ждутъ третьяго указа, понеже по первому и по второму не исполняли. Воеводы въ городахъ и воеводскія канцеляріи жалованья не получали и дозволено имъ было кормиться съ дѣлъ, хотя взятки строго воспрещены были. Монастырскіе и заводскіе крестьяне въ полномъ непослушаніи, такъ что ни единожды принуждены были употребить противу нихъ оружіе и даже до пушекъ. Признаки были великаго роптанія на образъ правленія послѣднихъ годовъ. Умы, какъ всегда случается послѣ переворота, столь великаго, находились въ сильномъ волненіи» [1]).

Интересы промышленности и торговли, положеніе всѣхъ сословій, преимущественно же крестьянскаго, дѣла военныя, церковныя и гражданскія, все въ «невѣроятной разстройкѣ», все требуетъ упорядоченія. Изъ сенатскихъ докладовъ, изъ коллегіальныхъ экстрактовъ, изъ донесеній должностныхъ лицъ, даже изъ «многихъ разговоровъ» оказывалось, что всему виною «не единообразныя объ единой вещи установленныя правила и противорѣчущіе законы по временамъ, сдѣланные въ соотвѣтствіе тогдашнихъ умовъ расположенія», и что, прежде всего, необходимо, «дабы законодательство было приведено въ лучшій порядокъ» [2]). Такъ, по словамъ самой Екатерины,

[1]) Русск. Архивъ, 1865, 480, 493.

[2]) Сборникъ, XXVII, 175.

явилась мысль о знеменитой законодательной комиссіи, установившей славу всего ея царствованія.

Собраніе представителей русской земли, во-первыхъ, «для того, чтобы отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго мѣста» и, во-вторыхъ, «для заготовленія проекта новаго уложенія» — великій актъ, призывавшій русскій народъ, въ лицѣ его выборныхъ, къ участію въ законодательствѣ. Въ той формѣ, въ какой эта мысль была выражена, она явилась, дѣйствительно, «опытомъ великой довѣренности къ народу», и день открытія комиссіи есть день, «долженствующій навсегда остаться священнымъ для Россіи».

Въ этотъ день 545 депутатовъ привезли въ Москву и представили на всенародное обсужденіе длинный перечень «нуждъ и недостатковъ» изъ 1.264 мѣстностей, изъ которыхъ прежде доносились лишь «напрасныя жалобы и подавленный ропотъ». Никто не радѣлъ о нуждахъ русскаго человѣка, никто не заботился о недостаткахъ той или другой мѣстности, когда «съ высоты престола» раздался ȯбразной голосъ Екатерины: «Выскажите свои жалобы. Сапогъ жметъ вамъ ногу? Мы постараемся поправить это. У меня нѣтъ системы; я желаю только общаго блага—оно вмѣстѣ съ тѣмъ и мое собственное. Работайте, собирайте матеріалы, издавайте проекты—узнайте, чего вы хотите» [1]). И русскіе люди толково и дѣльно высказали свои жалобы: по сознанію самой Екатерины, они «подали мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о чемъ пещись должно» [2]). Въ продолженіе своего 34-хъ-лѣтняго царствованія Екатерина нерѣдко пользовалась этими свѣдѣніями, сообщенными ей депутатами. Такъ, въ 1778 году, въ указѣ особой комиссіи для преобразованія тульскаго оружейнаго завода, императрица указала на требованія, заявленныя въ 1767 году въ наказѣ депутату отъ завода [3]).

[1]) Сборникъ, XXIII, 403. [2]) Русск. Архивъ, 1865, 488.
[3]) П. С. З., № 14758.

Такимъ образомъ, первая часть задачи, возложенной на выборныхъ русскихъ людей, была выполнена довольно удачно, и Екатерина вполнѣ достигла своей цѣли—изъ депутатскихъ наказовъ она узнала Россію гораздо полнѣе, всестороннѣе и, конечно, вѣрнѣе, чѣмъ изъ чиновничьихъ докладовъ и канцелярскихъ донесеній. Не по винѣ императрицы, тѣмъ менѣе депутатовъ, не была достигнута вторая задача—составленіе проекта новаго Уложенія.

Надъ этимъ проектомъ болѣе всего потрудилась, безспорно, сама Екатерина. Первоначально императрица вовсе не имѣла въ виду составить новое Уложеніе—она излагала не законодательныя опредѣленія, а теоретическія идеи относительно общихъ понятій о государствѣ и правѣ, о правленіи, судѣ, законахъ и т. п. Первая тетрадь ея труда, приготовленная еще въ 1765 году, состояла всего изъ 64-хъ страницъ ея довольно крупнаго письма. Лишь мало-по-малу, увлекаясь начатымъ занятіемъ и все болѣе знакомясь съ трудами не только общими, какъ Монтескье, но такими спеціальными, какъ Беккарія, императрица перешла отъ общихъ началъ къ вопросамъ болѣе частнаго характера и написала большой томъ въ 655 параграфовъ. Первоначально она назвала свой трудъ просто «инструкціею», наставленіемъ, и находила, что «въ ней я высказалась вполнѣ и не скажу болѣе ни слова въ продолженіе всей жизни» [1]). Она хранила свой трудъ отъ всѣхъ, не желала помощниковъ, «опасаясь, что каждый изъ нихъ сталъ бы выражаться въ различномъ направленіи, а здѣсь слѣдуетъ провести одну только нить и крѣпко за нее держаться», и прочла его только двумъ-тремъ наиболѣе приближеннымъ къ ней лицамъ. Негодный царедворецъ графъ Г. Г. Орловъ нашелъ, что эта инструкція есть «non plus ultra совершенства»; опытный сановникъ Н. И. Панинъ сказалъ: «Ce sont les axiomes à renverser des murailles» [2]). Въ настоя-

[1]) Сборникъ, I, 272. [2]) Сборникъ, XXVII, 175; Русск. Архивъ, 1865, 487.

щее время мы можемъ лишь догадываться, что первоначально Екатерина имѣла въ виду составить нѣчто въ родѣ нынѣшней Instruction civique, но теоретической, не касающейся положительнаго права. Она сама, однако, недоумѣвала, насколько подобный сборникъ теоретическихъ истинъ можетъ быть практически полезенъ. Она желала знать мнѣніе по этому поводу Даламбера и, между прочимъ, какъ женщина, практически умная и обладавшая большимъ здравымъ смысломъ, она писала ему: «Отъ накопленія хорошихъ правилъ, примѣненныхъ на практикѣ, можетъ произойти и дурной результатъ, если не будутъ приняты во вниманіе тѣ измѣненія, которымъ иногда, и довольно часто, должны подвергаться эти правила при примѣненіи ихъ на практикѣ и которыя зависятъ отъ мѣста, времени, лицъ, народнаго характера, наконецъ, отъ тысячи различныхъ причинъ, которыя законодатели и государи должны знать и принимать въ соображеніе» [1]). Это недоумѣніе росло по мѣрѣ обращенія инструкціи по общегосударственнымъ вопросамъ въ Наказъ комиссіи для составленія проекта новаго Уложенія. Кто же, кромѣ представителей самого народа, кромѣ его выборныхъ, знаетъ особыя условія каждой округи, практически знакомъ съ народнымъ характеромъ, съ бытовою стороною мѣстной жизни, съ обычными правами отдѣльныхъ народностей, съ историческимъ наслоеніемъ этихъ бытовыхъ и обычныхъ условій гражданской жизни? И Екатерина созываетъ «депутатовъ» отъ всѣхъ уѣздовъ, при чемъ каждому уѣзду и каждому городу предоставляетъ дать избранному имъ депутату особое полномочіе, наказъ, съ изложеніемъ своихъ нуждъ и съ выраженіемъ своихъ желаній.

Въ отличіе отъ этихъ депутатскихъ наказовъ, заготовленный Екатериною наказъ былъ названъ современниками Большимъ Наказомъ, и императрица, прежде всего, выслу-

[1]) «Истор. Вѣстникъ», XVI, 296.

шала мнѣніе депутатовъ о своемъ трудѣ. Она назначила изъ депутатовъ «разныхъ персонъ, вельми разномыслящихъ», и поручила процензуровать Большой Наказъ, предоставивъ имъ полную свободу при обсужденіи ея труда. Съ полнымъ уваженіемъ отнеслась Екатерина къ цензурѣ представителей народа: «Тутъ при каждой статьѣ начались пренія. Я дала имъ волю чернить и вымарать все, что хотѣли. Они болѣе половины изъ того, что написано было мною, помарали, и оставили Наказъ Уложенія, яко оный напечатанъ» [1]).

Работы законодательной комиссіи начались чтеніемъ Большого Наказа. Дивились депутаты, слушая «исповѣдь здраваго смысла» императрицы. Никогда, ни прежде, ни послѣ, власть не говорила съ народомъ такимъ гуманнымъ языкомъ и не высказывала такихъ «вольнолюбивыхъ израженій». Депутаты не вѣрили ушамъ своимъ—ихъ называютъ гражданами, имъ говорятъ о равенствѣ и свободѣ, у нихъ есть права, у власти есть обязанности [2]):

«Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ.

«Сдѣлайте, чтобы люди боялись законовъ, и никого бы кромѣ ихъ не боялись.

«Вольность состоитъ въ возможности дѣлать то, что каждому надлежитъ хотѣть, и не быть принуждену дѣлать то, чего хотѣть не должно.

«Слова не вмѣняются никогда во преступленіе. Слова не составляютъ вещи, подлежащей наказанію. Иногда молчаніе выражаетъ больше, нежели всѣ разговоры.

«Всякое наказаніе, которое не по необходимости налагается, есть тиранское. Всѣ наказанія, которыми тѣло человѣческое изуродовать можно, должно отмѣнить.

«Запрещеніе или недозволеніе различныхъ вѣръ есть порокъ, весьма вредный для спокойства и безопасности гражданъ.

---

[1]) Сборникъ. XXVII, 176; Русск. Архивъ, 1865, 488.

[2]) Наказъ. ст. 12. 15. 16, 34, 37, 96, 244, 295, 296, 480, 482, 484, 517, 520.

«Запрещають въ самодержавныхъ государствахъ сочиненія очень язвительныя; это запрещеніе представляетъ ту опасность, что умы почувствуютъ притѣсненіе и угнетеніе; а сіе ничего иного не произведетъ, какъ невѣжество, опровергнетъ дарованія разума человѣческаго и охоту писать отниметъ.

«Великое несчастіе въ государствѣ не смѣть свободно говорить своего мнѣнія».

Депутаты пролили слезы, прослушавъ заключительныя слова Наказа: «Все сіе не можетъ понравиться ласкателямъ, которые по вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однакожъ мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа и по сей причинѣ мы обязаны говорить о вещахъ такъ, какъ онѣ быть должны. Ибо, Боже сохрани! чтобы послѣ окончанія сего законодательства былъ какій народъ больше справедливъ, и слѣдовательно больше процвѣтающъ на землѣ; намѣреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено: нещастіе, до котораго я дожить не желаю!»

Наказъ писанъ 130 лѣтъ назадъ, и во всѣхъ его 655 статьяхъ ни одной мысли, напоминающей жестокіе нравы московской Руси, ни одного взгляда, повторяющаго суровыя тенденціи петровскаго законодательства—онъ весь продиктованъ просвѣтительною гуманностью XVIII вѣка, съ ея стремленіемъ къ общему благу, съ ея признаніемъ правъ личности. Въ немъ впервые «вѣрноподданные рабы» объявлены равноправными гражданами и за ними признаны права не только вѣровать и мыслить, но говорить и дѣйствовать, не опасаясь никого, кромѣ законовъ. Современники называли Наказъ «золотою буллою» [1]) Россіи; потомки видятъ въ немъ актъ нашего дѣйствительнаго вступленія въ европейскую жизнь, нашего внутренняго пріобщенія западно-европейской цивилизаціи [2]).

[1]) *Blum*, Graf Sievers, I, 256.

[2]) «Отечеств. Записки», 1868, I, 129.

Такое высокое значеніе Большого Наказа нимало, однако, не соотвѣтствовало второй задачѣ законодательной комиссіи—составленію проекта новаго Уложенія. Въ этомъ отношеніи депутатскіе наказы были практически полезнѣе: они указывали недостатки дѣйствующаго права, предлагали средства исправить ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что «свѣтъ и свѣдѣнія», принесенные народными представителями, значительно помогли бы комиссіи выполнить и эту вторую задачу. Для разрѣшенія ея требовалось, однако, время, и довольно продолжительное. Между тѣмъ, года полтора спустя по открытіи комиссіи, въ концѣ 1768 года, раздавшійся по всей Россіи крикъ: «отечество въ опасности» отвлекъ вниманіе въ другую сторону, и «депутаты изъ военныхъ», составлявшіе почти третью часть комиссіи, поспѣшили на югъ, въ дѣйствующую армію, на войну съ турками.

Законодательная комиссія была «распущена» на время. Ея подкомиссіи продолжали работу, которою воспользовалась императрица какъ при изданіи «Учрежденій для управленія губерній» и «Грамоты городамъ Россійской имперіи», такъ и при составленіи уставовъ о соли, о купеческомъ водоходствѣ, даже устава благочинія и другихъ законодательныхъ актовъ, имѣвшихъ въ виду улучшеніе и преобразованіе Россіи, какъ, напримѣръ, устройство дорогъ, почтъ и т. д. [1]).

Призывомъ народныхъ представителей на совѣтъ по законодательнымъ вопросамъ Екатерина положила прочное основаніе тому «счастію», которымъ многіе склонны объяснять успѣхъ ея начинаній. Этимъ публичнымъ актомъ довѣрія къ народу она привлекла къ себѣ сердца не одного какого-либо сословія или класса, но всей массы народной, опираясь на которую легко не только царствовать, но и управлять страною. Ограничиваясь придворною атмосферою и дворцовою обстановкою, ея предшественники, до ея тетки, императрицы

[1]) П. С. З., №№ 15127, 15174, 15176, 15379, 16188.

Елисаветы Петровны включительно, могли только царствовать; никто изъ нихъ, по смерти Петра Великаго, не управлялъ Россіею, и еще въ 1765 году престарѣлый графъ Минихъ говорилъ [1]): «Русское государство имѣетъ предъ другими то преимущество, что оно управляется непосредственно самимъ Богомъ—иначе невозможно объяснить себѣ, какимъ образомъ оно можетъ существовать».

Графъ Минихъ отмѣтилъ только фактъ, имъ самимъ пережитый, но не указалъ причинъ его, заключавшихся, главнымъ образомъ, въ двухъ взаимнодѣйствующихъ и другъ отъ друга зависѣвшихъ факторахъ—въ самодурствѣ сверху и крѣпостничествѣ снизу.

Твердая, жесткая рука Петра Великаго могла, конечно, направить самодурство согласно его волѣ, но не только не уничтожила, а напротивъ, содѣйствовала дальнѣйшему его развитію. Онъ, какъ самодержецъ, нарушилъ установленный порядокъ престолонаслѣдія, чѣмъ внесъ смуту въ ту область государственнаго права, гдѣ до него господствовали точныя и всѣмъ доступныя понятія. Отвѣтомъ на этотъ произволъ было усиленіе самодурства при его преемникахъ, до того, что по кончинѣ Петра II нѣсколько членовъ Верховнаго тайнаго Совѣта располагали русскимъ престоломъ, предоставляя его лицу по ихъ выбору. Это же самодурство возвело на плаху и кабинетъ-министра Артемія Волынскаго, который былъ, по отзыву Екатерины II, «добрый и усердный патріотъ и ревнителенъ къ полезнымъ поправленіямъ своего отечества» [2]). Именно въ вопросѣ о престолонаслѣдіи Екатерина II оказалась значительно выше Петра I: несмотря ни на что, она передала престолъ нелюбимому сыну, а не возлюбленному внуку, какъ многіе ожидали. Она сдерживала свой произволъ и тѣмъ обуздывала самодурство, не будучи, конечно, въ состояніи искоренить его. Екатерина хорошо понимала источникъ русскаго самодурства.

---

[1]) *Busching's* Lebensgeschichte, 489.

[2]) Сборникъ, X, 56.

Въ своемъ знаменитомъ Наказѣ императрица категорически, но съ объясненіемъ мотивовъ, установляетъ свойство верховной власти въ Россіи: «Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ, власть не можетъ дѣйствовать сходно со пространствомъ толь великаго государства. Пространное государство предполагаетъ самодержавную власть въ той особѣ, которая онымъ правитъ. Надлежитъ, чтобы скорость въ рѣшеніи дѣлъ, изъ дальнихъ странъ присылаемыхъ, награждала медлѣніе отдаленностію мѣстъ причиняемое. Всякое другое правленіе не только было бы Россіи вредно, но и въ конецъ разорительно». Тѣмъ не менѣе, Екатерина признала необходимымъ точнѣе опредѣлить «предлогъ, намѣреніе и конецъ» самодержавія, т.-е. установить предметъ, задачу и цѣль этой формы правленія.

«Какой предлогъ самодержавнаго правленія? Не тотъ, чтобъ у людей отнять естественную ихъ вольность, но чтобы дѣйствія ихъ направить къ полученію самаго большаго отъ всѣхъ добра. Итакъ правленіе къ сему концу достигающее лучше прочихъ, и при томъ естественную вольность меньше другихъ ограничивающее, есть то, которое наилучше сходствуетъ съ намѣреніями въ разумныхъ тваряхъ предполагаемыми, и соотвѣтствуетъ концу, на который въ учрежденіи гражданскихъ обществъ взираютъ неотступно. Самодержавныхъ правленій намѣреніе и конецъ есть слава гражданъ, государства и государя. Но отъ сея славы происходитъ въ народѣ единоначаліемъ управляемомъ разумъ вольности, который въ державахъ сихъ можетъ произвести столько же великихъ дѣлъ, и столько споспѣшествовати благополучію подданныхъ, какъ и самая вольность» [1]).

Высоко ставя знамя самодержавія, Екатерина возлагала на его носителей и высокую заботу о благосостояніи страны и довольствѣ ея обитателей. Девизомъ ея, какъ императрицы,

[1]) Наказъ, ст. 9, 10, 11, 13, 14, 15, 16.

было «блаженство каждаго и всѣхъ»—слова, вычеканенныя на медали депутатовъ. «У государя—писала она—только одна обязанность и цѣль: благо его подданныхъ» [1]). Екатерина признавала, что «государи суть необходимое зло, безъ котораго нельзя обойтись; еслибъ всякій исполнялъ свою обязанность, не было бы надобности ни въ государяхъ, ни въ чиновникахъ» [2]). Она наказывала себѣ и завѣщала своимъ преемникамъ, какъ заповѣдь, что самодержавный государь, обладающій полнотою власти, вполнѣ отвѣтственъ за малѣйшее недовольство народа: «Всегда государь виноватъ, если подданные противъ него огорчены. Изволь мѣриться на сей аршинъ. А если кто изъ васъ, мои дражайшіе потомки, сіе наставленіе прочтетъ съ недовѣріемъ, такъ ему болѣе въ свѣтѣ и особливо въ россійскомъ счастья желать, нежели пророчествовать можно» [3]).

При такихъ условіяхъ, самодурство значительно было стѣснено, хотя и исключительно только личными взглядами императрицы: Екатеринѣ именно Россія обязана отличіемъ наступившей послѣ нея аракчеевщины отъ бывшей до нея бироновщины. При Екатеринѣ какой-нибудь Аракчеевъ былъ немыслимъ. Не говоря объ Орловыхъ и Зубовыхъ, не имѣвшихъ никакого вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ, князь Потемкинъ такъ же отличаетъ время Екатерины, какъ графъ Аракчеевъ эпоху ея внука. Но самая возможность появленія Аракчеева ясно, однако, свидѣтельствуетъ, что въ борьбѣ съ самодурствомъ недостаточно однихъ личныхъ взглядовъ.

Главный, хоть и не единственный, источникъ самодурства заключался въ крѣпостномъ правѣ, которое питало произволъ и вносило развратъ въ русское дворянство.

Вопросъ объ уничтоженіи крѣпостничества, какъ наболѣвшей уже вѣками язвы, давно занималъ Екатерину. Она не скрывала отъ себя, что «осуществленіемъ такой рѣшитель-

[1]) Сборникъ, X, 165. [2]) Сборникъ, XXIII, 584; XLII, 215. [3]) Сборникъ, X, 57.

ной мѣры нельзя заслужить любви землевладѣльцевъ, полныхъ упрямства и предразсудковъ». Будучи великою княгинею, она довольно наивно разрѣшала этотъ вопросъ: ей представлялось возможнымъ «постановить, что впредь при продажѣ имѣнія, съ момента пріобрѣтенія его новымъ владѣльцемъ, всѣ крѣпостные объявляются вольными: такъ какъ въ теченіе сотенъ лѣтъ всѣ или бо̀льшая часть имѣній мѣняютъ своихъ господъ, то черезъ сто лѣтъ весь народъ будетъ освобожденъ» [1]). Ставъ императрицею, Екатерина категорически поставила этотъ вопросъ на очередь, высказавъ въ первоначальной редакціи своего Наказа необходимость «сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными». Противъ этого возстали всѣ, кому только императрица давала читать Наказъ, и Екатерина должна была уступить этому общему протесту— при окончательной редакціи Наказа параграфъ объ освобожденіи крестьянъ былъ исключенъ. Екатерина уступила, однако, не по существу вопроса, а лишь по способу его «осуществленія» [2]):

«Не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ. Законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества. Весьма же нужно, чтобъ предупреждены были тѣ причины, кои столь часто привели въ непослушаніе рабовъ противъ господъ своихъ. Необходимо, чтобы законы гражданскіе злоупотребленіе рабства отвращали. Необходимо избѣгати случаевъ, чтобы не приводить людей въ неволю».

Очевидно: освободить должно, только не вдругъ и не чрезъ общее узаконеніе; прежде же всего необходимо ограничить закрѣпощеніе, а крѣпостныхъ охранить отъ злоупотребленія и обезпечить за ними собственность. Въ этомъ видѣ вопросъ и былъ затронутъ въ законодательной коммиссіи, причемъ столкнулись интересы «земледѣльцевъ—души обществу» и

[1]) Сборникъ, VII, 84.

[2]) Наказъ, ст. 252, 253, 254, 260, 261, 263.

«дворянъ — опоры престолу». Присутствуя при обсужденіи этого вопроса въ комиссіи, императрица должна была убѣдиться, что безъ непосильной для нея ломки всего государственнаго строя не только огульное освобожденіе крестьянъ немыслимо, но и частичное сопряжено съ большими затрудненіями. Екатеринѣ, въ долгое ея царствованіе, приходилось въ этомъ случаѣ бороться и съ отдѣльными личностями, до Солтычихи включительно, и съ цѣлыми учрежденіями, какъ сенатъ. И она боролась. Крестьяне убили своего помѣщика; сенатъ опредѣлилъ истребить всю деревню; Екатерина писала [1]) по этому поводу генералъ-прокурору:

«Пророчествовать можно, что есть-ли за жизнь одного помѣщика въ отвѣтъ и въ наказаніе будутъ истреблять цѣлыя деревни, то бунтъ всѣхъ крѣпостныхъ деревень воспослѣдуетъ. Положеніе помѣщичьихъ крестьянъ таково критическое, что окромѣ тишиной и человѣколюбивыми учрежденіями ничѣмъ избѣгнуть бунта не можно. Генеральнаго освобожденія отъ несноснаго и жестокаго ига не предвидятъ и, не имѣвъ обороны ни въ законахъ и нигдѣ, всякая малость можетъ привести ихъ въ отчаяніе, кольми паче мстительный такой законъ какъ сенатъ вздумалъ некстати и не къ ладу издать. Итакъ прошу быть весьма осторожну въ подобныхъ случаяхъ, дабы не ускорить и безъ того довольно грозящую бѣду, есть-ли въ новомъ узаконеніи не будутъ взяты мѣры къ пресѣченію сихъ опасныхъ слѣдствій. Ибо есть-ли мы не согласимся на уменьшеніе жестокости и умѣреніе человѣческому роду нестерпимаго положенія, то и противу нашей воли сами оную возьмутъ рано или поздно».

Пророчество Екатерины сбылось въ Пугачевскомъ бунтѣ, этомъ кровавомъ протестѣ противъ крѣпостничества. Тѣмъ не менѣе, ни Екатерина, ни даже ближайшіе ея преемники не могли приступить къ освобожденію крестьянъ, и оно совер-

[1]) Осмнадц. Вѣкъ, III. 390.

шилось лишь сто лѣтъ спустя послѣ высказанной Екатериною необходимости «сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными». Но именно Екатерина указала вѣрный путь къ этому освобожденію.

Землевладѣльцами были исключительно дворяне, составлявшіе «опору престола»; каждый землевладѣлецъ былъ, относительно говоря, такимъ же самодержцемъ въ своемъ помѣстьи, какъ государь—въ имперіи. Освобожденіе крестьянъ «вдругъ и чрезъ узаконеніе общее» отняло бы у дворянъ основной мотивъ ихъ правъ и привилегій, ради которыхъ они и являлись опорою престола; прежде чѣмъ потерять эту опору, необходимо было создать равный въ этомъ отношеніи эквивалентъ дворянству. Екатерина и положила этому начало созданіемъ «средняго рода людей» [1]), къ которому она причисляла всѣхъ тѣхъ, «кои, не бывъ ни дворяниномъ, ни хлѣбопашцемъ, упражняются въ художествахъ. въ наукахъ, въ мореплаваніи, въ торговлѣ и ремеслахъ» и которые получаютъ высшее образованіе. Нужно было, однако, время, чтобы человѣкъ «средняго рода» могъ стать столь же надежною опорою престола, какъ и «дворянинъ», но опорою вполнѣ безкорыстною, основанною единственно на патріотическомъ стремленіи ко благу родины. Этой заслуги Екатерины забывать не слѣдуетъ.

Изъ всѣхъ преемниковъ Петра В., одна Екатерина не только царствовала, но и управляла Россіей, вслѣдствіе чего она постоянно и много работала. Не по недовѣрію къ людямъ, ею же избираемымъ, а по любви и участію къ Россіи и русскому народу Екатерина никогда не полагалась на представляемые ей доклады, и всегда по всѣмъ частямъ управленія, сама разсматривала всѣ вопросы и разбирала всѣ дѣла. Кромѣ массы напечатанныхъ уже ея рѣшеній, въ архивахъ хранятся несчетные томы бумагъ. ею прочитанныхъ и

[1]) Наказъ, ст. 380, 381.

отмѣченныхъ поправками ея руки. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ ограничивалась она индиферентнымъ «быть по сему»; по большей части доклады исправлялись ею, иногда же, особенно предназначаемыя для обнародованія, ею же и составлялись: сама напишетъ «сенатскій указъ», сама отдастъ кому-либо исправить орѳографію и сама же пошлетъ генералъ-прокурору при запискѣ: «Сіе переписано на чисто съ моей безграмотной руки; ваше сіятельство уже велитѣ переписать по вашему» [1]). Ежедневно, утромъ, она работала одна часа два и съ секретарями и докладчиками—часа три; послѣ обѣда часа два посвящались чтенію реляцій, депешъ, писемъ. Иностранцы, даже нѣмцы, дивились ея усидчивости, ея трудолюбію и выражали ей по этому поводу свои сожалѣнія. «Ума не приложу, отвѣчала императрица, почему вы жалѣете меня? Правда, я работаю болѣе, чѣмъ другіе, но, вѣдь, иначе и быть не можетъ. Я такъ много могу дѣлать добра, всѣ средства къ этому въ моей власти, и мнѣ остается только находить случай къ дѣланію добра, что̀ вовсе не трудно. Я по природѣ люблю трудиться и чѣмъ болѣе работаю, тѣмъ становлюсь веселѣе» [2]). Живая, дѣятельная, здоровая, Екатерина находила время писать письма друзьямъ, сочинять сказки для дѣтей, комедіи для взрослыхъ—затруднится ли она составить инструкцію генералъ-губернатору, написать проектъ закона, исправить указъ, дать тему для манифеста? Въ перепискѣ съ гр. Сиверсомъ, намѣстникомъ тверскимъ и новгородскимъ, она входитъ въ мельчайшія подробности областного управленія; въ ея записочкахъ къ генералу-прокурору кн. Вяземскому затронуты вопросы финансовые, торговые, таможенные; ея секретари, которыхъ у нея пять, иногда до восьми, едва успѣваютъ собирать для нея справки, подыскивать законы, составлять запросы ею продиктованные. Она во все входитъ, все хочетъ знать, все направить; она всѣмъ управляетъ—другіе исполняютъ только ея приказанія; она—самодержица, «а другіе всѣ, по

[1]) Русск. Старина, LXXXVIII, 449. [2]) Сборникъ, I, 261; X, 136.

слову евангельскому, наемники есть» [1]). И не только отдѣльныя лица, даже коммиссіи и совѣты работали по ея указаніямъ и подъ ея надзоромъ. «Съ мнѣніемъ моего совѣта я всегда согласна, когда его мнѣніе согласно съ моимъ» [2]), любила говорить Екатерина, мѣтко характеризуя и себя, и совѣтъ.

Въ 34-хъ-лѣтнее царствованіе Екатерины Россія знала только ее, и русскій народъ не страдалъ отъ временщиковъ. У Екатерины II были фавориты, но временщиковъ при ней не было. Императрица не рѣшала ни одного дѣла глазъ-на-глазъ съ докладчикомъ—она всегда провѣряла докладъ, совѣщалась, совѣтовалась, и никогда никому не удавалось «вырвать» у нея высочайшаго повелѣнія, предрѣшающаго вопросъ или узаконивающаго мѣру предлагаемую докладчикомъ. За эту осторожность славный гр. С. Р. Воронцовъ воздалъ ей должное въ письмѣ къ ея внуку, который нерѣдко клалъ резолюціи по личнымъ указаніямъ министра [3]): «Нѣтъ въ мірѣ ничего болѣе опаснаго, какъ рѣшать дѣла съ глазу на глазъ съ министромъ. Какимъ образомъ ваше величество можете удостовѣриться, что онъ не введетъ васъ въ ошибку, вольную или невольную? Почему вы знаете, что министръ представляетъ вамъ все, что должно быть доведено до вашего свѣдѣнія? Въ природѣ человѣка стремиться къ вліянію, къ власти; этимъ создается деспотизмъ министра, и ваше величество создадите деспотизмъ невыносимый, вершая дѣла съ глазу на глазъ съ тѣмъ или другимъ министромъ». Въ этомъ отношеніи Екатерина вполнѣ раздѣляла взгляды одного изъ своихъ «заграничныхъ друзей»: «Нація, т.-е. общество и народъ, всегда хорошо сознаютъ свои интересы, между тѣмъ какъ министры вовсе не знаютъ, въ чемъ заключается въ данный моментъ общественное благо. Когда народъ замѣтилъ въ чемъ-либо свою ошибку, реформа является не только вполнѣ естественною, но и обязательно необходимою; между тѣмъ какъ ми-

[1]) Сборникъ, VII, 347. [2]) Сборникъ, XLII, 125. [3]) Архивъ кн. Воронцова, XV, 158.

нистры склонны упрямо поддерживать не только свои ошибки, но даже свои глупости, думая этимъ сохранить престижъ власти» [1]).

Временщиковъ при Екатеринѣ не было, но число дѣловыхъ людей значительно увеличилось. Административныя и судебныя преобразованія, введенныя императрицею, требовали людей сравнительно болѣе образованныхъ, чѣмъ прежніе повытчики. И Екатерина такихъ людей находила. Она никогда не жаловалась на недостатокъ людей, вполнѣ сознавая нелѣпость подобной жалобы, свидѣтельствующей только о собственномъ убожествѣ. «Всякая страна — писала императрица—доставляетъ всегда людей, необходимыхъ для дѣла, и такъ какъ все на семъ свѣтѣ есть дѣло человѣческое, то люди, стало быть, могутъ со всѣмъ управиться». Она нѣсколько разъ повторяетъ, что «недостатка въ людяхъ быть не можетъ», и ссылается на себя: «Я никогда не искала и всегда находила подъ рукою людей, которые служили мнѣ и, по большей части, служили хорошо; все зависитъ отъ умѣнья направить ихъ». И вотъ какъ она направляла ихъ: «Сильно ошибаются, если думаютъ, что меня пугаетъ чье-либо достоинство; напротивъ, я желала бы видѣть вокругъ себя только героевъ, и я все на свѣтѣ употребляла, чтобы сдѣлать героями тѣхъ, въ комъ видѣла малѣйшее къ тому расположеніе... Богъ мнѣ свидѣтель, что я не имѣю никакой особенной склонности къ дуракамъ» [2]). Какъ въ выборѣ людей, такъ и въ оцѣнкѣ ихъ Екатерина, однако, была строга. Вотъ, напр., ея отзывъ о четырехъ извѣстныхъ въ свое время военачальникахъ: кн. Н. В. Реннинъ — «хуже старой бабы»; гр. И. П. Салтыковъ—«глупъ и упрямъ»; гр. Я. А. Брюсъ— «дуракъ, не имѣетъ головы»; гр. В. П. Мусинъ-Пушкинъ— «онъ каналья, pardonnez le terme, en un mot c'est une bête».

Екатерина была строга не только къ отдѣльнымъ лично-

---

[1]) *Tourneux*, Diderot, III, 390.

[2]) Сборникъ, XXIII, 275, 411, 608, 624, 255, 409.

стямъ, но и къ цѣлымъ сословіямъ, причемъ, если польза дѣла того требовала, императрица не щадила даже высшихъ учрежденій, какъ правительствующій сенатъ и святѣйшій синодъ. Убѣдившись, что раздоры и несогласія сенаторовъ вредятъ ходу дѣла, императрица обнародовала указъ [1]), въ которомъ укоряла гг. сенаторовъ, что они занимаются дѣлами «совсѣмъ не свойственными людямъ благоразумнымъ, почтеннымъ и доброжелательнымъ». Рѣшившись отобрать у духовенства церковныя имѣнія, императрица напомнила членамъ синода, что они «преемники апостоловъ, которымъ Господь повелѣлъ внушать людямъ презрѣніе къ богатствамъ и которые были очень бѣдны», что «жить въ преизбыточествѣ благъ земныхъ совершенно противно званію» служителя алтаря [2]).

Строга Екатерина къ людямъ, строга и къ себѣ. Она вполнѣ сознательно говоритъ всѣмъ и ни отъ кого не скрываетъ, что все ея значеніе покоится на силѣ и преданности народа, на чести и достоинствѣ имперіи; она лично—ничто. Въ самый разгаръ двухъ войнъ, второй турецкой и шведской, въ заграничныхъ газетахъ появилось извѣстіе о смерти Екатерины; императрица писала [3]) по этому поводу: «Безумцы утверждаютъ, будто нѣтъ болѣе Екатерины; но если бы ея и не было, Россійская имперія тѣмъ не менѣе существовала бы, а ей не суждено быть задавленною ни Густавомъ шведскимъ, ни Вильгельмомъ прусскимъ, даже въ союзѣ съ ихъ другомъ Абдуломъ-Гамидомъ турецкимъ». Князь Потемкинъ дивится ея «неустрашимой твердости»; она отвѣчаетъ: «Какъ инако быть императрицѣ всероссійской, имѣя пятнадцать тысячъ верстъ за спиною и видя добрую волю и рвеніе народное» [4]). Князь де-Линь свидѣтельствуетъ, что «во дворцахъ, гдѣ есть престолы, не встрѣчалъ еще такой простоты и прямоты ни въ одной коронованной особѣ»; Екатерина от-

[1]) П. С. З., № 11845. [2]) *Чтенія*, 1862, II, 187. [3]) Сборникъ, XXIII, 474.
[4]) Сборникъ, XLII, 103.

вѣчаетъ: «Престолы и возсѣдающія на нихъ особы представляютъ прекрасное зрѣлище, но лишь издали; не въ ущербъ моимъ многоуважаемымъ собратьямъ, я полагаю, что мы, сколько насъ ни есть, всѣ должны быть пренесносными особами въ обществѣ; я знаю это по опыту: когда я вхожу въ комнату, я произвожу впечатлѣніе Медузиной головы—всѣ столбенѣютъ и прирастаютъ къ тому мѣсту, на которомъ находились. Мнѣ очень лестно слышать отъ васъ противоположное, но ежедневный опытъ убѣждаетъ меня, что я такая же, какъ и другіе, и не найдется болѣе десяти или двѣнадцати лицъ, не стѣсняющихся моимъ присутствіемъ» [1]). Екатерина трудится постоянно, работаетъ «больше другихъ», и всегда, прежде чѣмъ начать дѣло, прежде чѣмъ рѣшить вопросъ, всегда справляется со взглядами и мнѣніями Петра Великаго, всегда спрашиваетъ себя, смотря на его портретъ: «Что сказалъ бы Петръ, что сдѣлалъ бы онъ, еслибъ былъ здѣсь» [2]). Она извиняется всякій разъ, когда замедлитъ отвѣтомъ даже на какое-нибудь ничтожное письмо.

Набрасывая свои «Réflexions sur le pojet d'une histoire de Russie au 18 siècle», Екатерина категорически заявляла: «Я не придаю никакой цѣны моимъ письмамъ» [3]); но эти письма имѣютъ большое значеніе для исторіи самой Екатерины и нерѣдко рѣшающее для ея характеристики.

Императрица Екатерина II писала много, легко и охотно. Далеко не всѣ еще ея письма, указы, резолюціи и записочки изданы, а между тѣмъ число уже обнародованныхъ значительно превышаетъ 12.000 листковъ, ею писанныхъ, исправленныхъ или подписанныхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Екатерина хорошо умѣла употреблять перо на служеніе своимъ цѣлямъ. Она видѣла въ немъ довольно вѣрное средство, когда небрежно набрасывала на бумагу довѣрчивыя строчки къ другу и когда писала остроумныя письма къ Вольтеру и

[1]) Сборникъ, XXVII, 189. [2]) *Ligne*, Oeuvres, XXIV, 4.
[3]) Сборникъ, XLII, 169.

энциклопедистамъ, которые должны были расточать ей похвалы по всей Европѣ, когда кропала небольшую пьеску для своего придворнаго театра и когда составляла государственные проекты, которые должны были создать ей славу законодательницы. Екатерина была слишкомъ умна, чтобы быть искреннею въ письмахъ къ Вольтеру, Даламберу и всѣмъ «знаменитостямъ» вѣка, имѣвшимъ большое вліяніе на общественное мнѣніе Европы; она была честолюбива, много перенесла въ жизни, хорошо знала людей и не могла, конечно, не быть осторожною въ своихъ сношеніяхъ съ ними, особенно же письменныхъ. Она умѣла молчать, когда видѣла, что ее «хотятъ вызвать на разговоръ» [1]); тѣмъ болѣе умѣла она писать, чтобы заставить говорить о себѣ то, что ей было нужно или желательно. Конечно, изъ всѣхъ писаній Екатерины письма всего болѣе могутъ служить матеріаломъ для обрисовки ея внутренняго существа.

Но письма письмамъ рознь. Письма, напримѣръ, къ Даламберу съ увѣреніемъ, что въ Россіи «болѣе свободы» [2]), чѣмъ во Франціи, или къ Вольтеру съ категорическимъ увѣреніемъ, что «Россія пользуется полною терпимостью [3]), имѣютъ совершенно иное значеніе, чѣмъ письма къ Потемкину, въ которыхъ она сообщаетъ ему не только свои сокровенные планы относительно ослабленія Турціи или погубленія Польши, но и свои откровенныя мнѣнія о лицахъ, ею же поставленныхъ во главѣ управленія извѣстною частью. Какъ произведенія Вольтера Екатерина «читала, перечитывала и изучала», такъ и свои письма къ нему она писала, переписывала и обдумывала въ нихъ каждое слово; письма же къ графу Стакельбергу — черновые наброски, безъ предвзятой цѣли, во всякомъ случаѣ, безъ задней мысли. Въ письмахъ Екатерины къ Вольтеру ему предлагается матеріалъ для составленія «Siècle de Catherine II», какъ pendant къ «Siècle de

[1]) Mémoires de Catherine II, 59. [2]) Сбрникъ, VII, 179. [3]) Сборникъ, X, 39.

Louis XIV»; въ письмахъ же къ Гримму выражается потребность высказаться, подѣлиться радостью и выплакать горе [1]), иногда просто поболтать съ умнымъ человѣкомъ, рѣдко, впрочемъ, забывая, что этотъ умный человѣкъ своею «Correspondance Littéraire» нормировалъ взгляды многихъ дворовъ не на одни только произведенія искусства и явленія литературы.

Въ письмахъ императрицы къ Кейзерлингу и Стакельбергу, къ Потемкину, Вяземскому, Сиверсу, особенно же къ Гримму, въ тѣхъ именно письмахъ, которыя были писаны ею безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, невольно бросается въ глаза и поражаетъ одна характерная черта, рѣзко выдающаяся — здравый смыслъ, прямое сужденіе, прелестный реализмъ. Въ то время, когда, вмѣстѣ съ Руссо, началось уже господство фальшивой чувствительности и дѣланной риторики, Екатерина остается простою и положительною, смотритъ на вещи прямо, всегда старается «схватить быка за рога», иногда ошибается, но никогда не принимаетъ слово за дѣло. Ея сужденіе всегда здраво, оцѣнка ясна, приговоръ рѣзокъ, нерѣдко суровъ, но всегда понятенъ. Она ненавидитъ фразу, пустое многоглаголаніе. Трезвый, свѣтлый умъ императрицы ненавидитъ массоновъ, она презираетъ шарлатановъ всякаго рода, никогда не жалуется на обстоятельства, не переноситъ съ больной головы на здоровую, никогда не обманываетъ себя, никогда не обольщаетъ себя пустыми надеждами, всегда холодно, сухо разсчитываетъ, и разсчетъ ея рѣдко ошибоченъ.

Каково содержаніе, таковъ и слогъ. Очень оригинальный слогъ: нѣсколько небрежный, часто неправильный, но всегда ясный. Екатерина излагаетъ мысль очень кратко, но вполнѣ понятно; чаще опускаетъ слова, чѣмъ бы слѣдовало, и тѣмъ придаетъ своему слогу извѣстную терпкость. Ея изложеніе легко, живо, естественно, всегда образно. При выраженіи гнѣ-

[1]) Сборникъ, XXIII, 316, 317, 319, 322, 344.

ва, негодованія, слогъ Екатерины болѣе сжатъ, рѣзокъ, чѣмъ при изложеніи удовольствія, одобренія; но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не встрѣчается многословія, тѣмъ болѣе приторнаго. Даже общія обозрѣнія европейскихъ дѣлъ въ данную минуту выходятъ изъ-подъ пера Екатерины кратки и, во всякомъ случаѣ, не многорѣчивы. Особенно удаются ей портреты лицъ, гдѣ она однимъ, двумя словами рисуетъ всего человѣка.

Екатерина выразилась въ своихъ письмахъ полнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ въ своихъ дѣяніяхъ. Это и понятно: она писала что̀ хотѣла и дѣлала что̀ могла.

Екатерина была монархиня самодержавная, но была ли императрица вполнѣ самостоятельна? Вопросъ не праздный: только человѣкъ вольный въ своихъ поступкахъ отвѣтственъ за свои дѣянія, только самостоятельная личность вмѣняема. Не говоримъ о внѣшней политикѣ, гдѣ «свои» интересы необходимо ограничены «чужими»; но во внутренней политикѣ, гдѣ воля самодержавной монархини вполнѣ не ограничена? Воля, конечно, ничѣмъ не ограничена, но проявленіе ея ограничено, и въ довольно значительной степени, исполнителями. Екатерина одна—исполнителей много; она только приказываетъ—исполняютъ приказаніе другіе. При исполненіи воля императрицы иногда безсильна: всегда ли она всесильна при изданіи повелѣній?

Знаменитый Наказъ императрицы былъ, по собственнымъ ея словамъ, «смягчаемъ, исправляемъ, приноравляемъ» согласно указаніямъ «людей весьма разномысленныхъ», но настолько вліятельныхъ, настолько сильныхъ, что императрица должна была сообразоваться съ ихъ указаніями [1]). Мало того: Наказъ былъ напечатанъ и публично читанъ въ засѣданіи законодательной коммиссіи, въ присутствіи 545 лицъ, въ томъ числѣ 346-ти непривилегированныхъ; очевидно, императрица

[1]) Сборникъ, XX, 237; XXVII, 176; Русск. Архивъ, 1865, 488.

желала сдѣлать свой Наказъ возможно болѣе извѣстнымъ, желала возможно болѣе распространить «приличные къ узаконенію пункты». Между тѣмъ, правительствующій сенатъ [1]), указомъ отъ 24-го сентября 1767 года, постановилъ: разослать по всей Россіи всего лишь 57 экземпляровъ, только въ «высшія учрежденія», притомъ «съ подтвержденіемъ, чтобы оные содержаны были единственно для свѣдѣнія однихъ тѣхъ мѣстъ присутствующихъ, и чтобы оные ни кому, ни изъ нижнихъ канцелярскихъ служителей, ни изъ постороннихъ *не только для списыванія*, но *ниже для прочтенія* даны были».

Парализовалась этимъ воля императрицы или нѣтъ? И это въ Петербургѣ, на глазахъ Екатерины—что же дѣлалось въ провинціяхъ, въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, на окраинахъ? Вѣдь исполнителями были исключительно дворяне, выросшіе въ деморализующей школѣ крѣпостного права и отличавшіеся самодурствомъ. Въ центрѣ Россіи, въ Рязанской губерніи, въ 1783 году, не кто-нибудь, а генералъ-губернаторъ, генералъ-аншефъ М. Ѳ. Каменскій просилъ [2]) же смѣнить рязанскаго епископа Симона и прислать ему «свѣтскаго архіерея»!

Между тѣмъ, эти именно дворяне признавались единственною опорою престола и съ ними приходилось считаться, такъ какъ «средняго рода людей» почти еще не было. Екатерина сдѣлала для дворянъ очень много. Насколько императрица упрочила самодержавіе, настолько же поддержала она дворянство. «Хотя я—писала Екатерина — лишена предразсудковъ и у меня умъ естественно философскій, я, сознаюсь, чувствую большую склонность чтить старыя фамиліи; я страдаю, видя ихъ обреченными почти до нищенства, и люблю возстановлять ихъ. Возстановлять ихъ значеніе можно предоставленіемъ старшему въ родѣ, если онъ того достоинъ, орденовъ и служебнаго положенія, и раздачею пенсій и даже помѣстій, сообразно нуждѣ и заслугамъ, съ условіемъ, чтобъ

---

1) П. С. З., № 12977. 2) Русск. Архивъ, 1865, 744.

они переходили къ старшему въ родѣ и были неотчуждаемы» [1]). Екатерина раздавала дворянамъ много помѣстій, увѣшивала ихъ орденами, назначала ихъ на «государственныя службы» и должна была убѣдиться, что не этими средствами поддерживаются старыя фамиліи. Сильнѣе чиновъ, отличій и «душъ» оказывалось крѣпостничество, жестоко мстившее за себя деморализаціей дворянства: помѣщикъ, теряя въ отношеніи къ своимъ крѣпостнымъ всякія понятія о правѣ и справедливости, терялъ вмѣстѣ съ тѣмъ чувства чести и достоинства. Ради «прибытка мерзкаго», князь С. В. Гагаринъ лжесвидѣтельствовалъ императрицѣ, такъ что Екатерина, въ особомъ письмѣ, спрашивала его: «Ваше сіятельство, между нами сказать, гдѣ князя Сергѣя Васильевича честь, гдѣ совѣсть?» [2]). Съ такимъ же вопросомъ императрица по праву могла обратиться и къ другимъ старымъ фамиліямъ: князь Одоевскій мошенническимъ способомъ выманивалъ деньги, князь Барятинскій выдавалъ безденежные векселя, князь Хованскій судился за обманъ, Нелединскій былъ сосланъ за сѣченіе своей матери плетьми, князь Лобановъ обвинялся въ подлогѣ, графы Ефимовскіе преслѣдуютъ мать, князь Кантемиръ проклинаетъ родныхъ, генералъ-поручикъ Ржевскій обкрадываетъ содержателя клуба и т. д., и т. д. [3]). Когда, въ 1785 году, императрица, не довольствуясь пожалованіями и награжденіями отдѣльныхъ лицъ, особою грамотою опредѣлила въ 92 пунктахъ «права, вольности и преимущества россійскаго дворянства», современный мемуаристъ дополнилъ перечень правъ однимъ, упущеннымъ грамотою, правомъ: «дворяне почитаютъ невѣжество своимъ правомъ; человѣкъ со свѣдѣніями нетолько не уважается, но обѣгается»; другой современникъ отмѣтилъ, что дворянскіе съѣзды отличались «пьянствомъ, буянствомъ, всякими гадостями и безпутствомъ» [4]); въ одной

---

[1]) Сборникъ, VII, 83. [2]) Русск. Старина, XIV, 444.

[3]) П. С. З., №№ 13622, 16187; Русск. Архивъ, 1872, 226, 232, 234, 237, 264, 291; 1877, I, 189. [4]) Болотовъ, IV, 61.

Тамбовской губерніи болѣе сотни дворянъ судилось за «взятки, буйство, грабежи и воровство».

И отъ этихъ-то дворянъ, въ которыхъ Екатерина видѣла не болѣе, какъ «наемниковъ», зависѣла императрица—на нихъ она опиралась, они были исполнителями ея предначертаній. Удивляться ли, что намѣреніе Екатерины «сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными» обратилось въ положеніе «не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ»? Можно ли винить Екатерину за то, что предписаніе императрицы «отнынѣ всѣмъ фабрикантамъ и заводчикамъ довольствоваться вольными наемными за договорную плату людьми» [1]), не имѣло практическаго результата и окончилось усмиреніемъ заводскихъ крестьянъ пушками? И эти дворяне, ищущіе «свѣтскихъ архіереевъ», самодурствующіе въ своихъ помѣстьяхъ и пользующіеся даровымъ трудомъ на заводахъ, не только занимали всѣ высшія административныя и судебныя мѣста въ областномъ управленіи, но сидѣли въ центральномъ управленіи—въ сенатѣ, въ коллегіяхъ и конторахъ, въ совѣтахъ и коммиссіяхъ—толпились при дворѣ, стояли у трона, всюду парадируя своими правами на невѣжество и вліяя на ходъ государственныхъ дѣлъ.

Вслѣдствіе этого, императрица Екатерина желала болѣе, чѣмъ могла, сдѣлать добра для Россіи. Иностранецъ, бесѣдовавшій и переписывавшійся съ Екатериною, свидѣтельствуетъ, что «весь секретъ царствованія Екатерины заключался въ искорененіи самыхъ основъ деспотизма и внушеніи народу чувства свободы» [2]). Таково, дѣйствительно, было желаніе императрицы, и его можно услѣдить во многихъ ея распоряженіяхъ.

Московскій главнокомандующій, графъ Я. А. Брюсъ запретилъ представленіе трагедіи, въ которой встрѣчается слѣдующая тирада [3]):

---

[1]) П. С. З., № 11638. [2]) Revue de deux Mondes, XXXVIII, 86.

[3]) Ѳеатръ Россійскій, V, 293.

Исчезни навсегда сей пагубный уставъ,
Который заключенъ въ одной монаршей волѣ!
Льзя-ль ждать блаженства тамъ, гдѣ гордость на престолѣ,
Гдѣ властью одного всѣ скованы сердца?
Въ монархѣ не всегда находимъ мы отца.

Императрица была недовольна запрещеніемъ и приказала напечатать трагедію. Екатерина не разъ заявляла, что она въ душѣ республиканка [1]), и въ 1778 году она «со скрежетомъ зубовъ» защищала англійскую конституцію [2]). Но императрица искренно была убѣждена, что «всякое другое правленіе, кромѣ самодержавнаго, было бы Россіи вредно, даже разорительно» и много потрудилась въ этомъ направленіи. Она безспорно много содѣйствовала искорененію деспотизма въ томъ смыслѣ, что вела постоянную и упорную борьбу съ грубостью, съ неуваженіемъ человѣческой личности, съ лихоимствомъ, съ насиліемъ всякаго рода, и тѣмъ вкореняла въ русскаго человѣка понятіе о чести, сознаніе своего достоинства, уваженіе къ правамъ и обязанностямъ гражданина, пробуждала общественную мысль, созидала общественность. Не только мы понимаемъ это, но и современники уже чувствовали: «Въ дни безсмертные Екатерины II—говоритъ одинъ изъ нихъ—ея дѣянія и ея законы: не бить дворянина, священнослужителя, гражданина, не бить, безъ суда, мѣщанина и простолюдина—ежели не истребили, по крайней мѣрѣ, поколебали, ослабили и уменьшили насиліе и варварство сильныхъ и богатыхъ» [3]).

Секретъ царствованія Екатерины выраженъ ею практичнѣе и прямѣе въ ея «секретнѣйшемъ наставленіи» [4]) генералъ-прокурору князю А. А. Вяземскому, при назначеніи его на эту важную должность: «Вамъ должно знать, съ кѣмъ вы дѣло имѣть будете. Вы во мнѣ найдете, что я иныхъ видовъ не имѣю, какъ наивящшее благополучіе и славу отечества и

[1]) Marcard, 378. [2]) Сборникъ, XXIII, 92. [3]) Русск. Старина, IV.
[4]) Сборникъ, VII, 346.

инаго не желаю, какъ благоденствія моихъ подданныхъ, какого бы они званія ни были; мои мысли всѣ къ тому жъ лишь только стремятся, чтобы какъ извнутрь, такъ и внѣ государства сохранить тишину, удовольствіе и покой. Я весьма люблю правду, и вы можете ее говорить, не боясь ничего, и спорить противъ меня безъ всякаго опасенія, лишь бы только то благо произвело въ дѣлѣ. Еще къ тому прибавлю, что я ласкательства отъ васъ не требую, но единственно чистосердечнаго обхожденія и твердости въ дѣлахъ». Благополучіе страны и благоденствіе ея обитателей немыслимы при деспотизмѣ, откуда онъ ни исходилъ бы, сверху или снизу; но, кромѣ тишины, удовольствіе и покой предполагаютъ, конечно, чувство свободы.

Иностранный писатель и русская императрица сходятся въ указаніи идеала, разнымъ языкомъ рисуя ту же сущность. На сколько же жизнь оправдала эти указанія? Идеалъ всегда недостижимъ, иначе онъ перестаетъ быть идеаломъ; въ положеніи же Екатерины, какъ императрицы самодержавной, даже стремленіе къ нему было въ значительной степени ограничено условіями, не ею созданными; въ этомъ отношеніи ей былъ указанъ предѣлъ, «его же не прейдеши». Въ предѣлахъ же возможнаго Екатерина сдѣлала болѣе, чѣмъ кто-либо изъ русскихъ государей прошлаго вѣка, и по праву занимаетъ мѣсто рядомъ съ Петромъ Великимъ.

Ея законодательные акты, инструкціи и распоряженія, ея литературныя произведенія, комедіи и сатиры отмѣчены новыми, гуманными идеями, вносившими западно-европейскій свѣтъ въ русскія потемки. Даже личная жизнь Екатерины, съ роскошнымъ дворомъ и развратными фаворитами, много вліяла на смягченіе нравовъ и облагороживаніе формъ. Придворная роскошь, противъ которой такъ возстаютъ князья Щербатовы прошлаго и нынѣшняго вѣка, не имѣла и не могла имѣть особеннаго значенія: ея дурное вліяніе ограничивалось весьма небольшимъ кругомъ людей, по бо́льшей части ни-

чтожныхъ, недостойныхъ даже сожалѣнія, уже испорченныхъ крѣпостничествомъ. Такъ и относилась къ нимъ Екатерина. презиравшая придворныхъ «подлецовъ и ласкателей» [1]) и желавшая привлечь ко двору людей порядочныхъ: «Я слышу— писала она князю А. А. Вяземскому — что васъ всѣ почитаютъ за честнаго человѣка; я-жъ надѣюсь вамъ опытами показать, что у двора люди съ сими качествами живутъ благополучно». Фаворитизмъ, конечно, зло, но, по сущности своей, зло безпочвенное, не пускающее корней, преходящее, не оставляющее слѣдовъ. Въ настоящее время даже нѣмецкіе историки, особенно строгіе къ Екатеринѣ, справедливо признаютъ, что ея фавориты не имѣли вліянія на государственныя дѣла, и только наши историки-дилеттанты усматриваютъ въ фаворитизмѣ прошлаго вѣка «почти государственное учрежденіе въ пользу лицъ, близость которыхъ къ императрицѣ составляла какъ бы должность». Роскошь при дворѣ и развратъ при фаворитахъ или безъ нихъ всегда были и будутъ. Придворная атмосфера никогда не бываетъ насыщена началами нравственности и морали; дворъ Екатерины не былъ въ этомъ отношеніи хуже своихъ предшественниковъ. Роскошь и развратъ, конечно, явленія непривлекательныя, но государственные дѣятели судятся по ихъ государственнымъ дѣламъ, не по ихъ частной, закулисной жизни.

Мелочи придворной chronique scandaleuse и клички фаворитовъ никого уже не интересуютъ и всѣми позабыты; на мысляхъ же Новикова воспитались цѣлыя поколѣнія лучшихъ людей, безкорыстно содѣйствовавшихъ Царю-Освободителю въ его славныхъ реформахъ и самоотверженно поработавшихъ на просвѣтленіе родного народа. Труды Радищева, воспитавшагося на идеяхъ екатерининской эпохи, остаются до настоящаго времени запретнымъ плодомъ для русскаго человѣка. Въ этихъ двухъ именахъ всего полнѣе и вѣрнѣе ска-

---

1) Сборникъ, XIII, 298.

зался секретъ славнаго царствованія Екатерины, не выключая и мученичества, перенесеннаго этими піонерами свободной русской мысли. Екатерина ихъ выростила, Екатерина же ихъ и казнила, искренно убѣжденная, что они «перешли» указанный предѣлъ. Но сѣмя уже было брошено и дало ростокъ. Титулованный русскій «наемникъ» [1]) такъ возмущался ссылкой Радищева: «Десять лѣтъ Сибири—это, вѣдь, хуже смерти. И это за вѣтреность! Къ чему же будутъ приговаривать за преступленія и формальныя возмущенія?» [2]).

Внѣшняя политика Екатерины дорисовываетъ симпатичный образъ «великой монархини», высоко державшей знамя государственныхъ интересовъ Россіи. Русскій человѣкъ болѣе чувствовалъ, чѣмъ сознавалъ эту внѣшнюю политику—чувствовалъ въ рядѣ рекрутскихъ наборовъ, обычныхъ и чрезвычайныхъ, тяжело ложившихся на населеніе, и не всегда понималъ цѣли, преслѣдовавшіяся правительствомъ. Онъ удовлетворялся только успѣхомъ, и успѣхъ оправдывалъ императрицу вполнѣ.

Во внѣшнихъ дѣлахъ Екатерина была еще менѣе свободна, чѣмъ во внутреннихъ. Задачи и цѣли внѣшней политики были указаны историческимъ ростомъ Россіи и окончательно опредѣлены громомъ тѣхъ пушекъ, которыми Петръ Великій пробивалъ окно въ Европу. Только средства и способы зависѣли отъ Екатерины, и полный успѣхъ по всѣмъ пограничнымъ линіямъ—турецкой, польской и шведской—ясно свидѣтельствуетъ, что императрица употребляла наиболѣе цѣлесообразныя средства для достиженія указанныхъ цѣлей.

Внѣшнія сношенія Екатерины начались не съ дипломатовъ, представителей коронованныхъ особъ, а съ философовъ, руководителей общественнаго мнѣнія Европы. Будучи великой княгиней, Екатерина читала философскія, политическія сочиненія единственно для собственнаго развитія, для про-
чія своего ума; ставъ императрицей, она вошла въ

рникъ, VII, 347. [2]) Архивъ кн. Воронцова, X, 394.

непосредственныя сношенія съ философами, имѣя въ виду не только ихъ вліяніе на общественное мнѣніе, но, главнѣйшимъ образомъ, ихъ сужденія и взгляды, ей вполнѣ сочувственные. Чтеніе философовъ вѣка, особенно энциклопедистовъ, обогатило Екатерину такою политическою зрѣлостью, которая не достигается ни практикой, ни опытомъ; но именно практическія соображенія и житейскій опытъ измѣнили позже въ значительной степени ея политическіе взгляды и убѣжденія, и, конечно, не въ томъ направленіи, которое могло бы порадовать философовъ, бывшихъ ея учителями.

Можно только удивляться уму и такту, съ которыми Екатерина завязывала и поддерживала свои сношенія съ философами. Въ ея перепискѣ съ Вольтеромъ и Даламберомъ, съ Дидро и Гриммомъ, въ ея отзывахъ о Галліани и Эйлерѣ, о Метастазіо и Галлерѣ видѣнъ свободный мыслитель и гуманистъ и, въ то же время, человѣкъ вполнѣ практическій, у котораго личный интересъ возведенъ въ философскій принципъ. Екатерина такъ умно и практично поставила себя относительно философовъ, что они являлись добровольными ея защитниками рѣшительно во всѣхъ ея предпріятіяхъ. Императрица такъ хорошо знала, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, что всѣ «князи философіи» были за нее даже въ польскомъ вопросѣ. Польскихъ конфедератовъ они называли «сволочью» [1]), а въ Екатеринѣ видѣли чуть ли не апостола вѣротерпимости и піонера цивилизаціи по отношенію къ Польшѣ. Въ то время, какъ иностранные философы не только оправдывали вмѣшательство Екатерины въ польскія дѣла, но считали раздѣлъ Польши актомъ политической мудрости, русскій человѣкъ, графъ С. Р. Воронцовъ писалъ [2]) изъ Лондона своему брату графу Александру, президенту коммерцъ-коллегіи: «Все, что вы и гг. Безбородко и Марковъ пишете мнѣ, чтобъ оправдать новый раздѣлъ Польши, не убѣждаетъ меня и не заставляетъ меня измѣнить мнѣнія, что это есть сдѣлка ни-

[1]) Сборникъ, XXXIII, 57. [2]) Архивъ кн. Воронцова, IX, 302.

чѣмъ не оправдываемаго вѣроломства. Само по себѣ это дѣло представляется слишкомъ явною несправедливостью; но вѣроломный способъ приведенія въ исполненіе дѣлаетъ его еще болѣе противнымъ. Если ужъ было рѣшено сдѣлать эту несправедливость, то слѣдовало прямо сказать, что грабятъ Польшу, чтобы отомстить ей за то, что она желала заключить наступательный союзъ съ турками противъ насъ; но вмѣсто этого говорятъ о дружбѣ, обнародываютъ манифестъ съ заявленіемъ, что ищутъ только блага Польши, что ей хотятъ обезпечить цѣльность ея владѣній и пользованіе ея старымъ правительствомъ, при которомъ она процвѣтала съ такимъ блескомъ въ теченіе столькихъ вѣковъ! Можно ли воображать послѣ этого, что какой-либо дворъ будетъ имѣть какое-либо довѣріе къ намъ?»

Изъ всѣхъ философовъ одинъ Дидро умѣлъ «истину царямъ съ улыбкой говорить». Прямой, даже рѣзкій Дидро говорилъ съ Екатериною искреннѣе другихъ и въ своихъ письмахъ напоминалъ ей объ обязанностяхъ государей. Поздравляя императрицу съ Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ, Дидро пишетъ [1]): «Возношу мольбы, чтобъ ваше величество занялись болѣе упроченіемъ мира, чѣмъ какимъ-либо инымъ дѣломъ. Пора вашему величеству окончательно покрыться славою, мотивы которой исходили бы отъ васъ одной и которой вы были бы обязаны только своему генію. Кровь тысячи враговъ не можетъ возвратить вамъ стоимость одной капли русской крови. Частые военные тріумфы составляютъ, безъ сомнѣнія, блестящія царствованія; но дѣлаютъ ли они ихъ счастливыми? Благодаря успѣхамъ разума, иныя добродѣтели, чѣмъ добродѣтели Александровъ и Цезарей, снискиваютъ наше удивленіе. Убѣдились, что гораздо славнѣе и гораздо отраднѣе образовать людей, чѣмъ убивать ихъ. Ваше величество, дозволите ли предложить ея вниманію, что хоро-

1) Русск. Старина, XLII, 456.

шие реформаторы, всегда рѣдкіе, особенно рѣдки въ тѣхъ именно странахъ, гдѣ они наиболѣе необходимы, и что люди, способные измѣнить къ лучшему порядокъ вещей въ государствѣ, являются послѣ большихъ промежутковъ».

Въ перепискѣ съ философами Екатерина является женщиной въ высшей степени умной, проницательной и практической. Она эксплоатируетъ ихъ насколько возможно, беретъ отъ нихъ все, что они дать могутъ, пользуется ихъ знаніями, ихъ вліяніемъ на общественное мнѣніе, но сама не подчиняется ихъ вліянію, дѣйствуетъ самостоятельно, какъ истый философъ. Пріобрѣтя довѣріе и «заслуживъ» похвалу знаменитыхъ «князей философіи», Екатерина задаетъ имъ вопросы, приглашаетъ въ Россію, по ихъ указанію, ученыхъ, артистовъ. техниковъ, ремесленниковъ. Императрица была занята цѣлымъ рядомъ законодательныхъ работъ, заботилась объ учрежденіи образовательныхъ заведеній, поощряла промышленность, создавала новые рынки для торговли, проводила новые пути сообщенія, дѣлала грандіозныя постройки. По поводу всѣхъ этихъ трудовъ она хотѣла слышать мнѣніе философовъ, получить ихъ одобреніе; но ни ихъ политическихъ соображеній, ни ихъ соціальныхъ теорій она не придерживалась. Это и понятно: они высказывали желательное—она творила возможное. Позже Екатерина такъ, напр., отзывалась о своихъ бесѣдахъ съ Дидро [1]): «Я долго и часто бесѣдовала съ Дидро, но болѣе ради любопытства, чѣмъ съ пользою. Еслибъ я довѣрилась ему, пришлось бы все перевернуть въ моей имперіи: законодательство, администрацію, политику, финансы, я должна была бы все уничтожить ради его непрактичныхъ теорій. Я ему откровенно сказала: г. Дидро, я съ большимъ удовольствіемъ слушала все, что внушилъ вамъ вашъ блестящій умъ; но изъ вашихъ общихъ принциповъ, которые я вполнѣ понимаю, можно составить очень хорошія книги и лишь очень дурное

---

[1]) *Ségur*, Mémoires, III, 37.

управленіе страною. Во всѣхъ высшихъ преобразовательныхъ планахъ, вы забываете различіе нашихъ положеній: вы трудитесь надъ бумагою, которая все терпитъ—она гладка, покорна и не представляетъ препятствій ни вашему воображенію, ни перу вашему; между тѣмъ какъ я, императрица, работаю на человѣческой шкурѣ, которая, напротивъ, очень раздражительна и щекотлива».

Внѣшняя политика Екатерины не представляется ни новою, ни самостоятельною—это продолженіе политики Петра В., выражавшей естественное тяготѣніе Россіи къ морю. При обширности территоріи, береговая линія Россіи была слишкомъ ничтожна, ограничиваясь Сѣвернымъ моремъ, лишь нѣсколько мѣсяцевъ въ году доступнымъ мореплаванію. Замѣнить неприязненное Сѣверное море гостепріимнымъ Балтійскимъ и доставить южной Россіи доступъ къ Черному морю—таковъ смыслъ внѣшней политики Петра I. Екатерина II только докончила начатое Петромъ I—пріобрѣла Крымъ и присоединила Курляндію.

Было время, когда «восточный вопросъ» еще не нарождался, когда турки понимались всѣми за турокъ, когда христіанская Европа видѣла въ Россіи свою будущую избавительницу отъ мусульманской Турціи; было время, когда Европа просила Россію взять Константинополь и прогнать турокъ въ Азію. Вскорѣ послѣ разгрома турокъ польскимъ королемъ Яномъ Собѣсскимъ подъ Вѣною, въ маѣ 1684 года прибыли въ Москву послы императора. Въ присутствіи правительницы Софіи, посолъ баронъ Блумбергъ говорилъ малолѣтнимъ царямъ Ивану и Петру, которому было тогда 12 лѣтъ, что [illegible] Вѣной нанесло такую рану Турціи, отъ [illegible] уже никогда, и прибавилъ: [illegible] принять васъ въ свои распро- [illegible] Россіи трудно было стать [illegible] въ настоящее время вамъ [illegible], въ которомъ

долженъ находиться престолъ вашихъ патріарховъ» [1]). Спустя сто лѣтъ Екатерина II убѣдилась, что «dire et faire sont deux» [2]). Фаворитъ царевны Софіи «великій» Голицынъ два раза ходилъ на крымскихъ татаръ и оба раза безуспѣшно; Петръ В. два раза осаждалъ Азовъ, воевалъ съ Турціею, и лишь навсегда уничтожилъ «поминки» крымскому хану; Екатерина же рѣшилась пробитую Петромъ просѣку къ Черному морю обратить въ торную дорогу. Она вела двѣ войны съ Турціею: первою было подготовлено завладѣніе Крымомъ, второю было обезпечено обладаніе этимъ полуостровомъ. Извѣщая императора Іосифа II о пріобрѣтеніи Крыма, Тамани и Кубанскаго края, Екатерина прибавляла [3]): «Les provinces et les îles qui passent sous la domination de l'Empire de Russie forment ma dot». Не иныя земли, не Бѣлоруссія, не Курляндія, а именно Крымъ составляетъ ея приданое — этимъ ясно указано значеніе этого пріобрѣтенія въ глазахъ богатой безприданницы Екатерины.

Турецкія войны, первая и вторая, длились болѣе десяти лѣтъ и потребовали большого напряженія народныхъ силъ, политической прозорливости и дипломатическаго такта. Несмотря на естественную сосѣдскую зависть и вопреки пресловутаго европейскаго равновѣсія, Россія не осталась изолированною; напротивъ: во время первой турецкой войны Европа въ лицѣ не только Италіи, но даже Англіи, сочувственно относилась къ успѣхамъ русскаго оружія; во время второй — войска римскаго императора содѣйствовали пораженію Турціи. Результатъ соотвѣтствовалъ усиліямъ: съ пріобрѣтеніемъ Крыма, Черное море стало для русскаго флота Эвксиномъ и береговая на немъ русская линія получила въ главныхъ чертахъ то протяженіе, которое сохраняетъ и понынѣ. Никто изъ русскихъ государей ранѣе Екатерины и никто позже ея не достигалъ подобныхъ результатовъ въ войнахъ съ Тур-

[1]) Памятники диплом. снош., VI, 104, 199. [2]) *Храновицкій*, 477.
[3]) *Arneth*, 221.

ціею. Екатерина II осуществила намѣренія Петра I; ея преемникамъ были не подъ силу ея указанія въ этомъ направленіи.

Безкровное, по добровольному желанію мѣстныхъ жителей, присоединеніе Курляндіи увеличило протяженіе русской береговой линіи на Балтійскомъ морѣ болѣе чѣмъ на 300 верстъ. Завѣтная мечта Петра I была осуществлена Екатериной II. Подобно Петру В., она смотрѣла на Курляндію не съ узкой, националистической, а съ широкой, государственной точки зрѣнія и, вскорѣ по воцареніи, повелѣла торжественно объявить [1]) «рыцарству и земству, что мы ихъ въ особливомъ покровительствѣ, слѣдовательно и при ихъ вѣрѣ, правахъ, вольностяхъ и привилегіяхъ, на такомъ основаніи, какъ оныя во время подверженія были и отъ королей польскихъ клятвою утверждены, содержать и защищать намѣрены, отнюдь не допуская, чтобъ въ томъ какая-либо отмѣна къ ихъ предосужденію учинена была». Это не были пустыя обѣщанія, и Курляндія, даже послѣ своего присоединенія къ Россіи, въ 1795 году, испытала на себѣ, до какой степени Екатерина уважала законныя ея права и привилегіи.

Еще менѣе самостоятельна, менѣе оригинальна была политика Екатерины въ польскомъ вопросѣ. Будучи еще великою княгинею, она категорически заявляла [2]), въ 1758 году, что для Россіи полезна «счастливая анархія, въ которую погружена Польша и которою распоряжаемся мы по своей волѣ—Петръ I, знакомый съ дѣломъ, объявилъ себя въ 1717 г. поручителемъ за свободу Польши и врагомъ того, кто посягнетъ на нее». Спустя болѣе тридцати лѣтъ, императрица тѣмъ же мотивомъ объясняла свою польскую политику: «По польскимъ дѣламъ—писала она въ 1792 г.—не было еще слѣдовано отъ 1717 г. иному проэкту, окромѣ одинакому, то-есть, чтобъ сохранить республику и вольность ея, колико возможно, въ цѣлости» [3]). Только при анархіи «мы распоря-

[1]) Сборникъ, XLVIII, 155. [2]) Сборникъ, VII, 92. [3]) Сборникъ, XLII, 224.

жаемся Польшею по своей волѣ», и не Екатерину, конечно, можно обвинять въ нарушеніи этого польскаго нестроенія: русская самодержица возстаетъ противъ стремленія польскихъ королей къ самодержавію [1]); уничтоживъ малороссійское гетманство, она хлопочетъ о возстановленіи въ Польшѣ гетманства, «яко преграды могуществу королевскому» [2]); она поддерживаетъ гибельное для Польши liberum veto, она обѣщаетъ «не отступить даже передъ самимъ чортомъ» [3]), лишь бы уничтожить конституцію 3-го мая 1791 года. И не только направленіе политики въ польскомъ вопросѣ не принадлежитъ Екатеринѣ, даже форма исполненія, раздѣлы Польши, не ею придуманы [4]): les principes ont été trouvés et proposés par la cour de Vienne, писала она Іосифу II.

Польскій вопросъ, въ той или другой формѣ, то какъ угроза, то какъ соблазнъ, служитъ въ теченіе трехъ вѣковъ однимъ изъ основныхъ мотивовъ международныхъ сношеній Россіи съ государствами западной Европы, преимущественно съ польскими сосѣдями, Австріею и Пруссіею. Этотъ мотивъ сталкивается съ другими, иногда отодвигается ими на задній планъ, переплетается то съ турецкими посягательствами, то со шведскими притязаніями, но всегда его можно услѣдить, всегда онъ играетъ роль болѣе или менѣе видную. Въ 1573 году императоръ Максимиліанъ II предложилъ царю Ивану Васильевичу Грозному раздѣлить Польшу: польское королевство присоединить къ Австріи, княжество Литовское— къ Россіи; спустя 200 лѣтъ, въ 1772 году, мысль Максимиліана начала приводиться въ исполненіе, и скоро Польша, какъ самостоятельное государство, исчезла и земли ея были подѣлены между Россіею, Пруссіею и Австріею. Но не одна только Польша, турецкія дѣла на югѣ приводили Россію въ такую же тѣсную связь съ Австріею, какъ шведскія на сѣверѣ—съ Пруссіею.

---

[1]) Сборникъ, LI, 249. [2]) Русскій Архивъ, 1874, II, 284. [3]) [illegible] XXIII, 519. [4]) *Arneth*, 1.

Въ сношеніяхъ съ германскими государствами, съ Австріею и Пруссіею, Екатерина дѣйствовала вполнѣ самостоятельно. Польша. Турція и Швеція, какъ главные мотивы, завязавшіе сношенія Россіи съ Австріею и Пруссіею, имѣли при Петрѣ I иное значеніе, чѣмъ при Екатеринѣ II. Петръ I установилъ свою «славную систему», въ которой Россія являлась союзницей Австріи. Эта система продолжалась во всю первую половину XVIII столѣтія и привела Россію къ участію въ Семилѣтней войнѣ. вполнѣ чуждой русскимъ интересамъ. Во всю вторую половину прошлаго вѣка дѣйствовала совершенно иная система: Екатерина II не только сама сумѣла жить въ мирѣ съ обоими врагами, съ Австріею и Пруссіею, но умѣряла ихъ взаимную непріязнь, мирила ихъ, насколько могла. Съ замѣчательною осторожностью и съ большимъ политическимъ тактомъ пользовалась Екатерина враждою своихъ сосѣдокъ, чтобъ предписывать имъ обѣимъ свою волю и заставить ихъ идти по пути, ею избранному, настолько, что уже въ 1779 году обѣ германскія державы сами просили посредничества русской императрицы въ рѣшеніи чисто германскаго вопроса о баварскомъ наслѣдствѣ. Вліяніе Екатерины на самыя германскія дѣла было неотразимо и надолго оставило по себѣ глубокій слѣдъ. Она дала Даніи ту знаменитую гарантію на владѣніе Шлезвигъ-Гольштейномъ, о которую разбились всѣ стремленія нѣмецкихъ патріотовъ 1848 года; она же подала Австріи первыя надежды на обладаніе Венеціею, съ покоренія которой вражда между Австріею и Италіею становится непримиримою.

Еще сильнѣе, еще рѣзче сказалось вліяніе внѣшней политики Екатерины не на Германію только, даже не на одну Европу, но на весь торговый міръ изданными ею правилами вооруженнаго нейтралитета, этого, по словамъ Фридриха II, «морского устава, защищающаго торговлю отъ всякаго морского разбойничества» [1]).

---

[1]) [illegible]орникъ, XX, 393.

Екатерина не любила «народныхъ волненій» и первое извѣстіе о возстаніи англійскихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ приняла за пустой газетный слухъ. Американскіе каперы вскорѣ доказали, что это вовсе не пустой слухъ, а серьезный протестъ противъ метрополіи. «Знаете ли—писала Екатерина II въ 1778 г.—какой вредъ наносятъ мнѣ американскіе каперы? Они захватываютъ торговыя суда, выходящія изъ Архангельска! Они занимались этимъ прекраснымъ ремесломъ въ іюнѣ и августѣ, но даю вамъ слово, что первый, кто затронетъ архангельскую торговлю въ будущемъ году, жестоко поплатится за это—я, вѣдь, не Георгъ III и меня нельзя безнаказанно водить за носъ» [1]). Къ американскимъ каперамъ присоединились вскорѣ и англійскіе корсары. Екатерина сердилась; англійскій посланникъ старался ее успокоить. «Вы притѣсняете мою торговлю, сказала она Гаррису, вы задерживаете мои корабли; всему этому я придаю особенное значеніе: торговля—мое дѣтище, и вы не допускаете, чтобъ я сердилась?» Это было сказано осенью 1779 года, а 28-го февраля 1780 г. Екатерина подписала знаменитую «декларацію воюющимъ державамъ», т.-е. дворамъ версальскому, мадридскому и лондонскому, въ которой изложила «правила морского нейтралитета» для «охраненія свободы морской торговли» [2]). Насколько декларація отвѣчала общей потребности, видно изъ того, что всѣ нейтральныя державы присоединились къ ней: Данія и Швеція, Австрія и Пруссія, Португалія, королевство Обѣихъ Сицилій; даже Англія должна была уступить, и тайныя инструкціи, данныя ею своимъ крейсерамъ и каперамъ, были согласованы съ декларацією, такъ что «къ концу войны каперы почти совершенно исчезли, и торговля нейтральныхъ процвѣтала въ самомъ разгарѣ войны, какъ бы среди глубочайшаго мира» [3]).

Великая, гуманная идея, положенная въ основу воору-

[1]) Сборникъ, XXIII, 96. [2]) П. С. З., №№ 15014, 15134. [3]) *Dohm*, Denkwürdigkeiten, II, 104.

женнаго нейтралитета—обезпечить невоюющимъ блага мира—всецѣло принадлежитъ Екатеринѣ II. Враги великой императрицы, не только чужіе, но и свои, не только прежде, но и теперь, не понимая ся высокаго государственнаго ума, оспаривали и оспариваютъ у нея честь создательницы этого «чуда» [1]), по отзыву Фридриха II. Это «чудо» приписывали то графу Панину, то самому же Фридриху. Екатерина категорически опровергла эти нелѣпыя догадки: «Это неправда—вооруженный нейтралитетъ вышелъ изъ головы Екатерины II и ничьей другой. Графъ Безбородко можетъ засвидѣтельствовать, что въ одно прекрасное утро эта мысль была высказана императрицей какъ бы по вдохновенію. Графъ Панинъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ, такъ какъ мысль эта не принадлежала ему, и стоило большого труда уяснить ему самую мысль; это было поручено Бакунину, и затѣмъ уже Панинъ приложилъ свое стараніе» [2]).

Въ послѣдніе годы своей жизни Екатерина II проявила по внѣшнимъ именно дѣламъ такую мощь духа, такую «неустрашимую твердость», которая обезпечила за Россіею первенствующее значеніе въ Европѣ.

Въ 1787 году, празднуя 25-ти-лѣтіе своего царствованія, Екатерина издала милостивый манифестъ народу [3]) и предприняла знаменитое таврическое путешествіе, въ которомъ приняли участіе какъ представители державъ, такъ и коронованныя особы—императоръ австрійскій, союзникъ Россіи, и король польскій, ея ставленникъ. Путешествіе императрицы на югъ Россіи, въ Крымъ, такъ еще недавно подвластный Турціи, путешествіе по Днѣпру, устье котораго во власти еще турокъ, обезпокоило Порту Оттоманскую. Для встрѣчи и сопровожденія императрицы, на югъ, къ Днѣпру, были стянуты войска. Въ заграничныхъ газетахъ писали, будто близъ Кіева была собрана 100.000 армія, подъ командою Румянцева, будто въ Херсонѣ расположенъ такой же корпусъ, подъ командою

[1]) Сборникъ, XX, 393. [2]) *Храповицкій*, 485. [3]) П. С. З., № 16551.

князя Потемкина, и будто до 60.000 войскъ были разсѣяны небольшими отрядами на всемъ пути слѣдованія императрицы. Стягиваніе такихъ силъ на турецкую границу могло уже само по себѣ встревожить турецкое министерство, но эта тревога усиливалась еще чисто вызывательными манифестаціями, въ родѣ надписи на одной изъ тріумфальныхъ арокъ: «Путь въ Константинополь». Екатерина не успѣла возвратиться изъ таврическаго путешествія, какъ началась вторая турецкая война.

Союзъ Россіи съ Австріею измѣнилъ всѣ «политическія конъюнктуры» Европы и вызвалъ такія дипломатическія «посрамленія», которыя угрожали обоимъ императорскимъ союзникамъ несравненно бо́льшими опасностями, чѣмъ война съ Портою Оттоманскою, ради которой состоялся австро-русскій союзъ. Вслѣдъ за войной турецкой, Англія и Пруссія подвигли короля шведскаго Густава III начать войну съ Россіею, и въ то время, когда Россія должна была воевать на два фронта, съ турками на югѣ и со шведами на сѣверѣ, Пруссія угрожаетъ Австріи второю войною. Пруссія вооружается и поднимаетъ Польшу противъ Россіи и Австріи; Англія платитъ субсидіи Густаву III и готова отправить свой флотъ въ Балтику. Дошло до того, что графъ Кауницъ предлагалъ Іосифу II отказаться отъ земельныхъ пріобрѣтеній по первому раздѣлу Польши, а князь Потемкинъ совѣтовалъ Екатеринѣ II возвратить туркамъ Крымъ и заключить союзъ съ Пруссіею и миръ со Швеціею. Положеніе было очень серьезное, даже критическое, и только твердость императрицы спасла «честь и цѣлость» имперіи.

«На оставленіе Крыма—писала [1]) императрица князю Потемкину — воля твоя, согласиться не могу: о немъ идетъ война, и есть лисіе гнѣздо оставить, всѣ труды и заведенія пропадутъ и паки возстановятся набѣги татарскіе на внутрен-

[1]) Сборникъ, XXVII, 491.

нія провинціи. Ради Бога, не пущайся на сіи мысли, кои мнѣ понять трудно. «Когда кто сидитъ на конѣ, тогда сойдетъ ли съ онаго, чтобы держаться за хвостъ?» Относительно же союза императрица высказала ему такое мнѣніе [1]): «Я начинаю думать, что намъ всего лучше не имѣть никакихъ союзовъ, нежели переметаться то сюда, то туды, какъ камышъ во время бури. Сверхъ того, военное время не есть періодъ для сведенія связи. Я къ отмщенію не склонна, но что чести моей и имперіи и интересамъ ея существеннымъ противно, то ей и вредно; провинцію за провинцію не отдамъ; законы себѣ предписать кто дастъ? Они дойдутъ до посрамленія, ибо никому подобное никогда еще не удавалось. Они позабыли себя и съ кѣмъ дѣло имѣютъ: въ томъ и надежду дураки кладутъ, что мы уступчивы будемъ. Возьми Очаковъ и сдѣлай миръ съ турками, тогда увидишь, что осядутся, какъ снѣгъ на степи послѣ оттепели, да поползутъ, какъ вода по отлогимъ мѣстамъ».

Поэтическое сравненіе Екатерины оправдалось: правда, оттепели пришлось ждать три года, но оттепель пришла, и всѣ прусскія и англійскія посрамленія расползлись, какъ весенняя вода по отлогимъ мѣстамъ. 3-го августа 1790 года заключенъ верельскій миръ со Швеціею, палъ Очаковъ, палъ Измаилъ, и 11-го августа 1791 г. подписаны въ Яссахъ прелиминаріи мира съ Турціею. Извѣщая князя Потемкина о мирѣ со Швеціею, Екатерина писала ему [2]): «Одну лапу мы изъ грязи вытащили, какъ вытащишь другую, то пропоемъ аллилуія». Послѣ Ясскаго мира 1791 г. Екатерина имѣла полное право пропѣть аллилуія.

Въ виду стойкости и неуступчивости Россіи, смолкли прусскія и англійскія угрозы. «Пруссакъ паки заговариваетъ полякамъ, чтобъ ему уступили Данцигъ и Торунъ, сей разъ на нашъ счетъ, лаская ихъ имъ отдать Бѣлоруссію и Кіевъ. Онъ всесвѣтный распорядитель чужого», писала Екатерина.

[1]) Ibid., 533. [2]) Ibid., XLII, 100, 101.

Чужимъ распоряжаться оказалось, однако, не легко: Бѣлоруссія и Кіевъ остались за Россіею, ни Данцига, ни Торна Пруссія не получила. Не удались и угрозы Англіи, гдѣ англійскій парламентъ защитилъ Россію отъ англійскаго министерства. Когда Питтъ, во время дебатовъ въ палатѣ, открыто заявилъ, что «вооруженный флотъ предназначенъ для дѣйствія противъ Россіи, безмѣрное честолюбіе которой необходимо ограничить, какъ равнымъ образомъ необходимо воспрепятствовать окончательному разрушенію Оттоманской имперіи», со стороны оппозиціи послышались рѣчи, отличавшіяся небывалою смѣлостью, и, наконецъ, громкая рѣчь Фокса, который сильно напалъ на политику Питта, «дабы камора и вся нація знали, въ какую пагубу и безчестіе ее вовлекаютъ» [1]). На другой день на улицахъ Лондона расклеены были афиши: «No war against Russia».

Верхомъ дипломатическаго искусства является положеніе, занятое Екатериною относительно большой французской революціи. Какъ императрица, обладавшая высокимъ государственнымъ умомъ, она обвиняла королевскую власть во Франціи въ крайней слабости, не сумѣвшей своевременными реформами предупредить самую возможность революціоннаго движенія; какъ монархиня самодержавная, она не только не признавала этой революціи, она даже не понимала ея смысла. Никто не говорилъ болѣе Екатерины противъ французской революціи и никто менѣе Екатерины не сдѣлалъ для противодѣйствія ей. Она находила, что весь этотъ переворотъ не стоитъ «капли русской крови», и если поддерживала принципъ власти, то лишь мѣрами, не наносившими Россіи никакого ущерба; но въ то же время Екатерина воспользовалась въ полной мѣрѣ замѣшательствами, вызванными въ Западной Европѣ французскою революціею для достиженія ближайшихъ реальныхъ выгодъ въ чисто русскихъ интересахъ.

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова. IX, 190.

Говорятъ и повторяютъ, будто большая французская революція заставила Екатерину отречься отъ своихъ идеаловъ и обратиться противъ французскаго народа, который она такъ долго боготворила, и противъ своихъ же учителей, французскихъ философовъ; увѣряютъ даже, будто «при первыхъ же раскатахъ революціоннаго грома» Екатерина приказала убрать съ ея глазъ бюстъ Вольтера. Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе несправедливое и неосновательное. Какою Екатерина была до революціи, такою же осталась она и послѣ революціи. Кто изъ французскихъ «философовъ» былъ ея учителемъ? Не Руссо, конечно, котораго она не выносила за его проповѣдь превосходства нравственнаго воспитанія предъ развитіемъ умственныхъ способностей, и на борьбу котораго съ культурою смотрѣла, какъ на богомерзкую ересь противъ религіи вѣка. Во французской революціи Екатерина видѣла движеніе, прямо противное духу Вольтера и философовъ. «Что же сдѣлаютъ французы — писала она въ 1790 году — съ своими лучшими писателями, которые всѣ, и даже Вольтеръ, роялисты, всѣ проповѣдуютъ порядокъ и спокойствіе? Сожгутъ ли французы произведенія своихъ философовъ? Если же не сожгутъ, то почерпнутъ изъ этихъ произведеній принципы, противорѣчащіе ихъ системѣ» [1]). Черезъ три года, въ 1793 году: «Итакъ, въ концѣ XVIII столѣтія стало, кажется, заслугою убивать людей, и меня хотятъ увѣрить, будто Вольтеръ проповѣдывалъ убійство — вотъ какъ дерзаютъ клеветать на людей» [2]). На заявленіе, что ученіе французскихъ философовъ подготовило революцію, Екатерина возражала: «Французскіе философы впали, быть можетъ, въ одну только ошибку—они полагали, что проповѣдуютъ людямъ съ добрымъ сердцемъ и доброй волей» [3]). Въ чемъ же революція измѣнила взглядъ Екатерины на философовъ?

Не философовъ, короля Людовика XVI обвиняла Екатерина II за революцію, которой совершенно не понимала и, какъ

[1]) Сборникъ, XXIII, 493. [2]) Ibid., 581, 584, 587. [3]) Ibid., 587.

самодержица, не могла понимать. «Какой же Людовикъ XVI король! Онъ всякій вечеръ пьянъ и имъ управляетъ кто хочетъ—Бретейль, принцъ Конде, графъ Артуа, наконецъ, Лафайеттъ» [1]). Получивъ извѣстіе о новой французской конституціи. Екатерина писала: «Ну, вотъ, Людовикъ XVI влѣпилъ-таки свою подпись подъ этою нелѣпой конституціей и спѣшитъ принесть присягу, которой, конечно, не сдержитъ. Кто эти безсмысленные люди, заставляющіе его дѣлать подобныя глупости? Это, вѣдь, значитъ ронять себя, унижаться, дѣлать себя презрѣннымъ:

Renoncer aux dieux, que l'on croit dans son coeur
C'est le crime d'un lâche, et non pas une erreur".

Съ государственною прозорливостью, ее отличавшею, она еще въ 1789 году предсказала, что Людовика XVI постигнетъ участь Карла I.

Французская революція ширится и растетъ; ея идеи распространяются съ необыкновенною быстротою, ея задачи усваиваются съ поразительною легкостью. Французская «эпидемія», какъ называла ее Екатерина, заражаетъ всѣхъ. Ея «внутренніе противники», эмигранты, разсѣивались все далѣе и далѣе отъ предѣловъ Франціи. Савойя, Швейцарія, Люксенбургъ и Бельгія были первыми этапами эмиграціоннаго движенія; только позже, потерявъ уже надежду на скорое возвращеніе, эмигранты появляются въ Англіи, Австріи, въ Польшѣ и, наконецъ, въ Россіи. Екатерина однихъ принимаетъ въ русскую службу, другимъ оказываетъ денежную помощь, всѣмъ сочувствуетъ, громко заявляетъ о необходимости составить коалицію для возстановленія монархической власти во Франціи, пишетъ въ этомъ смыслѣ въ Вѣну, Берлинъ и Стокгольмъ, всѣмъ обѣщаетъ свое «скорое и дѣятельное участіе», но войскъ своихъ противъ «французскихъ мошенниковъ» сама не посылаетъ и другимъ не даетъ. Когда

[1]) *Храповицкій*, 299.

прусскій король просилъ оказать ему союзную помощь, хотя бы только 2.000 казаковъ, Екатерина отказала; подобный же отказъ былъ сообщенъ и въ письмѣ къ англійскому королю [1]). Почему?

Екатерина вполнѣ спокойна относительно Россіи—французская «эпидемія» ее не заразитъ. Императрица думаетъ и заботится, прежде всего, о Россіи; Франція ее ни мало не безпокоитъ и очень мало интересуетъ. У нея свои дѣла, свои заботы—война съ Турціею, не лады съ Пруссіею и Англіею, счеты съ Польшею, столкновеніе съ Швеціею. До Франціи ли ей! Но «французскій пожаръ» вспыхнулъ, и было бы большою ошибкою не воспользоваться имъ. Екатерина такой ошибки не сдѣлаетъ: всѣ заинтересуются пожаромъ и не будутъ мѣшать ей. «Je me casse la tête, говоритъ она своему секретарю [1]), чтобы подвинуть вѣнскій и берлинскій дворы въ дѣла французскія. Прусскій бы пошелъ, но останавливается вѣнскій. Je veux les engager dans les affaires pour avoir les coudées franches. У меня много предпріятій неоконченныхъ, и надобно, чтобъ они были заняты и мнѣ не мѣшали».

Въ теченіе первыхъ семи лѣтъ французской революціи, совпадающихъ съ послѣдними годами жизни Екатерины II, Россія вела двѣ войны, до 1790 г. со Швеціею, до 1791 г. съ Турціею, съ 1791 г. по 1795 г. происходили раздѣлы Польши, въ 1795 г. началась война съ Персіею. Вотъ тѣ существенные, реальные интересы Россіи, которые Екатерина ставила на первый планъ и которые въ ея глазахъ были несравненно важнѣе всѣхъ революцій на далекомъ Западѣ.

Всегда и во всемъ, въ дѣлахъ внутреннихъ, какъ и внѣшнихъ, одно стремленіе, одна цѣль—«дѣло строенія земли Русской», реальные интересы Россіи, которой Екатерина посвятила всю свою жизнь. Благодаря ея «долговременной службѣ государству», Россія въ 34-хъ-лѣтнее царствованіе Екате-

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, XXVIII, 121. [2]) *Храповицкій*, 386.

рины не только окрѣпла и возмужала, но культивировалась и просвѣтилась. Европа не чуждалась уже Россіи, но искала союза съ нею, и въ русскихъ людяхъ не видѣла уже московитовъ, rien du Sarmate et du Goth [1]). Все это, конечно, лишь относительно, лишь сравнительно, но этимъ мы обязаны всецѣло Екатеринѣ.

И этой-то Екатерины II мы до сихъ поръ не знаемъ. Мы лишены возможности нарисовать ея правдивый портретъ. Какъ бы предугадывая затрудненія за сто лѣтъ впередъ, Екатерина и въ этомъ помогла намъ, набросавъ «приблизительно» свой портретъ въ 1791 году, за пять лѣтъ до своей кончины, когда ей шелъ уже 62-й годъ [2]).

«Я никогда не считала свой умъ творческимъ; я встрѣчала много людей, въ которыхъ находила, безъ зависти и ревности, болѣе ума, чѣмъ въ себѣ. Руководить мною всегда было очень легко—достаточно было представить мнѣ лучшія и болѣе основательныя мысли, чѣмъ мои, и я становилась послушна, какъ овечка. Причина этого кроется въ сильномъ желаніи, которое я всегда имѣла, содѣйствовать благу государства. Мнѣ посчастливилось узнать благіе и истинные принципы, чему я и обязана большими успѣхами. Я имѣла неудачи, проистекавшія отъ ошибокъ, въ которыхъ я лично неповинна и которыя, быть можетъ, случились только потому, что мои распоряженія не были точно исполнены. Несмотря на всю гибкость моей натуры, я умѣла быть упряма или настойчива, какъ хотите, когда мнѣ казалось, что это необходимо. Я никода не стѣсняла ничьего мнѣнія, но при случаѣ держалась своего собственнаго. Я не люблю споровъ, такъ какъ всегда замѣчала, что всякій остается при своемъ убѣжденіи; къ тому же, я не могла бы никого перекричать. Никогда не была я злопамятна. Провидѣніе поставило меня такъ высоко, что, взвѣсивъ все по справедливости, я не могла мѣ-

[1]) *Oberkirch*, Mémoires, I, 179.

[2]) Сборникъ, XLII, 166; ср. XXIII, 56, 153; XLII, 153.

ряться съ частными людьми и не находила равной себѣ партіи. Вообще я люблю справедливость, но держусь того мнѣнія, что безусловная справедливость не есть справедливость, и что лишь условная справедливость совмѣстна съ слабостью человѣческой. Но во всѣхъ случаяхъ я предпочитала человѣколюбіе и снисходительность правиламъ строгости, которую, какъ мнѣ казалось, часто дурно понимаютъ. Къ этому привело меня мое собственное сердце, которое я считаю нѣжнымъ и добрымъ. Когда старики проповѣдывали мнѣ суровость, я, заливаясь слезами, признавалась въ своей слабости и видѣла, какъ они, со слезами же на глазахъ, присоединялись къ моему мнѣнію. Я по природѣ своей весела и искренна, но я долго жила на свѣтѣ и знаю, что есть желчные умы, не любящіе веселости, и что не всѣ способны терпѣть правду и откровенность».

Въ этой автобіографической замѣткѣ много характерныхъ чертъ, но особенно интересна послѣдняя, о правдѣ и откровенности. Эта важная черта для человѣка вообще пріобрѣтаетъ особенное значеніе для государя, тѣмъ болѣе самодержавнаго, какъ Екатерина II. Еще ребенкомъ ненавидѣла она ложь и обманъ. «Самою мерзкою изъ всѣхъ ролей мнѣ всегда казалась роль обманутой; бывши еще ребенкомъ я горько плакала, когда меня обманывали» [1]), писала Екатерина. Въ своемъ Наказѣ она категорически заявляетъ: «Ложь изо всѣхъ вреднѣйшій есть порокъ» [2]). Если же ее обманывали, если ея именемъ злоупотребляли, это вредное и злое неудобство должно быть отнесено къ особенностямъ не ея личности, а того принципа, который она представляла. Современникъ Екатерины, ею вполнѣ уважаемый и высоко цѣнимый, свидѣтельствуетъ [3]): «Императрица должна поневолѣ вѣрить, что города, для которыхъ отпущены ею громадныя суммы, уже застроены, между тѣмъ, какъ нерѣдко встрѣчаются города безъ улицъ, улицы безъ домовъ, дома безъ крышъ, дверей и оконъ».

---

[1]) Сборникъ, VII, 89. [2]) Наказъ, ст. 354. [3]) *Ligne*, Oeuvres, XXI, 54.

Все это необходимо имѣть въ виду для правильной оцѣнки императрицы Екатерины II и еще болѣе, быть можетъ, нужно принимать въ соображеніе, что «не всѣ политическіе пороки суть пороки моральные и не всѣ пороки моральные суть политическіе пороки» [1]), какъ императрица сама начертала въ своемъ знаменитомъ Наказѣ.

Современники, свои и чужіе, не только видѣвшіе Екатерину, но и знавшіе ее, сходятся въ своихъ отзывахъ объ императрицѣ. Человѣкъ вполнѣ русскій, свободомыслящій и правдивый князь Ѳ. Н. Голицынъ [2]), видѣвшій Екатерину живою и мертвою, такъ записалъ свое о ней сужденіе: «Екатерина II была необыкновенная монархиня. Превосходное ея понятіе, точность и справедливость въ разсужденіяхъ, большая память и даръ объяснять свои мысли самымъ лучшимъ и яснымъ образомъ, съ прочими всѣми пріятностями женскаго пола, а при этомъ, когда ей надлежало, имѣла самый величественный видъ, умѣла себя воздерживать въ первомъ движеніи и властвовала во многомъ собою. Объ ней говоря, можно смѣло сказать, что имѣла всѣ достоинства, составляющія великаго государя». Иностранецъ, послѣдній изъ версальныхъ петиметровъ, князь де-Линь [3]) нарисовалъ восторженный «портретъ Екатерины II», во многомъ подтверждающій и автобіографическую замѣтку, и сужденіе князя Голицына. Отзывъ его, какъ иностранца, замѣчателенъ именно тѣмъ, что основанъ на чувствахъ русскаго народа къ своей матушкѣ-государынѣ. Вотъ что, между прочимъ, записалъ князь де-Линь при первомъ извѣстіи о кончинѣ Екатерины II: «Клевета, вырвавшая цвѣты съ могилы Маріи-Антуанеты, захочетъ, быть можетъ, вырвать и лавры съ могилы Екатерины Великой. Самозванные собиратели анекдотовъ, памфлетисты, историки дилеттанты, люди пустые, злонамѣренные или коварные захотятъ, быть можетъ, умалить славу Екате-

[1]) Наказъ, ст. 56. [2]) Русск. Архивъ, 1874, I, 1278.
[3]) *Ligne*, Oeuvres, XX, 236.

рины — это имъ не удастся, и она восторжествуетъ, благодаря тому, что я самъ видѣлъ, путешествуя съ нею по Россіи: благодаря любви и восторгу ея подданныхъ, ея народа».

Всѣ лица, русскіе и иностранцы, видѣвшіе и говорившіе съ императрицею Екатериною, были въ восторгѣ отъ ея любезнаго пріема, были обворожены ея простымъ обхожденіемъ. Между тѣмъ, сама Екатерина находила, что много теряетъ при ближайшемъ знакомствѣ съ нею: je ne suis bonne qu'à être vue de loin, не разъ писала она [1]). Издалека, на разстояніи ста лѣтъ, императрица Екатерина II представляется женщиною привлекательною, правительницею мудрою, государынею великою. Нѣмка по рожденію, она проводитъ въ политикѣ внутренней и внѣшней чисто русскіе интересы; лютеранка по вѣрѣ, она является защитницею православія: мелкая нѣмецкая принцесса, она широко раздвигаетъ предѣлы Россійской имперіи и продолжаетъ внутреннюю политику Петра I въ смыслѣ распространенія европейской образованности среди полуазіатскаго русскаго общества. Она пишетъ законы, создаетъ промыслы, развиваетъ торговлю, организуетъ войско, просвѣщаетъ народъ и, минуя «родную» Германію, протягиваетъ руки къ французскимъ философамъ, «обкрадывая» Монтескье, переписываясь съ Вольтеромъ и Даламберомъ, призывая въ Петербургъ Фальконета, Дидро и другихъ многихъ. Всегда и во всемъ одна задача, одна цѣль—польза Россіи, благо русскаго народа, польза реальная, благо практическое.

Реализмъ, какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ—основная черта государственнаго характера Екатерины. Будучи великою княгинею, она много читала, знакомилась со всевозможными теоріями; ставъ императрицей, она обращаетъ преимущественно вниманіе на практику. Она не противъ теоретическихъ мечтаній какого-нибудь Дидро или Да-

[1]) Сборникъ, XXIII, 84, 172, 174.

ламбера, но ей дороже чувствительная шкура русскаго человѣка. Чтобы узнать Россію, она не только созываетъ выборныхъ со всей имперіи, но сама путешествуетъ и снаряжаетъ экспедиціи въ наименѣе изслѣдованныя окраины государства. Она плаваетъ по Ладожскому каналу, по Волгѣ и по Днѣпру, ѣздитъ въ Прибалтійскія провинціи и въ Финляндію, въ Бѣлоруссію и въ Крымъ, все хочетъ сама видѣть, сама узнать; она посылаетъ Палласа и Гмелина, Лепехина и Крашенинникова, Миллера, Фишера, Лаксмана и др., желая получить свѣдѣнія о природѣ и людяхъ земель отдаленныхъ, но, подобно ближайшимъ, ожидающихъ отъ нея великія и богатыя милости. Въ борьбѣ съ монополіями, въ заботѣ о цѣнахъ на хлѣбъ, въ преслѣдованіи лихоимства—всегда она избираетъ реальныя средства и преслѣдуетъ практическую цѣль. Ей предлагаютъ учредить университетъ, она основываетъ техническія училища—горное, лѣкарское, водоходное, и покрываетъ Россію сѣтью народныхъ училищъ. Ея отношенія къ сосѣдямъ, къ Турціи, Польшѣ, Швеціи, отмѣчены тою же чертою: на первый планъ всегда выдвинуты ближайшіе интересы Россіи. Ея политика относительно Польши и Швеціи совершенно тожественна, хотя результаты получились различные: шведы устояли, поляки нѣтъ. Даже теорія вооруженнаго нейтралитета была основана на принципѣ достиженія чисто практическихъ цѣлей.

У императрицы Екатерины II были недостатки, были даже пороки, но и они свидѣтельствовали о величіи ея духа, напоминая подобныя же черты Ивана Грознаго и Петра Великаго. Екатерина чрезвычайно просто и вѣрно опредѣлила общую точку зрѣнія въ этомъ отношеніи: nous sommes hommes avant que d'être ceci ou celà [1]). Безпорочныхъ людей не бываетъ, государи же судятся по ихъ государственнымъ дѣламъ, въ которыхъ все частное, личное отпадаетъ, забы-

[1]) Сборникъ, XXIII, 172.

вается; остается только общее, всенародное, съ чѣмъ государи и переходятъ въ память народную, въ исторію.

Ни одинъ изъ государей русскихъ, кромѣ Петра I, не удостоился такой высокой похвалы въ нашей народной поэзіи, какъ Екатерина II. Смерть ея произвела большое впечатлѣніе на народъ, который любилъ вспоминать свою «матушку-государыню» [1]) и возносить къ ней свои взоры въ тяжкія годины жизни:

Подымитесь, вѣтры буйные,
Разнесите всѣ желты пески,
Распахнися шелкова парча,
Разломися гробова доска,
Подымися, наша матушка,
Милосердная государыня
Катерина Алексѣевна!
Безъ тебя намъ жить похужѣло,
Всему царству почежѐлѣло.

Гласъ народа — гласъ Божій. По смерти Екатерины народу «жить похужѣло», хотя и при ней у этого народа, по его же свидѣтельству, «босоты да наготы изнавѣшаны шесты, а холоду да голоду амбары стоятъ» [2]); по смерти Екатерины «всему царству почежелѣло», такъ какъ съ нею закончился періодъ государственныхъ реформъ, закончился надолго, вплоть до императора Александра II, продолжавшаго славный трудъ Петра I и Екатерины II.

...ръевскій, Пѣсни, II, 264. [2]) Осмнадц. Вѣкъ, III, 296.

ЗАПИСКИ СОВРЕМЕННИКОВЪ О 1812 ГОДѢ.

(Графъ Боволье).

ЗАПИСКИ СОВРЕМЕННИКОВЪ О 1812 ГОДѢ.

Славная эпопея «священной памяти двѣнадцатаго года» произвела значительно бо́льшій переворотъ въ умахъ и чувствованіяхъ современниковъ, чѣмъ въ государственномъ и военномъ строѣ европейскихъ державъ. Этотъ внутренній переворотъ менѣе замѣтенъ, труднѣе поддается опредѣленію, чѣмъ чисто внѣшній передѣлъ странъ, произведенный вѣнскимъ конгрессомъ. Вѣроятно, этимъ именно объясняется многосторонняя и во многихъ отношеніяхъ довольно полная разработка «войны 1812 года», между тѣмъ какъ умственный переворотъ, произведенный «нашествіемъ двунадесять языкъ», до настоящаго времени мало еще изслѣдованъ.

Современники видѣли, чувствовали, страдали отъ военной грозы, разразившейся надъ Россіею и такъ или иначе откликнувшейся во всей Европѣ. Они не только наблюдали, они сами переживали всѣ «ужасы войны» и оставили намъ, въ своихъ запискахъ и воспоминаніяхъ, массу военныхъ эпизодовъ и лагерныхъ картинокъ чисто внѣшняго характера. Они не могли сознавать, тѣмъ менѣе оцѣнить смыслъ тѣхъ внѣшнихъ явленій, которыя вызывали и содѣйствовали внутреннему перерожденію общества, отъ государей до поселянъ. Переворотъ, произведенный 1812 годомъ, даже въ императорѣ Александрѣ I представляется до настоящаго времени загадкою, не вполнѣ разрѣшимою, несмотря на многіе труды, посвященные этому вопросу; о впечатлѣніи же, произведенномъ этою войною на народныя массы, историки 1812 года почти не упоминаютъ. Между тѣмъ, данныя для обрисовки этого

впечатлѣнія заключаются въ тѣхъ же источникахъ—въ показаніяхъ современниковъ—изъ которыхъ почерпаются свѣдѣнія для опредѣленія внѣшняго хода войны. Собрать данныя, рисующія этотъ внутренній переворотъ, конечно, труднѣе, чѣмъ опредѣлить марши и контрмарши отдѣльныхъ частей арміи; но несомнѣнно, что данныя этого рода освѣтили бы въ значительной степени и исторію самой войны.

Читая записки современниковъ, даже участниковъ войны 1812 года, какъ бы присутствуешь при этомъ внутреннемъ перерожденіи автора, мѣняющаго мало-по-малу, по мѣрѣ развитія военныхъ дѣйствій, свои взгляды и, сообразно этому, свой языкъ. Въ третьемъ томѣ «Мемуаровъ генерала Марбо», посвященномъ 1812 году, послѣднія страницы настолько разнятся отъ первыхъ, что происшедшая перемѣна бросается въ глаза. Ярче всего, однако, эта перемѣна сказывается въ дипломатической перепискѣ того времени, даже шифрованной.

Подмѣтить и прослѣдить постепенный ходъ этого переворота въ умахъ и чувствованіяхъ современниковъ можно, конечно, только при обширномъ знакомствѣ съ записками очевидцевъ. Въ этомъ отношеніи наши историческіе журналы оказали большую услугу обнародованіемъ многихъ замѣтокъ, дневниковъ, воспоминаній весьма цѣнныхъ. Записки А. Я. Булгакова, кн. Голицына, М. М. Евреинова, Г. Н. Кольчугина, гр. В. А. Перовскаго и адм. Чичагова, воспоминанія Н. Н. Андреева, Э. М. Арндта, архим. Григорія, И. А. Дивова, А. П. Ермолова, А. И. Казначеева, П. А. Колзакова, ген.-м. Лермонтова, К. К. Павловой и П. А. Тучкова, дневники Н. А. Бекетова и С. Г. Хомутова, донесеніе сенатора Каверина, разсказы В. А. Брокера, С. Климыча, А. Н. Оленина, Толычевой, Г. Чижова и И. Шамшева, не говоря уже о письмахъ, которыхъ издано довольно большое количество, представляютъ важный историческій матеріалъ. Кромѣ своихъ, важны въ этомъ отношеніи также показанія чужихъ людей, прежде всего, конечно, французовъ. Это источникъ,

къ сожалѣнію, у насъ еще почти непочатый: мы все еще довольствуемся гр. Сегюромъ, его «Histoire de Napoléon et de la grande armée», и не пользуемся даже бар. Марбо, его «Mémoires du général baron de Marbot».

Этотъ недочетъ необходимо восполнить, если желательно имѣть вѣрное представленіе не только о военныхъ дѣйствіяхъ, но и о той нравственной революціи, которою сопровождалась отечественная война. Только представивъ возможно большее число показаній современниковъ и участниковъ, можно будетъ сдѣлать довольно вѣрный выводъ о невоенной сторонѣ войны 12-го года. Само собою разумѣется, при передачѣ записокъ этого рода. чисто военныя дѣйствія, какъ вполнѣ извѣстныя, должны быть опускаемы.

Два тома «Исторіи» гр. Сегюра были изданы въ 1824 году; вслѣдъ за ними, въ 1825 году, появились въ Парижѣ два тома «Mémoires secrets et inédits», въ которыхъ обнародованы записки двухъ участниковъ войны 12 года, графа Боволье и инженера Газò. Если не по значенію, то по времени обнародованія, имъ должно быть предоставлено первое мѣсто.

Въ 1811 году, въ парижскихъ салонахъ появился молодой, богатый и красивый полковникъ, флигель-адъютантъ русскаго императора А. И. Чернышевъ. Онъ былъ лично извѣстенъ императору Наполеону, былъ принятъ въ высшемъ парижскомъ обществѣ, велъ жизнь открытую. Крайне вѣтреный, весь поглощенный ухаживаніемъ за красивыми парижанками, онъ всегда избѣгалъ серьезныхъ разговоровъ, особенно же политическихъ; онъ не скрывалъ, что живетъ только для женщинъ и для удовольствій. Вѣжливый до предупредительности, остроумный, веселый, онъ пользовался успѣхами въ дамскомъ обществѣ. Наполеонъ относился къ нему какъ къ флигель-адъютанту Александра I, но не любилъ его. Онъ имѣлъ противъ него зубъ: въ 1809 г., во время австро-французской кампаніи, Чернышевъ былъ присланъ въ Вѣну для скрѣпленія «добрыхъ отношеній между Александромъ и Наполеономъ»,

былъ милостиво принятъ императоромъ французовъ, всегда находился при главной квартирѣ и зорко слѣдилъ за всѣми движеніями французской арміи; въ день эсслингенской битвы. кровавой и нерѣшительной, Чернышевъ исчезъ изъ главной квартиры и съ поля же битвы ускакалъ въ Петербургъ, чтобы, какъ полагалъ Наполеонъ, извѣстить своего государя о неудачномъ исходѣ боя. Наполеонъ разсердился, но скоро забылъ о «вѣтреномъ юношѣ»; теперь. въ 1811 г., Чернышевъ самъ напомнилъ о себѣ.

Осенью 1811 г. въ Парижѣ довольно громко уже стали говорить о возможной войнѣ съ Россіею. За всѣми русскими былъ учрежденъ негласный надзоръ; полиція стала слѣдить и за Чернышевымъ. Вскорѣ Наполеону было донесено, что русскій полковникъ, кромѣ дамскихъ будуаровъ, любитъ ночныя прогулки въ пустынныхъ мѣстахъ Елисейскихъ Полей, гдѣ видится съ мелкимъ чиновникомъ военнаго министерства, и что онъ, переодѣтый, посѣщаетъ квартиру этого чиновника, завѣдывающаго списками личнаго состава всѣхъ частей французской арміи. Наполеонъ приказалъ арестовать «русскаго полковника» и произвесть слѣдствіе. Одна высокопоставленная дама предупредила «красиваго полковника», и Чернышевъ успѣлъ бѣжать: онъ ѣхалъ окольнымъ путемъ и достигъ рейнской границы, минуя Майнцъ и Кельнъ, куда было уже сообщено о его задержаніи. По произведенному слѣдствію открылось, что два чиновника военнаго министерства, подкупленные Чернышевымъ за 300.000 франковъ, сообщали ему свѣдѣнія о численности французской арміи. Чиновники эти были разстрѣлены въ то именно время, когда въ Парижъ были привезены гравировальныя доски военной карты Россіи, добытыя генераломъ Лористономъ, французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, отъ подкупленныхъ имъ чиновниковъ русскаго военнаго министерства [1]).

[1]) *Marbot*, III, 35.

Списки французской арміи и военныя карты Россіи не стоили, конечно, ни тѣхъ денегъ, которыя были за нихъ заплачены, ни даже тѣхъ пуль, которыми измѣнники были разстрѣлены. Они произвели на современниковъ извѣстное впечатлѣніе потому только, что на другой день послѣ казни французскихъ чиновниковъ, во всѣхъ парижскихъ газетахъ появилась тожественная оффиціозная статья, въ которой разсказывалось о поступкѣ полковника Чернышева, весьма обычномъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, но въ заключеніи которой было нанесено тяжкое личное оскорбленіе русскому императору Александру I. Въ Парижѣ, какъ и въ Петербургѣ, всѣ знали, что статья редактирована самимъ Наполеономъ, и не сомнѣвались уже болѣе, что война съ Россіею рѣшена окончательно.

Это рѣшеніе было для большинства французовъ совершенною неожиданностью. Многіе, даже военные люди, не понимали, какія соображенія могли вызвать кровавое столкновеніе съ страною, столь отдаленною и не имѣющею съ Франціею никакихъ общихъ интересовъ. Объявленіе войны Россіи признавалось самими французами «первою и наиболѣе значительною ошибкою» Наполеона [1]). Эта ошибка казалась французамъ тѣмъ очевиднѣе, что еще такъ недавно Наполеонъ самъ же содѣйствовалъ до извѣстной степени усиленію Россіи въ Польшѣ и присоединенію Аландскихъ острововъ и части Финляндіи, чрезъ что умалялось значеніе Швеціи, какъ передового поста при нападеніи на Россію. Это общественное мнѣніе Франціи не было извѣстно Наполеону: уже давно онъ не допускалъ ни малѣйшаго противорѣчія своимъ намѣреніямъ, желаніямъ, даже капризамъ; онъ не совѣтовался, не выслушивалъ [2])—онъ только приказывалъ, и въ средѣ лицъ,

[1]) *Puibusque*, Lettres sur la guerre de Russie, 6, 55, 59, 118, 156.

[2]) Въ видѣ исключенія, онъ выслушалъ подполковника Понтона (Ponthon), долго жившаго въ Россіи, но поступилъ прямо противно его указаніямъ, никогда съ нимъ не разговаривалъ, старался даже не видѣть его. *Marbot*, III. 40.

приближенныхъ къ французскому императору, не было ни одного, который рѣшился бы противорѣчить ему.

Наполеонъ не скрывалъ отъ себя, однако, всей трудности предстоящаго вторженія въ Россію. Покидая Парижъ, чтобы отправиться на берега Нѣмана, онъ говорилъ графу Лобо [1]): «Намъ необходимо сдѣлать три похода за Вислой, чтобъ мирно владѣть Сеной». Война 1812 года потребовала небывалаго напряженія военныхъ силъ. Въ общемъ, для войны съ Россіею была мобилизована громадная армія въ 650,000 человѣкъ, 185,000 коней и 1,300 пушекъ! Набирая военачальниковъ въ различныя части такой многочисленной арміи, Наполеонъ вынужденъ былъ обращаться даже къ лицамъ, которымъ онъ не вполнѣ довѣрялъ. Таково, между прочимъ, было назначеніе графа Боволье.

Петръ-Людовикъ графъ де-Боволье, владѣтель Сенъ-Марсоля, бывшій пажъ Людовика XVI, игралъ выдающуюся роль въ вандейскомъ возмущеніи. Какъ Екатерина II интересовалась Вандеей, убѣжденная, что «Вандея спасетъ Францію» [2]), такъ Наполеонъ ненавидѣлъ все то, что напоминало вандейское возстаніе. Несмотря на амнистію всѣмъ вандейцамъ, Наполеонъ всегда относился подозрительно къ гр. Боволье: каждый пріѣздъ графа въ Парижъ оканчивался тюремнымъ заключеніемъ и высылкою на родину, въ его родовыя земли, гдѣ графъ жилъ подъ надзоромъ полиціи. Въ началѣ 1812 г. графъ Боволье былъ назначенъ интендантомъ 5-й кирасирской дивизіи. Онъ сдѣлалъ весь «русскій походъ», отъ Парижа до Москвы; подъ Боровскомъ былъ взятъ въ плѣнъ и только въ 1814 г. могъ возвратиться въ Парижъ. Въ томъ же 1814 году, подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ всего имъ видѣннаго и пережитаго, гр. Боволье составилъ свои любопыт-

[1]) George Mouton, compte de Lobau, 1770—1838, французскій генералъ, извѣстный своею храбростью. Въ 1809 г. онъ спасъ часть французской арміи, стоявшей на дунайскомъ о. Лобау, за что и получилъ графскій титулъ.

[2]) Сборникъ Русск. Ист. общ., XIII, 590, 604, 634.

ныя записки [1]). Нельзя ограничиться переводомъ ихъ на русскій языкъ; предоставляя графу Бовольe первое слово, мы дополняемъ его записки, довольно краткія, современными ему извѣстіями и сопровождаемъ необходимыми разъясненіями, точно указывая всякій разъ нашъ источникъ.

Усиленными переходами подвигалась французская армія къ новому театру войны, гдѣ должна была проявить новые геройскіе подвиги. Движеніе арміи въ предѣлахъ Пруссіи ознаменовалось такими страшными реквизиціями, что ненависть пруссаковъ не знала уже границъ; къ тому же, командиръ французскаго корпуса, генералъ Кампанъ, велъ свои полки по прусскимъ областямъ съ развернутыми знаменами, съ барабаннымъ боемъ, съ готовымъ пальникомъ, что оскорбляло населеніе. Когда прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ объявилъ, что вступаетъ въ союзъ съ Наполеономъ противъ Россіи, общее негодованіе охватило всю Пруссію и было особенно сильно среди военныхъ, которые считали униженіемъ для себя служить Франціи, столь враждебной ихъ родинѣ. Прусскіе офицеры, громко высказывавшіе свое неудовольствіе, были арестованы и заключены въ крѣпость. Вся Пруссія искренно желала Наполеону полной неудачи [2]).

На Эрфуртской конференціи Пруссія признала свой долгъ Франціи въ размѣрѣ 141 милліона франковъ. Пользуясь этимъ, французская армія, вступивъ въ предѣлы Пруссіи, собирала реквизиціоннымъ путемъ продовольствіе и фуражъ, стоимость котораго шла въ уплату долга, при чемъ цѣны на продукты устанавливались французскимъ интендантствомъ. Населеніе, отъ котораго отбирались хлѣбъ, скотъ, водка, сѣно и овесъ, получало, вмѣсто платы, квитанціонныя росписки французскаго

---

[1]) *Beauvollier*, Mémoires sur l'expédition de Russie, въ «Mémoires secrets et inédits pour servir à l'histoire contemporaine», par Alph. de *Beauchamp* Paris, 1825, v. II, p. 1—87.

[2]) *Puibusque*, 9.

кригсъ-комиссара, по которымъ должно было взыскивать деньги съ прусскаго казначейства, объявившаго уже въ то время о своей несостоятельности! Не удивительно, что проходъ французской арміи по прусскимъ землямъ представлялся пруссакамъ какою-то карой Божіей; Франціи же онъ ничего не стоилъ, такъ какъ, по положенію прусскихъ финансовъ, она не могла и разсчитывать на уплату ей прусскаго полуторамилліоннаго долга.

Никогда еще въ Европѣ не предпринималась столь смѣлая экспедиція, какъ походъ 1812 года въ Россію; послѣ Ксеркса, никогда еще одинъ человѣкъ не предводительствовалъ столь многочисленною арміею. Но эта громадная и сильная армія была затруднена невозможнымъ обозомъ: сверхъ положеннаго по штату полкового обоза, у каждаго штабъ и оберъ-офицера была своя повозка, иногда двѣ, наполненныя багажомъ; въ обозѣ находились, кромѣ денщиковъ и фурмановъ, массы рабочихъ всякаго рода—не только пекари и коновалы, но плотники, слесари, сапожники, портные, парикмахеры, и всѣ, конечно, съ своими инструментами. Казалось, будто эта громадная армія предполагала колонизовать ту землю, которую она шла покорять! Этотъ обозъ являлся тѣмъ тормозомъ всѣхъ движеній арміи, который древніе справедливо называли impedimenta belli [1]).

Въ среду, 12-го іюня, эта громадная армія перешла Нѣманъ по тремъ мостамъ, наведеннымъ близъ Ковно [2]). Корпусъ Даву первымъ перешелъ рѣку, не потому только, что составлялъ авангардъ, но потому еще, что ему было приказано спѣшить форсированнымъ маршемъ къ Вильнѣ. За Нѣманомъ три дороги вели къ Вильнѣ: главная, по которой шелъ

---

[1]) *Wilson*, Narrative of events during the invasion of Russia by Napoleon, London, 1860, 14; *Puibusque*, 3.

[2]) Between Kovno and Ponemoni, *Wilson*, 22; à une demi-lieue environ, au-dessus du village Alexioten, qui est situé vis-à-vis de Kowno. *Beauvollier*, 6; *Ермоловъ*, Записки, Лондонъ, 1863, стр. 16.

Наполеонъ съ корпусами Даву и Мюрата, самая краткая; двѣ другія дороги идутъ по берегамъ Виліи, впадающей въ Нѣманъ ниже Ковно. Эти три дороги часто перекрещиваются; начальники отдѣльныхъ частей не имѣли подробныхъ картъ, точный маршрутъ никому не былъ извѣстенъ, и вышла большая путаница: не только отсталые, въ одиночку, но цѣлые отряды сбивались съ пути и погибали. Такъ погибъ весь артиллерійскій паркъ 5-й дивизіи, о которомъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній [1]).

16-го іюня прибылъ въ Вильну Наполеонъ со своею гвардіею. Во время этого движенія къ Вильнѣ, русская армія не оказывала никакого сопротивленія [2]): она отступала въ полномъ порядкѣ, и ея воинственный видъ ясно уже свидѣтельствовалъ, что это отступленіе не происходило отъ боязни сразиться съ врагомъ, а являлось исполненіемъ заранѣе обдуманнаго плана, было твердо принятою системою сопротивленія [3]). Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Вильны за три

---

[1]) Погибшимъ паркомъ командовалъ подполковникъ Морисо (Moriceau). Необходимо замѣтить, что 12-го іюня день былъ «удушливо жаркій, окончившійся къ ночи страшной грозой, при чемъ проливной дождь залилъ всѣ дороги и поля на нѣсколько верстъ въ окружности». Немощеныя дороги стали непроходимы; войска двигались по колѣна въ грязи; не только артиллерія, даже обозъ не могъ двигаться. «Гроза понизила температуру, вслѣдствіе чего лошади падали тысячами: онѣ ѣли мокрую траву и лежали въ водѣ, что вызвало убійственныя колики и падежъ». *Marbot*, III, 54.

[2]) За исключеніемъ стычки 16-го же іюня, близъ Вилькоміра, гдѣ корпусъ Удино встрѣтился съ арьергардомъ Витгенштейна. *Wilson*, 27. Въ этомъ дѣлѣ участвовалъ полковникъ Марбо, сообщающій всѣ подробности. *Marbot*, III, 55.

[3]) Съ самаго начала кампаніи русскіе практиковали убійственную систему сжигать, при своемъ отступленіи, рѣшительно все, уступая французамъ только развалины и пепелъ. Армія, постоянно наступающая, не получая ни подкрѣпленій, ни провіанта, рано или поздно, должна погибнуть. Французы шли впередъ по трупамъ и пепелищамъ, шли въ мѣстности опустошенной и обездоленной. Голодъ, болѣзни и холодъ губили французскую армію болѣе, чѣмъ вражеское оружіе. Французъ, не привыкшій къ сѣвернымъ морозамъ, усталый и голодный, падалъ на снѣгъ и коченѣлъ. Солдаты, мучимые голодомъ, рѣзали своихъ павшихъ братьевъ и питались ихъ тѣломъ. Русскіе крестьяне,

часа до вступленія въ городъ французовъ: онъ присутствовалъ на балѣ у генерала Беннигсена, въ его замкѣ Закретъ. въ верстѣ отъ города. При вѣсти о приближеніи французовъ, всѣ. бывшіе на балѣ, разбѣжались; первые французы, проникшіе въ замокъ, были убѣждены, что балъ прекратился лишь за нѣсколько минутъ до ихъ появленія [1]). Многіе изъ штабъ-офицеровъ русской арміи, въ томъ числѣ и полковникъ Старынкевичъ, градоначальникъ Вильны, съ которымъ Бовольe очень подружился, увѣряли его, что императору Александру предлагали минировать главнѣйшія зданія города, въ которыхъ могъ остановиться Наполеонъ, чтобъ потомъ взорвать ихъ, но Александръ, честный и прямой, съ негодованіемъ отвергъ подобное предложеніе.

Французы прибыли въ Вильну очень кстати. Уже нѣсколько дней войска буквально голодали. Проливные дожди сдѣлали дороги непроходимыми; подвозъ продовольствія и фуража прекратился. Люди ослабѣли, лошади падали. На главной дорогѣ къ Вильнѣ валялось до 10.000 конскихъ труповъ [2]), гнившихъ и заражавшихъ воздухъ. Измученные тяжелыми переходами, голодные, мокрые, солдаты тотчасъ же наполнили всѣ госпитали, наскоро устроенные въ частныхъ домахъ Вильны.

Походъ только что начинался еще, а армія чувствовала уже недостатокъ во всемъ—въ продовольствіи, фуражѣ, аммуниціи, даже въ боевыхъ припасахъ. Мародерство и отдѣленіе солдатъ отъ своихъ частей начались вслѣдъ за выхо-

---

разоренные войною, были такъ же страшны, какъ холодъ и голодъ. Они безжалостно убивали отсталыхъ и слабыхъ, затрудняли каждый шагъ арміи, безпокоили ее не менѣе казаковъ. Собственно говоря, каждый крестьянинъ сталъ партизаномъ. *Gazo*, 111.

[1]) Балъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ данъ генералъ-адъютантами и состоялся 12-го іюня. 15-го іюня, по уничтоженіи всѣхъ магазиновъ, городъ былъ оставленъ, и русскія войска отступили къ Нѣменчину (*Wilson*, 26; *Puibusque*, 28). Балъ прекратился, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ за 48 часовъ до появленія французовъ.

[2]) *Puibusque*, 34.

домъ арміи изъ Пруссіи. Эти два бѣдствія достигли вскорѣ ужасающихъ размѣровъ; позже они стали необходимостью, вызванною дурною администраціею и неустройствомъ правильныхъ сообщеній между частями. Когда полкъ съѣдалъ свое продовольствіе, приходилось высылать болѣе или менѣе значительные отряды, иногда на очень далекія разстоянія, для фуражировки. Солдаты, усталые и голодные, удалялись отъ своихъ частей въ ближайшія деревни, гдѣ захватывали провіантъ, грабили жителей, разбирали избы на топливо. Эти безпорядки значительно пошатнули дисциплину и замѣтно уменьшили число штыковъ. Уменьшалъ это число и обозъ: иногда треть полка расходовалась на охрану обоза, растягивавшагося на нѣсколько верстъ. Отъ начальниковъ отдѣльныхъ частей требовался точный счетъ годныхъ къ бою людей; но, при данныхъ условіяхъ, требованіе это оказывалось невыполнимымъ.

Недостатокъ фуража легко объясняется числомъ лошадей. Не только офицеры, даже многіе унтеръ-офицеры имѣли въ обозѣ свою повозку и лошадь или двѣ. Можно съ увѣренностью сказать, что изъ Польши было уведено не менѣе 100.000 коней. Грабежъ, насиліе и воровство, произведенные французскими солдатами въ Польшѣ, превосходятъ всякое вѣроятіе. Польскіе магнаты часто говорили французскимъ генераламъ: «Что же было бы съ вами, еслибъ мы относились къ вамъ враждебно?» Такъ же точно грабежъ сталъ для французскаго солдата какъ бы наградой за всѣ тѣ невзгоды, которыя онъ испытывалъ, за усталость, голодъ и всяческую нужду. Напрасно жители просили командировъ частей объ охранѣ ихъ имущества—солдатъ, доведенный до крайности, не обращалъ уже вниманія ни на стражу, ни на приказы начальниковъ. Даву приказалъ разстрѣлять нѣсколько мародеровъ, но и этотъ суровый примѣръ не могъ устранить безпорядка, коренившагося въ военно-административной системѣ Наполеона, не заботившагося объ экономическомъ

быть арміи [1]), и еще болѣе въ голодѣ, не знающемъ никакихъ законовъ.

Весь путь отъ Вильны до Смоленска и отъ Смоленска до Москвы покрытъ сосновыми лѣсами, въ полномъ смыслѣ дремучими. Мѣстами встрѣчаются болота, почти непроходимыя, и рѣки, съ дномъ настолько вязкимъ, что безпрестанно приходится наводить мосты. Случалось, что кавалеристы, обманутые мелководіемъ, пускались въ бродъ и гибли вмѣстѣ съ лошадьми. Русскія дороги втрое шире французскихъ; онѣ окаймлены канавами и деревьями; но ни одна дорога не вымощена камнемъ, и въ распутицу онѣ всѣ непроходимы. Въ Россіи, очень мало населенной, деревни расположены на довольно большомъ разстояніи другъ отъ друга, что заставляло французскую армію располагаться бивуакомъ нерѣдко въ сырой, нездоровой мѣстности. Кажется, полагаясь на свое счастіе и на боевую славу своихъ войскъ, Наполеонъ не обратилъ должнаго вниманія на особенности страны, столь отличной отъ тѣхъ странъ, въ которыхъ ему приходилось воевать прежде, и не предвидѣлъ тѣхъ затрудненій, которыя предстояли движенію войскъ въ Россіи, особенно большими массами. Онъ не ожидалъ, кажется, встрѣтить такое упрямое сопротивленіе, которое парализовало всѣ его военные планы. Онъ ожидалъ, что первое же генеральное сраженіе рѣшитъ судьбу Россіи; онъ не допускалъ даже и мысли о возможности пораженія. Эта слѣпая увѣренность въ себѣ и

---

[1]) Это не составляло какой-либо особенности «русскаго похода»: во всѣхъ наполеоновскихъ войнахъ—въ Египтѣ, Италіи, Испаніи, Германіи и Россіи—французскій солдатъ всегда страдалъ отъ неустройства продовольственной части. Въ «Мемуарахъ Марбо» приведенъ цѣлый рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что во время наполеоновскихъ войнъ менѣе всего заботились о продовольствіи, такъ что Марбо выставилъ, какъ общій тезисъ: „Les armées de Napoléon, une fois qu'elles étaient en campagne, ne recevaient de distributions que fort rarement, chacun vivant sur le pays comme il pouvait". Фактическое подтвержденіе этого тезиса см. *Marbot*, I, 70, 289, 300, 332, 336; II, 3, 205, 344, 372, 383, 417; III, 62, 128, 133, 134 sqq.

зависимая отъ нея непредусмотрительность имѣли самыя печальныя послѣдствія.

Корпуса Мюрата, Нея, Даву, Евгенія и императорской гвардіи двинулись къ Смоленску. Городъ расположенъ на склонѣ возвышенности, составляющей лѣвый берегъ Днѣпра. Корпусу Даву предстояло вытѣснить русскихъ изъ предмѣстій города. Даву выполнилъ эту задачу послѣ отчаянной схватки, длившейся около трехъ часовъ. Атака, начатая одновременно по всей линіи, окончилась лишь къ 10-ти часамъ вечера. Въ городъ было брошено много гранатъ, которыя зажгли его во всѣхъ концахъ, и французскіе бивуаки освѣщались всю ночь свѣтомъ отъ пожара. Русскій главнокомандующій Барклай-де-Толли успѣлъ вывести въ полномъ порядкѣ свои войска изъ города и увезти или уничтожить всѣ запасы, такъ что на другое утро, когда французы вошли въ городъ, они увидѣли только жалкое пепелище и однѣ развалины. Во французской арміи выбыло въ этотъ день изъ строя около 12,000 убитыми и ранеными [1]); потеря русскихъ, вѣроятно, была тоже около этой цифры.

Часть зданій, уцѣлѣвшихъ отъ огня, была обращена въ госпитали, которые немедленно наполнились ранеными. Но въ этихъ госпиталяхъ не было ни докторовъ, ни лѣкарствъ. Большинство раненыхъ, ожидая по цѣлымъ суткамъ первой перевязки, страшно мучились; страданія увеличивались еще и отъ того, что раненые лежали на голомъ полу—не только коекъ, не было даже соломы, на которой они могли бы успокоить свои усталые и изувѣченные члены. Отъ труповъ, гнив-

---

[1]) *Wilson*, 104; *Puibusque*, 43, 48; *Marbot*, III, 131; *Ермоловъ*, 57. Начальникъ обоза французской главной квартиры, Газо, вполнѣ подтверждаетъ сообщеніе гр. Боволье: «Смоленскъ былъ купленъ нами дорогою цѣною. Барклай-де-Толли командовалъ большими силами, и русскіе дрались, какъ львы. Потери были, кажется, равны съ обѣихъ сторонъ; у насъ выбыло изъ строя до 12.000 человѣкъ. Барклай-де-Толли сжегъ городъ и обратилъ въ пепелъ громадные провіантскіе магазины, на которые мы сильно разсчитывали. Отступленіе русскихъ войскъ было произведено въ полномъ порядкѣ». *Gazo*, 101.

шихъ вокругъ города и даже въ городскихъ зданіяхъ, распространилась зараза, окончательно сгубившая почти всѣхъ французовъ, получившихъ раны въ первомъ столкновеніи съ русскими.

На всемъ пути отъ Смоленска до Москвы, протяженіемъ въ 400 верстъ, французская армія продовольствовалась мародерствомъ. Два эскадрона, драгунскій и гусарскій, обязаны были доставлять ежедневно припасы для свиты императора. Каждый полкъ, пѣхотный и кавалерійскій, назначалъ сильные отряды для добыванія продовольствія своимъ частямъ. Еще французы и не видѣли Москвы, а армія ихъ уменьшилась уже на добрую треть. Эта убыль произошла отчасти вслѣдствіе столкновенія съ врагами, главнѣйшимъ же образомъ—отъ болѣзней, явившихся послѣдствіемъ утомленія и дурной пищи. Число больныхъ, слабыхъ, отсталыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ увеличивалось съ каждымъ днемъ. Въ знаменитомъ московскомъ сраженіи, которое русскіе называютъ «бородинскимъ», участвовало только 120,000 французскихъ воиновъ.

Наполеону давно уже хотѣлось дать русскимъ генеральное сраженіе, которое, какъ онъ надѣялся, должно было быть рѣшительнымъ. Несмотря на численное уменьшеніе французскихъ войскъ, несмотря на неожиданное сопротивленіе русскихъ, Наполеонъ не терялъ надежды принудить императора Александра просить мира, какъ только русскія войска потерпятъ рѣшительное пораженіе.

Старѣйшій изъ русскихъ генераловъ, Кутузовъ, былъ назначенъ главнокомандующимъ русскою арміею на мѣсто Барклая-де-Толли. Кутузовъ только-что побѣдоносно окончилъ войну съ Турціею; какъ военачальникъ, онъ пользовался общимъ уваженіемъ [1]). Быть можетъ, Кутузовъ получилъ при-

[1]) Фельдмаршалъ кн. Кутузовъ происходилъ отъ знатнаго рода и, по женѣ, былъ въ родствѣ съ знатнѣйшими домами. Въ юности онъ отличался своею храбростью и съ отличіемъ проходилъ свою военную карьеру. Въ раз-

казаніе защитить Москву во что бы то ни стало; быть можетъ, онъ самъ хотѣлъ помѣряться силами съ искуснѣйшимъ въ мірѣ военачальникомъ, — какъ бы ни было, но Кутузовъ рѣшился дать Наполеону битву между Можайскомъ и Гжатскомъ.

Въ понедѣльникъ, 26-го августа, произошелъ, наконецъ, бой героевъ. Съ обѣихъ сторонъ дрались съ равнымъ мужествомъ. Въ этотъ день въ бою находилось 120,000 французовъ и 92,000 русскихъ; со стороны французовъ гремѣло 587 пушекъ, русскихъ — болѣе 600 [1]). Этотъ день, самый кровавый въ анналахъ военной исторіи, стоилъ обѣимъ ар-

---

ныхъ сраженіяхъ получилъ онъ много ранъ, при чемъ потерялъ лѣвый глазъ; тѣмъ не менѣе, выраженіе его лица было поразительно умное. Онъ командовалъ русскими войсками въ битвѣ подъ Аустерлицемъ; однако, такъ какъ онъ былъ противъ злосчастнаго флангового движенія, то и аустерлицкое пораженіе не умалило его военной славы. Въ 1811 г. онъ успѣшно воевалъ съ турками и въ 1812 г. заключилъ бухарестскій миръ, такъ много содѣйствовавшій успѣхамъ отечественной войны. Кутузовъ жилъ долгое время въ Парижѣ, любилъ французовъ; онъ не довѣрялъ Наполеону, но лично не ненавидѣлъ его. Человѣкъ свѣтскій, вѣжливый, онъ былъ хитеръ, какъ грекъ, обладалъ природнымъ умомъ, какъ азіатъ, и былъ прекрасно образованъ, какъ европеецъ. Вслѣдствіе своихъ преклонныхъ лѣтъ, особенно же вслѣдствіе своей тучности, онъ надѣялся принести болѣе пользы на дипломатическомъ поприщѣ, чѣмъ на полѣ брани. Ему было 74 года, когда онъ сталъ главнокомандующимъ русскою арміею. Онъ былъ еще довольно крѣпокъ, но настолько тученъ, что даже передъ войсками, во время боя, разъѣзжалъ въ небольшихъ четырехколесныхъ дрожкахъ. Таковъ былъ новый главнокомандующій, по словамъ императора Александра, сказаннымъ англійскому генералу сэру Роберту Вильсону, «избранный русскимъ дворянствомъ для спасенія славы русскаго оружія и для защиты отечества». *Wilson*, 115; *Puibusque*, 156; *Marbot*, III, 137, 143; *Ермоловъ*, 74.

[1]) По словамъ генерала Марбо, «численность русской арміи достигала болѣе 162,000 чел.; Наполеонъ могъ противопоставить имъ едва 140,000 человѣкъ»: правое крыло Багратіона—62,000, лѣвое крыло Барклая-де-Толли—70,000, центръ — казаки Платова и 30,000 въ резервѣ. *Marbot* III, 134. По счету Богдановича, «Исторія Александра I», число русскихъ войскъ достигало 104,000, кромѣ 70,00 казаковъ и 10,000 ратниковъ, съ 640 орудіями (III, 288).

міямъ болѣе 70,000 убитыми и ранеными [1]). Потери обѣихъ сторонъ были почти равны, съ тою, однако, разницею, что въ русской арміи было болѣе убитыхъ, во французской же болѣе раненыхъ. Остервенѣніе, съ которымъ шелъ бой цѣлые 12 часовъ, обезсилило обѣ арміи. Ночь прикрыла своимъ покровомъ поле смерти, стоновъ и злобы...

Въ день боя Наполеонъ оказался ниже своей славы. Вмѣсто прежнихъ своихъ блистательныхъ качествъ, выказанныхъ въ столькихъ сраженіяхъ и среди порохового дыма диктовавшихъ арміи побѣду, онъ въ этотъ день былъ апатиченъ, нерѣшителенъ [2]). Казалось, счастье измѣнило ему. Своимъ маршаламъ онъ отвѣчалъ нехотя; приказанія его запаздывали. Безпорядокъ во время боя доходилъ до того, что французская кавалерія атаковала саксонскихъ кирасиръ, принявъ ихъ за русскихъ! Къ концу боя французами овладѣло какое-то оцѣпенѣніе [3]). Никогда еще ни одно пораженіе не стоило столько крови и не было куплено такою дорогою цѣною, какъ эта побѣда. Французскія войска провели ночь безъ огня, измученные усталостью, изнуренные голодомъ, срѐди умершихъ и умирающихъ...

Поле битвы, простиравшееся на десять верстъ, было по-

[1]) Марбо насчитываетъ 50,000, при чемъ французы потеряли 49 генераловъ и 20,000 солдатъ, выбывшихъ изъ строя (III, 135), Вильсонъ—до 80,000 выбывшихъ изъ строя (153).

[2]) Въ день бородинскаго боя Наполеонъ былъ нездоровъ. Боволье говоритъ, что онъ «простудился и сильно лихорадилъ» (31); по словамъ Вильсона, онъ страдалъ «сильнымъ насморкомъ» (159); подробнѣе другихъ объ этомъ у Марбо: «Императоръ, страдавшій отъ мигрени, спустился въ оврагъ, по дну котораго ходилъ почти цѣлый день. Онъ могъ видѣть оттуда только часть поля битвы и, чтобъ обозрѣть все поле, ему приходилось взбираться на небольшой пригорокъ, что̀ онъ и сдѣлалъ два раза во все время боя. Императоръ былъ боленъ, и холодный вѣтеръ, бушевавшій весь день, мѣшалъ ему быть верхомъ» (III, 134).

[3]) «Императорская гвардія такъ отстала, что вовсе не участвовала въ московской битвѣ. Это была большая ошибка со стороны Наполеона; несомнѣнно, что эти избранныя войска, еслибъ императоръ подождалъ ихъ прибытія, значительно измѣнили бы участь боя въ нашу пользу». *Beauvollier*, 28.

крыто трупами. Раненые не убирались; въ плѣнъ не брали. Раненые французскіе солдаты, имѣвшіе возможность явиться на перевязочный пунктъ, были перенесены въ Можайскъ; тяжело раненые истекали кровью, не видя ни откуда ни помощи, ни утѣшенія. Въ Можайскѣ оказалось болѣе 10,000 раненыхъ русскихъ, размѣщенныхъ въ домахъ и церквахъ— всѣ они были безжалостно изгнаны [1]): на ихъ койкахъ были размѣщены раненые французы. Эта мѣра, жестокая, конечно, но объясняемая необходимостью, стоила жизни несчастнымъ русскимъ—всѣ они умерли въ страшныхъ мученіяхъ.

Русскіе отступили къ Москвѣ. 1-го сентября, на особомъ совѣтѣ генераловъ, въ присутствіи графа Ростопчина [2]), московскаго генералъ-губернатора, Кутузовъ рѣшилъ оставить Москву, но сжечь ее. Вѣсть объ этомъ рѣшеніи произвела въ Москвѣ общее смятеніе и невообразимый безпорядокъ. Въ одно и то же время черезъ Москву двигались войска, направляясь въ Коломну, и бѣжали москвичи со своимъ скарбомъ. Графъ Ростопчинъ приказалъ раздавать полицейскимъ городовымъ зажигательные снаряды, заготовленные еще съ іюля какимъ-то голландцемъ Смидомъ. Эти городовые, переодѣтые въ партикулярные костюмы, должны были оставаться въ Москвѣ и поджечь городъ со всѣхъ концовъ, какъ только появятся французы. Всѣ бочки, ведра, лѣстницы, всѣ огнегасительные снаряды были уничтожены. Каторжники, все тюремное населеніе было выпущено на свободу, съ условіемъ содѣйствовать полному разрушенію древней столицы [3]).

2-го сентября, въ часъ дня, Мюратъ стоялъ въ двухъ верстахъ отъ Москвы; въ 3 ч. дня онъ вступилъ въ городъ. Французы разсчитывали увидѣть населенный городъ и нашли пустынныя улицы—нѣсколько иностранныхъ торговцевъ, нѣсколько темныхъ личностей, выпущенныхъ изъ тюремъ, со-

[1]) *Chambray*, Histoire de l'expédition de Russie, II, 90.

[2]) Военный совѣтъ въ деревнѣ Филяхъ.

[3]) Графъ Ростопчинъ даровалъ всѣмъ каторжникамъ свободу и фитиль, съ приказаніемъ поджечь всѣ казенныя и частныя зданія. *Ségur*, 109.

ставляли все населеніе Москвы. Мертвая столица показалась Мюрату подозрительною: онъ опасался засады, подкоповъ, ловушекъ и шелъ по пустымъ московскимъ улицамъ съ большими предосторожностями. Маршалъ Мортье послалъ сперва особыя развѣдочныя партіи по всѣмъ направленіямъ Москвы и только по возвращеніи ихъ расположилъ свои войска бивуаками внутри города и особенно вблизи Кремля. 3-го сентября Наполеонъ поселился въ Кремлѣ.

Въ тотъ же день въ различныхъ частяхъ города вспыхнули пожары. На это сперва не обратили никакого вниманія, но когда пожары стали повторяться, когда загорѣлся Гостиный дворъ, когда биржа и банкъ запылали въ огнѣ, всѣмъ стало ясно, что это не случайность и что пожаръ входитъ въ систему сопротивленія. Ужасъ обуялъ французскія войска; Наполеонъ былъ очень опечаленъ пожаромъ. Между тѣмъ, пламя пожара охватывало все большее и большее пространство. 4-го сентября, утромъ, поднялся сильный вѣтеръ, временами переходившій въ ураганъ. Вѣтеръ раздувалъ огонь, перебрасывалъ пламя съ одного дома на другой. 5-го горѣла уже почти вся Москва. Вѣтеръ стихъ только къ 8-му сентября, когда уже 9/10 всего города сгорѣло. 4-го вечеромъ Наполеонъ былъ вынужденъ выѣхать изъ Кремля: императоръ переселился въ загородный дворецъ, въ пяти верстахъ отъ города, по петербургской дорогѣ, въ Петровское. Между тѣмъ Кремль нисколько не пострадалъ отъ пожаровъ, защищенный отъ огня широкою стѣною, валами и садами. 8-го сентября, днемъ, Наполеонъ возвратился въ Кремль. Первые же поджигатели, пойманные французскими солдатами, были разстрѣлены на мѣстѣ преступленія; позже, поджигателей судила особая военная комиссія и ихъ вѣшали на фонарныхъ столбахъ. Всѣ они чистосердечно показывали, что поджигали городъ по приказанію графа Ростопчина [1]).

---

[1]) *Gazo*, 109; *Wilson*, 168, 171; *Marbot*, III, 141; *Surrugues*, Histoire de l'incendie de Moscou, 32; *Ермоловъ*, 93, 99; Сборникъ Русск. Ист. общества, VII, 460.

Въ Москвѣ были найдены огромные запасы провіанта. Они были пощажены огнемъ, такъ какъ хранились въ подвалахъ. Тутъ было много муки, кофе, сахара, соленой рыбы и сушеныхъ грибовъ, которые составляютъ главную пищу простого народа во время поста. Еслибъ эти продукты были правильно подѣлены между различными частями арміи, не было бы той ужасающей нужды, которая много содѣйствовала разстройству французской арміи. Но грабежъ и воровство уничтожили всѣ провіанты, прежде чѣмъ были приняты какія-либо мѣры къ ихъ спасенію [1]). Не разъ полевой генералъ-интендантъ приказывалъ охранять запасы цѣлымъ отрядамъ, но ничто не помогло—солдаты, измученные голодомъ и нуждой, спѣшили насытиться сегодня, не думая о завтрашнемъ днѣ. Они предались грабежу и всяческимъ насиліямъ; многіе изъ нихъ поплатились жизнью за свою жадность: болѣе 6,000 солдатъ задохлись отъ дыма въ домахъ, загоравшихся, послѣ того какъ они проникли въ нихъ для грабежа. Нѣсколько дней спустя, хлѣбъ и мясо были уже рѣдки и продавались по очень высокой цѣнѣ.

Москва была покинута, но въ подмосковныхъ деревняхъ крестьяне не покидали своихъ избъ. Особые комиссары были отправлены по этимъ деревнямъ съ увѣщаніемъ, чтобы крестьяне попрежнему привозили въ Москву два раза въ недѣлю, въ базарные дни, свои продукты, за которые имъ будетъ уплачиваемо наличными деньгами. Въ то же время, велѣно было ежедневно звонить въ церковные колокола, чтобъ, такимъ образомъ, обмануть крестьянъ, будто церковная служба продолжается попрежнему. Многіе крестьяне поспѣшили въ Москву, везя сѣно, солому, съѣстные припасы—и что же? Ихъ ограбили, отняли лошадей, завладѣли телѣгой, ихъ самихъ избили [2]). Они вернулись въ свои деревни, разсказали

---

[1]) *Puibusque*, 107; *Chambray*, II, 132; *Ségur*, II, 66.

[2]) Это извѣстіе вполнѣ подтверждается офиціальными свѣдѣніями о подмосковныхъ мужикахъ гр. Шереметьева, Русск. Архивъ, 1864 г., стр. 796. Бо-

сосѣдямъ, и болѣе ни одинъ уже крестьянинъ не пріѣзжалъ въ Москву. Мало того, крестьяне стали просто охотиться за французами: они вооружились, чѣмъ могли, убивали солдатъ, попадавшихся въ одиночку, и нерѣдко нападали даже на отряды, ходившіе на фуражировку. Это враждебное отношеніе населенія было особенно чувствительно частямъ, расположеннымъ въ окрестностяхъ Москвы—они, рѣшительно, умирали съ голода; особенно же пострадала кавалерія: болѣе 10,000 коней пали отъ недостатка корма.

Маршалъ Даву, раненый подъ Можайскомъ, квартировалъ на Красной Площади, въ домѣ, уцѣлѣвшемъ отъ пожара. Наполеонъ часто посѣщалъ его, всегда верхомъ, окруженный большою эскортою. Императоръ не пренебрегалъ ничѣмъ и принималъ всѣ мѣры къ личной безопасности. На пути изъ Вильны въ Москву онъ дѣлалъ часто фальшивыя тревоги, желая убѣдиться, что личная его охрана не дремлетъ и хорошо организована. Начальникомъ личной охраны былъ полковникъ Рато (Rateau); ему одному Наполеонъ довѣрилъ свою священную особу. Рато охранялъ его и въ Кремлѣ, и при разъѣздахъ по городу.

Солдаты нашли въ Москвѣ массу мѣдной монеты, называемой копѣйками. Эти копѣйки очень тяжелы, изъ хорошей мѣди и отличной чеканки. Солдаты обмѣнивали копѣйки на провизію или на монету болѣе легкую и удобную для носки [1]). Находили также много цинка, композиціи для спайки металловъ; онъ имѣлъ форму серебра въ слиткахъ, при чемъ штемпель былъ очень похожъ на клеймо, которое ставится въ Парижѣ продавцами золотыхъ и серебряныхъ слитковъ. Вся армія, обманутая этимъ сходствомъ, принимала цинкъ за се-

волье говоритъ, что солдатамъ запрещено было грабить, но они въ первую же ночь нарушили это запрещеніе (35); *Шевалье д'Изарнъ*, напротивъ, свидѣтельствуетъ, что «грабежи были разрѣшены». Русск. Архивъ, 1869 г., 1420, 1423, 1427.

[1]) *Шевалье д'Изарнъ*, 1435.

ребро. Устроились даже мѣняльныя лавки и установилась цѣна на металлъ: 18 франковъ за полъ-фунта цинка.

Почти во всѣхъ русскихъ домахъ находятся иконы разныхъ святыхъ въ золотой, серебряной или мѣдной ризѣ, смотря по достатку семьи. Солдаты набрасывались, прежде всего, на иконы, полагая, что ризы очень цѣнны, и нерѣдко мѣдная, вызолоченная, продавалась за золотую. Алчность Наполеона также была наказана. Въ Кремлѣ, среди московскихъ зданій, находилась колокольня, которую называли Ивановскою; на колокольнѣ былъ огромный крестъ. Предполагая, что этотъ крестъ изъ золота, Наполеонъ приказалъ снять его, что̀ и было исполнено съ большими трудностями и не безъ риска. Оказалось, что крестъ только вызолоченъ. Нечего дѣлать, Наполеонъ объявилъ, что онъ и не предполагалъ здѣсь золотого креста, но велѣлъ снять, чтобъ увезти его во Францію на память о своемъ пребываніи въ Москвѣ. Онъ хотѣлъ также увезти въ Парижъ огромный колоколъ, упавшій съ колокольни во время пожара и, при паденіи, глубоко ушедшій въ землю. Были объявлены торги, и какой-то спекулянтъ взялся отправить колоколъ, какъ только установится санный путь...

Въ Москвѣ была театральная труппа, состоявшая по большей части изъ французскихъ актеровъ и находившаяся подъ дирекціей Элеоноры Бюрсе (Burset). Эта актриса была обязана всѣмъ своимъ благосостояніемъ русскому правительству. Ей было уже 45 лѣтъ, но она все еще была очень красива. Она-то и дала Дюроку [1]) имена всѣхъ французскихъ актеровъ, скрывшихся при приближеніи французской арміи, и указанія, по которымъ ихъ можно было бы отыскать. Въ этомъ спискѣ значился Сенъ-Веръ (Saint-Vert), актеръ петербургскаго театра, родомъ изъ Нанси. Онъ уже нѣсколько лѣтъ находился въ отставкѣ и жилъ въ Москвѣ на пенсіи

[1]) Michel Duroc, duc de Frioul, 1772 — 1815, генералъ-адъютантъ Наполеона, гофмаршалъ его двора, главный начальникъ личной охраны императора.

въ 1,800 рублей, пожалованной ему императоромъ Александромъ; у него было, сверхъ того, до 40,000 руб., находившіеся на храненіи у русскаго вельможи. Это былъ человѣкъ весьма почтенный, безупречнаго поведенія. Онъ свято хранилъ какое-то религіозное почтеніе къ памяти несчастнаго Людовика XVI и не скрывалъ своей ненависти къ Наполеону. Г-жа Бюрсе заявила, что безъ Сенъ-Вера спектакли состояться не могутъ; его отыскали, заставили играть и, при отступленіи, приказали слѣдовать за арміею. При отступленіи всѣ актеры погибли самымъ жалкимъ образомъ [1]).

Такъ какъ театръ сгорѣлъ, то г-жѣ Бюрсе предложено было возобновить спектакли въ большой залѣ дома какого-то русскаго богача [2]), гдѣ и прежде давались французскіе спектакли труппами, наѣзжавшими по временамъ въ Москву. Наполеону зала эта не понравилась—онъ почему-то считалъ ее не безопасною—и для спектаклей была назначена тронная зала въ Кремлѣ Началась необходимая перестройка и зала была уже приспособлена къ театральнымъ представленіямъ, когда армія должна была покинуть Москву. Саперы разрушили въ нѣсколько часовъ все, что было сдѣлано, и обратили эту прелестную залу въ кучу мусора и щебня, при чемъ древнѣйшія украшенія, памятники величія московскихъ царей, были уничтожены безжалостной киркой.

Большинство французовъ, поселившихся въ Москвѣ до войны, имѣли свои заведенія, магазины, лавки. Передъ нача-

---

[1]) Боволье разсказываетъ, что Сенъ-Веръ, при отступленіи, былъ взятъ въ плѣнъ и представленъ Кутузову, который принялъ его милостиво, выслушалъ грустную повѣсть о лишеніяхъ, имъ претерпѣваемыхъ, и далъ ему 200 руб. Немного спустя, Сенъ-Веръ умеръ въ Рязани, гдѣ лежалъ больной и гдѣ Боволье ухаживалъ за нимъ. Боволье видѣлъ у него на шеѣ серебряный медальонъ съ изображеніемъ Людовика XVI, вокругъ котораго было выгравировано: Louis XVI, Roi de France et de Navarre, né le..., couronné el..., et assassiné le 21 janvier 1793 (48). Въ брокеровскомъ, впрочемъ, неполномъ спискѣ лицъ, уѣхавшихъ изъ Москвы съ французскою арміею, Сенъ-Веръ не показанъ. Русск. Архивъ, 1868 г., 1434.

[2]) Не въ частномъ ли театрѣ Познякова? *Шевалье д'Изарнъ.* 1454.

лом кампаніи их поведеніе казалось подозрительным русскому правительству, и за ними был учрежден полицейскій надзор. Позже, когда уже Нѣман был перейден, большинство московских французов было арестовано и под конвоем выселено в Симбирск, гдѣ они оставались под надзором полиціи до 1814 года. Их имущество было, однако, пощажено: их жены и родственники продолжали владѣть своими заведеніями, пользовались даже покровительством властей и свободно торговали своими товарами. Когда же французская армія вступила в Москву, они прикинулись невинными жертвами своей преданности Наполеону. Нѣкая г-жа Обер [1]), забыв всѣ благодѣянія русских, громко провозглашала свой энтузіазм к побѣдителю. Муж ея был сослан в Симбирск. Они имѣли на Тверской великолѣпный магазин, каких мало в Европѣ, и торговали китайским фарфором, севрскими издѣліями, всякими предметами роскоши; она была очень богата. При отступленіи французов она взяла с собою 30,000 франков и отправилась за арміею; несмотря на то, что она находилась при главной квартирѣ, французскіе же солдаты ограбили ее, и она погибла самым ужасным образом, вмѣстѣ с своим малолѣтним сыном, который был при ней. Г-жа Прево, московская модистка, тоже француженка, мать пяти дѣтей, поступила так же легкомысленно, как и г-жа Обер. Она тоже послѣдовала за арміею и также несчастливо: она и пять ея дѣтей умерли в дорогѣ от холода и голода.

Мюрат первый вошел в Москву, но в Москвѣ не остановился; он вышел на рязанскую дорогу, гдѣ и расположился лагерем. Он командовал всею тяжелою артил-

---

[1]) Обер-Шальмѐ, жена извѣстнаго содержателя гостиницы, близ Большой Дмитровки. В письмах А. Я. Булгакова, служившаго при графѣ Ростопчинѣ по секретной части, сообщены любопытныя подробности о г-жѣ Обер, которую он называет «г-жа Шельма». Русск. Архив, 1874 г., 790; 1866 г., 705 (письмо ея к Наполеону), 709; 1868 г., 1435; 1869 г., 1414, 1453.

леріею, нѣсколькими полками пѣхоты и тремя полками легкой кавалеріи. Люди и лошади этого корпуса страдали отъ всевозможныхъ лишеній. Окруженный оврагами и лѣсами, корпусъ этотъ постоянно былъ тревожимъ казаками: каждый отрядъ, отправлявшійся на фуражировку, былъ охраняемъ пѣхотою и артиллеріею! Однажды самъ маршалъ Мюратъ сопровождалъ фуражировъ и едва не былъ взятъ въ плѣнъ. Кавалерія, прикрываемая отрядомъ пѣхоты и тремя пушками, была атакована казаками; послѣ небольшой перестрѣлки казаки отступили, но едва французскій отрядъ двинулся впередъ, какъ съ обоихъ фланговъ показалась русская пѣхота. Произошла отчаянная схватка, при чемъ французская кавалерія была опрокинута и весь отрядъ разсѣянъ; Мюрату удалось ускакать. Раненые въ этой схваткѣ были препровождены въ Москву. Несчастные оставались цѣлыя сутки на улицѣ, въ телѣгахъ, прежде чѣмъ ихъ размѣстили въ госпиталяхъ. Немногіе изъ нихъ поправились—большинство умерло не столько отъ ранъ, сколько отъ дурного ухода и всяческихъ лишеній.

Этого мало. Наполеонъ приказалъ перевезти въ Москву тѣхъ 6,000 раненыхъ, которые остались въ Можайскѣ. Передъ выступленіемъ изъ Москвы было приказано, чтобы всякій офицеръ, имѣющій свою подводу въ обозѣ, взялъ одного или двухъ раненыхъ. Генералу Воблану было поручено наблюсти за исполненіемъ приказа, и всякій офицеръ, уклонившійся отъ заботы о раненыхъ, подлежалъ строгому взысканію. Тѣмъ не менѣе, распоряженіе это не было исполнено, и эти несчастные, брошенные въ Москвѣ на произволъ судьбы, всѣ погибли или отъ ранъ, или отъ руки окрестныхъ жителей, которые, немедленно по уходѣ арміи, наводнили Москву и безжалостно убивали всѣхъ французовъ, которые отстали отъ арміи.

Наполеонъ издалъ, между прочимъ, приказъ обязывавшій каждую часть запастись зеленью на зимовку въ Москвѣ [1]).

[1]) Вотъ разгадка извѣстія Шевалье д'Изарна, 1427—1428.

Хотѣлъ ли Наполеонъ этимъ приказомъ замаскировать свое печальное положеніе или же скрыть отъ русскихъ свои намѣренія—неизвѣстно. но сборъ зелени былъ рѣшительно немыслимъ. Казаки съ каждымъ днемъ становились все дерзче, подскакивали къ самымъ воротамъ города и неимовѣрно тревожили отряды, высылавшіеся на фуражировку. Дошло до того, наконецъ, что Наполеонъ посылалъ даже свою гвардію отгонять казаковъ и охранять фуражировъ. Въ одной изъ такихъ экспедицій погибъ любимецъ императора, завѣдывавшій его личною охраною, полковникъ Рато. У него было 300 драгунъ; видя передъ собою сотню или полторы казаковъ, которые, къ тому же, начали отступать, Рато погнался за ними и попалъ въ засаду: онъ былъ окруженъ двумя тысячами казаковъ, выскочившихъ изъ-за пригорковъ, окаймляющихъ смоленскую дорогу. Всѣ драгуны были изрублены. Рато тяжело раненъ и взятъ въ плѣнъ, гдѣ онъ чрезъ нѣсколько дней и умеръ. Драгунскій полкъ, полагая, что его товарищъ только плѣненъ, собралъ и переслалъ ему 1,200 франковъ. Деньги эти были получены княземъ Кутузовымъ уже по смерти Рато и немедленно возвращены въ полкъ съ извѣщеніемъ о кончинѣ храбраго офицера.

Наполеонъ все еще не терялъ надежды войти въ переговоры съ императоромъ Александромъ, но, не встрѣчая удобнаго къ тому повода, рѣшился, наконецъ, послать къ Кутузову генерала Лористона, одного изъ своихъ адъютантовъ, съ письмомъ къ русскому императору. Въ этомъ письмѣ Наполеонъ сообщалъ свои условія мира и предлагалъ выслать въ Петербургъ довѣренное лицо для веденія переговоровъ [1]). Лористонъ выѣхалъ изъ Москвы 22 сентября. Кутузовъ переслалъ письмо своему государю, но Наполеонъ такъ и не удостоился получить отвѣтъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Наполеонъ разсчитывалъ

---

[1]) Донесеніе кн. Кутузова императору Александру I о свиданіи съ Лористономъ, отъ 23 сентября 1812 г. *Ермоловъ*, 105, 204.

встрѣтить въ самой Россіи, среди русскихъ же, сторонниковъ и даже пособниковъ своему вторженію въ Россію. Онъ надѣялся, что всѣ почему-либо недовольные русскимъ правительствомъ, всѣ опальные изъ дворянъ примутъ сторону французовъ; онъ разсчитывалъ на недовольство крестьянъ, которыхъ думалъ склонить на свою сторону обѣщаніемъ освобожденія [1]). Но опасность, предстоявшая всему государству, сплотила всѣ умы въ пользу національнаго дѣла, а честное поведеніе императора Александра, его твердость, великодушіе и доброта приковали къ нему сердца всѣхъ его подданныхъ. Несомнѣнно, что было извѣстное соглашеніе между Наполеономъ и французами, жившими въ Россіи. Главныя нити этого соглашенія находились въ рукахъ французскаго доктора Миливье (Milivier), лѣтъ двадцать жившаго въ Москвѣ и составившаго себѣ огромное состояніе. Онъ ѣздилъ нѣсколько разъ изъ Россіи во Францію и побуждалъ Наполеона, ложными разсужденіями, предпринять походъ въ Россію. Онъ сопровождалъ Наполеона во все время кампаніи; онъ увѣрялъ, что какъ только появятся подъ Москвою хотя бы 50,000 французскихъ войскъ, крестьяне возстанутъ противъ своихъ господъ, и вся Россія будетъ покорена. Эти и подобные переговоры были открыты петербургскимъ министромъ полиціи только въ 1813 году; многія изъ замѣшанныхъ лицъ были арестованы. Говорятъ, будто ссылка Сперанскаго, статсъ-секретаря императора Александра, находится въ связи съ этимъ открытіемъ; говорятъ, будто и епископъ рязанскій тоже оказался причастнымъ къ этому дѣлу, за что̀ и былъ посланъ на покой [2])—его обвинили главнымъ образомъ въ томъ, что онъ не только печаталъ статьи,

---

[1]) *Шевалье д'Изарнъ*, 1415.

[2]) Никакой епископъ рязанскій въ это время на покой удаленъ не былъ. Съ марта 1809 г. еп. рязанскимъ былъ Ѳеофилактъ Русановъ, въ 1817 г. назначенный экзархомъ Грузіи. Его предшественникъ, Амвросій Яковлевъ-Орлинъ, еп. рязанскій съ 1804 г., умеръ въ январѣ 1809 года.

но и говорилъ проповѣди народу въ антиправительственномъ смыслѣ. Въ 1814 г. русскій императоръ особымъ указомъ помиловалъ всѣхъ лицъ, французовъ и русскихъ, навлекшихъ на себя какія-либо подозрѣнія по случаю вторженія Наполеона въ Россію.

Потерявъ всякую надежду на заключеніе мира съ императоромъ Александромъ, Наполеонъ рѣшился начать отступленіе. Съ 3-го октября французскія войска начали выступать изъ Москвы по тульской дорогѣ. Численность французской арміи равнялась въ это время 123,000 человѣкъ [1]). Эта цифра не подлежитъ сомнѣнію: амбарный приставъ, въ теченіе мѣсяца отпускавшій водку всей арміи, въ размѣрѣ по три раціона на человѣка въ день, вычислилъ въ своихъ послѣднихъ вѣдомостяхъ 369,000 раціоновъ. Только гвардейская кавалерія имѣла при отступленіи лошадей въ тѣлѣ; въ другихъ частяхъ кавалерія была уменьшена на половину, особенно же въ корпусѣ Мюрата: его кавалерійская дивизія, состоявшая, по положенію, изъ трехъ полковъ, по 1,000— 1,200 коней въ каждомъ, имѣла передъ выступленіемъ изъ Москвы не болѣе 500 коней [2]).

При отступленіи французской арміи, маршрутъ, по плану Наполеона, шелъ на Тулу и Калугу, эти житницы Россіи. Наполеону и въ голову не могла, конечно, придти мысль объ обратномъ движеніи арміи по той же дорогѣ, по которой происходило наступленіе: онъ хорошо зналъ, что пройденный арміею путь опустошенъ, деревни обезлюдены, города разорены. Что Наполеонъ предполагалъ отступать на Тулу и Калугу, видно изъ договора съ продовольственною компаніею евреевъ, обязавшихся снабжать армію провіантомъ отъ Мо-

---

[1]) 104,000 по *Chambray*, II, 314. О численности войскъ никто болѣе не упоминаетъ. Вильсонъ приводитъ цифры обоза: 2,500 фуръ съ боевыми припасами и 6,000 телѣгъ съ офицерскимъ багажемъ и ранеными (213).

[2]) Toute la cavalerie du Roi de Naples se monte à 8,000 hommes. Изъ записки Беннигсена Кутузову, отъ 3 октября. *Богдановичъ*, III, 76.

сквы до Вильны — въ этомъ договорѣ маршрутъ показанъ на «Тулу и Калугу».

Та часть арміи, въ которой находился Боволье, прибыла 6-го октября къ Боровску. Войска расположились на ночлегъ въ небольшой пригородной деревушкѣ, гдѣ уже нашли много отсталыхъ, врачей, маркитантовъ. Ночью, предъ выступленіемъ, польскіе уланы подожгли нѣсколько избъ. Часа въ 4 утра, два полка казаковъ, привлеченные, вѣроятно, пожаромъ, наскочили на деревню. Всякій стремился спастись бѣгствомъ, но всѣ были взяты въ плѣнъ. Боволье былъ при этомъ раненъ въ лѣвое плечо.

Казаками начальствовалъ князь Кудашевъ, зять кн. Кутузова [1]). Онъ свободно говорилъ по-французски, о многомъ разспрашивалъ генерала Боволье и взялся самъ проводить его къ русскому главнокомандующему, своему тестю. На четвертыя сутки прибыли они въ главную квартиру кн. Кутузова, въ Гончаровѣ [2]), близъ Калуги. Главнокомандующій принялъ плѣнника милостиво, даже ласково. Это былъ старикъ 70 лѣтъ, средняго роста, пріятной наружности, хотя и лишенный лѣваго глаза; его сѣдины, его лицо, изборожденное глубокими морщинами, внушало уваженіе. Битыхъ три часа оставался Боволье въ комнатѣ главнокомандующаго и не разъ имѣлъ случай дивиться его обширнымъ познаніямъ и его чисто французскимъ оборотамъ рѣчи. Услышавъ фамилію генерала Боволье, Кутузовъ призадумался.

— «Не родственникъ ли вы тѣхъ Боволье, которые играли такую выдающуюся роль въ вандейской кампаніи и одинъ изъ которыхъ подписалъ письмо къ ея величеству императрицѣ Екатеринѣ II съ просьбою оказать помощь противъ республиканцевъ?

---

[1]) У кн. М. И. Голенищева-Кутузова Смоленскаго не было сыновей; изъ пяти дочерей четвертая, Екатерина Михаиловна, была замужемъ за кн. Николаемъ Даниловичемъ Кудашевымъ, генералъ-маіоромъ, умершимъ въ окт. 1813 года.

[2]) Le château du chevalier Gandjeroff. *Beauvollier*, 61. Послѣ боя подъ Ярославцемъ, главная квартира была переведена въ Детчино.

— «Письмо это подписано мною, въ качествѣ генералъ-интенданта и президента высшаго совѣта арміи.

— «Это вы и есть! Ну, очень радъ, что вы мой плѣнникъ: вамъ будетъ оказано все уваженіе, котораго вы заслуживаете».

Кутузовъ прибавилъ, что читалъ съ большимъ интересомъ исторію вандейской войны. Онъ много разспрашивалъ генерала Боволье о французской арміи, о Москвѣ, о Наполеонѣ.

— «Какого мнѣнія Наполеонъ обо мнѣ?

— «Онъ васъ опасается и не иначе называетъ, какъ *старой лисой Сѣвера*.

— «Постараюсь доказать, что онъ не ошибается. Онъ долженъ былъ уже замѣтить, что я угадалъ его намѣренія. Онъ хотѣлъ начать переговоры и прислалъ ко мнѣ одного изъ своихъ адъютантовъ, генерала Лористона, которому была уже какъ-то поручена совершенно подобная же миссія. Ну, пока Наполеонъ будетъ присылать такихъ дипломатовъ, мнѣ не трудно будетъ противодѣйствовать его намѣреніямъ».

При этомъ Кутузовъ разсказалъ, что въ первое свое свиданіе съ Лористономъ французскій генералъ сказалъ ему: «Не думайте, однако, что Наполеонъ желаетъ мира съ русскимъ императоромъ вслѣдствіе несчастныхъ событій въ Испаніи или вслѣдствіе заявленнаго англичанами проекта о высадкѣ на западныхъ берегахъ Франціи — вовсе нѣтъ: мы войдемъ въ Мадридъ, когда только захотимъ, и англичане никогда не посмѣютъ высадиться на французскую землю! Въ этомъ случаѣ всѣ французы встанутъ какъ одинъ человѣкъ, и океанъ будетъ могилою англичанъ». Вскорѣ затѣмъ Кутузовъ навелъ разговоръ на дѣла въ Испаніи и на угрозы англичанъ. Лористонъ крайне удивился: «Откуда вы знаете эти подробности?» — «Да отъ васъ же, генералъ; прежде я ихъ не зналъ», отвѣчалъ Кутузовъ.

Тогда же, въ комнату, гдѣ Кутузовъ совѣщался съ Ло-

ристономъ, былъ введенъ генералъ графъ Платовъ, гетманъ казацкій, окруженный солдатами, какъ бы арестованный. Кутузовъ потребовалъ отъ него саблю и сдѣлалъ ему строгій выговоръ, прибавивъ, что, несмотря на свои полномочія главнокомандующаго, онъ не желаетъ предавать его военному суду, а отсылаетъ его къ императору Александру, который и рѣшитъ его судьбу. Эта комедія обманула Лористона: онъ сообщилъ Наполеону, что графъ Платовъ смѣненъ, вслѣдствіе чего казаки остаются безъ вождя, въ полномъ разстройствѣ, между тѣмъ какъ графъ Платовъ, вмѣсто того, чтобъ отправиться въ Петербургъ, сталъ во главѣ 60-ти казачьихъ полковъ и нѣсколько дней спустя атаковалъ уже французскую армію.

Прощаясь съ Боволье, Кутузовъ сказалъ ему: «Вашъ Наполеонъ — чистый разбойникъ: я отправилъ къ нему 40 французовъ, взятыхъ въ плѣнъ на аванпостахъ — онъ отказался принять ихъ! Мнѣ-то что же съ ними дѣлать? Его поведеніе ужасно. Онъ нисколько не заботится о націи, которой всѣмъ обязанъ».

Князь Кутузовъ путешествовалъ въ экипажѣ болѣе чѣмъ скромномъ; онъ не позволялъ себѣ ни малѣйшей роскоши и довольствовался только самымъ необходимымъ. Выросшій среди солдатъ, онъ вѣжливъ, какъ любой придворный; онъ не только доступенъ, но и предупредителенъ. Французскіе плѣнники, офицеры и солдаты, въ восторгѣ отъ того уваженія, съ какимъ онъ относился къ французскому народу.

Въ качествѣ военноплѣннаго, генералъ Боволье жилъ въ Калугѣ, Рязани, гдѣ находился плѣнный отрядъ генерала Ожеро [1]), въ Орлѣ, гдѣ онъ встрѣтился съ храбрымъ гене-

---

[1]) Боволье прибавляетъ: On m'a assuré que le corps du général Augereau, frère du maréchal, avait été sacrifié de dessein prémédité, afin d'occuper les Russes momentanément, et de donner le temps à Napoléon, qui courait les plus grands dangers, d'opérer sa retraite en bon ordre (74). Въ рукописныхъ за-

раломъ Бонами [1]), взятымъ въ плѣнъ еще до вступленія французовъ въ Москву, и вездѣ съ французскими плѣнными обращались очень добродушно, даже ласково. На каждаго плѣннаго, при даровой квартирѣ и отопленіи, отпускалось по 50 коп. на офицера и по 15 коп. на солдата. Тѣ изъ плѣнныхъ, которые знали какое-либо мастерство или обладали какимъ-либо талантомъ, очень цѣнились и зарабатывали хорошія деньги. Нѣкоторые изъ плѣнныхъ жаловались на дурное обращеніе съ ними казаковъ и солдатъ милиціи, которыхъ по-русски называютъ ратниками. Но чего же могли они ожидать отъ народа, доведеннаго до отчаянія, видѣвшаго во французахъ враговъ своей родины, разбойниковъ, разорившихъ ихъ города, уничтожившихъ поля, осквернившихъ храмы? Развѣ французы были великодушны съ русскими плѣнными? Сколько разъ, въ тылу арміи, французы разстрѣливали русскихъ плѣнныхъ, лишь бы освободиться отъ нихъ!

Когда военныя событія, вызванныя злосчастною экспедиціею въ Россію, привели къ реставраціи 19-го марта 1814 г., примирившей всѣхъ съ Франціею, русское правительство выдало отдѣльнымъ офицерамъ и цѣлымъ колоннамъ паспорты до Бѣлостока, гдѣ находился французскій комиссаръ для пріема военноплѣнныхъ. Изъ Бѣлостока генералъ Боволье проѣхалъ на Вильно и Варшаву. Между прочимъ, онъ останавливался въ Гумбиненѣ, гдѣ почтмейстеръ разсказывалъ,

---

пискахъ Ермолова сказано: «Противъ депо рекрутъ былъ посланъ гр. Орловъ-Давыдовъ, туда же собрались съ партіями Фигнеръ, Сеславинъ и Давыдовъ. Командующій частью рекрутъ генералъ Ожеро былъ окруженъ въ селеніи. Въ ожиданіи помощи отъ войскъ, бывшихъ вблизи, онъ защищался. Дѣйствіемъ артиллеріи нашей онъ съ 2.000 человѣкъ положилъ оружіе. Спѣшившій къ нему на помощь генералъ Шаркантье потерялъ большую часть рекрутской своей кавалеріи, которая, погрязшая въ болотахъ, была изрублена. Генерала Дильера, приближавшагося съ пѣхотою, остановилъ Сеславинъ, и онъ пришелъ не прежде какъ уже по сдачѣ Ожеро». Ср. *Ермоловъ*, 127.

[1]) *Ермоловъ*, 83.

какъ онъ везъ Наполеона, когда французскій императоръ бросилъ свою армію и бѣжалъ въ Парижъ.

Наполеонъ пріѣхалъ въ саняхъ, въ сопровожденіи жидка, который служилъ ему проводникомъ и переводчикомъ. Императоръ вышелъ изъ саней и велѣлъ позвать почтмейстера. Его не было дома. Является почтмейстерша и говоритъ, что пошлетъ за мужемъ. Подойдя поближе, она была поражена сходствомъ «проѣзжающаго» съ Наполеономъ, котораго она когда-то видѣла, и стала всматриваться въ него.

— «Вы такъ внимательно смотрите на меня, сударыня,— можно подумать, что вы меня знаете.

— «Да, ваше величество, я имѣю честь говорить съ императоромъ французовъ.

— «Вы не ошибаетесь», сказалъ Наполеонъ и вручилъ ей три свертка по 25 наполеондоровъ.

Когда явился почтмейстеръ, Наполеонъ спросилъ его, во сколько времени можетъ онъ доставить его въ Варшаву. —«Въ сорокъ часовъ».—«Можете вы сопровождать меня?» Почтмейстеръ колеблется.—«Я требую, чтобъ именно вы доставили меня въ Варшаву. За благодарностью дѣло не станетъ». Наполеонъ вынулъ изъ кармана карту и указалъ путь, по которому обязанъ былъ везти его гумбиненскій почтмейстеръ; потомъ императоръ вынулъ изъ кармана пистолетъ и прибавилъ: «Если вы уклонитесь отъ указаннаго пути, я размозжу вамъ голову». Почтмейстеръ увѣрялъ Наполеона въ своей преданности и дѣйствительно доставилъ его въ Варшаву въ 33 часа.

О злосчастномъ отступленіи французской арміи много было писано, но все обнародованное ничто передъ разсказомъ двухъ очевидцевъ, майора 9-го линейнаго полка Тьерсъ-Шита и фельдшера Гине, сына бонскаго негоціанта.

Когда русскіе вновь заняли Вильно, мѣстные жители, опасаясь мщенія, изгоняли французовъ изъ своихъ домовъ. Большая часть раненыхъ и больныхъ французовъ, которые не-

могли ни бѣжать, ни защищаться, была перебита евреями [1]). Нѣсколько французовъ, увѣчныхъ и больныхъ, спасая себя и отъ жителей Вильны, и отъ русскихъ штыковъ, спрятались въ оставленный всѣми домъ на окраинѣ города и тамъ забаррикадировались. Всѣ полагали, что заброшенный домъ стоитъ пустымъ, и не обращали на него вниманія. Дней восемь спустя по прибытіи русскихъ войскъ, русскій генералъ увидѣлъ дымъ, выходившій изъ пустого дома, и приказалъ осмотрѣть его. Въ домѣ нашли до двадцати французовъ, въ лохмотьяхъ, исхудалыхъ, больныхъ, голодныхъ. Они чистосердечно признались, что скрылись отъ преслѣдованія виленскихъ жителей и русскихъ солдатъ. Генералъ спросилъ ихъ, какимъ образомъ они могли существовать восемь дней, не выходя изъ дому. Послѣ долгаго и тяжелаго молчанія, одинъ изъ французовъ отвѣчалъ: «Загляните въ слѣдующую комнату». Дверь была полуоткрыта; генералъ перешагнулъ порогъ и былъ пораженъ ужасомъ, при видѣ нѣсколькихъ труповъ съ вырѣзанными мягкими частями тѣла, которыми живые утоляли мучившій ихъ голодъ...

На этомъ обрываются записки графа Боволье о 12-мъ годѣ.

Записки эти составлены не только современникомъ, не только очевидцемъ, но участникомъ описываемыхъ событій. Боволье разсказываетъ то, что онъ видѣлъ, испыталъ, пережилъ. Разсказъ его, простой и безхитростный, вселяетъ полное къ себѣ довѣріе. Самыми бѣглыми чертами, только для связи разсказа, описываетъ онъ движеніе арміи и военныя операціи, обращая преимущественно вниманіе на тѣ событія и факты, въ которыхъ онъ принималъ непосредственное участіе. Равнымъ образомъ, избѣгаетъ онъ передавать слухи, и

[1]) Марбо рисуетъ нѣсколько иную картину: A peine étions-nous hors de Wilna que les infames juifs, se ruant sur les français qu'ils avaient reçus dans leurs maisons pour leur soutirer le peu d'argent qu'ils avaient les dépouillèrent de leurs vêtements et les jetèrent tout nus par la fenêtre!.. Quelques officiers de l'avant-garde russe qui entraient en ce moment furent tellement indignés de cette atrocité qu'ils firent tuer beaucoup de juifs (III, 221).

если сообщаетъ что-либо съ чужихъ словъ, то всегда заявляетъ объ этомъ, предваривъ, что всѣ такія сообщенія онъ получалъ изъ вѣрныхъ источниковъ [1]). Провѣрка такихъ сообщеній всегда оказывалась въ пользу достовѣрности гр. Боволье. Такъ, само собою разумѣется, гр. Боволье не могъ знать дѣйствительной причины опалы, постигшей гр. Сперанскаго; мы и въ настоящее время не въ состояніи считать этотъ вопросъ окончательно рѣшеннымъ. Тѣмъ не менѣе, упоминаніе о гр. Сперанскомъ, сдѣланное гр. Боволье, вполнѣ подтверждается извѣстнымъ апокрифнымъ письмомъ гр. Ростопчина «и москвитянъ» императору Александру I отъ 5-го апрѣля 1812 года. Конечно, только со словъ другихъ гр. Боволье могъ утверждать, что Наполеонъ называетъ кн. Кутузова старой лисой Сѣвера. Принадлежитъ ли выраженіе le vieux renard du Nord самому Наполеону или оно вложено только въ его уста — все равно, оно очень вѣрно рисуетъ кн. Кутузова, о которомъ еще Суворовъ сказалъ, что «Кутузова и Рибасъ не обманетъ» [2]).

Еще менѣе основаній не довѣрять гр. Боволье въ передачѣ всего имъ видѣннаго. По своимъ политическимъ убѣжденіямъ онъ вовсе не былъ противникомъ Наполеона, и онъ не имѣлъ повода даже неумышленно извращать факты, смотря на нихъ съ предвзятою мыслью; по своему положенію, какъ интендантъ дѣйствующей арміи. онъ могъ и долженъ былъ видѣть и знать именно то, что онъ сообщаетъ. Легче всего, конечно, подлежать въ настоящее время провѣркѣ его сообщенія о численности арміи, о числѣ раненыхъ, о количествѣ запасовъ продовольствія и т. п. — всѣ такія сообщенія оказываются, по провѣркѣ, довольно точными. Иногда гр. Боволье сообщаетъ извѣстія прямо невѣрныя, вслѣдствіе полученнаго имъ невѣрнаго сообщенія, но всегда такая невѣрность не можетъ быть поставлена ему въ вину, какъ то̀ мы

---

[1]) *Beauvollier*, 72. [2]) *Ермоловъ*, 95.

видѣли на закретскомъ балѣ; иногда онъ поневолѣ краток̃ъ, какъ, напримѣръ, въ изображеніи судьбы московскаго Воспитательнаго Дома.

«Зданія Воспитательнаго Дома,—говоритъ Боволье,—расположенныя близъ Кремля, были защищены отъ пожара заботливостью г. Газо̀, начальника обоза главной квартиры. Когда Кремль былъ взорванъ, сотрясеніе было такъ ужасно, что многія зданія Воспитательнаго Дома рухнули. Русскій сенаторъ, директоръ Воспитательнаго Дома [1]), не захотѣлъ покинуть порученный ему постъ, но принялъ всѣ мѣры, чтобы спасти богатые вклады изъ золота, серебра и цѣнныхъ бумагъ, имѣвшіеся въ этомъ полезнѣйшемъ учрежденіи» [2]). При всей краткости, гр. Боволье отдаетъ «коемуждо по дѣломъ его»: упомянувъ о Газо̀, онъ не забылъ и заслугъ Тутолмина. По счастью, записки этого Газо̀ сохранились, обнародованы и заключаютъ въ себѣ слѣдующія любопытныя подробности и о Воспитательномъ Домѣ, и о его случайномъ населеніи того времени:

«Генералъ-интендантъ дѣйствующей арміи поручилъ мнѣ охрану огромныхъ магазиновъ Воспитательнаго Дома. Потребовались неимовѣрныя усилія, чтобы спасти Домъ отъ пожара. Я уничтожилъ всѣ смежные заборы, уединилъ магазины, день и ночь поливалъ стѣны громаднаго зданія, и только этимъ спасъ его. Въ магазинахъ хранился провіантъ на шесть мѣсяцевъ. Этимъ не ограничились, однако, мои заботы о Воспитательномъ Домѣ. Передъ выступленіемъ изъ Москвы, мнѣ было поручено собрать всѣхъ раненыхъ и больныхъ въ Воспитательный Домъ, и вотъ, когда всѣ здоровые спѣшатъ покинуть Москву, я свожу въ Домъ больныхъ и раненыхъ со всѣхъ концовъ Москвы. Наконецъ и маршалъ Мортье, командовавшій арьергардомъ, ушелъ изъ Москвы, и я остался охранять больныхъ и раненыхъ французской арміи въ городѣ, покинутомъ французскою арміею. Взрывъ Кремля, послѣдовав-

[1]) Иванъ Акинфіевичъ Тутолминъ. [2]) *Beauvollier*, 44.

шій въ 2 ч. ночи, былъ ужасенъ. Въ Воспитательномъ Домѣ всѣ окна были выбиты. Какъ только французская армія удалилась изъ Москвы, русскіе стали входить въ столицу и, прежде всего, перебили всѣхъ раненыхъ французовъ, находившихся въ частныхъ домахъ. Такихъ раненыхъ было убито до двухъ тысячъ. Почти столько же находилось въ Воспитательномъ Домѣ. Опасаясь за ихъ участь, я собралъ до 600 выздоравливающихъ и роздалъ имъ оружіе, какое только могъ добыть. Русскіе нападали на насъ три раза, и три раза мы отгоняли ихъ. Наше сопротивленіе заслужило намъ уваженіе даже въ глазахъ врага: генералъ Бенкендорфъ [1]) предложилъ мнѣ положить оружіе, обѣщая щадить госпитальное населеніе. Мы, конечно, согласились на это условіе. Только 30 солдатъ не пожелали сдаться, и едва они вышли изъ Воспитательнаго Дома, какъ были окружены казаками и изрублены на нашихъ глазахъ. Все это происходило 27-го октября. Съ этого дня мы стали военноплѣнными.

«Императрица-мать, узнавъ о нашемъ поведеніи, прислала намъ тысячу франковъ. Иначе отнесся къ намъ московскій генералъ-губернаторъ гр. Ростопчинъ. Ему было сообщено о нашихъ заботахъ относительно французскихъ раненыхъ, о храбрости, съ какою мы ихъ защищали, наконецъ, о средствахъ, употребленныхъ нами для содержанія 2.000 раненыхъ въ теченіе десяти дней, и онъ пожелалъ видѣть меня и моего зятя, находившагося при мнѣ въ качествѣ помощника. Когда мы представились ему, я тотчасъ же замѣтилъ, что онъ не можетъ даже слышать имени французовъ. Онъ спросилъ насъ кое о чемъ и, получивъ отвѣты, закончилъ свиданіе самою неприличною бранью.

«Мы честно исполнили свою обязанность относительно своихъ земляковъ, раненыхъ, больныхъ и слабыхъ—развѣ русскіе, хотя и враги французовъ, могли наказывать насъ за

[1]) Константинъ Христофоровичъ Бенкендорфъ, 1785—1829, вошедшій 11-го октября съ своими гусарами въ Москву.

это? Однако, отданъ былъ приказъ объ удаленіи насъ отъ нашихъ страдальцевъ-соотечественниковъ. Труды, лишенія и усталость подорвали и наше здоровье; мы представляли, просили, умоляли разрѣшить намъ остаться съ ними, но не удостоились даже отвѣта. Тогда мы написали гр. Ростопчину письмо, въ которомъ представили ему печальное положеніе раненыхъ плѣнниковъ: они были перемѣщены изъ Воспитательнаго Дома въ какія-то подземелья, куда не проникалъ даже и свѣтъ и гдѣ они умирали по 30 человѣкъ ежедневно [1]). Мы умоляли графа разрѣшить намъ остаться въ Воспитательномъ Домѣ еще дней восемь, до возстановленія нашего здоровья; мы просили его принять насъ и выслушать, полагая, что только клевета и злословіе вооружили его противъ насъ, просили во имя человѣколюбія. Вотъ отвѣтъ графа Ростопчина, писанный его рукою:

«Графъ Ростопчинъ разрѣшаетъ г. Газо-отцу остаться на время, необходимое для поправленія его здоровья, послѣ чего онъ и его зять должны отправиться въ Вологду. Свиданіе, котораго онъ желаетъ, не приведетъ ни къ чему; ни клевета, ни злословіе не руководятъ графомъ Ростопчинымъ; но нація, презирающая всѣ законы, отвергающая религію и въ теченіе послѣднихъ 20-ти лѣтъ живущая только преступленіями и злодѣяніями, никогда не должна свидѣтельствоваться Всевышнимъ Существомъ, справедливость котораго не признается разбойниками».

Мы заимствовали изъ мемуаровъ Газо все, что̀ они даютъ интереснаго для насъ. Газо, конечно, не Боволье, и даже записочка гр. Ростопчина только дорисовываетъ «московскаго страдальца», не прибавляя ни одной новой черты къ тому, что намъ извѣстно о немъ изъ писемъ А. Я. Булгакова и изъ другихъ источниковъ.

---

[1]) «Воспитательный Домъ цѣлъ. Тамъ околѣваетъ ежедневно человѣкъ по пятидесяти французовъ». Изъ письма А. Я. Булгакова, отъ 25-го октября, въ Русск. Архивѣ, 1866 г., 729.

Краткіе, но правдивые мемуары Боволье и Газо несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что испытанія, обрушившіяся на французскую армію въ Россіи, не могли остаться безъ вліянія на мнѣнія и взгляды французовъ. Не только несчастные остатки «великой арміи», возвратившіеся на родину, но еще болѣе погибель той массы, которая осталась на русскихъ поляхъ, подъ русскимъ снѣгомъ, убитою или замерзшею, краснорѣчиво указывала на внутреннюю ложь той системы, которая была провозглашена Наполеономъ, какъ единственно спасительная для Франціи, какъ необходимо полезная для Европы. Конечно, Наполеонъ могъ сказать послѣ кульмскаго боя:

J'ai vécu, commandé, vaincu quarante années,
Du monde entier j'ai eu les destinées,
Et j'ai toujours connu qu'en chaque événement,
Le destin des États dépend d'un moment;

но своимъ походомъ въ Россію Наполеонъ доказалъ всѣмъ, какъ непригодна та система, по которой «судьба государства зависитъ отъ случая».

Мечомъ достигнувъ власти, Наполеонъ только при помощи меча удерживалъ ее за собою. Онъ не могъ не воевать; миръ былъ для него пагубенъ. Онъ не умѣлъ царствовать, онъ умѣлъ только воевать. Уже перейдя Нѣманъ, на русской землѣ, Наполеонъ говоритъ Балашеву: «Мнѣ сказывали, будто императоръ Александръ принялъ начальство надъ арміей. Къ чему это? Война—мое ремесло, я привыкъ къ нему; императоръ Александръ долженъ царствовать, а не командовать войсками». Это уже рѣчь не «императора французовъ», а главнокомандующаго французскою арміею. Главнокомандующій можетъ терпѣть пораженія, но потеря цѣлой кампаніи необходимо лишаетъ его власти. Наполеонъ испыталъ это на себѣ.

САМАРИНЪ ГАГАРИНУ О ЛЕРМОНТОВѢ.

Самаринъ Гагарину о Лермонтовѣ.

Помѣщаемыя ниже два письма Самарина къ кн. Гагарину посвящены всецѣло воспоминаніямъ о Лермонтовѣ. Этихъ трехъ именъ вполнѣ достаточно, чтобъ заинтересовать русскаго читателя. Лермонтовъ и Самаринъ оказали при жизни извѣстное, хотя и различное, вліяніе на развитіе русскаго общества, и по смерти продолжаютъ своими произведеніями шевелить чувство и будить мысль русскаго человѣка. Общественное просвѣщеніе много обязано имъ своими успѣхами и имена ихъ хорошо знакомы всѣмъ образованнымъ людямъ. Эти имена близки, дороги намъ; хотѣлось бы думать, что многимъ они сродни намъ. Кто изъ насъ не знаетъ наизусть Лермонтова, которымъ восхищались отцы наши и будутъ восхищаться внуки? Кто не читалъ Самарина, съ которымъ можно не соглашаться, но не уважать котораго нельзя? Въ совершенно иномъ свѣтѣ представляется имя князя Гагарина, друга Самарина, Чаадаева, Тютчева. Его и прежде мало кто зналъ въ Россіи, никто не знаетъ теперь; его труды, всецѣло проникнутые любовью къ родинѣ, совершенно неизвѣстны въ Россіи и мало кого интересуютъ за ея предѣлами.

Князь Иванъ Сергѣевичъ Гагаринъ родился въ Москвѣ, и въ Москвѣ же получилъ первоначальное образованіе подъ надзоромъ своей матери, княгини Варвары Михайловны, рожденной Пушкиной. Онъ былъ единственный сынъ князя Сергѣя Ивановича, оберъ-гофмейстера и члена государственнаго совѣта; изъ трехъ дочерей, двѣ умерли малолѣтними, третья вышла замужъ за Бутурлина. Князь Иванъ являлся един-

ственнымъ представителемъ своего рода и на него было обращено исключительное вниманіе родителей. Онъ получилъ прекрасное образованіе, много путешествовалъ, подолгу жилъ за границей, много читалъ, еще болѣе размышлялъ. Ребенкомъ, мать не могла заставить его «играть въ тюильрійскомъ саду съ французскими дѣтьми, шумно веселившимися»; молодымъ человѣкомъ, онъ избѣгалъ шумныхъ развлеченій, не игралъ въ карты, не танцовалъ. Всегда привѣтливый, ко всѣмъ внимательный, онъ рано сталъ вдумчивымъ, не столько сухимъ, сколько серьезнымъ. Красивый, умный, богатый, съ большими связями, онъ вступилъ въ жизнь со всѣми задатками блестящей карьеры. Девятнадцати лѣтъ, въ 1833 году, онъ поступилъ на службу по дипломатической части, какъ причисленный къ русскому посольству въ Мюнхенѣ, гдѣ представителемъ Россіи былъ его дядя, князь Г. И. Гагаринъ, женатый на Е. П. Соймоновой, сестрѣ извѣстной Свѣчиной. Пребываніе въ Мюнхенѣ имѣло для молодого князя Ивана большое образовательное значеніе. Столица Баваріи была въ то время умственнымъ центромъ южной Германіи. Король Людвигъ I, другъ ученыхъ и писателей, покровитель искусствъ и художествъ, открывалъ библіотеки, составлялъ музеи, строилъ храмы, воздвигалъ монументы и, какъ второй Августъ, мечталъ перестроить кирпичный Мюнхенъ въ мраморный. «Король Людвигъ—пишетъ Гагаринъ въ своемъ дневникѣ—сдѣлалъ изъ своей столицы если не новыя Аѳины, то, во всякомъ случаѣ, резиденцію искусствъ. Въ Мюнхенскомъ университетѣ, кромѣ Шеллинга, было много замѣчательныхъ профессоровъ по всѣмъ отраслямъ знаній; въ городскомъ обществѣ встрѣчалось много мыслящихъ, умныхъ людей и любезныхъ, образованныхъ дамъ».

Въ Россіи, въ то время, умственная жизнь теплилась еще только въ Москвѣ. Небольшой числомъ, но сильный мыслями кружокъ даровитыхъ людей былъ раздѣленъ на два лагеря—западниковъ и славянофиловъ. Къ западникамъ принадлежалъ

другъ Гагарина, знаменитый Петръ Ивановичъ Чаадаевъ. «Я зналъ и любилъ Чаадаева, писалъ Гагаринъ. Въ 1833 году, въ Мюнхенѣ, знаменитый Шеллингъ говорилъ мнѣ о немъ, какъ о человѣкѣ наиболѣе замѣчательномъ изъ всѣхъ людей, которыхъ онъ зналъ. Спустя два года, въ Москвѣ, я сошелся съ нимъ и убѣдился, что въ отзывѣ Шеллинга ничего не было преувеличеннаго. Бывая въ Москвѣ, я часто видѣлся съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ и подолгу бесѣдовалъ съ нимъ. Эти сношенія имѣли громадное вліяніе на мою будущность и я исполняю долгъ благодарности, громко заявляя, что я всѣмъ обязанъ этому человѣку». Чаадаевъ былъ оригинальный и глубокій мыслитель. Юношей онъ былъ причастенъ тому общественному движенію, которое закончилось катастрофой 14-го декабря 1825 г., но прямого участія въ ней онъ не принималъ. Подобно другимъ, онъ видѣлъ и сознавалъ бѣдствія Россіи, но причину ихъ полагалъ не въ политическомъ строѣ и рѣшительно отвергалъ всякую мысль о насильственномъ переворотѣ. По взгляду Чаадаева, горе русской земли кроется въ многовѣковомъ ея отчужденіи отъ умственной и моральной жизни Запада. Иначе смотрѣли на вопросъ славянофилы, въ рядахъ которыхъ стоялъ Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ, тоже другъ Гагарина. «Юрій Самаринъ— пишетъ онъ—принадлежитъ къ почтенной семьѣ изъ древняго дворянскаго рода. Онъ потомокъ боярина Льва, великаго князя Галицкаго, эмигрировавшаго въ Москву въ концѣ XIII вѣка. Самаринъ получилъ тщательное образованіе, развившее богатыя дарованія, которыми надѣлила его природа. Его умѣнье говорить, его умъ, проницательный, мягкій и тонкій, та горячность, съ которою онъ защищаетъ свои убѣжденія, вѣрнѣе сказать, страсти, обезпечивали бы за нимъ видное мѣсто въ парламентѣ, еслибъ въ Россіи былъ парламентъ». Славянофилы соглашались съ западниками въ опредѣленіи страданій русскаго человѣка, но искали исцѣленія въ развитіи чисто русскихъ началъ, искаженныхъ, по ихъ сло-

вамъ, западно-европейскимъ вліяніемъ; они искренно были убѣждены, что полное развитіе русскихъ особенностей въ состояніи создать совершенно новую цивилизацію, болѣе пригодную для Россіи, чѣмъ общечеловѣческая.

Самостоятельный умъ кн. Гагарина не поддавался увлеченіямъ ни западниковъ, ни славянофиловъ. Онъ не видалъ совершенства въ западно-европейскомъ строѣ жизни, сознавалъ уродливое развитіе русскаго строя, и готовъ былъ посвятить всѣ свои силы на служеніе родинѣ, горячо имъ любимой. Какъ Чаадаевъ и Самаринъ, онъ признавалъ необходимость, прежде всего, освобожденія крестьянъ, при чемъ дальнѣйшая задача должна быть указана требованіями самого освобожденнаго народа, а не западными теоріями и не русскими вожделѣніями рабовладѣльцевъ. «Тебѣ, отчизна, посвящаю я— восклицаетъ кн. Гагаринъ—мою мысль, мою жизнь. Россія, младшая сестра семьи европейскихъ народовъ, твое будущее прекрасно, велико, оно способно заставить биться благородныя сердца. Ты сильна и могуча извнѣ, враги боятся тебя, друзья надѣются на тебя; но среди твоихъ сестеръ ты еще молода и неопытна. Пора перестать быть малолѣтнею въ семьѣ, пора сравняться съ сестрами, пора быть просвѣщенною, свободною, счастливою. Положеніе спеленатаго ребенка не къ лицу уже тебѣ; твой зрѣлый умъ требуетъ уже серьезнаго дѣла. Ты прожила уже много вѣковъ, но у тебя впереди болѣе длинный путь, и твои вѣрные сыны должны расчистить тебѣ дорогу, устраняя препятствія, которыя могли бы замедлить твой путь».

Въ Мюнхенѣ кн. Гагаринъ подружился съ своимъ сослуживцемъ Ѳедоромъ Николаевичемъ Тютчевымъ. Въ бумагахъ Гагарина сохранился черновой отпускъ его письма къ другу-поэту, настолько любопытнаго въ литературномъ отношеніи, что мы приводимъ его цѣликомъ, въ переводѣ съ французскаго:

«С.-Петербургъ, 12/24 іюня 1836.

«До сихъ поръ, мой дорогой другъ, бесѣдовалъ съ вами только перечитывая тетрадь, вами присланную. Она доставила мнѣ часы блаженства. Кромѣ очарованія встрѣтить въ поэтической оболочкѣ чувства, пережитыя всѣмъ человѣчествомъ, я съ удовольствіемъ встрѣчалъ на каждой страницѣ милыя черты, живо напомнившія мнѣ васъ, вашу душу, которую мы такъ часто и такъ подробно обсуждали.

«Одного мнѣ только недоставало: я не рѣшался еще подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своимъ восторгомъ, опасаясь, что меня ослѣпляетъ чувство дружбы, которое я къ вамъ питаю. Нѣсколько дней тому назадъ, я передалъ князю Вяземскому пять или шесть вашихъ стихотвореній, тщательно переписанныхъ моею рукою; позавчера я захожу къ нему совершенно случайно, уже около полуночи, и застаю, что онъ и Жуковскій читаютъ ваши стихи, и оба находятся подъ сильнымъ впечатлѣніемъ вашего поэтическаго чувства. Я былъ въ восторгѣ; всякое ихъ слово, всякое замѣчаніе, особенно же Жуковскаго, доказывало, что онъ вполнѣ понялъ всѣ оттѣнки, всѣ прелести вашей простой и глубокой мысли.

«Тутъ же было рѣшено, что пять или шесть вашихъ стихотвореній будутъ напечатаны въ ближайшей книжкѣ журнала Пушкина, т.-е. черезъ три или четыре мѣсяца, и что затѣмъ постараются издать всѣ ваши стихотворенія особою книжкою. Вчера я видѣлъ Пушкина—онъ читалъ ваши стихотворенія и отзывается о нихъ съ большою похвалою.

«Очень счастливъ, что могу сообщить вамъ эти пріятныя новости. По мнѣ, ничего не можетъ быть отраднѣе, какъ доставить умственное удовольствіе людямъ талантливымъ и обладающимъ вкусомъ.

«Довѣрьте мнѣ почетную миссію быть вашимъ издателемъ—пришлите мнѣ еще нѣсколько стихотвореній и укажите подходящее заглавіе.

«Ив. Гагаринъ».

Въ томъ же 1836 году, Гагаринъ убѣдился, что печатаніе требуетъ крайней осторожности. Уже много лѣтъ ходила по рукамъ въ Москвѣ рукопись, на французскомъ языкѣ: «Lettres à une dame sur la philosophie de l'histoire». Всѣхъ писемъ было четыре; первое письмо, переведенное на русскій языкъ, было напечатано въ «Телескопѣ» въ 1836 году. Несмотря на разрѣшеніе цензуры, журналъ былъ закрытъ, редакторъ и цензоръ подверглись административной карѣ, а авторъ, Петръ Чаадаевъ, былъ признанъ сумасшедшимъ [1]).

По смерти дяди, князя Г. И. Гагарина, русскаго посланника въ Мюнхенѣ, Гагаринъ былъ переведенъ въ Вѣну, гдѣ пробылъ недолго, и въ 1838 году былъ назначенъ третьимъ секретаремъ въ Парижъ. Ему было въ это время 24 года. По роду и служебному положенію онъ былъ принятъ при дворѣ и двери всѣхъ салоновъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья были ему открыты; по средствамъ, которыми онъ располагалъ, ему были доступны всѣ парижскія увеселенія и соблазны жизни. И что же? Вслѣдъ за переселеніемъ въ Парижъ, замѣтивъ, что обильные завтраки, обѣды и ужины, та «la bonne chère», къ которой онъ чувствовалъ нѣкоторую склонность, вліяютъ на голову, отягощая мозгъ, Гагаринъ постановилъ правиломъ кушать только одинъ разъ въ день и ограничить свой обѣдъ только однимъ блюдомъ—мясомъ съ зеленью. Это самоограниченіе, твердо имъ выполненное и вошедшее въ привычку, не было единственнымъ: и въ своемъ поведеніи, и въ своихъ взглядахъ Гагаринъ твердо и неуклонно слѣдовалъ по своимъ личнымъ усмотрѣніямъ, не обращая вниманія ни на общественные предразсудки, ни на установившіеся обычаи.

---

[1]) Этотъ же Гагаринъ издалъ сочиненія своего друга Петра Чаадаева: Oeuvres choisies de Prierre Tchadaïef. Paris, 1862. Онъ же сохранилъ и чаадаевскую «Apologie d'un fou». Чаадаевъ всегда писалъ по-французски, плохо владѣя русскимъ языкомъ; въ письмѣ его къ Пушкину прямо сказано: «Mon ami, je vous parlerai *la langue de l'Europe*; elle m'est plus familière que la nôtre» (p. 166).

Онъ руководствовался своимъ аналитическимъ умомъ, сильнымъ и вдумчивымъ до самаго тонкаго анализа. Эта способность была имъ выработана постепеннымъ, но постояннымъ наблюденіемъ за ходомъ собственныхъ мыслей. Еще въ 1834 году онъ начинаетъ давать себѣ ежедневно подробный отчетъ о всѣхъ вопросахъ, интересовавшихъ его, ведя точный дневникъ не внѣшнихъ событій, а внутреннихъ впечатлѣній. «Я окончательно рѣшился набрасывать мои мысли на бумагу. Хочу пріучить себя записывать ежедневно ходъ идей, меня занимающихъ, ихъ возникновеніе и развитіе. Уже давно мое умственное развитіе совершается безъ сознанія мною каждаго малѣйшаго его движенія. Это не жизнь, а прозябаніе. Надо замѣнить это пассивное положеніе активною ролью: надо не подчиняться идеямъ и принимать ихъ, необходимо самому размышлять и творить. Но я никогда не научусь размышлять, если не пріобрѣту способности выражать мои идеи. Вотъ почему я начинаю этотъ дневникъ». Это не дневникъ въ обычномъ смыслѣ слова, не случайные наброски мнѣній, имъ слышанныхъ, мыслей, пришедшихъ въ голову—это аналитическій отчетъ внутреннихъ впечатлѣній, живой, ясный, по большей части вѣрный и всегда свидѣтельствующій о глубокомъ умѣ. Возвратясь съ раута въ парижскомъ салонѣ извѣстной г-жи Ранцау, Гагаринъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Я только что слышалъ miss Kemble на вечерѣ, данномъ г-жею Ранцау. Ея чистый и мелодичный голосъ, ея воодушевленное пѣніе, выраженіе ея взгляда произвели на меня большое впечатлѣніе. Ничто такъ не поразило меня, какъ спѣтая ею нѣмецкая арія на слова: Lebewohl, lebewohl, vergiss mein nicht. Только теперь я понялъ, до какой степени выраженіе *Lebewohl* не переводимо ни на одинъ языкъ, и предо мною возстала, какъ воспоминаніе, мечтательная и поэтическая Германія. Всѣ народы особенно заботливо выбирали слова для выраженія торжественной идеи разлуки, отъѣзда, отсутствія; въ этомъ словѣ сказался народный геній каждой

націи. Англійское *farewell* желаетъ вамъ успѣха, добраго пути, попутнаго вѣтра; французское adieu исполнено вѣры, оно поручаетъ васъ небесному покровительству, ставитъ васъ подъ покровъ Всемогущаго; русское *прости* взываетъ къ примиренію, къ миру, опасается оставить за собою какую-либо враждебность, какое-либо чувство неудовольствія. Но изъ всѣхъ этихъ словъ, полныхъ поэзіи и чувства, мнѣ болѣе всего нравится нѣмецкое. Lebewohl значитъ: будьте счастливы, старайтесь быть счастливыми! Мнѣ—всѣ муки разлуки, печаль, безпокойство, заботы; вамъ—счастье. Въ этомъ Lebewohl слышится самопожертвованіе, безкорыстіе, преданность—это крикъ души любящей, разстающейся съ предметомъ любимымъ. Vergiss mein nicht нельзя сказать ни послѣ *adieu*, ни послѣ *прости*, ни послѣ *farewell*; vergiss mein nicht прекрасно дополняетъ только Lebewohl: будь счастливъ! я желаю только, чтобы въ твоемъ счастьѣ ты не забылъ меня».

Наиболѣе интересной, наиболѣе живой и плодотворной стороны дневника мы касаться не будемъ. Она писана не для насъ. Намъ чужды, намъ непонятны страдальческія исканія вѣчной истины, мученическія стремленія къ высокому, неземному идеалу, та духовная страстность, которая дается въ удѣлъ немногимъ, только избраннымъ, и къ которой толпа остается всегда безучастна. Перечитывая подробности душевныхъ волненій, пережитыхъ Гагаринымъ передъ отреченіемъ отъ всѣхъ узъ, связывавшихъ его съ родиною, съ людьми близкими, знакомясь съ торжественнымъ актомъ перехода его въ лоно католической церкви, намъ впору только вспомнить Божественный завѣтъ: *Не судите, да не судимы будете.*

7-го апрѣля 1842 года, въ домовой капеллѣ г-жи Свѣчиной, кн. И. С. Гагаринъ произнесъ свое отреченіе и принятъ былъ о. Равиньякомъ, служившимъ мессу, въ католичество. «Ровно два мѣсяца послѣ моего перехода—писалъ Гагаринъ Самарину—отправился я въ Россію, чтобы тамъ, въ деревнѣ,

въ Данковѣ, обсудить планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Я возвратился въ Парижъ съ твердымъ намѣреніемъ перейти въ орденъ іезуитовъ. 12-го августа 1843 г. я вступилъ въ новиціатъ, чтобы въ теченіе двухъ лѣтъ испытать свое призваніе».

Съ этого момента Гагаринъ умеръ для Россіи, но не переставалъ любить ее и посвящалъ весь свой досугъ на пользу родной земли. Эту пользу онъ мыслилъ искренно, и никто, конечно, не поставитъ въ вину іезуиту его преданность католицизму. Рядъ трудовъ о. Гагарина свидѣтельствуетъ, что его сердце всегда лежало къ Россіи и взоръ стремился на Востокъ. Его важнѣйшій трудъ «La Russie sera-t-elle catholique?» появился въ 1856 году; за нимъ слѣдовали: «Tendances catholiques dans la société russe» (1860), «Situation de toutes les églises de l'Orient» (1865), «Les jesuites de Russie» (1872), «L'église russe et l'immaculée conception» (1876), «L'impératrice Anne et les catholiques en Russie» (1878), «Le salon de la comtesse Golowin» (1879) и мн. др.—все о Россіи и о русскихъ. При личныхъ свиданіяхъ, въ Парижѣ, мы убѣдились въ искренности о. Гагарина, въ его горячей любви къ родинѣ, и съ грустью приняли въ 1883 году вѣсть о его кончинѣ.

Ни одного изъ трехъ лицъ, упомянутыхъ въ нижепомѣщаемыхъ письмахъ, нѣтъ уже въ живыхъ. Оба письма Самарина относятся ко времени до перехода Гагарина въ католичество; въ обоихъ Самаринъ называетъ его *mon cher ami*. Онъ отзывается о своемъ другѣ того времени въ такихъ выраженіяхъ: «Гагаринъ былъ принятъ въ такъ называемый славянофильскій кружокъ съ полнымъ радушіемъ; его общительный характеръ и живость располагали въ его пользу и нравились всѣмъ». Позже «друзья» разошлись окончательно. Перечитывая теперь письма Самарина къ кн. Гагарину о Лермонтовѣ [1]), мы, говоря словами одного изъ нихъ, «какъ бы

[1]) Письма сообщены намъ товарищемъ и другомъ нашимъ о. Павломъ Пирлингомъ.

бродимъ по кладбищу»; но изъ-за этихъ могильныхъ плитъ вѣетъ на насъ свѣжимъ чувствомъ, бодрою мыслью, дѣятельнымъ умомъ. Эти мертвецы жили не даромъ, чувствовали глубоко, любили сильно; они много потрудились для родной земли и намъ завѣщали любовно пахать родную ниву.

Самаринъ Гагарину.

1.

19-го іюля 1840 г.

C'est aujourd'hui le 19 juillet, mon cher ami, j'irai passer la journée de demain à Iassenewo [1]) et pour ce soir je veux me donner le plaisir de causer avec vous. Il y a déjà longtemps que j'avais l'intention de vous écrire; toutes les fois qu'il m'arrive d'éprouver quelque émotion nouvelle, de concevoir vivement une chose qui m'occupe, à la joie de me sentir avancer dans la vie vient se joindre le désir de vous en faire part et d'avoir votre avis.

Peu de temps après votre départ, j'ai vu défiler par Moscou toute la fraction des 16 [2]) qui tient route vers le midi. J'ai beaucoup vu Лермонтовъ pendant tout le temps de son séjour. C'est une nature éminemment artistique, insaisissable et qui échappe à toute influence extérieure grâce à un infatigable esprit d'observation et à un grand fond d'indifférence. Avant qu'on ne l'ait abordé, il vous a compris; rien ne lui échappe; son regard est lourd et fatigant à supporter. Les premiers instans, la présence de cet homme m'était désagréable; je le sentais doué d'une grande force d'investigation qui lisait dans ma pensée, et en même temps je comprenais que cette force ne procédait que d'une simple curiosité, dénuée d'intérêt et à laquelle il est humiliant de se sentir céder. Ce n'est jamais ce que vous lui dites, c'est vous

---

[1]) Подмосковное имѣніе Самариныхъ.—Ясенево.

[2]) La fraction des Seize. Korczak-Branicki, Les nationalités slaves, p. 1.

que cet homme écoute et observe, et après qu'il vous a observé et compris, vous ne cessez pas d'être pour lui quelque chose de purement extérieur, qui n'a droit à rien changer dans son existence. Dans la position où je me trouve, je regrette de ne pas l'avoir vu plus longtemps. Je conçois qu'entre lui et moi des rapports auraient été possibles qui m'auraient aidé à comprendre bien des choses.

G. Samarin.

2.

Moscou, le 3 août 1841.

Je vous écris, cher ami, sous l'impression douloureuse de la nouvelle que je reçois à l'instant. Lermontoff vient d'être tué en duel au Caucase par Мартыновъ. Les détails sont atroces. Il a tiré en l'air, et son adversaire l'a tué presqu'à bout portant [1]. Cette mort à la suite de celle de Пушкинъ, de Грибоѣдовъ et d'autres encore inspire de bien tristes réflexions. C'est la mort de Pouchkine qui a évoqué Lermontoff jusqu'alors inconnu, et Lermontoff dans la plupart de ses oeuvres a été l'écho de Pouchkine, mais dans une génération nouvelle et meilleure.

Il emporte avec lui plus que des espérances. Par son roman, Герой нашего времени, il avait contracté une dette d'expiation que personne ne pourra payer pour lui. A lui seul il appartenait de se justifier. Aussi pour bien du monde la dernière impression qu'il a laissée a été pénible et immorale — son oeuvre était incomplète. Bien peu d'hommes ont compris que son roman signalait une époque de transition, et pour ceux-là la direction que prendrait Lermontoff était une question du plus haut intérêt.

---

[1]) Таковы первые московскіе слухи о подробностяхъ дуэли.

Pour moi individuellemant j'ai senti de suite un grand vide. Je connaissais peu Lermontoff. mais il semblait avoir de l'amitié pour moi. C'était un des hommes que j'aimais à rencontrer en parcourant des yeux le monde qui m'entoure. Il était pour quelque chose dans toutes mes idées, dans mes travaux: son approbation me réjouissait. C'était un intérêt de plus dans ma vie.

A son dernier passage par Moscou je l'ai beaucoup vu. Je n'oublierai jamais notre dernière entrevue, une demi-heure avant son départ. Au moment de me dire adieu il m'a laissé une pièce de vers. son oeuvre dernière.

Tout cela me revient à la mémoire avec une incroyable vérité. Il était assis au même endroit d'où je vous écris. Il me parlait de son avenir. de ses projets littéraires, et au milieu de tout cela il jetait quelques mots sur sa fin prochaine que je prenais pour une plaisanterie habituelle. J'ai été le dernier à Moscou qui lui ai serré la main.

On va publier ses oeuvres posthumes. Nous reverrons son nom là où on aimait à le chercher, nous aurons encore quelques-unes de ces inspirations toujours franches, mais comme ses derniers jets de poésie sont tristes. comme tout ce nouveau fait mal, quand on se rappelle que la source est tarie.

Tout à vous

G. Samarin.

ОПЕКА НАДЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯМИ

А. С. ПУШКИНА.

Русская Старина, 1901.

Опека надъ произведеніями Пушкина.

«Опекунство, учрежденное надъ дѣтьми и имуществомъ А. С. Пушкина», какъ явленіе частное, даже семейное, мало интересовало современниковъ, которые не оставили намъ почти никакихъ о немъ свѣдѣній. Оно имѣетъ, однако, извѣстное для насъ значеніе, такъ какъ «Опекунство надъ дѣтьми и имуществомъ» весьма скоро обратилось въ опеку надъ произведеніями Пушкина. Въ нашемъ архивѣ хранятся два документа, живо обрисовывающіе характеръ этой опеки.

Въ числѣ нѣсколькихъ рукописныхъ матеріаловъ [1]), сообщенныхъ нами Л. Н. Майкову, редактору академическаго изданія сочиненій Пушкина, эти документы были доставлены ему лишь въ мартѣ прошлаго года. Онъ возвратилъ ихъ при слѣдующей краткой запискѣ:

«Съ искреннѣйшею благодарностью возвращаю тебѣ присланные документы; они очень интересны и характерны, и съ твоего разрѣшенія я списалъ ихъ для своего свѣдѣнія. Желалъ бы возвратить ихъ тебѣ лично, но по цѣлымъ недѣлямъ принужденъ сидѣть дома: здоровье очень плохо».

Записка помѣчена 11-мъ марта; черезъ мѣсяцъ Майкова не стало. Съ его смертью не прекратилось, конечно, академическое изданіе сочиненій Пушкина; но выпускомъ 1-го тома Л. Н. Майковъ далъ Академіи Наукъ такой высокій образецъ

[1]) 1) Программа праздника на Ольгиномъ островѣ въ 1836 г., въ которой рукою Жуковскаго отмѣчены авторы куплетовъ; 2) Разсказъ кн. Трубецкаго о Пушкинѣ и Дантесѣ, записанный въ 1887 году; 3) Переписка гр. Строганова съ редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ», и 4) составленное нами изслѣдованіе «Пушкинъ и Наказъ Екатерины II».

для всего изданія, что продолженіе его, вѣроятно, значительно замедлится. Такого глубокаго знатока, точнаго изслѣдователя и вѣрнаго цѣнителя произведеній Пушкина, какимъ былъ Майковъ, не легко замѣстить и для Академіи Наукъ.

Въ «Русской Старинѣ» помѣщено нѣсколько весьма цѣнныхъ матеріаловъ для всесторонняго освѣщенія Пушкина и отношеній къ нему русскаго общества; присоединяемъ къ нимъ и наши документы, заслужившіе вышеприведенное напутствіе Майкова.

1.

ОПЕКУНСТВО,

учрежденное надъ дѣтьми

и имуществомъ

А. С. Пушкина.

31-го декабря 1841 г.

№ 13.

Господину редактору «Отечественныхъ Записокъ».

Опекунство сіе слушало прошеніе с.-петербургскихъ книгопродавцевъ Глазунова, Заикина и Кушинникова отъ 6-го минувшаго ноября, въ коемъ они излагаютъ, что въ вышедшемъ 11-мъ номерѣ «Отечественныхъ Записокъ» на сей годъ, издаваемыхъ вами, напечатано на стр. 25, къ подрыву ихъ изданія посмертныхъ сочиненій А. С. Пушкина, слѣдующее объявленіе: «Стихотворенія Пушкина, не вошедшія почему-либо въ полное собраніе его сочиненій, дѣятельно собираются редакціею «Отечественныхъ Записокъ» и будутъ по возможности всѣ напечатаны въ этомъ журналѣ въ слѣдующемъ году, чтобъ, какъ мы сказали въ 9-й книжкѣ, будущій издатель зналъ гдѣ взять все остальное, принадлежащее Пушкину и вмѣстѣ собранное». Почему книгопродавцы тѣ и просятъ воспретить вамъ печатать сочиненія А. С. Пушкина.

Опекунство сіе, усматривая, что упомянутое объявленіе дѣйствительно напечатано въ 11-й книжкѣ «Отечественныхъ

Записокъ», что вслѣдствіе сего объявленія здѣшніе книгопродавцы Глазуновъ, Заикинъ и Кушинниковъ требуютъ защиты онаго, на томъ основаніи, что пунктомъ V контракта, заключеннаго ими 1-го декабря 1840 года съ Опекунствомъ симъ, предоставлено только имъ однимъ на извѣстныхъ условіяхъ собирать и печатать всѣ посмертныя сочиненія А. С. Пушкина, и что подобное объявленіе, повидимому, клонясь къ униженію достоинства произведеннаго ими нынѣ изданія, можетъ заставить полагать, что Опекунство предприняло новое изданіе, прежде условленнаго съ тѣми книгопродавцами времени, чего оно по силѣ заключеннаго съ ними контракта не могло сдѣлать. Почему Опекунство, принявъ въ уваженіе, что какъ единственное почти достояніе дѣтей покойнаго А. С. Пушкина заключается въ сочиненіяхъ его, что исключительно на Опекунство сіе возложена обязанность заботиться о размѣщеніи прежнихъ и производствѣ новыхъ изданій сочиненій А. С. Пушкина, что литературная собственность положительно охраняется нашими законами, что Опекунство, усердно преслѣдуя предметъ учрежденія своего, запродало упомянутымъ книгопродавцамъ право на собраніе и печатаніе въ теченіе трехъ лѣтъ посмертныхъ сочиненій А. С. Пушкина, что книгопродавцы тѣ имѣютъ право на защиту со стороны Опекунства, что вамъ, какъ издателю «Отечественныхъ Записокъ», никогда и ни подъ какимъ видомъ не предоставлено было Опекунствомъ присвоиваемаго вами себѣ права; напротивъ, что таковое дѣйствіе поставило бы Опекунство въ необходимость преслѣдовать васъ, еслибъ оно не приписало таковаго поступка незнанію. Почему Опекунство положило между прочимъ:

1) Предложить вамъ напечатать въ своемъ журналѣ объяснительное объявленіе, въ которомъ бы вы изложили, что упомянутою выше статьею вы не разумѣли новаго изданія Пушкина.

2) Предоставить вышеупомянутымъ книгопродавцамъ сдѣлать и отъ себя въ публику подобнаго же рода объявленіе,

разумѣя, что оба сіи объявленія, какъ ваше, такъ и книгопродавцевъ, должны быть представлены на предварительное разсмотрѣніе Опеки.

Сообщая вамъ, Милостивый Государь, таковое заключеніе Опекунства, учрежденнаго надъ имуществомъ дѣтей А. С. Пушкина, я приглашаю симъ васъ сдѣлать упомянутое объяснительное объявленіе.

Опекунъ графъ Григорій Строгановъ.

2.

Контора редакціи «Отечеств. Записокъ».

14-го января 1842 г.

Спб.

Въ Опекунство, учрежденное надъ дѣтьми и имуществомъ А. С. Пушкина.

На полученное мною 6-го января 1842 года отношеніе Опекунства отъ 31 декабря 1841 г. за № 45-мъ, симъ честь имѣю отвѣтствовать:

1) Напечатанное мною въ XI-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1841 года объявленіе о намѣреніи помѣстить въ этомъ журналѣ всѣ стихотворенія Пушкина, не вошедшія въ полное собраніе его сочиненій и уже напечатанныя прежде въ другихъ изданіяхъ—не только не могло служить къ подрыву изданія гг. Глазунова, Заикина и Кушинникова, но должно было бы помочь распродажѣ его, ибо симъ пополнилось бы это неполное изданіе, на которое всякій охотнѣе сталъ бы подписываться, зная, гдѣ онъ можетъ списать всѣ недостающія ему пьесы, о которыхъ и помину нѣтъ въ полномъ собраніи.

2) Цензурнымъ Уставомъ дозволяется перепечатывать не болѣе печатнаго листа какого-либо сочиненія какъ при жизни автора, такъ и по смерти его; а какъ въ извѣстныхъ мнѣ напечатанныхъ стихотвореніяхъ А. С. Пушкина, которыя я хотѣлъ собрать въ «Отечественныя Записки», не заключается и полулиста, то на перепечатываніе ихъ я имѣлъ

неотъемлемое право, не спрашивая на то дозволенія Опекунства.

3) Изъ объявленія моего никакъ нельзя было сдѣлать вывода, что будто бы Опекунство предприняло новое изданіе сочиненій Пушкина, потому что въ этомъ объявленіи нѣтъ ни слова о новомъ изданіи, а сказано очень опредѣленно, что пьесы, не вошедшія въ полное собраніе сочиненій Пушкина, будутъ напечатаны именно въ «Отечественныхъ Запискахъ», а не гдѣ-либо особо.

4) Условія, заключеннаго Опекунствомъ съ гг. Глазуновымъ, Заикинымъ и Кушинниковымъ, я не могъ знать, потому что оно не приведено во всеобщую извѣстность. Да еслибъ я и зналъ о немъ, то и тогда объявленіе мое нисколько не противорѣчило бы ему, ибо я никогда не объявлялъ о новомъ изданіи сочиненій Пушкина.

5) Подрывать же изданіе гг. Глазунова, Заикина и Кушинникова я не имѣлъ и не способенъ былъ имѣть ни малѣйшаго намѣренія, и не знаю, на чемъ Опекунство основываетъ право свое подозрѣвать меня въ подобномъ умыслѣ. Цѣль моя была поправить ошибку, неизвѣстно кѣмъ сдѣланную, доставить русской публикѣ дополненіе къ собранію сочиненій Пушкина, съ тѣмъ, чтобъ русскіе читатели не обязаны были перерывать сотни книгъ и журналовъ, отыскивая пропущенныя въ полномъ собраніи пьесы, а имѣли бы ихъ въ одной изъ книжекъ моего журнала, изъ которой легко могли бы списать себѣ. Творенія Пушкина — наша народная слава; каждая строка его драгоцѣнна для русской литературы, и если издатели-книгопродавцы, имѣя въ виду только коммерческую цѣль, не умѣли оцѣнить свое сокровище, то на русскихъ литераторахъ лежитъ обязанность поправить эту ошибку, въ которой могло бы упрекнуть насъ потомство. Благоговѣя передъ драгоцѣнною для всѣхъ насъ памятью Пушкина, я съ самаго выхода послѣднихъ томовъ его сочиненій, пересмотрѣлъ множество журналовъ, газетъ и альма-

наховъ, отыскивая тамъ пьесы, не вошедшія въ полное собраніе и, можетъ быть, вовсе неизвѣстныя издателямъ. Въ этомъ довольно утомительномъ трудѣ имѣлъ я цѣль чисто безкорыстную, чему доказательствомъ можетъ служить слѣдующее обстоятельство: одинъ изъ издателей, г. Кушинниковъ, зная, что я тружусь надъ отыскиваніемъ сочиненій Пушкина, не вошедшихъ въ полное собраніе, пріѣхалъ ко мнѣ въ концѣ ноября (слѣдственно, по выходѣ XI книжки моего журнала) и просилъ, чтобы я подарилъ издателямъ все мною собранное, обѣщаясь за себя и за товарищей своихъ напечатать эти пьесы отдѣльно, въ видѣ прибавленія къ полному собранію, и разослать подписавшимся на полное собраніе сочиненій Пушкина—безденежно. Я тотчасъ же согласился на это предложеніе и обѣщалъ ему, пересмотрѣвъ дотолѣ непересмотрѣнные мною журналы и альманахи, сообщить издателямъ все, что найду, безъ всякаго съ ихъ стороны вознагражденія. Г. Кушинниковъ недавно доставилъ мнѣ значительное количество старыхъ журналовъ и альманаховъ, и теперь я занимаюсь разсмотрѣніемъ ихъ. Какъ скоро найду все, что надо, и удостовѣрюсь, что негдѣ болѣе искать стихотвореній Пушкина, пропущенныхъ въ полномъ собраніи его сочиненій, тотчасъ все это отдамъ издателямъ для напечатанія согласно ихъ обѣщанію. Я буду награжденъ уже тѣмъ, что русская литература будетъ имѣть всего Пушкина въ одномъ дѣйствительно полномъ собраніи его сочиненій. Объ этомъ я и объявилъ уже прежде полученія мною отношенія Опекунства — въ первой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1842 года, вышедшей 1-го января (Критика, стр. 44).

Позволяю себѣ думать, что этотъ отвѣтъ мой достаточно убѣдитъ Опекунство въ чистотѣ и безкорыстіи моихъ намѣреній и избавитъ меня отъ тѣхъ незаслуженныхъ подозрѣній, къ которымъ я во все время своей литературной жизни не подавалъ ни малѣйшаго повода.

Андрей Краевскій.

НАКАНУНѢ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ.

НАКАНУНѢ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ.

Изъ «Записокъ» графа Фицтума фонъ-Экштедта [1]).

Почтовый пароходъ «Preussische Adler» бросилъ якорь въ Кронштадтской гавани 4-го іюня 1852 года. Переходъ изъ Штетина былъ совершенъ вполнѣ благополучно. Въ числѣ пассажировъ было нѣсколько знатныхъ русскихъ дамъ съ ихъ мужьями; во время плаванія мы много бесѣдовали, и эти дамы съ гордостью говорили мнѣ о своемъ великомъ царѣ

---

[1]) Карлъ-Фридрихъ графъ Фицтумъ фонъ-Экштедтъ былъ рожденъ дипломатомъ и съ честью поддерживалъ «дипломатическія традиціи» своего рода. Въ 1845 году, 26 лѣтъ, онъ былъ назначенъ секретаремъ саксонскаго посольства въ Берлинѣ, гдѣ пережилъ польскія смуты и присоединеніе Кракова; въ 1847 году былъ переведенъ въ Вѣну, гдѣ былъ свидѣтелемъ послѣднихъ мѣсяцевъ «царствованія» Меттерниха, знаменитыхъ мартовскихъ, майскихъ и октябрьскихъ дней, восшествія на престолъ Франца-Іосифа и кончины Шварценберга, этого предтечи Бисмарка, но австрійскаго, не прусскаго закала. Въ 1852 году, онъ былъ посланъ въ Петербургъ, гдѣ пробылъ около года, съ іюня 1852 по май 1853 года, вращаясь въ русскомъ обществѣ «наканунѣ Крымской войны». Съ 1853 по 1866 годъ онъ прожилъ въ Лондонѣ, какъ саксонскій посланникъ, слѣдя за Крымской войной и парижскимъ конгрессомъ, за индійской рѣзней и китайской, за созданіемъ Итальянскаго королевства, за польскимъ возстаніемъ, американской междоусобицей и датскою войною. Въ саксонскомъ государственномъ архивѣ хранятся цѣлые томы его официальныхъ депешъ, отчетовъ и реляцій, на французскомъ языкѣ, еще не обнародованныхъ. Какъ опытный дипломатъ старой школы, Фицтумъ фонъ-Экштедтъ нерѣдко сопровождалъ свои бумаги конфиденціальными сообщеніями, иногда частнаго характера, которыя должны были служить дополненіемъ и поясненіемъ официальныхъ актовъ. Въ этихъ приватныхъ сообщеніяхъ онъ передавалъ всѣ слухи и свѣдѣнія, имѣвшія недипломатическій характеръ и доходившія до него такими путями, которыя не признавалось удобнымъ раскрывать въ служебныхъ депешахъ. Сохранилась также масса его

и съ увлеченіемъ отзывались о «святой Руси». Чрезвычайно характерно было впечатлѣніе, произведенное на моихъ спутниковъ крѣпостными укрѣпленіями Кронштадта: веселость, царствовавшая на палубѣ, сразу исчезла: вмѣсто радости, естественно охватывающей всякаго при возвращеніи на родину, глубокая печаль подернула лица русскихъ. Казалось, узники возвращаются въ свою темницу послѣ недолгаго пребыванія на свободѣ! Позже я узналъ, что заграничные паспорты были тогда знаками особой милости; даже наиболѣе богатые и знатные съ трудомъ получали право на выѣздъ за границу.

Я поспѣшилъ въ Петербургъ, гдѣ долженъ былъ, въ теченіе года, завѣдывать дѣлами королевско-саксонскаго посольства въ качествѣ повѣреннаго.

писемъ къ матери и роднымъ, безхитростныхъ, полныхъ жизненной правды. Въ тѣхъ случаяхъ, когда переписка съ родными почему-либо прекращалась, Фицтумъ фонъ-Экштедтъ велъ свои «Записки», гдѣ въ связномъ разсказѣ излагалъ результаты своихъ наблюденій, какъ, напримѣръ, за все время своего пребыванія въ Россіи. Какъ въ конфиденціальныхъ сообщеніяхъ, такъ въ частныхъ письмахъ и запискахъ нѣтъ и быть не могло никакихъ государственныхъ тайнъ и политическихъ проектовъ; въ нихъ говорится о фактахъ и событіяхъ общеизвѣстныхъ. Интересъ изданныхъ недавно документовъ саксонскаго дипломата заключается въ живомъ представленіи общества и въ ясной характеристикѣ дѣятелей того времени—императоровъ Николая I и Наполеона III, короля Виктора Эммануила и принца Альберта, Меттерниха и Нессельроде, Гарибальди и Кавура, Валевскаго, Персиньи, Пальмерстона и другихъ, съ которыми служебное положеніе сталкивало Фицтума фонъ-Экштедта. Онъ записалъ много устныхъ изреченій, чрезвычайно характерныхъ, и сохранилъ много фактовъ, иногда даже довольно мелкихъ, но оживляющихъ общую картину мнѣній и взглядовъ, привычекъ и нравовъ того общества, которое непосредственно предшествовало современному.

Предлагаемый очеркъ «Наканунѣ Крымской войны», заимствованный изъ «St.-Petersburg und London in den Jahren 1852—1864 aus den Denkwürdigkeiten des sächsischen Gesandten Carl Friedrich Graf Vitzthum von Eckstädt», 2 Bde, Stuttgart, 1886»,—представляетъ любопытную иллюстрацію къ первымъ главамъ замѣчательной «Etude diplomatique sur la guerre de Crimée, par un ancien diplomate», 2 vls, St.-Pétersbourg, 1878, напечатанной на русскомъ языкѣ въ «Вѣстникѣ Европы» 1886 года, февр.—окт., подъ заглавіемъ: «Россія и Европа въ эпоху Крымской войны», I—XV гл., барона А. Г. Жомини.

Видъ Петербурга, при входѣ въ величественную Неву, когда горитъ облитый солнечными лучами золотой куполъ Исакіевскаго собора, поразителенъ. Но это первое впечатлѣніе скоро проходитъ: послѣ Парижа или Лондона, Петербургъ кажется уѣзднымъ городомъ, несмотря на свои огромныя площади и безконечныя, широкія улицы—площади эти пустынны, улицы безлюдны.

Немедленно по прибытіи въ Петербургъ я передалъ мои вѣрительныя грамоты замѣстителю графа Нессельроде, жившаго въ это время, какъ и императоръ, за городомъ, и сдѣлалъ необходимые визиты членамъ дипломатическаго корпуса и русскимъ сановникамъ, бывшимъ въ городѣ.

Въ день же пріѣзда въ Петербургъ, я познакомился съ тою личностью, которой суждено было заставить вскорѣ всю Европу говорить о себѣ. Это былъ морской министръ, генералъ-адъютантъ, князь Меншиковъ, статный старикъ, суровой военной выправки, чрезвычайно вѣжливый, на устахъ котораго играла саркастическая улыбка, всегда сопровождавшая его извѣстныя остроты. Князь принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ лицамъ, которыя обладали полнымъ довѣріемъ императора Николая и могли все говорить ему. Конечно, при этомъ требовалась крайняя осторожность—горькая истина могла быть предложена императору не иначе, какъ въ пилюлѣ, подслащенной шуткою. Никто лучше князя Меншикова не обладалъ этимъ искусствомъ.

Взяточничество было настолько распространено въ высшихъ сферахъ управленія, что становится совершенно понятнымъ полное довѣріе императора Николая къ тѣмъ немногимъ личностямъ, руки которыхъ оставались чистыми. Къ такимъ личностямъ принадлежали, прежде всего, Меншиковъ и Орловъ.

Въ то время Петербургъ не былъ еще соединенъ съ Европою ни желѣзною дорогою, ни электрическимъ телеграфомъ. Дипломатическій корпусъ былъ совершенно отрѣзанъ отъ сно-

шеній съ Западною Европою и былъ предоставленъ въ этомъ отношеніи собственнымъ средствамъ. Изъ всѣхъ представителей иностранныхъ дворовъ, прусскій посланникъ генералъ-лейтенантъ фонъ-Роховъ считался самымъ вліятельнымъ и обладавшимъ наиболѣе вѣрными свѣдѣніями. Онъ былъ въ Петербургѣ persona gratissima. Словоохотливый, добродушный Роховъ, не обладавшій большимъ государственнымъ умомъ, принадлежалъ къ старой дипломатической школѣ и до того приноровился къ идеямъ императора, что Николай охотно бесѣдовалъ съ нимъ и оказывалъ ему большее довѣріе, чѣмъ своимъ министрамъ. Нерѣдко случалось, что императоръ сообщалъ прусскому посланнику свои чрезвычайно важныя политическія рѣшенія, о которыхъ графъ Нессельроде не имѣлъ даже понятія, и Роховъ же испрашивалъ у императора Николая разрѣшеніе извѣстить объ этихъ рѣшеніяхъ русскаго государственнаго канцлера! Подобное веденіе дѣлъ. поистинѣ удивительное, вполнѣ характеризуетъ то положеніе, въ которомъ находился министръ иностранныхъ дѣлъ. Довѣренное лицо императора Александра I, другъ Меттерниха, подписавшій вѣнскіе трактаты 1815 года, государственный человѣкъ, котораго вся Европа признавала душою русской политики, графъ Нессельроде былъ въ глазахъ императора Николая не болѣе, какъ чиновникъ, пользовавшійся его довѣріемъ лишь настолько, насколько это было необходимо для канцелярскаго веденія дѣлъ. Равнымъ образомъ, и русское общество, несмотря на изысканныя манеры и высокое служебное положеніе графа Нессельроде, не могло забыть, что онъ былъ сынъ иностранца и не принадлежалъ къ православной церкви. Графъ Нессельроде родился на англійскомъ военномъ кораблѣ. былъ крещенъ по обряду англиканской церкви и никогда даже не думалъ мѣнять свое исповѣданіе; онъ всегда ходилъ молиться въ капеллу англійскаго посольства. Подчиненные любили его; въ служебныхъ дѣлахъ онъ былъ строгъ, но снисходителенъ, и обращалъ особенное вниманіе на ясную, но элегантную ре-

дакцію бумагъ. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что всѣ канцеляріи завидуютъ его главному редактору, Лабенскому. Онъ самъ очень охотно занимался составленіемъ бумагъ и тратилъ много времени на тщательную обработку своихъ депешъ.

За обработкой слога депешъ онъ не забывалъ, однако, своихъ оранжерей на островахъ, особенно, когда цвѣли камеліи. Цвѣты и музыка были его страстью. Къ женщинамъ онъ сохранилъ склонность до глубокой старости. Однажды, именно когда цвѣли камеліи, графъ Нессельроде, маленькій, съ большими очками на носу, садился уже въ сани, чтобъ ѣхать на острова, когда прискакалъ фельдъегерь съ депешами. Нессельроде взялъ съ собою депеши, приказалъ прислать къ нему Лабенскаго и уѣхалъ. Когда Лабенскій вошелъ въ оранжерею, канцлеръ пробѣжалъ уже депешу, извѣщавшую о февральской революціи въ Парижѣ. Графъ стоялъ передъ только-что распустившимися ярко-красными камеліями и сказалъ Лабенскому, намекая на цвѣтъ: «Такъ теперь и въ Парижѣ—тамъ провозглашена республика».

Нессельроде говаривалъ, что онъ вполнѣ владѣетъ своими мозгами и можетъ, по особенному желанію, открывать и закрывать ихъ, когда ему вздумается. И дѣйствительно, онъ обладалъ способностью сосредоточивать свои умственныя силы на одномъ вопросѣ, забывая всѣ остальные. Эта способность сосредоточиваться помогала ему овладѣвать массою большихъ и мелкихъ дѣлъ, подлежавшихъ его вѣдѣнію. Геніальнымъ его едва ли можно признать. Онъ не создалъ ни одной идеи, но онъ обладалъ способностью освѣщать чужія мысли, ясно ихъ формулировать и осуществлять. Меттернихъ превосходилъ его здравымъ смысломъ, какъ Талейранъ Меттерниха; но въ этой именно способности сосредоточиваться, какъ равнымъ образомъ въ его упорномъ, неутомимомъ трудолюбіи, скрывался секретъ его многолѣтняго, при трехъ императорахъ продолжавшагося нахожденія у власти. Онъ умѣлъ примѣниться и ко всевозможнымъ обстоятельствамъ,

и къ желаніямъ государей. Этимъ именно и объясняются тѣ противорѣчія, которыя встрѣчаются кое-гдѣ въ его бумагахъ. При Александрѣ I онъ былъ не тѣмъ, что при Николаѣ I, и сталъ опять инымъ при Александрѣ II. Глубокое знаніе дѣла помогло ему удержаться на своемъ посту при всѣхъ этихъ противорѣчіяхъ. Вполнѣ преданный миру и человѣкъ по природѣ справедливый, онъ едва ли пользовался особеннымъ вліяніемъ, по крайней мѣрѣ, не при Николаѣ, котораго онъ боялся.

Только при такомъ министрѣ иностранныхъ дѣлъ и было мыслимо то положеніе, которое занималъ при русскомъ дворѣ Роховъ, прусскій посланникъ. Онъ былъ обязанъ этимъ преимущественно императрицѣ, дочери прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III.

Еще симпатичнѣе былъ царю только-что назначенный австрійскимъ посланникомъ, бывшій флигель-адъютантъ Франца-Іосифа, графъ Менсдорфъ-Пульи, фельдмаршалъ. Императоръ Николай познакомился съ нимъ еще въ Вѣнѣ, гдѣ Менсдорфъ тогда же плѣнилъ Николая откровеннымъ признаніемъ, что онъ охотнѣе согласился бы командовать кавалерійской бригадой въ какой-нибудь глухой мѣстности Венгріи, чѣмъ разыгрывать роль посла въ Петербургѣ, такъ какъ онъ ничего не смыслитъ въ политикѣ. По матери, сестрѣ герцога кобургскаго, короля Леопольда и герцогини кентской, онъ былъ сродни всѣмъ европейскимъ дворамъ; въ Петербургѣ же на него смотрѣли почти какъ на члена императорской фамиліи, такъ какъ онъ приходился двоюроднымъ братомъ великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ, урожденной принцессѣ саксенъ-альтенбургской. Ему смотрѣли всѣ въ глаза, и общество соревновало съ дворомъ въ предупредительномъ вниманіи къ любимцу императора. У женщинъ, которыя влюблялись въ него какъ бы по командѣ, съ нимъ соперничалъ только теноръ Маріо, который тогда не потерялъ еще своего голоса и очаровывалъ русскихъ дамъ. Безъ всякаго усилія, не прибѣгая къ мелкимъ уловкамъ старой дипломатической школы,

однимъ важнымъ спокойствіемъ своей прямой и честной натуры, графъ Менсдорфъ былъ для Австріи гораздо полезнѣе любого состарѣвшагося въ дипломатической интригѣ дѣльца.

Самымъ значительнымъ изъ всѣхъ представителей иностранныхъ дворовъ былъ, безъ сомнѣнія, сэръ Гамильтонъ Сеймуръ, англійскій посланникъ. Опытный дипломатъ, образованный политикъ, умный государственный человѣкъ, Сеймуръ явился въ Петербургъ уже въ сопровожденіи громкой извѣстности за свои подвиги во Флоренціи, Брюсселѣ и Лиссабонѣ, гдѣ онъ съ честью занималъ постъ представителя Великобританіи. Вся Европа знала уже, какъ во Франціи онъ выручилъ изъ бѣды принца Людовика-Наполеона, будущаго французскаго императора, какъ въ Лиссабонѣ поддержалъ тронъ королевы Маріи, расшатанный возстаніемъ. Сэръ Гамильтонъ вовсе не былъ уже новичкомъ, когда, въ началѣ 1853 года, императоръ Николай вздумалъ поразить его тѣми откровеніями, которыя позже возбудили всю англійскую націю и двинули ея флотъ къ Севастополю. Усердный и дѣятельный, притомъ всегда спокойный и серьезный, Сеймуръ все же не могъ играть вліятельной роли при такомъ государѣ, какъ императоръ Николай.

Французскій посланникъ, генералъ Кастельбажакъ, женатый на дочери герцога Ла-Рошфуко, принадлежалъ къ разряду дипломатовъ-воиновъ, отличающихся своею безтактностью. Вскорѣ по прибытіи въ Петербургъ, на первомъ же парадѣ, онъ навсегда уронилъ себя неумѣстнымъ любопытствомъ относительно Михайловскаго зáмка. Онъ принялъ за чистую монету пресловутое «l'empire c'est la paix» и постоянно увѣрялъ Николая въ немыслимости англо-французскаго союза. Послѣ Синопской побѣды онъ явился во дворецъ съ чистосердечными поздравленіями, вовсе и не подозрѣвая, что эта побѣда неминуемо вела къ разрыву съ западными державами. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что въ то время постъ французскаго посланника былъ особенно тяжелъ. Въ этомъ я убѣдился изъ интимнаго разговора съ генераломъ Роховымъ, который разъяснилъ мнѣ положеніе дѣла.

Генералъ Роховъ началъ съ того, что далъ полную волю своему гнѣву противъ недавно умершаго князя Феликса Шварценберга. Что прусскій посланникъ не любилъ австрійскаго министра-президента, это было понятно; но меня поразило. что онъ питалъ такую ненависть даже къ умершему уже. Я спросилъ о причинѣ.

— Боже мой!—вскричалъ Роховъ—я понимаю, что этотъ Шварценбергъ завидовалъ нашему положенію въ Германіи и дѣлалъ всевозможное, чтобъ принизить Пруссію. De mortuis nil nisi bene. Но что же это былъ за человѣкъ! Мы можемъ только благодарить небо, что оно избавило насъ отъ такой личности. Что касается меня, я готовъ все ему простить, кромѣ одного: какъ онъ, князь Шварценбергъ и первый министръ австрійскаго императора, могъ настолько забыть всѣ традиціи австрійскаго двора и своего собственнаго дома, чтобъ принять сторону этого страстбургскаго проходимца, этого булонскаго авантюриста, и отречься отъ принципа легитимизма.

— Позвольте, генералъ, вы зашли слишкомъ ужъ далеко и, кажется, ваши свѣдѣнія невѣрны.

— Мои свѣдѣнія не вѣрны! Но ради самого же Бога — я вѣдь читалъ его письмо, въ которомъ этотъ несчастный, не задолго до своей смерти, излагалъ графу Нессельроде свое политическое исповѣданіе, и, замѣтьте, это не была какая-нибудь офиціальная депеша, которую разрываемый на части министръ могъ подписать, не читая, — нѣтъ, это было собственноручное частное письмо, единственное, которое Нессельроде получилъ отъ него.

Тогда-то я понялъ, въ чемъ дѣло, хотя все-таки не одобрялъ желчи моего собесѣдника.

Въ этомъ собственноручномъ секретномъ частномъ письмѣ, писанномъ, вѣроятно, въ мартѣ 1852 года, князь Шварценбергъ высказываетъ, прежде всего, свое убѣжденіе, что «ранѣе конца этого года» Людовикъ-Наполеонъ станетъ импера-

торомъ. Необходимо, поэтому, заранѣе условиться, какое положеніе должны занять три сѣверныя державы: Россія, Пруссія и Австрія, относительно новаго французскаго императора. Затѣмъ князь Шварценбергъ пишетъ почти буквально слѣдующее:

«Договоры рѣшительно возбраняютъ какому-либо Бонапарту занимать престолъ Франціи. Въ силу этихъ договоровъ, Австрія, Россія и Пруссія имѣютъ право отказать новому императору въ признаніи и объявить войну Франціи. Если такова воля императора Николая и короля прусскаго, то Австрія, всегда вѣрно соблюдающая договоры, выставитъ 300.000 армію и предоставитъ ее въ распоряженіе своихъ союзниковъ. Если же русскій кабинетъ затруднится признать принятіе Людовикомъ-Наполеономъ императорской короны за casus belli, то было бы желательно избѣжать повторенія той ошибки, которая была сдѣлана въ 1830 году недружелюбнымъ признаніемъ Людовика-Филиппа. Отъ третьей реставраціи Бурбоновъ едва ли можно ожидать прочнаго возстановленія легитимнаго королевскаго трона. Конечно, при помощи иностранныхъ штыковъ не трудно ввести въ Парижъ Генриха V, но, судя по бывшимъ уже примѣрамъ, трудно думать, чтобы онъ удержался тамъ. Во всякомъ случаѣ, наслѣдникъ Наполеона I имѣетъ больше шансовъ, чѣмъ наслѣдникъ Людовика Святого, на возстановленіе монархіи въ этой взволнованной странѣ. Если Людовикъ-Наполеонъ желаетъ этого, то онъ въ собственныхъ же интересахъ будетъ принужденъ, подобно своему дядѣ, крѣпко натянуть бразды правленія и объявить войну революціи. Въ этомъ отношеніи интересы сѣверныхъ державъ будутъ тожественны съ его интересами. Если, вслѣдствіе этого, онъ будетъ признанъ императоромъ подъ условіемъ sine qua non, что онъ вполнѣ подчиняется договорамъ 1815 года и что всякое завоевательное стремленіе будетъ принято державами за объявленіе войны, то такое признаніе должно быть сдѣлано въ предупредительной

формѣ, если желаютъ разсчитывать на чистосердечное съ его стороны содѣйствіе въ борьбѣ съ разрушительною партіею».

Въ настоящее время всякій непредубѣжденный человѣкъ признаетъ вполнѣ правильнымъ взглядъ, выраженный въ письмѣ Шварценберга. Еслибъ въ Петербургѣ послѣдовали совѣту Шварценберга, Крымской войны, быть можетъ, можно было бы избѣжать. Бисмаркъ, смѣнившій Рохова въ Петербургѣ въ качествѣ прусскаго посланника, не раздѣлялъ въ этомъ случаѣ негодованія своего предмѣстника: идеи, выраженныя въ «собственноручной запискѣ объ отношеніи Пруссіи й Франціи», составленной Бисмаркомъ 2-го іюня 1857 года, вполнѣ согласуются съ основными взглядами письма Шварценберга. Какъ бы то ни было, но чистосердечное негодованіе Рохова было настолько характерно для антибонапартскаго настроенія, господствовавшаго при петербургскомъ дворѣ, что я позволю себѣ привести замѣчанія прусскаго посланника.

«Слава Богу, хотя и не безъ труда, но мнѣ удалось внушить императору Николаю правильную точку зрѣнія на дѣло. Маленькій Нессельроде совершенно позабылъ, что онъ самъ одинъ изъ подписавшихъ договоры 1815 года, заразился превратными идеями Шварценберга и уже склонилъ было и императора. Для меня было бы почти невозможно разубѣдить Николая, еслибъ въ Вѣнѣ не появился настоящій государственный умъ. Графъ Буоль, бывши въ Петербургѣ, не понравился императору Николаю и, вопреки всѣмъ моимъ усиліямъ, съ нимъ обходились дурно. Но все же Буоль—истинно государственный человѣкъ, что̀ онъ и доказалъ. При вступленіи въ должность онъ возстановилъ значеніе легитимизма и предложилъ: хотя и признать Наполеона императоромъ, но отказать ему въ титулѣ «брата», обычномъ между коронованными особами. Этотъ выходъ покажетъ выскочкѣ, что ни императоры Австріи и Россіи, ни мой всемилостивѣйшій государь не считаютъ его равнымъ себѣ».

Послѣдующія событія не оправдали предсказаній Рохова на-

счетъ государственныхъ способностей графа Буоля. Извѣстна также и судьба заранѣе прославленнаго «выхода», изобрѣтеннаго Буолемъ. Австрійскій императоръ и прусскій король во-время одумались и не отказали Наполеону-императору въ обычномъ титулѣ брата. Къ сожалѣнію, въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ позабыли своевременно сообщить русскому кабинету о происшедшей перемѣнѣ во взглядахъ, и императоръ Николай, какъ было условлено, хотя и призналъ Наполеона императоромъ, но привѣтствовалъ его не братомъ, а другомъ — Mon grand ami — подобно тому, какъ президента Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Вызванное предложеніемъ Буоля раздраженіе французскаго повелителя обрушилось, вслѣдствіе этого, исключительно на Россію и не могло остаться безъ послѣдствій.

На рождественскомъ парадѣ 1852 года, на которомъ присутствовали Менсдорфъ и Роховъ, императоръ Николай далъ полную волю своему гнѣву: въ присутствіи русскихъ генераловъ онъ осыпалъ упреками обоихъ пословъ, австрійскаго и прусскаго; онъ говорилъ, что въ вопросѣ о признаніи французскаго императора оба союзника измѣнили ему. Эта сцена, чрезвычайно тяжелая для всѣхъ присутствовавшихъ, была особенно чувствительна для Рохова—онъ именно возставалъ противъ разумныхъ соображеній Шварценберга и чрезмѣрно восхвалялъ нелѣпое предложеніе Буоля.

Этотъ интимный разговоръ съ прусскимъ посланникомъ о предметахъ, бывшихъ для меня въ то время совершенно неизвѣстными, раскрылъ мнѣ глаза на многое. Мнѣ стала совершенно ясна ничтожность вліянія министровъ, руководящихъ государственными дѣлами: въ вопросѣ, затрогивавшемъ существеннѣйшіе интересы Россіи, графъ Нессельроде, на сторонѣ котораго была логика, справедливость и польза Россіи, долженъ былъ уступить нашептываніямъ чужестраннаго посланника! Роковое вліяніе Рохова было тѣмъ болѣе удивительно, что, по всѣмъ внѣшнимъ признакамъ, импера-

торъ Николай I достигъ въ то время верха своего могущества и думалъ, что вся Европа лежитъ у его ногъ.

Когда уже я ознакомился болѣе или менѣе со всѣми «дѣйствующими лицами» драмы, началась и самая драма, началась съ возвращенія царя въ его опустѣлую столицу.

Императоръ съ императрицею поселились въ Петергофѣ, куда вскорѣ прибыло много гостей, получившихъ приглашеніе присутствовать на красносельскихъ маневрахъ. Принцъ Альбертъ саксонскій и принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ прусскій были приглашены лично императоромъ Николаемъ. Оба молодые принца были старшими сыновьями наслѣдниковъ престоловъ Саксоніи и Пруссіи и впервые являлись къ русскому двору. Явились также и выдающіяся личности австрійской и прусской арміи, и вскорѣ Петергофъ и его окрестности наполнились массою блестящихъ военныхъ мундировъ. Самъ императоръ встрѣтилъ молодыхъ принцевъ въ Кронштадтѣ, принялъ ихъ на свою яхту и перевезъ, прежде всего, въ Зимній дворецъ. Нѣсколько дней спустя, принцъ Альбертъ переселился въ Петергофъ; по заведенному порядку и мнѣ было отведено помѣщеніе въ петергофскомъ дворцѣ на все время пребыванія тамъ его королевскаго высочества. Моимъ сосѣдомъ по комнатѣ былъ старый Роховъ, что представляло мнѣ много удобныхъ случаевъ къ взаимному обмѣну мыслей, взглядовъ и наблюденій.

Императоръ Николай принялъ меня въ воскресенье, 8 (20) іюля, послѣ обѣда. Это было противно этикету — приватныя аудіенціи давались только посламъ и посланникамъ. Вслѣдствіе пребыванія здѣсь принца Альберта было сдѣлано исключеніе, которому я обязанъ интереснѣйшими минутами моей жизни. Церемоніймейстеръ провелъ меня до самаго кабинета и остановился въ нерѣшительности въ дверяхъ, не зная, долженъ ли онъ присутствовать при этой необыкновенной аудіенціи. Не говоря ни слова, императоръ отвѣчалъ на этотъ нѣмой [illegible]ъ однимъ энергическимъ указаніемъ пальца на дверь.

Мы остались одни, и я въ первый разъ очутился глазъ на глазъ съ могущественнѣйшимъ государемъ въ мірѣ. Греческія черты лица и богатырская наружность Николая I были еще юношески крѣпки, несмотря на его 56 лѣтъ. Фидіасъ изваялъ бы по этой модели Зевса или какого-нибудь бога войны. Онъ былъ въ двубортномъ сюртукѣ гвардейскаго полка. Внѣшній видъ его имѣлъ что-то рыцарское, внушительное, и я теперь понялъ, что этотъ колоссъ, стоявшій предо мною, могъ однимъ мановеніемъ руки подавить революціонное движеніе, вызванное появленіемъ холеры. Мнѣ вспомнился этотъ моментъ, когда я взглянулъ въ глаза императора. Эти глаза показались мнѣ какими-то нетвердыми; въ нервномъ подергиваньи угловъ рта было что-то непріятное, болѣзненное.

Съ подкупающею любезностью заговорилъ императоръ о принцѣ Альбертѣ и высказалъ свое удовольствіе по поводу его посѣщенія Россіи, причемъ императоръ, казалось, совершенно забылъ, что предъ нимъ тотъ юный дипломатъ, котораго онъ никогда еще не видѣлъ и о которомъ онъ едва ли могъ что слышать. Съ полною довѣрчивостью, какъ будто онъ разговаривалъ съ какимъ-нибудь старымъ знакомымъ, разсказывалъ онъ мнѣ свое путешествіе, только-что оконченное. Онъ былъ въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Вѣнѣ, посѣтилъ императрицу Марію-Анну въ Прагѣ, не минулъ Веймара и Дармштадта, обнялъ свою дочь въ Штутгартѣ. Всюду, въ немного дней, его орлиный взглядъ все увидѣлъ, и онъ непринужденно сообщалъ свои наблюденія во время этой инспекторской поѣздки. Хуже всего отзывался онъ о Берлинѣ; онъ просто горячился, жалуясь на слабость прусскаго короля. Когда я попытался было умѣрить этотъ гнѣвный тонъ довольно банальнымъ замѣчаніемъ, что у прусскаго короля, все-таки, добрыя намѣренія и много любезныхъ качествъ, царь разразился слѣдующей тирадой: «Тѣмъ хуже для его любезныхъ качествъ! Что же касается его добрыхъ намѣреній, то

я вамъ говорю, что онъ самъ никогда не знаетъ, чего онъ хочетъ. Это не король; онъ только роняетъ наше ремесло. Знайте же—тутъ Николай топнулъ ногою—земля подъ моими ногами такъ же минирована, какъ и подъ вашими. Мы всѣ солидарны между собою. У насъ всѣхъ одинъ общій врагъ—революція. Если будутъ продолжать такъ нѣжничать съ нею, какъ въ Берлинѣ, опасность скоро станетъ общею. Здѣсь я ничего не боюсь. Пока я живъ, никто не шевельнется. Я, вѣдь, солдатъ; мой же берлинскій братецъ никогда солдатомъ и не былъ. Какъ вы меня видите—Николай сталъ говорить увѣреннымъ тономъ и со всѣмъ очарованіемъ своего благозвучнаго голоса—какъ вы меня видите, я уже тридцать восьмой годъ на службѣ: я вступилъ въ дѣйствующую армію въ 1813 году. Да, я солдатъ въ душѣ: военная служба—мое ремесло. Другое ремесло, возложенное на меня Провидѣніемъ—эти слова были произнесены имъ очень тихо, почти шопотомъ — я исполняю по необходимости: его нужно же исполнять и нѣтъ никого, кто могъ бы замѣстить меня. Но это не мое ремесло».

Было что-то трагическое въ этомъ признаніи. Чувствовалось, какъ тяжелы лежащія на немъ правительственныя заботы, которыя онъ несъ одинъ уже двадцать семь лѣтъ! Его прекрасные глаза помутились; его взглядъ сталъ непокойнымъ. Раскланявшись съ благосклоннѣйшимъ изъ императоровъ, я вышелъ изъ его кабинета, залитаго лучами солнца, но все же мрачнаго, непривѣтливаго.

Передъ этою аудіенціею я былъ представленъ императрицѣ въ столовой, гдѣ она завтракала, сидя между обоими принцами и будучи окружена доброю сотнею иностранныхъ и русскихъ генераловъ. По окончаніи завтрака, императрица подошла прямо ко мнѣ. Красота ея давно уже увяла, но въ страдальческихъ чертахъ лица замѣтны еще слѣды сходства съ ея прелестною матерью, королевою Луизою. Ея нервы, о которыхъ я такъ много слышалъ во время краткаго моего

пребыванія въ Петербургѣ, были сильно потрясены. Ея худощавая фигура въ свѣтлой одеждѣ невольно напоминала призракъ бѣлой женщины, прогуливавшейся по берлинскому замку. Особенно тяжелое впечатлѣніе производили непроизвольныя наклоненія головы, ежесекундно повторявшіяся.

Первыя же слова, которыми удостоила меня императрица, легко могли поставить меня въ затруднительное положеніе среди многочисленнаго и чуждаго мнѣ общества. «Почему король прислалъ къ намъ только повѣреннаго въ дѣлахъ?»— былъ первый вопросъ, обращенный ко мнѣ императрицею, бывшею тогда, очевидно, не въ духѣ. Я взглянулъ спокойно въ глаза императрицы и отвѣчалъ ей также спокойно: «Могу увѣрить ваше величество, что я гораздо охотнѣе явился бы въ качествѣ посла». Императрица разсмѣялась и стала разговаривать со мною самымъ любезнымъ образомъ.

Пребываніе въ Петергофѣ было весьма пріятно и очень поучительно, такъ какъ я находился, такъ сказать, въ средоточіи дѣлъ и новостей. Среди прибывшихъ австрійскихъ и прусскихъ офицеровъ я встрѣтилъ много старыхъ знакомыхъ, графа Клама, фельдмаршала Гесса и др., которые сообщали новости изъ Вѣны, возбудившія во мнѣ какъ бы тоску по родномъ городѣ.

Изъ всѣхъ праздниковъ, устроенныхъ въ честь принцевъ, особенно выдѣлялся балъ, данный великою княгинею Маріею Николаевною, герцогинею лейхтенбергскою, на ея дачѣ, близъ Петергофа. Она была тогда въ цвѣтѣ лѣтъ и чрезвычайно красива; она наслѣдовала отъ отца греческій профиль и считалась любимѣйшею его дочерью. Она была очень остроумна и жива. Скорѣе маленькаго роста, чѣмъ большого, но стройная и хорошо сложенная, она носила чрезвычайно короткія платья, рисуясь, какъ говорили злые языки, своею маленькою ножкой. Герцогъ лейхтенбергскій, ея супругъ, былъ въ то время очень боленъ; но долженъ былъ, однако, оставить постель для встрѣчи императора. Николай I пріѣхалъ на балъ

нѣсколько позднѣе, чѣмъ его ожидали. Онъ подошелъ ко мнѣ и, указывая на принца Альберта, танцовавшаго съ великою княгинею, сказалъ: «Судьбы Божіи неисповѣдимы. Посмотрите на вашего юнаго принца! Я понимаю толкъ въ людяхъ. Повѣрьте мнѣ: онъ способенъ управлять самою обширною страною въ мірѣ».

Геройскій предводитель саксонцевъ въ сраженіи при Сен-Привà, побѣдитель при Бомонѣ, принцъ, по отзыву Мольтке, заявившій себя въ войну 1870—1871 годовъ истымъ полководцемъ, оправдалъ приговоръ императора Николая.

Замѣчателенъ былъ также большой разводъ, которымъ закончились маневры. Императоръ самъ командовалъ войсками, дефилировавшими передъ императрицей. Прохожденіе церемоніальнымъ маршемъ продолжалось нѣсколько часовъ, такъ какъ было собрано приблизительно—я ихъ не считалъ—до 100.000 солдатъ. Императоръ, съ саблею наголо, находился на небольшомъ холмѣ, съ котораго могъ обозрѣвать все поле, занятое войсками. Меня, вмѣстѣ съ нѣсколькими дамами, помѣстили какъ разъ сзади императора, напротивъ коляски императрицы. Такимъ образомъ, я отлично видѣлъ это величественное военное зрѣлище. Я замѣтилъ, между прочимъ, что всѣ верховыя лошади, которыхъ императоръ смѣнилъ нѣсколько, были если не особенно велики, то очень крѣпкія и отлично дрессированныя—ни одна изъ нихъ даже ухомъ не повела и не переступила съ ноги на ногу. Но ни одно изъ этихъ благородныхъ животныхъ не выдерживало болѣе одного часа тяжесть своего всадника: послѣ часа начиналось дрожаніе во всѣхъ членахъ и императору тотчасъ же подводили свѣжаго коня.

Въ первый же день маневровъ принцъ Альбертъ привлекъ къ себѣ симпатіи царя тѣмъ, что зналъ русскія наименованія всѣхъ полковъ. Когда его величество предоставилъ принцу выбрать полкъ, котораго принцъ жаловался шефомъ, онъ предпочелъ простыхъ егерей блестящимъ гусарамъ, что также

очень понравилось императору. Въ этомъ выборѣ Николай узналъ, какъ самъ говорилъ мнѣ, «истаго солдата».

Вскорѣ по окончаніи маневровъ умерли два лица, близкія императорскому дому. Послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни скончался престарѣлый князь Петръ Волконскій, одинъ изъ наиболѣе близкихъ къ императорскому двору сановниковъ. Онъ заживо разлагался, но до послѣдней минуты сохранялъ свое вліяніе на императорскую фамилію. Императоръ, императрица, великіе князья и великія княгини ежедневно навѣщали его.

Императоръ приказалъ похоронить князя Волконскаго съ возможно большею торжественностью. Дипломатическій корпусъ и высшіе чины имперіи должны были присутствовать при погребеніи. Посреди церкви былъ поставленъ катафалкъ съ открытымъ гробомъ; вокругъ—тысячи восковыхъ свѣчей. Катафалкъ былъ такъ высокъ, что съ трудомъ можно было разсмотрѣть черты лица покойника. Духовенство въ полномъ облаченіи служило заупокойную литургію и потомъ панихиду. Когда пришло время заколачивать гробъ, императоръ поднялся по ступенькамъ катафалка, поцѣловалъ трупъ и долго стоялъ, колѣнопреклоненный, передъ гробомъ. Затѣмъ, онъ всталъ и движеніемъ руки приказалъ двѣнадцати унтеръ-офицерамъ того полка, шефомъ котораго состоялъ князь Волконскій, нести гробъ до могилы. Когда процессія была уже готова двинуться, его величество отстранилъ одного изъ державшихъ гробъ, самъ взялся за ручку гроба и понесъ тѣло своего вѣрнаго слуги.

По окончаніи маневровъ, принцы предприняли поѣздку въ Москву; ихъ сопровождали австрійскіе и прусскіе генералы, тоже гости императора. Графъ Менсдорфъ схватилъ въ это время лихорадку и не могъ сопутствовать имъ; императоръ заботился о больномъ, какъ любящій отецъ, и нѣсколько разъ навѣщалъ его. Въ половинѣ сентября, Менсдорфъ отправился въ Чугуевъ, чтобы, вмѣстѣ съ императоромъ, присутствовать

на большихъ кавалерійскихъ ученіяхъ. Онъ воспользовался этою поѣздкою, чтобъ повидать Москву, и предложилъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Я съ удовольствіемъ принялъ предложеніе. Мы сѣли въ приготовленный для Менсдорфа императорскій салонъ-вагонъ и черезъ двадцать четыре часа были въ Москвѣ. Самое путешествіе не представляетъ ничего привлекательнаго, такъ какъ желѣзная дорога не касается ни одного города. Только разъ во время пути видѣли мы издали колокольни Твери. Станціи вновь отстроены, содержатся очень чисто и снабжены изысканными буфетами, хотя и стоятъ въ пустыряхъ. На каждой станціи были всевозможные прохладительные напитки и, прежде всего, столь любимое русскими шампанское. Мы такъ уютно размѣстились въ императорскомъ вагонѣ, что неохотно выходили на станціяхъ. Изъ любопытства только мы осмотрѣли одну станцію—это все равно, что видѣть всѣ ихъ, такъ какъ всѣ онѣ построены на одинъ образецъ.

За нѣсколько станцій до Москвы, къ намъ въ вагонъ явился русскій генералъ, князь Абамелекъ. Онъ былъ назначенъ состоять при графѣ Менсдорфѣ на все время пребыванія его въ Москвѣ. Для Менсдорфа и его адъютанта было приготовлено помѣщеніе въ Кремлѣ. Я остановился въ гостиницѣ, ближайшей ко дворцу, и былъ не мало удивленъ, получивъ, нѣсколько минутъ спустя, приглашеніе къ императорскому столу— вниманіе, которымъ я былъ обязанъ гофмаршалу барону Боде. Князь Абамелекъ оказался весьма опытнымъ проводникомъ. Повсюду были приготовлены придворные экипажи, и мы могли въ три дня осмотрѣть всѣ достопримѣчательности Москвы, на что̀ обыкновеннымъ путешественникамъ потребовалось бы тридцать дней.

Во всѣхъ учрежденіяхъ насъ встрѣчали чиновники, а въ знаменитомъ Воспитательномъ Домѣ—одномъ изъ величественнѣйшихъ благотворительныхъ учрежденій во всемъ мірѣ—были выставлены ряды кормилицъ въ ихъ праздничныхъ ко-

стюмахъ. Каждый рядъ отличался особымъ цвѣтомъ кокошника; платье соотвѣтствовало цвѣту головного убора. На рукахъ у этихъ зеленыхъ, голубыхъ и красныхъ кормилицъ были спеленутые младенцы, и насъ увѣряли, будто онѣ кормятъ ихъ по командѣ.

Кремль самъ по себѣ не просто зȧмокъ, но цѣлый укрѣпленный городъ. Всѣ кремлевскія палаты реставрированы послѣ пожара 1812 года, но не въ прежнемъ, а нѣсколько въ азіатскомъ вкусѣ. Неизмѣненною осталась только большая сводчатая палата, въ которой происходили въ старину смотрины боярскихъ дочерей при выборѣ невѣсты для царя. Царь появлялся при этомъ на верхней галлереѣ, а юныя дѣвицы, въ сопровожденіи своихъ матерей или ближайшихъ родственницъ, должны были раздѣваться и выказывать всѣ ихъ прелести — варварская церемонія, свидѣтельствующая, что Москва была въ то время глухою Азіею. Вообще, пожаръ 1812 года вовсе не снялъ съ Москвы ея азіатскаго отпечатка. Москва представляется особенно величественною по множеству домовъ, число и просторность которыхъ не соотвѣтствуетъ, однако, населенію. Сотни золотыхъ куполовъ и множество садовъ придаютъ Москвѣ поразительный видъ, если смотрѣть со Смоленской дороги.

Баронъ Боде, женатый на внучкѣ графини Юліи Строгановой, пригласилъ насъ обѣдать въ свой домъ. Гостепріимный хозяинъ оказался человѣкомъ крайне благочестивымъ. Онъ показалъ намъ свою образную: небольшая комната вся увѣшена иконами византійскаго письма; передъ каждымъ образомъ — одна или нѣсколько восковыхъ свѣчей; посреди комнаты, въ дорогомъ гробу, мощи фамильнаго святого. Проходя по образной, Боде все крестился и не отходилъ отъ мощей, не сдѣлавъ земного поклона.

Князь Абамелекъ возилъ насъ къ послѣднему русскому бояриу, восьмидесятилѣтнему богачу, князю Сергѣю Михайловичу Голицыну. Онъ жилъ близъ Москвы, въ великолѣп-

номъ замкѣ, окруженный почти придворнымъ штатомъ. Онъ былъ старѣйшій сановникъ имперіи: ходила молва, будто еще Екатерина II надѣла на него орденъ св. Андрея Первозваннаго. Онъ былъ украшенъ всѣми знаками отличія, даже двойнымъ портретомъ, миніатюрами императора и императрицы, богато осыпанными бриллiантами. Бывая въ Москвѣ, императоръ Николай всегда навѣщалъ и стараго князя. Голицынъ, въ своемъ свѣтломъ парикѣ и со вставными зубами, производилъ впечатлѣніе какого-то автомата или восковой фигуры. Это былъ гостепріимный, добрый старикъ, воскресавшій, какъ только заходила рѣчь о добромъ старомъ времени. Онъ знаетъ Дрезденъ; въ послѣдній разъ онъ былъ въ Дрезденѣ въ началѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, и что̀ затѣмъ сталось съ Германіей, ему рѣшительно неизвѣстно. Онъ спрашивалъ меня о курфирстѣ саксонскомъ, освѣдомлялся о саксонскомъ министрѣ, котораго даже имя было мнѣ неизвѣстно. Онъ не имѣетъ понятія о битвахъ при Іенѣ и Лейпцигѣ; но о московскомъ пожарѣ онъ говорилъ такъ живо, какъ будто это было вчера. Кутузовъ и Ростопчинъ были его друзьями юности. Его племянникъ показывалъ намъ хозяйственныя постройки. Мы осматривали, между прочимъ, коровникъ съ великолѣпными экземплярами — чистокровными йоркширками, вывезенными на особомъ кораблѣ, спеціально для того зафрахтованномъ. Проводникъ, однако, увѣрялъ насъ, что наслѣдники князя не будутъ уже въ состояніи позволить себѣ такую роскошь: бутылка молока отъ этихъ коровъ стоитъ князю дороже бутылки шампанскаго! Показывали намъ и великолѣпныхъ лошадей, особенно знаменитыхъ рысаковъ изъ орловскаго завода. Словомъ, мы видѣли образцовое хозяйство, поставленное на широкую ногу. Но грязь немощеныхъ улицъ живо напоминала Россію. Съ княземъ Сергѣемъ Михайловичемъ умеръ послѣдній русскій бояринъ.

Менсдорфъ отправился на югъ, въ сопровожденіи императорскаго фельдегеря; я возвратился въ Петербургъ. Въ

городѣ было полное затишье; столица была почти пуста; но на окрестныхъ дачахъ, особенно же на островахъ, жизнь была въ полномъ разгарѣ. По вечерамъ всѣ съѣзжались на «Стрѣлку», на крайній западный мысокъ Елагина острова, съ видомъ на море. Это была смѣсь экипажей всѣхъ родовъ, какъ бы застывшій Корсо. Кавалеры вставали съ своихъ дрожекъ и, переходя отъ кареты къ коляскѣ, любезничали то съ княгиней, то съ артисткой. Здѣсь представлялся удобный случай для дамъ выставить свои парижскіе туалеты, для мужчинъ — завязать знакомства. Кромѣ обычной болтовни, здѣсь можно было услышать и всѣ новости, такъ какъ многіе дипломаты ежедневно являлись на Стрѣлку.

Меня поразила здѣсь, и позже, когда начался сезонъ, поражала еще болѣе та свобода, съ которою обсуждались и критиковались всѣ мѣропріятія правительства. Маркизу Позѣ не приходилось бы уже проповѣдывать здѣсь о свободѣ мысли, потому что не только мысли, но и слова были довольно свободны; конечно, на языкѣ, не въ печати.

Первымъ домомъ на островахъ былъ домъ великой княгини Елены, вдовы великаго князя Михаила Павловича, младшаго брата императора. Она была виртембергская принцесса, отлично образованная и весьма остроумная, покровительница наукъ и искусствъ. Рубинштейнъ, напримѣръ, обязанъ ей своимъ музыкальнымъ образованіемъ и своею славою. Она была такъ мила, такъ проста, что я позволилъ себѣ однажды сказать ей: «Какъ жаль, ваше высочество, что вы великая княгиня! Какъ пріятно было бы поболтать иногда съ вами, еслибъ къ вамъ можно было подходить безъ всякаго этикета». Она засмѣялась и отвѣчала, что въ жизнь свою не обращала ни малѣйшаго вниманія на этикетъ. Потерявъ всѣхъ дочерей, она была счастлива, что могла удержать при себѣ младшую, Екатерину Михаиловну, которая была замужемъ за принцемъ Георгомъ мекленбургъ-стрѣлицкимъ и проводила зиму всегда въ Петербургѣ. Я зналъ ея супруга еще въ Берлинѣ и былъ милостиво принятъ въ ихъ домѣ.

Наступила зима. Я разумѣю, зима бѣлая, продолжающаяся въ Петербургѣ отъ восьми до девяти мѣсяцевъ; на зиму зеленую, именуемую тамъ лѣтомъ — весны и осени въ Петербургѣ не бываетъ — приходится только три или четыре мѣсяца. Съ зимою наступили и бури.

Графъ Нессельроде тоже возвратился въ Петербургъ. Съ нимъ жила его дочь, госпожа Зембахъ, которая исполняла роль хозяйки въ домѣ своего отца-вдовца.

Довольно пустыя препирательства между греческимъ и католическимъ духовенствомъ въ Іерусалимѣ, раздуваемыя французскимъ посланникомъ Лавалеттомъ, обострились до серьезной вражды, и вскорѣ пресловутый восточный вопросъ былъ поставленъ на очередь. Императоръ Николай, который, по словамъ Нессельроде, вовсе не былъ дипломатомъ, почувствовалъ теперь потребность вновь заговорить о «больномъ человѣкѣ». Онъ пригласилъ къ себѣ сэра Гамильтона Сеймура и имѣлъ съ нимъ извѣстный разговоръ, почти буквально переданный англійскимъ посланникомъ своему правительству [1]).

Лордъ Эбердинъ, бывшій въ 1844 году, когда императоръ Николай посѣтилъ Лондонъ, государственнымъ секретаремъ по внѣшнимъ дѣламъ, стоялъ теперь — къ большой радости царя — во главѣ сильнаго коалиціоннаго министерства, въ качествѣ перваго министра Великобританіи. Старый шотландецъ, посѣдѣлый въ государственныхъ дѣлахъ, лордъ Эбердинъ, какъ и бо́льшая часть приверженцевъ сэра Роберта Пиля, питалъ извѣстную склонность къ греческой церкви, въ которой они думали открыть слѣды древнехристіанской, апостольской общины. Императоръ Николай сумѣлъ подкрѣпить въ 1844 году эту религіозную склонность и воспользоваться ею, чтобы подготовить соглашеніе съ Англіею по вос-

[1]) Correspondence respecting the rights and privileges of the Latin and Greek Churches in Turkey. London, 1854. Part. V, p. 873—908: «Communications respecting Turkey made to Her Majesty's Government by the Emperor o Russia, with the answers returned to them. Ianuary-april, 1853».

точному вопросу. Ни о чемъ положительномъ не было, конечно, условлено; но былъ сдѣланъ обмѣнъ мыслей по поводу извѣстныхъ случайностей, вслѣдствіе чего у императора, въ нѣкоторыхъ случаяхъ крайняго оптимиста, явилось убѣжденіе, что, пока лордъ Эбердинъ стоитъ у кормила правленія, Россія можетъ безусловно разсчитывать на Англію. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Николай полагалъ, что теперь именно пришло время заключить формальное условіе. Но, прежде чѣмъ приступить къ этому, императоръ хотѣлъ узнать, согласится ли Англія и на какихъ именно условіяхъ на изгнаніе турокъ изъ Европы и на раздѣлъ Османскаго царства. Его и безъ того уже роковая раздражительность вполнѣ сказывалась въ издѣвательствахъ надъ «больнымъ человѣкомъ», а между тѣмъ сэръ Гамильтонъ, вмѣсто того, чтобы стараться успокоивать, еще болѣе обострялъ эту раздражительность. По мнѣнію князя Меттерниха, задача Сеймура должна была быть совершенно иною.

Привожу со словъ самого сэра Гамильтона слѣдующій разговоръ, который онъ имѣлъ съ княземъ Меттернихомъ уже послѣ смерти императора Николая, даже послѣ Парижскаго мира, когда Сеймуръ былъ англійскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ:

«Знаете ли вы, почтеннѣйшій сэръ Гамильтонъ,—сказалъ князь Меттернихъ,—что вы родились въ рубашкѣ? Я съ крайнимъ любопытствомъ прочелъ вашу «Secret and Confidential Correspondence», хотя и не одобряю обнародованія ея, при чемъ вынесъ убѣжденіе, что вы удивительно счастливы».

Сеймуръ никакъ не могъ понять, при чемъ тутъ его счастье. Князь Меттернихъ такъ пояснилъ свою мысль:

«Подумайте: вы разговаривали съ императоромъ Николаемъ съ глазу на глазъ,—ну, что еслибъ Николай отрекся отъ своихъ словъ? Что тогда? Да, въ этомъ ваше счастье: вѣдь отрекись только императоръ, вся Европа повѣрила бы, конечно, ему, а не вамъ».

Гамильтонъ призналъ, что замѣчаніе престарѣлаго канцлера справедливо, а князь Меттернихъ продолжалъ:

«Я хотѣлъ этимъ сказать только, что было чрезвычайно опасно и вовсе не входило въ вашу задачу доводить императора до такого признанія. Не съ вами уже первыми завелъ онъ рѣчь о «больномъ человѣкѣ». Боже мой, этотъ кошмаръ мучилъ его уже много лѣтъ. Вы обязаны были не допускать его до разговора о «больномъ человѣкѣ» или, по крайней мѣрѣ, стараться прекратить этотъ разговоръ. Знаете ли вы, что я сдѣлалъ, когда Николай заговорилъ со мною о «больномъ человѣкѣ»? Это было въ Мюнхенгрецѣ, во время обѣда. Я сидѣлъ напротивъ императора. Наклонясь ко мнѣ черезъ столъ, царь сказалъ: «Князь Меттернихъ, что думаете вы о Турціи? Вѣдь, это больной человѣкъ, правда?» Я сперва не дослышалъ вопроса и прикинулся глухимъ, когда онъ повторилъ вопросъ. Наконецъ, когда онъ въ третій разъ обратился ко мнѣ съ тѣмъ же вопросомъ, я уже долженъ былъ отвѣчать ему и отвѣтилъ слѣдующимъ вопросомъ: «Ваше величество, ставите мнѣ этотъ вопросъ какъ врачу или какъ наслѣднику?» Императоръ Николай съ тѣхъ поръ никогда уже не заговаривалъ со мною о «больномъ человѣкѣ».

Если бы Сеймуръ обладалъ государственнымъ тактомъ князя Меттерниха и не раздражалъ бы императора Николая бесѣдою о «больномъ человѣкѣ», не было бы, быть можетъ, нелѣпой Крымской войны.

Крайне рѣзкія выраженія императора Николая о Турціи, употребленныя имъ въ разговорѣ съ Сеймуромъ, объясняются самимъ ходомъ событій въ 1849 и 1850 годахъ. То князь Паскевичъ присылаетъ ему извѣстіе: «Венгрія у ногъ вашего величества», то Австрія и Пруссія подчиняются въ Ольмюцѣ его приговору. Удивляться ли, что императоръ Николай третировалъ обоихъ государей какъ своихъ вассаловъ? Въ разговорѣ съ Сеймуромъ, онъ прямо заявилъ, что въ Австріи онъ вполнѣ увѣренъ; о Пруссіи же не удостоилъ даже упомянуть — само собою разумѣлось, что въ Берлинѣ будутъ поступать по приказу изъ Петербурга! Са-

моувѣренность императора Николая была такъ велика, что онъ совершенно забылъ и о «Monsieur Son Grand Ami», и о Франціи, порабощенной, по его мнѣнію, революціонной язвой. Не онъ одинъ былъ такого мнѣнія. Общественное мнѣніе, насколько о немъ можетъ быть рѣчь въ Россіи, тоже было убѣждено, что вся Европа гибнетъ отъ этой революціонной язвы, и что какъ государи, такъ и народы готовы просить, какъ милости, чтобъ бѣлый царь принялъ ихъ жизнь и имущество подъ защиту своей мощной десницы. Понятно, послѣ этого, что зимою 1852—1853 года императоръ Николай совершенно серьезно полагалъ, что стоитъ ему только войти въ соглашеніе съ Англіею, гдѣ первымъ министромъ его старый другъ лордъ Эбердинъ, чтобы распорядиться судьбою Оттоманской Порты по своему произволу. Я думаю, что императоръ Николай не имѣлъ въ виду завоеванія Константинополя; онъ, вѣроятно, хотѣлъ только опутать Порту всяческими договорами, чтобъ такимъ образомъ подчинить ее своей власти. Увидѣвъ, что Англія не поддается на такую приманку, какъ предлагаемый ей Египетъ, Николай старался возбудить въ Австріи серьезную вражду къ Турціи.

Въ Вѣнѣ были въ это время недовольны султаномъ, давшимъ убѣжище поляку Бему, Кошуту и другимъ венгерскимъ эмигрантамъ. Войска были стянуты; австрійскій флотъ занялъ угрожающее положеніе, хотя и довольно для него опасное, въ виду превосходства флота турецкаго. Пограничные споры турокъ съ черногорцами представили австрійскому кабинету приличный предлогъ для посылки въ Константинополь графа Лейнингена, о миссіи котораго никто не зналъ ничего вѣрнаго. Графъ Лейнингенъ прибылъ въ Константинополь, предъявилъ какія-то требованія, велъ переговоры съ диваномъ при участіи интернунція,—безуспѣшные, какъ казалось,—и, наконецъ, предъявилъ Портѣ ультиматумъ, съ угрозою, что не только онъ, но и интернунцій потребуетъ свои паспорты, если Порта не образумится въ теченіе двадцати четырехъ часовъ.

Былъ поводъ думать, что султанъ не образумится. Озеровъ, русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Константинополѣ, вынесъ такое впечатлѣніе, что разрывъ дипломатическихъ сношеній между Австріею и Портою неизбѣженъ. Въ этомъ смыслѣ была составлена имъ депеша и отправлена съ курьеромъ въ Петербургъ. Какъ обыкновенно, курьеръ привезъ депешу не въ министерство иностранныхъ дѣлъ, а прямо въ Зимній дворецъ. Императоръ распечаталъ конвертъ, прочелъ депешу и послалъ за графомъ Нессельроде. Прибывшій канцлеръ нашелъ императора въ радостномъ настроеніи.

— Ну, — сказалъ ему Николай, — получено. Что я вамъ всегда говорилъ! Съ этими турками каши не сваришь. Они отвергли справедливыя требованія австрійскаго императора: Лейнингенъ выѣхалъ изъ Константинополя, интернунцій потребовалъ свои паспорты. Наступила давно жданная нами пора дѣйствовать. Вотъ, прочтите сами.

Съ обычнымъ спокойствіемъ и напряженнымъ вниманіемъ принялся Нессельроде читать депешу Озерова.

— Ну,—вскричалъ нетерпѣливо императоръ,—прочли?

– Какъ будетъ угодно вашему величеству, но вы не изволили прочесть приписку.

— Какую еще приписку?

— Такъ точно, ваше величество. Нашъ повѣренный въ дѣлахъ сообщаетъ въ ней: «Когда запечатывалъ уже конвертъ, мнѣ принесли извѣстіе, что въ послѣднюю минуту Порта согласилась на всѣ требованія Австріи. Интернунцій остается въ Константинополѣ, графъ Лейнингенъ уѣзжаетъ, успѣшно выполнивъ свою миссію».

Нѣсколько дней спустя, мнѣ привелось быть свидѣтелемъ, какое впечатлѣніе произвело на императора Николая это неожиданное извѣстіе, разбившее всѣ его надежды. Это было 11-го (23-го) февраля, въ Зимнемъ дворцѣ, во время большого пріема, единственнаго въ этомъ году. Въ дворцовомъ театрѣ давали пьесу «Дочь полка», при участіи Лаблаша и

Маріо; дочь Лаблаша дебютировала въ главной роли. Кстати сказать, у нея былъ удивительный голосъ, которымъ она, благодаря серьезной школѣ своего отца, владѣла какъ опытный виртуозъ; къ тому же—красавица, она возбуждала справедливое удивленіе избраннаго общества. Послѣ спектакля былъ сервированъ не менѣе блестящій ужинъ—рядъ столовъ ломился отъ тяжести золотой и серебряной сервировки. Для дипломатическаго корпуса былъ особый столъ, за которымъ мы занимали мѣста по рангу. Около меня сидѣлъ графъ Францъ Зичи, единственный «знатный иностранецъ», бывшій въ Петербургѣ по частнымъ дѣламъ своей жены, владѣвшей землями въ Россіи, но принятый очень милостиво императоромъ, потому что, съ годъ назадъ, онъ велъ въ Варшавѣ переговоры о вознагражденіи Россіи за военныя издержки во время венгерской кампаніи и окончилъ ихъ къ полному удовольствію русскаго императора.

Николай не ужиналъ. Онъ явился, однако, въ столовую и вдругъ остановился за стуломъ моего сосѣда. Графъ Зичи хотѣлъ встать, но двѣ мощныя руки приковали его къ стулу. Такъ какъ императоръ началъ говорить по-нѣмецки, то я счелъ своимъ долгомъ встать и тѣмъ напомнить его величеству, что понимаю по-нѣмецки. Императоръ наклоненіемъ головы просилъ меня не безпокоиться и продолжалъ, нимало не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, отдавать свои послѣднія устныя порученія графу Зичи, который на другой же день отправился въ Вѣну, для сообщенія ихъ императору Францу-Іосифу. Царь говорилъ безъ умолку; Зичи слушалъ молча, какъ и я. Вскорѣ императоръ перешелъ на французскій языкъ и сталъ говорить съ тою поразительною откровенностью, которую я замѣтилъ на первой моей аудіенціи. Это была громовая обвинительная рѣчь противъ турокъ, «ces chiens de Turcs», какъ не разъ изволилъ повторить его величество. «Господство турецкихъ собакъ въ Европѣ не можетъ быть болѣе терпимо, и онъ разсчитываетъ, что императоръ австрій-

скій, котораго онъ любитъ, какъ сына, вмѣстѣ съ нимъ положитъ конецъ владѣнію турокъ на Босфорѣ и угнетенію бѣдныхъ христіанъ этими нечестивыми басурманами».

Эта филиппика, произнесенная тономъ безповоротнаго повелѣнія, невольно напоминала катоновское *caeterum censeo*. Еслибъ графъ Нессельроде услышалъ эту рѣчь, онъ поправилъ бы свои золотые очки и сказалъ: «Мой императоръ вовсе не дипломатъ».

Послѣ этой филиппики я могъ всего ожидать, и меня ни мало не удивило, когда, нѣсколько дней спустя послѣ знаменательнаго ужина, я услышалъ, что императоръ внезапно приказалъ мобилизовать 4-й и 5-й армейскіе корпуса, стоявшіе на турецкой границѣ. Это извѣстіе было сообщено мнѣ одною придворною дамою императрицы, давно уже умершею. Этотъ источникъ казался мнѣ недостаточно яснымъ: молодыя дамы не всегда компетентны въ военныхъ вопросахъ, и сообщаемыя ими свѣдѣнія легко могутъ быть результатомъ какого-либо недоразумѣнія. Я отправился, поэтому, къ моему другу Сеймуру, чтобъ узнать, не слышалъ ли онъ чего-нибудь подобнаго. Англійскій посланникъ, вслѣдствіе своихъ знаменитыхъ разговоровъ съ императоромъ, о которыхъ онъ никому не сообщалъ въ Петербургѣ, былъ въ состояніи вѣрнѣе, чѣмъ я, оцѣнить всю роковую важность подобной мѣры. Онъ ничего не зналъ о мобилизаціи и страшно перепугался. «Это невозможно,—кричалъ онъ;—но если это правда—война неизбѣжна. Я сейчасъ соберу свѣдѣнія и увѣдомлю васъ».

Я возвратился домой. Часа черезъ два пріѣхалъ ко мнѣ сэръ Гамильтонъ Сеймуръ. Онъ былъ крайне взволнованъ, бросился въ кресло и сказалъ: «Завтра же я отправляю курьера. Государственнымъ секретаремъ по внѣшнимъ дѣламъ теперь, слава Богу, лордъ Кларендонъ—онъ мнѣ ни въ чемъ не откажетъ. Буду просить объ отозваніи меня отсюда. Я не могу оставаться здѣсь долѣе: у меня нѣтъ почвы подъ ногами!»

— Но, Бога ради, что случилось? Вы сами же часто говорили мнѣ, что вамъ здѣсь такъ нравится.

— О, противъ общества я ничего не имѣю. Но я здѣсь не для того, чтобы веселиться; исполнять же свои обязанности я могу только тогда съ успѣхомъ, если имѣю дѣло съ людьми, на которыхъ могу полагаться. Здѣсь же этого-то именно и нѣтъ. Я до сихъ поръ терпѣлъ, полагая, что маленькій Нессельроде, по крайней мѣрѣ, порядочный человѣкъ. Сегодня онъ доказалъ мнѣ, однако, что я ошибался. Извѣстіе, которое вы сообщили, было мнѣ подтверждено изъ самаго достовѣрнаго источника. Я поспѣшилъ къ канцлеру, чтобы при помощи его пріостановить насколько возможно эту безразсудную мобилизацію на турецкой границѣ. И что же? Онъ пожимаетъ плечами, смѣется и съ спокойствіемъ, доходящимъ до наглости, увѣряетъ меня, что извѣстіе это вымышлено, такъ какъ онъ ничего объ этомъ не знаетъ. Это ужъ черезчуръ глупо; съ такимъ министромъ нельзя вести дѣла.

— А что̀, если Нессельроде сказалъ вамъ сущую правду?

— Считаете вы возможнымъ, чтобы первый министръ ничего не зналъ о такой мѣрѣ, отъ которой зависитъ миръ всей Европы? И къ тому же — Нессельроде, котораго я до сихъ поръ считалъ ярымъ сторонникомъ мира?

— Вы живете въ этой странѣ дольше, чѣмъ я, и можете лучше меня знать, что императоръ Николай — самодержецъ въ полномъ смыслѣ слова; онъ принимаетъ иногда рѣшенія, не говоря ни слова своимъ министрамъ. Почему вы думаете, что и теперь не случилось того же? Подождите подавать въ отставку и не торопитесь осуждать графа Нессельроде.

Нѣсколько дней спустя, Сеймуръ опять зашелъ ко мнѣ и сказалъ: «Вы были правы. Ни Нессельроде, ни военный министръ Долгоруковъ, ни даже Орловъ ничего не знали объ этой мобилизаціи. Императоръ получилъ депеши изъ Константинополя, прочелъ ихъ у себя въ кабинетѣ, позвонилъ, велѣлъ позвать дежурнаго адъютанта, передалъ ему запечатан-

ный конвертъ и сказалъ: «Въ Чугуевъ. Спѣшное». Вотъ какъ все произошло. Я остаюсь здѣсь и постараюсь, если еще можно, поправить дѣло. Но это будетъ трудно. Мнѣ говорили, будто князь Меншиковъ отправляется съ секретнымъ порученіемъ въ Константинополь. И объ этомъ канцлеръ ничего еще не знаетъ».

Всѣ усилія были употреблены на сохраненіе мира, и графъ Нессельроде выказалъ въ этомъ случаѣ большія способности. Болѣе чѣмъ кто-либо былъ онъ убѣжденъ, что завоеваніе Турціи, если оно и удастся, будетъ большимъ несчастіемъ именно для Россіи. Готовность императора Николая начать войну объясняется отчасти тѣмъ, что онъ въ уступчивости требованіямъ Австріи усматривалъ доказательство слабости Оттоманской Порты. Посылка Меншикова была скомпанована по миссіи Лейнингена.

Въ романахъ и путешествіяхъ довольно часто играетъ роль «черное облачко», въ которомъ опытный кормчій видитъ вѣрнаго предвѣстника опаснаго шторма, между тѣмъ какъ пассажиры, ничего не подозрѣвая, продолжаютъ наслаждаться голубымъ цвѣтомъ неба и зеркальною гладью моря. Такое же черное облачко, показавшееся надъ святыми мѣстами Іерусалима, ни мало не измѣнило обычныхъ развлеченій высшаго русскаго общества въ зиму 1852—1853 года.

Въ Вѣнѣ высшее общество вноситъ въ свои общественныя развлеченія тотъ сердечный, любезный отпечатокъ, который замѣчается и въ жизни семейной. Въ Петербургѣ же ничего подобнаго не замѣчается. Теперь только я понялъ глубокую разницу между австрійскою и русскою аристократіею. Здѣсь, въ русскомъ обществѣ, первую роль играетъ не родъ, а чинъ, хотя здѣсь встрѣчаются старые роды, ведущіе свое начало отъ Рюрика. Вмѣстѣ съ чиномъ въ русскія публичныя собранія входитъ неизбѣжная натянутость, холодность; они лишены искренней веселости. О древности рода здѣсь если и говорятъ, то только съ глазу на глазъ. Восхи-

щеніе всѣмъ русскимъ потому только, что оно русское, особенно развилось послѣ Крымской войны; въ мое время это только что зарождалось. Тогда начали даже и въ салонахъ высшаго общества демонстративно говорить по-русски, историка Карамзина сравнивать съ Тацитомъ, поэта Пушкина— съ Гёте. При этомъ забывали, конечно, что «Исторія государства россійскаго» написана Карамзинымъ «по заказу», и не могли понять, что хотя Пушкинъ былъ великій поэтъ и много потрудился надъ обработкой мелодическаго языка своего народа, но міровымъ геніемъ, какъ Гёте, онъ никогда не былъ и въ культурномъ развитіи Европы не имѣетъ никакого значенія.

Только что входившее тогда въ моду народничество проявилось, прежде всего, въ ненависти ко всему нѣмецкому. Дѣйствительно, всѣ высшія мѣста въ арміи и въ дипломатіи были заняты нѣмцами [1]). Сыновья курляндскихъ и лифляндскихъ бароновъ смотрѣли на Россію, какъ на неисчерпаемый источникъ почетныхъ должностей и хорошихъ окладовъ. Но императоръ, набирая себѣ совѣтниковъ изъ потомковъ рыцарей нѣмецкаго ордена, поступалъ, однако, вполнѣ основательно. Его нѣмецкіе слуги значительно превосходили русскихъ образованіемъ, трудолюбіемъ, особенно же честностью. Одинъ изъ такихъ курляндцевъ, котораго я зналъ еще по Дрездену и который занималъ высокое положеніе въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, сообщилъ мнѣ слѣдующій уродливый фактъ: онъ предостерегалъ русскаго императора отъ усиленія русской партіи! Онъ сказалъ однажды императору Николаю:

«Если вы не обуздаете этого безчинства, то мы доживемъ еще въ ваше царствованіе до варѳоломеевской ночи всѣхъ чиновниковъ-нѣмцевъ».

---

[1]) Одинъ русскій генералъ, нѣмецъ по происхожденію, доказалъ мнѣ по «Списку воинскихъ чиновъ», что процентъ нѣмецкихъ офицеровъ въ русской арміи повышается вмѣстѣ съ чиномъ: чѣмъ выше чинъ, тѣмъ большій процентъ офицеровъ нѣмецкаго происхожденія.

«Императоръ, — прибавилъ мой курляндскій другъ, — задумался и обѣщалъ помочь горю».

Графу Нессельроде совершенно несправедливо ставили въ упрекъ, что онъ предпочитаетъ нѣмцевъ русскимъ. Ни Мейендорфа въ Вѣнѣ, ни Бруннова въ Лондонѣ, ни Будберга въ Берлинѣ не легко было бы замѣнить русскими. Даже корсиканецъ Поццо ди Борго былъ много лѣтъ представителемъ Россіи въ Парижѣ, такъ какъ не находилось никого, кѣмъ можно было бы замѣнить его. Въ высшее общество эта вражда къ нѣмцамъ тогда не проникала еще, и изъ великихъ князей только второй сынъ императора, Константинъ. считался покровителемъ старо-русской партіи.

Между русскими домами, двери которыхъ всегда были открыты для иностранцевъ, особенно замѣчателенъ былъ домъ графа Строганова. Восьмидесятилѣтній хозяинъ былъ въ то время слѣпъ, но все еще бодръ и свѣжъ. Въ молодые годы онъ былъ представителемъ Россіи при многихъ европейскихъ дворахъ и съ тѣхъ поръ не прерывалъ своихъ старыхъ связей и знакомствъ. Его вторая жена, Юлія, урожденная графиня Оингаузенъ, дочь или внучка ганноверца, натурализовавшагося въ Португаліи. Графиня Юлія была лѣтъ на двадцать моложе своего слѣпого супруга. Ихъ домъ, переполненный всевозможными художественными произведеніями, всегда былъ полонъ посѣтителей. По старому русскому обычаю, у графовъ Строгановыхъ былъ всякій день открытый столъ для званыхъ и незваныхъ. Старшій сынъ, отъ перваго брака, уже 60-ти-лѣтній, однорукій генералъ графъ Строгановъ былъ тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ и слылъ за весьма энергическаго чиновника; младшій, графъ Григорій, былъ полковникомъ и флигель-адъютантомъ императора. Нельзя сказать, чтобъ графиня Юлія отличалась особеннымъ умомъ, но у нея было доброе сердце и она посвятила всю себя на уходъ за своимъ слѣпымъ мужемъ. Юныя родственницы графа Стро-

оторыхъ назову только прелестную графиню

Орлову-Денисову, бывшую во второмъ бракѣ за графомъ Шуваловымъ, оживляли этотъ вполнѣ европейскій салонъ.

Изъ министровъ особенною любезностью къ иностранцамъ отличался графъ Киселевъ, бывшій посломъ въ Парижѣ, управлявшій тогда департаментомъ государственныхъ имуществъ. Генералъ-адъютантъ Протасовъ, въ шутку прозванный русскимъ папою, такъ какъ онъ былъ оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, также охотно принималъ иностранцевъ, особенно на своей дачѣ, въ окрестностяхъ Петербурга. Графъ Кушелевъ, графъ Воронцовъ-Дашковъ и многіе другіе жили открыто и принимали охотно.

Совершенно своеобразный салонъ былъ у дочерей исторіографа Карамзина, изъ которыхъ старшая была замужемъ за княземъ Мещерскимъ. Княгиня была женщина хворая, но ея младшія, незамужнія сестры принимали каждый вечеръ; какъ онѣ, такъ и князь Мещерскій, любезно принимали гостей, пріѣзжавшихъ къ нимъ уже съ баловъ. Къ нимъ являлись иногда около 4-хъ часовъ утра, и это никого не удивляло. Мы нерѣдко уходили изъ этого гостепріимнаго дома позднимъ утромъ.

Во дворцѣ князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ, одномъ изъ лучшихъ въ городѣ, жила тогда княгиня Елена Кочубей, рожденная графиня Бенкендорфъ. Она въ то время носила трауръ по второмъ мужѣ, и хотя принимала въ своемъ будуарѣ, драпированномъ крепомъ, но сама не выѣзжала на общественныя собранія. Ея дочь, только что вышедшая замужъ, княгиня Елизавета Трубецкая, играла роль хозяйки дома. Изъ числа праздниковъ, бывшихъ въ этомъ дворцѣ, особенно отличалось пасхальное розговѣнье въ Свѣтлое Христово Воскресенье. Во многихъ знатныхъ русскихъ домахъ были въ то время свои хоры пѣвчихъ, которые пѣли во время богослуженія, безъ всякаго аккомпанемента музыки. Всѣ пѣвчіе были одѣты въ однообразные костюмы, расшитые фамильными гербами. Русскіе отъ природы одарены большими музыкальными способностями, и многіе хоры пѣвчихъ могли бы поспорить съ знаменитыми

концертами въ Сикстинской капеллѣ. Этотъ праздникъ во дворцѣ Бѣлосельскихъ начался, какъ обыкновенно, въ десять часовъ вечера. Въ домовой церкви молились, слушали пѣвчихъ; въ залахъ—болтали, любезничали. Около полуночи, когда въ церкви пропѣли «Христосъ воскресе», всѣ начали обниматься и цѣловаться, неизмѣнно подкрѣпляя привѣтствіе «Христосъ воскресъ» отвѣтомъ: «Во истину воскресъ». Таковъ обычай. Даже императоръ цѣлуется съ гренадерами, стоящими на часахъ у Зимняго дворца.

Мое пребываніе въ Петербургѣ, продолжавшееся не полный годъ, дало мнѣ достаточно матеріала для сужденія о внѣшнемъ и внутреннемъ положеніи Россіи. Не безъ удовольствія услышалъ я о вскрытіи Невы и о проходѣ льда изъ Ладожскаго озера — это были признаки открытія навигаціи, а мнѣ предстояло покинуть Петербургъ съ первымъ отходящимъ пароходомъ. Я уже имѣлъ прощальную аудіенцію у императора, который показался мнѣ теперь разсѣяннымъ, молчаливымъ; я уже сдѣлалъ прощальные визиты всѣмъ, дома которыхъ посѣщалъ, и взялъ билеты на первомъ пароходѣ, отходившемъ въ Штетинъ, какъ получилъ отъ графа Нессельроде приглашеніе повидаться съ нимъ. Канцлеръ встрѣтилъ меня словами: «Извините, пожалуйста, что я безпокоилъ васъ; но мнѣ хотѣлось лично, изъ рукъ въ руки, передать вамъ это письмо—для меня очень важно быть увѣреннымъ, что оно дойдетъ по назначенію. Въ награду за доставку я сообщу вамъ его содержаніе. Сегодня, ночью, прибылъ курьеръ изъ Константинополя съ отраднымъ извѣстіемъ, что досадный вопросъ о святыхъ мѣстахъ улаженъ наконецъ. Такъ какъ теперь миръ обезпеченъ, то я этимъ письмомъ назначаю моему старому другу Шредеру (русскому посланнику въ Дрезденѣ) свиданіе на іюнь въ Киссингенѣ».

Я поблагодарилъ канцлера и вскорѣ отплылъ изъ Петербурга. Едва пришли мы въ Свинемюнде, я бросился на телеграфную станцію и сообщилъ мирную вѣсть въ Дрезденъ. Че-

резъ нѣсколько дней прибылъ я въ Дрезденъ и узналъ, что мою телеграмму немедленно передали въ Вѣну и что изъ Вѣны отвѣчали: вопросъ о святыхъ мѣстахъ, дѣйствительно, улаженъ, но Меншиковъ предъявилъ такія требованія, выполнить которыя Порта не въ состояніи.

«Это доказываетъ, — замѣтилъ я, — что и на этотъ разъ графъ Нессельроде не былъ посвященъ въ тайну».

НАРОДНАЯ ШКОЛА ВЪ РОССІИ.

ИЗЪ ИСТОРІИ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ.

Скоро минетъ 40 лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ начала осуществляться мысль объ устройствѣ народной школы въ Россіи. Какъ все живое, доброе, пережитое отходящимъ уже поколѣніемъ, и первая мысль о прочной постановкѣ народной школы относится къ той славной преобразовательной эпохѣ, когда, по слову Царя-Освободителя, сознанію русскаго образованнаго человѣка представилось много разнообразнѣйшихъ вопросовъ первой важности по всѣмъ отраслямъ государственной, общественной и экономической жизни. Въ числѣ такихъ вопросовъ стоялъ на первой очереди и вопросъ о народномъ просвѣщеніи, какъ краеугольномъ камнѣ, на которомъ утверждался практическій успѣхъ цѣлаго ряда преобразованій.

Вполнѣ сознавая такое важное значеніе школьной реформы, императоръ Александръ II, въ приснопамятный же годъ изданія государственнаго акта объ освобожденіи крестьянъ, призвалъ на постъ министра народнаго просвѣщенія А. В. Головнина. Трудно было сдѣлать болѣе удачный выборъ. Съ именемъ Головнина связано преобразованіе всѣхъ нашихъ учебныхъ учрежденій: въ 1863 году обнародованъ университетскій уставъ, въ 1864 г.—уставъ гимназій, классическихъ и реальныхъ, въ томъ же году—Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ.

Головнинъ впервые внесъ въ свои училищныя преобразованія исключительно педагогическіе взгляды. Онъ понималъ, что «не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка», и

громко провозглашалъ, что ученіе, знаніе есть сущность, а надзоръ, управленіе—вещи второстепенныя, которыя формируются по мѣстнымъ условіямъ, допускаютъ полное разнообразіе и не могутъ быть урегулированы однимъ общимъ наказомъ. Онъ ратовалъ за свободу учителя и училища, отъ сельской школы до университета; онъ желалъ, чтобы свобода преподаванія не сковывалась уставами и инструкціями; онъ былъ врагъ мертвящихъ средствъ внѣшней дисциплины и глубоко вѣрилъ въ животворное вліяніе знанія. Во всѣхъ трехъ актахъ, изданныхъ въ его министерство, Головнинъ слѣдилъ только за знаніемъ, предоставляя ему всѣ средства для полнаго развитія, и никогда не касался ни полицейскихъ мѣръ, ни административныхъ усмотрѣній, хорошо сознавая всю непригодность ихъ въ дѣлѣ обученія.

Принципы, принесенные Головнинымъ въ министерство народнаго просвѣщенія, ясны, вѣрны, понятны. Онъ первый и послѣдній изъ всѣхъ министровъ народнаго просвѣщенія привлекъ русское общество къ обсужденію задуманныхъ имъ преобразованій, ограничивъ трудъ канцеляріи чисто формальнымъ подборомъ и внѣшнимъ распорядкомъ. Изданные имъ уставы и положенія творились на глазахъ у тѣхъ, для чьихъ дѣтей они предназначались.

Всѣ предложенія, отзывы, соображенія, получавшіеся Головнинымъ, печатались и служатъ непреложнымъ свидѣтельствомъ этой живой, открытой работы; еще живы и здравствуютъ лица, принимавшія непосредственное участіе въ разработкѣ того или другого вопроса; но обстоятельства, при которыхъ представленія Головнина переходили въ законъ, уступки, которыя оказывались необходимыми, и вѣянія, съ которыми приходилось считаться, были и въ то время извѣстны лишь ограниченному числу людей и съ годами число ихъ все умаляется. Между тѣмъ, безъ знакомства съ этими обстоятельствами невозможна правдивая оцѣнка самыхъ преобразованій, сдѣланныхъ въ министерство Головнина.

Всѣ русскія учебныя заведенія, по крайней мѣрѣ, подвѣдомственныя министерству народнаго просвѣщенія, носятъ на себѣ замѣтные слѣды заимствованій изъ сродныхъ имъ учрежденій германскихъ, точнѣе прусскихъ. Вотъ почему слову о русской народной школѣ необходимо предпослать очеркъ прусской школы—такое сопоставленіе ярко отмѣтитъ особенности каждой и укажетъ желательный въ будущемъ путь къ ихъ дальнѣйшему развитію.

I.

Народная школа въ Пруссіи.

Съ 1818 по 1840 г., въ теченіе 22-хъ лѣтъ, министромъ народнаго просвѣщенія въ Пруссіи былъ извѣстный Альтенштейнъ [1]). Въ годъ его смерти, въ Пруссіи насчитывалось 38 учительскихъ семинарій и 30.000 народныхъ школъ, при чемъ изъ 6 жителей 1 былъ ученикомъ школы.

Дѣятельность Альтенштейна, какъ министра народнаго просвѣщенія, весьма поучительна. Его ближайшіе сотрудники называли его Фабіемъ Кунктаторомъ. Это объясняется тѣмъ, что послѣ великихъ войнъ начала XIX-го столѣтія въ Пруссіи явилось страстное желаніе улучшеній, реформъ и особенно распространенія народнаго образованія; это теченіе захватило и Альтенштейна, который, однако, долженъ былъ считаться съ волею короля Фридриха-Вильгельма III-го: король, только что переживщій тяжкія испытанія, не допускалъ никакихъ крутыхъ мѣръ, переворотовъ, смѣлыхъ опытовъ, и требовалъ отъ своего министра умѣренности, осторожности, спокойствія и медленныхъ усовершенствованій. Всѣ лица,

[1]) Freiherr von Stein zum Altenstein, 1770—1840, много потрудившійся надъ возстановленіемъ Пруссіи послѣ наполеоновскаго погрома, сотрудникъ знаменитаго Штейна, управлявшій финансами, и первый министръ народнаго просвѣщенія, такъ какъ только въ концѣ 1817 г. было образовано Ministerium für die Geistlichen, Unterrichts- und Medicinalangelegenheiten.

прикасавшіяся школѣ, были проникнуты желаніемъ реформъ, улучшеній, и Альтенштейну, имъ сочувствовавшему, приходилось ихъ сдерживать, почему они и прозвали его медлителемъ.

Одинъ изъ главныхъ его совѣтниковъ, Сювернъ (Süvern), составилъ проектъ регламента изъ 113 статей, который давалъ народнымъ школамъ Пруссіи однообразное устройство. Проектъ этотъ былъ разосланъ всѣмъ мѣстнымъ начальникамъ, но утвержденъ не былъ. Одни сожалѣли объ этомъ, другіе радовались, такъ какъ вслѣдствіе этого являлась возможность самостоятельнаго развитія и сохранялась своеобразная жизнь школъ въ различныхъ мѣстностяхъ и при различныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ, школы въ Пруссіи не получили одноформеннаго направленія и устройства со стороны отдаленной центральной власти.

Другой его сотрудникъ, Эйлерсъ (Eilers), отдавая справедливость его образованности, гуманному направленію и качествамъ истиннаго государственнаго человѣка, замѣчаетъ въ Альтенштейнѣ нѣкоторую отчужденность отъ церковной почвы, и говоритъ, что вслѣдствіе этого онъ не всегда правильно понималъ и не вполнѣ точно исполнялъ намѣренія короля, который былъ истиннымъ, глубоко убѣжденнымъ христіаниномъ. Король зналъ это, но не находилъ, кѣмъ можно бы замѣнить Альтенштейна.

Въ дѣйствіяхъ этого министра замѣчали иногда непослѣдовательность и противорѣчіе. Такъ, напр., онъ избралъ Гегеля для изложенія мыслящей и образованной части общества научной религіи, которая удовлетворяла бы требованіямъ этого класса людей. но въ то же время сохраняла бы видъ христіанства и тѣмъ самымъ не отвращала бы отъ себя простой народъ. Онъ же, въ 1818 году, при назначеніи профессоромъ Пламана, послѣдняго приверженца чистаго ученія Песталоцци, поздравлялъ его съ этимъ назначеніемъ, какъ съ наградой за труды на пользу воспитанія и обученія юно-

шества, а въ 1822 году издалъ циркуляръ, въ которомъ объявлялъ къ исполненію волю короля, чтобы усердіе преподавателей въ народныхъ школахъ сдерживалось въ должныхъ границахъ, дабы изъ простолюдина (aus dem gemeinen Mann) не выходилъ полузнайка (Verbildeter Halbwisser), вовсе не пригодный для его послѣдующаго назначенія въ жизни.

Въ настоящее время одни писатели выставляютъ Альтенштейна либераломъ, другіе — реакціонеромъ. Очевидно, еще не пришло время для правильной оцѣнки его 22-хъ-лѣтней министерской дѣятельности.

Главнымъ сотрудникомъ Альтенштейна по завѣдыванію учительскими семинаріями и народными школами былъ Бекедорфъ. Нѣкоторые писатели говорятъ, что назначеніе Бекедорфа состоялось вслѣдствіе усилій реакціонной партіи, и что, осмотрѣвъ учительскія семинаріи, онъ былъ пораженъ отчужденностью ихъ отъ церкви и преобладавшимъ въ нихъ матеріализмомъ. Другіе утверждаютъ, что управленіе Бекедорфа было золотымъ вѣкомъ народныхъ школъ въ Пруссіи, что онъ былъ истиннымъ отцомъ семинарій, которыя при немъ сносились непосредственно съ министерствомъ, и что онъ издалъ рядъ весьма полезныхъ постановленій и распоряженій — устроилъ, между прочимъ, учительскіе съѣзды для обмѣна мыслей учителей и доставилъ учителямъ на этотъ предметъ пособіе отъ казны.

Не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что нѣкоторые изъ послѣдователей Песталоцци пошли дальше мыслей знаменитаго педагога. Онъ былъ проникнутъ страстною любовью къ дѣлу народнаго образованія, жертвовалъ въ пользу его трудами и состояніемъ, но, какъ дитя своего вѣка, не былъ приверженцемъ церкви и не вводилъ въ школу церковнаго элемента. Онъ полагалъ, что природа ребенка имѣетъ естественное стремленіе къ развитію и что школа должна только помогать этому развитію; онъ старался давать формальное раз-

витіе и орудіе для этого, матеріалъ обученія, искалъ не въ церкви, а въ другихъ отрасляхъ знанія. Нѣкоторые изъ его послѣдователей, не ограничиваясь этимъ, прямо исключали ученіе церкви изъ области школы и вводили въ нее ученіе раціонализма. Развитію ума стали придавать исключительное значеніе, забывая нравственную сторону человѣка, и все достоинство его полагали въ умѣ и массѣ знаній, вслѣдствіе чего обременили школу учебнымъ матеріаломъ, который былъ не по силамъ учениковъ. Вотъ что возбудило много враговъ противъ школы или системы Песталоцци, вотъ что повело къ реакціи, которая, въ свою очередь, не удержалась въ предѣлахъ разумныхъ и тѣмъ самымъ возбудила противъ себя оппозицію.

Такимъ образомъ, уже около 30-хъ годовъ начали все сильнѣе раздаваться голоса, которые относили къ области мечтанія мысль, что можно возвысить и улучшить народъ посредствомъ улучшеній въ школѣ, и, напротивъ того, находили вреднымъ для народа значительное умственное развитіе, полагая необходимымъ ограничить его образованіе умѣньемъ читать, писать, считать и знаніемъ катихизиса.

Въ это время въ прусскомъ министерствѣ явился еще новый дѣятель по завѣдыванію народными школами — Кортюмъ (Kortüm), братъ извѣстнаго въ свое время историка. Онъ былъ противникомъ всякаго шума, театральныхъ эффектовъ и публичнаго, журнальнаго, страстнаго обсужденія дѣлъ школы. Онъ находилъ болѣе полезнымъ дѣйствовать въ тишинѣ, достигая полезныхъ результатовъ безъ похвальбы, и былъ глубоко убѣжденъ, что недалеко то время, когда подъ скипетромъ другого, болѣе юнаго короля дѣла примутъ другое направленіе, и что для этого направленія слѣдуетъ подготовлять въ тишинѣ матеріалы.

Кортюмъ былъ правъ, полагая невозможнымъ никакія улучшенія въ школѣ при жизни короля Фридриха - Виль-

гельма III. Мысли этого короля о народныхъ школахъ высказаны въ его исповѣди, названной имъ «Признаніями»[1]):

«Я желалъ бы видѣть всѣхъ своихъ подданныхъ счастливыми, но счастіе есть удѣлъ только добрыхъ. Обученіе людей наукамъ и изящнымъ искусствамъ не дѣлаетъ еще ихъ добрыми — для этого нужно нѣчто другое, высшее, божественное, и тамъ, гдѣ нѣтъ этого другого, получаетъ преобладающую силу *себялюбіе*. Образованіе ума безъ нравственнаго облагороженія человѣка растравляетъ человѣческое общество, которое превращается въ собраніе обманщиковъ, и, что всего ужаснѣе — каждый изъ нихъ понимаетъ и сознаетъ, что самъ другихъ обманываетъ и что его всѣ обманываютъ.

«Я нахожусь въ крайне трудномъ, прискорбномъ для меня положеніи въ виду требованій духа времени относительно народнаго образованія чрезъ улучшеніе школы. Конечно, народное образованіе есть то основаніе, на которомъ зиждется благоденствіе народа. Невѣжественные, грубые люди не могутъ быть людьми добрыми и потому не могутъ быть счастливы. Поэтому я предоставилъ значительный просторъ дѣлу народнаго образованія, помогалъ ему, насколько возможно, денежными средствами, и съ радостью слышалъ надняхъ, что, сравнительно съ другими государствами, въ Пруссіи большее число дѣтей получаетъ образованіе, тогда какъ есть въ Европѣ страны, гдѣ не существуетъ никакихъ школъ. Но мнѣ представляются разныя сомнѣнія и недоумѣнія даже и тамъ, гдѣ школы существуютъ въ наилучшемъ и самомъ цвѣтущемъ положеніи.

«Должно ли народное образованіе имѣть опредѣленныя границы? Если не должно, то не слѣдуетъ и вмѣшиваться въ дѣла школы, не слѣдуетъ останавливать ея развитіе, направлять ея дѣйствія, но надобно вполнѣ предоставить ее соб-

---

[1]) «Selbstbekenntnisse König Friedrich Wilhelm's III», помѣщ. въ трудѣ *Eglert*, «Charakterzüge und historische Fragmente aus dem Leben des Königs von Preussen Friedrich Wilhelm III». 3 Bde. Magdeburg, 1846.

ственному свободному ходу. Съ этимъ я не могу, однако, безусловно согласиться.

«Еще труднѣе отвѣчать на вопросъ: гдѣ должно положить границы развитію народной школы? Спеціалисты столько писали и столько присылали мнѣ своихъ мнѣній pro и contra, что я чувствую себя въ большомъ смущеніи. Я много говорилъ объ этомъ съ профессоромъ Целлеромъ въ Кенигсбергѣ, и потомъ меня совершенно смутило то, что директоръ Снетлаге писалъ противъ Песталоцци. Весьма прискорбно, когда лица, спеціально изучающія предметъ, не согласны между собою. Эти противорѣчія причиняютъ утомленіе и наводятъ тоску, такъ что теряется всякая охота къ дѣлу и хочется совсѣмъ бросить его. Но на это не смѣешь рѣшиться, такъ какъ дѣло само по себѣ слишкомъ важно.

«Я имѣю по этому предмету свои собственныя убѣжденія, но знаю, что не въ состояніи провести ихъ. Покойный епископъ Закъ имѣлъ почти тѣ же мысли, обнародовалъ ихъ, но подвергся жестокой критикѣ и былъ обозванъ *обскурантомъ*, моднымъ нынѣ выраженіемъ. Мое мнѣніе слѣдующее: каждый человѣкъ безъ исключенія, къ какому бы сословію ни принадлежалъ, имѣетъ двоякое назначеніе—одно для Неба, для вѣчности, другое—для земли, для своего земного призванія. Для человѣка, какъ для существа нравственнаго, безсмертнаго, не можетъ быть границъ его нравственнаго развитія. Ему открыто поприще безпредѣльное и онъ долженъ безпрерывно совершенствоваться, т.-е. непрестанно, все болѣе и болѣе угождать Богу и все болѣе и болѣе стараться чистотой намѣреній своихъ подражать Христу. Въ этомъ направленіи я сочувствую вполнѣ тому, что принято называть прогрессомъ, и не полагаю ему никакихъ границъ.

«Относительно же земного призванія человѣка я думаю иначе. Оно зависитъ отъ его положенія въ обществѣ по самому рожденію, отъ обстоятельствъ, въ которыхъ онъ находится, отъ его дарованій и способностей, наконецъ, отъ на-

клонностей, которыя ведутъ его къ избранію того или другого рода дѣятельности. Для этой-то дѣятельности слѣдуетъ его учить и образовывать, чтобы онъ пріобрѣлъ необходимыя знанія, смотря по его положенію, купца, фабриканта, ремесленника, эконома, земледѣльца, поденщика и т. п. Но ни ему, ни человѣческому обществу не оказывается услуги, развивая человѣка выше его состоянія и сообщая ему знанія, которыя ему не нужны и которыя возбуждаютъ такія потребности, удовлетворить которымъ онъ не въ состояніи.

«Человѣкъ не можетъ научиться всему. Область знанія слишкомъ для этого велика, а жизнь наша слишкомъ коротка. Каждый долженъ выучить вполнѣ и основательно то, что нужно для его состоянія. Большее знаніе не только не нужно, но служитъ помѣхой; оно лишаетъ человѣка спокойствія и той ограниченности (Beschränktheit), которыя необходимы для успѣшнаго занятія ремесломъ. Знаніе, переходящее за границы состоянія и призванія, дѣлаетъ человѣка притязательнымъ. Оно ведетъ его къ сравненію собственнаго положенія съ положеніемъ другихъ, возбуждаетъ сознаніе равноправности всѣхъ людей и дѣлаетъ несправедливымъ въ сужденіяхъ о другихъ и недовольнымъ своимъ состояніемъ. Вмѣсто того, чтобы оставаться довольнымъ въ своихъ границахъ, человѣкъ расширяетъ область своихъ желаній; жизнь его наполняется безпокойствомъ; онъ стремится къ тому, чего не имѣетъ, и не цѣнитъ то, чѣмъ обладаетъ».

Сообразно этому, король Фридрихъ-Вильгельмъ III неоднократно требовалъ отъ Альтенштейна ограничить опредѣленными задачами обученіе въ народныхъ школахъ и преподаваніе въ учительскихъ семинаріяхъ.

По смерти Альтенштейна, въ 1840 году, король Фридрихъ-Вильгельмъ IV назначилъ министромъ народнаго просвѣщенія Эйхгорна. Король стремился противодѣйствовать замѣченному имъ въ школахъ направленію, враждебному церкви и христіанству, и исправить вредъ, который, по его

мнѣнію, былъ нанесенъ преслѣдованіемъ призрака какого-то общаго формальнаго образованія. Эйхгорнъ не былъ знакомъ съ настоящимъ положеніемъ прусскихъ школъ и вдался въ безплодный сентиментализмъ, что доказывается, между прочимъ, его циркуляромъ 1842 года, въ которомъ онъ рекомендуетъ занятіе цвѣтоводствомъ, какъ средство для правильнаго развитія и облагороженія учениковъ народныхъ школъ. Во мнѣніи педагогическаго либеральнаго сословія Пруссіи Эйхгорну особенно повредили два его распоряженія: упраздненіе учительской семинаріи въ Бреславлѣ и увольненіе знаменитаго Дистервега отъ должности директора семинаріи въ Берлинѣ.

События 1848 года положили конецъ министерству Эйхгорна. Въ это время вопросы народнаго образованія сильно занимали все общество и обсуждались очень горячо въ прусскомъ національномъ собраніи и на многочисленныхъ учительскихъ съѣздахъ. Прежде всего требовали устраненія конфессіональнаго характера школы, расширенія программы преподаванія, обязательности обученія. Весьма немногіе рѣшались тогда возвышать свой голосъ противъ теорій, которыя появились въ то время.

Съ введеніемъ конституціи страсти успокоились и вмѣсто бывшихъ тревогъ наступило ожиданіе подробныхъ законовъ, которые развивали бы общія начала, указанныя для народной школы въ учредительномъ актѣ.

Въ числѣ сотрудниковъ, избранныхъ еще Эйхгорномъ, находился въ министерствѣ народнаго просвѣщенія бывшій директоръ учительской семинаріи въ Нейвидѣ—Штиль (Stiehl), рѣшительный противникъ идей Песталоцци. Онъ громко заявлялъ, что, по его мнѣнію, народная школа въ Пруссіи не внушаетъ своимъ ученикамъ ни христіанскаго благочестія, ни любви къ отечеству, что она не даетъ имъ національнаго направленія и отличается пустотой и безплодностью своего ученія.

Штиль завѣдывалъ дѣлами учительскихъ семинарій и народныхъ школъ въ Пруссіи съ замѣчательнымъ постоянствомъ и единствомъ направленія во время семи министровъ прусскаго министерства народнаго просвѣщенія—Эйхгорна, Шверина, Родбертуса, Ладенберга, Раумера, Бетманъ-Гольвега и Мюллера. Во все это время управленіе учительскими семинаріями и народными школами было проникнуто одною мыслью: вмѣсто образованія чисто формальнаго—отъ школы требовалось образованіе религіозное, нравственное и патріотическое. Для достиженія своихъ цѣлей, Штиль, въ продолженіе десяти лѣтъ, дѣйствовалъ исключительно административными распоряженіями: назначеніемъ лицъ, раздѣлявшихъ его убѣжденія, осмотромъ училищъ ревизорами, переводомъ учительскихъ семинарій изъ большихъ городовъ въ мѣстечки, изданіемъ учебниковъ, устраненіемъ изъ школы книгъ общеобразовательнаго характера, устройствомъ учительскихъ конференцій, на которыхъ учителя получали указанія и наставленія исключительно въ «штилевскомъ» духѣ. Наконецъ, послѣ такихъ многолѣтнихъ подготовленій, появились, въ октябрѣ 1854 года, знаменитые три регулятива [1]), три постановленія.

Чтобы понять состояніе народныхъ школъ и вообще положеніе дѣла народнаго образованія въ Пруссіи того времени, необходимо разсмотрѣть сущность этихъ трехъ постановленій.

Первый регулятивъ посвященъ учительскимъ семинаріямъ. Вмѣсто прежняго разнообразія, онъ вводитъ въ семинарію одни общія правила, предписываетъ полное единство въ цѣли и системѣ обученія и полагаетъ опредѣленныя границы образованію народныхъ учителей. Сторонники Штиля вмѣняютъ ему въ большую заслугу, что онъ ввелъ это единство и что онъ всему прусскому народному образованію положилъ одно

[1]) Die drei preussischen Regulative vom 1, 2 und 3 October 1854. Обстоятельный разборъ и оцѣнка регулятивовъ помѣщены въ «Вѣстникѣ Европы» 1871, VI, 797.

общее христіанско-евангелическое національное основаніе, устранилъ, какъ они выражаются, песталоццизмъ, оказавшійся, по ихъ мнѣнію, вполнѣ несостоятельнымъ.

Первый регулятивъ опредѣляетъ границы образованія, достаточнаго для народнаго учителя, и требуетъ, чтобы на всякое, самое малѣйшее расширеніе курса учительской семинаріи испрашивалось каждый разъ разрѣшеніе министерства. Цѣлью семинаріи постановляется: 1) приготовлять учителей для простого, полезнаго преподаванія въ народныхъ школахъ религіи, чтенія, письма, отечественнаго языка, счисленія, пѣнія, отечествовѣдѣнія и естествовѣдѣнія — только въ границахъ, опредѣленныхъ для народной школы; 2) развивать въ народныхъ учителяхъ склонность и способность къ полученію большаго образованія; 3) сообщать воспитанникамъ учительскихъ семинарій преимущественно *практическое* направленіе, для чего особенно должны служить учрежденныя при семинаріяхъ школы, гдѣ семинаристы практикуются въ преподаваніи и тѣмъ самымъ удаляются отъ отвлеченныхъ умствованій, и 4) вообще приготовлять учителей съ христіански-національнымъ направленіемъ, которое они должны сообщать и ученикамъ тѣхъ народныхъ школъ, въ которыхъ имъ предстоитъ учить.

На этихъ главныхъ основаніяхъ первый регулятивъ даетъ нѣсколько подробныхъ указаній относительно преподаванія въ семинаріяхъ разныхъ предметовъ, рекомендуетъ учебники, вовсе исключаетъ всеобщую исторію, ограничиваясь отечественною, полагаетъ границы географіи и естествовѣдѣнію, при чемъ категорически требуетъ: «непрактическое умствованіе и производство безплодныхъ опытовъ по собственнымъ субъективнымъ воззрѣніямъ должны быть вовсе устранены изъ семинарій».

Любопытна самая система преподаванія, предписываемая первымъ регулятивомъ. Сущность этой системы можетъ быть выражена слѣдующими словами: изъ преподаванія многихъ предметовъ, въ томъ числѣ и религіи, регулятивъ устраняетъ

систематическое изложеніе предмета и предпочитаетъ отдѣльные разсказы, касающіеся разныхъ его частей и вызываемые практическими соображеніями.

Регулятивъ требуетъ, чтобы будущіе учителя были приготовлены къ преподаванію катихизиса въ народныхъ школахъ съ заучиваніемъ его учениками наизусть, равнымъ образомъ, чтобы ученики заучивали нѣкоторое число библейскихъ изреченій, церковныхъ пѣснопѣній и молитвъ. Цѣлью преподаванія религіи въ семинаріи, сверхъ того, регулятивъ ставитъ такое настроеніе всего заведенія, чтобы каждый семинаристъ «прочувствовалъ въ себѣ сознаніе грѣхопаденія и очищенія вѣрою, какъ воспитательное дѣйствіе Творца, на любви основанное». Изъ преподаванія отечественнаго языка регулятивъ исключаетъ отдѣльное обученіе грамматикѣ. Изъ книгъ для чтенія семинаристами устраняются нѣмецкіе классики и рекомендуются разныя жизнеописанія Лютера, Меланхтона, народныя сказки, патріотическіе разсказы изъ исторіи прусскихъ войнъ, описанія путешествій и т. п. Регулятивъ требуетъ, чтобъ преподаваніе исторіи было проникнуто христіанскимъ духомъ и воззрѣніями. Преподаваніе естествовѣдѣнія также должно имѣть религіозное направленіе и, сверхъ того, приносить практическую пользу относительно земледѣлія, садоводства, торговли и промышленности. Относительно музыкальнаго образованія требуется, чтобы каждый будущій учитель настолько умѣлъ владѣть органомъ, чтобы игрой своей руководить общину въ пѣніи 50-ти перечисленныхъ въ регулятивѣ хораловъ.

Второй регулятивъ касается препарандовъ, т.-е. молодыхъ людей, готовящихся къ поступленію въ учительскія семинаріи. Правительство не признаетъ полезнымъ, чтобъ будущіе учителя находились въ закрытомъ заведеніи долѣе того времени, какое положено въ учительской семинаріи; поэтому, не учреждается приготовительныхъ школъ, но предпочитается, чтобъ препаранды, получивъ начальное образо-

ваніе въ народной школѣ и приготовленные къ конфирмаціи пасторомъ, готовились затѣмъ у пастора же къ поступленію въ семинарію. Кромѣ пасторовъ, можно готовиться и у учителей, но лишь указанныхъ окружнымъ правленіемъ. Приготовленіе препарандовъ имѣетъ преимущественно цѣлью вести ихъ къ самодѣятельности и на этомъ пути направлять и исправлять ихъ работы. Для этого признается достаточнымъ давать имъ два урока въ день. Относительно формальнаго образованія препарандовъ имѣется въ виду развить въ нихъ быстрое и вѣрное пониманіе, ясное мышленіе и способность просто и точно излагать свои мысли. Препарандъ можетъ помогать учителю въ классѣ, но самостоятельное преподаваніе ему ни въ какомъ случаѣ не дозволяется. Изъ Закона Божія препарандъ долженъ знать наизусть небольшой катихизисъ Лютера, опредѣленное число библейскихъ изреченій и 50 церковныхъ пѣсней. Онъ долженъ умѣть ясно, громко, отчетливо, съ правильнымъ произношеніемъ, читать въ школьномъ учебникѣ, понимая читаемое, и излагать своими словами. Небольшой разсказъ или описаніе онъ долженъ умѣть написать безъ грубыхъ ошибокъ противъ правописанія или смысла. Онъ долженъ писать четко и твердо. При разборѣ небольшихъ предложеній ему должны быть извѣстны части рѣчи и связь ихъ между собою. Онъ долженъ знать наизусть изъ учебника нѣсколько сочиненій въ прозѣ и нѣсколько стихотвореній, напримѣръ — басенъ, пословицъ и патріотическихъ разсказовъ. По географіи требуются нѣкоторыя свѣдѣнія изъ отчизновѣдѣнія, по естествовѣдѣнію — знаніе и умѣніе описать мѣстныя растенія и животныхъ. Въ отношеніи музыкальнаго образованія отъ препаранда требуется умѣніе пѣть по нотамъ и правильное исполненіе 30-ти хораловъ.

Третій регулятивъ называется «Основныя черты, касающіяся учрежденія евангелическихъ одноклассныхъ элементарныхъ школъ». Внѣшнее устройство школы — дѣленіе школы на два отдѣла, устройство полудневныхъ школъ (Halbtags-

schulen), назначеніе часовъ ученія, опредѣленіе вакаціоннаго времени—предоставляется училищному правленію, при чемъ придается особое значеніе отзыву пастора. Относительно внутренней, духовной дѣятельности школы, регулятивъ, ссылаясь на совершившійся поворотъ въ общественномъ мнѣніи, признаетъ своевременнымъ устранять изъ школы все лишнее, ведущее къ заблужденію. Опытомъ дознаны, по словамъ регулятива, несостоятельность и вредъ стремленія достигнуть общаго человѣческаго образованія чрезъ формальное развитіе умственныхъ способностей. Жизнь народа требуетъ обновленія на твердомъ основаніи не отвлеченныхъ идей, но дѣйствительно существующаго, а именно: христіанства, семьи, опредѣленнаго призванія, общины и государства. Поэтому элементарная школа, въ которой большая часть народа получаетъ не только основу, но и окончаніе своего образованія, не должна слѣдовать какому-либо научному воззрѣнію, но прямо готовить къ практической жизни и службѣ въ церкви, семьѣ, промыслѣ, общинѣ и въ государствѣ. Сообразно этому, регулятивъ даетъ подробныя указанія по всѣмъ предметамъ преподаванія. Такъ, напримѣръ, относительно преподаванія религіи регулятивъ говоритъ, что основаніемъ преподаванія религіи должна служить библейская исторія и что «христіанское дитя должно пережить въ себѣ эту библейскую исторію» [1]). Но Библія содержитъ и млеко, и твердую пищу, и потому учитель долженъ умѣть избирать пищу по силамъ учениковъ. Регулятивъ опредѣляетъ, что дѣти должны заучивать наизусть опредѣленныя молитвы, библейскія изреченія, духовныя пѣсни, катихизисъ, и назначаетъ число часовъ въ недѣлю какъ на этотъ, такъ и на другіе предметы.

Такова сущность «знаменитыхъ» трехъ регулятивовъ, обратившихъ прусскую народную школу въ заведеніе для дрессировки памяти въ христіанскомъ и патріотическомъ от-

[1]) Ein Christenkind soll die biblische Geschichte an und in sich erleben.

ношеніяхъ. Обнародованіе этихъ трехъ регулятивовъ произвело большое неудовольствіе въ обществѣ, и критика опровергла шагъ за шагомъ каждое изъ постановленій, при чемъ обращено было особенное вниманіе на исключеніе изъ школы педагога и на замѣну его пасторомъ. Въ палату было представлено много прошеній объ отмѣнѣ регулятивовъ, способныхъ «отупить», а не «развить» школьниковъ.

Въ печати и въ палатѣ поднялась буря; страсти были сильно возбуждены. Противники регулятивовъ доказывали, что Drei preussischen Regulative слишкомъ ограничиваютъ вообще кругъ образованія въ народныхъ школахъ и особенно понижаютъ степень образованія будущихъ народныхъ учителей, запрещая имъ даже читать нѣмецкихъ классиковъ; они возставали противъ множества предметовъ, которые требовалось заучивать наизусть, машинально, при изученіи религіи. Приверженцы регулятивовъ говорили, что враждебное къ нимъ расположеніе произошло не вслѣдствіе дидактическихъ ошибокъ регулятивовъ, а потому собственно, что они вводили въ школу образованіе религіозное, христіанское, и что составители регулятивовъ громко провозглашали свою твердую вѣру въ библейское ученіе о грѣхопаденіи, необходимости искупленія, о воплощеніи Сына Божія, его чудесахъ, воскресеніи, сошествіи во адъ и будущей жизни. Словомъ, въ противникахъ регулятивовъ видѣли «философовъ», которые отрицали истину христіанскаго ученія и не желали, чтобъ оно положено было въ основаніе народнаго образованія.

Прусская палата назначила особую комиссію для разсмотрѣнія и обсужденія поступившихъ въ нее жалобъ. Противъ регулятивовъ выступилъ въ палатѣ и знаменитый педагогъ Дистервегъ. Въ одномъ изъ своихъ представленій въ комиссію палаты онъ доказалъ, что регулятивъ 3-го октября 1854 г. дѣйствительно обременяетъ учениковъ народной школы обязанностію слишкомъ много заучивать наизусть при обученіи религіи и что отъ этого происходитъ:

1) что 6 часовъ въ недѣлю, положенныхъ на Законъ Божій, недостаточно, когда въ школѣ болѣе 60-ти учениковъ разныхъ возрастовъ;

2) что ученикамъ приходится каждый день учить что-нибудь наизусть;

3) что вслѣдствіе этого ослабѣваетъ и даже вовсе исчезаетъ религіозное настроеніе учениковъ;

4) что дѣти приходятъ къ убѣжденію, будто требованія религіи заключаются только въ выучиваніи на память и пересказываніи заученнаго;

5) что подобное преподаваніе притупляетъ самихъ учителей и дѣлаетъ ихъ неспособными влiять на учениковъ своимъ религіознымъ настроеніемъ, и

6) что цѣль религіознаго поученія при такой системѣ преподаванія вовсе не достигается.

Въ заключеніе Дистервегъ указываетъ, что переполненіе времени учащихся религіознымъ обученіемъ лишаетъ ихъ возможности пріобрѣсти въ школѣ общеполезныя реальныя знанія и они едва бываютъ въ состояніи выучиться чтенію, письму, счисленію и пѣнію.

Замѣчательно, что даже приверженцы регулятивовъ отрекались отъ нихъ, какъ только имъ приходилось ближе ознакомиться съ нуждами народной школы. Такъ, Бетманъ-Гольвегъ, защищавшій регулятивы въ прусской палатѣ, ставъ министромъ народнаго просвѣщенія, издалъ, въ 1859 году, циркуляръ, которымъ отмѣнилъ заучиваніе препарандами воскресныхъ посланій апостоловъ (Sonntags Episteln), мотивируя это тѣмъ, что «слишкомъ большое напряженіе памяти вредитъ способности пониманія и свободному умственному развитію». Отмѣнилъ онъ и заучиваніе наизусть библейскихъ разсказовъ, отдавъ предпочтеніе пониманію ихъ и умѣнью передавать своими словами. Онъ же увеличилъ и число часовъ на преподаваніе математики въ учительскихъ семинаріяхъ.

Это были зачатки, принесшіе добрые плоды. Вскорѣ всѣ въ Пруссіи пришли къ убѣжденію въ негодности регулятивовъ вообще, такъ какъ das Beste in der Schule geschieht ohne gesetzliche Vorschrift, по словамъ извѣстнаго дѣятеля въ прусскомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія Визе (Wiese), сказаннымъ въ 1867 г. Вскорѣ регулятивы были совсѣмъ отмѣнены, и прусская народная школа стала развиваться внѣ вліянія враговъ Песталоцци и Дистервега, освобожденная отъ чуждой ей задачи вскармливать христіанскихъ подвижниковъ и ярыхъ патріотовъ.

Такимъ образомъ, въ исторіи прусской народной школы проявляются два противоположныхъ направленія.

Одно изъ нихъ всегда стремилось дать просторъ народной школѣ и ставило ей цѣлью стройное развитіе способностей, которыя одинаковы у дѣтей всѣхъ сословій, религій и народностей, избирая для этого изъ области человѣческаго знанія наиболѣе пригодный матеріалъ и употребляя его въ дѣло посредствомъ педагогическихъ методовъ, основанныхъ на психологическомъ изученіи человѣческой природы. Это направленіе устраняло конфессіональный, церковный характеръ школы, ввѣряло ее не пастору, а педагогу, не препятствуя священнику обучать религіи учениковъ его исповѣданія. Оно также не ставило тѣсныхъ опредѣленныхъ границъ преподаванію въ школѣ и не препятствовало, напр., учителю объяснять ученикамъ, которые въ состояніи понять его, устройство паровоза, проходящаго въ виду ихъ селенія, дѣйствіе телеграфа, подвѣшеннаго по деревнѣ, причину подъема воды въ насосѣ деревенскаго колодца, или разсказать ученикамъ историческія судьбы мѣстности, гдѣ они живутъ, описать сраженія, происходившія на поляхъ, которыя они пашутъ, объяснить имъ лунное затменіе и т. п. Для того, чтобы учитель былъ въ состояніи сообщать подобныя знанія, это направленіе не препятствовало учительской семинаріи доставлять ему необходимое для того образованіе.

Другое направленіе стремилось дать школѣ церковный характеръ, ввѣрить ее руководству духовнаго лица и главнымъ матеріаломъ обученія поставить церковныя книги; методъ же заключался въ заучиваніи наизусть огромнаго количества библейскихъ текстовъ, псалмовъ, всего катихизиса, допуская изъ другихъ предметовъ знанія только самое необходимое и элементарное, тщательно устраняя все, что выходило изъ тѣсныхъ рамокъ учебнаго плана. Цѣль этого направленія состояла въ томъ, чтобы воспитать людей религіозныхъ, нравственныхъ, но познанія которыхъ были бы ограничены извѣстными предѣлами и которые не могли бы возымѣть желаніе выйти изъ своего сословія и заняться другого рода трудомъ, кромѣ работы земледѣльца и ремесленника. Въ этой ограниченности знанія и желаній это направленіе видѣло счастіе массы прусскихъ подданныхъ. Оно надѣялось сдѣлать ихъ добрыми и нравственными чрезъ изученіе религіи зазубриваніемъ библейскихъ текстовъ и патріотами при помощи чтенія разныхъ книжечекъ, описывающихъ побѣды прусскихъ войскъ.

Представителями идей перваго направленія были люди школы Песталоцци и Дистервега; второе направленіе находимъ въ желаніяхъ и мысляхъ наивнаго короля Фридриха-Вильгельма III и въ дѣйствіяхъ энергическаго шульрата Штиля.

Въ обоихъ направленіяхъ были заблужденія, увлеченія, ошибки, была добросовѣстность, встрѣчался маккіавелизмъ, но пользу школѣ принесла только первая система.

II.

Народная школа въ Россіи.

Какъ въ Пруссіи народная школа организовалась послѣ освободительной войны, вызванной наполеоновскимъ разгромомъ, такъ и въ Россіи народная школа создалась лишь по-

слѣ освобожденія крестьянъ, вызваннаго севастопольскою катастрофою. Государственный актъ 19-го февраля 1861 г., освободившій народъ отъ крѣпостной зависимости, далъ мощный толчокъ и народной школѣ.

До освобожденія крестьянъ собственно народной школы въ Россіи не существовало: учрежденныя въ 1732 г. гарнизонныя школы предназначались исключительно для солдатскихъ дѣтей; составленный въ 1770 году проектъ деревенскихъ школъ предполагалъ ввести обязательное обученіе для всего мужского населенія, но только чтенію, даже не письму. Съ тѣхъ поръ отставной солдатъ или пропившійся церковникъ учили кое-гдѣ дѣтей народа азбукѣ по Псалтирю, но объ организаціи народной школы не было и рѣчи, хотя министерство народнаго просвѣщенія существовало съ 1802 г.

Создателемъ нашей народной школы былъ русскій Альтенштейнъ—А. В. Головнинъ, занимавшій постъ министра народнаго просвѣщенія съ 1861 по 1866 годъ. Хорошо и подробно ознакомившись съ исторіею народной школы въ Пруссіи, онъ рѣшился организовать русскую народную школу по указаніямъ и въ духѣ Песталоцци и Дистервега, что и выполнилъ до извѣстной степени въ «Положеніи 14-го іюля 1864 года о начальныхъ народныхъ училищахъ».

Только «до извѣстной степени». Ему, какъ и его прусскому товарищу, не дано было выполнить свой планъ вполнѣ: Альтенштейну мѣшалъ король Фридрихъ-Вильгельмъ III, Головнину — не императоръ Александръ II, а его министры, враждебно относившіеся къ народной школѣ.

Головнинъ исходилъ изъ вполнѣ вѣрныхъ соображеній. По его убѣжденію, знаніе и употребленіе потребнаго для того научнаго матеріала или содержанія—цѣль школы; метода—только средство, не имѣющее собственной цѣны. Образованіе формальное само собою исходитъ изъ сознанія и употребленія научнаго матеріала. Если же школа не обращаетъ вниманія на матеріалъ, посредствомъ котораго доставляется раз-

витіе, или употребляетъ для того матеріалъ ложный, то дѣйствуетъ вредно и разрушительно. Поэтому, для народной школы имѣетъ важность не разработка новыхъ путей образованія, но правильный выборъ и установленіе границъ учебныхъ предметовъ и цѣлесообразное устройство школы.

Въ «Положеніи» 1864 г. эти начала примѣнены въ общихъ чертахъ, но не вполнѣ. Вина этого неполнаго примѣненія лежитъ, однако, не на Головнинѣ. Близко знакомые съ самымъ процессомъ разработки того проекта закона, который вылился въ окончательной формѣ въ видѣ «Положенія 14-го іюля 1864 года», мы ставили и ставимъ Головнину въ большую заслугу это Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ. Въ тѣ времена, почти сорокъ лѣтъ назадъ, обстоятельства, сопровождавшія созданіе «Положенія», всѣмъ были извѣстны, хотя никто не дерзалъ говорить о нихъ въ печати.

Во время составленія проекта о народныхъ школахъ Головнину приходилось дѣлать постепенно нѣкоторыя уступки тогдашнему направленію высшаго правительства. По отношенію къ вопросу о народныхъ школахъ это направленіе заключалось:

во-первыхъ, въ стремленіи не только дать духовенству большое участіе въ завѣдываніи школами, но даже вполнѣ передать духовному вѣдомству всѣ народныя школы. Этотъ враждебный Головнину взглядъ высказывался не только членомъ Государственнаго Совѣта Норовымъ и синодальнымъ оберъ-прокуроромъ Ахматовымъ, но поддерживался такимъ вліятельнымъ членомъ правительства, какъ предсѣдатель Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ, гр. Блудовъ, и

во-вторыхъ, въ недовѣріи къ благонадежности земства, городскихъ и сельскихъ обществъ и особенно частныхъ лицъ, въ которыхъ предполагались намѣренія распространять посредствомъ народныхъ школъ вредныя и враждебныя правительству ученія. Это недовѣріе распространялось даже на педагогическій составъ министерства народнаго просвѣще-

нія, не только на А. С. Воронова, но и на самого Головнина, въ которомъ предполагались затаенные либеральные виды. Отсюда являлось желаніе поставить народныя школы не только подъ управленіе синодальнаго вѣдомства, но, какъ того настоятельно требовали министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ и шефъ корпуса жандармовъ кн. Долгоруковъ, подчинить ихъ бдительному надзору губернатора и полицейскихъ властей въ губерніи. Многіе члены Государственнаго Совѣта заявляли, что не только не слѣдуетъ давать земствамъ, городскимъ и сельскимъ обществамъ и частнымъ лицамъ никакого простора въ этомъ дѣлѣ, но даже опасно увеличивать кругъ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія.

Эти два направленія, наиболѣе тормозившія разработку проекта о народныхъ школахъ и наиболѣе исказившія самое Положеніе, находили себѣ дорогу къ Государю и Императрицѣ. Они особенно привлекали сочувствіе всѣхъ лицъ, которыя желали выставить себя людьми религіозными и друзьями порядка.

Въ министерство Головнина были сдѣланы двѣ попытки къ передачѣ духовному вѣдомству всѣхъ народныхъ школъ.

Министръ народнаго просвѣщенія гр. Путятинъ, незадолго до своего увольненія отъ должности, внесъ въ Государственный Совѣтъ, обще съ синодальнымъ оберъ-прокуроромъ гр. А. П. Толстымъ, представленіе въ этомъ смыслѣ. Путятинъ и Толстой, приводя въ своемъ представленіи слова Евангелія: «шедше убо научите вся языцы», требовали передачи всецѣло обученія народа духовенству, а управленія народными школами—духовному вѣдомству. Государственный Совѣтъ, въ виду послѣдовавшей вскорѣ отставки гр. Путятина, не разсматривалъ его представленія и передалъ новому министру народнаго просвѣщенія, Головнину, который оставилъ его безъ послѣдствій.

Это было въ 1861 г. Три года спустя, въ 1864 году, нѣсколько дней послѣ смерти предсѣдателя Государственнаго

Совѣта гр. Блудова, государственный секретарь В. П. Бутковъ внесъ прямо въ общее собраніе Государственнаго Совѣта, по особому высочайшему повелѣнію, записку, составленную имъ, Бутковымъ, на основаніи мыслей, выраженныхъ ему гр. Блудовымъ, передъ самою смертью, для представленія Государю. Въ этой запискѣ гр. Блудовъ говорилъ, что для блага Россіи, для водворенія въ народѣ религіозности и для противодѣйствія вреднымъ замысламъ людей, враждебныхъ правительству, слѣдуетъ передать все управленіе народными школами «особому Высшему Совѣту», въ которомъ предсѣдателемъ былъ бы с.-петербургскій митрополитъ, а членами нѣсколько архіереевъ, министръ народнаго просвѣщенія, синодальный оберъ-прокуроръ, министръ внутреннихъ дѣлъ, шефъ корпуса жандармовъ и нѣсколько лицъ, извѣстныхъ своимъ благочестіемъ, по особому избранію Государя. Записка эта разсматривалась въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, возбудила большіе споры и, благодаря вѣскимъ доводамъ Головнина, не была одобрена большинствомъ членовъ. Съ мнѣніемъ большинства согласился и Государь, Александръ II.

Таковы были обстоятельства во время разработки перваго въ Россіи проекта закона о народныхъ школахъ.

При составленіи закона 1864 г. министерство Головнина, имѣя въ виду весьма небольшое число существовавшихъ въ то время народныхъ школъ, предполагало ввести у насъ со стороны правительства систему поощреній и пособій, предоставляя земству, городскимъ и сельскимъ обществамъ и частнымъ лицамъ большую самостоятельность въ дѣлѣ учрежденія школъ и завѣдыванія ими, надѣясь этимъ путемъ побудить всѣхъ къ увеличенію числа школъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ министерство вовсе не имѣло въ виду принять на себя управленіе народными школами и не видѣло надобности учреждать какой-либо особенный чрезвычайный за ними надзоръ. Въ этихъ же видахъ Головнинъ предположилъ учредить губерн-

скіе и уѣздные совѣты для «попеченія» о школахъ, вовсе, однако, не для управленія ими и не для полицейскаго надзора за ними, что видно уже изъ весьма малаго круга дѣятельности, предоставленнаго совѣтамъ.

Синодальный оберъ-прокуроръ Ахматовъ и министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ соглашались на учрежденіе губернскихъ и уѣздныхъ совѣтовъ лишь подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ въ губернскомъ совѣтѣ предсѣдательствовалъ архіерей и засѣдалъ, въ качествѣ члена, губернаторъ. Напрасно Головнинъ предварялъ Ахматова и Валуева, что архіерей и губернаторъ не будутъ интересоваться дѣломъ народнаго образованія и что губернскіе совѣты будутъ бездѣйствовать, что и оправдалось на практикѣ. Между тѣмъ, вслѣдствіе назначенія такихъ лицъ, какъ архіерей и губернаторъ, совѣты стали совершенно независимыми отъ попечителей учебныхъ округовъ и вообще отъ министерства народнаго просвѣщенія. Государственный Совѣтъ не согласился, чтобъ жалобы на совѣты приносились министру народнаго просвѣщенія, и замѣнилъ министра Сенатомъ, чѣмъ еще болѣе уменьшилъ то участіе попечителей учебныхъ округовъ въ дѣлахъ училищныхъ совѣтовъ, какое предоставлялось имъ министерствомъ.

Отношеніе правительства къ Положенію о народной школѣ характерно выразилось и въ финансовомъ отношеніи: на народныя школы въ 33 губерніяхъ было отпущено всего 100.000 рублей! Изъ этой суммы министерство полагало назначать пособія учителямъ, разсылать книги и учебныя пособія, не издерживая ни копѣйки на завѣдываніе школами, т.-е. на училищные совѣты, губернскіе и уѣздные, которые ничего не стоили казнѣ. Справедливость требуетъ, однако, заявить, что правительство всегда было крайне скупо къ народной школѣ. «Нельзя не вспомнить,—сказано было въ «Бесѣдѣ»,—что когда предложено было, въ честь одного изъ самыхъ торжественныхъ для Россіи событій текущаго сто-

лѣтія, замѣнить въ манифестѣ сложеніе милліонныхъ недоимокъ ассигнованіемъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ ежегодно на начальныя народныя училища—предложеніе это было отстранено, какъ не стоющее вниманія» [1]).

Училищные совѣты, губернскіе и уѣздные, принесли, однако, свою пользу. О губернскихъ можно сказать, что если они не помогали школамъ, то нисколько не мѣшали самодѣятельности земства, обществъ и частныхъ лицъ при учрежденіи школъ и завѣдываніи ими; а уѣздные совѣты, при участіи въ нихъ членовъ отъ земства, во многихъ мѣстахъ, гдѣ появлялись просвѣщенные и образованные дѣятели, принесли громадную пользу, переведя въ средѣ земскихъ собраній вопросъ о народномъ училищѣ изъ разряда благотворительныхъ въ разрядъ насущныхъ земскихъ вопросовъ. Благодаря имъ явились и школы, и учителя, и учебныя пособія, и педагогическіе курсы. Дѣятельность ихъ была бы еще плодотворнѣе, еслибъ министерство гр. Д. А. Толстого, отрѣшившись отъ своихъ предубѣжденій противъ земства, оказывало земскимъ дѣятелямъ большее вниманіе, узнавая черезъ нихъ мѣстныя нужды и стараясь удовлетворять ихъ.

Положеніе 1864 г. достигло до извѣстной степени своей цѣли — простора, самодѣятельности и самоуправленія мѣстныхъ жителей въ дѣлѣ школъ. По «Положенію» никому не отказывалось въ учрежденіи школъ, въ выборѣ учителей и учебныхъ пособій; учителямъ не навязывался единообразный для всѣхъ губерній планъ ученія, распредѣленія времени и опредѣленные учебники; не вводился въ школы единообразный порядокъ занятій, наградъ и наказаній, — напротивъ, допускалось необходимое въ педагогическомъ дѣлѣ разнообразіе и самодѣятельность учителя. Не обременялись учителя требованіемъ отъ нихъ письменныхъ отчетовъ, вѣдомостей, таблицъ. Лѣтомъ устраивались педагогическіе курсы, представ-

[1]) *Д. Дашковъ*, Нѣсколько словъ о положеніи народныхъ училищъ, въ «Бесѣдѣ», 1871, XI.

лявшіе изъ себя съѣзды учителей, гдѣ они знакомились другъ съ другомъ, сближались, мѣнялись мыслями.

Таковы основы «Положенія», какъ оно явилось въ 1864 г. Преемникъ Головнина, гр. Д. А. Толстой, иначе взглянулъ на задачи народной школы и въ 1872 году, 20-го августа, внесъ въ Государственный Совѣтъ представленіе объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей «Положенія».

Вмѣсто введенія системы поощреній и пособій, при большой самодѣятельности мѣстныхъ жителей, министерство гр. Толстого признавало болѣе полезнымъ взять въ свои руки собственно управленіе народными школами и учредить надъ ними бдительный полицейскій надзоръ. Для достиженія этой цѣли оно дѣйствовало весьма логично, назначая отъ себя во всѣ губерніи директоровъ народныхъ училищъ и во всѣ уѣзды инспекторовъ, снабжая ихъ чисто полицейскими инструкціями. Желая подчинить себѣ губернскіе училищные совѣты, министерство гр. Толстого освободило архіерея отъ предсѣдательства въ совѣтѣ и губернатора отъ засѣданія въ немъ въ качествѣ члена, замѣнило ихъ членами отъ духовнаго вѣдомства и изъ губернаторскихъ чиновниковъ и предоставило попечителю учебнаго округа большія права по завѣдыванію народными школами. Назначая въ каждый уѣздъ своего инспектора и поручая ему предсѣдательство въ уѣздномъ совѣтѣ, министерство получило весьма близкаго наблюдателя надъ школами, но это наблюденіе, судя по инструкціи, уже не педагогическое, даже не чиновничье, а чисто полицейское. Инструкція предоставила инспекторамъ большія права въ дѣлѣ внутренняго устройства школы, учрежденной и содержимой вовсе не министерствомъ, а земствомъ, обществами и частными лицами.

При обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ этихъ новыхъ взглядовъ на народную школу, выраженныхъ гр. Толстымъ, явилось сомнѣніе, чтобы этотъ новый порядокъ повелъ къ увеличенію числа школъ, и высказано было опасеніе, чтобъ

слишкомъ большой полицейскій надзоръ за школами и мелочное вмѣшательство въ ихъ внутреннюю жизнь не повели къ закрытію нѣкоторыхъ уже существующихъ школъ и не охладили желанія мѣстныхъ жителей къ учрежденію новыхъ школъ.

Эти сомнѣнія, какъ извѣстно, оказались вполнѣ основательными и опасенія сбылись въ полной мѣрѣ. Народная школа не полицейскій участокъ; она не терпитъ шаблона — она вся соткана изъ разнообразія, самобытности, своеобразности. Въ дѣлѣ педагогіи, которая есть и наука, и искусство, важны разнообразіе и самодѣятельность учителей; ограничивать ее и направлять мелочными инструкціями изъ Петербурга — значитъ вредить основному элементу школы. Раздѣленіе Германіи на многія независимыя государства имѣло, при многихъ неудобствахъ, ту хорошую сторону, что школы развивались самостоятельно и разнообразно, а не по однимъ правиламъ, преподаннымъ изъ Берлина. Единство Германіи было бы куплено слишкомъ дорогою цѣною, если бы послѣдствіемъ его явилась одноформенность всѣхъ германскихъ школъ и подчиненіе ихъ министерству въ Берлинѣ. Это вполнѣ приложимо и къ Россіи.

Къ числу полезныхъ сторонъ дѣятельности министерства гр. Толстого относится, прежде всего, учрежденіе учительскихъ семинарій. Головнинъ предполагалъ преобразовать всѣ городскія уѣздныя училища въ учительскія семинаріи; гр. Толстой признавалъ ихъ сперва совершенно ненужными, но потомъ, убѣдившись въ ошибочности своего мнѣнія, добился весьма полезной льготы для учителей — освобожденія отъ рекрутской повинности, вслѣдствіе чего учительскія семинаріи наполняются учениками. Въ этомъ же направленіи дѣйствовали земскія собранія и училищные совѣты: въ три года, съ 1869 по 1871 г., число учительскихъ курсовъ и съѣздовъ возросло съ 5-ти на всю Россію до 10-ти слишкомъ на одинъ Московскій учебный округъ.

Съ точки зрѣнія гр. Д. А. Толстого полезно было также

освободить губернатора и архіерея отъ участія въ губернскомъ училищномъ совѣтѣ, такъ какъ оба они, при многосложности своихъ прямыхъ обязанностей, не могли удѣлять ему много времени.

Подобную мѣру по отношенію къ архіереямъ могъ предложить и провести только министръ, состоявшій въ то же время оберъ-прокуроромъ Синода.

Сказаннымъ и ограничивается доброе вліяніе министерства гр. Толстого на народную школу. Его дурное вліяніе имѣло значительный перевѣсъ и выразилось рѣзче всего въ противопоставленіи церковно-приходской школы школѣ народной. Собственно говоря, это противопоставленіе само по себѣ есть уже non sens — обѣ эти школы, народная и церковноприходская, составляютъ и должны составлять одно; только искусственныя, канцелярскія стремленія могутъ создавать антагонизмъ между двумя школами, преслѣдующими одну и ту же цѣль и достигающими ея одними и тѣми же средствами. Такова теорія; практика не всегда ей соотвѣтствуетъ, и это необходимо, конечно, имѣть въ виду, не обостряя, однако, этихъ отношеній до противопоставленія.

Священникъ есть священникъ; учитель есть учитель. Конечно, священникъ можетъ быть учителемъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что священникъ долженъ быть учителемъ. Возродившійся вслѣдствіе нелогичнаго вывода антагонизмъ между священникомъ и учителемъ породилъ много недоразумѣній и принесъ народному образованію много вреда. Принесъ и приноситъ. Какимъ образомъ этотъ вредъ проявляется — легко усмотрѣть, напримѣръ, изъ «Правилъ надзора за религіозно-нравственнымъ направленіемъ ученія и воспитанія въ начальныхъ народныхъ училищахъ». Эти правила изданы для костромской епархіи, но, съ небольшими измѣненіями, ихъ можно услѣдить и въ другихъ епархіяхъ.

Возложивъ на мѣстныхъ священниковъ-настоя
квей обязанность «наблюдать за образомъ

ніемъ учителей внѣ училищъ во всякое время», правила такъ специализируютъ свои заподозриванія учителя: «Безнравственное поведеніе, пьянство, страсть къ игрѣ, легкомысленное дѣланіе долговъ, упрямое неповиновеніе начальству, неуживчивость въ служебныхъ отношеніяхъ и т. п., чѣмъ вообще учитель теряетъ уваженіе дѣтей, суть пороки, не согласные съ качествами истиннаго учителя. Тѣмъ болѣе нетерпимы въ учителѣ вольномысліе о предметахъ вѣры — кощунство, глумленіе надъ уставами церкви, нарушеніе постовъ, пренебреженіе къ духовнымъ лицамъ, опущеніе воскресныхъ и праздничныхъ церковныхъ службъ, безчинное стояніе въ церкви, нарушеніе долга исповѣди и св. причастія. Если подобные пороки замѣчены будутъ въ учителѣ, то мѣстный священникъ, сначала наединѣ, ласково напомнитъ ему его обязанности; въ случаѣ повторенія, сдѣлаетъ ему внушительное замѣчаніе при двухъ или трехъ прихожанахъ; когда же и послѣ этого учитель не исправится, священникъ доноситъ мѣстному благочинному».

Связанный по рукамъ и по ногамъ, учитель отданъ въ полную власть священника внѣ училища; свободнѣе ли онъ въ училищѣ? По этому поводу «Правила надзора» гласятъ такъ:

«Священникъ обязанъ наблюдать, не внушается ли учащимся при преподаваніи чего-либо противнаго православной вѣрѣ или колеблющаго чувства преданности церкви и ея служителямъ, престолу и отечеству, повиновенія закону и любви къ порядку; не преподаютъ ли предметы, по закону для начальныхъ народныхъ училищъ не положенные, напр., міровѣдѣніе [1]) и т. п.; всѣ ли учебники, употребляемые въ училищѣ, одобрены Духовнымъ Вѣдомствомъ или Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія; не даются ли ученикамъ для чтенія книги романическаго содержанія, также заклю-

---

[1]) Намекъ на «Міровѣдѣніе» знаменитаго педагога В. А. Золотова, прославившагося своими «Таблицами для взаимнаго обученія чтенію и письму».

чающія въ себѣ вольнодумство, кощунство, глумленіе надъ существующимъ порядкомъ и т. д.» [1]).

Подобныя заподозриванія недостойны ни сельскаго учителя, ни православнаго архипастыря.

Одно изъ важнѣйшихъ условій успѣха въ дѣлѣ народнаго образованія — уваженіе къ учителю. Въ Пруссіи особымъ закономъ воспрещено кому бы то ни было прерывать урокъ въ классѣ и тѣмъ болѣе дѣлать замѣчанія учителю въ присутствіи учениковъ; у насъ же нерѣдко инспекторъ не подаетъ руки учителю. Мы до сихъ поръ еще не сознаемъ, что сельскій педагогъ, учитель гимназіи, профессоръ университета, академикъ — совершенно равныя единицы и іерархически не могутъ быть подчинены другъ другу; намъ все еще чуждъ взглядъ на народное училище, какъ на нѣчто цѣльное въ самомъ себѣ, не зависящее отъ другихъ учебныхъ заведеній и, по своему значенію, человѣческому и политическому, стоящее наравнѣ съ университетомъ, несмотря на лѣта учениковъ, на уровень ихъ познаній, на общественное ихъ положеніе; мы все еще называемъ народную школу начальною хотя болѣе 100 милліоновъ кончаютъ въ ней свое образованіе.

---

[1]) Къ числу такихъ «ужасныхъ» книгъ отнесена преосвященнымъ брошюра А. Суворина: «Разсказы изъ русской исторіи. Бояринъ Матвѣевъ». Изд. Общ. распростр. полезн. книгъ. Москва, 1864.

СРЕДНЯЯ ШКОЛА ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

Русская Школа, 1900, апрѣль.

Средняя школа въ Россіи тридцать лѣтъ назадъ.

Не дается намъ средняя школа. Это большое для насъ горе. Если въ устройствѣ народной школы [1]) мы все еще колеблемся между церковной и земской, то это колебаніе не можетъ быть особенно вреднымъ, такъ какъ оба эти типа народной школы, земскій и церковный, служатъ одной и той же цѣли и, въ концѣ концовъ, все же приносятъ пользу народу, хотя и не въ равной степени. Не то съ средней школой: до тѣхъ поръ, пока мы не уяснимъ себѣ значенія классической и реальной системъ образованія, до тѣхъ поръ мы не будемъ имѣть средней школы, ни классической, ни реальной. Собственно говоря, мы ихъ и не имѣемъ: наши классическія гимназіи, какъ и реальныя училища, настолько неудовлетворительны, что опять, какъ тридцать лѣтъ назадъ, поднятъ вопросъ объ упорядоченіи нашей средней школы.

Въ чемъ же дѣло? Не сложный самъ по себѣ вопросъ о классицизмѣ и реализмѣ,—вопросъ, такъ всесторонне разработанный западно-европейскою образованностью, предстоитъ нашему рѣшенію въ своеобразной чисто русской формѣ, созданной самою исторіею нашего русскаго просвѣщенія. Это усложненіе необходимо ясно уразумѣть, чтобъ рѣшить вопросъ не по шаблону, заимствованному съ Запада, а сообразно этой особенности нашей культуры, рѣшить не общій вопросъ, не въ принципѣ, какъ давно уже рѣшенный до насъ, а вопросъ въ его русской исторической постановкѣ. Въ чемъ же собственно дѣло?

[1]) См. предыдущій очеркъ.

Исторія развитія нашихъ учебныхъ заведеній прямо противоположна западно-европейской: тамъ школы создавались обществомъ, у насъ—правительствомъ; тамъ основывались, прежде всего, школы общеобразовательныя, у насъ—спеціальныя, техническія.

Извѣстно, какъ зародились и развивались на Западѣ первыя школы, называвшіяся университетами, такъ какъ въ нихъ преподавались всѣ науки—universitates litterarum; извѣстно, какъ потомъ, съ развитіемъ университетовъ, создавались подготовительныя къ нимъ школы, тоже общеобразовательныя. На Западѣ науки не преподавались иначе, какъ на латинскомъ языкѣ, и поэтому не было возможности приступить къ наукѣ, не ознакомившись съ тѣмъ языкомъ, на которомъ она преподается. Вотъ въ чемъ заключается, между прочимъ, секретъ могущества классической средней школы въ Западной Европѣ. Тамъ, на Западѣ, школы спеціальныя, техническія возникли много столѣтій позже общеобразовательной классической школы, и собственно реальныя школы, какъ общеобразовательныя, развились уже на нашихъ глазахъ.

У насъ не то. Петръ В., задумавъ свои преобразованія, нуждался, прежде всего, въ спеціалистахъ, техникахъ всякаго рода, и у насъ были основаны, прежде всего, школы спеціальныя—навигаціонныя, военныя, горныя и др. Долгое время и послѣ Петра В. мы больше нуждались въ спеціалистахъ, чѣмъ въ образованныхъ людяхъ вообще: наши спеціально военныя школы давали достаточный контингентъ людей, годныхъ для государственной дѣятельности, вовсе не нуждающейся въ собственно техническихъ знаніяхъ. Чтобы сознать недостаточность этихъ спеціальныхъ школъ и, слѣдовательно, почувствовать потребность въ общеобразовательныхъ школахъ, нужна была такая степень умственнаго развитія общества, которая могла быть достигнута лишь въ сравнительно новѣйшее время, уже въ XIX столѣтіи. Въ XVIII вѣкѣ у насъ вовсе не было среднихъ общеобразовательныхъ заве-

деній: открытая въ 1747 г. первая въ Петербургѣ гимназія, при Академіи Наукъ, для приготовленія студентовъ въ университетъ, котораго не существовало, равно какъ учрежденныя гимназіи въ Москвѣ, въ 1755 г., и въ Казани, въ 1758 г., обѣ съ двумя отдѣленіями, для дворянъ и для разночинцевъ,—были гимназіями только по названію, и въ нихъ, подобно военнымъ школамъ, преобладали военныя науки, до «воинской архитектуры» включительно.

Въ 1804 г. изданъ былъ первый общій уставъ гимназій и училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Этимъ уставомъ была создана у насъ первая общеобразовательная школа, которой, согласно съ духомъ русскаго просвѣщенія, былъ приданъ преимущественно реальный характеръ [1]). Только 25 лѣтъ спустя, въ 1828 г., изданъ былъ новый уставъ гимназій, при чемъ имъ впервые приданъ былъ классическій характеръ—въ основу учебнаго курса было положено изученіе обоихъ древнихъ языковъ и математики. Такъ на бумагѣ, въ уставѣ; на дѣлѣ же иное: за невозможностью имѣть достаточное число учителей греческаго языка, этотъ предметъ былъ введенъ только въ пяти гимназіяхъ (при пяти университетахъ: въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Казани и Кіевѣ), а въ прочихъ, съ однимъ латинскимъ языкомъ, усилено преподаваніе математики и новыхъ иностранныхъ языковъ и введено обученіе естественной исторіи, по примѣру возникавшихъ тогда въ Пруссіи общеобразователь-

[1]) Это ясно изъ учебнаго курса, въ который входили слѣдующіе предметы: 1) чистая математика — алгебра, геометрія, плоская тригонометрія; 2) прикладная математика—статика, механика, опытная физика; 3) исторія съ миѳологіею и древностями; 4) естественная исторія; 5) начальныя основанія о торговлѣ; 6) технологія; 7) географія и статистика, отечественная и всеобщая; 8) философія—логика, всеобщая грамматика, психологія, этика; 9) изящныя науки—эстетика и реторика; 10) политическія науки,—политическая экономія, право естественное и международное; 11) латинскій, нѣмецкій и французскій языки, и 12) рисованіе. Итого: 30 предметовъ, проходимыхъ въ 4-хъ-лѣтній курсъ! Въ Высочайшемъ манифестѣ 13-го іюля 1826 г. было признано необходимымъ «устранить эту *роскошь полузнаній*».

ныхъ реальныхъ училищъ. Греческій языкъ остался предметомъ необязательнымъ, вводился постепенно и изъ 70 гимназій преподавался въ 1848 г. только въ 40 гимназіяхъ. Между тѣмъ, въ 1849 г. само правительство признало *обученіе древнимъ языкамъ вреднымъ* [1]): число уроковъ латинскаго и греческаго языковъ значительно понижено, введено преподаваніе русскаго законовѣдѣнія, усилено преподаваніе естественной исторіи, физики, химіи, физіологіи; греческій языкъ изгнанъ изъ всѣхъ гимназій, кромѣ одной на каждый округъ, «для спеціальнаго приготовленія учащихся къ филологическому факультету» [2]).

Такимъ образомъ, до половины XIX столѣтія русская средняя школа развивалась въ направленіи, противномъ классической системѣ, и носила болѣе утилитарный характеръ, чѣмъ общеобразовательный. Такое направленіе дано средней школѣ самимъ правительствомъ, при чемъ русское общество въ оффиціальныхъ же актахъ почерпало свое недовѣріе къ классицизму. Въ этомъ-то и заключается чисто русская особенность, которую необходимо имѣть въ виду при установленіи общихъ нормъ русской средней школы.

Въ 1861 г., съ назначеніемъ А. В. Головнина на постъ министра народнаго просвѣщенія, вопросъ о средней школѣ былъ поставленъ на очередь, рядомъ съ вопросами о народной школѣ и объ университетахъ. Въ составленной при непосредственномъ участіи А. С. Воронова, бывшаго директора 2-й С.-Петербургской гимназіи, «Запискѣ къ проекту устава гимназій 1863 г.», положеніе тогдашнихъ гимназій изображено въ слѣдующемъ видѣ:

«Гимназіи утратили свой первоначальный классическій характеръ и пришли, въ отношеніи учебнаго курса, къ неудовлетворительному состоянію.

---

[1]) Высочайшее повелѣніе отъ 21-го марта 1849 г. и распоряженіе мин. нар. просв. отъ 6-го мая 1849 г.

[2]) ...ысочайшее повелѣніе отъ 12-го октября 1851 г.

«Законовѣдѣніе, которое для желающихъ поступить на службу замѣнило латинскій языкъ, оказалось рѣшительно безплоднымъ; преподаваніе естественной исторіи, при недостаткѣ хорошихъ руководствъ, скудости учебныхъ пособій и рѣдкости способныхъ учителей, далеко не принесло той пользы, которой отъ него ожидали; новые языки, по относительной своей легкости и недостаточному образованію большей части учителей, хотя и были усилены, но не могли замѣнить собою устраненные изъ курса древніе языки, требующіе продолжительныхъ и усидчивыхъ занятій».

Требовалось коренное преобразованіе средней школы, при чемъ необходимо было имѣть въ виду, что общество, воспитанное на реализмѣ, уже по этому только враждебно относится къ классицизму. Ни Головнинъ, ни Вороновъ, никто изъ членовъ только что учрежденнаго тогда Совѣта Министра, не раздѣляли, конечно, ни крайней ненависти къ классицизму, ни не менѣе крайней склонности къ реализму. Обѣ эти крайности легко были объяснимы историческимъ путемъ, но никоимъ образомъ не могли быть оправданы.

Великая образовательная сила изученія древнихъ языковъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Многовѣковымъ опытомъ всѣхъ образованныхъ странъ Европы доказано, что древніе языки, греческій и латинскій, даютъ уму человѣческому такую здоровую гимнастику, которая превосходно приготовляетъ его ко всякой другой, не только отвлеченной, но даже и реальной работѣ. Только классическое образованіе въ обширномъ смыслѣ слова, только то, что на Западѣ разумѣютъ подъ humaniora, human learning, humanités, способно должнымъ образомъ сформировать государственный умъ, создать ученаго, развить философа. И въ государственныхъ людяхъ, и въ передовыхъ двигателяхъ наукъ, и въ великихъ мыслителяхъ крайне нуждается государство. Это—соль земли. Для приготовленія ихъ необходимы классическіе курсы, требующіе обезпеченнаго досуга для продолжительныхъ и усидчивыхъ занятій.

Кромѣ соли, государству не менѣе нужны и просто образованные люди. Въ арміи народной интеллигенціи весьма нужны вожди, предводители, но не менѣе нужны и рядовые дѣятели. Ихъ значительное большинство и имъ не по силамъ классическое образованіе, ни по времени, ни по средствамъ. Къ классическому образованію вполнѣ примѣнимо евангельское изреченіе: «могій вмѣстити да вмѣститъ». А не могій? Для такого общество наше давно уже и настоятельно требовало реальнаго образованія. Съ такимъ настроеніемъ общества необходимо считаться. Это настроеніе вытекаетъ какъ изъ исторіи нашего развитія, шедшаго до послѣдняго времени исключительно путемъ реализма, такъ и изъ самой сущности дѣла, т.-е. изъ требованій жизни, удовлетвореніе которыхъ только и можетъ оправдать ту или другую школьную систему. Дѣйствительно, нельзя отрицать образовательное вліяніе математики, точныхъ частей естествовѣдѣнія, новыхъ языковъ и графическихъ искусствъ, если къ нимъ даже и вовсе не присоединяется изученіе древнихъ языковъ; въ настоящее время нельзя уже говорить, что эти предметы, если они преподаются съ достаточною напряженностью, не могутъ придать уму того развитія, какое при нынѣшней потребности въ просвѣщеніи мы соединяемъ съ понятіемъ образованнаго человѣка; но для этого необходимо, конечно, чтобъ упомянутые предметы проходимы были серьезно, чтобы трудъ, полагаемый на ихъ изученіе, былъ способенъ дисциплинировать умъ и волю учащихся, подобно труду, полагаемому на изученіе древнихъ языковъ.

Общественная жизнь слагается изъ многостороннихъ интересовъ. Правильная оцѣнка и содѣйствіе успѣху однихъ изъ нихъ скорѣе и лучше могутъ быть исполнены людьми съ классическимъ образованіемъ; для другихъ же имѣетъ преимущество образованіе реальное. Чтобы общество могло правильно и гармонически развиваться, въ немъ должны быть вполнѣ образованные люди съ однимъ и съ другимъ направленіемъ.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, тѣ соображенія, на основаніи

которыхъ Государственный Совѣтъ, послѣ продолжительныхъ и всестороннихъ обсужденій, единогласно принялъ въ 1864 г. мысль министра Головнина, что «гимназіи имѣютъ цѣлью доставить воспитывающемуся въ нихъ юношеству *общее образованіе*» и что, «по различію предметовъ, содѣйствующихъ общему образованію, гимназіи раздѣляются на классическія и реальныя».

Вотъ коренная основа русской средней школы — прежде всего, общеобразовательной, согласно человѣческой природѣ, и, затѣмъ уже, классической или реальной, согласно западно-европейскому типу и чисто русскимъ особенностямъ. По продолжительности обученія, по серьезности требованій, по предоставляемымъ правамъ, даже по названію «гимназистами», классики и реалисты сравнены, насколько это сравненіе допустимо въ данномъ случаѣ: изъ средней школы въ высшую открыта настежь дверь — для классиковъ въ университетъ, для реалистовъ въ высшія техническія училища, причемъ не закрытъ ходъ и реалистамъ въ университетъ, но съ непремѣннымъ условіемъ восполнить свое образованіе пріобрѣтеніемъ необходимыхъ для университета свѣдѣній въ латинскомъ языкѣ [1]).

---

[1]) Въ гимназіяхъ полагалось семь классовъ, съ годовымъ курсомъ для каждаго класса (§ 3); прогимназіи, составляющія четыре низшіе класса гимназіи, могутъ быть учреждаемы отдѣльно и также раздѣляются на классическія и реальныя (§ 5). Учебный курсъ состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ: *въ классическихъ гимназіяхъ:* Законъ Божій, русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесность, латинскій и греческій языки, математика, физика и космографія, исторія и географія, естественная исторія (краткое наглядное объясненіе трехъ царствъ природы), нѣмецкій и французскій языки (только одинъ обязателенъ), чистописаніе, рисованіе и черченіе, пѣніе и гимнастика (необязательно, для желающихъ); *въ реальныхъ гимназіяхъ:* а) въ одинаковомъ объемѣ съ классическими: Законъ Божій, русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесность, исторія, географія и чистописаніе; б) въ большемъ объемѣ: математика, естественная исторія, съ присоединеніемъ къ ней химіи, физики и космографія; нѣмецкій и французскій языки (оба обязательно), рисованіе и черченіе; пѣніе и гимнастика (необязательно, для желающихъ). См. уставъ §§ 30, 40 и примѣч.

Наша средняя школа первая же испытала на себѣ, до какой степени неустойчивы еще и шатки у насъ взляды на образованіе юношества.

Выработанный въ министерство Головнина уставъ гимназій Высочайше утвержденъ 14-го ноября 1864 г. Полтора года спустя, 4-го апрѣля 1866 г.—злодѣйское покушеніе Каракозова; десять дней спустя, 14-го апрѣля, Головнинъ уволенъ отъ должности министра народнаго просвѣщенія и на его мѣсто назначенъ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода гр. Д. А. Толстой. 3-го мая попечитель Петербургскаго округа И. Д. Деляновъ назначается товарищемъ министра; 12-го мая, циркуляромъ по управленію Петербургскаго учебнаго округа, обнародуется имъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Я пережилъ трудное и горестное для учебныхъ заведеній время, когда извѣстная часть общества, пораженная какимъ-то нравственнымъ недугомъ, старалась привить его къ безоружной противъ соблазновъ и искушеній молодежи и, несмотря на все наше противодѣйствіе, вслѣдствіе разныхъ прискорбныхъ обстоятельствъ, успѣла ввести этотъ недугъ не только въ университетъ, но и въ среднія учебныя заведенія... При помощи Божіей изъ гимназій *усиленно и неуклонно* изгоняется поверхностность ученія, которая всегда гибельно дѣйствуетъ на человѣка, раздражая умъ и повергая его въ немощное состояніе, въ совершенную неспособность къ самостоятельному труду».

Такимъ образомъ, вслѣдъ за увольненіемъ Головнина, гимназіи стали «усиленно и неуклонно» подвергаться измѣненію своего учебнаго плана. Въ чемъ состояли эти измѣненія—до настоящаго времени неизвѣстно; но смыслъ и цѣль этихъ измѣненій вскорѣ обнаружились для всѣхъ.

Слишкомъ за годъ до перваго выпуска изъ гимназій, образованныхъ по уставу 1864 г., министръ народнаго просвѣщенія гр. Толстой представилъ въ Государственный Совѣтъ

три проекта [1]) о низшихъ и среднихъ школахъ. Государственный Совѣтъ оказался въ довольно затруднительномъ положеніи: онъ только что единогласно утвердилъ представленіе министра Головнина, и теперь приглашался вновь пересмотрѣть свое рѣшеніе, удостоившееся уже Высочайшаго утвержденія, при чемъ ему предлагалось кореннымъ образомъ измѣнить свои мнѣнія и взгляды. Неловкость, даже безвыходность положенія Государственнаго Совѣта бросалась въ глаза всѣмъ и, прежде всего, Императору Александру II. Выходъ, однако, былъ найденъ сравнительно удачный и заранѣе обезпечивавшій успѣхъ новымъ проектамъ: по Высочайшему повелѣнію отъ 11-го марта 1871 года изъ членовъ Государственнаго Совѣта было образовано особое «Присутствіе для разсмотрѣнія проектовъ по части народнаго образованія» [2]). Оно должно было разсмотрѣть проекты «на правахъ департамента Государственнаго Совѣта и заключеніе свое внести въ общее онаго собраніе»; Присутствію предоставлялось право «приглашать экспертовъ изъ лицъ, спеціально знакомыхъ съ дѣломъ народнаго образованія».

Къ чести Присутствія должно сказать, что оно вѣрно поняло главный смыслъ проектированныхъ гр. Толстымъ измѣненій и, прежде всего, обратилось къ обсужденію наиболѣе важнаго въ данномъ случаѣ вопроса: должны ли, на ряду съ классическими гимназіями, существовать и гимназіи реаль-

---

[1]) 1) о преобразованіи реальныхъ гимназій въ реальныя училища; 2) объ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ уставѣ гимназій и прогимназій, Высочайше утвержденномъ 19-го ноября 1864 г., и 3) проектъ положенія и штатовъ городскихъ училищъ и учительскихъ институтовъ.

[2]) Подъ предсѣдательствомъ г.-а. гр. С. Г. Строганова, бывшаго попечителя Московскаго университета, Присутствіе состояло изъ 14-ти членовъ: Ихъ Императорскихъ Высочествъ Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича и принца П. Г. Ольденбургскаго, г.-а. Чевкина, адмираловъ гр. Литке и гр. Путятина, статсъ-секретарей: гр. Панина, Валуева, Головнина, кн. Урусова, Грота и Тройницкаго, министровъ: военнаго, финансовъ и народнаго просвѣщенія.

ныя, дающія также право поступленія безъ экзамена въ университетъ?

Семь лѣтъ назадъ, обсуждая этотъ же самый вопросъ. Государственный Совѣтъ далъ утвердительный отвѣтъ, единогласно признавъ, что гимназіи доставляютъ своимъ воспитанникамъ общее образованіе и что, по различію предметовъ, содѣйствующихъ общему образованію, гимназіи могутъ быть классическія и реальныя. Теперь, гр. Толстой неоднократно заявлялъ въ Присутствіи совершенно иной взглядъ, который онъ, по просьбѣ предсѣдателя гр. Строганова, формулировалъ довольно точно въ слѣдующихъ трехъ положеніяхъ:

1) Гр. Толстой «признаетъ только одно общее образованіе—классическое и, отвергая возможность всякаго *дуализма*, не допускаетъ, чтобы науки естественныя могли имѣть общеобразовательное значеніе»; вслѣдствіе этого

2) гр. Толстой «считаетъ общеобразовательными средними учебными заведеніями исключительно только *классическія гимназіи* съ двумя древними языками и упраздняетъ нынѣшнія реальныя гимназіи, какъ устроенныя на *ошибочномъ* основаніи», и, наконецъ,

3) гр. Толстой, «взамѣнъ реальныхъ гимназій, учреждаетъ реальныя училища нѣсколькихъ родовъ [1]), полагая ввести въ нихъ параллельно *общее образованіе* и спеціальные курсы».

Эти три положенія возбудили жаркія пренія, при чемъ гр. Толстой, не щадя ни себя, ни своей almae matris, горячо защищалъ «свои личныя убѣжденія». На шутливое замѣчаніе гр. В. Н. Панина, воспитанника Московскаго университета, что, на основаніи этихъ положеній, Александровскій лицей, воспитавшій гр. Толстого, ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть признанъ классическимъ, «даже безъ каламбура» —

[1]) Комбинируя четыре младшіе класса съ двумя классами основного отдѣленія и съ тремя отдѣленіями дополнительнаго класса, проектъ создавалъ 85 различныхъ видовъ реальныхъ училищъ.

гр. Толстой пожалѣлъ, что не ему былъ предоставленъ выборъ училища, его воспитавшаго; болѣе ѣдкое заявленіе К. В. Чевкина, бывшаго главноуправляющаго путями сообщеній, что гр. Толстой, не бывъ ни въ классической гимназіи, ни въ университетѣ, признаетъ, однако, себя способнымъ быть и оберъ-прокуроромъ, и министромъ, вызвало со стороны гр. Толстого откровенное признаніе, что, получивъ классическое образованіе, онъ, конечно, лучше бы исполнялъ возлагаемыя на него Государемъ Императоромъ обязанности. Только на одно замѣчаніе гр. Ѳ. П. Литке, президента Академіи Наукъ, гр. Толстой не нашелся что отвѣтить: указывая, что Европа заимствовала свое образованіе отъ греко-римскаго міра, а мы—отъ Европы, гр. Литке замѣтилъ, что «мы не можемъ быть ровесниками своихъ отцовъ, ни сыновьями своихъ дѣдовъ».

Особенно сильно возражалъ противъ трехъ положеній К. К. Гротъ, бывшій главноуправляющій учрежденіями Императрицы Маріи; особенно доказательно—А. В. Головнинъ, бывшій министръ народнаго просвѣщенія. Въ концѣ-концовъ, Присутствіе, послѣ долгихъ преній, раздѣлилось на два лагеря; шесть членовъ были противъ предложенія гр. Толстого, восемь—за [1]). Въ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ важно, однако, не число голосовъ, а убѣдительность доводовъ.

Не допуская сомнѣнія въ общеобразовательномъ значеніи древнихъ языковъ, шесть членовъ [2]) не признавали, однако, возможнымъ приписывать такое общеобразовательное значеніе исключительно однимъ древнимъ языкамъ и, поэтому, не могли признать общеобразовательными заведеніями только однѣ классическія гимназіи. По мнѣнію шести членовъ, это значило бы идти совершенно въ разладъ съ самыми положительными указаніями современной педагогической теоріи и практики.

[1]) Одинъ членъ, министръ финансовъ А. С. Грейгъ, не признавалъ «ни необходимымъ, ни полезнымъ» обсуждать этотъ общій вопросъ.

[2]) Гр. Литке, гр. Панинъ, Чевкинъ, Милютинъ, Головнинъ и Гротъ.

Во всѣхъ государствахъ Западной Европы признаются въ настоящее время два пути общаго образованія: *классическій*, основывающійся на изученіи древнихъ языковъ и математики, и *реальный*—на изученіи естественныхъ наукъ, математики и отечественнаго и новыхъ языковъ. Согласно этому, въ западно-европейскихъ государствахъ существуютъ и общеобразовательныя заведенія двухъ родовъ—классическія и реальныя. Не только въ Пруссіи и во всѣхъ германскихъ государствахъ, равно какъ въ Швеціи и Норвегіи, но въ Бельгіи и даже въ Англіи, гдѣ классическая система пользуется особеннымъ уваженіемъ, существуютъ, рядомъ съ классическими, и реальныя общеобразовательныя школы (Division of modern instruction).

По предложенію статсъ-секретаря Головнина, въ Присутствіи было прочтено, въ русскомъ переводѣ, слѣдующее мотивированное мнѣніе по этому поводу изъ прусскаго устава [1]) реальныхъ училищъ:

«Реальныя училища имѣютъ своимъ назначеніемъ доставлять общее научное (wissenschaftliche) образованіе къ тѣмъ высшимъ призваніямъ (höhere Berufsarten), для которыхъ не требуются академическія факультетскія занятія; поэтому, при учрежденіи этихъ училищъ первымъ руководящимъ основаніемъ не должны быть непосредственныя потребности практической жизни, но цѣль ихъ—поставить способности учащихся на ту степень развитія, на которой они могли бы правильно сознавать свое будущее призваніе въ жизни. Реальныя училища—не спеціальныя училища (keine Fachschulen), но такъ же, какъ и классическія гимназіи, имѣютъ цѣлью общее образованіе и должны сообщать основныя общеобразовательныя познанія. Поэтому, между классическими гимназіями и реальными училищами нѣтъ различія въ принципѣ, они только взаимно ограничиваютъ и дополняютъ другъ друга. Они раз-

[1]) Unterrichts und Prüfungs Ordnung für Realschulen und höhere Bürgerschulen, von 6 October 1859. Erläuternde Bemerkungen.

дѣляютъ между собою одно и то же назначеніе—сообщать общее образованіе, необходимое для всѣхъ родовъ высшаго спеціальнаго изученія. Это раздѣленіе сдѣлалось необходимымъ вслѣдствіе развитія наукъ и требованій современной жизни, и реальныя училища постепенно пріобрѣли себѣ, при этомъ, совмѣстное положеніе съ классическими гимназіями. Между тѣмъ какъ въ гимназіяхъ, для достиженія ихъ цѣли, главнымъ средствомъ служитъ изученіе двухъ древнихъ языковъ и потомъ математики, училища, по своему назначенію, болѣе направленному къ удовлетворенію требованій настоящаго, придаютъ бо́льшій вѣсъ научному познанію явленій реальнаго міра и изученію родного и новыхъ языковъ главнѣйшихъ образованныхъ народовъ Европы».

Кажется, ясно. Въ виду такихъ фактовъ, признаваемыхъ въ самыхъ классическихъ государствахъ Европы, предложеніе гр. Толстого объ упраздненіи въ Россіи реальныхъ гимназій и о введеніи одного рода общеобразовательныхъ заведеній, только классическихъ гимназій, являлось для шести членовъ Присутствія «по крайней мѣрѣ совершеннымъ анахронизмомъ». Чтобы согласиться съ мнѣніемъ, что наши реальныя гимназіи 1864 г. имѣютъ «ошибочное» основаніе и что естественныя науки не могутъ считаться общеобразовательными, необходимо предварительно доказать, что вся Европа, признающая два рода общеобразовательныхъ заведеній и общеобразовательное значеніе естественныхъ наукъ, ошибается.

Гр. Толстой, въ своемъ представленіи объ измѣненіяхъ въ уставѣ гимназій, говоритъ: «Вопросъ между древними языками и всякимъ другимъ способомъ обученія есть вопросъ между нравственнымъ и матеріалистическимъ направленіемъ обученія и воспитанія, а слѣдовательно и всего общества (стр. 8). Надлежащее пониманіе учениками преподаннаго имъ изъ всѣхъ другихъ наукъ (кромѣ древнихъ языковъ и математики), особенно же изъ естествовѣдѣнія, почти ускользаетъ изъ-подъ учительскаго контроля, почему здѣсь и возможно,

съ одной стороны, развитіе крайняго самомнѣнія, а съ другой — образованіе самыхъ превратныхъ воззрѣній» (стр. 9).

Если это справедливо, замѣтилъ гр. Панинъ, какимъ же образомъ европейскія правительства, въ томъ числѣ и прусское, не только дозволяютъ, но и поддерживаютъ такія общеобразовательныя училища, которыя приносятъ только великій нравственный вредъ обществу и народу?

Науки, сами по себѣ, не имѣютъ способности дѣлать человѣка нравственнымъ, или матеріалистомъ, внушать ему скромность, или самомнѣніе. Благодѣтельное или вредное вліяніе обученія зависитъ отъ способа его преподаванія, отъ достоинствъ или недостатковъ учителя. Плохой учитель древнихъ языковъ весьма легко можетъ поселить въ ученикѣ отвращеніе ко всякому серьезному ученію, а отличный преподаватель естественныхъ наукъ воспользуется ими, чтобы развить въ дѣтяхъ внимательность, наблюдательность, способность сравнивать и соображать. «При правильномъ способѣ преподаванія реальныхъ наукъ,—говоритъ проф. Н. И. Козловъ, начальникъ Медико-хирургической Академіи,—молодой умъ развивается стройно и основательно въ постоянной работѣ синтеза и анализа, въ наведеніяхъ и выводахъ, восходящихъ съ непоколебимою, какъ законы природы, логическою постепенностью отъ простого къ болѣе важному и трудному предмету пониманія. Реальныя науки, воспитывая человѣка въ пониманіи вѣчныхъ, неизмѣнныхъ законовъ природы, при неистощимой измѣняемости проявленія ихъ силъ, служатъ прочнѣйшимъ и самымъ многостороннимъ средствомъ для нравственнаго воспитанія человѣка. Изъ методически научной провѣрки каждаго невѣрно выведеннаго умозаключенія, изъ неизбѣжной необходимости поправить его, вырабатываются правдивость и стойкость; изъ постояннаго сопоставленія ограниченности, несовершенства и непрочности собственныхъ силъ съ безпредѣльностью, совершенствомъ и вѣчностью силъ, управляющихъ вселенною и ее возобновляю-

щихъ, слагается въ молодой душѣ почва для религіознаго вѣрованія».

Отрицая реальныя гимназіи, гр. Толстой говоритъ въ своемъ представленіи въ Государственный Совѣтъ: «Наибольшій недостатокъ нынѣ дѣйствующихъ узаконеній о реальныхъ гимназіяхъ заключается въ отсутствіи какого бы то ни было приноровленія курса этихъ гимназій къ специальнымъ потребностямъ какихъ бы то ни было отраслей промышленности (стр. 13). Курсъ реальныхъ гимназій не представляетъ ни малѣйшаго приноровленія къ специальнымъ потребностямъ какой-либо промышленной дѣятельности» (стр. 16).

То, что здѣсь выставлено какъ недостатокъ, есть именно несомнѣнное достоинство реальныхъ гимназій, на основаніи той педагогической истины, подтверждаемой опытомъ образованнѣйшихъ государствъ Западной Европы, что школы, преслѣдующія одновременно цѣли формальныя (развитіе способностей) и цѣли практическія (сообщеніе специальныхъ техническихъ знаній), не въ состояніи достигнуть ни тѣхъ, ни другихъ. «Ученіе въ реальной школѣ,—говоритъ знаменитый Шпиллеке,—до тѣхъ поръ не дастъ никакихъ полезныхъ результатовъ, пока въ немъ будетъ смѣшиваться преподаваніе общеобразовательныхъ предметовъ съ специальными, промышленными. Такое смѣшеніе разрываетъ слабыя духовныя силы учениковъ, не позволяетъ имъ сосредоточиться ни на общихъ предметахъ, ни на специальныхъ, и потому ученики запоминаютъ только какіе-то отрывки знаній общихъ и специальныхъ, безъ всякой внутренней разумной связи, и потому совершенно безполезные какъ для дѣятельности въ жизни, такъ и для нравственнаго облагораживанія и возвышенія ума и сердца учащихся. Но такое смѣшанное ученіе не ограничивается только безполезными результатами; оно приноситъ еще и положительный вредъ учащемуся юношеству, потому что дѣлаетъ его навсегда неспособнымъ серьезно и разумно заняться какимъ бы то ни было дѣломъ. Поэтому, нисколько

не удивительно, что ни купцы, ни фабриканты, ни заводчики, ни сельскіе хозяева не даютъ у себя мѣстъ окончившимъ курсъ ученія въ такихъ утилитарныхъ реальныхъ училищахъ и, на основаніи опыта, считаютъ даже самыхъ способнѣйшихъ изъ нихъ вовсе непригодными къ трудовой работѣ».

Это было сказано въ 1821 году [1]), и съ тѣхъ поръ въ Пруссіи, Австріи, Вюртембергѣ, Саксоніи, Баваріи, Швейцаріи, Бельгіи и др. государствахъ реальныя училища начали получать чисто образовательный характеръ. У насъ же, полвѣка спустя, гр. Толстой предлагалъ, въ 1871 г., учредить реальныя училища съ профессіональнымъ характеромъ, въ 6-ти типахъ, съ начинаніемъ спеціализаціи уже въ третьемъ классѣ (дѣти 12-ти лѣтъ), или въ трехъ видахъ: техническо-химическомъ, механическомъ и коммерческомъ. Этотъ проектъ противорѣчилъ теоріи и практикѣ Западной Европы и не могъ быть основанъ на опытѣ русскихъ реальныхъ гимназій: онѣ существовали только съ 1865 г., такъ что, при семилѣтнемъ курсѣ, не успѣли къ 1871 г. дать ни одного выпуска учениковъ, по которымъ можно бы судить объ успѣшной или неуспѣшной дѣятельности этихъ заведеній.

По этимъ-то соображеніямъ, шесть членовъ Присутствія находили:

1) что предполагаемыя реальныя училища будутъ непригодны именно для той среды общества, которая не можетъ дать дѣтямъ своимъ полнаго общаго образованія, а должна готовить ихъ къ трудовой жизни, потому что, какъ доказалъ опытъ, смѣшанное одновременное преподаваніе общихъ и спеціальныхъ предметовъ можетъ только разсѣивать умственныя силы учащихся, а не пріучать ихъ къ сосредоточенію на одномъ какомъ-нибудь серьезномъ дѣлѣ;

2) что эти реальныя училища не могутъ доставлять основательнаго приготовленія ученикамъ, желающимъ поступить въ высшія спеціальныя заведенія, такъ какъ для этого они

[1]) Spilleke's Erstes Einladungs-Programm. Berlin, 1821.

должны получить правильное общее образованіе, которое невозможно въ смѣшанныхъ реальныхъ училищахъ; наконецъ,

3) что эти училища не будутъ представлять никакого правильнаго исхода для малоспособныхъ и бѣдныхъ учениковъ, которые въ огромномъ числѣ выходятъ изъ третьяго и четвертаго классовъ гимназій, достигнувъ, большею частью, 14-тилѣтняго возраста. Такіе ученики не будутъ въ состояніи окончить ученіе въ новыхъ реальныхъ училищахъ, потому что сложный курсъ ихъ будетъ для малоспособныхъ учениковъ не по силамъ, а для бѣдныхъ слишкомъ продолжителенъ.

Мало того: отвергая реальныя училища, предлагаемыя гр. Толстымъ, и высказываясь за реальныя гимназіи, устроенныя Головнинымъ, эти шесть членовъ признавали желательнымъ сдѣлать реальныя гимназіи, наравнѣ съ классическими, съ восьмилѣтнимъ курсомъ (и съ приготовительнымъ классомъ), съ болѣе основательнымъ преподаваніемъ математики, естествовѣдѣнія, отечественнаго и новыхъ языковъ. Еще болѣе: они считали полезнымъ ввести въ реальныя гимназіи преподаваніе латинскаго языка, съ тѣмъ, чтобы обучаться ему могли тѣ изъ воспитанниковъ, которые желали бы потомъ поступить въ университетъ на физико-математическій и медицинскій факультетъ, или въ Медико-хирургическую академію.

Предложеніе шести членовъ о допущеніи, при извѣстныхъ условіяхъ, реалистовъ въ университетъ основывалось на опытѣ не только Западной Европы, но и Россіи. Въ Пруссіи, Баваріи, Швейцаріи, Англіи, Швеціи и Норвегіи реалисты пользуются уже правомъ поступленія въ университетъ; въ Россіи допущеніе реалистовъ въ университетъ практиковалось еще ранѣе Западной Европы и собственный нашъ опытъ показалъ, весьма убѣдительно, что ученики русскихъ гимназій временъ министерства гр. С. С. Уварова, поступавшіе въ университетъ съ знаніемъ одного латинскаго языка (греческій языкъ преподавался тогда лишь въ немногихъ гимназіяхъ и не былъ обязательнымъ), были отличными студентами и многіе изъ нихъ

сдѣлались впослѣдствіи замѣчательными учеными и общественными дѣятелями. Учрежденная въ 1859 г. Рижская реальная гимназія предоставила своимъ питомцамъ право поступать въ университетъ на физико-математическій факультетъ. Въ 1870 г., въ министерство самого же гр. Толстого, утвержденъ уставъ Коллегіи Галагана, въ Кіевѣ, предоставляющій ея воспитанникамъ, обучающимся одному латинскому языку (греческій языкъ не обязателенъ), поступать въ университетъ безъ экзамена. Наконецъ, Императорскій Александровскій лицей и Императорское Училище Правовѣдѣнія, несмотря на то, что въ нихъ преподается одинъ латинскій языкъ, предоставляютъ окончившимъ курсъ гораздо бо́льшія права государственной службы, чѣмъ всѣ наши университеты и другія высшія спеціальныя заведенія.

Сознаніе необходимости допускать въ университеты и реалистовъ основано не столько даже на умозрѣніи, сколько на опытѣ. Дѣло въ томъ, что классическія гимназіи, для основательнаго достиженія своей ближайшей цѣли, посвящаютъ наибольшую часть времени на изученіе древнихъ языковъ, вслѣдствіе чего страдаютъ другіе предметы, и классики обнаруживаютъ весьма недостаточное знаніе математики и физики, почти совершенное незнаніе естественной исторіи и химіи и весьма слабое знаніе новыхъ иностранныхъ языковъ. Такимъ образомъ, окончившіе курсъ классическихъ гимназій оказываются недостаточно подготовленными къ слушанію лекцій въ университетахъ по факультетамъ физико-математическому и медицинскому и въ высшихъ спеціальныхъ училищахъ. Профессора Боннскаго университета выразили въ 1869 г. прусскому министру народнаго просвѣщенія настоятельное желаніе, «чтобы впредь математическія и естественныя науки не были оставляемы въ классическихъ гимназіяхъ въ такомъ постыдномъ пренебреженіи, какъ это теперь существуетъ. Слѣдуетъ признать истиннымъ бѣдствіемъ (als ein wahrer Nothstand), что въ большей части университетовъ рѣшительно не-

возможно читать специальный курсъ по физіологіи органовъ чувствъ, потому что каждая самая простая математическая формула приводитъ студентовъ-классиковъ въ удивленіе, и они не имѣютъ самыхъ элементарныхъ знаній изъ геометріи, тригонометріи и аналитической геометріи». Такъ въ Пруссіи, а у насъ? Буквально тѣ же основанія выражены были въ представленіи Медико-хирургической академіи военному министру о недостаточной подготовкѣ поступающихъ изъ классическихъ гимназій и духовныхъ семинарій по физикѣ и математикѣ; тѣми же побужденіями руководствовались Петербургскій, Кіевскій, Одесскій и Казанскій университеты въ представленіяхъ своихъ 1870 года министру народнаго просвѣщенія о допущеніи воспитанниковъ реальныхъ гимназій, обучавшихся латинскому языку, въ университеты по физико-математическому и медицинскому факультетамъ.

Вездѣ, слѣдовательно, повторяется одно и то же явленіе, вызываемое однѣми и тѣми же причинами. Науки точныя получили въ послѣднее время такое сильное развитіе и развѣтвились на столько отраслей, что теперь уже оказывается совершенно невозможнымъ предварительное приготовленіе къ высшему ихъ изученію въ однѣхъ классическихъ гимназіяхъ и независимо отъ университетовъ, рядомъ съ ними, явились различныя высшія училища, посвященныя изученію точныхъ наукъ въ приложеніи ихъ къ разнымъ спеціальностямъ. Такова существенная и вполнѣ законная причина появленія и существованія общеобразовательныхъ реальныхъ гимназій безъ греческаго языка и съ меньшимъ, сравнительно, курсомъ латинскаго языка, и даже вовсе безъ древнихъ языковъ. Вездѣ изъ училищъ этого рода открытъ доступъ въ высшія спеціальныя учебныя заведенія, а въ нѣкоторыхъ государствахъ и въ университеты. Другими словами: общеобразовательныя реальныя училища оказываются крайнею настоятельною необходимостью и имѣютъ за себя самую сильную опору не въ умозрѣніи нѣкоторыхъ ученыхъ и педагоговъ, а въ самыхъ точныхъ и положительныхъ указаніяхъ опыта.

На основаніи всего вышеизложеннаго, названные шесть членовъ Присутствія пришли къ слѣдующему заключенію:

1) Въ виду быстраго развитія, которое получили въ последнее время науки естественныя, и въ виду дознанной уже опытомъ общеобразовательной силы ихъ, а также для удовлетворенія, въ благоразумныхъ размѣрахъ, видимо возрастающей потребности общества въ знаніяхъ по этимъ наукамъ, необходимо предоставить математикѣ и естествовѣдѣнію должное мѣсто въ общей системѣ образованія въ государствѣ.

2) Поэтому, положенная въ основу устава 1864 г. мысль, что для средняго общаго образованія существуютъ два способа—классическій и реальный, должна и впредь служить основаніемъ нашихъ законоположеній для среднихъ учебныхъ заведеній.

3) Вслѣдствіе этого, денежныя средства, предоставленныя министерству народнаго просвѣщенія на среднее общее образованіе, должны по справедливости и по настоятельной государственной потребности быть равномѣрно употреблены на учебныя заведенія, въ которыхъ главнымъ способомъ развитія служатъ древніе языки, и на тѣ заведенія, гдѣ для этого употребляются науки естественныя и математика.

4) Слѣдуя этой основной мысли, изъ всего числа нынѣшнихъ гимназій, съ двумя древними языками, съ однимъ латинскимъ языкомъ и реальныхъ, должно бы имѣть половинное число классическихъ, а другую половину преобразовать постепенно въ реальныя, съ 8-ми-лѣтнимъ курсомъ и приготовительнымъ классомъ.

5) Въ реальныя гимназіи ввести факультативное изученіе латинскаго языка, съ тѣмъ, чтобы окончившіе въ нихъ курсъ и изучавшіе латинскій языкъ были допускаемы на общемъ основаніи въ физико-математическій и медицинскій факультеты университетовъ.

6) Затѣмъ уже вовсе не учреждать предлагаемыхъ проектомъ министерства народнаго просвѣщенія реальныхъ училищъ

съ различными профессіональными типами, а поручить министру народнаго просвѣщенія представить, согласно съ вышеизложенными соображеніями, проектъ соотвѣтствующихъ измѣненій въ уставѣ о гимназіяхъ 1864 г. и проектъ самого распредѣленія уроковъ въ реальныхъ гимназіяхъ.

Совершенно иначе отнеслись къ проектамъ гр. Толстого восемь [1]) членовъ Присутствія. Они полагали, что для правильнаго разрѣшенія возбужденныхъ вопросовъ необходимо, прежде всего, имѣть въ виду, что хотя общеобразовательными, въ томъ или другомъ смыслѣ, учебными заведеніями могутъ быть весьма многія и различныя училища, какъ низшія, такъ и среднія, но что *приготовительными къ университетамъ школами* вездѣ и всегда служили и служатъ только классическія гимназіи, т.-е. учебныя заведенія, въ которыхъ все ученіе сосредоточивается главнѣйшимъ образомъ на обоихъ древнихъ языкахъ, а затѣмъ на математикѣ, такъ какъ только училища съ такимъ учебнымъ курсомъ могутъ давать дѣйствительно общее научное образованіе, подготовляющее къ самостоятельному изученію науки по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія. Реальныя гимназіи и по уставу 1864 г. не пользовались равными правами съ классическими, и уравненіе это, по мнѣнію восьми членовъ, крайне не желательно, такъ какъ легко предвидѣть, что, при равенствѣ правъ, реальныя гимназіи были бы переполнены, а классическія опустѣли, «ибо не только у насъ, но едва ли не вездѣ весьма многіе родители предпочли бы для дѣтей своихъ легкое ученіе болѣе трудному, коль скоро и то, и другое вели бы къ одинаковымъ правамъ и выгодамъ». Поэтому на правительствѣ лежитъ важная обязанность поддерживать и всячески охранять интересы серьезной общеевропейской школы и связанные съ нею общіе интересы науки, а слѣдовательно и самого государства, отъ

[1]) Гр. Строгановъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ, принцъ Ольденбургскій, Валуевъ, гр. Путятинъ, Титовъ, кн. Урусовъ, гр. Толстой.

увлеченій отдѣльныхъ лицъ, или и цѣлаго общества, если бы оно могло поддаться такимъ увлеченіямъ. Поэтому, весь вопросъ заключается, въ сущности, въ допущеніи реалистовъ въ университетъ, что̀ невозможно, ибо въ такомъ случаѣ университеты наши стали бы наполняться слушателями незрѣлыми и неподготовленными къ серьезному университетскому труду. Съ пониженіемъ же уровня образованія студентовъ, въ свою очередь, упалъ бы и самый уровень университетскаго преподаванія, а это неминуемо повлекло бы за собою упадокъ и науки, и литературы. На этомъ основаніи и въ Пруссіи реалисты не допускаются въ университетъ и не далѣе, какъ въ 1869 г. въ прусскій парламентъ былъ внесенъ проектъ училищнаго закона, въ которомъ ясно сказано: «Гимназіи должны приготовлять къ университетскимъ занятіямъ, реальныя же училища къ практическимъ профессіямъ и къ высшимъ техническимъ специальнымъ училищамъ» [1]). Въ Пруссіи реальное образованіе «только терпимо» правительствомъ, которое ассигнуетъ на реальныя училища всего 5.500 талеровъ! На классическое же образованіе прусское правительство затрачиваетъ «значительныя суммы». У насъ наоборотъ: на высшія учебныя заведенія, требующія предварительнаго классическаго образованія, ассигновано въ текущемъ году 5.900.000 руб., между тѣмъ какъ на реальное образованіе ассигновано 6.825.000 руб. «Въ сравненіи съ этою цифрою, приведенный выше расходъ на классическое образованіе, не достигающій и до 6.000.000 руб., представляется въ высшей степени скромнымъ».

Этотъ разчетъ возбудилъ въ Присутствіи недоумѣніе, какъ несогласный съ дѣйствительностью. По росписи доходовъ и расходовъ на 1871 г. значится:

а) на классическія и высшія научныя заведенія *10.423.382 руб.*, именно:

---

[1]) Въ текстѣ приведенъ § 103 проекта закона, но не упомянуто, что парламентъ *отвергъ* и проектъ, и § 103, на что и было указано с.-с. Головнинымъ.

по мин. народн. просвѣщенія	5.900.000	р.
„ духовному вѣдомству	4.184.225	„
„ мин. юстиціи (учил. правовѣд.)	189.157	„
„ IV отд. соб. Е. В. канцел. (Алекс. лицей).	150.000	„

б) на реальныя и высшія техническія заведенія *6.825.000 руб.*, именно:

по мин. народн. просвѣщ.	600.000	р.
„ военному вѣдомству	4.450.000	„
„ морскому вѣдомству	390.000	„
„ мин. финансовъ	330.000	„
„ мин. внутрен. дѣлъ	75.000	„
„ мин. юстиціи (межев. учил.)	210.000	„
„ мин. путей сообщенія	130.000	„

Такимъ образомъ, на классическое образованіе тратится не менѣе, чѣмъ на реальное, а болѣе на *3.598.382 руб.* Гр. Толстой, ничѣмъ не стѣснявшійся ради достиженія предположенной цѣли, «забылъ» о 4.184.000 руб., ассигнованныхъ на духовныя училища, семинаріи и академіи, заведенія классическія, въ полномъ смыслѣ слова, съ обоими древними языками, воспитанники которыхъ были допускаемы въ университетъ. Сторонники гр. Толстого простили ему эту «забывчивость», объясняя ее высокою цѣлью, имъ преслѣдуемою—сдѣлать классицизмъ орудіемъ «бѣлой» политики, долженствовавшей спасти Россію отъ политики «красной».

Этотъ «финансовый эпизодъ», какъ его тогда называли, не разстроилъ ряды восьми членовъ Присутствія. Не признавая ни желательнымъ, ни возможнымъ упрочивать у насъ реальныя гимназіи, въ явный подрывъ гимназіямъ классическимъ, они не соглашались также и съ мыслью объ учрежденіи особыхъ реальныхъ училищъ съ исключительною цѣлью приготовленія молодыхъ людей къ высшимъ спеціальнымъ заведеніямъ. Эти заведенія могутъ получать учениковъ изъ классическихъ гимназій: если гимназіи могутъ приготовлять къ поступленію въ физико-математическіе факультеты, кольми паче могутъ они приготовлять и къ высшимъ спеціальнымъ училищамъ.

Проектированныя гр. Толстымъ реальныя училища смѣшаннаго характера, общеобразовательныя и профессіональныя, заслужили полное одобреніе восьми членовъ. По ихъ мнѣнію, эти реальныя училища удовлетворятъ потребностямъ всей той весьма значительной части нашего общества, которая, не стремясь для своихъ дѣтей къ высшему научному образованію, желала бы, однако, дать имъ образованіе достаточное, законченное и основательное въ практическомъ отношеніи. Общеобразовательному значенію учебнаго курса этихъ училищъ никакимъ образомъ не повредитъ то, что онъ будетъ разнообразиться, смотря по мѣстнымъ потребностямъ, усиленіемъ или математическихъ наукъ и черченія, или химіи и рисованія, или, наконецъ, новыхъ языковъ; назначеніе же для реальныхъ училищъ шестилѣтняго лишь курса составляетъ существенное ихъ достоинство, ибо это дѣлаетъ ихъ доступными для значительнаго числа учащихся.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ вышеназванные *восемь* членовъ Присутствія пришли къ слѣдующему заключенію:

1) Основою общенаучнаго университетскаго образованія сохранить исключительно систему классическую и, вслѣдствіе того, проектированныя гофмейстеромъ гр. Толстымъ измѣненія и дополненія въ гимназическомъ уставѣ, съ нѣкоторыми исправленіями, примѣнить, въ случаѣ Высочайшаго ихъ утвержденія, ко всѣмъ безъ изъятія нынѣшнимъ классическимъ гимназіямъ съ начала 1871—1872 учебнаго года.

2) Предоставить министру народнаго просвѣщенія, по сношенію со Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, представить на Высочайшее утвержденіе сводъ постановленій о гимназіяхъ и прогимназіяхъ, составивъ оный какъ изъ Высочайше утвержденнаго 19-го ноября 1864 г. устава и изданныхъ въ дополненіе и измѣненіе онаго узаконеній, такъ и изъ содержащихся въ настоящемъ проектѣ, при чемъ: а) гимназіи и прогимназіи классическія наименовать въ сводѣ просто гимназіями и про-

гимназіями. и б) исключить изъ устава 1864 г. все относящееся до реальныхъ гимназій, а равно до раздѣленія гимназій вообще на классическія и реальныя.

3) Одобряя въ основной мысли представленный гофмейстеромъ гр. Толстымъ проектъ устава о реальныхъ училищахъ, подвергнуть оный ближайшему обсужденію.

Приведенными нами дословно заключеніями шести и восьми членовъ Присутствія закончилось обсужденіе основнаго вопроса объ отношеніи классицизма и реализма къ университету. Для «ближайшаго обсужденія» же проекта о реальныхъ училищахъ много послужилъ особый отзывъ *одного* члена Присутствія [1]), вовсе не пожелавшаго обсуждать общій вопросъ о классицизмѣ и реализмѣ, но тѣмъ съ большимъ вниманіемъ разсмотрѣвшаго вопросъ о реальныхъ училищахъ.

По проекту гр. Толстого, реальныя училища имѣютъ цѣлью доставить юношеству общее образованіе, приспособленное къ занятію различными отраслями промышленности и торговли, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приготовить къ поступленію въ высшія спеціальныя училища. Цѣли эти несовмѣстимы. Общее образованіе не можетъ и не должно быть перемѣшиваемо съ спеціальнымъ; приготовлять юношей въ одно и то же время къ занятіямъ промышленнымъ и въ высшія учебныя заведенія невозможно. И вотъ почему:

На различныхъ поприщахъ технической дѣятельности существуетъ два разряда руководителей—низшіе и высшіе. Низшіе требуютъ образованія практическаго, высшіе—научнаго, которому необходимо должно предшествовать образованіе общее. Приготовленіе низшихъ техниковъ и мастеровъ есть дѣло школъ промышленныхъ и ремесленныхъ; курсъ реальныхъ училищъ слишкомъ обширенъ и не практиченъ для выработки низшихъ дѣятелей. Впрочемъ, самъ гр. Толстой предупреждаетъ, что его реальныя училища отнюдь не слѣдуетъ

[1]) Министръ финансовъ А. С. Грейгъ.

смѣшивать съ ремесленными школами и что они не могутъ выпускать готовыхъ практиковъ по разнымъ промысламъ и ремесламъ.

Итакъ, реальныя училища не будутъ и не могутъ приготовлять практиковъ; слѣдовательно, одна изъ цѣлей проекта не достигается. Насколько же достигается другая цѣль ихъ— приготовленіе въ высшія спеціальныя учебныя заведенія?

Цѣли этой проектируемыя реальныя училища совершенно не соотвѣтствуютъ. Курсъ ихъ не общій, а спеціальный, судя по программамъ и по самому названію училищъ; курсъ ихъ недостаточенъ, судя опять же по программамъ и по числу лѣтъ, назначенному для прохожденія курса.

Высшія спеціальныя заведенія требуютъ отъ поступающихъ въ нихъ молодыхъ людей такого же правильнаго и систематическаго подготовленія, какъ и университеты. По развитію наукъ, по методу преподаванія, по внутреннему устройству своему, наконецъ, по пользѣ, приносимой государству и обществу выходящими изъ нихъ дѣятелями, эти высшія спеціальныя заведенія стоятъ на ряду съ факультетами университетовъ и имѣютъ право на такое же уваженіе къ справедливымъ и законнымъ ихъ требованіямъ. Первое же мѣсто въ числѣ ихъ занимаетъ требованіе правильнаго общаго образованія отъ поступающихъ въ нихъ молодыхъ людей. Какъ немыслимо введеніе прикладныхъ и спеціальныхъ наукъ въ курсъ классическихъ гимназій, такъ немыслимо введеніе прикладныхъ и спеціальныхъ наукъ и въ курсъ реальныхъ училищъ, приготовляющихъ молодыхъ людей къ поступленію въ высшія спеціальныя заведенія. Могутъ сказать, и дѣйствительно говорятъ, что если высшія спеціальныя заведенія требуютъ отъ поступающихъ общаго образованія, то могутъ брать воспитанниковъ классическихъ гимназій, которые и теперь поступаютъ туда въ большомъ числѣ. Дѣйствительно поступаютъ, но что это доказываетъ? Желающіе посвятить себя высшей технической дѣятельности волей-неволей посту-

паютъ въ классическія гимназіи, такъ какъ другихъ подготовительныхъ заведеній нѣтъ [1]); переходъ затѣмъ изъ классической гимназіи въ высшія специальныя заведенія, съ своей стороны, свидѣтельствуетъ только, какъ велика въ Россіи потребность въ высшемъ специальномъ образованіи, распространеніе котораго такъ настоятельно и необходимо для развитія многочисленныхъ источниковъ и проводниковъ народнаго богатства. Но выходящіе изъ классическихъ гимназій молодые люди, по общему отзыву профессоровъ высшихъ специальныхъ заведеній, далеко не подготовлены для продолженія курса наукъ въ этихъ заведеніяхъ. Въ классическихъ гимназіяхъ болѣе трети всего учебнаго курса посвящено изученію древнихъ языковъ и, поэтому, наукамъ математическимъ, начертательнымъ искусствамъ и новымъ языкамъ не можетъ быть дано того развитія, которое требуется для успѣшнаго прохожденія высшихъ специальныхъ курсовъ.

Въ силу этихъ соображеній, названный выше одинъ членъ Присутствія пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Изъ учебныхъ программъ проектированныхъ реальныхъ училищъ исключить всѣ предметы специальные и прикладные, а затѣмъ и специальныя названія [2]) училищъ опустить.

2) Учебный курсъ въ реальныхъ училищахъ назначить восьмилѣтній, какъ и въ классическихъ гимназіяхъ, а учебный планъ составить по образцу проекта гимназій, съ исключеніемъ древнихъ языковъ и съ распредѣленіемъ остающагося за симъ свободнаго времени на усиленіе наукъ математическихъ, начертательныхъ искусствъ и новыхъ языковъ.

3) Учебную программу реальныхъ училищъ предоставить министру народнаго просвѣщенія составить на вышеизложенныхъ основаніяхъ, по соглашенію съ министрами, въ вѣдомствѣ которыхъ состоятъ высшія специальныя заведенія.

---

[1]) Въ 1871 г. во всей Россіи, не считая Западнаго Края, было только три реальныхъ гимназіи: въ Петербургѣ, Архангельскѣ и Николаевѣ.

[2]) Въ проектѣ значится: горнозаводскія, агрономо-технологическія, сельскохозяйственныя, торговыя, механическія и химическія училища.

Высочайше учрежденное Присутствіе для разсмотрѣнія проектовъ по части народнаго просвѣщенія трудилось надъ своею не легкою задачею весь апрѣль 1871 г. и послѣ пяти засѣданій, не придя ни къ какому соглашенію, внесло свои заключенія въ общее собраніе Государственнаго Совѣта. Какъ и слѣдовало ожидать, Государственный Совѣтъ не могъ коренным образомъ измѣнить свои убѣжденія и взгляды по основному вопросу, по которому онъ уже высказался всего лишь семь лѣтъ назадъ. Большинство въ общемъ собраніи оказалось противъ проектовъ гр. Толстого и лишь меньшинство измѣнило свои взгляды сообразно заключеніямъ восьми членовъ Присутствія. Императоръ изволилъ согласиться съ меньшинствомъ, и 30-го іюля 1871 года вышелъ новый уставъ гимназій и прогимназій; спустя годъ, 15-го мая 1872 года, было обнародовано Положеніе о реальныхъ училищахъ.

Восемь лѣтъ еще оставался гр. Толстой министромъ народнаго просвѣщенія. Онъ былъ уволенъ въ Страстную пятницу, 18-го апрѣля 1880 года, по поводу вопроса—кто это знаетъ теперь?—не имѣющаго ничего общаго съ народнымъ просвѣщеніемъ. Въ теченіе этихъ восьми лѣтъ онъ имѣлъ полную возможность не только осуществить свою программу, но и оправдать ее въ глазахъ общества, для котораго, въ концѣ концовъ, существуютъ и классическія гимназіи, и реальныя училища. Достигъ ли онъ своей цѣли?

Нѣтъ. 16-го февраля 1880 года, представляя Императору Александру II программу дѣятельности Верховной Распорядительной Комиссіи, гр. Лорисъ-Меликовъ указалъ, между прочимъ, на необходимость уволить гр. Толстого, вслѣдствіе «крайняго раздраженія общества, особенно отцовъ и матерей, на министра народнаго просвѣщенія». Чѣмъ же вызывалось это раздраженіе?

Заслуга гр. Толстого, какъ министра народнаго просвѣщенія, и заслуга весьма значительная, заключалась въ томъ, что онъ упорядочилъ и упрочилъ наши классическія гим-

назіи. Ошибка его, и ошибка капитальная, состояла въ крайней односторонности, съ которою онъ, радѣя о классической системѣ образованія, вовсе не признавалъ системы реальной: уничтоживъ реальныя гимназіи, онъ не создалъ тѣхъ реальныхъ училищъ, въ которыхъ нуждается русское общество и поднесь.

Независимо отъ классическихъ гимназій, дающихъ общее образованіе, приготовляющихъ къ университету и употребляющихъ для умственнаго развитія своихъ воспитанниковъ преимущественно древніе языки и математику, намъ нужны еще реальныя училища, дающія равнымъ образомъ общее образованіе, приготовляющія къ спеціальнымъ высшимъ училищамъ и употребляющія для умственнаго развитія своихъ воспитанниковъ преимущественно математику, языки отечественный и иностранные и естествовѣдѣніе.

Для достиженія гимназіями вышеупомянутой цѣли уставъ 1871 г. учредилъ гимназію съ 8-ми-лѣтнимъ курсомъ, устроилъ при гимназіяхъ приготовительный классъ и не допустилъ въ эти заведенія никакіе прикладные спеціальные предметы.

Для достиженія реальными училищами указанной имъ цѣли необходимо устроить для нихъ 8-ми-лѣтній же курсъ ученія, также приготовительный классъ и, равнымъ образомъ, не допускать въ курсъ этихъ училищъ никакихъ прикладныхъ спеціальныхъ предметовъ.

Наша средняя школа тридцать лѣтъ назадъ—не только урокъ изъ прошлаго, но и назиданіе для будущаго.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ПИСЬМА.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ПИСЬМА.

I.

Петербургъ осенью — Петербургъ офиціальный, мундирный, въ звѣздахъ — живетъ всегда предыдущимъ годомъ. Это повторяется изъ году въ годъ уже болѣе 15-ти лѣтъ и обусловливается обнародованіемъ, не во всеобщее свѣдѣніе, «всеподданнѣйшаго отчета государственнаго контролера». Въ августѣ оканчивается обыкновенно печатаніе отчета, въ сентябрѣ онъ разсылается членамъ государственнаго совѣта и комитета министровъ и въ октябрѣ обсуждается во всѣхъ кабинетахъ, болѣе или менѣе вліятельныхъ, сперва шопотомъ, полусловами, потомъ все громче и, наконецъ, наиболѣе интересные факты отчета переходятъ за порогъ кабинетовъ и становятся предметомъ разговоровъ въ салонахъ и гостиныхъ. Нынѣшняя осень не представила въ этомъ отношеніи исключенія: люди серьезные, которымъ, хотя бы только по мѣсту, ими занимаемому, приличествуетъ названіе мужей государственныхъ, только и говорятъ теперь, что объ отчетѣ государственнаго контролера за 1882 годъ.

Всеподданнѣйшій отчетъ государственнаго контроля — изданіе, несомнѣнно, оригинальное, такъ что къ нему вполнѣ примѣняется ст. 5-я уст. ценз., въ силу которой освобождены отъ предварительной цензуры, между прочимъ, «всѣ *оригинальныя* сочиненія объемомъ не менѣе десяти печатныхъ листовъ». Хотя всѣ отчеты контролеровъ менѣе десяти печатныхъ листовъ, ни на одномъ изъ нихъ нѣтъ рѣжущаго глазъ клейма: «печатать дозволяется». Почему? Очевидно, это не

только «оригинальное» сочиненіе, но и «правительственное изданіе», а по той же ст. 5-й уст. ценз. «освобождаются отъ предварительной цензуры повсемѣстно всѣ *изданія правительственныя*».

Скоро минетъ 20 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ это выраженіе впервые попало въ сводъ законовъ, попало совершенно случайно, и остается въ немъ, никого не удовлетворяя и возбуждая во всѣхъ одни лишь сомнѣнія, до настоящаго времени еще не разъясненныя. Въ самомъ дѣлѣ, что такое «правительственное изданіе»? Уже давно было высказано въ печати предположеніе, что подъ этимъ должно разумѣть изданіе правительственнаго учрежденія. Предположеніе, какъ видите, вовсе не остроумное: перелистуйте весь сводъ законовъ и вы не найдете въ немъ даже упоминанія о «правительственныхъ» учрежденіяхъ. Мы знаемъ «государственныя» учрежденія — государственный совѣтъ, комитетъ министровъ, правительствующій сенатъ, министерства, святѣйшій синодъ; знаемъ «губернскія» учрежденія, до волостныхъ и сельскихъ включительно, но правительственныхъ учрежденій не знаемъ. Если подъ правительственнымъ изданіемъ разумѣть изданія государственныхъ учрежденій, приходится считать правительственными изданіями и публикаціи судебнаго пристава, издающіяся безъ цензуры и пользующіяся правомъ самаго широкаго обнародованія—до расклеиванія въ селахъ и деревняхъ.

Такимъ широкимъ правомъ не пользуются, однако, всеподданнѣйшіе отчеты государственнаго контролера. Печатаются они въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ; вмѣсто «печатать дозволяется», на каждомъ экземплярѣ стоитъ помѣтка: «читать воспрещается», выраженная въ краткой, но вразумительной формѣ: $\frac{\text{Секретно}}{\text{№}}$, отпечатанной вверху заглавнаго листа.

Объ этомъ можно только пожалѣть. Отчетъ контролера обозрѣваетъ все государственное хозяйство прошлаго года; въ немъ упоминается о всѣхъ злоупотребленіяхъ, нанесшихъ

ущербъ государственной казнѣ, о всякомъ нерадѣніи, даже о бездѣятельности всѣхъ учрежденій, вѣдомствъ и установленій. Для общества, особенно такого молодого, какъ наше, чтеніе отчета было бы хорошимъ воспитательнымъ средствомъ: оно формировало бы по немъ свои взгляды на дѣятельность государственныхъ учрежденій, убѣждалось бы, что не всегда злоупотребленія остаются безнаказанными, даже и въ томъ случаѣ, когда совершаются людьми, облеченными наибольшимъ довѣріемъ Государя, видѣло бы, что правительство прилагаетъ всѣ усилія къ искорененію всякаго зла и къ насажденію началъ добра. Теперь общество узнаетъ обо всемъ этомъ только изъ разсказовъ, по слухамъ, т.-е. въ формѣ, допускающей искаженія, преувеличенія, даже вымыслы.

Появленіе отчета именно осенью очень кстати. Только что съѣдутся государственные мужи, послѣ лѣтняго отдыха, изъ Эмса и Бадена, изъ Крыма и деревень, въ Петербургъ — имъ тотчасъ преподносится поминаніе прошлаго года, грозное memento mori, грозное, къ сожалѣнію, для однѣхъ только канцелярій. Прежде, чѣмъ приняться за новыя дѣла, имъ приходится мысленно пережить весь предыдущій годъ, увидѣть его ошибки, вольныя и невольныя, его обманутыя надежды, не исполнившіяся ожиданія, наказанныя и не наказанныя прегрѣшенія.

Дѣятельность петербургскихъ канцелярій всѣхъ родовъ и видовъ начинается обыкновенно въ октябрѣ. Это не значитъ, впрочемъ, что скрипъ перьевъ въ канцеляріяхъ совершенно затихаетъ на лѣто, — нѣтъ, но онъ становится менѣе рѣзкимъ, болѣе тихимъ, вялымъ. Въ теченіе всего, напримѣръ, іюля, въ комитетъ министровъ было представлено 77 дѣлъ, и въ томъ числѣ 45, слѣдовательно болѣе 60%, касаются назначенія и «переназначенія» пенсій, награжденія орденомъ св. Анны 2-й ст., возведенія въ званіе личнаго почетнаго гражданства, зачета временныхъ занятій по найму въ дѣйствительную государственную службу и т. п. Въ теченіе лѣт-

нихъ мѣсяцевъ довольно рѣдко встрѣчаются такія важныя дѣла, какъ, напримѣръ, «о дозволеніи въ Закавказскомъ краѣ, въ азіатскихъ кофейняхъ и харчевняхъ, подачи трубокъ съ персидскимъ табакомъ».

Вопросы серьезные всегда откладываются до зимнихъ мѣсяцевъ и ранѣе ноября не обсуждаются. Передъ разрѣшеніемъ такихъ вопросовъ весьма полезно бросить взглядъ на предыдущій годъ. Этому очень поможетъ отчетъ государственнаго контролера; лишеннымъ же его остается припомнить кое-что изъ того, что въ свое время проникало въ печать, дополняя эти свѣдѣнія слухами и разсказами, которыми теперь полонъ Петербургъ официальный.

Кто внимательно слѣдитъ за жизнью не только петербургскаго, но, смѣю думать, всего русскаго общества, насколько она выражается въ печати и въ слухахъ, тотъ не могъ не замѣтить, что въ послѣднее время роли этихъ двухъ факторовъ общественной жизни существенно измѣнились. Печать стала тише, скромнѣе, конфузливѣе, чѣмъ была года три назадъ; слухи же получили небывалое развитіе: они стали теперь громче, настойчивѣе, дерзче, чѣмъ когда-либо. Это и понятно. Между печатью и слухами всегда замѣчается обратное отношеніе: слухи пріобрѣтаютъ тѣмъ большее значеніе, чѣмъ меньшимъ значеніемъ пользуется печатное слово. На западѣ, въ Лондонѣ или Парижѣ, слухи потеряли всякое значеніе при свободномъ обсужденіи въ печати всѣхъ явленій, вопросовъ, даже предположеній; на востокѣ, въ Хивѣ или Бухарѣ, гдѣ вовсе нѣтъ печати, слухи — все. Было время, когда и у насъ слухи не имѣли почти никакого значенія, когда печать честно служила свою службу родинѣ. Время это прошло — печать притихла, слухи вступили въ свои права.

Судя объ обществѣ по печати, поверхностный наблюдатель можетъ подумать, что общество, еще недавно столь возмущавшееся расхищеніемъ, напримѣръ, уфимскихъ земель, стало теперь относиться значительно спокойнѣе къ по-

добнымъ явленіямъ, что даже такой крупный фактъ, какъ самоубійство министра внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретаря Макова, не могъ потревожить этого опаснаго спокойствія. Могу васъ увѣрить, что, относительно петербургскаго, по крайней мѣрѣ, общества, такое заключеніе было бы весьма ошибочно. За послѣдніе годы петербургское общество многому научилось и ничего не забыло.

На-дняхъ правительствующій сенатъ постановилъ приговоръ по дѣлу тайнаго совѣтника Перфильева, бывшаго директора почтоваго департамента. Сенатъ призналъ его виновнымъ въ растратѣ 45.000 руб. и приговорилъ къ исключенію вовсе изъ службы и къ денежному взысканію въ размѣрѣ 15.000 руб. Таковъ фактъ съ внѣшней его стороны, къ сожалѣнію, фактъ довольно обычный. Передъ нашими глазами на скамьяхъ подсудимыхъ появились уже и Макшеевъ, и Бушъ; появятся, вѣроятно, еще и другіе. Макшеевъ и Бушъ подверглись болѣе тяжкимъ наказаніямъ; печать занималась ими очень долго; но ихъ преступленія не имѣли для петербургскаго общества того значенія, какое имѣетъ преступленіе Перфильева. Печать о немъ едва упомянула, а петербургскіе слухи не перестаютъ заниматься преступнымъ дѣяніемъ этого члена англійскаго клуба. Совершенно иныя воспоминанія, чѣмъ Макшеевъ и Бушъ, возбуждаетъ онъ въ лучшей части петербургскаго общества, иные образы воскрешаетъ, иныя имена приводитъ на память и, что особенно важно, обличаетъ негодность установленія, существованіе котораго, казалось, такъ прочно.

Петербургскіе слухи вспоминаютъ, что, вслѣдъ за обнаруженіемъ преступленія Перфильева, застрѣлился статсъ-секретарь, членъ государственнаго совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ Маковъ, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ. Воспоминаніе это связывается слухами съ существованіемъ государственныхъ суммъ, «никакому формальному контролю и повѣркѣ не подлежащихъ», какъ выразился въ сенатѣ това-

рищъ оберъ-прокурора Поскочинъ, т.-е. неподчиненныхъ общему кассовому и ревизіонному порядку. Еще въ началѣ прошлаго года, въ петербургскихъ кружкахъ много говорили о предстоявшемъ столкновеніи государственнаго контролера съ бывшимъ тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, графомъ Игнатьевымъ, по поводу 300.000 руб. Въ свое время, это столкновеніе было предметомъ жаркихъ споровъ, и исходъ его, еще не обнаружившійся, живо интересуетъ петербургское общество до сихъ поръ. Эти 300.000 руб. составляли остатки отъ смѣтныхъ ассигнованій министерства и, по закону, подлежали обращенію въ казну; между тѣмъ, министръ приказалъ истребовать эту сумму изъ главнаго казначейства на особыя «секретныя» издержки. Департаментъ гражданской отчетности (въ то время еще «временная ревизіонная комиссія государственнаго контроля») потребовалъ, при ревизіи, оправдательнаго документа на такое распоряженіе, но, вмѣсто документа, которымъ, въ данномъ случаѣ, могло быть лишь Высочайшее повелѣніе, получилъ въ отвѣтъ увѣдомленіе, что эти издержки секретныя и, какъ таковыя, не могутъ подлежать оглашенію. Удовлетвориться такимъ отвѣтомъ не представлялось, однако, возможности, и государственный контролеръ просилъ министра внутреннихъ дѣлъ сообщить, хотя бы только лично ему и подъ секретомъ, фактическія основанія для подобнаго безотчетнаго употребленія столь значительной суммы.

Не подлежитъ сомнѣнію, что отвѣтъ, который еще ожидается государственнымъ контролеромъ, дастъ возможность установить и для расходовъ секретныхъ извѣстный порядокъ отчетности и контроля. Эта увѣренность покоится на фактѣ, имѣющемъ нѣкоторое отношеніе къ печати.

Единственный въ имперіи правительственный органъ ежедневной гласности, «Правительственный Вѣстникъ», издается въ качествѣ статьи расходовъ секретной. Трудно, конечно, повѣрить, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что до настоя-

щаго времени обороты по изданію «Правительственнаго Вѣстника» изъяты отъ документальной ревизіи государственнаго контроля. Казалось бы, органу гласности, къ тому же правительственному, совсѣмъ ужъ неприлично вести свои дѣла секретно, укрывая расходованіе суммъ отъ повѣрки государственнымъ контролемъ; между тѣмъ, согласно особой инструкціи по хозяйственной части редакціи «Правительственнаго Вѣстника», утвержденной еще въ 1878 году, повѣрка отчетности по оборотамъ редакціи предоставлена почему-то главному управленію по дѣламъ печати. Что можетъ быть общаго между главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати и хозяйственными расходами по изданію газеты? Можно даже съ увѣренностью сказать, что близкое знакомство членовъ главнаго управленія по дѣламъ печати съ расходами и особенно съ доходами періодическихъ изданій можетъ довольно сильно смущать ихъ сужденіе о направленіи газетъ и весьма вредно вліять на то безпристрастіе въ опредѣленіи каръ, которое требуется отъ нихъ по закону. Рубли и копѣйки, мелькая передъ глазами, могутъ нарушать необходимое для правильнаго сужденія спокойствіе духа. По этимъ и другимъ соображеніямъ, государственный контролеръ, начиная съ 1880 года, неустанно напоминалъ министерству внутреннихъ дѣлъ о неприличіи уклоняться отъ контроля по расходамъ изданія «Правительственнаго Вѣстника» и, наконецъ, одержалъ побѣду: по слухамъ, министерство внутреннихъ дѣлъ согласилось недавно подчинить обороты по изданію правительственной газеты ревизіи государственнаго контроля и распространить на суммы редакціи дѣйствіе кассовыхъ правилъ, установленныхъ для спеціальныхъ средствъ.

Вотъ это-то согласіе министерства внутреннихъ дѣлъ даетъ увѣренность, что, разъ вступивъ на правильный путь, министерство не уклонится отъ него и по отношенію къ секретнымъ расходамъ вообще. Въ правильно поставленномъ государственномъ хозяйствѣ не можетъ быть ни секретныхъ

издержекъ, ни безконтрольныхъ расходованій. Мы и при всей бдительности контроля не очень-то бережемъ государственную казну, все еще отдѣляя свои общественные интересы отъ государственныхъ, какъ будто государство можетъ составить нѣчто отдѣльное отъ народа. Морское вѣдомство представило тому разительный примѣръ.

Балтійскій судостроительный заводъ—bête noire морского министерства. Заводъ этотъ существуетъ только казенными заказами и всегда получаетъ платежи впередъ, авансами, при чемъ и само министерство не знаетъ, сколько именно заводомъ отработано и сколько числится за нимъ въ долгу. Очевидно, расчетовъ съ заводомъ не дѣлалось, а когда они дѣлались, то дѣлались слѣдующимъ остроумнымъ способомъ: изъ расчетовъ съ заводомъ за машины для двухъ фрегатовъ («Герцогъ Эдинбургскій» и «Мининъ») и трехъ клиперовъ («Пластунъ», «Стрѣлокъ» и «Опричникъ») видно, что, согласно договору, за излишнія индикаторныя силы по клиперамъ заводу причиталось 41.000 руб., а за неразвитіе условленнаго количества силъ машинами фрегатовъ подлежало удержанію 420.000 руб.; при расчетѣ же, заводу выдали причитающіеся ему 41.000 руб., а начисленные на заводѣ 420.000 руб. сложили со счетовъ!

Защитники нашего «стараго порядка», съ неудовольствіемъ относящіеся къ дѣятельности государственнаго контроля, находятъ въ каждомъ отчетѣ поводы къ укоризнѣ, нерѣдко къ глумленію надъ этимъ учрежденіемъ. Въ нынѣшнемъ году они просто ликуютъ. Какъ ни недостойно такое отношеніе къ государственному учрежденію, предназначенному блюсти наиболѣе важные государственные интересы, хозяйства и финансовъ имперіи, его нельзя оставить безъ вниманія.

Въ чемъ же дѣло? Говорятъ, что въ послѣднемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ государственнаго контролера подробно изложено участіе государственнаго контроля въ смѣтномъ

дѣлѣ; говорятъ, что это участіе выразилось въ крайней настойчивости на сокращеніи расходовъ по всѣмъ вѣдомствамъ, но, прибавляютъ, что, въ этомъ же отчетѣ, не только не сокращены расходы по вѣдомству государственнаго контроля, но еще увеличены почти на 400.000 рублей.

Это и правда, и неправда. Разберемъ подробно каждый пунктъ, принимая эти «говорятъ» за факты, не подлежащіе сомнѣнію: для насъ, въ данномъ случаѣ, важно не то, что находится въ отчетѣ, недоступномъ для публики, le gros public, которую журналъ имѣетъ въ виду, а лишь то, что составляетъ теперь предметъ разговоровъ въ петербургскомъ обществѣ.

Прежде всего, отмѣтимъ, что, по существу самой задачи государственнаго контроля, участіе въ смѣтномъ дѣлѣ составляетъ одну изъ главнѣйшихъ сторонъ его дѣятельности и, послѣ дѣйствій по производству ревизіи государственныхъ доходовъ и расходовъ, занимаетъ первое мѣсто во всѣхъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ. Въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, отчетъ за 1882 годъ не представляетъ ничего особеннаго, тѣмъ менѣе новаго.

Стремленіе къ сокращенію расходовъ тоже болѣе чѣмъ понятно. При исполненіи государственныхъ росписей 1880 и 1881 годовъ оказались значительные дефициты. Возстановленіе въ бюджетѣ на 1882 годъ необходимаго равновѣсія могло быть достигнуто исключительно сокращеніемъ расходовъ. Почему не увеличеніемъ доходовъ? Потому, что новые источники обложенія, еслибъ и были изысканы, должны были пойти на покрытіе недоборовъ, которые необходимо было предвидѣть въ двухъ главныхъ статьяхъ государственныхъ доходовъ, въ виду реформы прямыхъ податей и урегулированія потребленія вина. Для облегченія способовъ сокращенія расходовъ было разрѣшено испрашиваемые по смѣтамъ кредиты разсматривать по существу расходовъ, не стѣсняясь дѣйствующими штатами и постановленіями. При разсмотрѣ-

нiи финансовыхъ смѣтъ на 1882 годъ, государственный контроль не только сократилъ расходы на 24.800.000 руб., но и увеличилъ исчисленные по смѣтамъ доходы на 4.300.000 руб. Тѣмъ не менѣе, роспись на 1882 годъ была сведена съ дефицитомъ въ 4.400.000 руб. По соглашенію министерства финансовъ съ государственнымъ контролемъ, были предположены дальнѣйшія сокращенія по всѣмъ вѣдомствамъ, общая сумма которыхъ составила 3.400.000 руб., остававшійся же за всѣми этими сокращеніями дефицитъ въ 1.000.000 рублей предполагалось отнести на средства эмеритальной кассы военно-сухопутнаго вѣдомства. Чтобы облегчить выполненіе этихъ вторичныхъ сокращеній на 3.400.000 руб., всѣмъ министрамъ и главноуправляющимъ было предоставлено упразднять должности, остающіяся незамѣщенными, уменьшать кредитъ на канцелярскіе и хозяйственные расходы, сокращать размѣры путевыхъ пособій чиновникамъ, покрывать издержки по одной статьѣ сбереженіями по другой и т. п. Несмотря на все это, экстренное сокращеніе, имѣвшее въ виду уничтоженіе дефицита въ 4.400.000 руб., дало въ окончательномъ результатѣ менѣе 1.000.000 рублей. Если и можно, слѣдовательно, говорить о «настойчивости» государственнаго контроля при сокращеніи расходовъ, то необходимо признать, что эта настойчивость, по своимъ результатамъ, не была энергична въ должной мѣрѣ.

На ряду съ текущею дѣятельностью государственнаго контроля по дѣламъ, возникающимъ при обычномъ ходѣ управленія, всегда обращалось серьезное вниманіе на усовершенствованіе и развитіе тѣхъ законоположеній и правилъ, которыми опредѣляется существующій счетно-ревизіонный порядокъ. Двадцатилѣтній опытъ съ очевидностью, никѣмъ, кромѣ приверженцевъ «стараго порядка», не оспариваемою, доказалъ правильность и благодѣтельное дѣйствіе главныхъ началъ, положенныхъ въ основаніе этого порядка. Но, по самому существу своему, введенный въ началѣ 60-хъ годовъ,

этотъ новый порядокъ не могъ явиться сразу въ видѣ вполнѣ законченной системы. Нѣкоторые отдѣлы его требовали дальнѣйшей обработки, многое въ немъ установилось не на основанiи твердыхъ законоположенiй, а, въ силу частныхъ разрѣшенiй и указанiй, явилась надобность одно исправить, другое приспособить ко вновь выяснившимся потребностямъ. Этимъ объясняется непрерывное продолженiе организацiонной дѣятельности государственнаго контроля, вслѣдствiе чего, въ концѣ каждаго всеподданнѣйшаго отчета, упоминается о ходѣ работъ по усовершенствованiю системы государственной отчетности и контроля. Въ послѣднiе годы это усовершенствованiе сводилось къ упорядоченiю запущеннаго ревизiоннаго дѣлопроизводства контрольныхъ учрежденiй и обезпеченiю положенiя контрольныхъ чиновниковъ. Для достиженiя этихъ двухъ цѣлей было отпущено: въ 1880 году—100.000 руб. и въ 1881 и 1882 гг.—по 200.000 руб., въ видѣ единовременныхъ пособiй. Къ концу прошлаго года, благодаря этимъ пособiямъ, въ большей части контрольныхъ палатъ была достигнута полная своевременность ревизiи. Въ виду такихъ результатовъ, было признано справедливымъ замѣнить единовременныя пособiя постояннымъ назначенiемъ суммъ, необходимыхъ для обезпеченiя чиновъ государственнаго контроля. Такъ какъ въ настоящее время предполагается внести контроль надъ желѣзными дорогами, установить фактическую повѣрку и предварительную ревизiю и преобразовать финансовыя учрежденiя въ губернiяхъ, то точное указанiе состава каждаго контрольнаго учрежденiя оказывается невозможнымъ: въ виду указанныхъ преобразованiй, размѣры и даже свойства ревизiоннаго труда опредѣлить невозможно. Вслѣдствiе этого были изданы не постоянные штаты государственнаго контроля, а лишь расписанiе должностей и окладовъ, при чемъ старались регулировать и нѣсколько возвысить оклады чиновниковъ и увеличить средства на вознагражденiе вольнонаемнаго труда, который имѣетъ въ ревизiонномъ дѣлѣ весьма

широкое примѣненіе. По этому росписанію дополнительная сумма по контрольному вѣдомству опредѣлилась въ 390.000 рублей. Когда предварительный и фактическій контроль въ настоящее время испытанный лишь въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ хозяйственныхъ операціяхъ, какъ, напримѣръ, при постройкѣ Баскунчакской желѣзной дороги, будетъ примѣненъ ко всѣмъ безъ исключенія операціямъ государственнаго хозяйства, сторонники «стараго порядка» найдутъ, конечно, что приближается конецъ міра...

Да, «есть отъ чего въ отчаянье придти», слушая разсказы о злоупотребленіяхъ и неправильностяхъ, раскрытыхъ государственнымъ контролемъ въ одномъ прошломъ году. Въ этихъ случаяхъ важна, конечно, не сумма нанесеннаго казнѣ ущерба, а низкій уровень общественной морали, при которомъ слабость служебнаго долга соревнуетъ со страстью къ наживѣ. И это не случайныя, не мѣстныя явленія; они замѣчаются во всѣхъ концахъ имперіи. Въ Варшавѣ уплачиваютъ деньги за перевозку пороховыхъ боченковъ, полная негодность которыхъ сознается самими отправителями; въ Ташкентѣ, при устройствѣ желѣзной крыши для тюрьмы, показываютъ вдвое большее число пудовъ листового желѣза, чѣмъ дѣйствительно израсходованное; при постройкѣ Маткоозерскаго канала, цѣны на земельныя работы превышаютъ иногда втрое цѣны работъ по Свирскому каналу; въ Батумской области, при постройкѣ шоссейныхъ дорогъ, оказалась передержка болѣе, чѣмъ на 250.000 руб., хотя исчисленная на постройку сумма въ 680.000 руб. была отпущена подъ условіемъ ни въ какомъ случаѣ не выходить изъ этой нормы. Что на окраинахъ, то и въ центрѣ, то и всюду: въ Москвѣ кирпичъ, стоющій 18 руб. за тысячу, оцѣнивается по 31 руб.; въ Петербургѣ перовыя кисти для окраски судовъ стоятъ 8 коп., а въ Кронштадтѣ за нихъ платится 98 коп.; въ полтавской почтовой конторѣ похищено 43.000 руб., въ спасской—7.000 руб., въ одесской—9.000 руб., въ кронштадтскомъ казначействѣ растрачено

34.000 руб., въ воткинскомъ—26.000 руб., въ горномъ институтѣ въ Петербургѣ—12.000 руб., мировымъ судьею въ Сорокахъ—4.000 руб.; въ Виленской губерніи, въ теченіе трехъ лѣтъ, открыты 230 тайныхъ водочныхъ заводовъ; городищенскій уѣздный воинскій начальникъ баронъ Корфъ присвоиваетъ себѣ казенныя деньги и т. д.

Это все только факты, обнаруженные государственнымъ контролемъ; сколько же ихъ ускользаетъ отъ всякаго контроля? Не 200 и не 300, а 600 тысячъ и болѣе выгодно предоставить на усиленіе контроля въ имперіи, гдѣ общественная нравственность прикрываетъ и, въ иныхъ случаяхъ, можетъ быть, поощряетъ хищеніе, утайку, растрату. Можно сказать, что во всей имперіи только государственный контроль охраняетъ интересы государственной казны противъ всѣхъ вѣдомствъ, учрежденій и лицъ, усвоившихъ себѣ самые преступные взгляды на суммы государственнаго казначейства. Только въ послѣднее время, въ петербургскомъ обществѣ, по крайней мѣрѣ въ лучшихъ его представителяхъ, замѣчается важная въ этомъ отношеніи перемѣна, проявившаяся по случаю самоубійства Макова и преступленія Перфильева: Макова не спасла отъ грознаго осужденія даже пуля, положившая конецъ его преступной жизни, а Перфильеву, проигрывавшему казенныя деньги въ англійскомъ клубѣ, закрыты теперь двери всѣхъ петербургскихъ салоновъ, въ которыхъ онъ еще такъ недавно былъ желаннымъ гостемъ.

Много отраднаго, освѣжающаго, поддерживающаго надежду на лучшее будущее слышится теперь въ петербургскихъ кабинетахъ при обсужденіи прошлаго года, при подведеніи итога его дѣятельности: является увѣренность, что не всѣ злоупотребленія остаются безнаказанными, не всѣ неправильности—неисправленными. Благодаря помѣткѣ: «читать воспрещается», это отрадное впечатлѣніе производится въ довольно ограниченномъ кругу, и воспитательное для общества значеніе подобныхъ отчетовъ сводится къ нулю. Объ этомъ,

повторяю, нельзя не пожалѣть. Полная гласность въ этомъ случаѣ могла бы принести значительную пользу, но, къ сожалѣнію, мы все еще, «разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ», усматриваемъ какой-то страшный жупелъ въ свободѣ печати.

Есть, въ самомъ дѣлѣ, что-то стихійное, неудержимое, въ стремленіи человѣческой мысли пробиться сквозь массу путъ, ее сдерживающихъ. За мыслью рвется слово, за словомъ — печать. Никакая цензура, предварительная и карательная, иностранная и внутренняя, никакія наказанія, уголовныя и исправительныя, налагаемыя судомъ и раздаваемыя администраціею, остановить это стремленіе не могутъ. Они могутъ задержать до времени, стѣснить, затруднить, но ни пресѣчь, ни искоренить не въ силахъ. И чѣмъ болѣе затрудненій и стѣсненій, тѣмъ значительнѣе вліяніе слова, прорвавшагося наружу, тѣмъ рѣшительнѣе впечатлѣніе, имъ производимое. Никогда и никто не читаетъ «Правительственнаго Вѣстника» съ такимъ духовнымъ аппетитомъ, какъ вчерашній нумеръ газеты, вызвавшій административную кару, тѣмъ болѣе листокъ, появившійся на свѣтъ Божій безъ полицейскаго разрѣшенія. Давно уже, и не нами одними, а вѣковымъ опытомъ болѣе насъ испытавшей Европы, доказано, что чѣмъ болѣе стѣснена законная печать, тѣмъ болѣе развивается подпольная, и наоборотъ. Это выводъ цифровой, статистическій, не допускающій исключеній. Справедливость этого Петербургъ испытываетъ на себѣ въ настоящую минуту. Въ то время какъ газеты ограничиваются изъявленіемъ своего неудовольствія князю Бисмарку и ожесточенною критикою французскихъ дѣлъ, не осмѣливаясь даже упоминать о насущныхъ потребностяхъ русскаго общества и о нуждахъ русскаго народа, городская почта все чаще и чаще снабжаетъ жителей Петербурга «печатными письмами».

У насъ принято называть подобныя письма прокламаціями. Болѣе неудачное названіе, по крайней мѣрѣ относительно новѣйшихъ произведеній этого рода, трудно было бы подыскать.

Прокламація, въ широкомъ значеніи слова, lato sensu — актъ, которымъ правительство, государь, военачальникъ, глава партіи обращается къ гражданамъ, подданнымъ, солдатамъ, народу съ изъявленіемъ своихъ взглядовъ, предположеній, надеждъ. Простое сообщеніе факта, строго говоря, не есть прокламація, въ какой бы внѣшней формѣ оно ни было сдѣлано. Если вамъ сообщаютъ, напримѣръ, неизданное еще «стихотвореніе въ прозѣ» Тургенева, если обсуждаютъ значеніе его дѣятельности, какъ литератора — это не можетъ быть названо прокламаціей. Конечно, важенъ самый фактъ появленія «печатныхъ писемъ», а не ихъ названіе, но я обращаю на это вниманіе потому, что слову «прокламація» у насъ привыкли придавать, во всякомъ случаѣ, совсѣмъ особое значеніе, дѣлающее всякую «прокламацію» чѣмъ-то ужаснымъ, страхъ нагоняющимъ на людей даже не робкаго десятка. Между тѣмъ, при чтеніи послѣднихъ «прокламацій» этого-то специфическаго страха и не чувствуется. Въ этомъ убѣдились многіе въ Петербургѣ 2-го октября и въ послѣдующіе дни, когда подпольная печать обратила вниманіе читателей на одну изъ сторонъ тюремнаго дѣла въ Россіи, по преимуществу касающуюся Петербурга.

И. С. Тургеневъ умеръ въ августѣ, погребенъ въ сентябрѣ, а петербургское общество продолжаетъ и въ октябрѣ вспоминать объ этихъ грустныхъ событіяхъ, — вспоминать и волноваться.

Вы помните, какъ принята была вѣсть о кончинѣ Тургенева, не Петербургомъ только, не Москвою, — всею Россіею. Изъ городовъ, селъ и мѣстечекъ, отъ различныхъ обществъ, собраній и кружковъ летѣли телеграммы съ сочувствіемъ къ общерусскому горю; всюду служились панихиды, вездѣ плелись надгробные вѣнки. Вы знаете, какъ состоялись похороны: на погребеніи тѣла Тургенева присутствовала вся Россія, въ лицѣ депутацій отъ разныхъ сословій и учрежденій, университетовъ и школъ, отъ литературныхъ обществъ и

художественныхъ собраній, и эта многотысячная толпа, убитая горемъ, съ лицомъ, подернутымъ печалью, мирно и торжественно проводила гробъ до могилы, въ которую опустила честнаго, талантливаго писателя, сослужившаго великую службу родинѣ распространеніемъ гуманныхъ идей, расширеніемъ духовныхъ интересовъ, развитіемъ художественнаго вкуса. Вы читали въ газетахъ, брошюрахъ и журналахъ о безпримѣрномъ порядкѣ при перенесеніи тѣла и погребеніи, вы видѣли въ фотографіяхъ и различныхъ снимкахъ этотъ внушительный своею пригнетающею печалью кортежъ, двигавшійся среди ряда живыхъ шпалеръ изъ тысячъ непокрытыхъ головъ, усѣявшихъ окна и крыши домовъ, площади, улицы, заборы и съ нѣмымъ благоговѣніемъ внимавшихъ некончавшемуся на всемъ пути молитвенному пѣнію: «со святыми упокой»...

Торжественная помпа, съ которою совершилось погребеніе тѣла Тургенева, была устроена отчасти на средства городского общественнаго управленія столицы. Заслуга ли это со стороны города Петербурга? Нимало: Петербургъ исполнилъ только свой долгъ. Правда, онъ исполнилъ этотъ долгъ вполнѣ достойно, сообразно съ обстоятельствами, но исполненіе долга не можетъ составлять заслуги. Почему же это являлось долгомъ именно для Петербурга? Тургеневъ родился и воспитывался не въ Петербургѣ, большую часть своей жизни провелъ не въ Петербургѣ, и въ Петербургѣ бывалъ только проѣздомъ. Почему же Петербургъ именно обязанъ былъ принять ближайшее участіе въ погребеніи тѣла Тургенева и городское общественное управленіе столицы должно было похоронить его на счетъ городскихъ средствъ? Вотъ почему:

И. С. Тургеневъ окончилъ свое воспитаніе и большую часть своей жизни провелъ за границей, гдѣ написалъ и большую часть своихъ произведеній. Но все, что онъ написалъ, читала и читаетъ вся Россія; его жизнь, какъ и его произведенія, принадлежатъ всей Россіи. Это всего очевиднѣе ска-

залось въ томъ общемъ соболѣзнованіи, которое охватило всѣ концы имперіи при вѣсти о его кончинѣ. Ни одинъ городъ, ни одна губернія въ Россіи не могутъ присвоивать себѣ право на честь исключительной заботы при погребеніи Тургенева — онъ принадлежитъ всей Россіи. Похороны Тургенева должны были совершиться, если ужъ не на государственный счетъ, то на счетъ того общественнаго учрежденія, въ районѣ котораго было бы избрано мѣсто для его могилы. Долгое время это мѣсто не было извѣстно: говорили, что Тургеневъ будетъ погребенъ въ фамильномъ склепѣ, въ своемъ имѣніи, въ Тульской губерніи; передавали, что Тургеневъ выразилъ желаніе «лечь у ногъ своего учителя, Пушкина», въ Псковской губерніи; увѣряли, наконецъ, что въ послѣднее время, незадолго до смерти, Тургеневъ желалъ быть погребеннымъ «рядомъ съ Бѣлинскимъ», въ Петербургѣ. Гдѣ ни было бы, однако, избрано мѣсто могилы, для всѣхъ было очевидно, что мѣстное общественное учрежденіе исполнитъ желаніе всей Россіи, принявъ погребеніе на свой счетъ, а вся Россія пришлетъ депутаціи и вѣнки въ ту мѣстность, гдѣ упокоятся останки великаго писателя. Выборъ остановился на Волковомъ кладбищѣ, находящемся въ чертѣ города Петербурга, и общественное управленіе столицы, ассигновавъ сумму на погребеніе, сдѣлало то, что сдѣлало бы тульское и псковское губернскія земства, еслибъ могила Тургенева оказалась въ районѣ ихъ губерній. Вотъ почему мы полагаемъ, что въ этомъ случаѣ Петербургъ исполнилъ только долгъ свой.

Если ужъ необходимо при каждомъ случаѣ отыскивать чью-либо заслугу, то она принадлежитъ скорѣе всего столичной полиціи и, прежде всего, градоначальнику Грессеру. Безъ обычнаго въ подобныхъ случаяхъ шума, безъ излишняго стѣсненія публики, на всѣхъ улицахъ, по которымъ прослѣдовалъ кортежъ, поддерживался образцовый порядокъ; нигдѣ не было ни давки, ни криковъ, столь свойственныхъ многотысячнымъ сборищамъ. Участвовавшіе въ процессіи и бывшіе ея зрите-

лями хорошо понимали, что всѣмъ этимъ внѣшнимъ порядкомъ они обязаны особой распорядительности градоначальника, который встрѣтилъ тѣло на станціи варшавской желѣзной дороги и проводилъ его верхомъ до кладбища, вездѣ и во все время отдавая лично приказанія и распоряженія.

Чѣмъ болѣе петербургское общество выражало благодарность градоначальнику за его распорядительность на похоронахъ Тургенева, тѣмъ болѣе оно поражено, прочтя на-дняхъ слѣдующій протестъ того же градоначальника, въ формѣ письма, на имя городского головы:

„Ваше превосходительство представили мнѣ, отъ 28-го сентября, за № 1014, копію съ опредѣленія городской думы, состоявшагося 12-го сентября. Изъ означенной копіи усматривается, что городская дума, между прочимъ, постановила: „расходы по провозу тѣла И. С. Тургенева отъ Вержболова до С.-Петербурга, а также на погребеніе его, принять на городской счетъ, для чего, потребную сумму, примѣрно до 3.000 руб., отпустить въ комитетъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ“.

„По соображеніи приведеннаго постановленія городской думы съ закономъ, оказывается:

„1) что, по ст. 140-й гор. пол., городскія средства, за удовлетвореніемъ обязательныхъ расходовъ, могутъ быть употребляемы, по усмотрѣнію городской думы, на всякіе вообще предметы, относящіеся къ пользамъ города, его обывателей и законамъ непротивные;

„2) что, по точному смыслу этой статьи закона, расходъ, произведенный по постановленію городской думы, можетъ быть признаваемъ законно произведеннымъ, если удовлетворяетъ двумъ слѣдующимъ условіямъ: а) предметъ расхода долженъ относиться къ пользамъ города и его обывателей и б) предметъ расхода долженъ быть не противенъ законамъ, и

„3) что если расходъ въ 3.000 руб., о которомъ идетъ рѣчь, удовлетворяетъ второму изъ приведенныхъ условій, т.-е не противенъ закону, то онъ не удовлетворяетъ первому изъ приведенныхъ условій, т.-е. этотъ предметъ не относится къ пользамъ города и его обывателей.

„Въ виду сего, признавая постановленіе городской думы объ ассигнованіи 3.000 руб. на покрытіе расходовъ по перевозу тѣла покойнаго писателя И. С. Тургенева въ С.-Петербургъ и по погре-

бенію его нарушающимъ 140-ю ст. гор. пол. и сдѣлавъ, на основаніи ст. 151 гор. пол., распоряженіе о передачѣ таковаго постановленія на разсмотрѣніе присутствія по городскимъ дѣламъ, имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство и просить, на основаніи 155 ст. того же положенія, пріостановиться приведеніемъ сего опредѣленія въ дѣйствіе на мѣсячный срокъ, считая таковой съ 29 сентября сего года".

Общество городское, даже столичное, равно какъ и всякое, не есть трибуналъ для сужденія о законности дѣйствій, не есть ни судебное мѣсто, опредѣляющее степень нарушенія закона, ни сенатъ, разъясняющій смыслъ узаконеній. Общество всегда и вездѣ есть собраніе индивидуумовъ, отдѣльныхъ человѣковъ, и, какъ таковое, оно воспринимаетъ всякое явленіе, его касающееся, прежде всего, чувствомъ, впечатлѣніемъ, производимымъ на чувство. Бюрократическая, формальная, канцелярская сторона менѣе всего интересуетъ общество и въ его сознаніи отражается значительно позже стороны нравственной, моральной, наиболѣе для общества дорогой. Нельзя и удивляться, что впечатлѣніе, вынесенное обществомъ при чтеніи протеста градоначальника, получилось крайне тяжелое, раздражающее, почти оскорбительное, во всякомъ случаѣ, способное только взволновать, но не успокоить. Протестъ этотъ растревожилъ рану, нанесенную обществу горемъ, его постигшимъ, коснулся самыхъ деликатныхъ чувствованій и коснулся ихъ со стороны, наименѣе способной къ какимъ бы ни было компромиссамъ. Не удивительно, что и впечатлѣніе получилось довольно цѣльное.

Съ точки зрѣнія общества, въ данномъ случаѣ, наиболѣе важной, протестъ градоначальника оказывается не соотвѣтствующимъ обстоятельствамъ, которыхъ онъ касается, и не достигающимъ той цѣли, которая имѣлась имъ въ виду. Въ самомъ дѣлѣ, честь ли, возданная памяти великаго писателя по единодушному приговору всей русской земли, оспаривается, ставится вопросомъ? Расходъ ли, произведенный городскою думою на погребеніе тѣла, признается неумѣстнымъ

тѣмъ же градоначальникомъ, который не только присутствовалъ, но принималъ ближайшее участіе въ самомъ расходованіи? Предлагается ли думѣ отложить на мѣсяцъ погребеніе Тургенева?

Но, кромѣ общественной точки зрѣнія, есть, какъ во всякомъ дѣлѣ, такъ и въ этомъ, и иная—посмотримъ на нее.

Въ самый же день обнародованія протеста градоначальника петербургская печать поспѣшила заявить, что «въ формальномъ отношеніи протестъ г. градоначальника *вполнѣ правиленъ*» или, по другому варіанту, «*совершенно правиленъ*». Ежедневная печать высказалась въ этомъ смыслѣ такъ единодушно, такъ угодливо, какъ будто требовалось подкрѣпить эту правильность приговоромъ печати, ея санкціею, какъ будто протестъ градоначальника нуждался въ разъясненіи его правильности даже и съ формальной точки зрѣнія. Мы полагаемъ, что печать была отчасти права: дѣйствительно, даже съ формальной стороны протестъ нуждается въ защитѣ, и можно только пожалѣть, что адвокатомъ его выступила именно печать.

Протестъ градоначальника основанъ на ст. 140-й гор. пол. Но, кромѣ этой статьи, въ городовомъ положеніи находятся еще и другія двѣ статьи. Прочтемъ ихъ:

1) *Статья 5-я.* Городское общественное управленіе, въ предѣлахъ предоставленной ему власти, дѣйствуетъ *самостоятельно.* Случаи и порядокъ, въ которыхъ дѣйствія и распоряженія сего управленія подлежатъ утвержденію и наблюденію правительственныхъ властей, указаны ниже (стт. 6, 11, 12, 56, 68, 71, 77, 80, 92, 103—106, 111—113, 121—124, 127, 143, 150—155 и 158).

Отмѣтимъ для памяти, что въ числѣ приведенныхъ статей, по которымъ распоряженія городского управленія подлежатъ утвержденію и наблюденію правительственныхъ властей, статья 140-я, на которой основался градоначальникъ, не указана. Слѣдовательно, распоряженіе городской думы, сдѣланное на основаніи 140-й ст., не подлежитъ ни наблюденію, ни утвержденію правительственныхъ властей вообще и ближай-

шей власти въ особенности—въ данномъ случаѣ имени градоначальника.

2) *Статья 11-я.* Для разсмотрѣнія *въ случаяхъ, ниже указанныхъ* (стт. 12, 29. 45, 77, 80, 93, 150, 151 и 158), возникающихъ дѣлъ о незаконности опредѣленій городского общественнаго управленія, учреждается присутствіе по городскимъ дѣламъ.

Отмѣтимъ опять для памяти, что присутствіе по городскимъ дѣламъ учреждено для случаевъ, точно указанныхъ въ рядѣ статей, въ число которыхъ ст. 140-я опять-таки не вошла. Это подкрѣпляетъ приведенное нами выше толкованіе ст. 5-й.

Такимъ образомъ, по точному смыслу статей 5-й и 11-й гор. пол., распоряженія думы, основанныя на ст. 140-й, протесту не подлежатъ, и такой протестъ не можетъ разсматриваться въ присутствіи по городскимъ дѣламъ. Если подъ вторую половину 5-й статьи подвести, кромѣ точно въ ней обозначенныхъ, всѣ остальныя статьи городового положенія, то потеряетъ всякій смыслъ первая половина той же статьи, и право «самостоятельности», дарованное городамъ, обратится въ ничто. Такой взглядъ высказалъ уже, и не разъ, правительствующій сенатъ, защищавшій право городовъ дѣйствовать, на основаніи ст. 5-й, вполнѣ самостоятельно [1]).

Во всякомъ случаѣ, петербургская печать поторопилась признать протестъ градоначальника правильнымъ, даже «вполнѣ» и «совершенно». Но печать наша сдѣлала, какъ печать, еще нѣчто худшее, чѣмъ эта странная посиѣшность.

Не въ первый уже разъ городскія общественныя управленія, подобно земскимъ и сословнымъ, ассигнуютъ, на основаніи ст. 140-й гор. пол., суммы на чествованіе лицъ и событій, не имѣющихъ, казалось бы, никакого отношенія къ «пользамъ» того или другого города. Можно, конечно, заявить съ легкимъ сердцемъ, что съ формальной стороны про-

---

[1]) См. указы сената отъ 4 апрѣля 1872 г., № 16489, 9 января 1873 г., № 1030, 26 ноября 1873 г., № 37094, и др., напечатанные въ «Правительственномъ Вѣстникѣ»: № 43 за 1874 г., № 261 за 1877 и № 27 за 1878 годъ.

тестъ «вполнѣ правиленъ»; но какъ же быть съ прецедентами? Ни забыть ихъ, ни уничтожить невозможно. Прецедентъ—не вымыселъ, не фантомъ; это—законоправный опытъ, указаніе самой жизни, оправданное временемъ, это—дополненіе, разъясненіе, поправка закона, признаваемая иногда, даже вовсе не молчаливо, самою законодательною властью. Какъ же быть съ прецедентами? По мнѣнію одной петербургской газеты, очень просто:

„Законодательнымъ или инымъ путемъ подтвердить, что допускавшееся уклоненіе отъ точнаго смысла статьи 140-й впредь не можетъ имѣть мѣста ни въ какомъ случаѣ. Тогда, разумѣется, для будущаго времени прежніе прецеденты потеряютъ всякую силу".

Коротко, но неясно. Какимъ это «инымъ», если не законодательнымъ, путемъ можно сломать все городовое положеніе?

Такое мнѣніе, недостойное уважающаго себя общественнаго органа, было прочтено, конечно, съ удовольствіемъ творцами протеста; но оно едва ли можетъ повліять, даже и въ настоящее время, на серьезное рѣшеніе вопроса. Государственный совѣтъ всегда разъяснялъ статьи городового положенія въ смыслѣ распространительномъ [1]), никогда въ ограничительномъ. Въ данномъ же случаѣ, государственный совѣтъ вспомнитъ, къ тому же, что по вопросу о значеніи прецедентовъ было уже высказано, лѣтъ 70 назадъ, въ царствованіе Александра I, слѣдующее мнѣніе знаменитымъ членомъ совѣта, адмираломъ Н. С. Мордвиновымъ:

„Признано уже, что опытность единая только управить можетъ вѣрно мудростью человѣка... Надежнѣе всего возможно положиться на законъ, проистекшій отъ испытанной и чувствительной нужды въ ономъ, нежели отъ единой догадки о пользахъ, ожидаемыхъ и предусматриваемыхъ умственно. Время полагаетъ печать оправданія на всякое человѣческое дѣло. Всякое человѣческое учрежденіе, укорененное долгимъ опытомъ, признанное полезнымъ, даже невреднымъ, не должно быть измѣнено смѣло и безбоязненно" [2]).

---

[1]) Отчеты по государственному совѣту за 1871 г., стр. 37, и за 1873 г., 59.

Архивъ государственнаго совѣта, т. IV, стр. 165.

Но почему же не быть смѣлой и чего бояться газетѣ, которая не только готова уничтожить «самостоятельность» общественнаго управленія въ Петербургѣ, но и рекомендуетъ *назначеніемъ* замѣнить выборъ городского головы въ Москвѣ?..

II.

Вотъ уже мѣсяцъ, как въ соединенныхъ департаментахъ государственнаго совѣта разсматривается, по словамъ оффиціозовъ, «*важнѣйшее дѣло* настоящей минуты» — проектъ новаго университетскаго устава. Напрасно вы стали бы искать въ газетахъ извѣстій о ходѣ разсмотрѣнія, свѣдѣній о разсматриваемомъ вопросѣ, не говоря уже объ обсужденіи этого «важнѣйшаго дѣла». По временамъ, какъ бы украдкою, появится въ той или другой газетѣ небольшая замѣтка, въ двѣ-три строчки, извѣщающая, что «разсмотрѣніе продолжается»; но что̀ разсматривается и какъ разсматривается — объ этомъ печать умалчиваетъ. Печать, но не общество. Оно очень интересуется этимъ «важнѣйшимъ дѣломъ» потому уже, что въ этомъ дѣлѣ заключены серьезнѣйшіе интересы общества. Интеллигентные кружки петербургскаго общества знаютъ не только проектъ, но и отношеніе къ нему различныхъ членовъ государственнаго совѣта, слѣдятъ за каждымъ параграфомъ разсматриваемаго проекта, оцѣниваютъ произносимыя въ совѣтѣ рѣчи, взвѣшиваютъ дѣлаемыя замѣчанія. Могу васъ порадовать: общее убѣжденіе то, что проектъ «не пройдетъ» въ государственномъ совѣтѣ. Въ первое же засѣданіе, 22-го октября, послышались столь серьезныя возраженія и отъ такихъ лицъ, что прежняя увѣренность составителей проекта въ успѣхѣ значительно поколебалась. Съ каждымъ новымъ засѣданіемъ негодность мѣръ, предлагаемыхъ проектомъ, становилась все очевиднѣе и, въ настоящее время, явилась надежда, что проектъ новаго университетскаго устава не будетъ даже и внесенъ въ общее собраніе государственнаго совѣта.

Семнадцать уже лѣтъ ведется борьба съ университетскимъ уставомъ 1863 года, борьба безцѣльная и, что хуже всего, несправедливая. Семнадцать лѣтъ дѣлались всевозможныя усилія, чтобы отвергнуть очевидные для всѣхъ факты, представить бѣлое чернымъ, обратить академію въ школу и распространить на университеты ту школьную систему, которая довела наше учебное дѣло до его нынѣшняго положенія. Это положеніе во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительно. Кто этого не знаетъ? Для этого не нужно быть ни профессоромъ или учителемъ, ни даже педагогомъ — довольно быть отцомъ семейства и имѣть дѣтей школьнаго возраста.

Съ понятнымъ интересомъ слѣдимъ мы за ходомъ учебнаго дѣла въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ нихъ возрастаетъ поколѣніе, идущее на смѣну намъ; отъ его качествъ зависитъ будущее Россіи. Съ каждымъ годомъ вопросъ «молодого поколѣнія» дѣлается серьезнѣе и острѣе. Не первый годъ уже ждемъ мы тѣхъ, кто пришелъ бы на смѣну поколѣнію отживающему. Ждемъ и не видимъ. Напротивъ, надежды наши на молодое поколѣніе убываютъ по мѣрѣ того, какъ внутреннее положеніе Россіи дѣлается сложнѣе. Въ силу какого-то злаго рока, дѣла наши становятся серьезнѣе и запутаннѣе, а дѣятели убываютъ и въ количествѣ, и въ качествѣ. И нельзя сказать, чтобы это явленіе дошло уже до своего апогея — въ будущемъ возможно и нѣчто худшее.

Уровень общаго образованія у воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній значительно понизился и постоянно понижается. Вслѣдствіе этого преподаваніе наукъ, предполагающихъ общее образованіе и знаніе элементарныхъ фактовъ и истинъ, становится въ высшей степени затруднительно. Преподавателю остается одно изъ двухъ: или понизить уровень преподаванія, пожертвовать полнотою и достоинствомъ своего курса, пустившись въ изложеніе такихъ вещей, которыя должны бы быть извѣстны предварительно, или же, сохраняя достоинство преподаванія, закрыть глаза на подготовку слуша-

телей. Не знаемъ, какой путь избираютъ преподаватели, но, судя по нашему личному опыту и по общимъ жалобамъ, смѣемъ утверждать, что ни тотъ, ни другой не ведетъ къ желанному результату.

При отсутствіи общаго образованія, естественно, пропадаетъ интересъ къ образованію высшему и спеціальному. Высшее образованіе разсматривается какъ средство получить дипломъ, необходимый для жизненнаго поприща, и большинство, по извѣстному экономическому правилу, стремится получить желанный пергаментъ съ наименьшими усиліями, негодуя на всякое препятствіе (въ видѣ, напримѣръ, строгости экзаменатора), поставленное на пути къ означенной цѣли. Иначе и быть не можетъ тамъ, гдѣ жажда образованія не возбуждена еще въ юношескіе годы, гдѣ «ученіе» представляется въ видѣ механическаго усвоенія «заданнаго» урока и гдѣ процессъ труда не одухотворенъ пробужденіемъ лучшихъ способностей человѣка, его умственныхъ, нравственныхъ и эстетическихъ стремленій.

Но можно ли даже говорить объ этихъ высшихъ стремленіяхъ и способностяхъ? Можно ли говорить о нихъ тамъ, гдѣ нерѣдко отсутствуетъ даже простая грамотность и притомъ въ простѣйшемъ, грубѣйшемъ смыслѣ слова—въ смыслѣ умѣстнаго употребленія буквы *ѣ*? Какой интересъ при этихъ условіяхъ можетъ возбудиться къ тѣмъ вопросамъ, отъ которыхъ у образованнаго человѣка бьется сердце? Мы не хотимъ этимъ сказать, что внѣшнее прилежаніе у учащихся въ смыслѣ усвоенія разныхъ «предметовъ» къ экзамену умалилось. Мы говоримъ о томъ неуловимомъ, не поддающемся никакой статистикѣ, впечатлѣніи относительно качествъ учащихся, которое, надѣемся, пойметъ всякій преподаватель высшаго учебнаго заведенія. Впечатлѣніе это лучше всего переводится на русскій языкъ словомъ *отупѣніе*, въ смыслѣ упадка способности къ умственному воспріятію, въ смыслѣ огрубѣнія чувствъ.

При такихъ условіяхъ наука дѣлается какимъ-то ненужнымъ украшеніемъ, лишнимъ балластомъ, страннымъ недоразумѣніемъ, существующимъ неизвѣстно для чего и почему. Что это фактъ не новый и имѣющій свои корни не въ событіяхъ вчерашняго дня, это доказывается тѣмъ, что въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ не выдвинулось ни одного выдающагося таланта нигдѣ, ни на одной чредѣ, ни въ одной области. Наука, литература, живопись, ваяніе, общественное и государственное служеніе — все и вся оскудѣло и оскудѣваетъ. Вездѣ слышится одинъ и тотъ же припѣвъ: людей нѣтъ!

Отчего же ихъ нѣтъ? Мы и не думаемъ, конечно, исчерпать здѣсь всѣ возможныя объясненія этого факта, отрицать который никто не посмѣетъ; мы остановимся на самомъ крупномъ и самомъ распространенномъ объясненіи.

«Молодежь не учится, увлекаясь политикой». Это объясненіе настолько общераспространено и модно, что было повторено на-дняхъ, 2-го ноября, одною петербургскою газетою [1]. Мы нисколько не думаемъ отрицать всей важности этого объясненія для извѣстной доли нашей молодежи. Мы вполнѣ признаемъ, что довольно значительная часть силъ, которыя могли бы принести истинную пользу родинѣ, уходитъ въ наше такъ называемое «политическое движеніе» и пропадаетъ въ немъ. Мы утверждаемъ еще большее: при направленіи и свойствахъ нашего политическаго движенія, оно неизбѣжно должно привести къ такимъ результатамъ. Направленіе это — *псевдонародническое*, требующее отъ адепта изученія одного народа и отрицанія всего, чѣмъ живутъ образованные классы, провозглашаемые «эксплуататорами». Наука, съ этой точки зрѣнія, является достояніемъ «отживающаго» міра, обреченнаго на безпощадное разрушеніе народными массами. Мало того: послѣдовательный «народникъ» — принимая это слово въ крайнемъ, сказанномъ выше

[1]) «Биржевыя Вѣдомости», № 167, отъ 2-го ноября 1883 г.

значеніи — отвергаетъ все, подчиняющее человѣка разуму логическому сужденію, логикѣ ума и фактовъ; «народникъ» дѣйствуетъ по непосредственному чувству, которое, по его мнѣнію, никогда не обманываетъ. Непосредственное же чувство не только не нуждается въ наукѣ, но даже враждебно ей, потому что наука не только можетъ охладить чувство, но и бросить человѣка въ станъ эксплуататоровъ. Теперь мы можемъ сказать этимъ господамъ: «Смотрите, куда приводитъ ваша теорія, что вы сдѣлали! Занятіе политикой совершилось за вашъ счетъ. Вы остались при невѣжествѣ; вы бросили въ сторону тѣ орудія знанія, съ помощью которыхъ можно было бы принести дѣйствительную пользу родинѣ. Набрасываясь на молодежь, какъ на легкую добычу, вы лишаете ее всего, чѣмъ живетъ и долженъ жить человѣкъ, и оставляете ее при одномъ «чувствѣ», по вашему, и при *слѣпомъ фанатизмѣ* — по нашему».

Да, «политика» причинила много зла нашимъ подростающимъ поколѣніямъ. Но изъ этого факта, весьма печальнаго, былъ сдѣланъ выводъ, еще болѣе печальный. Противъ политики, шедшей изъ тайныхъ кружковъ, была пущена другая «политика», долженствовавшая искоренить первую. Цѣлый школьный планъ былъ разсчитанъ на борьбу со зломъ; школа должна была сдѣлаться не орудіемъ ученія, а орудіемъ нѣкоторой внѣшней дисциплины; учебные предметы были пригнаны къ этой чисто внѣшней цѣли; словомъ, катковскій классицизмъ долженъ былъ сыграть роль узды на чувства и умы. Что же вышло? Вышло то, что видимъ. Искорененія тѣхъ элементовъ, которые не даютъ покоя нашему государству, не только не послѣдовало, но зло приняло еще бо́льшіе размѣры. Во всякомъ случаѣ, эти элементы составляютъ меньшинство, хотя и внушительное. Что же касается большинства, то трудъ, къ которому должна была пріучить его школа, не сдѣлался для него ни потребностью, ни даже привычкою, а обратился въ нѣкоторое пугало, отъ котораго подо-

баетъ отдѣлываться всякими изворотами. И отдѣлываются. Никогда еще не существовало столько хитрыхъ изворотовъ для обхода требованій школы, какъ нынѣ. Объ этомъ лучше всего свидѣтельствуютъ тѣ предосторожности, къ которымъ прибѣгаетъ учебное начальство, чтобы не попасть впросакъ.

Это и неудивительно. Лѣнь всегда будетъ изобрѣтательнѣе всякаго административнаго усилія. Когда въ душѣ мальчика не пробуждено никакихъ стремленій къ знанію, когда онъ подвигается на трудъ исключительно грозою дурныхъ отмѣтокъ, да оставленія въ классѣ, онъ всегда сумѣетъ обойти внѣшнія препятствія. Но за то не требуйте отъ него любви къ наукѣ. Напротивъ: съ самаго уже начала онъ видитъ въ наукѣ врага, который его тѣснитъ, который напираетъ на него съ самыми странными и непонятными требованіями, преслѣдуетъ его по пятамъ. И онъ начинаетъ съ нимъ скрытую борьбу, напоминающую борьбу между слѣдователемъ и подозрѣваемымъ, съ тою, однако, разницею, что подозрѣваемый знаетъ, за что его преслѣдуютъ, а мальчикъ не знаетъ, потому что тайна воинственнаго настроенія науки скрыта отъ его глазъ, помѣщаясь у васъ, въ Москвѣ, въ нѣкоторомъ зданіи на Страстномъ бульварѣ. Итакъ, наука есть врагъ,—вотъ результатъ обращенія ученія въ средство полицейской дисциплины.

Прибавимъ къ этому еще одну черту. Когда подъ изсушающимъ дѣйствіемъ ученія, приноровленнаго къ цѣлямъ, чуждымъ школы, въ душѣ и умѣ мальчика весьма часто пропадаетъ все идеальное, все способное влечь его въ царство разума, добра и правды, остается существо, животное, ζῶον, желающее жить, преуспѣвать, дѣлать карьеру, и для этой цѣли готовое на всякія средства. Для этой цѣли ему нуженъ «дипломъ», для этой же цѣли, впослѣдствіи, ему нужно будетъ «мѣсто», какое угодно, гдѣ угодно, и добыто какъ угодно. На все это, по его глубочайшему убѣжденію, онъ имѣетъ право, потому что онъ призванъ жить. Онъ имѣетъ

право содержаться на чужой счетъ въ высшемъ учебномъ заведенiи; онъ имѣетъ право переходить изъ курса въ курсъ, почти ничего не дѣлая, потому что всякая задержка на курсѣ есть препятствiе, поставленное между нимъ и дипломомъ; онъ имѣетъ право на дипломъ, потому что лишенiе диплома есть препятствiе къ полученiю мѣста; онъ же имѣетъ право на мѣсто и, ничто же сумняшеся, купитъ его у какого-нибудь Купа или выползаетъ его у иныхъ мѣсторазадавателей. Это ужасно, но это вѣрно. Это правда, подтверждаемая ежедневнымъ опытомъ.

Итакъ, два типа: или типъ безшабашнаго разрушителя, или типъ карьериста, памятующаго, что все сотворено на потребу человѣка. И между этими двумя типами, въ видѣ сѣренькой массы, что-то среднее, «спокойное», правда, но безсильное на добро и на зло. Исключенiя есть, но рѣдки.

Когда эти типы стали для всѣхъ ясны, спасатели отечества спохватились. «Не учатся! Развратъ, растлѣнiе, распущенность! Виноваты высшiя заведенiя; тамъ ничего не дѣлаютъ, тамъ гнѣздится духъ своеволiя и поощряется лѣнь. Тамъ надо подтянуть!» И вотъ, начинается рядъ проектовъ «подтягиванья» высшихъ учебныхъ заведенiй, цѣлая комиссiя отправляется въ объѣздъ по Россiи собирать свѣдѣнiя, и, въ концѣ концовъ, проектъ новаго университетскаго устава поступаетъ въ государственный совѣтъ.

Общая цѣль всѣхъ проектовъ подтягиванья, въ томъ числѣ и проекта новаго устава университетовъ,—заставить учиться.

Заставить учиться! Когда въ молодомъ человѣкѣ лѣтъ 18, или даже 20 (таковыми оканчиваютъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведенiяхъ), не пробуждено никакого человѣческаго интереса, когда всякiй классическiй мiръ представ ляется ему собранiемъ неправильныхъ глаголовъ, когда и на Петра и Екатерины, Ивана Калиты и Дмитрiя Донско Лютера и Вашингтона являются несамостоятельны " ставками къ такому-то году, помнить который

экзамена, когда чудныя красоты родного языка и вся прелесть литературы не существуютъ для отупѣвшей души, когда душа эта не рвется къ рѣшенію вопросовъ, отъ которыхъ трепещетъ радостью и надеждой образованный юноша,—при этихъ-то условіяхъ заставить учиться! Да развѣ есть такое принужденіе, которое нельзя было бы обойти? Развѣ есть такое хитрое правило, которое нельзя было бы перехитрить?

«Есть», отвѣчаютъ намъ, и указываютъ на «отдѣленіе экзаменовъ отъ преподаванія», признавая въ этомъ одну изъ «мѣръ органическихъ, которыхъ нельзя обойти въ исполненіи» [1]). Мѣры, конечно, бываютъ разныя; разсмотримъ и эту.

Въ Германіи, на которую у насъ такъ часто любятъ ссылаться въ подобныхъ вопросахъ, стало уже непререкаемою истиною, что экзаменаторомъ можетъ быть только спеціалистъ. Въ самомъ дѣлѣ, если назначеніе университета заключается не только въ передачѣ извѣстной суммы фактовъ и истинъ, добытыхъ наукою, но и въ постоянномъ изслѣдованіи научнаго матеріала и въ дальнѣйшемъ движеніи науки; если университетъ не только школа, хотя бы и высшая, но и академія, кто же, кромѣ спеціалиста, участвующаго своими трудами въ академическомъ назначеніи университета, можетъ опредѣлить, при экзаменѣ, не только сумму знанія экзаменующагося, но, что гораздо важнѣе, степень какъ зрѣлой самостоятельности въ сужденіи объ извѣстной категоріи вопросовъ, такъ и правильнаго пониманія пріобрѣтенной суммы знанія? Было бы большою ошибкою думать, что ростъ науки заключается только въ количественномъ накопленіи массы знанія; нѣтъ, въ настоящее время измѣнилось самое отношеніе къ знанію, измѣнился методъ изслѣдованія, познаванія. Университетъ, конечно, дорожитъ практической цѣной знанія, какъ и всякая школа; но, какъ академія, университетъ дорожитъ еще болѣе идеальною любовью къ истинѣ и наукѣ, тою любовью, которую онъ сѣетъ въ сердцахъ слушателей,

[1]) «С.-Петербургскія Вѣдомости», № 298, отъ 4-го ноября 1883 г.

какъ наиболѣе драгоцѣнное сѣмя, потому что, при помощи этого сѣмени, студентъ будетъ уже въ состояніи самъ проложить себѣ путь къ положительному знанію. Такое доброе сѣмя можетъ посѣять только специалистъ, и никто, кромѣ его, не въ состояніи дать правильную оцѣнку всходу и росту этого сѣмени. Въ Россіи же спеціалистъ, проникнутый современнымъ духомъ изслѣдованія, есть синонимъ преподавателя университета, профессора. Какимъ же образомъ думать даже объ отдѣленіи экзамена отъ преподаванія? Сдѣлать, конечно, все можно; но какіе получатся результаты? Конечно, тѣ же, что и въ Германіи, если еще не худшіе.

Отдѣленію экзаменовъ отъ преподаванія, какъ мѣрѣ полицейской, преслѣдующей вовсе не академическія цѣли, насчитывается уже болѣе 50 лѣтъ. Въ 1825 году, изъ экзаменаціонныхъ комиссій Германіи профессора были совершенно устранены и роли экзаменаторовъ поручены практикамъ и отставнымъ профессорамъ; въ 1869 году, т.-е. 15 лѣтъ назадъ, въ той же Германіи, послѣ 50-ти-лѣтняго опыта, принципъ отдѣленія экзаменовъ отъ преподаванія былъ признанъ никуда негоднымъ и отмѣненъ. Почему? По многимъ причинамъ. Укажемъ двѣ главнѣйшія: *во-первыхъ*, научный уровень экзаменующихся значительно понизился, такъ какъ сами экзаменаторы, по необходимости, оказались людьми малосвѣдущими въ научномъ отношеніи, и, *во-вторыхъ*, преподаваніе упало до того, что обратилось въ диктовку отвѣтовъ на экзаменаціонную программу. Этихъ ли результатовъ хотятъ достигнуть завѣдомо негодной мѣрой? Или, можетъ быть, у насъ нашлись завистники Schnellassessorenfabrik въ Потсдамѣ? Эта фабрика скороспѣлыхъ асессоровъ, дѣйствительно, обязана своимъ существованіемъ разрыву между преподаваніемъ и экзаменомъ; она, дѣйствительно, въ нѣсколько мѣсяцевъ дрессируетъ молодыхъ людей къ экзамену, и громадное большинство прусскихъ чиновниковъ суть ея питомцы: но, по отзыву самого же прусскаго правительства, эти чиновники ни-

куда не годятся [1]). У насъ, въ Россіи, отдѣленіе экзамена отъ преподаванія поведетъ, по многимъ причинамъ, къ послѣдствіямъ, еще болѣе печальнымъ для общества и еще болѣе тяжкимъ для университетовъ.

Мы разсмотрѣли только одну изъ мѣръ, предложенныхъ въ проектѣ новаго университетскаго устава, обсуждаемаго нынѣ въ государственномъ совѣтѣ; потому только одну, что о ней именно встрѣтили упоминаніе въ періодической печати и, слѣдовательно, имѣли формальное право говорить только о ней. Даже болѣе—были обязаны. Вспомните по этому поводу заявленіе кн. Меттерниха Императору Александру I: «Ma conviction, Sire, est que dans tous les temps il est du devoir des hommes voulant le bien de parler, car dans tous les temps, et surtout dans les temps remués par les passions, les hommes voulant le mal, les vaniteux et les foux, parlent. Il faut donc ne pas leur abandonner tout à fait le terrain moral» [2])

Ломка университетовъ, проектируемая новымъ университетскимъ уставомъ, показываетъ, относительно положенія нашего учебнаго дѣла, что реформированіе начато съ конца. Заразивши источникъ, нельзя поправить дѣло у устья. «Политика», составлявшая до 1871 года удѣлъ незначительнаго меньшинства въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, вторглась въ заведенія среднія, введенная туда именно тѣми, которые думали искоренить ее въ заведеніяхъ высшихъ. Она прошла въ среднія учебныя заведенія подъ видомъ грамматической гимнастики, учебной формалистики, аттестатовъ зрѣлости, инструкцій, правилъ и всего аппарата катковскаго классицизма. Она прошла, конечно, подъ видомъ политики «бѣлой»: но бѣлая политика открываетъ двери и «красной». Послѣ недавнихъ опытовъ, ни для кого не секретъ, что разные юноши, замѣшанные впослѣдствіи по разнымъ политическимъ дѣламъ, являлись въ высшія заведенія вполнѣ «готовыми». Паче же

---

[1]) *Nasse*, Über die Universitäts-Studien und Staatsprüfungen. S. 23.

[2]) Metternich's Papieren, III, 400.

всего «бѣлая» политика, дѣйствующая мертвящими средствами внѣшней дисциплины, создаетъ тотъ тупой, своекорыстный и чуждый всякаго влеченія къ духовной жизни типъ «карьериста», который мы имѣемъ несчастіе наблюдать въ наше время.

Вмѣсто того, чтобы изгнать политику изъ среднихъ учебныхъ заведеній, ее хотятъ теперь ввести и въ университеты! Нѣтъ, пора бросить «политику» въ школьномъ дѣлѣ. Пора, очень пора; скоро будетъ уже поздно. Чѣмъ меньше будетъ въ нашемъ школьномъ дѣлѣ политики «бѣлой», тѣмъ меньше будетъ и политики «красной», а чѣмъ меньше будетъ той и другой, тѣмъ больше будетъ того, чего намъ очень и очень нужно—ученья.

Чѣмъ же, какъ не недостатками нашего ученья, какъ не малымъ распространеніемъ въ нашемъ обществѣ серьезнаго образованія, объяснить ту смуту понятій, которая надвинулась на насъ въ послѣднее время? Прислушайтесь, что говорятъ, прочитайте, что пишутъ, и скажите откровенно, куда мы идемъ? Шагъ впередъ и три назадъ. И, что̀ особенно плачевно, мы не сознаемъ своего положенія, закрываемъ глаза передъ фактами, какъ бы стараясь обмануть и себя, и другихъ. Мы всегда и во всемъ правы; во всѣхъ нашихъ невзгодахъ виноваты другіе. То нѣмецъ или англичанинъ намъ гадитъ; то нигилисты или анархисты задерживаютъ нашъ ростъ—всегда и во всемъ мы въ зависимости отъ другихъ. Прочтите газеты: паденіе нашего курса объясняется «весьма обострившимися отношеніями между Китаемъ и Франціею»; болгарскія неурядицы, столь близкія нашему сердцу,—«пребываніемъ князя Александра въ Вѣнѣ»; ожиданіе «со дня на день войны между Россіей и Германіей»—«измѣною *честнаго маклера* [1]) на берлинскомъ конгрессѣ» и т. д. Что же мы сами сдѣлали для того, чтобы курсъ не падалъ, если ужъ не повышался, чтобы наше вліяніе въ Болгаріи было сильно, чтобы въ столь серьезномъ вопросѣ, какъ война, не за-

[1]) Курсивъ въ подлинникѣ.

висѣть отъ другихъ, объ этомъ газеты благонамѣренно умалчиваютъ.

Чтобы курсъ стоялъ высоко, чтобы вліяніе было сильно, чтобы не желали войны съ нами,—для этого необходимо пользоваться кредитомъ, моральнымъ и экономическимъ, который вполнѣ зависитъ отъ насъ самихъ. Намъ довѣряютъ и насъ уважаютъ всегда настолько, насколько мы того заслуживаемъ. Ошибиться самому или ввести въ заблужденіе другихъ, въ этомъ отношеніи, невозможно. Ужъ который годъ мы сожалѣемъ Германію, «разъѣдаемую соціализмомъ», глумимся надъ «французскою республикою», предсказываемъ паденіе «гнилому западу», а эта Западная Европа, все процвѣтаетъ, обогащается, живетъ полною культурною жизнью и все съ бо̀льшимъ недовѣріемъ относится къ нашимъ рѣчамъ и еще съ бо̀льшимъ удивленіемъ взираетъ на наши дѣла. Въ тѣхъ же рѣдкихъ случаяхъ, когда мы обращаемся къ своимъ внутреннимъ дѣламъ, мы или грыземъ интеллигенцію, противопоставляя ей «народъ», или громимъ «самоуправленіе», или возстаемъ противъ гласныхъ судовъ, противъ независимыхъ мнѣній, даже противъ несогласныхъ съ нашими воззрѣній.

Только созидать мы не умѣемъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ наше отношеніе къ вопросу о преобразованіи мѣстныхъ учрежденій, вѣрнѣе, къ такъ называемой кахановской комиссіи. Въ послѣдній мѣсяцъ толки о работахъ этой комиссіи не сходили со столбцовъ газетъ. Вы знакомы съ этими толками и будете, вѣроятно, крайне удивлены, узнавъ, что всѣ проникшія въ печать свѣдѣнія о трудахъ этой комиссіи невѣрны.

Прежде всего, комиссія никакого проекта еще не выработала и министерство внутреннихъ дѣлъ никакого контръпроекта не представляло. Въ отдѣльныхъ кружкахъ комиссіи (въ подкомиссіяхъ, если хотите) разрабатываются въ настоящее время вопросы о сельскихъ обществахъ, объ участкахъ, взамѣнъ волостей, объ уѣздѣ и о значеніи въ немъ зем-

скихъ учрежденій. Эти предварительныя работы кружковъ были напечатаны и разосланы въ корректурныхъ листахъ всѣмъ членамъ комиссіи. Въ настоящее время получены замѣчанія отъ многихъ лицъ и, въ томъ числѣ, конечно, отъ представителя министерства внутреннихъ дѣлъ. Это не «контръ-проектъ», такъ какъ и «проектъ» еще не составленъ, а только «замѣчанія», которыя носятъ довольно опредѣленный и однообразный характеръ—всѣ они клонятся къ тому, чтобы оставить все попрежнему, по старому, сдѣлавъ незначительныя частныя измѣненія. Когда будетъ сдѣланъ сводъ всѣхъ кружковыхъ проектовъ и членскихъ замѣчаній на нихъ, тогда только эти своды будутъ обработаны и внесены въ комиссію для обсужденія и выработки окончательнаго проекта.

При такомъ положеніи работъ кахановской комиссіи, даже не возбуждался еще вопросъ о томъ, въ какой формѣ и при какихъ обстоятельствахъ общество будетъ призвано сказать свое слово о преобразованіи мѣстныхъ учрежденій, хотя никто не сомнѣвается, что это преобразованіе невозможно безъ участія общества. Вѣдь, задача, возложенная на кахановскую комиссію, есть, въ нѣкоторой своей части, довольно, впрочемъ, значительной, продолженіе той задачи, которая, 25 лѣтъ назадъ, была предложена обществу въ губернскихъ комитетахъ и редакціонныхъ комиссіяхъ.

Кахановская комиссія испытываетъ уже на себѣ все неудобство работы внѣ контроля общества, хоть бы и въ столь несовершенной формѣ, какъ органы гласности, печатающіе министерскій контръ-проектъ на несуществующій проектъ комиссіи. Укажемъ одинъ только примѣръ такого неудобства; полагаемъ, и его будетъ достаточно.

Сенаторскія ревизіи, производившіяся въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго царствованія, указали, въ тѣхъ или другихъ выраженіяхъ, но вполнѣ согласно, на необходимость создать низшую мѣстную власть, какъ исполнительный органъ земскихъ учрежденій. Одни находили, что уѣздъ — чрезмѣрно

большая территоріальная единица; другіе, что волость необходимо измѣнить; третьи, что волостное правленіе нужно уничтожить, но всѣ признавали, что низшая мѣстная власть, въ меньшей территоріальной единицѣ, должна вѣдать земскія дѣла, полицію и судъ (на правахъ мирового судьи) и быть исполнительнымъ земскимъ органомъ. Словомъ, былъ поднятъ вопросъ о земскихъ учрежденіяхъ. Какъ извѣстно, наши органы мѣстнаго самоуправленія менѣе всего управляютъ и администрируютъ; имъ предоставлено только обсуждать и вести пренія. У насъ органы мѣстнаго самоуправленія не включены даже въ общій составъ государственныхъ учрежденій, а считаются какими-то какъ бы частными общественными союзами, лишенными правъ и обязанностей государственныхъ. Членамъ кахановской комиссіи предстояло, поэтому, категорически высказаться, что такое земскія учрежденія: часть ли государственнаго управленія, или частные общественные союзы? Послѣ долгихъ дебатовъ, члены комиссіи согласились считать ихъ *правительственными учрежденіями*. Называть земскія учрежденія «правительственными», лишь бы не признать ихъ «государственными» — право, менѣе остроумно, чѣмъ объявлять Европѣ, что въ Россіи существуютъ «les corps politiques» и, въ то же время, переводить это понятіе на русскій языкъ выраженіемъ «*государственныя правительства*» [1]).

Чѣмъ же «правительственное земство» лучше «государственнаго правительства»? Отъ правительственнаго земства недалеко, конечно, и до «административнаго самоуправленія», подъ которымъ многіе теперь понимаютъ городское общественное управленіе, созданное положеніемъ 16-го іюня 1870 г. Защитники стараго порядка такъ именно и смотрятъ на общественное управленіе Петербурга.

На основаніи Высочайше утвержденнаго положенія 13-го

---

[1]) «Наказъ» комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, гл. IV, § 23 (изд. 1770 г.).

мая, государственный налогъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ Петербурга увеличенъ на 400.000 рублей. Выслушавъ докладъ объ этомъ городской управы, дума постановила: ходатайствовать объ отмѣнѣ этого постановленія или, по крайней мѣрѣ, объ отсрочкѣ введенія налога до болѣе благопріятнаго экономическаго положенія владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ города Петербурга. Съ точки зрѣнія самоуправленія, дума поступила вполнѣ основательно: она обязана ограждать своихъ довѣрителей отъ всякаго отягощенія и протестовать противъ всякаго увеличенія сбираемыхъ съ нихъ платежей (ст. 8); съ точки зрѣнія административной — строптиво и дерзко: дума не только не благодаритъ за новый сборъ съ города, но позволяетъ себѣ ходатайствовать объ отмѣнѣ этого сбора! Вся петербургская печать, безъ исключенія, высказалась въ этомъ именно послѣднемъ смыслѣ. Вотъ какова смута понятій! Но и этого оказалось мало: одна изъ газетъ считала полезнымъ для себя прикрыть свои административные взгляды на городское самоуправленіе жалостью къ мужику. Вотъ аргументація газеты:

„Нужно вспомнить происхожденіе незначительной прибавки къ обложенію недвижимыхъ имуществъ Петербурга. Цѣль прибавки не только вполнѣ гуманная, но сдѣланная *въ угоду общественному мнѣнію*. Извѣстно, что до сихъ поръ главная тяжесть налоговъ лежитъ у насъ на *мужикѣ* и падаетъ на его личный трудъ. Подушныхъ платежей сходитъ у насъ болѣе 200 мил. руб. въ годъ. Теперь сдѣлана, хотя и робкая, попытка переложить часть мужицкихъ подушныхъ платежей на имущество болѣе зажиточныхъ классовъ На первый разъ изъ 200 мил. переложено около 8 съ чѣмъ-то мил. Вотъ изъ-за этихъ-то 8 милліоновъ, изъ которыхъ 400.000 руб. пришлось по раскладкѣ на долю Петербурга, и загорѣлся сыръ-боръ въ думѣ. Тѣ же *радикалы*, которые проклинали подушныя повинности и жалѣли бѣднаго мужика, возопили, когда переложили на нихъ только микроскопическую частицу *мужицкой* тягости. Можно ли не возмущаться безстыдствомъ людей, просившихъ подоходнаго налога, который обложилъ бы ихъ не $^1/_4$%, какъ теперь, а 5 или 15% съ дохода, недавно еще *хоронившихъ Тургенева* на общественный счетъ, за то, что онъ такъ гуманно относился къ „*меньшой братіи*“? Тѣ же

господа теперь протестують, когда имъ предложили заплатить нѣсколько рублей въ пользу вышеозначенной меньшой братіи"[1]).

Оставимъ въ сторонѣ «радикаловъ», которыхъ нѣтъ въ петербургской думѣ, какъ нѣтъ и въ другихъ думахъ; оставимъ въ покоѣ Тургенева, даже похороны котораго опротестованы администраціей, и, прежде всего, устранимъ ложь: прибавка сдѣлана не только не «въ угоду общественному мнѣнію», но, какъ извѣстно, общественное мнѣніе не было даже спрошено о ней, и теперь, въ лицѣ петербургской городской думы, общественное мнѣніе высказалось прямо противъ этой прибавки. Зачѣмъ же лгать на общественное мнѣніе? Посмотримъ на дѣло прямо. Гласные петербургской городской думы изъявили готовность, даже болѣе — сами напрашивались платить «5 или 15% съ дохода», въ видѣ подоходнаго налога, который существенно облегчилъ бы подушные платежи «мужиковъ», и протестуютъ противъ сбора ¼% съ дохода, налагаемыхъ въ видѣ палліативной мѣры, дающей возможность только отсрочить разрѣшеніе вопроса о подоходномъ налогѣ. Кажется, ясно, кто именно заботится о «меньшей братіи». И что же въ этомъ «радикальнаго»? При чемъ тутъ похороны Тургенева? Газета приходитъ въ благонамѣренный ужасъ отъ такого «радикализма» гласныхъ въ столицѣ: «Да еще въ какой столицѣ! Въ Петербургѣ, съѣдающемъ почти половину всѣхъ государственныхъ доходовъ имперіи». Этотъ ужасъ оказывается весьма некрасиваго свойства: именно дума-то петербургская нисколько не повинна въ томъ, что Петербургъ «съѣдаетъ половину всѣхъ государственныхъ доходовъ имперіи», и не ею установлены тѣ условія столичной жизни, которыя въ значительной степени обезлюдили Петербургъ и обезцѣнили домовладѣніе.

Ударъ за ударомъ поражаетъ русское интеллигентное общество. И одинъ тяжелѣе другого! Телеграмма о смерти

---

[1]) «Новое Время», № 2754, отъ 28-го октября 1883 г.

Александра Ивановича Кошелева болѣзненно отозвалась въ сердцахъ нашихъ.

Года идутъ... И гаснутъ силы
Героевъ мысли и трудовъ,
И умножаются могилы
Людей недавнихъ тѣхъ годовъ.

Страшно и подумать, что Кошелевъ, быть можетъ,—послѣдній изъ нашихъ «героевъ мысли». Горячій патріотизмъ, умъ свободный, убѣжденія твердыя, здравыя мысли, языкъ прямой—гдѣ и въ комъ искать теперь героизма этого рода? Гдѣ такіе герои, кто они? Назовите ихъ! И эта чистая душа, жившая только думой о родинѣ, все болѣе и болѣе страдала и мучилась въ послѣдніе годы, видя, какъ лучшія надежды, самыя свѣтлыя упованія приводили къ разочарованію, нерѣдко къ обману. За годъ до смерти, Кошелевъ, съ сердечною болью отказываясь отъ многихъ уже надеждъ, писалъ:

„Не подлежитъ сомнѣнію, хотя и горько сознаться, что, въ послѣднее время, мы сильно двинулись назадъ и находимся теперь просто въ безвыходномъ состояніи. Не время теперь намъ открывать новую эру существованія... Не при нынѣшнемъ нашемъ настроеніи и не при существующей административной обстановкѣ мечтать намъ о водвореніи у насъ дѣйствительнаго порядка, желанной свободы и обезпеченности гражданъ“.

Какою грустью проникнуты эти строки, сколько въ нихъ патріотической заботы о нуждахъ родины, сколько горечи! И кто же написалъ эти строки? Человѣкъ вполнѣ обезпеченный, обладавшій большимъ состояніемъ, Кошелевъ могъ бы проводить жизнь въ удовольствіяхъ и окончить ее среди наслажденій, а не болѣть неустройствомъ родины, не страдать ея «безтолочью». Нѣтъ, онъ всю жизнь посвящаетъ политическому развитію отчизны и, въ предчувствіи близкой кончины, сознавая уже, что ему «остается жить недолго», пишетъ трактатъ о перемѣнахъ, которыя еще желательны, еще возможны.

Крестьянская и земская реформы наполнили всю жизнь

Кошелева-публициста и земца. Теперь трудно себѣ и представить, чтобы какая-либо брошюра могла произвести такое сильное впечатлѣніе на умы, какое произвела въ 1875 году его брошюра «Наше положеніе». Въ послѣдніе годы появился цѣлый рядъ такихъ брошюръ: «Что же теперь дѣлать?», въ 1879 г., «Гдѣ мы? Куда и какъ идти?», въ 1881 г., «Что же теперь?», въ 1882 г., и др. Читая эти брошюры, яснѣе сознаешь положеніе Россіи и начинаешь сильнѣе любить ее; патріотизмъ автора, честный и прямой, заставлялъ его раскрывать недостатки русскаго строя. Къ сожалѣнію, сфера вліянія писаній Кошелева была крайне ограничена тѣми условіями, въ которыя поставлена у насъ печать.

Старикъ такъ и умеръ среди ликованій его противниковъ, но и наканунѣ смерти онъ не переставалъ твердо уповать, что «насъ озаритъ лучъ надежды на лучшее, имѣющее наступить будущее».

Въ Петербургѣ полагаютъ (очень, впрочемъ, немногіе), что это лучшее будущее наступитъ съ образованіемъ единаго отвѣтственнаго министерства. Объ этомъ говорятъ, по крайней мѣрѣ, шепчутся; но говорятъ люди, не ушедшіе далѣе «правительственнаго земства» и «административнаго самоуправленія». Судите же, насколько подобные толки заслуживаютъ вниманія. Ихъ можно только отмѣтить и пройти мимо.

Съ 1-го ноября «С.-Петербургскія Вѣдомости» выходятъ подъ редакціею г. Авсѣенко, занявшаго постъ г. Комарова. Эта перемѣна редактора прошла совершенно незамѣченною петербургскимъ обществомъ. И неудивительно: газету эту никто не читалъ прежде, никто не читаетъ и теперь. Съ тѣхъ поръ, какъ, лѣтъ десять назадъ, было признано необходимымъ уничтожить «редакцію Корша», какъ «вредную», никакія усилія не могли пріучить публику къ чтенію того вздора, какимъ наполняли и наполняютъ эту газету господа Баймаковы, Комаровы, Авсѣенки и имъ подобные. Бывшіе сотрудники В. Ѳ. Корша основали, по выраженію Тургенева, свое «заве-

деніе», обратившись изъ вредныхъ въ «полезныхъ», и только Коршъ кончилъ свою труженическую жизнь съ честью, сохранивъ до гроба свои убѣжденія. Сотрудникамъ его, какъ оказалось, нечего было сохранять.

Какимъ мотивомъ руководствовались при замѣнѣ г. Комарова г. Авсѣенкомъ? Надо полагать, тѣмъ же, какъ и при замѣнѣ кн. Голицына г. Щебальскимъ въ «Варшавскомъ Дневникѣ»: оба новорожденные редактора взяты изъ числа сотрудниковъ «Русскаго Вѣстника», оба—вѣрные слуги своего патрона. Основать въ Петербургѣ и Варшавѣ филіальныя отдѣленія «Московскихъ Вѣдомостей»—вотъ видимый мотивъ.

Въ теченіе же первыхъ двухъ недѣль, оба новые редактора вполнѣ оправдали возлагавшіяся на нихъ надежды. Не говоримъ уже о читателяхъ, даже редакціи другихъ газетъ только руками разводятъ, прочитывая передовыя статьи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»! Вамъ, вѣроятно, показалась довольно рѣзкою моя характеристика статей этой газеты, которыя я называю вздоромъ; для подтвержденія моего отзыва привожу выписку изъ передовой статьи отъ 10-го ноября, озаглавленной «Государство и общество въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ»:

„Чтобы соединеніе людей стало государствомъ, въ немъ требуется присутствіе сознанія особаго рода. Въ чемъ же состоитъ сознаніе, дѣлающее соединеніе людей государствомъ? Сознаніе это состоитъ въ томъ, что соединеніе имѣетъ цѣль, и цѣль эта есть исполненіе его (кого же?) исторической задачи. Но что такое есть историческая задача и въ чемъ можетъ состоять ея сознаніе? Историческое то, что мѣняется во времени. Во времени все мѣняется. Историческая задача есть та, которая вызывается конечною дѣйствительностью. Государственный умъ есть тотъ, который въ состояніи уразумѣть ближайшую задачу историческаго бытія и усмотрѣть пути къ ея разрѣшенію. Проба государственнаго (чего?) есть вѣрность въ оцѣнкѣ дѣйствительности“.

Догадавшись, что «во времени все мѣняется», авторъ продолжаетъ:

...Любимѣйшая теорія нашего времени видитъ въ этомъ [illegible] ни [illegible] прогрессъ совершенствованіе [illegible] последовательное осуществленіе нѣкотораго разумнаго плана [illegible] этотъ планъ; умъ не въ силахъ [illegible] планъ, значитъ [illegible] или такъ или иначе сознать [illegible]

Что же это такое, спрашиваю я васъ [illegible] чистѣйшій [illegible] задачу необходимо [illegible] планъ, но планъ [illegible] Кого же вы заставите читать такой [illegible] тотъ же [illegible] новый — [illegible] въ статьяхъ [illegible] въ томъ же «Русскомъ Вѣстникѣ».

[illegible]

свыше 100.000 руб. чистаго дохода, сотрудникамъ, которые становятся, такимъ образомъ, собственниками изданія, и возбудилъ слухъ о скоромъ возобновленіи «Голоса». Никто не допускалъ и мысли, чтобы такая комбинація не увѣнчалась успѣхомъ. Сотрудники, становясь собственниками, представляютъ наиболѣе надежную гарантію, что поведутъ изданіе осторожно, естественно будутъ беречь его, какъ свою собственность. Съ другой стороны, установлялся такой важный прецедентъ въ столь сложномъ вопросѣ, какъ вопросъ объ отношеніяхъ между «хозяевами» и «рабочими», что, казалось, онъ былъ въ состояніи подкупить всѣ предубѣжденія. Наконецъ, такимъ путемъ восполнялся замѣтный пробѣлъ въ ежедневной петербургской печати, не имѣющей въ настоящее время представителя одного изъ направленій, несомнѣнно существующаго въ обществѣ. Par le temps qui court, всѣ эти расчеты оказались, однако, ошибочными.

Бывшіе сотрудники «Голоса», теперь собственники, избрали изъ среды себя г. Самойловича, завѣдывавшаго экономическимъ отдѣломъ «Голоса», своимъ представителемъ и будущимъ редакторомъ-издателемъ газеты. Въ началѣ ноября г. Самойловичъ обратился въ главное управленіе по дѣламъ печати съ просьбою, *во-первыхъ,* разрѣшить изданіе «Голоса» безъ цензуры, въ виду того, что подцензурное изданіе, печатаемое стереотипомъ, технически невозможно, и, *во-вторыхъ*, въ случаѣ разрѣшенія издавать «Голосъ», попрежнему, безъ цензуры, утвердить его въ качествѣ редактора газеты.

На это получился категорическій отказъ.

Въ литературныхъ кружкахъ Петербурга произвело впечатлѣніе и заставило говорить о себѣ появленіе въ продажу казанскихъ брошюръ [1]), посвященныхъ исключительно вопро-

[1]) *Н. Невзорова,* Руководящіе типы и воспитательный элементъ въ произведеніяхъ русской литературы послѣ Гоголя, Казань, 1883. *Его же,* И. С. Тургеневъ и его послѣднія произведенія, Казань, 1883. *Его же,* П. И. Мельниковъ и его литературное значеніе, Казань, 1883.

самъ литературы. Въ то время, какъ Петербургъ, занятый «матеріями важными», едва вспоминаетъ о произведеніяхъ литературныхъ, въ Казани читаются публичныя лекціи о Тургеневѣ, о Мельниковѣ, о литературныхъ типахъ вообще, и не только читаются и слушаются, но печатаются и расходятся въ видѣ брошюръ. Эти брошюры появились недавно въ книжныхъ магазинахъ Петербурга. Обращаютъ на себя вниманіе тѣ публичныя лекціи, въ которыхъ г. Невзоровъ старался представить «руководящіе типы въ произведеніяхъ русской литературы». Въ этихъ лекціяхъ нѣтъ ничего новаго: онѣ составлены по отзывамъ Бѣлинскаго и Добролюбова, Григорьева и Авдѣева, Писарева, Скабичевскаго, Шельгунова и др., даже до Е. Л. Маркова включительно; но онѣ составлены добросовѣстно, и читатель можетъ отдохнуть на нихъ душою, оторваться хоть на день отъ раздражающей желчь «злобы дня». И за это уже спасибо; но г. Невзорову мы обязаны еще большею благодарностью за тѣ мысли, на которыя наводятъ его брошюры.

Г. Невзоровъ ставитъ знамя литературы чрезвычайно высоко. «Литература, — говоритъ онъ, — обязана быть путеводною звѣздою для народа»; она обязана «поддерживать въ обществѣ естественное стремленіе къ разумной, счастливой жизни»; она должна «указывать путь къ счастливой жизни». Согласитесь, задача высокая, достойная разработки. Не вина г. Невзорова, если онъ, поднявъ такъ высоко знамя литературы, не былъ въ силахъ выдержать его на этой высотѣ при обзорѣ литературныхъ произведеній послѣ Гоголя. Легко сказать: *счастливая* жизнь! Да гдѣ же она? Гдѣ встрѣтить, не говоримъ счастливаго, но просто довольнаго человѣка, который не жаловался бы? Годъ назадъ, даже въ «Русскомъ Вѣстникѣ» было заявлено, что «едва ли есть въ настоящее время на протяженіи Россійской имперіи человѣкъ, который бы не жаловался». Въ самомъ дѣлѣ, кому живется счастливо, валь [illegible] на Руси? И если, отъ чего Боже упаси, окажется, что [illegible] то чего же недостаетъ обществу для счастья?

Не во гнѣвъ г. Невзорову, въ русской литературѣ, въ произведеніяхъ ея талантливѣйшихъ представителей, не трудно найти указанія, чего недостаетъ обществу для счастья. Поищемъ же, чего именно.

Прежде всего, въ средѣ простого народа, русскаго крестьянина. Прочтите Тургенева, который первый обратился къ народной жизни трезво, безъ сентиментальныхъ прикрасъ и барской спѣси. Въ «Запискахъ Охотника» передъ нами не «пейзане», а живые русскіе мужики, крѣпостные. Люди темные, они все же имѣли свои завѣтныя убѣжденія, горевали, проклинали свою долю, хотя были нетребовательны. Трудовое довольство, не лихой баринъ, здоровая помощница жена да дружная семья,—вотъ ихъ идеалъ жизни, даже счастливой, еслибъ рабство, какъ червь, не точило душу труженика. Но о свободѣ было запрещено и мечтать. Свободу надо было купить, и дорого купить у помѣщика; свободы же отъ мелкихъ пьявицъ, отъ «начальства», ничѣмъ купить было нельзя.

— Послушай-ка, Хорь, отчего ты не откупишься отъ своего барина?

— А для чего мнѣ откупаться? Теперь я своего барина знаю и оброкъ свой знаю.

— Все же лучше на свободѣ.

— Вѣстимо.

— Ну, такъ отчего же ты не откупаешься?

— Попалъ Хорь въ вольные люди, кто безъ бороды живетъ, тотъ Хорю и набольшій.

Больше баринъ ничего не допытывался отъ Хоря, да и допытываться было нечего.

«Крѣпостные» были лишены правъ на счастье. Хорошій баринъ былъ исключеніемъ. Люди продавались въ розницу и оптомъ; непосильный трудъ изнурялъ крестьянина. Горькія сожалѣнія о даромъ загубленныхъ силахъ народа, о его тяжеломъ, подневольномъ житьѣ, теперь, конечно, составляютъ анахронизмъ. Съ 19-го февраля 1861 г. для русскаго крестьянина взошла заря, но не взошло еще солнце; а пока оно взой-

детъ,—говоритъ народъ,—роса глаза выѣстъ. И ѣстъ уже,—прочтите гг. Успенскаго, Левитова, Златовратскаго. Безконечный трудъ изъ-за куска насущнаго хлѣба, безконечные поборы, натуральныя и ненатуральныя повинности, фактическая зависимость отъ крупнаго землевладѣльца, отсутствіе просвѣщенія лишаютъ и долго еще будутъ лишать русскаго крестьянина всякой надежды на счастье. Гдѣ оно, крестьянское счастье?

Волга, Волга! весной многоводной
Ты не такъ заливаешь поля,
Какъ великою скорбью народной
Переполнилась наша земля!
Гдѣ народъ, тамъ и стонъ...

Среди стоновъ искать счастливыхъ не приходится. Гдѣ же они?

Конечно, не въ купечествѣ русскомъ. Темное царство, изрѣдка прорѣзываемое безслѣдно пропадающими лучами, хорошо извѣстно. Въ немъ нѣтъ необходимѣйшихъ условій здороваго счастья. Подданный темнаго царства или забитъ, или озлобленъ; властелинъ—самодуръ. Подъ напоромъ новыхъ идей, мрачныя резиденціи Китъ Китычей превращаются въ роскошные салоны, ероѳеичъ замѣняется шампанскимъ, кафтанъ уступаетъ мѣсто фраку. То, что отцы наживали тяжелымъ трудомъ, ради чего они гнули спину, кривили душой и угнетали людей, съ быстротою молніи разлетается мишурною пылью, расточается дѣтьми. Разумно-сознательныхъ отношеній, серьезныхъ взглядовъ на жизнь, честнаго взгляда на общее благо нельзя встрѣтить между превращенными Китъ Китычами. На сторонѣ отца было преимущество силы и дѣятельности; самодуръ былъ стоекъ и трудолюбивъ; онъ руководился правилами, нелѣпыми, нерѣдко возмутительными, но правилами. Сынъ современнаго капиталиста, прежде всего, глупъ, чего, конечно, нельзя сказать объ отцѣ, и элегантенъ до пошлости; это—дрянное чучело, тщательно препарированное, надушенное и разукрашенное.

Поднимемся выше. Длинною вереницею проходятъ передъ нами Онѣгины, Обломовы, Рудины, Лаврецкіе. Это люди мысли, во всякомъ случаѣ, нерѣдко съ нѣжною. отзывчивою душою. Ну, и что же—счастливые это люди? Конечно, нѣтъ; но неизмѣримое преимущество ихъ передъ доморощенными представителями темнаго царства заключается въ сознаніи ими своего несчастія. Гуманныя стремленія Рудиныхъ взлетали на икаровыхъ крыльяхъ; Лаврецкіе не были способны пахать землю, но они не были способны и наслаждаться только эгоистическимъ счастьемъ. Капиталъ не былъ ихъ девизомъ; они не грабили сознательно народа. Русскій образованный дворянинъ 40 годовъ не эксплуататоръ, не пьявица, высасывающая кровь подневольныхъ людей; это—честная, нерѣдко идеально честная личность, съ гуманными порывами, даже стремленіями, но лишенная родной почвы, оторванная отъ нея. Тепличное растеніе русскаго просвѣщенія того времени не развилось, какъ слѣдуетъ, на открытомъ воздухѣ, на родной землѣ; но оно разбросало сѣмена, отъ которыхъ пошли другіе ростки, все болѣе и болѣе акклиматизируясь и размножаясь.

Воспитанный въ презрѣніи къ физическому труду, вполнѣ обезпеченный въ матеріальномъ отношеніи, русскій помѣщикъ, дѣйствительно, не находилъ себѣ дѣла. Дѣло находили Коробочка, Ноздревъ, Плюшкинъ. Къ счастливымъ принадлежало семейство Маниловыхъ. Но кто же захочетъ ихъ счастья или счастья Аѳанасія Ивановича съ супругой?

Просвѣщенное русское общество того времени находилось подъ вліяніемъ германской философіи, подъ обаяніемъ туманнаго романтизма. Въ душѣ носились неясныя, но гуманныя стремленія; въ полумракѣ часто мелькали яркіе метеоры, быстро пролетавшіе и исчезавшіе иногда безслѣдно. Зрѣлище, безъ сомнѣнія, красивое, но мало полезное. Мгновенный блескъ метеора недалеко освѣщалъ дорогу, и тьма потомъ казалась еще гуще, еще безотраднѣе. Русское просвѣщеніе не было

естественнымъ произведенiемъ русской жизни; оно было заимствовано и ненормально. Академiя не основывается прежде начальной и средней школы; она вырастаетъ изъ нея. У насъ же, прежде всего, является «десьянсъ» академiя.

Образованные люди были на Руси XVIII и XIX столѣтiя миссiонерами цивилизацiи, но не доходили до самоотверженiя, не могли спускаться до народа, и проповѣдь ихъ звучала для народа глухо, пропадала даромъ. Они искали дѣла и не находили его; дѣла для нихъ и не было. Гуманныя стремленiя были анахронизмомъ на Руси, не клеились съ старыми, полуазiатскими традицiями, съ исключительно церковнымъ, ультраправославнымъ направленiемъ. Поднимется ли рука бросить камень въ такого человѣка? Чѣмъ виноватъ европеецъ, выкинутый на островъ къ дикарямъ, что онъ не ремесленникъ, что онъ принесетъ имъ мало пользы? На что дикарю горячая декламацiя, зачѣмъ ему Фаустъ, германская философiя? Гуманность людей 40 годовъ могла только разсыпаться въ рѣчахъ; ихъ стремленiя поневолѣ были замкнуты въ кругѣ эстетическихъ наслажденiй, переходившихъ въ крайность и, потому, разслаблявшихъ душу и тѣло. У такихъ людей, дѣйствительно,

Если пасмурелъ день, если ночь не свѣтла,
Если вѣтеръ осеннiй бушуетъ—
Надъ душой воцаряется мгла,
Умъ, бездѣйствуя, вяло тоскуетъ.

Но, посмотрите, какая прекрасная, нѣжная душа у этихъ людей. Обезсиленный, смятый борьбою, потерявшiй надежду и вѣру, горемычный пiонеръ цивилизацiи на Руси молитъ мать вывести его на дорогу тернистую, спасти отъ окончательнаго паденiя:

Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви.

И невольно прощаешь этому слабому человѣку, невольно съ уваженіемъ вглядываешься въ это блѣдное, задумчивое лицо, слыша порою восторженную рѣчь или горькое самоосужденіе. Такіе люди созданы для общественной дѣятельности, для борьбы, а Россію сжимало въ своихъ мертвящихъ объятіяхъ мундирное чиновничество и безсердечная канцелярская форма душила мысль и чувство. За границею Рудинъ нашелъ себѣ дѣло: онъ бросился на баррикаду и погибъ. На Руси ему предстояло сдѣлаться, еслибъ онъ угомонился, вице-губернаторомъ, предсѣдателемъ казенной палаты, предводителемъ дворянства. Великій гражданинъ былъ невозможенъ на Руси: ему нельзя было вырости въ тѣхъ клѣтушкахъ, гдѣ благоденствовали мирные россійскіе обыватели.

Признаемъ же историческій фактъ: русское просвѣщеніе, русское дворянское просвѣщеніе было ненормально. Оно сослужило свою службу, принесло свою пользу, и представители его, во всякомъ случаѣ, заслуживаютъ симпатіи. Они не виноваты за свое паденіе; до романтизма ли, когда вокругъ свиститъ кнутъ, суетятся погоняемые имъ люди, замираютъ стоны, льется кровь?... Проклятое рабство! Да будутъ же прокляты Ноздревы, Чичиковы и имъ подобные мюриды, засѣвшіе въ селахъ, и да будутъ благословенны романтики-скитальцы, заронившіе тамъ и сямъ нѣсколько зеренъ, освѣтившіе кое-гдѣ свѣтомъ любви и правды темные углы царства русскаго!..

По мѣрѣ того какъ бѣднѣло дворянское просвѣщеніе, замирая и вырождаясь подъ вліяніемъ бытовыхъ условій, на сцену выступали иные люди. Сѣмена гуманной науки падали на невоздѣланную, грубую почву; вліяніе образованнаго, обезпеченнаго меньшинства проникало въ массу народа, изъ среды котораго появлялись судорожно бившіеся съ грязною волною люди. Положеніе такихъ людей было еще болѣе глубоко-трагично, чѣмъ положеніе ихъ старшихъ братьевъ по просвѣщенію. Сильная, чуткая природа быстро проникалась

гуманными убѣжденіями, душа рвалась къ излюбленнымъ идеаламъ, а жесткая дѣйствительность, затхлая, удушливая среда губили человѣка. Грошевые расчеты, грошевые интересы, невѣжество, цѣпкое и придирчивое, захватывали бѣдняка въ свой омутъ и били до тѣхъ поръ, пока не доводили его до смерти или безумія. И даже послѣдняго утѣшенія не оставалось такому человѣку: онъ сознавалъ, что гибель его безполезна, безсмысленна.

Нужда, печаль, тоска и скука,
Нѣтъ воли сердцу и уму...
Изъ-за чего вся эта мука—
Извѣстно Богу одному!
Ужъ пусть бы радость пропадала
Для блага хоть чьего-нибудь,
Была бы цѣль, душа-бъ молчала,
Имѣлъ бы смыслъ тяжелый путь.
Такъ нѣтъ! Какой-то врагъ незримый
Изъ жизни пытку создаетъ,
И, какъ палачъ неумолимый,
Надъ жертвой хохотъ издаетъ!

Въ каждой строкѣ слышенъ безнадежный вопль изболѣвшагося человѣка. А такіе люди не боялись работы, не отступали предъ борьбой; имъ не было нужды занимать силы, имъ не страшенъ былъ физическій трудъ. Если они и гибли, то не по собственной винѣ, а въ силу роковой неизбѣжности. Не русская жизнь производила Кольцовыхъ и Никитиныхъ, а европейское просвѣщеніе, посредствомъ людей такого закала, преобразовывало русскую жизнь.

За этими людьми слѣдуетъ новая формація, выступаютъ новые люди—нигилисты. Что бы ни говорили, остается несомнѣннымъ, что нигилизмъ былъ историческимъ явленіемъ на Руси. Нигдѣ не могъ онъ явиться въ такихъ непривлекательныхъ формахъ, какъ у насъ, при нашемъ умственномъ и нравственномъ убожествѣ, при самонадѣянномъ полуобразованіи и мальчишеской заносчивости. Нигилизмъ быстро дошелъ до геркулесовыхъ столбовъ нелѣпости, устами Базарова

рѣшилъ, что «Рафаэль гроша мѣднаго не стоитъ», замѣнилъ Шекспира сапогами, и еще быстрѣе исчезъ. Ему посвящена цѣлая литература, и разбирать здѣсь его особенности и значеніе въ русской жизни было бы неумѣстно. Въ нигилизмѣ, конечно, не было залоговъ для счастья; онъ самъ разъѣдалъ себя. Вѣчное отрицаніе, доходившее до смѣшного, не могло придать человѣку бодрости, направить его усилія къ твердо поставленной цѣли. Если нигилистъ «отрицалъ» самодовольно, то навѣрно былъ тупъ и неучъ; если же до отрицанія онъ доходилъ тяжелымъ путемъ, безотрадною борьбою, такъ счастья тутъ искать было нечего. Только крѣпкое чувство общественной связи, общественныхъ интересовъ, при законномъ и дѣятельномъ участіи въ достиженіи общихъ цѣлей, можетъ доставить образованному человѣку полную счастливую жизнь. А для этого слѣдовало запастись идеалами болѣе высокаго порядка, которыхъ нигилисты были лишены.

Еще раньше развитія нигилизма на Руси, среди мутнаго болота забилъ чистый ключъ, среди всеобщей апатіи и приниженности раздались голоса талантливыхъ людей, которые съ горячимъ воодушевленіемъ принялись за проповѣдь идей, не съ налета схваченныхъ, а глубоко продуманныхъ, прочувствованныхъ. Севастопольскій погромъ раскрылъ наше безпомощное безсиліе. Правительство принялось за реформы. Плотины, такъ долго запиравшія теченіе, были разобраны, и радостно, шумно понеслись волны...

Не суждено было оправдаться молодымъ мечтамъ, нельзя было передѣлать въ нѣсколько лѣтъ вѣковой общественный строй, перевоспитать людей, возмужавшихъ при крѣпостномъ правѣ и питейномъ откупѣ. Должна была начаться не шумная, не эффектно-красивая работа. Мало горячей любви къ человѣчеству, мало идеальныхъ только порывовъ! Какое дѣло народу, грубому, забитому народу до вашихъ благородныхъ, но туманныхъ стремленій, до вашихъ сладенькихъ идеаловъ? Путемъ горькаго опыта дошелъ русскій образованный чело-

вѣкъ до этой истины; она подѣйствовала на него отрезвляющимъ образомъ и лишила на время энергіи. Этотъ приготовительный процессъ русской общественной мысли былъ оконченъ и наступило время сознательной работы для ясно поставленной цѣли. Это переходъ изъ «дыма» въ ясное будущее, выраженный Литвиновымъ въ слѣдующей формѣ:

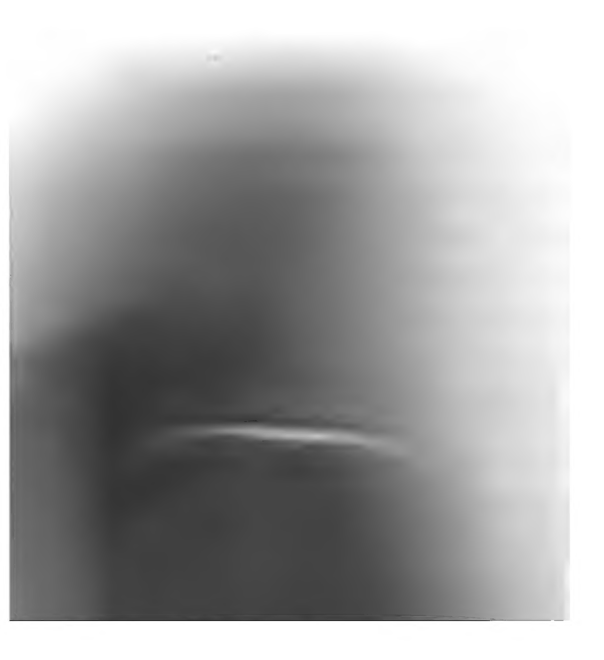
„Новое принималось плохо, старое всякую силу потеряло; неумѣлый сталкивался съ недобросовѣстнымъ; весь поколебленный бытъ ходилъ ходуномъ, какъ трясина болотная, и только одно великое слово *свобода* носилось, какъ Божій духъ, надъ водами. Терпѣніе требовалось прежде всего, и терпѣніе не страдательное, а дѣятельное, настойчивое... Но минулъ годъ, за нимъ минулъ другой, начинался третій. Великая мысль осуществлялась понемногу, переходила въ плоть и кровь; выступилъ ростокъ изъ брошеннаго сѣмени, и уже не растоптать его врагамъ, ни явнымъ, ни тайнымъ“.

За терпѣніемъ, прежде всего, знаніе. Рубить съ плеча оказалось дѣломъ увеселительнымъ, но и, по меньшей мѣрѣ, безполезнымъ. Легко утверждать и даже доказывать несостоятельность современнаго общества, но трудное дѣло добросовѣстно выработать себѣ общественные идеалы. Между тѣмъ, выработать ихъ необходимо, иначе придется жить изо дня въ день, не разсчитывая на будущее, не провѣряя настоящаго. Русскій человѣкъ, слѣдовательно, долженъ былъ на время уйти въ самого себя, подумать и взвѣсить все пережитое. Рудинъ и Лаврецкій, Онѣгинъ и Печоринъ, Базаровъ и Раскольниковъ были представителями своего времени, его стремленій, ошибокъ и надеждъ; у человѣка 70-хъ годовъ нѣтъ особенныхъ, ему только принадлежащихъ силъ и стремленій. *Нѣтъ*, поэтому, и *литературнаго типа*. Вѣдь, нельзя же героевъ, выводимыхъ беллетристами «добрыхъ намѣреній», считать за живыхъ, тѣмъ болѣе за русскихъ людей. Шпильгагенскій Лео, прозванный Свѣтловымъ, или Мракоразгоняевымъ, несмотря на сверхъестественную работу автора, выходилъ мѣлокъ и пустъ. Какъ ни старался романистъ придать излюбленному дѣтищу нѣчто важное и таинственное, какъ ни

старался онъ убѣдить читателя въ обширности и гуманности замысловъ своего героя, въ концѣ концовъ, чтобы прилично выйти изъ затруднительнаго положенія, пришлось, все-таки, выслать «дѣятеля» въ 24 часа за границу, гдѣ онъ собственно и долженъ стать героемъ. Дѣла для такихъ людей не существовало въ Россіи.

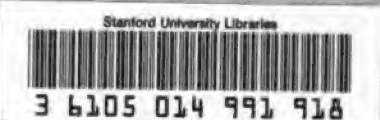
Если въ былое время это объяснялось историческими условіями, то для современнаго человѣка такія условія будутъ уже совершенно иныя. Дѣла для него много, очень много, но не разрушительнаго по преимуществу. Теперь требуется тщательная разработка, внимательное всестороннее изученіе и, наконецъ, терпѣливое, настойчивое примѣненіе. Великія реформы прошлаго царствованія обновили русскую жизнь, измѣнили ея основанія. Хотя эти реформы далеко еще не закончены, но, отправляясь отъ совершонныхъ уже реформъ, русскій образованный человѣкъ, путемъ серьезной, совѣстливой работы мысли, дойдетъ до ясныхъ общественныхъ идеаловъ и, шагъ за шагомъ, отстаивая и осуществляя ихъ, придастъ своей жизни ту стройную, разумную красоту, которой не доставало людямъ прежняго времени, за немногими исключеніями. Тогда только и явится новый литературный типъ новаго русскаго человѣка; тогда, быть можетъ, наступитъ эра счастья для русскаго общества. Но надо твердо помнить, что исходною точкою новаго пути къ этому новому счастью должны быть тѣ реформы, которыя во многомъ уже обновили русскаго человѣка. Только этотъ путь возможенъ, только этотъ путь желателенъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

	DATE DUE		

4

Того же автора:

Крестовый походъ императора Фридриха Втораго (магистерская диссертація). Спб., 1863.

Поповскій Король Генрихъ IV Распе (докторская досссертація). Спб., 1867.

Кириллъ и Меѳодій, въ двухъ томахъ:

I) по документальнымъ источникамъ. Спб., 1868.
II) по западнымъ легендамъ. Спб. 1871.

Дидро въ Петербургѣ. Спб., 1884.

Jeanne Elisabeth, mère de Catherine II. St. Pétersbourg, 1889.

Исторія Екатерины Второй, въ двѣнадцати томахъ:

I) Екатерина до воцаренія. Спб., 1890.
II) Воцареніе Екатерины. Спб., 1891.
XII) Обзоръ иностранныхъ сочиненій о Екатеринѣ. Берлинъ. 1896.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

въ книжномъ магазинѣ Товарищества М. О. Вольфъ.

С.-Петербургъ, Гостиный дворъ, № 18.